

ИСТОРИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

2025, Том 8, №6

Подписано к публикации: 11.08.2025

Главный редактор журнала
Скопа Виталий Александрович
доктор исторических наук, профессор

Члены редакционной коллегии:

Аккиева Светлана Исмаиловна (РФ, г. Нальчик) – доктор исторических наук
Акмурзаева Зухра Магомедаминовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Бойко Владимир Сергеевич (РФ, г. Барнаул) – доктор исторических наук, доцент
Бруз Владимир Виленович (РФ, г. Москва) – доктор исторических наук, доцент,
Быстренко Валентинова Ивановна (РФ, г. Новосибирск) – доктор исторических наук, профессор
Галиева Зайраш Идрисовна (Кыргызстан, Бишкек) – доктор исторических наук, профессор
Гарсаев Лейчий Магамедович (РФ, г. Грозный) – доктор исторических наук, профессор,
Гашимов Рамис Рамазанович (РФ, г. Дербент) – кандидат исторических наук, доцент
Головашина Оксана Владимировна (РФ, г. Тамбов) – кандидат исторических наук, доцент
Исакиева Зулай Сулимовна (РФ, г. Грозный) – кандидат исторических наук, доцент
Купченко Константин Владимирович (РФ, Смоленск) – кандидат исторических наук, доцент
Макарчук Сергей Владимирович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, профессор,
Мещеряков Константин Евгеньевич (РФ, г. Санкт-Петербург) – доктор исторических наук, доцент,
Мусаева Салихат Ибрагимовна (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук, профессор
Непомнящий Андрей Анатольевич (Респ. Крым, г. Симферополь) – доктор исторических наук, профессор
Пузыня Николай Николаевич (РФ, г. Иркутск) – доктор исторических наук, доцент
Сафин Фаиль Габдуллович (РФ, г. Уфа) – доктор исторических наук, профессор,
Сефербеков Руслан Ибрагимович (РФ, г. Махачкала) – доктор исторических наук
Столярова Гузель Рафаиловна (РФ, г. Казань) – доктор исторических наук, профессор,
Терехов Олег Эдуардович (РФ, г. Кемерово) – доктор исторических наук, доцент,
Тонких Владимир Алексеевич (РФ, г. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Фурсов Владимир Николаевич (РФ, Р. Воронеж) – доктор исторических наук, профессор
Худолеев Алексей Николаевич (РФ, г. Новокузнецк) – доктор исторических наук, доцент
Чайка Евгений Александрович (РФ, г. Славянск-на-Кубани) – кандидат исторических наук, доцент
Шаяхметова Венера Рюзальевна (РФ, г. Пермь) – кандидат исторических наук, доцент
Шкунов Владимир Николаевич (РФ, г. Самара) – доктор исторических наук, доктор педагогических наук
Ярцев Сергей Владимирович (РФ, г. Тула) – доктор исторических наук, доцент

«Исторический бюллетень» включен в перечень ВАК с 25.12.2020г., РИНЦ (Elibrary.ru)
Регистрационный номер СМИ: Эл № ФС77-78050 от 4 марта 2020г. Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ISSN 2658-5685 (online)

Е-mail: hb-journal@yandex.ru

Сайт: <https://hb-journal.ru>

DOI:10.58224/2658-5685-2025-8-6

© Исторический бюллетень, 2025

Содержание

Ибрахими М.И.И.

Исследование афганского общества за последние десять лет правления
Мохаммада Захир-шаха (десятилетие демократии Захир-шаха) 6-15

Токарев Г.А.

Аграрная политика США в 1800-х гг. в контексте доктрины прав штатов
(на примере «Аферы Язу») 16-24

Широкова Н.Д.

Историко-ретроспективный анализ основных направлений
и маршрутов русской эмиграции начала XX века 25-32

Фидарова К.К., Цомартов В.Р., Маргиев Д.Ю.

Медицинская дипломатия в холодной войне: роль СССР и США
в глобальных программах вакцинации 33-39

Чебарев В.В.

Образовательная деятельность офицерской артиллерийской
школы (ОАШ) в 1904 году 40-46

Антипов Е.Н.

Выставочная деятельность Советского фонда культуры за рубежом
(на примере выставки «100 лет русского искусства») 47-54

Кузнецов Е.В.

Плановая экономика на грани модернизации: анализ производственных
и финансовых показателей предприятий тяжелой промышленности
в условиях экономического эксперимента 1984 года 55-64

Пальчик В.Н.

Исторические предпосылки евразийской интеграции 65-72

Чэ Тунбо, Цзоу Хун

Нематериальное культурное наследие города Хулунбуира как благоприятная
основа для развития культурного туризма 73-81

Антипин В.Л.

Историография профсоюзного движения учреждений образования
СССР в период конца 1950-х до начала 1990-х 82-88

Смертин В.А.

Роль ОБСЕ в стабилизации политической ситуации в Таджикистане после 1997 года 89-95

Зими́на А.А.

Гуслицы: проблемы изучения старообрядческого подмосковного края 96-101

Курков В.В.

Актуальные аспекты изучения причинно-следственных связей в школьном
курсе истории на примере Отечественной войны 1812 г. 102-109

Штепа А.В., Кукушкин В.М.

Развитие железнодорожной сети на территории Калужской области в постсоветский период 110-114

Андриайнен С.В. Российская гвардия в огне Первой русской революции	115-120
Бернгардт Т.В. Формирование информационного поля о Великой Отечественной войне: библиографический ракурс	121-130
Надырова Э.И., Спичак А.В. Положение женщины в семье в арктической и приарктической зонах западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века	131-137
Волков А.С. Историко-хронологическое исследование с использованием методов астрономической хронологии, официально принятых в исторической науке датировок Элейской, Коринфской и Беотийских войн	138-148
Кун Вэйжань Историческая роль женщин в культурной преемственности в смешанных китайско-русских семьях	149-154
Курков В.В. Севастополь и Порт-Артур: к истории героической обороны и падения главных приморских крепостей Российской Империи – сравнительно-исторический метод в учебном процессе	155-161
Шалькова В.А. Монастыри средневековой Руси: культурно-просветительная миссия и социальная роль	162-166
Шарапов М.А. Малое предпринимательство Казани в условиях экономической нестабильности (1985-1999)	167-174
Надырова Э.И., Спичак А.В. Развитие положения женщин в семье в Арктике в середине XIX – начале XX века	175-181
Дыганов В.П. Нормандская элита первой половины XI века в нормандских источниках	182-188
Голованова А.К., Савенко Е.Н. Коллекция самиздата А.И. Фета – источник изучения общественных настроений в СССР второй половины XX в.	189-201
Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А., Гаевская И.И., Костенко Р.В. Деятельность Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период 60-х – 70-х годов XX века и его вклад в развитие инфраструктуры города Краснодара	202-210
Ибрахими М.И.И. Роль Пакистана и Ирана в создании семи и восьми антисоветских суннитских и шиитских партий в Афганистане (1979-1989)	211-217
Иванов П.А. Ли Хунчжан на страницах газеты «Русский инвалид»	218-229

Киркин А.А. Культурно-историческая концепция О. Шпенглера: революционная критика марксистов (1920-х гг.) и метафизическое прочтение мыслителей Серебряного века (1920-50-х гг.)	230-237
Матвеева Н.С. Реформирование школьного образования в Чувашской АССР во второй половине XX века	238-242
Астанина Л.В., Шуралёв А.В. К истории российского казачества (современные аспекты)	243-247
Соболькова С.С., Куделин А.А. Официальная и неофициальная позиция Великобритании в отношении оккупации Египта	248-258
Костылева В.Р., Хаяров Д.Г., Гашенко В.А., Сотникова Е.В. Отечественная снайперская оптика. Исторический анализ	259-264
Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Историческая несостоятельность фашистских идеологий в общественном становлении	265-270
Вититнев С.Ф., Шмелева А.В., Яснитский Н.А. Идеи гуманизма в произведениях английских писателей и историков как инструмент познания и преобразования социально-политического устройства	271-277
Григорьев К.Ю. Источники по истории строительства Чебоксарской ГЭС в фондах РГАЭ: историко-архивоведческий аспект	278-284
Ибрахими М.И.И. Исследование факторов и причин провала действий США в Афганистане в период с 2001 по 2021 год	285-298
Новиков М.С. В поисках идеального вооружения для истребительной авиации. Вторая половина 1920-х – первая половина 1930-х гг.	299-305
Решетников Г.В. Борьба между золотым и серебряным стандартом на президентских выборах 1896 года	306-311
Толчинская Т.И. Культурно-исторический подход изучения издательской деятельности на Северном Кавказе	312-317

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94(100)

Исследование афганского общества за последние десять лет правления Мохаммада Захир-шаха (десятилетие демократии Захир-шаха)

¹ Ибрахими М.И.И.,
¹ Московский педагогический государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается афганское общество в последние десять лет правления Мохаммада Захир-шаха, или десятилетие демократии эпохи Захир-шахи (с 1963 по 1973 год). Первоначально тематика включала политические, социальные и культурные события того периода, принятие новой конституции и возникновение различных политических партий, стремившихся возродить демократические ценности и права человека. Затем результаты этого исследования выявляют проблемы и возможности, существовавшие в то время. В этот период были заметны экономические и социальные реформы, повышение уровня образования и политической сознательности молодежи, а также улучшение атмосферы свободы слова; однако растущее общественное недовольство, политическая коррупция и экономические проблемы быстро ослабили основы государственного управления. В статье показано, что, несмотря на усилия по институционализации демократии, отсутствие реагирования на основные потребности людей и неспособность управлять кризисами привели к политической и социальной нестабильности и в конечном итоге к падению правительства Мохаммада Захир Шаха.

Ключевые слова: Десятилетие демократии, афганское общество, правление Захир-шаха, возможности и проблемы

Для цитирования: Ибрахими М.И.И. Исследование афганского общества за последние десять лет правления Мохаммада Захир-шаха (десятилетие демократии Захир-шаха) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 6 – 15.

Поступила в редакцию: 7 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

A study of Afghan society during the last ten years of Mohammad Zahir Shah's rule (Zahir Shah's Decade of Democracy)

¹ Ibrahimi M.I.I.,
¹ Moscow Pedagogical State University

Abstract: the article examines Afghan society in the last ten years of Mohammad Zahir Shah's rule, or the decade of democracy of the Zahir Shahi era (from 1963 to 1973). Initially, the topic included the political, social and cultural events of that period, the adoption of a new constitution and the emergence of various political parties seeking to revive democratic values and human rights. The results of this study then reveal the problems and opportunities that existed at that time. During this period, economic and social reforms, an increase in the level of education and political awareness of young people, as well as an improvement in the atmosphere of freedom of speech were noticeable; however, growing public discontent, political corruption and economic problems quickly weakened the foundations of public administration. The article shows that despite efforts to institutionalize democracy,

the lack of response to the basic needs of the people and the inability to manage crises led to political and social instability and eventually to the fall of the government of Mohammad Zahir Shah.

Keywords: A decade of democracy, Afghan society, Zahir Shah's rule, opportunities and challenges

For citation: *Ibrahimi M.I.I. A study of Afghan society during the last ten years of Mohammad Zahir Shah's rule (Zahir Shah's Decade of Democracy). Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 6 – 15.*

The article was submitted: April 7, 2025; Approved after reviewing: June 9, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Правление Мохаммада Захир-шаха, длившееся с 1933 по 1973 год, признано важным и решающим периодом в современной истории Афганистана. В этот период в стране произошли многочисленные политические, социальные и экономические события, последствия которых ощущались еще долгое время после падения режима. Мохаммад Захир Шах стал символом преобразований и модернизации в Афганистане и пытался вести страну к демократии и прогрессу путем проведения фундаментальных изменений; особенно в последнее десятилетие его правления, известное как «Десятилетие демократии». Одной из самых ярких особенностей этого периода стало принятие Конституции 1964 года, которая не только установила парламентскую систему, но и гарантировала основные права и свободы граждан, а также заложила основу для создания новых политических институтов, таких как парламент и политические партии. Закон предоставил гражданам Афганистана возможность участвовать в политических процессах страны и слышать различные социальные и политические голоса. Одним из самых выдающихся социальных достижений этого периода стало увеличение доли образованных людей, особенно доступа женщин к образованию и формальным рабочим местам. В этот период женщины отстаивали свои права и добились гражданских и социальных свобод, были приняты законы, которые предоставили женщинам больше прав и стали важным шагом на пути повышения их статуса в афганском обществе.

Однако возникновение этих изменений, по-видимому, не удовлетворило все слои афганского общества. Внутренние проблемы, включая традиционное и консервативное отношение к социальным и политическим изменениям, решительно противостояли экспериментальной демократии. Во многих районах, особенно в сельской местности, традиционные взгляды и религиозные верования преобладали над современными изменениями, что приводило к глубокому социальному разделению. Тем временем различные социальные классы

анализировали новую ситуацию и в некоторых случаях сопротивлялись переменам.

Кроме того, этническая напряженность была названа серьезным препятствием для политического развития Афганистана. Афганистан – многонациональная страна с высоким этническим и культурным разнообразием. В этот период этнические и племенные конфликты находились под сильным влиянием политических событий, и часть общества считала, что новые изменения происходят в пользу определенной этнической группы. Такое отношение привело к росту недовольства и конфликтов, что в последующие годы привело к политической нестабильности.

Помимо внутренних проблем, на политическую ситуацию в Афганистане также оказали влияние глобальные события и внешние факторы. В 1960-х и начале 1970-х годов холодная война привела к обострению конкуренции между крупнейшими мировыми державами. Влияние СССР и США в Афганистане привело к формированию сложных политических и военных отношений. Афганистан привлек внимание крупных держав из-за своего стратегического положения, что усугубляло внутренние сложности. Из-за потребности в экономической и военной помощи Афганистан подвергался международному давлению, что усиливало внутреннюю напряженность.

Наконец, социальные и политические события во время правления Мохаммада Захир-шаха не только дали начало новым надеждам и чаяниям народа Афганистана, но и стали платформой для более глубоких кризисов. В 1973 году Захир Шах был свергнут в результате переворота, организованного Дауд-ханом, и сослан в Италию. Это изменение непосредственно ознаменовало конец периода экспериментальной демократии и начало новой эры беспорядков и политических событий в Афганистане. В последующие годы страна двигалась к гражданской войне и, наконец, к прямому советскому присутствию в 1979 году.

Материалы и методы исследований

В данной работе использован качественный историко-политический метод исследования, включающий анализ первоисточников, архивных доку-

ментов, официальных текстов Конституции 1964 года, стенограмм заседаний Лойи джирги, а также мемуаров и выступлений ключевых политических фигур того времени, таких как Мохаммад Захир Шах, доктор Мохаммад Юсуф и Сардар Дауд Хан. Также применялись элементы сравнительно-исторического анализа для сопоставления политических и социальных процессов в Афганистане с аналогичными тенденциями в других странах с переходной демократией. Использован критический анализ научной литературы, включая труды как афганских, так и западных исследователей, с целью выявления факторов, способствовавших и препятствовавших демократизации. В работе применялся метод контент-анализа политических дискурсов, а также изучение прессы и публичных реакций на реформы, что позволило реконструировать общественное восприятие и степень включенности различных социальных групп в политический процесс.

Результаты и обсуждения

Действительно; последнее десятилетие правления Мохаммада Захир-шаха было не только попыткой модернизации и демократизации Афганистана, но и напоминанием о серьезных проблемах и препятствиях на пути социального и политического прогресса. В этой статье мы намерены рассмотреть различные аспекты социальных, политических и экономических событий этого периода и рассмотреть причины и последствия проблем и напряженности в афганском обществе.

1. Возрождение демократии и его предпосылки

Самым фундаментальным вопросом при обсуждении демократии является вопрос о том, каковы условия для ее формирования и развития. Афганистан – одна из самых разнообразных в этническом, расовом, религиозном и языковом отношении стран в мире. О существовании этнических групп в Афганистане известно из трудов Каяума Саджади, цитируемых Эрвином Арвалом, 55. 57 Еще одно мнение о числе этнических групп, проживающих в Афганистане, заключается в том, что Индия с ее крупнейшим этническим и религиозным плюрализмом смогла стать одной из лучших моделей демократии в мире, что характерно и для Афганистана. В западных странах это проявляется в таких областях, как религиозная реформа, секуляризация, просвещение и народная свобода. Различия в гражданской власти Востока и Запада заставляют нас говорить о существовании некой основы, что может быть проще, так это вопрос о происхождении демократии, которая формируется из вершины пирамиды общества и государственных деятелей или из основания пирамиды общества народных масс, а также о том, насколько по-

литическая культура власти в направлении участия существует для формирования в демократической стране. Афганистан – страна, которую невозможно себе представить [5, с. 45].

2- Ратификация Конституции 1954 года.

Одним из достижений Десятилетия демократии является принятие первой конституции. Первой задачей, порученной доктору Юсуфу, была разработка новой конституции, которая соответствовала бы текущей ситуации. Премьер-министр д-р Юсуф сразу же приступил к разработке проекта третьей конституции после представления кабинета министров. Первая конституция вступила в силу во время правления Амануллы-хана. Вторая конституция времен Надир-хана вступила в силу в 1929 году и называлась «Политические принципы». Третья конституция вступила в силу в 1964 году с приходом к власти доктора Юсуфа. После формирования кабинета министров доктор Юсуф сформировал комитет из семи человек для разработки конституции, который выглядит следующим образом:

Сайед Шамсудин Маджрах, министр юстиции в качестве председателя комитета, Сайед Касим Рахштия, министр печати, член, д-р Наджмуддин, советник министерства образования, Мохаммад Муса Шафик, директор юридического факультета, д-р юридического факультета Кабульского университета, член [10, с. 350].

В это время в рамках подготовительной работы по конституции, обеспечивающей демократию, Министерство внутренних дел пересмотрело формирование местных единиц для подготовки к демократическим выборам и разделило страну на 27 провинций. Целью новых разделений было сблизить людей и правительственных чиновников и облегчить им общение, чтобы идея демократии могла легко возникнуть в общественном мнении [18, с. 108].

Целевая группа начала работу над проектом конституции и через несколько месяцев подготовила проект конституции, который после оценки кабинета министров и одобрения правительства был опубликован в газетах и прессе страны. Для реализации указанного закона 18 сентября 1964 года была проведена Лойи джирга, и после десятидневного рассмотрения Лойи джирга одобрила и утвердила его, о чем будет сказано ниже. А король Афганистана Мохаммад Захир Шах подписал новую конституцию. До сих пор работа «нового правительства» продвигалась успешно, и, по всей видимости, не было никаких препятствий для реализации его планов. Но это продолжалось недолго, и вскоре правительство доктора Юсуфа столкнулось с первым потрясением в лице оппозиции Сардара

Дауда и его последователей. Причиной этого было то, что вопрос расследования положения заключенных и политзаключенных вызывал дискомфорт у Сардара Дауда. Конечно, Дауд Хан освободил ряд интеллектуалов, прежде чем уйти в отставку с поста президента. Некоторые из них, такие как Сарвар Джоя, Али Аскар Шоджа, были убиты в тюрьме в результате физических и психологических пыток, в то время как другие находились в заключении. Когда новое правительство захотело назначить делегацию для расследования дела заключенных, министр внутренних дел Сайед Абдулла Хан, сторонник Сардара Дауда, выступил против, посчитав, что делегация докажет невиновность некоторых и навредит Дауду Хану и его сторонникам. Когда кабинет одобрил делегацию, он подал в отставку, а Сардар Дауд Хан выступил в его поддержку и попросил своего болельщиков воздержаться от сотрудничества с новым правительством. Конечно, возражения Сардара Дауда против Комитета по разработке Конституции заключались также в том, что указанные лица не были назначены для разработки Конституции. Были и другие причины, о которых мы поговорим позже. Причина, по которой шах хотел разработать и принять новую конституцию, заключалась в том, что необходимость преобразований в стране и разработки новой конституции давно осознавалась в королевской семье и среди окружения Мохаммада Дауда Хана. И эта конституция создала условия для реализации стремлений людей, не принадлежащих к королевской семье, к власти [4, с. 19].

Существовали две основные идеи модернизации государства и развития демократии. Первая идея, высказанная городской интеллигенцией и образованными людьми, основывалась на отделении монархии от правительства и создании правительства, основанного на голосовании народа, и была мнением Национального собрания. Они хотели внедрения современной демократии, такой как разделение властей, свобода слова и создание демократической среды. Вторая идея была предложена в конце 1962 года Сардаром Мохаммадом Даудом, предполагавшим реформирование правительства сверху донизу. Содержание программы, раскрытое позднее в 1974 году, включало два основных пункта. Преобразование единоличного правления в партийное на основе образования единой партии и передачи ей всех полномочий. Во-вторых, запрет членам королевской семьи, включая самого генерала, вмешиваться в политические и государственные дела. Конституция 1964 года была разработана с недовольством Дауда Хана и его сторонников. И этот закон занимал особое

место в конституциях Афганистана с точки зрения баланса взглядов традиционалистов и модернистов. Конституция была направлена как на сохранение политических принципов ислама, так и на реагирование на социальные потребности и изменения [6, с. 167].

3. Положение афганского народа в десятилетие демократии

С приходом к власти доктора Юсуфа по всему Афганистану было обещано провести ряд реформ во всех политических, экономических, социальных и культурных сферах для обеспечения демократии и социальной справедливости. Он призвал всех людей, особенно молодежь, сотрудничать с правительством и объединить усилия в реализации этих великих идеалов. После долгой задержки 31 марта было опубликовано заявление, согласно которому доктор Юсуф поручил министру внутренних дел назначить делегации для изучения положения заключенных в Кабуле и провинциях и подготовки отчета. Любой инспектор в 1953 году мог стать свидетелем пыток заключенных. 2 апреля премьер-министр объявил о создании комитета по координации деятельности по развитию, поскольку заключенные содержались в средневековых условиях. В состав комитета вошли заместители министра торговли, образования, экономики, планирования и здравоохранения, горнодобывающей промышленности и промышленности. Первой задачей во внутренней сфере было обследование состояния заключенных, которое, с одобрения чрезвычайной комиссии, должно было освободить в первую очередь заключенных, не имевших ясного дела и обязательства. А дела других задержанных без очереди и иерархии должны быть рассмотрены той же чрезвычайной комиссией и по ним должно быть принято решение. В целях развития сельского хозяйства в Афганистане и создания благоприятных условий, здорового орошения сельского хозяйства, землеустройства, продвижения и принятия новых методов ведения сельского хозяйства и животноводства, обеспечения относительной справедливости между производителями и потребителями, создания сельскохозяйственных кооперативов и установления хороших отношений между владельцами и арендаторами Министерство сельского хозяйства провело в Кабуле сельскохозяйственный конгресс [4, с. 138].

На Конгрессе обсуждались различные факторы. Одной из причин нехватки продовольствия в Афганистане являются не только стихийные бедствия и неблагоприятные природные условия в отдельные годы, но и тот факт, что во многих случаях наше сельскохозяйственное производство сокра-

тилось. Премьер-министр д-р Юсуф обобщил причины нехватки продовольствия тремя элементами:

Во-первых, улучшить работу медицинских учреждений, которые предотвратили распространение эпидемических заболеваний и детскую смертность.

Во-вторых, расходы на проекты развития привели к повышению заработной платы тех, кто работает над этими проектами, и увеличению спроса на продукты питания, особенно на продукты питания, которые являются источником энергии.

В-третьих, в последние годы обеспечение продовольствием жителей Кочи в течение всего года легло на плечи отечественных производителей. Премьер-министр добавил, что в прошлом кочевое население Афганистана проводило часть года за пределами страны, где зарабатывало на жизнь плодами своего труда. Однако недавно правительство Пакистана создало проблемы с их проходом, и мы ожидаем, что правительство пересмотрит это решение, поскольку это традиционное право кочевого народа Афганистана. Премьер-министр добавил, что следует отметить, что политической независимости для нации недостаточно, но политическая независимость должна дополняться экономической независимостью, то есть использованием всех ресурсов страны. Политическая независимость была достигнута ценой крови и жертв наших отцов, и мы обязаны этим тем бескорыстным людям, которые пожертвовали собой таким образом. Но теперь эту независимость необходимо использовать для обеспечения экономической независимости и процветающей, достойной жизни всего афганского народа. Премьер-министры подтвердили, что правительство не откажется от усилий по повышению уровня сельскохозяйственного производства. Но только усилия и чувство самопожертвования всех классов скотоводов, крестьян, землевладельцев, деревни, составляющей более 80 процентов населения, могут спасти страну от бедствия. В результате можно сказать, что с началом правления доктора Юсуфа качественные изменения в социальной и культурной жизни стали очевидны. Положение людей изменилось. Было создано общенациональное просветительское движение во всех областях, особенно в сфере образования [17, с. 157].

4. Состояние прессы в десятилетие демократии
Десятилетие демократии в Афганистане, особенно под руководством доктора Мохаммада Юсуфа, министра горнодобывающей промышленности и промышленности, а затем премьер-министра, признано важной главой в политической истории страны. После назначения Юсуфа премьер-министром шах Мохаммад Захир Шах

настоял на создании новой конституции и назначил его на эту важную должность [9, с. 137].

С этой целью была сформирована комиссия из семи экспертов под руководством министра юстиции Сайеда Шамсуддина Маджруха. Комиссия завершила разработку проекта конституции 24 мая 1963 года, после чего шах созвал Лойи джиргу, состав и характеристики которой были изменены в соответствии со статьей 78 новой конституции.

В соответствии с реформами членам королевской семьи было запрещено заниматься политической деятельностью, в частности, Мохаммаду Давуд Хану. 18 сентября 1954 года совет из 400 членов одобрил конституцию конституционного периода, положив конец абсолютной монархии Надиршаха.

С принятием новой конституции атмосфера репрессий и угнетения, царившая в период президентства Дауда, была нарушена, а свобода слова и прессы в этот период относительно возродилась. В кабинете доктора Мохаммада Юсуфа министром информации и культуры был назначен Мохаммад Хашим Миандовал, опытный журналист и политик. Он старался установить больше контактов со студентами и предоставить площадку для обмена мнениями и культурных мероприятий [2, с. 148-150].

Однако обстоятельства были не совсем ему по душе. Русские, недовольные влиянием Миддлволла и позитивными событиями в стране, спровоцировали демонстрации и общественное сопротивление новому правительству. Эти меры привели к росту недовольства среди молодежи и студентов и стали причиной митингов против правительства [12, с. 54-55].

Избрание Миддлволла премьер-министром стало не только хорошей новостью для Запада, но и серьезной угрозой для России. В отличие от многих других политиков, Майвандвал не хотел поддаваться влиянию иностранных держав, и это отчетливо отражалось в его политических взглядах. С другой стороны, американцы также приветствовали его приход к власти и обещали Афганистану экономическое сотрудничество.

Наконец, Майвандвал совершил большую ошибку при выборе министра иностранных дел и назначил на этот пост Нура Ахмада Этемади. Впоследствии, в связи с растущей критикой со стороны Национальной ассамблеи и давлением общественности, работа правительства подверглась серьезным испытаниям. Коррупция выявила серьезные недостатки в работе правительства, и против членов правительства и парламентариев были выдвинуты обвинения в коррупции.

Студенческие протесты в университетах и других учебных заведениях усилились, и общество столкнулось с более серьезными проблемами. Однако у Этемади были хорошие отношения с левыми группами и Мохаммадом Даудом, как с оппозицией в обществе, но эти отношения не предотвратили внутреннюю напряженность.

В результате эта шаткая ситуация привела к потере доверия к премьер-министру, который 28 июля 1971 года понял, что не может ответить на вопросы Национальной ассамблеи, и в конечном итоге был вынужден уйти в отставку. Эти события наглядно отражали многочисленные социальные, политические и экономические проблемы, с которыми Афганистан столкнулся в этот период.

5. Политические партии, движения и организации в десятилетие демократии

В Афганистан исламистские идеи проникли в страну в середине XX века через афганских студентов исламских университетов, особенно Аль-Азхар в Египте. Этот процесс привел к формированию в 1968 году Исламского движения Афганистана под руководством профессора Гулама Мохаммада Ниязи. В ядро движения вошли такие ключевые фигуры, как Бурхануддин Раббани, Гульбеддин Хекматияр и Абдул Рахим Ниязи, и оно сосредоточилось на возрождении исламских ценностей и критике легитимности правящего режима. Исламское движение действовало среди студентов и духовенства через мечети и научные центры и стремилось установить исламскую систему и справедливое распределение власти [3, с. 270-271].

Наряду с Исламским движением в Афганистане сформировались и левые партии. Новая демократическая партия (Вечный огонь) была основана в 1965 году и была известна как левое маоистское движение. В 1970 году партия пережила, несколько расколов из-за идеологических разногласий и внутренней нестабильности, что привело к формированию различных групп, в том числе различных фракций во главе с такими видными деятелями, как Абдул Маджид Калкани и Мохаммад Акрам Яри [15, с. 265].

Народно-демократическая партия Афганистана была основана в 1965 году под руководством Нура Мохаммада Траки и Бабака Кармаля. Партия долгое время находилась под влиянием советской политики и в результате внутренних разногласий разделилась на две фракции: «Народную» и «Флаг». Народная фракция во главе с Траки и фракция Парчам во главе с Кармелем продолжили свою политическую деятельность и постепенно оказывали давление на левые силы в Афганистане [15, с. 258].

В 1969 году под руководством профессора Халилуллы Халили была основана Партия национального единства, также известная как Партия Зарангар. Партия стремилась обеспечить национальное единство и демократию в рамках монархии, но распалась с отъездом Халили за границу [15, с. 248].

Прогрессивное демократическое общество (Равенство), основанное в 1966 году, ставило перед собой цели, соответствующие социальным и культурным реформам. Партия также раскололась, и ее члены обратились к другим политическим движениям [7, с. 19].

Аналогичным образом, в 1965 году была основана Афганская национальная партия, основным подходом которой был афганский национализм и акцент на превосходстве пуштунского народа. Партия раскололась под давлением правительства и конкуренции с другими политическими группами [16, с. 335].

Такие ключевые фигуры, как Мохаммад Тахир Бадахши, также основали церемонию ожидания в 1968 году, которая позднее была переименована в Революционную организацию трудящихся Афганистана (SAZA). Бадахши работал на основе взглядов «неуставщины» и справедливого решения национального вопроса [15, с. 254].

В целом, в течение этого десятилетия в Афганистане сформировались различные политические движения и партии, каждое из которых стремилось реализовать свои идеалы в соответствии с конкретными социальными и политическими условиями того времени. Эти движения боролись за власть и влияние на будущее Афганистана и кардинально изменили политическую атмосферу в стране.

6 - Внешняя политика Мохаммада Захир-шаха в десятилетие демократии (1342-1352)

Правительство Мохаммада Захир-шаха, пришедшее на период относительной демократии и политического развития Афганистана, столкнулось со многими проблемами в области внешней политики. Сардар Мохаммад Хашим Хан в качестве премьер-министра и Али Мохаммад Хан в качестве министра иностранных дел сыграли ключевую роль в управлении внешней политикой в этот период. В это время Афганистан стремился расширить свои отношения с различными странами, одновременно стремясь сохранить баланс между двумя крупнейшими мировыми державами – Великобританией и Советским Союзом. Усилия по улучшению отношений с Великобританией как историческим соседом, а также возобновление договора 1931 года стали продолжением политики Надиршаха в этот период. В то же время осторож-

ные отношения с Советским Союзом, который всегда оставался на втором плане, помогали правительству оставаться в стороне от международной напряженности [14, с. 299-302].

Одной из наиболее заметных черт внешней политики в период правления Захир-шаха была близость к Германии и стремление привлечь техническую и экономическую помощь из этой страны. Немцы, как соперники Великобритании, стремились заручиться поддержкой Афганистана, и афганское правительство воспользовалось этой возможностью. Привлечение немецких специалистов для участия в проектах развития, особенно в промышленной и технической областях, стало одной из мер по укреплению отношений с Германией. Эта политика фактически была продолжением исторических отношений Афганистана с Германией со времен Амануллы-хана [11, с. 672].

С началом Второй мировой войны Афганистан был вынужден сохранять нейтралитет в военном и политическом плане. Несмотря на близость к Германии, правительство Захир-шаха старалось держаться подальше от военного конфликта. Декларация о нейтралитете в сентябре 1939 года представляла собой политику, которую Али Мохаммад-хан и другие афганские должностные лица стремились поддерживать. Такой нейтралитет позволил афганскому правительству оставаться в стороне от любых международных конфликтов [13, с. 7].

Афганское правительство также стремилось расширить торговые отношения с Советским Союзом. В 1940 году было подписано торговое соглашение с Советским Союзом, которое впервые укрепило экономические связи Афганистана с одной из крупнейших коммунистических стран. Целью этих соглашений было увеличение экспорта Афганистана в Советский Союз, при этом избегая негативных последствий какой-либо политической зависимости [1, с. 330].

В связи с обострением внутренних проблем и международным давлением правительство Мохаммада Захир Шаха стремилось усилить свой контроль над приграничными территориями. Отношения с местными племенами и усилия по поддержанию единства в этих стратегических районах были среди мер, которые способствовали поддержанию внутренней безопасности и стабильности. Афганцы также пытались защитить себя от движений за независимость в Индии и предотвратить иностранное влияние, особенно британское, на свои внутренние дела [13, с. 308].

В целом внешняя политика правления Захир-шаха в десятилетие демократии включала усилия по установлению многосторонних отношений,

поддержанию нейтралитета и достижению баланса между крупнейшими мировыми державами. Такая политика позволила правительству сохранить свои позиции на мировой арене и контролировать внутренние события, несмотря на международные проблемы и напряженность [11, с. 672].

7 - Упадок правления Мохаммада Захир-шаха в десятилетие демократии

Десятилетие демократии в Афганистане (1951-1951) стало периодом серьезных испытаний для правительства Мохаммада Захир Шаха. Этот период начался с обещаний политических и социальных реформ, но в конечном итоге привел к упадку его правительства. Ниже подробно описаны причины упадка правления Мохаммада Захир-шаха в этом десятилетии.

1. Отсутствие политической независимости: после прихода к власти Мухаммада Захир-шаха контроль над делами страны фактически оказался в руках Мухаммада Хашим-хана. Захир-шах действовал как символический король, не имея реальной власти, и такое отсутствие политической независимости было неприемлемо для народа. Хотя позднее шах сумел создать для себя пространство, негативные последствия первых лет его правления сохранились.

2. Невосприимчивость к социальным требованиям: за десятилетие демократии Афганистан столкнулся со значительным социальным и экономическим давлением. Экономические кризисы, бедность, безработица и коррупция были среди проблем, с которыми боролись люди. В это время решение социальных и экономических проблем не только не входило в число приоритетов правительства, но и люди были обескуражены халатностью шаха и его неспособностью решить эти проблемы.

3. Политические и идеологические движения: Десятилетие демократии ознаменовалось возникновением различных политических групп и обменом новыми идеями. Молодежь стремилась к демократии, правам человека и политическим реформам. Эти движения, особенно среди студентов и интеллектуалов, в конечном итоге привели к недовольству монархией и восприятию ее как недемократического правления. Результатом этих движений стали более серьезные требования, включая создание подотчетной и демократической политической системы.

4. Этнические и политические разногласия: В этот период в стране появились этнические и политические разногласия. Некоторые этнические группы и меньшинства восстали против правительства и монархии Захир-шаха и попытались выразить свои взгляды и идеи. Эти разногласия

усилили напряженность и пессимизм в обществе, затруднив любые попытки достижения единства.

5. Иностранное вмешательство и зависимость: за десятилетие демократии Афганистан быстро попал в зависимость от мировых держав, особенно от Советского Союза и Соединенных Штатов. Эта зависимость, в свою очередь, повлияла на внутреннюю политику и заставила многих людей критиковать правительство.

6. Борьба с общественным недовольством: Столкнувшись с растущим недовольством, Мохаммад Захир Шах применил репрессивные методы вместо принятия эффективных мер по решению проблем. Такая политика не только усилила недовольство, но и создала опасную атмосферу в стране, в которой люди прибегали к насильственным действиям и демонстрациям против правительства.

7. Халатность в управлении кризисами: правительство Мохаммада Захир Шаха часто проявляло медлительность и бездействие перед лицом серьезных кризисов, включая беспорядки и волнения, вместо того чтобы принимать соответствующие и быстрые меры. Неэффективность управления кризисом привела к потере доверия общественности к правительству, что в конечном итоге привело к его падению [8, с. 140-142].

Выводы

Правление Мохаммада Захир-шаха в Афганистане отражает переходную эпоху в политической и социальной истории страны. Эти десятилетия, охватывающие период с 1963 по 1973 год, были периодом пересмотра и реформирования государственной и социальной системы Афганистана.

В этот период принятие новой конституции и создание современных государственных институтов считаются поворотными моментами в политической истории Афганистана. Эти реформы привели к появлению политических партий и повышению политической сознательности в обществе. Молодежь и интеллектуалы сформировали политические группы, нацеленные на продвижение прав человека и демократии. Однако эти события также столкнулись с проблемами, такими как отсутствие должной реакции правительства на этническое недовольство и напряженность. Это ясно продемонстрировало серьезные недостатки в политической структуре и слабость примирения и солидарности между различными этническими группами Афганистана.

Социальные изменения, произошедшие в результате образовательных и культурных реформ, также были весьма значительными в этот период. Молодежь получила доступ к высшему образованию, а культурные и художественные движения процветали. Повышение осведомленности помогло афганскому обществу стать более восприимчивым к правам и ценностям своей личности. Но в то же время эти социальные изменения сопровождались массовым недовольством, особенно в сельской местности. Отсутствие доступа к экономическим и социальным возможностям для многих людей усугубляло чувство недовольства. Хотя социальное и экономическое недовольство росло постепенно, неспособность правительства удовлетворить эти требования привела к общественному разочарованию и недоверию к правящему режиму.

Кроме того, другими кризисами десятилетия стали экономические проблемы и коррупция на рынках. Медленный экономический рост и последующие финансовые кризисы привели к экономическим проблемам и недовольству в обществе. Хотя правительство делало упор на экономические реформы, оно, похоже, не достигло хороших результатов. Это привело к дальнейшей нестабильности в системе государственного управления, особенно перед лицом глобальных вызовов и внутренних проблем.

Постепенно неспособность удовлетворить основные потребности народа, коррупция и неспособность создать социальную стабильность привели к упадку правления Мохаммада Захир-шаха. Ослабление социальной базы и потеря поддержки со стороны различных этнических групп и политических элит ускорили этот процесс. Кроме того, политические и социальные кризисы легко влияли друг на друга и в конечном итоге привели к глубоким изменениям и возникновению последующих трагических событий в современной истории Афганистана, включая переворот 1973 года и последующее провозглашение республики.

В конечном итоге этот период не только открыл новые возможности и дал сильные стороны демократическому пути в Афганистане, но и поднял фундаментальные проблемы, которые остаются нерешенными в современной истории страны. Опыт этого периода может быть использован в качестве урока для будущих поколений в поисках демократии, стабильности и устойчивого развития в Афганистане.

Список источников

1. Адамк Лудик История политических отношений Афганистана. Кабул: Издательский дом Саид, 2013. 112 с.
2. Танвир Абдул Халим История журналистики Афганистана. Пешавар: Издательство Данеш,—1999. 98 с.
3. Танвир Мохаммад Халим История журналистики в Афганистане. Пешавар: Исламское издательство Сабур, 1999. 65 с.
4. Джунбиш Абдул Сабир Исследование ситуации в Афганистане в течение Десятилетия демократии. Кабул: Издательский дом Майванд, 1991. 24 с.
5. Рахими Муджибур Рахман Структурная критика политической системы Афганистана. Кабул: Издательский дом Саид, 2010. 34 с.
6. Расули Ясин Ответ традиции на секуляризм в Афганистане. Тегеран: Издательский дом «Эрфан», 2001. 15 с.
7. Рахаи Машал Политико-теоретический журнал Организации освобождения Афганистана. Кабул, 1970. 150 с.
8. Танин Захир Афганистан в 20 веке. Тегеран: Издательство Эрфан Шариати, 2005. 55 с.
9. Эсмаат Элахи, Мохаммад Хашим Пресс-система Афганистана. Тегеран: Издательство Бикаран, 2003. 35 с.
10. Атаи Мохаммад Ибрагим Краткий взгляд на современную историю Афганистана. Переводчик: Джамиль-ур-Рехман Камгар. Кабул: Издательство майванд, 2005. 28 с.
11. ФарХанг, Мир Мохаммад Сидик, Афганистан за последние пять веков. Кабул: издательство Майванд, 2010. 56 с.
12. Касеми, Наджибулла Режимы Афганистана в течение последнего столетия. Пешавар: издательство Даниш, 1999. 45 с.
13. Мубариз Абдул Хамид От падения монархии до подъема и деятельности Талибана. Париж: Автор издатель, 1999. 25 с.
14. Мубариз Абдул Хамид Анализ политических реалий Афганистана. Кабул, 1996. 15 с.
15. Моради Сахибназар Афганистан в 20 веке от Абдула Рахмана до Карзая. Кабул: Издательский дом Саид, 2015. 35 с.
16. Мисбахзаде Сайед Мохаммад Бакир, Начало и конец политических движений в Афганистане (2002-2005 гг.). Кабул: Нашр-э-Нагар, 2005. 25 с.
17. Мирзай Рахела Сборник избранных докладов конференции. Кабул: Центр стратегических исследований, Министерство иностранных дел Исламской Республики Афганистан, 2009. 120 с.
18. Насими Ясин Парламент Афганистана. Кабул: Издательство Саид, 2005. 18 с.

References

1. Adamk Ludik History of Political Relations of Afghanistan. Kabul: Said Publishing House, 2013. 112 p.
2. Tanvir Abdul Halim History of Journalism in Afghanistan. Peshawar: Danesh Publishing House, 1999. 98 p.
3. Tanvir Mohammad Halim History of Journalism in Afghanistan. Peshawar: Sabur Islamic Publishing House, 1999. 65 p.
4. Junbish Abdul Sabir Research on the Situation in Afghanistan during the Decade of Democracy. Kabul: Maiwand Publishing House, 1991. 24 p.
5. Rahimi Mujibur Rahman Structural Critique of the Political System of Afghanistan. Kabul: Said Publishing House, 2010. 34 p.
6. Rasuli Yasin The Response of Tradition to Secularism in Afghanistan. Tehran: Erfan Publishing House, 2001. 15 p.
7. Rahai Mashal Political and Theoretical Journal of the Afghanistan Liberation Organization. Kabul, 1970. 150 p.
8. Tanin Zahir Afghanistan in the 20th Century. Tehran: Erfan Shariati Publishing House, 2005. 55 p.
9. Esmat Elahi, Mohammad Hashim The Press System of Afghanistan. Tehran: Bikaran Publishing House, 2003. 35 p.
10. Atai Mohammad Ibrahim A Brief Look at the Modern History of Afghanistan. Translator: Jamil-ur-Rehman Kamgar. Kabul: Maiwand Publishing House, 2005. 28 p.
11. FarHang, Mir Mohammad Sidik, Afghanistan in the Last Five Centuries. Kabul: Maiwand Publishing House, 2010. 56 p.

12. Qasemi, Najibullah Regimes of Afghanistan during the Last Century. Peshawar: Danish Publishing House, 1999. 45 p.
13. Mubariz Abdul Hamid From the Fall of the Monarchy to the Rise and Activities of the Taliban. Paris: Author Publisher, 1999. 25 p.
14. Mubariz Abdul Hamid Analysis of Political Realities of Afghanistan. Kabul, 1996. 15 p.
15. Moradi Sahibnazar Afghanistan in the 20th Century from Abdul Rahman to Karzai. Kabul: Said Publishing House, 2015. 35 p.
16. Misbahzade Sayed Mohammad Baqir, The Beginning and End of Political Movements in Afghanistan (2002-2005). Kabul: Nashr-e-Nagar, 2005. 25 p.
17. Mirzai Rahela, Collection of Selected Conference Papers. Kabul: Center for Strategic Studies, Ministry of Foreign Affairs of the Islamic Republic of Afghanistan, 2009. 120 p.
18. Nasimi Yasin, Parliament of Afghanistan. Kabul: Said Publishing House, 2005. 18 p.

Информация об авторе

Ибрахими М.И.И., аспирант, Московский педагогический государственный университет,
m.ishaqibrahimi13@gmail.com

© Ибрахими М.И.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94 (7)

Аграрная политика США в 1800-х гг. в контексте доктрины прав штатов (на примере «Аферы Язу»)

¹ Токарев Г.А.,
¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: вопросы, связанные частной собственностью, всегда остро воспринимались практически в любом обществе. Американское государство в начале XIX в. не было исключением: США столкнулись с рядом вызовов, связанных с распределением земельной собственности и, как следствие, с земельными аферами и мошенничеством. Опираясь в основе на одну из таких афер, прецедента, вошедшего в американскую историографию как «афера Язу», была поставлена цель выявить как сами решения федеральных властей в отношении западных земель, их логику и правовые аспекты, так и их влияние на общество. Особое внимание уделено тому, как аграрная политика повлияла на формирование доктринальных основ идеологии американского Юга, которая в будущем обоснует сепарацию южных штатов в 1860-1861 гг. как с идеологической, так и с правовой точки зрения. Связь земельной политики США (по отношению к западным территориям) с внутривластным развитием страны подвергается контекстуальному анализу в соответствии с политическими реалиями нач. XIX в., а также с учетом тех тенденций, в которых шло развитие страны в целом. Это позволяет проследить динамику взаимодействия политической власти и идеологических конструкций, которые будут позже использоваться южанами.

Ключевые слова: США, аграрная политика, земельные спекуляции, южный консерватизм, штат Джорджия, права штатов, Т. Джефферсон, Дж. Рэндолф

Для цитирования: Токарев Г.А. Аграрная политика США в 1800-х гг. в контексте доктрины прав штатов (на примере «Аферы Язу») // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 16 – 24.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Agrarian policy of the USA in the 1800s in the context of the Doctrine of States Rights (on the example of the "Yazoo Affair")

¹ Tokarev G.A.,
¹ Federal State University of Education

Abstract: issues related to private property have always been acutely perceived in almost any society. The United States of America in the early 19th century was no exception: the United States faced a number of challenges related to the distribution of land ownership and, as a result, land scams and affairs. Based on one of such scams, a precedent that entered American historiography as the "Yazoo Affair", the goal was set to identify both the decisions of the federal authorities regarding the western lands, their logic and legal aspects, and their impact on society. Particular attention is paid to how agrarian policy influenced the formation of the doctrinal foundations of the ideology of the American South, which would later justify the secession of the southern states in 1860-1861 from both an ideological and legal point of view. The connection between the US land policy (in relation to the western

territories) and the domestic political development of the country is subject to contextual analysis in accordance with the political realities of the early 19th century. XIX century, and also taking into account the tendencies in which the country as a whole was developing. This allows us to trace the dynamics of the interaction of political power and ideological constructs that will later be used by the southerners.

Keywords: USA, agrarian policy, land speculation, southern conservatism, Georgia, states' rights, T. Jefferson, J. Randolph

For citation: Tokarev G.A. Agrarian policy of the USA in the 1800s in the context of the Doctrine of States Rights (on the example of the "Yazoo Affair"). *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 16 – 24.

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 10, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Еще в колониальный период началось освоение фронта, ставшее отличительной чертой американского государства в XVIII-XIX вв. Западные территории становились объектом амбициозных планов британского правительства и колониальных советов, которые иногда пытались регламентировать все, вплоть до количества деревьев, которые должен был посадить колонист на выданном ему участке [24]. Ограничения, такие как Прокламация 1763 г., были не столько попыткой защитить земли от освоения, сколько временной мерой, пока не появится способ контроля над системой колонизации [31]. Не случайно Б. Бейлин отмечал, что «распространение свободного землевладения породило широкий электорат» [23], имея в виду что именно наличие слоя земельных собственников, стремящихся отстаивать свои интересы, привело, в конечном счете, к Американской революции (1775-1787). В этом смысле особенно логичным видится тот факт, что в период формирования американской государственности, федерального правительства, западные территории стали предметом бурных дискуссий и обсуждений. Политическая модель США сформировалась в условиях революции и под сильным влиянием идей Просвещения. В основу нового государства легли как английские политические традиции («нет налогов без представительства», сильное местное самоуправление), так и оформившиеся после революции новшества (федерализм, конституционализм, система сдержек и противовесов, разделение властей) [29]. Первая американская конституция, Статьи Конфедерации, была ратифицирована лишь после согласия передать западный земельный фонд Конгрессу (т.е. федеральным властям), а после Революции на западные территории хлынул поток поселенцев [28]. В договоре с Великобританией 1794 г., помимо прочего, США обговаривались вопросы разграничения западных территорий, фронта страны, а также вывод британских войск из западных фортов [33].

Таким образом, аграрный вопрос видится если не главным, то одним из важнейших вопросов на повестке дня в молодой американской республике в 1790-х – 1800-х гг. Западные земли были предметом дискуссий между законодателями, мыслителями и политиками в условиях становления государственности, когда понятие «конституционности» вообще оставалось весьма размытым: формирующаяся американская политическая модель не всегда могла однозначно ответить на сложные вопросы, касающиеся социальных, экономических и аграрных вопросов. Еще не завершились в полной мере споры федералистов и антифедералистов о том, как должны быть устроены государственные институты США [22]. Все это играло на руку земельным спекулянтам, которые сохраняли свое влияние в стране вплоть до середины XIX в. [27] В этом смысле интересной видится возможность рассмотреть конкретный прецедент нач. XIX в., оказавший влияние как на формирование федерализма и политической модели в целом, так и на идеологию американского Юга, известную в американской историографии как южный консерватизм [14].

Материалы и методы исследований

В основу данной работы лягут в первую очередь источники официального происхождения: законодательные акты легислатур, Конгресса, а также записи обсуждений и парламентских дебатов в Конгрессе США. На ряду с этим привлекается периодическая печать, источники личного происхождения.

Помимо традиционных методов исследования, таких как историко-генетический метод или критический анализ источника, без которых невозможна работа с корпусом отобранных источников, в исследовании присутствует дискурс-анализ для определения того, как именно используемые политиками концепты влияли на социальное пространство США нач. XIX в.

Отдельное внимание уделяется контекстуальному подходу. Он особенно необходим для избе-

жание анахронизмов. Рассматриваемые в тексте идеологические концепции использовались в 1860-е гг. для оправдания сецессии, очень часто «права штатов» ассоциируются с апологетикой рабства [30]. Поэтому контекст начала XIX в. крайне важен при работе с такими специфическими доктринами как «права штатов».

Результаты и обсуждения

Афера с землями Язу, получила свое наименование по одноименной реке, левому притоку Миссисипи. Т. н. земли Язу находились в сотнях миль от освоенных округов штата Джорджия, которые к тому моменту доходили лишь до р. Чаттахучи на западе. Земли, уходявшие дальше на запад фактически не были заселены белыми поселенцами – их населяли многочисленные индейские племена. Т. е. реального контроля правительство Джорджии не имело, обладая лишь формальными претензиями на территории до р. Миссисипи, которые были дарованы еще в колониальный период британской короной [19]. Стоит отметить и тот факт, что международный статус этих земель был весьма непрост. В соглашении с Великобританией 1794 г. в статье III отдельно обговаривалось, что, хоть суда Великобритании не могут заходить в американские реки также, как американские суда не могут заходить в реки британских владений, р. Миссисипи «будет полностью открыта для обеих сторон <...> все порты и стоянки на ее восточной стороне, кому бы они не принадлежали, могут использоваться обеими сторонами также, как любые атлантические порты...» [17]. Аналогичным образом подписанный в 1795 г. договор между США и Испанией устанавливал, что навигация по р. Миссисипи будет свободна лишь для поданных короля Испании и граждан США, если только «[его Величество – авт.] не распространит эту привилегию на подданных иных стран посредством специальной конвенции». В договоре также определялись границы по географическим параллелям, проведенным перпендикулярно рекам (Миссисипи, Апалачикола и т. п.), и устанавливался порядок совместного определения границ между юго-западными территориями США и побережьем Флориды и испанской Луизианы. Отдельной статьей оговаривались обязательства США и «его Католического Величества» поддерживать «мир и гармонию среди нескольких индейских народов», населяющих эти территории [18]. Из текста этих международных соглашений явно следует, что европейцы как минимум не воспринимали США в качестве полноценного суверена в этих землях. Таким образом, судьба земель Язу, как и всей долины р. Миссисипи в к. XVIII в. не была очевидна: европейские державы не планировали ослаблять свое влияние

на эти земли, пока молодая американская нация пыталась заселить их де факто [31].

В контексте международных отношений крайне недальновидным и странным видится решение, принятое легислатурой Джорджии в 1795 г. Согласно акту 1795 г., по бросовым ценам продавались т.н. земли Язу (на самом деле, проданные территории раскинулись от р. Алабама на востоке до р. Миссисипи на западе) площадью более 35 млн. акров (ок. 14,1 млн. гектаров) за 500 тыс. долларов четырем земельным компаниям (Джорджиа к., Джорджиа-Миссисипи к., Аппер Миссисипи к., Теннесси к.), организованным исключительно для этой сделки [4]. Простейшие подсчеты дают нам среднюю стоимость акра в 1,5 цента, в то время как в 1790-е гг. средняя цена акра была равна 1,25 доллара [13]. Нельзя не отметить и того факта, что проданные территории суммарно были размером в $\frac{3}{5}$ площади современных штатов Алабама и Миссисипи, т. е. больше освоенных округов самой Джорджии в несколько раз [3]. Компании открыли офисы в северных штатах и занялись перепродажей участков третьим лицам, которые не знали о всех обстоятельствах сделки: статус р. Миссисипи оставлял ее свободной для США, Великобритании и Испании, а отношения с индейскими племенами, населявшими долину реки, были в ведении Конгресса, а не отдельного штата [26], т. е. легислатура Джорджии попросту не могла «лишить» индейцев прав на эту землю. Очевидно, что сделка носила мошеннический характер и имела место коррупция (все члены легислатуры, за исключением одного человека, были держателями акций упомянутых земельных компаний [19]).

Реакция жителей Джорджии последовала незамедлительно. Так, обращение (петиция) граждан округа Ричмонд к законодательному собранию штата содержит в себе протест против акта о продаже, поскольку из-за акта «суверенитет и юрисдикция на землю указанного штата могут быть переданы и отчуждены», а также «создается возможность для утверждения военного правительства [sic] и сопутствующих для этого условий; утверждения Дворянства на огромных и неравных владениях; и для запрета всех Республиканских форм правления»; кроме того, авторы петиции указывают, что попытка в одностороннем порядке аннулировать индейские претензии на землю не имеет под собой оснований. Отдельные пункты документа (об отсутствии учрежденных округов на западных территориях и, как следствие, об отсутствии гарантий «всех прав, привилегий и иммунитетов, которыми пользуются граждане других штатов» для этих округов) позволяют предпо-

ложить, что жителей Джорджии вопрос земель Язу волновал скорее потому, что они сами лишались возможности освоить эти земли, а не потому, что необходимо было защитить права индейцев [15]. Так или иначе, уже в 1796 г. легислатура в новом составе, при широком участии сенатора от Джорджии, Дж. Джексона, приняла отдельный акт, который отменял акт о продаже земель, признавал его неконституционным, после чего было произведено торжественное сожжение всех копий акта 1795 г. перед зданием Капитолия штата [10].

Такое решение легислатуры Джорджии может и соответствовало духу закона, но противоречило его букве: да, обстоятельства сделки носили явно коррупционный характер, да, граждане явно стали жертвой спекуляций с землей, чей статус не определен, а потому они не могли вступить в право собственности на эти земли и, наконец, да, сами жители Джорджии могли лишиться доступа к западным территориям. Но в тоже самое время, в I статье Конституции США явно говорится о том, что штат не имеет права издавать «законы, имеющие обратную силу или нарушающие силу договоров» [5]. Создавалась юридическая коллизия: защищая интересы штата и своих граждан, легислатура отменила закон штата, но, тем самым, нарушила федеральное законодательство. Отметим, что штат Джорджия при этом не стал отказываться от определенных обязательств и даже готов был вернуть деньги как спекулянтам, так и обманутым согражданам из других штатов, но те требовали передать им права на земли, отказываясь от денежной компенсации; вернувшийся в Джорджию Дж. Джексон, избранный губернатором штата в 1798 г., решил вопрос на конституционном конвенте штата, предложив передать земли к западу от р. Чаттахучи федеральному правительству, что, в конечном счете было сделано в 1802 г. Штат получил компенсацию в размере 1 млн. 250 тыс. долларов за земли и лишился всех возможных осложнений с землями Язу, поскольку эта проблема вышла на федеральный уровень [19]. Сам Джексон, уйдя с поста губернатора, писал своему преемнику в декабре 1802 г., что опасается конфликта с племенами из-за некоего «убийства индейца» в округе Окони, а также удивляется, почему легислатура до сих пор не передала «документы и бумаги по Язу» Конгрессу. Здесь стоит отметить, что Джексон вероятно воспринимал земли Язу как определенную обузу и был рад, что родной штат от нее избавился, на что указывает следующая формулировка: «Соединенные Штаты теперь определенно почувствуют себя в нашей шкуре и эти бумаги [на землю Язу – авт.] принадлежат теперь им» [12].

Споры и разногласия внутри штата, имевшие непростую юридическую подоплеку, возможно и не оказали бы серьезного влияния на политическое развитие страны. Но мы не можем не выделить ряд факторов, которые, напротив, способствовали нарастанию ажиотажа вокруг «аферы Язу». Во-первых, были затронуты интересы граждан из других штатов, которые видели в отменяющем акте 1796 г. покушение на свое право собственности. Во-вторых, западные территории для федерального правительства были не просто территориями для освоения – земли долины р. Миссисипи были объектом отношений между США и европейскими державами. В-третьих, в молодой республике шло формирование первой двухпартийной модели федералисты – демократические республиканцы (анти-федералисты). Противоречия между двумя партиями касались в том числе и взглядов на полномочия федерального правительства и полномочия штатов.

Таким образом, политические силы страны оказались втянуты в орбиту дискуссий аферы Язу, где смогли проявить себя специфические политические доктрины. Так, для республиканцев акт 1796 г., отменивший сделку по продаже, был проявлением суверенитета народа штата и утверждал право штата самостоятельно определять конституционность, легальность, тех или иных законов [11]. Возглавлявший в этот период США Т. Джефферсон (1801-1809), лидер партии, когда-то сам писал, что именно благодаря «большому количеству землевладельцев» и «аграрной экономике и географической изолированности» в США будет невозможна сильная центральная власть, а потому активно критиковал федералистскую партию [7]. Джефферсон, вместе с Дж. Мэдисоном, был одним из авторов Деклараций Виргинии и Кентукки 1798-1799 гг., в которых признавалось право штата «нуллифицировать» любой акт, который штат сочтет незаконным и противоречащим интересам народа. Резолюции закладывали правовую основу для «узкого» толкования Конституции (даже несмотря на то, что другие штаты эти резолюции не поддерживали) и развития идеи о ней, как об «инструменте», договоре между штатами, т. е. субъектностью и источником федеральной власти, по мнению авторов, выступал не столько народ США в целом, сколько сам штат и его население. И если резолюции предусматривали право отмены в отношении несправедливых законов, «изданных под прикрытием этого инструмента [федеральной Конституции – авт.]» [8, 9], то, продолжая эту логику, отменить закон своей же легислатуры штату никто не мешал. Казалось бы, позиция Джефферсона в этом вопросе должна быть очевидна.

Территория Луизианы, приобретенная президентом в 1803 г., наряду с землями Язу, которые теперь принадлежали федеральному правительству, вполне могли стать основой той самой «аграрной республики», которую стремился построить Джефферсон. Интересы федеральной власти были направлены на установление контроля над новыми западными территориями, решению вопроса с индейцами, проживающими на них. Конечно, идеализм приходилось сочетать с прагматичной политикой: покупка Луизианы и переговоры о покупке Флориды велись Джефферсоном без согласия Конгресса. Позже президентом будет введено эмбарго на морскую торговлю в 1807 г., что, опять же, противоречило идеям демократических республиканцев: центральная власть вмешивается в дела «простого народа» [29]. И в целом президентство Джефферсона скорее можно назвать соответствующим духу «минимального вмешательства» [22]. Но внутри самих демократических республиканцев взгляды на позицию президента по «афере Язу» разнились.

К середине 1800-х гг. в партии явно выделились два крыла: умеренных и консерваторов, известных также как «старые республиканцы». И если умеренные республиканцы принимали позицию президента, как по внешнеполитическим вопросам, вроде последовавшего в 1807 г. эмбарго, так и по земельным, то «старые республиканцы» еще в 1790-х гг. примкнули к лагерю Джефферсона как раз выступая резко против усиления федеральной власти [32]. А позиция администрации с претензиями по землям Язу была скорее ориентирована на скорейшее решение проблем для доступа к землям. При участии президента в 1804 г. было выработано компромиссное решение: передавая 30 млн. акров в ведение Конгресса, Джорджия оставляла 5 млн. акров, чтобы «удовлетворить иные притязания» [14]. Назначенные для решения вопроса с землями Язу федеральные комиссары (Дж. Мэдисон, А. Галлатин, Л. Линкольн; все трое были членами первого Кабинета Т. Джефферсона (1801-1805); Мэдисон как госсекретарь, Галлатин – министр финансов, Линкольн – генеральный прокурор) предложили в том же году возместить среднюю стоимость участков претендентам на эти земли на том основании, что покупатели не были осведомлены об обстоятельствах сделки [6].

Это, в свою очередь, вызвало негодование «старых республиканцев» в Конгрессе: ведь с их точки зрения администрация попирала не только права штатов, но и республиканские идеалы в целом. Одним из ярких представителей оппозиции был член Палаты Представителей из Виргинии, плантатор Дж. Рэндолф (1773-1833). Предложен-

ный к принятию закон о землях Язу подвергся яростной критике со стороны конгрессмена, который был готов «увидеть крокодиловы слезы, пролитые по нарушенным правам штатов» сторонниками выплат и аннулирования акта 1796 г. Конгрессмен настаивал, что обстоятельства принятия акта о продаже 1795 г. скорее должны склонить к признанию самой сделки незаконной. «Неужели они откажутся увидеть, что мы владеем [землями Язу – авт.] по официальному дарению от самой Джорджии, без которого мы не смогли бы конституционно принять какой-либо закон в отношении рассматриваемой территории?» риторически обращался Рэндолф к своим оппонентам. Конгрессмен придерживался простой логики: признав незаконным акт 1796 г., следует признать и то, что Джорджия не могла распоряжаться этими территориями и передать их Конгрессу. Если Джорджия признала сделку незаконной, то «на нас нет обязательств исполнять ее», продолжал Рэндолф, выступая против администрации Джефферсона [1].

Надвигающийся партийный раскол нашел свое место не мог не отразиться в общественном мнении, чья роль только возрастала в общественном сознании американцев [21]. Речи Рэндолфа, направленные против администрации президента и «аферы Язу» публиковались в газетах, т. е. явно расценивались как важное политическое дело. «Редактор был лишен возможности предоставить материал оригинального характера. Его волнение от незавершенности «Оправдания г-на Джефферсона» уступило место всеобщему любопытству и желанию прочесть эту красноречивую живую речь» сообщал «Ричмонд Инкуайер» в сентябре 1805 г., публикуя речь Рэндолфа из Палаты представителей [16]. Отметим, что само издание относилось к демократическим республиканцам и такой комментарий однозначно ставит Рэндолфа в оппозицию президенту – т. е. внутри самой партии намечается раскол.

В марте же 1806 г. конгрессмен в открытую объявил, что «если мы теперь принадлежим к третьей партии – пусть будет так». И хотя это «называется обычно квидизмом», говорил далее Рэндолф, никто, хотя бы, не пытается обвинить его и сторонников в «язуизме» и не называет их «людьми Язу» [2]. Название фракции «*tertium quids*» (лат. нечто третье), часто используется как синоним «старых республиканцев» [4]. Рэндолф утверждал, что, поскольку, источник власти – «делегаты народы Джорджии», то только они и могут определять, был акт коррумпированным. Признать обратное, значит не только попортить республиканские идеалы, но и «похоронив прославленного патриота, осквернить важнейшее его деяние» (Дж.

Джексон скончался в 1806 г., незадолго до очередной речи Рэндолфа) признав претензии на земли Язу [2]. Стоит отметить, что не только вопрос с западными землями вызывал расхождение Рэндолфа с Джефферсоном – немаловажную роль сыграло, собственно, обострение отношений с Великобританией и вопрос об эмбарго – Рэндолф и последовавшие за ним «квиды», очевидно, не могли поддержать ограничения, на которых настаивала исполнительная власть [2]. Не устраивала Рэндолфа и покупка Флориды – он голосовал против соответствующего запроса президента к Конгрессу [6].

Выводы

Т.е. аграрный вопрос и решения федеральной власти по землям Язу, вместе с внешнеполитическим контекстом, привели к явному расхождению Джефферсона с более ранней итерацией республиканизма. Став президентом, идеолог «аграрной республики» не смог бы эффективно руководить страной, сузив полномочия федеральных властей. Но «старые республиканцы», которых вел за собой Рэндолф, не желали отказываться от прямого толкования Конституции. Это, в конечном счете, привело к расколу с администрацией. Конгрессмен и его сторонники остались негативно настроены к широкому полномочию федеральной власти, считая, что лишь сохраняя за штатами широкие права возможно будет противостоять чрезмерной, как им казалось, централизации политической власти [14]. Центральное правительство должно служить не интересам частных и коррумпированных лиц, но всему народу, а не противостоять желаниям народа (пусть эти желания и выражены актом легислатуры, который нарушает Конституцию США) [20]. Но в конечном счете, фракция «старых республиканцев» сошла с политической арены

довольно быстро, а сам Джефферсон смог избежать раскола демократических республиканцев [6]. Куда важнее видится влияние «аферы Язу» на формирование доктринальных основ политической модели страны. Вопрос о претензиях на земли дошел до Верховного суда в 1810 г., в деле Флетчер против Пека. Часть претензий на собственность была удовлетворена: таким образом федеральная власть впервые в истории американской государственности нуллифицировала закон штата, утвердив, тем самым, новую норму [11]. Федеральное правительство утвердило свои позиции с юридической точки зрения, прецедент навсегда вошел в анналы американской юриспруденции.

В конечном счете, попытка нажиться за счет земельных спекуляций привела к обострению отношений внутри одной из партий федерального масштаба и более явному выделению в ней консервативного крыла, которое в будущем заложит основы южного сепаратизма. Рэндолф, опираясь на Резолюции 1798-1799 гг., давал им логичное развитие, отстаивая права штатов. А спустя четверть века, на эти же документы будет ссылаться Дж. К. Кэлхун, обосновывая доктрину нуллификации федерального закона штатом, мотивируя это истинным республиканизмом [25]. Но первая национальная двухпартийная система фактически оставила вопрос о правах штатов, утвердив примат федерального законодательства над местным. Позиция администрации по аграрному вопросу (равно как и по внешней политике) определялась скорее национальными интересами, чем идеями и идеалами о сильном местном самоуправлении. Но для Юга доктрина прав штатов не могла не стать эффективным инструментом в борьбе за региональные интересы.

Список источников

1. Annals of Congress. 8th Congress, 1st Session.
2. Annals of Congress. 9th Congress, 1st session.
3. Cadle F.W. Georgia Land Surveying History and Law GA, Athens: Georgia University Press, 1991. 600 p.
4. Collins L.D. Thomas Jefferson and the Quid Revolt: Thesis submitted and fulfillment for the degree of Master of Arts. TX, Denton, 1972. 114 p.
5. Constitution of the United States.
6. Cunningham N.E. The Jeffersonian Republicans in power. Party operations, 1801-1809. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1963.
7. Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made It. NY: Vintage Books Edition, 1989. 560 p.
8. Kentucky Resolutions of 1799.
9. Virginia Resolutions of 1798.
10. Lamplugh G.R. Yazoo Land Fraud // New Georgia Encyclopedia [Электронный ресурс] URL: <https://www.georgiaencyclopedia.org/articles/history-archaeology/yazoo-land-fraud/> (дата обращения: 20.03.2025)

11. Leonard G. Fletcher v. Peck and Constitutional Development in the Early United States // 47 U. C. Davis Law Review. 2014. Vol. 47:1843. P. 1843 – 1857
12. Letter from James Jackson to Georgia Governor John Milledge, 29 December 1802. [Электронный ресурс] URL: https://dlg.usg.edu/record/dlg_zlna_tcc379 (дата обращения: 20.03.2025)
13. Talbot J. History of North America: Comprising, a Geographical and Statistical View of the United States, and of the British Canadian Possessions; Including a Great Variety of Important Information. Leeds: Davis and Co. 520 p.
14. Tate A. Conservatism and southern intellectuals, 1789-1861: liberty, tradition, and the good society. Columbia: University of Missouri Press, 2005. 416 p.
15. The citizens of the County of Richmond, to the president and members of the convention of the State of Georgia, 1 May 1795. [Электронный ресурс] URL: https://dlg.usg.edu/record/dlg_zlna_tcc936 (дата обращения: 20.03.2025)
16. The enquirer, 10 Sept. 1805. Richmond, Va. [Электронный ресурс] URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn84024736/1805-09-10/ed-1/seq-3/> (дата обращения: 20.03.2025)
17. Treaty of Amity, Commerce and Navigation, Between His Britannic Majesty and the United States of America, by their President, with the Advice and Consent of their Senate, signed at London November 19, 1794.
18. Treaty of Friendship, Limits and Navigation, Between the United States of America, and the King of Spain, signed at San Lorenzo el Real October 27, 1795.
19. White B.J. Corruption in Georgia Land Distribution: A Case Study of the Yazoo and Pine Barrens Land Frauds: Thesis submitted and fulfillment for the degree of Master of Arts. Statesboro, Georgia, 1994. 99 p.
20. Wiltse C.M. The new Nation, 1800-1845. NY.: Hill and Wang, 1961. 237 p.
21. Алентьева Т.В. Роль общественного мнения в «Джексонскую эпоху» в США Москва.: ИНФРА-М, 2020. 356 с.
22. Алентьева Т.В., Филимонова М.А. Просветительские идеи и революционный процесс в Северной Америке СПб.: Алетейя, 2021. 518 с.
23. Бейлин Б. Идеологические истоки Американской революции: пер. с англ. К. Осповат, Д.М. Хитрова: Новое издательство, 2010. 308 с.
24. Бурстин Д. Американцы: Колониальный опыт: пер. с англ. и ред. В.Т. Олейника М.: Изд. группа «Прогресс»-«Литера», 1993. 480 с.
25. Дубовицкий Г.А., Шатунова И.В. Джон Кэлхун – выразитель интересов Американского Юга (20-40-е годы XIX века) // Американский ежегодник, 1991. М.: Наука, 1991. С. 61 – 62.
26. Исаев С. А., Романова Н. Х. Политика федерального правительства в отношении индейцев // История внешней политики и дипломатии США. 1775-1877 / Отв. ред. Н.Н. Болховитинов. М.: Международные отношения, 1994. 384 с.
27. Куропятник Г.П. Земельный вопрос в Конгрессе США в середине XIX века // Американский ежегодник, 1995. М.: «Наука», 1995. С. 48 – 69.
28. Согрин В.В. Центральные проблемы в истории США М.: Издательство «Весь мир», 2013. 352 с.
29. Супоницкая И.М. Цивилизация США: контуры истории. М.: ЛЕНЛАНД, 2017. 304 с.
30. Тайгильдин А.В. Библия на службе плантаторов: религиозное оправдание рабства в южных штатах США // Вестник Марийского государственного университета. Серия: «Исторические науки. Юридические науки». 2025. №1. С. 76 – 85.
31. Тернер Ф. Дж. Фронтир в американской истории: пер. с англ. А.И. Петренко. М.: Издательство «Весь мир», 2009. 304 с.
32. Трояновская М.О. Джефферсоновские республиканцы и эмбарго 1807 г. // Проблемы новой и новейшей истории. М., 1982. С. 153 – 168.
33. Филимонова М.А. Пресса становится властью: Политические дискуссии на страницах периодической печати США в конце XVIII в.: ИНФРА-М, 2021. 203 с.

References

1. Annals of Congress. 8th Congress, 1st Session.
2. Annals of Congress. 9th Congress, 1st session.
3. Cadle F.W. Georgia Land Surveying History and Law GA, Athens: Georgia University Press, 1991. 600 p.
4. Collins L.D. Thomas Jefferson and the Quid Revolt: Thesis submitted and fulfillment for the degree of Master of Arts. TX, Denton, 1972. 114 p.
5. Constitution of the United States.

6. Cunningham N.E. The Jeffersonian Republicans in power. Party operations, 1801-1809. Chapel Hill: University of North Carolina Press, 1963.
7. Hofstadter R. The American Political Tradition and the Men Who Made It. NY: Vintage Books Edition, 1989. 560 p.
8. Kentucky Resolutions of 1799.
9. Virginia Resolutions of 1798.
10. Lamplugh G.R. Yazoo Land Fraud. New Georgia Encyclopedia [Electronic resource] URL: <https://www.georgiaencyclopedia.org/articles/history-archaeology/yazoo-land-fraud/> (date of access: 03.20.2025)
11. Leonard G. Fletcher v. Peck and Constitutional Development in the Early United States. 47 U. C. Davis Law Review. 2014. Vol. 47:1843. P. 1843 – 1857
12. Letter from James Jackson to Georgia Governor John Milledge, 29 December 1802. [Electronic resource] URL: https://dlg.usg.edu/record/dlg_zlna_tcc379 (date of access: 03.20.2025)
13. Talbot J. History of North America: Comprising, a Geographical and Statistical View of the United States, and of the British Canadian Possessions; Including a Great Variety of Important Information. Leeds: Davis and Co. 520 p.
14. Tate A. Conservatism and southern intellectuals, 1789-1861: liberty, tradition, and the good society. Columbia: University of Missouri Press, 2005. 416 p.
15. The citizens of the County of Richmond, to the president and members of the convention of the State of Georgia, 1 May 1795. [Electronic resource] URL: https://dlg.usg.edu/record/dlg_zlna_tcc936 (date of access: 20.03.2025)
16. The enquirer, 10 Sept. 1805. Richmond, Va. [Electronic resource] URL: <https://chroniclingamerica.loc.gov/lccn/sn84024736/1805-09-10/ed-1/seq-3/> (date of access: 03.20.2025)
17. Treaty of Amity, Commerce and Navigation, Between His Britannic Majesty and the United States of America, by their President, with the Advice and Consent of their Senate, signed at London November 19, 1794.
18. Treaty of Friendship, Limits and Navigation, Between the United States of America, and the King of Spain, signed at San Lorenzo el Real October 27, 1795.
19. White B.J. Corruption in Georgia Land Distribution: A Case Study of the Yazoo and Pine Barrens Land Frauds: Thesis submitted and fulfillment for the degree of Master of Arts. Statesboro, Georgia, 1994. 99 p.
20. Wiltse C.M. The new Nation, 1800-1845. NY.: Hill and Wang, 1961. 237 p.
21. Alentyeva T.V. The Role of Public Opinion in the "Jacksonian Era" in the USA Moscow.: INFRA-M, 2020. 356 p.
22. Alentyeva T.V., Filimonova M.A. Enlightenment Ideas and the Revolutionary Process in North America St. Petersburg.: Aleteya, 2021. 518 p.
23. Beilin B. Ideological Origins of the American Revolution: trans. from English by K. Ospovat, D.M. Khitrova: New Publishing House, 2010. 308 p.
24. Boorstin D. Americans: The Colonial Experience: trans. from English and ed. V.T. Oleynik M.: Publishing group "Progress" – "Litera", 1993. 480 p.
25. Dubovitsky G.A., Shatunova I.V. John Calhoun – the spokesman for the interests of the American South (20-40s of the XIX century). American Yearbook, 1991. M.: Science, 1991. P. 61 – 62.
26. Isaev S. A., Romanova N. Kh. Federal government policy towards the Indians. History of US foreign policy and diplomacy. 1775-1877. Ed. N. N. Bolkhovitinov. M.: International Relations, 1994. 384 p.
27. Kuropyatnik G. P. The Land Issue in the US Congress in the Mid-19th Century. American Yearbook, 1995. Moscow: Nauka, 1995. P. 48 – 69.
28. Sogrin V.V. Central Problems in US History Moscow: Ves Mir Publishing House, 2013. 352 p.
29. Suponitskaya I.M. US Civilization: Contours of History. Moscow: LENLAND, 2017. 304 p.
30. Taygildin A.V. The Bible in the Service of Planters: Religious Justification of Slavery in the Southern States of the USA. Bulletin of the Mari State University. Series: "Historical Sciences. Legal Sciences". 2025. No. 1. P. 76 – 85
31. Turner F.J. Frontier in American History: trans. from English by A.I. Petrenko. M.: Ves Mir Publishing House, 2009. 304 p.

32. Troyanovskaya M.O. Jeffersonian Republicans and the Embargo of 1807. Problems of Modern and Contemporary History. M., 1982. P. 153 – 168.

33. Filimonova M.A. The Press Becomes Power: Political Discussions on the Pages of US Periodicals at the End of the 18th Century: INFRA-M, 2021. 203 p.

Информация об авторе

Токарев Г.А., аспирант, Государственный университет просвещения

© Токарев Г.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Историко-ретроспективный анализ основных направлений и маршрутов русской эмиграции начала XX века

¹ Широкова Н.Д.,
¹ Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Аннотация: целью статьи является комплексный анализ феномена русской эмиграции первой волны (1917-1920-е гг.) через призму современных исторических методов. В данной статье на основе использования ниже указанных методов отражены основные направления и маршруты русской эмиграции начала XX века. В совокупности, авторы используют проблемно-хронологический метод, метод синхронизации и идеографический анализ, позволяющие рассмотреть эмиграцию как многомерный исторический процесс. Авторы отмечают, история русской эмиграции первой волны традиционно рассматривалась через призму политических событий и институциональной истории, однако в последние десятилетия в исторической науке намечился поворот к изучению человеческого измерения миграционных процессов – того, как индивидуальные и коллективные переживания, стратегии адаптации и кризисы идентичности формировали опыт изгнания. В этом контексте особую ценность приобретает анализ эго-документов – личных свидетельств, созданных самими эмигрантами в процессе осмысления своего положения. Рассматривая в статье трансформацию идентичности в практике «промежуточного» существования и миграционного опыта, а также механизмы жизненной адаптации людей в новых условиях, авторами было фактически выделено новое направление в исторических исследованиях – «транзитная история». Это стало отдельным предметным научным открытием в ходе исследования. Данное направление, термин нами определяется следующим образом. «Транзитная история» – направление научного исторического знания, обоснованное процессами историко-временного или перманентного перемещения (транзита) людей через географические, политические и культурные границы. Данное направление включает акцентное исследование и изучение пространства историко-культурного наследия, опыта, кодов и практик адаптационной повседневности различных представителей или социальных групп в условиях миграционного процесса и явлений в моменте их транзитного маршрута.

Таким образом, данное исследование не только анализирует основные направления русской эмиграции начала XX века, но и предлагает новые подходы к рассмотрению данной темы.

Ключевые слова: эмиграция, начало XX века, эго-документы, миграционные процессы, маршруты, транзитная история

Для цитирования: Широкова Н.Д. Историко-ретроспективный анализ основных направлений и маршрутов русской эмиграции начала XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 25 – 32.

Поступила в редакцию: 8 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 11 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Historical and retrospective analysis of the main directions and routes of Russian emigration in the early XX century

¹ Shirokova N.D.,
¹ Bunin Yelets State University

Abstract: the aim of the article is to comprehensively analyse the phenomenon of Russian emigration of the first wave (1917-1920s) through the prism of modern historical methods. This article reflects the main directions and routes of Russian emigration of the early XX century on the basis of the use of the following methods. Together, the authors use the problem-chronological method, the method of synchronisation and ideographic analysis, which allow us to consider emigration as a multidimensional historical process. The authors note that the history of the first wave of Russian emigration has traditionally been viewed through the prism of political events and institutional history, but in recent decades historical scholarship has turned towards the study of the human dimension of migration processes – how individual and collective experiences, adaptation strategies and identity crises shaped the experience of exile. In this context, the analysis of ego-documents – personal testimonies created by emigrants themselves in the process of comprehending their situation – is of particular value. By considering in the article the transformation of identity in the practice of ‘intermediate’ existence and migration experience, as well as the mechanisms of life adaptation of people in new conditions, the authors have actually identified a new direction in historical research – «transit history». This became a separate subject scientific discovery in the course of the research. This direction, the term is defined by us as follows. «Transit history» – a direction of scientific historical knowledge, justified by the processes of historical-temporal or permanent movement (transit) of people across geographical, political and cultural boundaries. This direction includes an accent study and research of the space of historical and cultural heritage, experience, codes and practices of adaptive everyday life of different representatives or social groups in the conditions of the migration process and phenomena at the moment of their transit route.

Thus, this study not only analyses the main directions of Russian emigration of the early 20th century, but also offers new approaches to the consideration of this topic.

Keywords: emigration, early 20th century, ego-documents, migration processes, routes, transit history

For citation: Shirokova N.D. *Historical and retrospective analysis of the main directions and routes of Russian emigration in the early XX century. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 25 – 32.*

The article was submitted: April 8, 2025; Approved after reviewing: June 11, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Историко-ретроспективный анализ представляет собой научный метод, позволяющий исследовать события прошлого с учетом их влияния на настоящее и возможные последствия в будущем. Этот метод основывается на принципе изучения исторических процессов в их динамике, что позволяет выявить закономерности и тенденции, определяющие развитие общества. В контексте миграционных процессов историко-ретроспективный анализ помогает понять причины и последствия перемещения больших групп людей, а также их влияние на культурное, экономическое и политическое развитие принимающих регионов.

Применение ретроспективного анализа в изучении миграционных процессов позволяет исследовать сложные взаимосвязи между причинами миграции, такими как политические и экономические кризисы, и их последствиями для мигрантов

и принимающих обществ. Миграционные процессы начала XX века, обусловленные революциями и войнами, демонстрируют, как исторические события формируют массовые перемещения, изменяя социальные и культурные структуры как отправляющих, так и принимающих стран. Профессор А.А. Серых отмечает, что историки конца XIX – начала XX века стали свидетелями и участниками социокультурных изменений, что оказало влияние на их восприятие исторических событий [13, с. 168]. Это подчеркивает значимость анализа исторического контекста для понимания миграционных процессов.

Источники для ретроспективного анализа эмиграции включают широкий спектр материалов, таких как официальные документы, статистические данные, дневники, письма и воспоминания. Эти источники позволяют восстановить картину миграционных процессов, включая маршруты, мотивацию и условия жизни эмигрантов. Особое

внимание уделяется личным свидетельствам, которые дают уникальное представление о субъективном восприятии эмиграции.

Материалы и методы исследований

Для проведения данного исследования были рассмотрены эго-документы представителей белой эмиграции, прежде всего дневники И.А. Бунина, так как писатель начала XX века подробно описывал маршрут своего следования, а также происходящие события по пути следования [1]. Также авторы работали с корпусом эго-документов В.Н. Муромцевой-Буниной [3], З.Н. Гиппиус [4], В.В. Набокова [7] и т.д. Мы также работали с архивными материалами Дома Русского Зарубежья им. А. И. Солженицына, Бахметьевского архива и архивом периодической печати издания YMCA-Press в Париже.

Методы исследования включили в себя использование традиционных методик гуманитарного знания. Метод историзма позволил нам учитывать исторические обстоятельства, влияющие на поступки и поведение людей. В частности, анализируя корпус эго-документов мы учитываем характер послереволюционной эпохи. Авторы также применяли метод описания, который позволил отразить социально-экономическое и политическое развитие Российского государства в начале XX века. В научной работе авторы использовали сравнительно-исторический метод, который помог выявить тенденции, свойственные общественной жизни различных представителей белой эмиграции – от элитарных до обычных. Методологическую основу работы дополнили такие методы, как хронологический, ретроспективы и актуализации. Использование вышеуказанных методов дало возможность рассмотреть пути и маршруты русской эмиграции в начале XX века сквозь призму дневников и эго-документов.

Результаты и обсуждения

Русская эмиграция начала XX века – масштабное явление, вызванное революционными потрясениями, Гражданской войной и сменой политического режима в России. Этот процесс привел к формированию многочисленных диаспор в Европе, Азии и Америке, оказавших значительное влияние на культуру, науку и политику принимающих стран. Точные статистические данные отсутствуют, однако различные организации пытались оценить масштабы русской эмиграции. Американский Красный Крест фиксировал 1 965 000 беженцев уже к осени 1920 года, причём эта цифра не учитывала последующую массовую эвакуацию из Крыма [12, с. 38]. Российский Красный Крест называл более скромную цифру – 1,5 миллиона. В 1923 году «Русское литературное общество в Да-

маске» предприняло попытку подсчета общего числа эмигрантов, их к этому времени насчитывалось свыше 2 млн. человек. Цифры, близкие к 2 млн., неоднократно фигурировали в 20-е гг. в различных документах Лиги Наций и на страницах эмигрантских газет.

Используя метод синхронизации, который предполагает изучение одновременных событий, процессов или явлений, которые происходили в разных регионах или обществах в один и тот же временной период, авторами делается попытка воссоздания сетки маршрутов эмиграции.

Первоначальный поток русских беженцев хлынул преимущественно в соседние с Россией государства. Эти приграничные страны, образовавшиеся в основном на окраинах бывшей Российской империи, в то время получили собирательное название «лимитрофы» (от латинского «limitrophus» – пограничный). К ним относились Финляндия, Эстония, Латвия, Литва, Польша и Румыния.

Ярким примером этой первой волны эмиграции стало отступление в январе 1920 года Северо-Западной армии генерала Юденича на территорию Эстонии. Это воинское формирование, насчитывавшее около 15 тысяч бойцов, вместе с гражданскими беженцами перешло эстонскую границу после неудачного наступления на Петроград. Эстонские власти, только что получившие независимость, оказались перед сложным выбором – принять русских беженцев или отказать им в убежище. Ситуация осложнялась тем, что многие из этих государств сами находились в процессе восстановления после Первой Мировой войны и испытывали серьезные экономические трудности. Тем не менее, они стали первым пристанищем для десятков тысяч русских беженцев, которые впоследствии либо осели в этих странах, либо двинулись дальше в Западную Европу. Особенностью «лимитрофов» как центров русской эмиграции было их пограничное положение между Советской Россией и Западной Европой, что делало их одновременно и перевалочным пунктом, и местом временного пребывания для многих беженцев.

Вторым возможным маршрутом, для русских беженцев стало Южное направление. Они получили особенно теплый прием в Королевстве СХС – сербов, хорватов и словенцев (официальное название Югославии до 1929 года). Это гостеприимство во многом объяснялось личной позицией короля Александра I Карагеоргиевича. Монарх, являвшийся выпускником престижного Петербургского Пажеского корпуса, в совершенстве владел русским языком и испытывал глубокую благодарность к России. Как отмечают исследователи Фе-

дюк В.П. и Урядова А.В. в работе «История русской эмиграции. 1917-1939 гг.», король Александр считал своим долгом помочь русским беженцам. С его личного одобрения в стране были созданы благоприятные условия для эмигрантов из России. Монарх не только предоставил политическое убежище, но и санкционировал выделение средств на поддержку русской диаспоры [14, с. 26].

Это особое отношение объяснялось несколькими факторами: во-первых, историческими связями между Сербией и Россией; во-вторых, личными воспоминаниями короля о годах учебы в Петербурге; и в-третьих, политическим расчетом – многие русские эмигранты обладали высокой квалификацией и могли способствовать развитию молодого балканского государства. Благодаря такой позиции руководства страны Югославия стала одним из важнейших центров русской эмиграции первой волны, где беженцы из России смогли найти не только кров, но и возможности для профессиональной реализации. Для более наглядного понимания передвижения русско-эмиграции в северо-западном и юго-западном направлении, авто-

ры воссоздали самостоятельно на карте маршруты (рис. 1).

Третьим направлением, в период Гражданской войны (1918-1922 гг.) стал Дальний Восток. Наблюдалась значительная миграционная активность русского населения Маньчжурии, вызванная военными мобилизациями. После окончательного поражения белых армий поток эмигрантов в Северный Китай существенно увеличился. К 1923 году русская диаспора в этом регионе достигла численности около 400 тысяч человек. Примечательно, что примерно четверть из них (100 тысяч) оформили советские паспорта, часть которых впоследствии вернулась в РСФСР, воспользовавшись объявленной амнистией для рядовых участников белого движения. В течение 1920-х годов наметилась тенденция к вторичной миграции русских из Китая в другие страны. Особенно активно этот процесс затронул молодёжь, стремившуюся получить образование в университетах США, стран Южной Америки, Европы и Австралии. Схематичное маршрутное направление на Дальний Восток авторы составили самостоятельно (рис. 2).

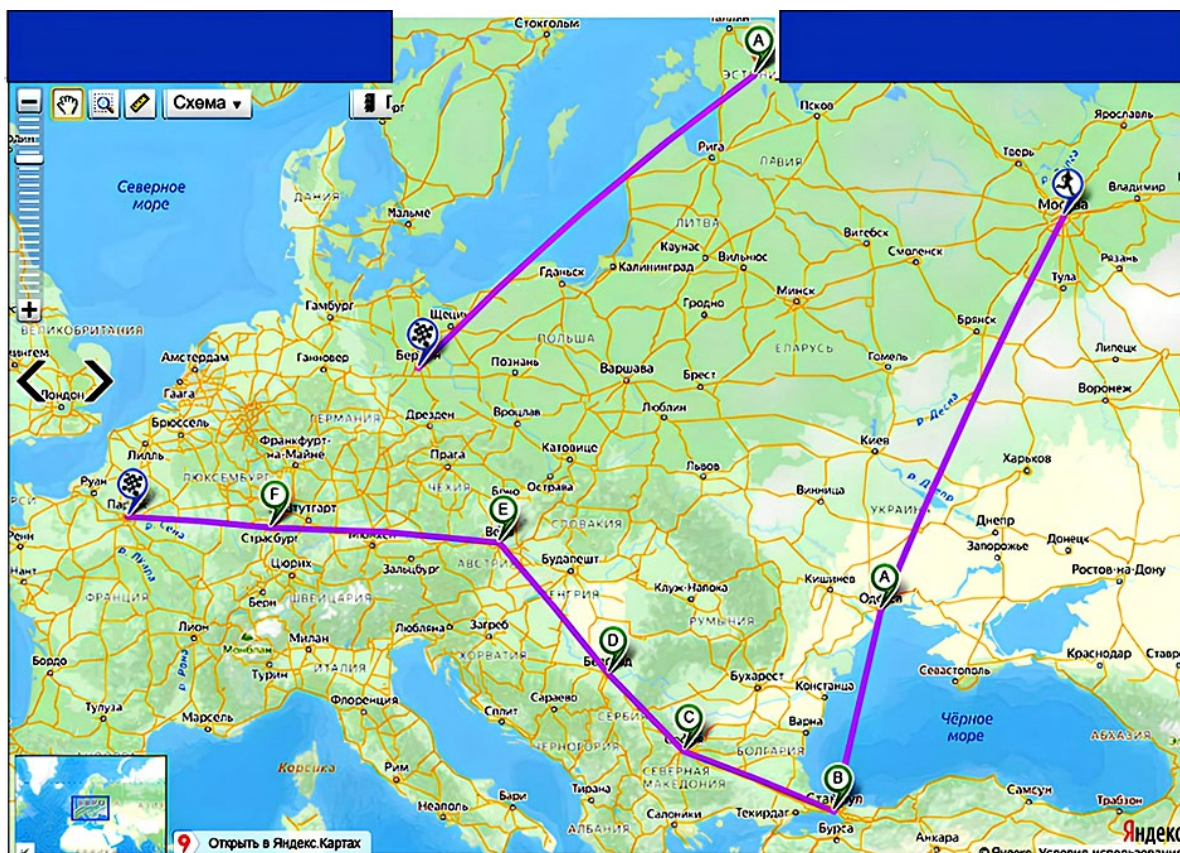

Рис. 1. Северо-западный и юго-западный маршруты русской эмиграции 1918-1920 гг.

Fig. 1. North-western and south-western routes of Russian emigration 1918-1920.

Правовое положение русских эмигрантов значительно осложнилось после принятия 15 декабря 1921 года декрета РСФСР, лишавшего гражданства целые категории бывших подданных Российской империи. Под действие этого документа попали лица, находившиеся за границей непрерывно более пяти лет и не оформившие вовремя документы в советских представительствах. В результате тысячи эмигрантов оказались в статусе апатридов (лиц без гражданства). Тем не менее, до момента международного признания СССР бывшие российские дипломатические учреждения продолжали защищать права русских беженцев. Для

решения проблем эмигрантов на международном уровне Лига Наций учредила должность Верховного комиссара по делам русских беженцев, которую занял известный норвежский исследователь Фритьоф Нансен. В 1922 году под его руководством была разработана система специальных удостоверений личности – так называемых «нансеновских паспортов», ставших для многих русских эмигрантов единственным документом, удостоверяющим их личность. Эти паспорта сохраняли свою юридическую силу вплоть до конца XX века, и некоторые потомки эмигрантов продолжали пользоваться ими даже в 1990-е годы.

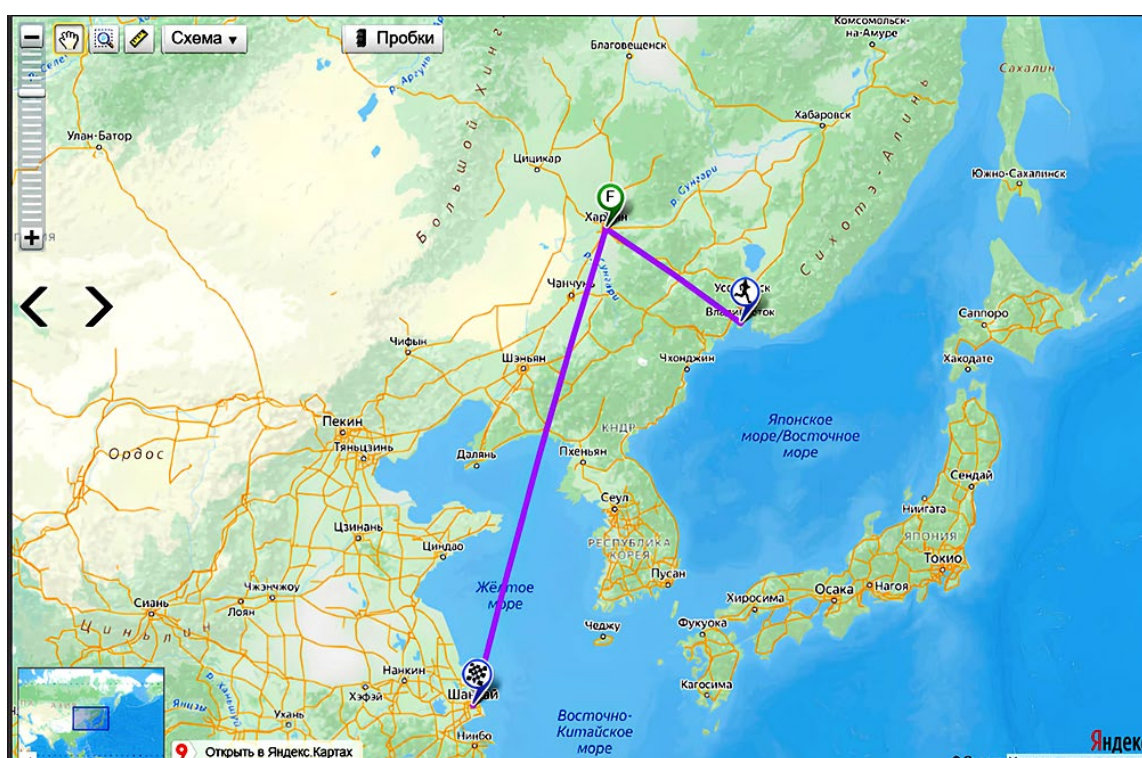

Рис. 2. Вариант Дальневосточного маршрута русской эмиграции 1918-1920 гг.

Fig. 2. Variant of the Far Eastern route of Russian emigration in 1918-1920.

Используя проблемно-хронологический метод исследования, который предполагает разбиение исторического материала на несколько узких проблем, изучаемые в хронологической последовательности, выделим три ключевых мотива, по которым случилась эмиграция из России в начале XX века: личный (1918-1919 гг.), политический (1920 г.), идеологический (1922 г.).

Личные мотивы, находили свои истоки в политическом провале Белого движения. Он проявился как в военном поражении, так и в моральной дискредитации. Многие, надеявшиеся на восстановление прежнего порядка, были в глубоком смятении, что им делать дальше. Ведь, белое движение

возникло как реакция на Октябрьскую революцию 1917 года и приход к власти большевиков. Его основу составили офицеры царской армии, такие генералы как Корнилов, Алексеев, Деникин. Кадеты и монархисты, выступавшие за Учредительное собрание, казацкие войска на Дону и в Кубане, социалисты-революционеры (эсеры), боровшиеся против диктатуры большевиков. Белое движение не было единым – оно действовало на нескольких направлениях, что и послужило, как считает историк С.П. Мельгунов помощью врагам России: *«Парадокс истории в том, что ведя борьбу с большевиками под лозунгом единой неделимой России и не давая тем самым им расправиться с*

националистическими движениями на окраинах страны, белые фактически помогли союзникам в их планах расчленения России» [6, с. 55].

Гиппиус Зинаида Николаевна (1869-1945) поэтесса конца XIX – начала XX вв., не принявшая исход 1917 года, и покинувшая страну в конце 1919 года, оставила потрясающие воспоминания, мысли и комментарии в серии своих дневников. Подход написания дневников поражает исследователей, так как к каждому периоду Зинаида Николаевна относилась с особым трепетом, и даже с преддверием того, что происходят великие события. Она давала им следующие названия: «Белая книга» (1915 г.), «Синяя книга» (1917 г.), «Серый блокнот» (1918 г.), «Чёрная книга» (1919 г.). В последнем, поэтесса так пишет о новой власти: «Россией сейчас распоряжается ничтожная кучка людей, к которой вся остальная часть населения, в громадном большинстве, относится отрицательно и даже враждебно» [4, с. 20]. Анализируя её эго-документ можно проследить тоску по Родине, смутнение и ненависть в отношении действий большевиков. Утрата доверия к своим соотечественникам.

Запись от июня 1919 г. *«Вчера (28-го июня) дежурила у ворот. Ведь у нас со времени весенней большевистской паники установлено бессменное дежурство на тротуаре, день и ночь. Дежурят все, без изъятия, жильцы дома по очереди, по три часа каждый. Для чего это нужно сидеть на пустынной, всегда светлой улице – не знает никто. Но сидят.»* [4, с. 24]. Исходя из неё, авторы делаю вывод, что в середине 1919 года поэтесса пытается принять вновь установившийся режим. А вот запись через месяц, 16 июля: *«Яркий день. Годовщина (пять лет!) войны. С тех пор почти не живу. О, как я ненавидела ее всегда, этот европейский позор, эту бессмысленную петлю, которую человечество накинуло на себя! Я уже не говорю о России»* [4, с. 31]. В данный период чувствуется усталость от тяготы, что навевала эпоха. К осени ситуация ухудшается, становится невозможным жить, так как электричество дают на 4 часа в день, цены на продукты дорожают в геометрической прогрессии, а *«Товарищ Ленин живёт в Кремле в двух просторных светлых комнатах»* [4, с. 46]. Также описывается внутривластная ситуация в Кронштадте, Киеве и других городах. На корке «Чёрной книги» написано: *«В потайном кармане меховой шубки, которую я последнее время не спускала с плеч, лежал серенький блокнот, что станет продолжением... отметки на этом блокноте – спутаны... и доходят вплоть до дня отъезда-бегства, – 24 декабря 1919 года».* Зинаида Николаевна сядет 24 декабря 1919 года в «поезд белой

эмиграции» и больше никогда не вернётся в Советскую Россию. Маршрут её следования был следующим: Петроград → Гомель → Варшава → Париж.

В романе Владимира Владимировича Набокова «Другие берега» (1954 г.) дореволюционная Россия предстаёт в виде детских воспоминаний. Роман является автобиографическим повествованием, в котором Россия предстает одновременно как утраченный рай детства и травматическое пространство исторического изгнания. Набоков создает сложный, ностальгический, а иногда ироничный образ родины, который пронизывает всю его прозу. *«Я помню, как в нашем петербургском доме, в библиотеке, стоял глобус, и я проводил пальцем по России, не зная, что скоро её потеряю»* [7, с. 124]. После революции и Гражданской войны Набоков (как и его семья) теряет родину, и этот разрыв становится ключевой темой романа. *«Эмигранты тосковали по России, которую сами же и потеряли. Я тосковал по той, которую помнил только я»* [7, с. 131]. В отличие от многих эмигрантов, тосковавших по «исторической России», Набоков создает индивидуальную версию родины – вне политики, но в вечности искусства.

Семья Набоковых была враждебна большевизму, так как отец, Владимир Дмитриевич Набоков был кадетом, министром юстиции Временного правительства в 1917 г., активный противник советской власти. После Октябрьской революции начались аресты и расстрелы бывших царских чиновников и интеллигенции. Набоковы поддерживали Белую армию, в 1917-1919 гг. семья жила в Крыму, который был одним из последних оплотов белых. Брат Набокова, Сергей, воевал в Добровольческой армии. В 1918-1919 гг. Крым переживал красный террор, массовые расстрелы «буржуазных элементов». Национализация имущества, из-за которой семья потеряла имение Выра под Петербургом и дом в столице.

В апреле 1919 года – Набоковы покинули Севастополь на английском корабле «Надежда», являвшимся один из последних рейсов перед падением Крыма. Маршрут их следования был следующим: Севастополь → Стамбул → Афины → Лондон. Ключевая деталь – отъезд произошел за 8 месяцев до окончательного разгрома Белой армии в Крыму, случившийся в ноябре 1920 года, что спасло семью от гибели или ареста.

Политический мотив эмиграции из России, прослеживается в судьбе Ивана Алексеевича Бунина и его жены Веры Ивановны Буниной-Муромцевой. И.А. Бунин открыто называл революцию 1917 года «окаянными днями», считая её национальной катастрофой. В его дневнике, кото-

рый получил соответствующие эпохе название «Окаянные дни», описываются события 1918-1920 годов. Иван Алексеевич отказался сотрудничать с новой властью, несмотря на предложения. В октябре 1917 года И.А. пишет: «*Радость жизни убита войной, революцией*» [1, с. 394]. В мае 1918 года они покинули Москву и сперва отправились в Одессу, где прожили следующие 2 года.

Декрет об уничтожении сословий и гражданских чинов – утверждённый ЦИК 11 ноября 1917 года находит своё подтверждение в быту четы Буниных. В записи от 14 июля 1918 года, в их совместном эго-документе «Устами Буниных» говорится, что «*Иметь прислугу стало невыносимо трудным, так как она совсем распоясалась. У кухарки, что помогала по дому прям на кухне жил любовник большевик, матрос*» [3, с. 182]. Серьёзные меры принять было нельзя, так как это могло обернуться серьёзными последствиями в «социалистических углах» страны, которые Одесса тоже имела. В конце июля, до изгнанников доходит письмо младшего брата Ивана Алексеевича – Юлия. В нём он повествует о том, что многие уехали, дороговизна продуктов питания становится невыносимой. Как пишет И.А. Бунин в «Окаянных днях»: «*А письмо из Москвы к В. от 10 августа пришло только сегодня. Впрочем, почта русская кончилась уже давно, еще летом 17 года: с тех самых пор, как у нас впервые, на европейский лад, появился «министр почт и телеграфов. Тогда же появился впервые и «министр труда» – и тогда же вся Россия бросила работать*» [2, с. 38]. Маршрут их следования был следующим: Москва → Одесса → Константинополь → Париж.

Выводы

Настоящее исследование демонстрирует, что русская эмиграция в начале XX века стала результатом глубокого политического, социального и

экономических кризисов, вызванных революцией 1917 года и последующей Гражданской войной. Русское зарубежье внесло значительный вклад в мировую культуру, литературу, искусство и науку. Изучение этого вклада помогает лучше понять взаимосвязи между различными культурами и влияние русской культуры на мировую цивилизацию. Поддержание памяти о событиях, связанных с русской эмиграцией, способствует сохранению исторической правды и пониманию причин и последствий миграционных процессов того времени. Также для многих потомков русских эмигрантов, живущих за рубежом, изучение истории и культуры Русского зарубежья является способом поиска и укрепления своей идентичности. Исследования в этой области способствуют развитию исторической науки, культурологии, литературоведения и других дисциплин, расширяя границы понимания социокультурных процессов. Эго-документы, в свою очередь, не только раскрывают личные переживания, но и отражают общественные настроения того времени. Многие эмигранты активно участвовали в философских и религиозных дискуссиях, что привело к формированию значительных философских течений и религиозных движений. Процессы ассимиляции, адаптации и взаимного обогащения культур в условиях эмиграции представляют большой интерес для изучения механизмов культурного взаимодействия. Работа с архивными материалами, письмами, дневниками и другими личными документами эмигрантов открывает новые данные для исследований и позволяет более полно реконструировать исторические события. Изучение и развитие темы наследия Русского зарубежья способствует не только академическому развитию, но и культурному обмену, укреплению международных связей и пониманию глобальных исторических процессов.

Список источников

1. Бунин И.А. Собрание сочинений: в 6-ти т. Т. 6: Освобождение Толстого; О Чехове; Воспоминания; Дневники; Статьи / Редкол.: Ю. Бондарев, О. Михайлов, В. Рынкевич; Подгот. текста, статья-послесл. и коммент. О. Михайлова. Москва: Худож. лит., 1988. 719 с.
2. Бунин И.А. Окаянные дни. Москва: Директ-Медиа, 2008. 152 с.
3. Бунин И.А. Устами Буниных: дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и др. арх. материалы: в 3 т. / под ред. Милицы Грин. Москва: Посев, 1977. Т. 1. 367 с.
4. Гиппиус З. Петербургские дневники (1914-1919). Орфей, 1982. 285 с. URL: <https://archive.org/details/1914-1919-1982/page/45/mode/2up?view=theater> (дата обращения: 29.01.2025)
5. Лампе А.А. Пути верных. Сборник статей. Париж, 1960. 264 с. URL: <https://archive.org/details/B-001-026-995-ALL> (дата обращения: 02.03.2025)
6. Мельгунов С.П. Гражданская война в освещении П.Н. Милюкова: Критико-библиографический очерк. Париж, 1929. 355 с.
7. Набоков В.В. Другие берега. Санкт-Петербург: Азбука-Аттикус, 2014. 283 с. URL: <https://archive.org/details/drugieberega0000nabo/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 23.02.2025)

8. Письма В.Н. Буниной (Муромцевой) к М.А. Алданову, 1920-1922 гг. // Бахметьевский архив Columbia University, Нью-Йорк. Ф. «Алданов».
9. Письма И.А. Бунина к З.Н. Гиппиус и Д.С. Мережковскому, 1919-1922 гг. // Бахметьевский архив Columbia University, Нью-Йорк. Ф. «Мережковские».
10. Письма И.А. Бунина к Н.А. Бердяеву, 1921-1922 гг. // Архив YMCA-Press, Париж. Ф. YMCA-Press. Кор. 12. Д. 87.
11. Письма И.А. Бунина к П.Б. Струве, 1920-1922 гг. // Дом Русского Зарубежья им. А. Солженицына, Москва. Ф. 42. Оп. 2. Ед. хр. 18.
12. Раев М. Россия за рубежом: История культуры русской эмиграции. 1919-1939. Москва, 1994. 296 с.
13. Серых А.А. Прошлое и настоящее в революционной повседневности М.М. Богословского (по материалам дневника историка) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2019. № 4 (32). С. 167 – 168.
14. Федюк В.П., Урядова А.В. История русской эмиграции. 1917-1939 гг.: учеб. пособие / Яросл. гос. ун-т. Яро-славль: ЯрГУ, 2006. 100 с.

References

1. Bunin I.A. Collected works: in 6 volumes. Т. 6: Liberation of Tolstoy; About Chekhov; Memories; Diaries; Articles. Editorial Board: Yu. Bondarev, O. Mikhailov, V. Rynkevich; Prepare text, article-after. and comment. O. Mikhailova. Moscow: Khudozh. lit., 1988. 719 p.
2. Bunin I.A. Damned days. Moscow: Direct-Media, 2008. 152 p.
3. Bunin I.A. Through the mouths of the Bunins: diaries of Ivan Alekseevich and Vera Nikolaevna and other architects. materials: in 3 volumes. ed. Militsa Green. Moscow: Posev, 1977. Vol. 1. 367 p.
4. Gippius Z. Petersburg diaries (1914-1919). Orfey, 1982. 285 p. URL: <https://archive.org/details/1914-1919-1982/page/45/mode/2up?view=theater> (date of access: 29.01.2025)
5. Lampe A.A. Paths of the Faithful. Collection of articles. Paris, 1960. 264 p. URL: <https://archive.org/details/B-001-026-995-ALL> (date of access: 02.03.2025)
6. Melgunov S.P. The Civil War in the Light of P.N. Milyukov: Critical and Bibliographic Essay. Paris, 1929. 355 p.
7. Nabokov V.V. Other Shores. Saint Petersburg: Azbuka-Attikus, 2014. 283 p. URL: <https://archive.org/details/drugiebereg0000nabo/page/n5/mode/2up> (accessed: 23.02.2025)
8. Letters of V.N. Bunina (Muromtseva) to M.A. Aldanov, 1920-1922. Bakhmetevsky Archives of Columbia University, New York. F. "Aldanov".
9. Letters of I.A. Bunin to Z.N. Gippius and D.S. Merezhkovsky, 1919-1922. Bakhmetevsky Archives of Columbia University, New York. F. "Merezhkovskys".
10. Letters of I.A. Bunin to N.A. Berdyaev, 1921-1922. YMCA-Press Archive, Paris. F. YMCA-Press. Cor. 12. D. 87.
11. Letters of I.A. Bunin to P.B. Struve, 1920-1922. A. Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow. F. 42. Op. 2. Unit 18.
12. Raev M. Russia Abroad: History of the Culture of Russian Emigration. 1919-1939. Moscow, 1994. 296 p.
13. Serykh A.A. Past and Present in the Revolutionary Everyday Life of M.M. Bogoslovsky (based on the historian's diary). Bulletin of the Orenburg State Pedagogical University. 2019. No. 4 (32). P. 167 – 168.
14. Fedjuk V.P., Uryadova A.V. History of Russian Emigration. 1917-1939: textbook. Yaroslavl State University. Yaroslavl: YarSU, 2006. 100 p.

Информация об авторе

Широкова Н.Д., Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 399770, Липецкая область, г. Елец, ул. Коммунаров 28, s_hirokova@mail.ru

© Широкова Н.Д., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 327.8:61

Медицинская дипломатия в холодной войне: роль СССР и США в глобальных программах вакцинации

¹ Фидарова К.К., ¹ Цомартов В.Р., ¹ Маргиев Д.Ю.,
¹ Северо-Осетинская государственная медицинская академия

Аннотация: статья посвящена анализу медицинской дипломатии СССР и США в период Холодной войны (1947-1991) через призму их участия в глобальных программах вакцинации против оспы и полиомиелита. Рассматриваются идеологические, организационные и геополитические аспекты подходов сверхдержав, их вклад в ликвидацию заболеваний и укрепление влияния в странах третьего мира. На основе архивных документов и научной литературы выявляется роль программ в формировании международных отношений и глобальной системы здравоохранения. Подчеркивается значение сотрудничества и риски политизации медицины, а также актуальность уроков Холодной войны для современных вызовов здравоохранения.

Ключевые слова: медицинская дипломатия, Холодная война, СССР, США, глобальные программы вакцинации, оспа, полиомиелит, мягкая сила, геополитика, Всемирная организация здравоохранения, международные отношения, здравоохранение

Для цитирования: Фидарова К.К., Цомартов В.Р., Маргиев Д.Ю. Медицинская дипломатия в холодной войне: роль СССР и США в глобальных программах вакцинации // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 33 – 39.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 12 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Medical diplomacy in the Cold War: the role of the USSR and the USA in global vaccination programs

¹ Fidarova K.K., ¹ Tsomartov V.R., ¹ Margiev D.Yu.,
¹ North Ossetian State Medical Academy

Abstract: the article analyzes the medical diplomacy of the USSR and the USA during the Cold War (1947-1991) through their participation in global vaccination programs against smallpox and polio. It examines the ideological, organizational, and geopolitical aspects of the superpowers' approaches, their contributions to disease eradication, and their efforts to expand influence in the Third World. Based on archival documents and scholarly literature, the study highlights the programs' impact on international relations and the global health system. It underscores the importance of cooperation, the risks of politicizing medicine, and the relevance of Cold War lessons for contemporary health challenges.

Keywords: medical diplomacy, Cold War, USSR, USA, global vaccination programs, smallpox, polio, soft power, geopolitics, World Health Organization, international relations, healthcare

For citation: Fidarova K.K., Tsomartov V.R., Margiev D.Yu. Medical diplomacy in the Cold War: the role of the USSR and the USA in global vaccination programs. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 33 – 39.

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В период Холодной войны (1947-1991) медицинская дипломатия стала важным инструментом мягкой силы, позволяя сверхдержавам – СССР и США – продвигать свои геополитические интересы через программы здравоохранения. Глобальные инициативы по вакцинации, направленные на борьбу с такими заболеваниями, как оспа и полиомиелит, служили не только гуманитарным целям, но и средством укрепления влияния в странах третьего мира. СССР и США, соревнуясь за лидерство на международной арене, активно участвовали в разработке и распространении вакцин, сотрудничая с Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) и другими международными структурами.

Эта статья представляет собой аналитическое исследование участия двух ведущих мировых держав в глобальных программах вакцинации, с акцентом на их стратегические подходы, мотивационные установки и воздействие на международные отношения. Особое внимание уделяется медицинской дипломатии как инструменту внешнеполитического влияния, отражающему идеологическое противостояние и способствующему формированию архитектуры глобального здравоохранения.

Материалы и методы исследований

В исследовании применялись методы сравнительного анализа для оценки подходов сверхдержав, контент-анализ для изучения политических мотивов и исторический метод для реконструкции событий. Основное внимание уделялось влиянию программ на международные отношения и глобальное здравоохранение, с учетом идеологических и геополитических факторов.

Результаты и обсуждения

Холодная война (1947-1991) была периодом противостояния СССР и США, характеризующимся идеологической, экономической и политической борьбой без прямого военного конфликта. Сверхдержавы соревновались за влияние в странах третьего мира – Азии, Африке и Латинской Америке. Медицинская дипломатия стала инструментом мягкой силы, позволяя демонстрировать достижения через программы вакцинации.

Начавшаяся после Второй мировой войны, Холодная война расколола мир на капиталистический Запад (США) и социалистический Восток

(СССР). Прямое столкновение грозило ядерной катастрофой, поэтому сверхдержавы использовали культурные и медицинские инициативы. Медицинская дипломатия, решая проблемы здоровья, укрепляла международный престиж. Программы против оспы и полиомиелита апеллировали к универсальным ценностям, что делало их эффективными в развивающихся странах.

До Холодной войны медицинская дипломатия применялась, например, в XIX веке в колониях или при борьбе с жёлтой лихорадкой в Латинской Америке. В Холодной войне её масштабы возросли, а ВОЗ (1948) стала платформой для конкуренции СССР и США в здравоохранении.

Для СССР медицинская дипломатия была частью более широкой стратегии продвижения социалистической модели. Советская система здравоохранения, основанная на принципах бесплатной медицины и массовой профилактики, представлялась как альтернатива капиталистической модели, где доступ к медицинским услугам часто зависел от финансовых возможностей. СССР активно инвестировал в подготовку медицинских кадров и поставку вакцин в развивающиеся страны, подчёркивая солидарность с народами, борющимися за независимость. США, в свою очередь, делали акцент на научных инновациях и частных инициативах, продвигая образ страны, способной решать глобальные проблемы благодаря технологическому превосходству. Их участие в программах ВОЗ и разработка новых вакцин, таких как вакцина Солка против полиомиелита, укрепляли репутацию США как лидера в области науки.

Таким образом, медицинская дипломатия в период Холодной войны была тесно связана с геополитической конкуренцией. Она отражала не только стремление СССР и США улучшить здоровье населения, но и их желание использовать здравоохранение как инструмент для достижения стратегических целей. Следующие разделы статьи рассмотрят конкретные усилия каждой сверхдержавы в глобальных программах вакцинации, их подходы и влияние на международные отношения.

В период Холодной войны Советский Союз активно использовал медицинскую дипломатию как инструмент для укрепления своего влияния в мире, особенно в развивающихся странах Азии, Африки и Латинской Америки. Программы вакцинации, направленные на борьбу с такими инфекци-

онными заболеваниями, как оспа и полиомиелит, стали важной частью этой стратегии. Советская модель здравоохранения, основанная на принципах бесплатной медицины и массовой профилактики, позиционировалась как гуманитарная альтернатива капиталистическому подходу США. СССР не только разрабатывал и производил вакцины, но и обеспечивал их поставку, обучение медицинских кадров и техническую поддержку в странах третьего мира, что способствовало укреплению международных альянсов и продвижению социалистической идеологии [1].

Одним из ключевых достижений СССР в области медицинской дипломатии стало участие в глобальной кампании Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) по ликвидации оспы, начатой в 1958 году и усиленной в 1967 году. Советский Союз предложил эту инициативу на сессии ВОЗ и стал крупнейшим поставщиком вакцины против оспы, предоставив миллионы доз для стран Африки, Азии и Латинской Америки. Советские специалисты также участвовали в организации вакцинационных кампаний, обучении местных медиков и мониторинге эпидемиологической ситуации. К 1980 году, когда ВОЗ объявила об искоренении оспы, вклад СССР был признан решающим, что укрепило его репутацию как лидера в глобальном здравоохранении [2]. Например, в Индии, где оспа была эндемичной, СССР поставил более 1 миллиарда доз вакцины в 1960-1970-х годах, а также направил эпидемиологов для координации кампаний [3].

Ещё одним значимым вкладом СССР стала разработка и распространение вакцины против полиомиелита. В 1950-х годах советский учёный Михаил Чумаков адаптировал живую оральную вакцину, созданную американским учёным Альбертом Сэбином, для массового производства. Эта вакцина, известная как вакцина Чумакова, была дешёвой и простой в использовании, что делало её идеальной для применения в развивающихся странах. СССР не только внедрил массовую вакцинацию против полиомиелита у себя, практически устранив заболевание к началу 1960-х годов, но и поставлял вакцину в страны Восточного блока, Азии и Латинской Америки. Например, Куба, ставшая близким союзником СССР, получила значительную помощь в виде вакцин и оборудования для проведения иммунизации, что способствовало снижению заболеваемости полиомиелитом на острове [4]. Кроме того, советские специалисты обучали кубинских медиков, что укрепило двусторонние отношения.

Геополитические цели СССР в этих программах были очевидны. Предоставляя вакцины и ме-

дицинскую помощь странам третьего мира, Советский Союз стремился продемонстрировать преимущества социалистической системы и заручиться поддержкой новых независимых государств. В Африке, например, СССР поддерживал страны, такие как Эфиопия и Ангола, через медицинские программы, что помогало противостоять влиянию США и их союзников. В Индии и других странах Азии советская помощь в области здравоохранения воспринималась как проявление солидарности с антиколониальным движением, что усиливало политическое влияние СССР [3].

Однако советские программы сталкивались с рядом вызовов. Логистические трудности, такие как транспортировка вакцин в условиях плохой инфраструктуры, часто затрудняли реализацию кампаний. Бюрократические проблемы внутри СССР, включая недостаточную координацию между ведомствами, иногда замедляли поставки. Кроме того, западные страны критиковали советские инициативы, обвиняя их в пропагандистском характере и низком качестве вакцин, хотя эти обвинения часто были политически мотивированными [4]. Несмотря на это, успехи СССР в борьбе с оспой и полиомиелитом способствовали укреплению его позиций на международной арене и заложили основы для сотрудничества в области глобального здравоохранения.

Таким образом, участие СССР в глобальных программах вакцинации демонстрировало сочетание гуманитарных и геополитических мотивов. Советская медицинская дипломатия не только спасла миллионы жизней, но и стала важным инструментом мягкой силы, укрепляя влияние СССР в развивающихся странах и способствуя формированию международной системы здравоохранения.

Соединённые Штаты Америки в период Холодной войны активно использовали медицинскую дипломатию как инструмент для продвижения своих геополитических интересов и противодействия влиянию СССР [5]. Программы вакцинации, направленные на борьбу с инфекционными заболеваниями, такими как оспа и полиомиелит, стали важной частью этой стратегии, демонстрируя американское технологическое превосходство и приверженность гуманитарным ценностям. В отличие от советского подхода, который акцентировал массовую профилактику и государственное управление, США делали ставку на научные инновации, частные инициативы и сотрудничество с международными организациями, такими как Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ). Эти усилия не только способствовали улучшению глобального здравоохранения, но и укрепляли позиции США в странах третьего мира, особенно в

Латинской Америке и Юго-Восточной Азии [3].

Одним из ключевых достижений США стала разработка вакцины против полиомиелита, созданной Джоном Солком в 1955 году. Вакцина Солка, основанная на инактивированном вирусе, была результатом масштабных исследований, финансируемых как государством, так и частными фондами, такими как Национальный фонд борьбы с полиомиелитом. Её успех стал символом американской науки и вызвал широкий международный резонанс. США активно продвигали вакцину за рубежом, предоставляя её странам, где полиомиелит оставался серьёзной угрозой. Например, в Латинской Америке, где США стремились укрепить своё влияние в противовес советской поддержке Кубы, американские программы вакцинации против полиомиелита получили широкое распространение. К концу 1950-х годов такие страны, как Бразилия и Мексика, значительно снизили заболеваемость благодаря поставкам вакцины и обучению местных медиков [6].

Участие США в глобальной кампании ВОЗ по ликвидации оспы, начатой в 1958 году и усиленной в 1967 году, также было значительным. Хотя инициатива принадлежала СССР, США сыграли ключевую роль в её реализации, предоставляя финансовую поддержку, вакцины и передовые технологии, такие как двухконечные иглы для вакцинации, которые повысили эффективность кампаний. Американские эпидемиологи, работавшие под эгидой Центров по контролю и профилактике заболеваний (CDC), координировали усилия в странах Африки и Южной Азии. В Нигерии, например, американская помощь позволила внедрить стратегию «наблюдения и сдерживания», которая сыграла решающую роль в прерывании цепочек передачи оспы [7]. Успех кампании, завершившейся в 1980 году, укрепил репутацию США как лидера в международном здравоохранении.

Геополитические мотивы США в этих программах были тесно связаны с противодействием советскому влиянию. Вакцинационные кампании в Юго-Восточной Азии, например во Вьетнаме и Индонезии, проводились на фоне активной борьбы за влияние в регионе, где СССР поддерживал социалистические движения. Американская помощь в области здравоохранения воспринималась как способ продемонстрировать преимущества капиталистической системы, основанной на инновациях и частной инициативе. Кроме того, США использовали медицинскую дипломатию для укрепления альянсов в рамках программ, таких как «Альянс ради прогресса» в Латинской Америке, где вакцинация сочеталась с другими формами экономической и социальной помощи.

Тем не менее, американские программы сталкивались с рядом вызовов. Во-первых, акцент на коммерциализацию медицины вызывал критику в развивающихся странах, где население часто не могло позволить себе платные медицинские услуги. Во-вторых, конкуренция с СССР иногда приводила к дублированию усилий, что снижало эффективность программ. Например, в Индии обе сверхдержавы поставляли вакцины против оспы, но недостаточная координация между ними затрудняла кампании на ранних этапах. Кроме того, в некоторых странах американские инициативы воспринимались с подозрением, особенно там, где США ассоциировались с поддержкой авторитарных режимов [8].

Несмотря на эти трудности, вклад США в глобальные программы вакцинации был значительным. Разработка вакцины Солка, участие в ликвидации оспы и поддержка международных организаций укрепили позиции США как лидера в области науки и здравоохранения. Эти усилия не только спасли миллионы жизней, но и стали важным инструментом мягкой силы, позволяя США противостоять советскому влиянию и формировать позитивный образ страны на мировой арене.

В период Холодной войны СССР и США использовали глобальные программы вакцинации как инструмент медицинской дипломатии, стремясь укрепить своё влияние в мире. Несмотря на общую цель – борьбу с инфекционными заболеваниями, такими как оспа и полиомиелит, – их подходы существенно различались по идеологическим, организационным и финансовым аспектам. Сравнительный анализ этих подходов позволяет понять, как геополитическая конкуренция формировала глобальное здравоохранение, и оценить их эффективность в достижении как гуманитарных, так и политических целей.

СССР и США объединяло участие в инициативах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), особенно в кампании по ликвидации оспы. Обе сверхдержавы предоставляли вакцины, финансирование и специалистов, что способствовало успеху программы, завершившейся в 1980 году. Кроме того, обе страны использовали вакцинацию как инструмент мягкой силы, чтобы заручиться поддержкой стран третьего мира. Однако их подходы к организации и реализации программ отражали идеологические различия. СССР делал акцент на государственном контроле, массовой профилактике и бесплатной помощи, позиционируя себя как защитника интересов развивающихся стран. США, напротив, подчёркивали роль научных инноваций, частных инициатив и технологи-

ческого превосходства, продвигая капиталистическую модель как более эффективную.

Советский подход был централизованным и ориентированным на масштабные кампании. СССР поставлял миллионы доз вакцин, особенно против оспы, странам Азии, Африки и Латинской Америки, часто бесплатно, что воспринималось как проявление солидарности. Например, в Индии советские вакцины составляли значительную часть поставок в 1960-1970-х годах. Вакцина против полиомиелита, разработанная Михаилом Чумаковым на основе работы Альберта Сэбина, была дешёвой и удобной для массового применения, что делало её популярной в странах с ограниченными ресурсами [9]. Однако советские программы иногда страдали от бюрократических задержек и логистических трудностей, таких как проблемы с холодной цепью для транспортировки вакцин.

Американский подход отличался акцентом на научные разработки и частно-государственное партнёрство. Вакцина Джонаса Солка против полиомиелита, созданная при поддержке Национального фонда борьбы с полиомиелитом, стала символом американской науки. США также внедрили инновационные технологии в кампании по оспе, такие как двухконечные иглы, которые

упростили процесс вакцинации. Американские программы часто финансировались через международные организации или двусторонние соглашения, как в случае с «Альянсом ради прогресса» в Латинской Америке. Однако коммерциализация медицины вызывала критику в развивающихся странах, где доступ к американским вакцинам иногда ограничивался финансовыми барьерами.

Эффективность программ можно оценить по их влиянию на заболеваемость и восприятию в странах третьего мира. Кампания по ликвидации оспы, в которой обе страны сыграли ключевые роли, привела к снижению заболеваемости с 10-15 миллионов случаев в год в 1967 году до нуля к 1980 году. В борьбе с полиомиелитом советская вакцина Чумакова позволила странам, таким как Куба, практически устранить заболевание к 1960-м годам, тогда как американская вакцина Солка была более популярна в странах с развитой медицинской инфраструктурой. Восприятие программ зависело от контекста: советская помощь часто ассоциировалась с антиколониальной борьбой, тогда как американские инициативы иногда воспринимались как попытка укрепить политическое влияние.

Таблица 1

Ключевые различия в подходах СССР и США.

Table 1

Key differences in the approaches of the USSR and the USA.

Аспект	СССР	США
Идеология	Социализм, акцент на равенство и солидарность	Капитализм, акцент на инновации и индивидуальную ответственность
Финансирование	Государственное, бесплатные поставки вакцин	Частно-государственное, частично коммерческое
Примеры программ	Поставки вакцин в Индию, Кубу; вакцина Чумакова против полиомиелита	Вакцина Солка, двухконечные иглы в кампании по оспе
Вызовы	Логистика, бюрократия	Коммерциализация, подозрения в политических мотивах

В целом, оба подхода внесли значительный вклад в глобальное здравоохранение, но их успехи и ограничения отражали идеологические и структурные различия. СССР сделал вакцинацию доступной для беднейших стран, тогда как США обеспечили научный прогресс и технологические инновации [10]. Эти различия не только определили характер медицинской дипломатии в Холодной войне, но и повлияли на формирование современной системы глобального здравоохранения.

Медицинская дипломатия СССР и США в период Холодной войны сыграла важную роль в формировании международных отношений, укрепляя альянсы и создавая платформы для сотрудничества. Программы вакцинации против

оспы и полиомиелита не только улучшили глобальное здравоохранение, но и стали инструментом мягкой силы, влияя на восприятие сверхдержав странами третьего мира.

СССР использовал медицинскую помощь для поддержки антиколониальных движений, укрепляя связи с такими странами, как Индия и Куба. Поставки вакцин и обучение медиков способствовали формированию просоветских настроений, особенно в Африке и Азии. США, напротив, через программы, такие как «Альянс ради прогресса», продвигали капиталистическую модель в Латинской Америке, где вакцинация сочеталась с экономической помощью, что укрепляло антикоммунистические альянсы. Однако конкуренция иногда

приводила к напряжённости, как в Индии, где обе страны соперничали за влияние через поставки вакцин.

Совместное участие в инициативах ВОЗ, особенно в ликвидации оспы, способствовало редким случаям сотрудничества между СССР и США. Эта кампания, завершившаяся в 1980 году, показала, что даже в условиях Холодной войны возможна координация ради общей цели. Успех программ заложил основы для глобальной системы здравоохранения, укрепив роль ВОЗ и ЮНИСЕФ как ключевых институтов.

Наследие медицинской дипломатии проявляется в современных подходах к глобальным кризисам, таких как пандемии. Опыт Холодной войны подчёркивает важность международного сотрудничества, но также выявляет риски политизации здравоохранения, что актуально для сегодняшних споров о распределении вакцин.

Выводы

Медицинская дипломатия СССР и США в период Холодной войны стала ярким примером использования здравоохранения как инструмента мягкой силы. Обе сверхдержавы внесли значительный вклад в глобальные программы вакцинации, ликвидировав оспу и существенно снизив заболеваемость полиомиелитом. СССР сделал ак-

цент на массовой профилактике и бесплатной помощи, укрепляя влияние в странах третьего мира, тогда как США сосредоточились на научных инновациях, продвигая капиталистическую модель. Эти усилия не только спасли миллионы жизней, но и сформировали международные альянсы, повлияв на геополитический ландшафт.

Программы вакцинации продемонстрировали, что даже в условиях идеологического противостояния возможно сотрудничество ради общих целей, как в случае с кампанией ВОЗ по оспе. Уроки Холодной войны остаются актуальными: они подчёркивают важность координации в борьбе с глобальными угрозами здоровью, но также указывают на риски политизации гуманитарных инициатив. Современные вызовы, такие как пандемии, требуют учёта этого опыта для справедливого распределения ресурсов.

Перспективы дальнейших исследований включают изучение роли других акторов, таких как Китай и Куба, в медицинской дипломатии, а также анализ долгосрочного воздействия программ вакцинации на постколониальные страны. Медицинская дипломатия Холодной войны оставила наследие, которое продолжает формировать глобальное здравоохранение и международные отношения.

Список источников

1. Варга Д. Полиомиелит за железным занавесом: холодная война Венгрии с эпидемией: пер. с англ. Кембридж: Издательство Кембриджского университета, 2018. 250 с. PMID: 33315356.
2. Хендерсон Д.А. Ликвидация натуральной оспы: лидирующая роль и вклад России. Проблемы особо опасных инфекций. 2013. № 3. С. 86 – 89. <https://doi.org/10.21055/0370-1069-2013-3-86-89>
3. Камерон-Смит А. Искоренение оспы: контроль и ликвидация натуральной оспы в Индии, 1947-1977 // Health and History. 2022. Т. 9. С. 179 – 181. DOI: 10.1353/hah.2007.0013
4. Императо П.Дж. Боб Х. Рейнхардт: Конец глобальной оспы. Америка и ликвидация оспы в эпоху холодной войны // J Community Health. 2017. Т. 42. С. 421 – 422. DOI: 10.1007/s10900-016-0310-7
5. Польшов М.Ф. Холодная война как способ борьбы США против СССР // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2008. № 3. С. 36 – 54.
6. Janet Greenlees, Polio: An American Story // Social History of Medicine. August 2006. Vol. 19. Issue 2. P. 367 – 368. <https://doi.org/10.1093/shm/hkl030>
7. Erez Manela, A Pox on Your Narrative: Writing Disease Control into Cold War History // Diplomatic History. April 2010. Vol. 34. Issue 2. P. 299 – 323. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.2009.00850.x>
8. Arguin Paul Cold War, Deadly Fevers: Malaria Eradication in Mexico, 1955-1975 // Emerging infectious diseases. 2008. № 14. 532 p. 10.3201/eid1403.071564
9. Чумаков К.М., Ишмухаметов А.А. Вакцины против полиомиелита: настоящее и будущее // Эпидемиология и Вакцинопрофилактика. 2018. № 17 (3). С. 4 – 18. <https://doi.org/10.31631/2073-3046-2018-17-3-4-18>
10. Узародов И.М. СССР и окончание холодной войны // Научная мысль Кавказа. 2016. № 1 (85). С. 27 – 37.

References

1. Varga D. Polio behind the Iron Curtain: Hungary's Cold War with the Epidemic: trans. from English. Cambridge: Cambridge University Press, 2018. 250 p. PMID: 33315356.
2. Henderson D.A. Smallpox Eradication: Russia's Leading Role and Contribution. Problems of Particularly Dangerous Infections. 2013. No. 3. P. 86 – 89. <https://doi.org/10.21055/0370-1069-2013-3-86-89>

3. Cameron-Smith A. Smallpox Eradication: Smallpox Control and Eradication in India, 1947-1977. *Health and History*. 2022. Vol. 9. P. 179 – 181. DOI: 10.1353/hah.2007.0013
4. Imperato P.J. Bob H. Reinhardt: The End of Global Smallpox. America and the Eradication of Smallpox in the Cold War Era. *J Community Health*. 2017. Vol. 42. P. 421 – 422. DOI: 10.1007/s10900-016-0310-7
5. Polynov M.F. The Cold War as a Way of the US Struggle against the USSR. *Society. Environment. Development (Terra Humana)*. 2008. No. 3. P. 36 – 54.
6. Janet Greenlees, Polio: An American Story. *Social History of Medicine*. August 2006. Vol. 19. Issue 2. P. 367 – 368. <https://doi.org/10.1093/shm/hkl030>
7. Erez Manela, A Pox on Your Narrative: Writing Disease Control into Cold War History. *Diplomatic History*. April 2010. Vol. 34. Issue 2. P. 299 – 323. <https://doi.org/10.1111/j.1467-7709.2009.00850.x>
8. Arguin Paul Cold War, Deadly Fevers: Malaria Eradication in Mexico, 1955-1975. *Emerging infectious diseases*. 2008. No. 14. 532 p. 10.3201/eid1403.071564
9. Chumakov K.M., Ishmukhametov A.A. Polio vaccines: present and future. *Epidemiology and Vaccine Prevention*. 2018. No. 17 (3). P. 4 – 18. <https://doi.org/10.31631/2073-3046-2018-17-3-4-18>
10. Uznarodov I.M. The USSR and the end of the Cold War. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2016. No. 1 (85). P. 27 – 37.

Информация об авторах

Фидарова К.К., кандидат исторических наук, доцент, Северо-Осетинская государственная медицинская академия, karina-fidarova@mail.ru

Цомартов В.Р., Северо-Осетинская государственная медицинская академия, Vad.tsom@gmail.com

Маргиев Д.Ю., Северо-Осетинская государственная медицинская академия, margievdavid83@gmail.com

© Фидарова К.К., Цомартов В.Р., Маргиев Д.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94

Образовательная деятельность офицерской артиллерийской школы (ОАШ) в 1904 году

¹ Чебарев В.В.,
¹ Михайловская военная артиллерийская академия

Аннотация: *цель исследования:* провести анализ образовательной деятельности Офицерской артиллерийской школы в 1904 году. *Актуальность темы* обусловлена необходимостью рассмотрения исторических фактов, связанных переподготовкой и повышением квалификации офицеров-артиллеристов в одном из старейших артиллерийском военно-учебном заведении (Офицерская артиллерийская школа (ОАШ) – Артиллерийские курсы усовершенствования командного состава (АКУКС) – Высшая офицерская артиллерийская школа (ВОАШ) – Центральные артиллерийские офицерские курсы (ЦАОК) – факультет переподготовки и повышения квалификации Михайловской военной артиллерийской академии (ФППК МВАА)). *Ключевые выводы:* оценку качества деятельности ОАШ проводили не только вышестоящим штабом, но и офицерами, которые проходили в ней обучение, а именно насколько она удовлетворяет их требованиям, насколько она выполняет свое назначение, определенное в положении о школе и что, по их мнению, слушателей, необходимо изменить в программе обучения и внутреннем укладе жизни школы. Этот опыт необходимо и перенимать сейчас в любом военно-учебном заведении, так как он более эффективный.

Ключевые слова: артиллерия, офицерская артиллерийская школа (ОАШ), переменный состав, курс обучения, программа обучения, офицеры полевой и крепостной артиллерии

Для цитирования: Чебарев В.В. Образовательная деятельность офицерской артиллерийской школы (ОАШ) в 1904 году // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 40 – 46.

Поступила в редакцию: 9 апреля 2025 г.; *Одобрена после рецензирования:* 12 июня, 2025 г.; *Принята к публикации:* 11 августа 2025 г.

Educational activities of the Artillery Officer School (AOS) in 1904

¹ Chebarev V.V.,
¹ Mikhailovskaya Military Artillery Academy

Abstract: *the purpose of the study:* to analyze the educational activities of the Artillery Officer School in 1904. The relevance of the topic is due to the need to consider the historical facts related to the retraining and advanced training of artillery officers in one of the oldest artillery military educational institutions (AOS – Artillery Advanced Training Courses for Command Personnel (AATCCP) - Higher Officer Artillery School (HOAS) – Central Artillery Officer Courses (CAOC) – Faculty of Retraining and Advanced Training of the Mikhailovskaya Military Artillery Academy (FRAT MMAA)). *Key findings:* the quality of the AOS activities was assessed not only by the higher headquarters, but also by the officers who were trained in it, namely, to what extent it meets their requirements, to what extent it fulfills its purpose defined in the school regulations and what, in their opinion, the students, needs to be changed in the training program and the internal structure of the school. This experience must be adopted now in any military educational institution, as it is more effective.

Keywords: artillery, artillery officer school (AOS), variable composition, training course, training program, officers of field and fortress artillery

For citation: *Chebarev V.V. Educational activities of the Artillery Officer School (AOS) in 1904. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 40 – 46.*

The article was submitted: April 9, 2025; Approved after reviewing: June 12, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Подготовка офицерских кадров является важнейшим направлением в строительстве Вооруженных сил любого государства. Офицеры – костяк армии, основа ее надежности, олицетворение ее профессионализма и боевой выучки. Это особенно наглядно прослеживается в переломные моменты истории. «Модернизация Вооруженных сил требует постоянного совершенствования профессиональных знаний и мастерства офицерского корпуса.

Со второй половины XIX в. в рамках Военного ведомства действовала развитая сеть военно-учебных заведений, которые занимались общеобразовательной и профессиональной подготовкой специалистов для различных родов и видов русской армии. По предназначению, последовательности обучения и контингенту обучаемых они подразделялись на четыре группы:

1) подготовительные общеобразовательные заведения для мальчиков школьного возраста, готовившихся стать профессиональными военнослужащими (кадетские корпуса и приготовительные пансионы (классы) при них);

2) заведения, дававшие молодым людям необходимую военно-профессиональную подготовку для приобретения прав на получение офицерского звания (Пажеский корпус, юнкерские и военные училища);

3) заведения, служившие для усовершенствования образования и переподготовки офицерских кадров (военные академии, офицерские школы и курсы);

4) заведения, готовившие военных специалистов для службы на должностях нижних чинов (пиротехническая, артиллерийско-техническая, ветеринарно-фельдшерские школы и т.п.).

Все офицерские школы существовали для повышения квалификации и переподготовки офицеров, отработки новых методов и тактических приемов, а также испытания новейшего вооружения русской армии [1].

Различные вопросы по организации работы по подготовке офицеров в Офицерской артиллерийской школе были рассмотрены ранее в работах [2-9].

Материалы и методы исследований

Анализ и изучение образовательной деятельности Офицерской артиллерийской школы (ОАШ) в 1904 году было осуществлено по источникам – «Артиллерийский журнал», «Вестник Офицерской артиллерийской школы».

В ходе исследования использовались следующие прикладные методы: историко-системный и историко-сравнительный. Историко-системный метод был применен при рассмотрении вопросов построения образовательной деятельности ОАШ по подготовке офицеров: периоды обучения, перечень отрабатываемых вопросов, логичность обучения. Применение историко-сравнительного метода позволило рассмотреть, как влияло мнение переменного состава ОАШ на ход и построение образовательного процесса после проведенного с ними опроса в начале и в конце обучения.

Результаты и обсуждения

В 1904 г. в школу прибыло для прохождения обучения 11 штаб-офицеров, 52 капитана и 2 есаула. Из них переменный состав полевого отдела составил 55 офицеров, в том числе 9 командиров батарей и 1 штаб-офицер артиллерийского училища, ранее не обучавшихся в школе, а также зачислен в переменный состав крепостного отдела 1 штаб-офицер и 9 капитанов [10].

С началом военных действий из них были откомандированы к месту прохождения службы, в части, находящиеся на Дальнем Востоке, из полевого отдела 2 капитана и из крепостного отдела 1 капитан, кроме этого, из полевого отдела откомандировали 2 капитана на должности командиров батарей, вновь формируемых запасных Восточно-Сибирских батарей.

Для пополнения штата переменного состава по распоряжению Главного артиллерийского управления (ГАУ) прибыло в начале обучения в полевой отдел – 4 капитана и в крепостной отдел – 1 капитан. В начале апреля месяца в полевой отдел прибыло еще 9 капитанов, которые вместе с тремя капитанами, прибывшими к началу обучения, составили отдельную группу, с особым, ускоренным, курсом теории и практической стрельбы из скорострельных орудий. Эта группа закончила обучение к 20 мая 1904 г. и была отправлена на

формирование по мобилизации одной из резервных артиллерийских бригад.

Одновременно с офицерами ускоренного курса обучения участвовали в практических стрельбах из скорострельных орудий три обер-офицера, окончившие в 1904 г. Артиллерийскую академию и назначенные на службу в войска Дальнего Востока.

С середины июня и по начало июля были откомандированы из школы на мобилизацию некоторых артиллерийских бригад еще 6 капитанов (трое командирами батарей с производством в подполковники и трое – командующими батареями). С этими офицерами также был пройден ускоренный курс практической стрельбы, главным образом из скорострельных орудий и полный курс теории.

В связи с отправкой для прохождения службы на Дальний Восток за месяц до окончания курса был прикомандирован к полковому отделу 1 штаб-офицер для практического ознакомления с материальной частью и стрельбой из скорострельных орудий.

Курс обучения школы не смог закончить 1 капитан полевого отдела, по болезни, а также в середине курса обучения умер один командир батареи. Все остальные офицеры успешно окончили курс школы, пройдя его до конца в соответствии с программой обучения.

Курс обучения в полевом отделе был с 1 февраля по 2 сентября (7 месяцев), а в крепостном отделе – с 1 февраля по 15 сентября (7,5 месяцев).

Полный курс занятий в полевом отделе делился на 2 периода: первый состоял из теоретических и практических занятий (с 1 февраля по 3 мая), второй – только из практических занятий (с 3 мая по 2 сентября). В течение второго периода (с 3 мая по 23 мая) офицеры занимались проверкой карт и решением тактических задач на местности. С 24 мая по 19 июля производилась практическая стрельба в Усть-Ижорском лагере, в дальнейшем, со 2-го сентября производилась практическая стрельба на Красносельском полигоне.

Программа практических стрельб была составлена по примеру 1903 г., и она включала стрельбу отдельных батарей из поршневых и скорострельных орудий, в дальнейшем стрельбу в составе дивизиона с предварительным тактическим заданием (маневрированием) и, наконец, состязательная стрельба. Во втором периоде занятий офицеры полевого отдела откомандировались для осмотра Ижорских, Адмиралтейских и Обуховского заводов. Для интенсивности занятий по стрельбе полевого отдела к Школе был прикомандирован с 1 июня 1-й дивизион 24-й артиллерийской бригады и с 15 июня 2-й дивизион той же бригады.

Теоретически занятия и подготовительные к стрельбе упражнения в крепостном отделе продолжались с 1 февраля по 18 мая, а в дальнейшем практическая стрельба проводилась по 15 сентября в крепости Очаков, причем для выполнения крепостным отделом курса стрельб в распоряжении его были прикомандированы по одной роте Ивангородской и Очаковской крепостной артиллерии.

С 27 апреля по 25 мая были проведены все подготовительные к стрельбе работы, а именно: подготовлено поле для стрельбы, вооружены позиционные батареи и обучены специальные команды наводчиков, телефонистов и наблюдателей. При крепостном отделе прикомандированной ротой Ивангородской крепостной артиллерии была выполнена курсовая стрельба.

Офицеры крепостного отдела в период теоретического курса командировались для осмотра Трубочного и Обуховского заводов и фортов крепости Кронштадта.

Офицеры полевой артиллерии (капитаны) направлялись для обучения в ОАШ перед назначением на батарею, преимущественно семейные (в 1904 г. из 44 чел. – 34 чел.). Но так как иногда получалось, что не все капитаны успевают пройти обучение в школе до получения батареи, то и таких командиров батарей посылают в школу позже, по мере подхода к ним штаб-офицерской очереди (например, в 1895 г. были сформированы дивизионы с назначением командирами дивизионов старших батарейных командиров, пришлось назначить на должность командирами батареи большое количество капитанов, не прошедших обучение в школе. Кроме того, до 1904 г., а особенно с началом Русско-японской войны, число формируемых батарей по количеству проходящих в школе капитанов было всегда меньше, в связи с этим были в артиллерии командиры батарей, не прошедшие курса школы). Таких штаб-офицеров имелось в 1904 г. 10 вакансий (обер-офицерских вакансий – 45, до этого их было 35).

Командируемые в школу офицеры назначались распоряжением ГАУ и прибывали для обучения к 1 февраля. Бывало, что офицеры опаздывали (обычно это происходило с теми, которые служили в отдаленных округах, и предписания о вызове в школу не всегда рассылались заблаговременно, соответственно офицеры не имели возможность быстро решить свои служебные и личные вопросы).

Прибывая в Царское Село (место нахождения ОАШ), офицеры размещались на частных квартирах при этом размещение было с большими трудностями большими трудностями, так как в Цар-

ском Селе подходящих квартир не было, а те, что и имелись, были довольно дороги. Руководством было предложено построить в дальнейшем казенные квартиры, и тогда этот вопрос был бы решен. Официально считалось, что офицеры должны были прибывать в школу без семьи, а в действительности некоторые приезжали с семьями, но их было меньшинство, это в основном были, те, которые не связаны большой семьей и воспитанием детей. Незначительное количество приезжающих семей можно объяснить еще и тем, что офицеры за 7 месяцев командировки 4 раза меняли место жительства [11].

Обучение в школе было разбито на несколько периодов:

1. С 1 февраля по 1 мая (в 1904 г. по 3 мая) в Царском Селе были теоретические занятия, главным образом в аудиториях и очень мало было в поле.

2. С 1 по 20 мая (в 1904 г. с 3 по 23 мая) реше-

ние тактических задач на местности в окрестностях Красного Села.

3. С 20 мая по 15-25 июля (в 1904 г. с 26 мая по 13 июля) в Усть-Ижорском лагере осуществлялись подготовительные к стрельбе упражнения и стрельба отдельных батарей.

4. С 15-25 июля до окончания занятий (в 1904 г. с 21 июля по 28 августа) в Красном Селе была стрельба отдельных батарей, подготовительные занятия к дивизионным стрельбам и сами дивизионные стрельбы.

Первый период занятий распределялся следующим образом: ежедневно с 8 ч 30 мин до 13 ч – 4-часовая лекция с необходимыми переменами; классные занятия два раза в неделю с 17 до 20 ч или с 18 до 21 ч вечера – общая тактика, и 2 раза в неделю с 13 до 14 ч верховая езда (штаб-офицеры верхом не ездили).

Классные теоретические занятия включали следующие предметы (табл. 1).

Таблица 1

Перечень классных теоретических занятий с количеством часов.

Table 1

List of class theoretical classes with the number of hours.

Название предметов	Количество часов в неделю		
	с 1 по 28 февраля	с 1 марта по 5 апреля	с 5 апреля по 3 мая
Сведения по стрельбе	6	8	6
Подготовительные к стрельбе упражнения	6	6	9
Тактика артиллерии	4	4	4
Общая тактика	6	6	6
Материальная часть	2	2	1
Топография	2	2	2
Иппология	1	2	2
Верховая езда	2	2	2
Итого	29	32	32

Примечание: Такое распределение часов было только в 1904 г. Но иногда расписание занятий, количество часов по предметам обучения изменялись – это все зависело от уровня образования офицеров.

Note: This distribution of hours was only in 1904. But sometimes the schedule of classes and the number of hours for subjects of study changed – it all depended on the level of education of the officers.

Подготовительные к стрельбе упражнения первое время проходили в аудиториях, а с наступлением теплого времени года – в парке при орудиях батарей школы или просто на плацу. Изучение материальной части проходило в учебной мастерской при разобранных орудиях.

Второй период занятий состоял в решении тактических задач на местности (офицеры, окончившие Академию Генерального штаба, от этих занятий освобождались). В 1904 г. часть офицеров (24 чел.) проходила эти занятия в окрестностях Царского Села, при этом оставаясь жить в Царском Селе на своих квартирах, а остальные офицеры (28 чел.) – в окрестностях Красного Села, для этого

они должны были переехать из Царского Села и разместиться в бараках лагеря школы (причина этого была в следующем: если оставлять всех офицеров в Царском Селе, то пришлось бы определять некоторым очень отдаленные участки, и таким офицерам пришлось бы жить по деревням, питаясь одним молоком и яйцами). Каждый офицер в зимний период должен был решить 2-3 отдельные задачи и 2 групповые, на решение одной задачи обычно давали два дня и два дня выделяли для ее проверки. Кроме того, в первый день занятий решались показательные задачи.

Третий период занятий в Усть-Ижорском лагере проходил в подготовке подготовительных к

стрельбе упражнениям и в стрельбе отдельных батарей. Время занятий этого периода было распределено таким образом: три раза в неделю, обычно по понедельникам, средам и пятницам, с 8 до 11 часов и с 14 до 17 часов (по очереди) стрельба отдельных батарей, после стрельбы с 14 до 18 часов в тот же день при утренней стрельбе и с 9 до 11 часов утра на следующий день при стрельбе послеобеденной – осуществлялось составление журналов стрельб и обсуждение произведенных стрельб. С целью экономии времени на разговоры и обсуждения во время производства стрельб, в поле на позиции проводили краткий разбор и указывали обучаемым наиболее существенные ошибки, оставляя на потом более детальный разбор.

Остальное время с 9 до 11 часов и с 16 до 18 часов занятия происходили в парке. Таким образом, каждую неделю проводились три раза стрельбы, три раза составление журналов и обсуждение стрельбы, 5 раз парковые занятия. В субботу вечером занятия не проводились, а утренние занятия обычно начальник школы разрешал проводить в другое время, увеличив для этого продолжительность занятий в другие дни недели, таким образом, вся суббота была практически свободна.

На обучение каждого офицера на Усть-Ижорском полигоне расходовали около 200 снарядов, а количество выполненных огневых задач каждым обучаемым было в среднем от 8-10 до 12. На этих стрельбах преследовалась цель чаще ставить офицера в выполняющую огневую задачу, чаще давать ему стрелять или просто выполнить лишь один из элементов пристрелки, расходуя для этого всего только несколько снарядов.

Условия Усть-Ижорского полигона не позволяли разнообразить выполняемые огневые задачи по стрельбе. Приходилось обращать внимание исключительно только на технику стрельбы.

Четвертый период занятий происходил в Красном Селе, он начинался тогда, когда школа получала разрешение пользоваться военным полем, это зависело от окончания лагерного сбора войск Красносельского лагеря.

Занятия четвертого периода включали:

1. Стрельбу отдельных батарей, решались те задачи, которые не могли быть выполнены в Усть-Ижорском лагере с тактическими заданием, и стрельба по различным видам подвижных целей;

2. Подготовительные упражнения к дивизионным стрельбам, парковые занятия и маневрирование запряженного дивизиона;

3. Дивизионные стрельбы, их число зависело от имеющегося времени и погоды (в 1904 г. было: две показательные, при этом участвовали офицеры постоянного состава, и 4 были проведены для офи-

церов переменного состава).

На все время занятий офицеры распределялись на 4 постоянные группы около 15 человек в каждой (в 1904 г. состав групп был такой: первое время: 1-я группа – 15 чел.; 2-я – 16 чел.; 3-я – 15 чел.; 4-я – 14 чел.; а в дальнейшем с прибытием еще 9 офицеров, которые совместно с 3 капитанами должны были пройти ускоренный курс, состав групп изменился: 1-я группа – 16 чел.; 2-я – 14 чел.; 3-я – 14 чел.; 4-я – 13 чел. и 5-я – 12 чел. (пятая группа начала свои занятия 5 апреля, закончила 20 мая, причем с 5 мая с ней проводились учебные стрельбы в Усть-Ижорском лагере). Каждая группа имела своих постоянных руководителей, свою отдельную аудиторию в Царском Селе и свою батарею, которая использовалась только этой группой все свои стрельбы (в школе были свои две батареи: пушечная 8-орудийная и конная 6-орудийная). На время летних занятий к школе прикомандировали из частей полевой артиллерии Петербургского военного округа в Усть-Ижору один 3-батарейный дивизион (12 орудий) и с Красного Села одну бригаду (24 орудия). 12 орудий в Усть-Ижоре составляли две 6-ти орудийные батареи.

Таким образом, для дивизионных стрельб школа располагала 38 запряжками и могла вывести трех батарейный дивизион (24 орудия) с зарядными ящиками боевой части (12 ящиков).

Денежное довольствие офицеров было точно таким же, как по прежнему месту службы.

Увеличенный оклад жалованья, что составляло прибавку для капитана – 15 руб. в месяц, для подполковника – 22 руб. (прибавка эта не распространялась на офицеров, прибывших из тех округов, где они постоянно получали содержание усиленного оклада). Квартирные деньги по окладу Царского Села за зимнее время и за два летних месяца, считая последние со дня выхода в лагерь, что составляло для капитанов (обыкновенно старших офицеров) 30 руб. 68 коп. в месяц и для подполковников (командиров батарей) – 69 руб. 33 коп.

Дополнительно выделялись следующие денежные средства: во время тактических занятий в окрестностях Царского Села и Красного Села: обер-офицерам – 1 руб. в сутки, а штаб-офицерам выделялось 2 руб.; суточные лагерные деньги получали на общем основании; по окончании школы выдавалось три оклада по старому окладу: полевой артиллерии капитаны – 140 руб. 40 коп., капитаны гвардейской артиллерии и подполковники полевой артиллерии – 169 руб. 20 коп., и полковники – 218 руб. 70 коп.

Также параллельно с обучением слушателей начальник ОАШ генерал-майор А. Н. Синицын

провел оценку качества деятельности школы офицерами, которые проходили в ней обучение, а именно насколько она удовлетворяет их требованиям, насколько она выполняет свое назначение, определенное в положении о школе: «...подготавливать старших офицеров артиллерии теоретическим и практическим путем к самостоятельному выполнению обязанностей, лежащих на батареем командире. Развитие искусства стрельбы артиллерии и распространения в ней правильного взгляда на употребление огня в бою и на однообразное обучение стрельбы», и что, по их мнению, слушателей, необходимо изменить в программе обучения и внутреннем укладе жизни школы.

С целью получения более объективной и откровенной оценки, были проведены следующие мероприятия.

В феврале месяце 1904 г., перед началом курса обучения, и после его окончания в сентябре месяце, перед отъездом офицеров к месту прохождения службы, каждому офицеру было предложено ответить на различные вопросы, с просьбой дать откровенные письменные ответы и сообщить все то, что каждый из них найдет необходимым и полезным. А для того, чтобы дать большую инициативу при изложении своих ответов, было предложено не подписывать листы с ответами своей фамилией, и при этом листы с заполненными ответами собирать сразу у всех [12].

Полученные в обоих случаях ответы были несколько обработаны, сгруппированы и рассорти-

рованы и дали очень интересный материал, интересный не только для школы, но и вообще для всех артиллеристов, следящих за деятельностью школы, как для тех, кто проходил обучение в ней, так и для тех, кто планирует поступить. В связи с этим все полученные результаты с разрешения начальника школы не засекретили, а, наоборот предоставили их на общественное обсуждение. Но прежде, чем рассказать о полученных результатах, познакомимся с распределением занятий, времени и вообще с условиями жизни офицеров переменного состава за время их нахождения в командировке в ОАШ (только про офицеров полевого отдела). Анализ проведенных исследований образовательного процесса в Офицерской артиллерийской школе по мнению слушателей 1904 года и 1909 года будет рассмотрен в следующих научных исследованиях.

Выводы

Как видно из выше представленного научного материала, Офицерская артиллерийская школа, образованная в 1882 году, совершенствовала образовательный процесс не только получая указания от ГАУ, но и начиная с 1904 года начала активно к этому привлекать переменный состав ОАШ, что позволило решать оперативно различные вопросы (бытовые, денежные, личные, семейные, назначать и распределять офицеров по группам в зависимости от их уровня знаний и опыта службы в войсках и др.). Этот опыт необходимо и перенимать сейчас в любом военно-учебном заведении, так как он более эффективный.

Список источников

1. Галушко Ю., Колесников А. Школа российского офицерства: Исторический справочник. М.: Русский мир, 1993. С. 154.
2. Дьяков С.И. Образовательная деятельность офицерской артиллерийской школы по переподготовке и повышению квалификации артиллерийских командиров с 1882 по 1918 г.: монография. СПб.: Издательский дом "Дескрипта", 2021. 295 с.
3. Дьяков С.И., Воронежский А.М. О некоторых вопросах редакционно-издательской деятельности Офицерской артиллерийской школы // Педагогическое образование. 2020. Т. 1. № 1. С. 17 – 25.
4. Дьяков С.И., Добряк С.Ю., Кисин К.А., Ванягин В.Е. Историко-педагогический анализ проблем формирования и развития военно-профессиональной идентичности офицеров ракетных войск и артиллерии // Педагогический журнал. 2023. Т. 13. № 2-3-1. С. 550 – 576. DOI 10.34670/AR.2023.96.53.072
5. Пилявец Г.А., Дьяков С.И. История создания Офицерской артиллерийской школы // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2019. № 1 (49). С. 22 – 24.
6. Дьяков С.И., Пилявец Г.А. Практические занятия крепостного и полевого отдела офицерской артиллерийской школы по обучению командиров батарей (дивизионов) // Педагогика: наука и искусство: сборник материалов международной научной конференции, Москва, 27-28 декабря 2014 года / под ред. Е.Д.Нелуновой. Москва: Международный центр научно-исследовательских проектов, 2015. С. 32 – 35.
7. Дьяков С.И. О составлении планов для стрельбы из орудий осадной и крепостной артиллерии в ходе обучения переменного состава Офицерской артиллерийской школы // Ростовский научный вестник. 2022. № 1. С. 45 – 47.

8. Дьяков С.И. Об основных положениях инструкции по проведению подготовительных к стрельбе упражнений с офицерами переменного состава полевого отдела Офицерской артиллерийской школы // Ростовский научный вестник. 2022. № 1. С. 39 – 41.

9. Чебарев В.В., Дьяков С.И. Деятельность офицерской артиллерийской школы по подготовке артиллерийских командиров накануне и в ходе первой мировой войны // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2022. № 3. С. 23 – 26. DOI 10.37882/2223-2982.2022.03.37

10. Извлечения из журналов Артиллерийского комитета состоявшихся в январе 1905 года // Артиллерийский журнал. 1905. № 1. С. 73.

11. Извлечения из журналов Артиллерийского комитета состоявшихся в июле 1904 года // Артиллерийский журнал. 1904. № 7. С. 893.

12. Извлечения из журналов Артиллерийского комитета состоявшихся в январе 1905 года // Артиллерийский журнал. 1905. № 1. С. 73 – 90.

References

1. Galushko Yu., Kolesnikov A. School of Russian officers: Historical reference. Moscow: Russian world, 1993. P. 154.

2. Dyakov S.I. Educational activities of the officer artillery school for retraining and advanced training of artillery commanders from 1882 to 1918: monograph. St. Petersburg: Publishing house "Descripta", 2021. 295 p.

3. Dyakov S.I., Voronezhsky A.M. On some issues of editorial and publishing activities of the Officer Artillery School. Pedagogical education. 2020. Vol. 1. No. 1. P. 17 – 25.

4. Dyakov S.I., Dobryak S.Yu., Kisin K.A., Vanyagin V.E. Historical and pedagogical analysis of the problems of formation and development of military-professional identity of officers of the missile forces and artillery. Pedagogical journal. 2023. Vol. 13. No. 2-3-1. P. 550 – 576. DOI 10.34670/AR.2023.96.53.072

5. Pilyavets G.A., Dyakov S.I. History of the creation of the Officer Artillery School. Scientific notes. Electronic scientific journal of Kursk State University. 2019. No. 1 (49). P. 22 – 24.

6. Dyakov S.I., Pilyavets G.A. Practical classes of the fortress and field department of the officer artillery school for training battery (division) commanders. Pedagogy: science and art: collection of materials from the international scientific conference, Moscow, December 27-28, 2014. edited by E.D. Nelunova. Moscow: International Center for Research Projects, 2015. P. 32 – 35.

7. Dyakov S.I. On drawing up plans for firing from guns of siege and fortress artillery during the training of the variable composition of the Officer Artillery School. Rostov Scientific Bulletin. 2022. No. 1. Pp. 45 - 47.

8. Dyakov S.I. On the main provisions of the instructions for conducting preparatory exercises for shooting with officers of the variable composition of the field department of the Officer Artillery School. Rostov Scientific Bulletin. 2022. No. 1. P. 39 – 41.

9. Chebarev V.V., Dyakov S.I. Activities of the officer artillery school for training artillery commanders on the eve and during the First World War // Modern science: current problems of theory and practice. Series: Humanities. 2022. No. 3. P. 23 – 26. DOI 10.37882/2223-2982.2022.03.37

10. Extracts from the journals of the Artillery Committee held in January 1905. Artillery journal. 1905. No. 1. P. 73.

11. Extracts from the journals of the Artillery Committee held in July 1904. Artillery journal. 1904. No. 7. P. 893.

12. Extracts from the journals of the Artillery Committee held in January 1905. Artillery journal. 1905. No. 1. P. 73 – 90.

Информация об авторе

Чебарев В.В., заместитель начальника факультета (артиллерийского), соискатель, Михайловская военная артиллерийская академия, 195009, г. Санкт-Петербург, ул. Комсомола, 22, chebarev_vladislav@icloud.com

© Чебарев В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 73.01

Выставочная деятельность Советского фонда культуры за рубежом (на примере выставки «100 лет русского искусства»)

¹ Антипов Е.Н.,
¹ Санкт-Петербургский государственный университет

Аннотация: в статье рассматривается выставочная деятельность Советского фонда культуры (СФК) за границей на примере выставки «100 лет русского искусства», прошедшей в Великобритании в 1989 году. Была проанализирована роль СФК в продвижении русского искусства на международной арене, сотрудничество Фонда с зарубежными некоммерческими организациями и роль Клуба коллекционеров в подготовке выставки. На основе каталога выставки подробно изучен состав выставки. Подобранные для экспозиции экспонаты демонстрируют рост интереса к русскому авангарду и трансформацию культурной политики СССР в период перестройки.

Ключевые слова: Советский фонд культуры, русское искусство, выставка «100 лет русского искусства», частные коллекционеры, русский авангард

Для цитирования: Антипов Е.Н. Выставочная деятельность Советского фонда культуры за рубежом (на примере выставки «100 лет русского искусства») // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 47 – 54.

Поступила в редакцию: 10 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 13 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Exhibition activities of the Soviet Cultural Fund abroad (using the example of the exhibition “100 Years of Russian Art”)

¹ Antipov E.N.,
¹ St. Petersburg State University

Abstract: this article examines the exhibition activities of the Soviet Cultural Fund (SCF) abroad, using the example of the exhibition “100 Years of Russian Art” held in Great Britain in 1989. It analyzes the role of the SCF in promoting Russian art on the international stage, the Fund’s cooperation with foreign non-profit organizations, and the role of the Collectors’ Club in preparing the exhibition. Based on the exhibition catalog, the composition of the exhibition is studied in detail. The exhibits selected for the exposition demonstrate the growing interest in the Russian avant-garde and the transformation of the USSR’s cultural policy during the period of perestroika.

Keywords: Soviet Cultural Fund; Russian art; exhibition “100 Years of Russian Art”; private collectors; Russian avant-garde

For citation: Antipov E.N. Exhibition activities of the Soviet Cultural Fund abroad (using the example of the exhibition “100 Years of Russian Art”). Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 47 – 54.

The article was submitted: April 10, 2025; Approved after reviewing: June 13, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Искусство позднесоветского периода в последние годы вызывает большой исследовательский интерес. Пишутся статьи, издаются монографии, проводятся конференции [21]. Это связано с тем, что в тот период в советском искусстве происходили важные перемены. Несмотря на формальную монополию соцреализма, обороты стало набирать обращение к традициям искусства Серебряного века, происходило активное проникновение модернистских течений, сформировался круг художников-нонконформистов [24].

На фоне этих процессов более интенсивным стал выставочный обмен между советским искусством и искусством европейских стран. Изучение советского искусства за рубежом является одной из актуальных тем для исследователей советской культурной дипломатии. Начало изучения данной темы было положено ещё в советской историографии. Первым исследованием советского искусства за рубежом стала монография Н.Я. Малахова «Отечественное искусство на выставках за рубежом» [19]. В постсоветской историографии этой проблеме посвящены работы А.С. Курляндцевой [17], З.Б. Стародубцевой [22], Е.М. Петрушанской [20].

Однако несмотря на наличие большого количества качественных исследований многие аспекты продвижения советского искусства за рубежом остаются изученными недостаточно [1]. Это можно сказать, к примеру, про деятельность Советского фонда культуры (СФК), который занимался, в том числе, вопросами распространения русско-советского искусства за границей [6].

СФК был учрежден 12 ноября 1986 года как общественное объединение. Председателем фонда был избран академик Дмитрий Лихачёв, его заместителем – историк-краевед Георг Мясников [18]. Под руководством Лихачёва, которого современники называли «последним русским интеллигентом», фонд культуры сделал немало важных вещей для сохранения, возвращения из-за рубежа и продвижения русского искусства. Изучением деятельности СФК и наследия Д.С. Лихачёва занимаются И.В. Фёдорова [23], В.В. Леонидов [18], О.Н. Шелегина [25]. Однако выставочная деятельность фонда остаётся практически неизученной [3]. При этом, изучение представления советского и русского искусства в

европейских странах в период перестройки, чем активно занимался СФК, может продемонстрировать возникновение новых стратегий культурной дипломатии СССР и изменения в отношении международного сообщества к советскому искусству [7].

Материалы и методы исследований

Вопросами участия в международных мероприятиях и организации зарубежных выставок занимался Отдел выставок и частных коллекций СФК, которым в 1987-1993 гг. руководил художник и искусствовед Валерий Александрович Дудаков. Начав в 1970 году активно заниматься скупкой произведений русского и советского искусства к середине 1980-х гг. Валерий Дудаков стал одним из крупнейших советских коллекционеров [5]. Поэтому неудивительно, что, став руководителем Отдела, Дудаков занялся созданием Клуба коллекционеров, который объединил около 150 крупных коллекционеров. Как отмечает сам Валерий Александрович, главной задачей Клуба была реабилитация слова «коллекционер», которое ранее ассоциировалось со словами «жулик», «спекулянт» или «махинатор» [5].

Основной деятельностью Клуба коллекционеров стала организация выставок частных коллекций в России и за рубежом. Если раньше организацией зарубежных экспозиций занимались государственные структуры, такие как ВОКС (с 1958 г. преобразован в ССОД), то в конце 1980-х гг. инициативу перехватил СФК и владельцы частных коллекций. Как отмечает Дудаков, за время его руководства Отделом было организовано 25 зарубежных выставок. Наиболее крупной стала экспозиция «100 лет русского искусства». Её концепция заключалась в том, чтобы выставить работы как дореволюционных, так и современных советских художников. История её подготовки и проведения, несмотря на её знаковый характер, практически не отражена в историографии.

Кроме Советского фонда культуры и Клуба Коллекционеров, в организации выставки приняли участие Музей современного искусства в Оксфорде, галерея Барбикан и Советский фонд мира [4]. Финансирование взял на себя Благотворительный фонд Филипа Оппенгеймера. Ключевую роль в подборе экспонатов сыграли Дэвид Эллиот – директор Музея современного искусства в Оксфорде – и Валерий Дудаков. В статье для газеты «The Illustrated London News»

Эллиот описал свой визит в СССР в 1987 году для знакомства с коллекционерами по поводу участия работ из их коллекций в выставке. Как отмечает Эллиот, коллекционерами чаще всего выступали врачи, искусствоведы, историки, а также семьи художников. Картины из их коллекций долгое время прятались под кровать или в шкаф, многие из работ не были знакомы даже на родине [11].

Выставка шла восемь месяцев, вместе со своими коллекциями в Великобританию выехало 50 коллекционеров [15]. В данном случае передача работ в аренду не только помогла привлечь внимание западной публики к русскому искусству, но и дала возможность владельцам коллекций посетить крупнейшие города Англии.

27 апреля 1989 года экспозиция открылась в Лондоне, в культурном центре Барбикан. В дни выставки в галерее шли концерты русской музыки, кинопоказы советских фильмов, литературные чтения и семинары по русской культуре [4]. Посетители смогли ознакомиться не только с русским и советским изобразительным искусством, но и другими образцами русской и советской культуры.

После двух месяцев пребывания в Лондоне 9 июля выставка направилась в университетский Оксфорд, где была доступна в музее современного искусства с 30 июля по 17 сентября. В интервью директор Музея Дэвид Эллиот указал на восторженные отзывы как посетивших выставку представителей мэрии Оксфорда, так и рядовых зрителей [2].

Последний заграничный пункт выставки – портовый город Саутгемптон. Экспозиция там была доступна в художественной галерее города с 28 сентября по 12 ноября 1989 года [8]. Советские пресс-корреспонденты отметили гостеприимство англичан, которые после открытия выставки в Саутгемптоне устроили им экскурсию в Портсмут с показом кораблей «Виктория» и «Мэри Роз» [10].

В середине ноября все работы вернулись в Москву и были доступны для ознакомления в выставочном зале Советского фонда культуры с 11 декабря 1989 года [9]. Перед открытием выставки был подписан договор между Благотворительным фондом Оппенгеймера и СФК о предоставлении полмиллиона долларов на заграничные стажировки советских студентов, обмен выставками и возвращение в СССР реликвий отечественной культуры [8].

О выставке написали многие крупные европейские газеты: ещё 11 ноября 1988 года о запланированной выставке написала британская Financial Times. Журналисты издания подчеркнули

эксклюзивный характер выставки и особо отметили роль Дэвида Эллиота в отборе картин для экспозиции. До открытия выставки также вышла статья Дэвида Эллиота в «The Sunday Times» и ряд материалов, в известном журнале по проблемам искусства «Аполло» [4].

Результаты и обсуждения

В день открытия выставки, о ней написала газета «Country Life», подчеркнув, что многие из работ впервые выставляются в Британии [12]. 12 мая новость об открытии экспозиции дошла до «International Herald Tribune», журналисты газеты посчитали, что в центре внимания экспозиции находится золотой век русского авангарда [9].

Открытие знаковой выставки было освещено и в советских газетах. Так, в газете «Советская культура» 8 июля 1989 года вышел материал про отгремевшую в Лондоне выставку, особо подчеркнув концептуальность выставки и отбор экспонатов, указав на совместные усилия в этом вопросе В. Дудакова и Д. Эллиота [4].

В ходе показа экспозиции появился и ряд крупных рецензий британских искусствоведов. Наибольший резонанс вызвала статья «Искусство модернизма и авангарда в России» под авторством Алана Берда в журнале «Апполо» [2]. Берд начал с комплиментов в адрес Дэвида Эллиота за отбор произведений для выставки, искусствовед считает, что, сделав упор на нетрадиционную школу искусства, Эллиоту удалось сохранить высокий художественный уровень экспозиции из частных коллекций, несмотря на нахождение знаковых произведений в государственных музеях.

Несмотря на позитивную оценку состава экспозиции автор отмечает и некоторые недостатки. К примеру, его расстроило недостаточное обилие работ раннего постреволюционного периода в советском искусстве и отсутствие на выставке работ социалистического реализма периода 1934-1960-х гг., одной из центральных эпох в советском искусстве.

Подводя итог, Берд указал, что организаторам выставки удалось выполнить все поставленные цели, а именно: познакомить британских зрителей с максимально большим числом неизвестных для них художников, дать возможность любителям искусства проследить пути развития русского искусства в последнее столетие и расширить знания тех, кто уже знаком с искусством России XX века.

В газете «Country Life» был опубликован обзор выставки от Пэдди Китчина. Выставка удивила автора тем, что в условиях официальной монополии социалистического реализма сущест-

вовали художники-нонконформисты, рисовавшие в иных художественных направлениях. Китчин интерпретирует организацию экспозиции как проявление политики гласности и признание наличия в стране крупных частных коллекционеров. Наибольший интерес у критика вызвали работы Казимира Малевича, Валентина Ходасевича, Натальи Гончаровой и Александра Родченко [12].

Интерес к выставке был замечен не только в британской прессе. К примеру, интересная рецензия, написанная Майклом Морли, была опубликована в австралийском «Financial Review» 19 мая 1989 года. В ней автор отметил, что многие из представленных на выставке работ, никогда не показывались ни в Советском Союзе, ни за его пределами. В отборе произведений Майкл отметил совместные усилия Эллиота и Дудакова. По мнению автора, наиболее яркая часть выставки представлена работами первых трех десятилетий XX века, из художников этого периода Морли особо отметил Малевича и Шагала. В качестве

недостатков автор указал на отсутствие работ Кандинского, Габо и Лисицкого, а также посредственный художественный уровень некоторых представленных картин [13].

Таким образом, выставка получила подробное освещение в прессе. Публиковались как краткие заметки с приглашением её посетить, так и подробные рецензии западных искусствоведов. Большинство критиков положительно высказались о проведенной выставке, хоть и подмечали некоторые недостатки в подборе работ.

По итогам выставки культурным центром «Барбикан» совместно с Музеем современного искусства в Оксфорде уже 8 июля 1989 года был опубликован каталог выставки. Тираж каталога составил 8000 экземпляров. В качестве редакторов выступили Д. Эллиот и В. Дудаков [8]. Данный каталог является ценным историческим источником, который позволяет узнать как о всех представленных на выставке работах, так и о коллекционерах, предоставивших их.

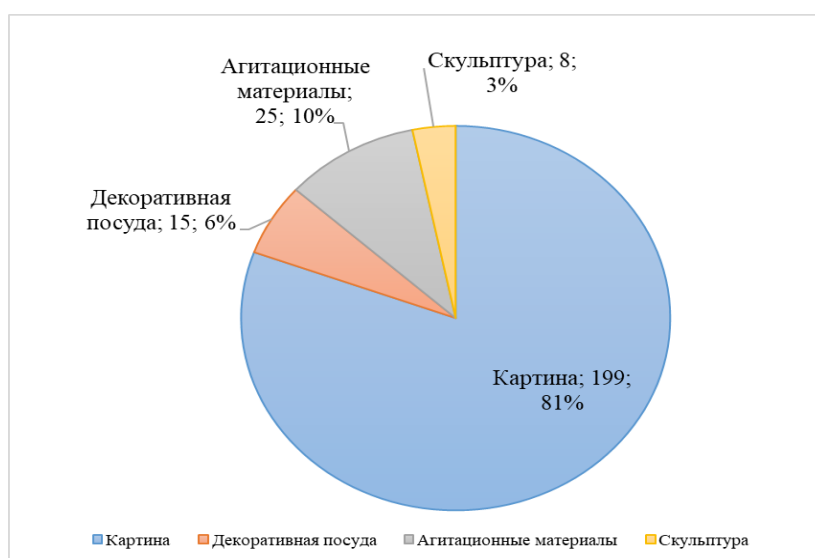

Рис. 1. Состав выставки «100 лет русского искусства». Источник: 100 years of Russian art, 1889-1989: from private collections in the USSR. London, 1989. P. 41-80.

Fig. 1. Composition of the exhibition “100 years of Russian art”. Source: 100 years of Russian art, 1889-1989: from private collections in the USSR. London, 1989. P. 41-80.

Наибольший акцент был сделан на русском авангардном искусстве первой половины XX века. Возникновение 41% экспонатов относится к периоду поздней Российской империи, ещё 42% –

к 1920-м гг. 1900-1910 гг. характеризуются зарождением авангардных течений, а 1920-е гг. – его пиком, связанным с послереволюционным энтузиазмом [21].

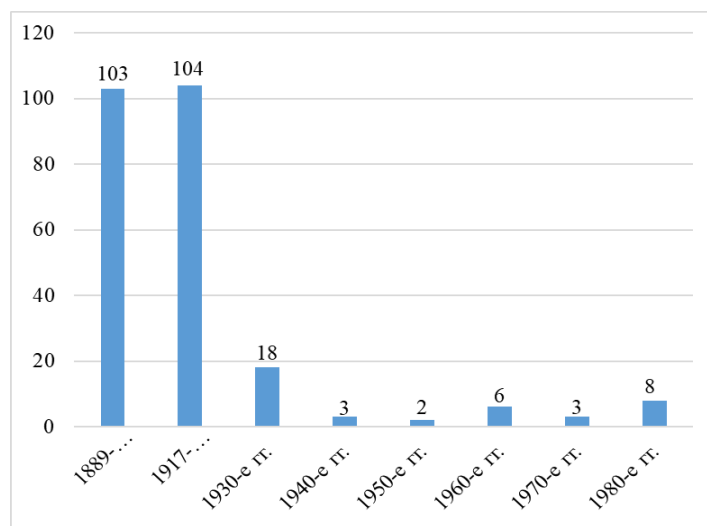

Рис. 2. Датировка экспонатов выставки «100 лет русского искусства». Источник: 100 years of Russian art, 1889-1989: from private collections in the USSR. London, 1989. P. 41-80.

Fig. 2. Dating of exhibits at the exhibition “100 Years of Russian Art”. Source: 100 years of Russian art, 1889-1989: from private collections in the USSR. London, 1989. P. 41-80.

Долгое время в советском искусствознании к искусству начала XX века относились критически, а многие вопросы оставались малоизученными [14]. Во второй половине 1980-х гг. происходит взлёт интереса к авангарду. Русский авангард с его радикальными идеями стал восприниматься как символ возвращения к истокам революции и свободы творчества. Это соответствовало духу перестройки, когда в СССР происходили значительные социальные и политические изменения [16]. Кроме того, выставки и публикации о русском авангарде, который ранее был забыт и подавлялся советской властью, стали способом культурного диалога с Западом, что и обусловило наличие значительного количества произведений этого направления в выставке.

Более скудно был представлен период становления и господства соцреализма – на выставке было всего 18 работ, написанных в 1930-е гг., что составляет 7% от общего числа экспонатов. Ещё меньше было произведений, относившихся к 1940-м, 1950-м и 1960-м гг. – в каждый из этих периодов было не более 1% работ от общего числа экспонатов. Дэвид Эллиот по этому поводу в вводной статье отметил, что в 1930-е гг. богатый плюрализм в советском искусстве был сведён к четко продуманному единообразию, а искусство было подчинено требованиям партии. Социалистический реализм, с точки зрения Эллиота, «безвкусная и риторическая форма реализма» [10].

Несколько лучше было представлено творчество художников-нонконформистов 1970-х

и 1980-х гг. – 2% и 3% соответственно. Дудаков по этому вопросу указал, что творчество позднесоветских художников-нонконформистов восстанавливает связь с русским искусством начала XX века. В связи с чем оно и представлено лучше, чем творчество официальное искусство.

Таким образом, очевидно, что наиболее подробно был представлен период становления и развития русского авангардизма. Если учесть, что пик авангардизма приходится на постреволюционный период, то можно утверждать, что коллекция выставки была сформирована в соответствии с идеей возвращения к «истокам революции», которая была распространена в период перестройки. Кроме того, следует учесть участие Дэвида Эллиота в подборе экспонатов и интерес иностранцев к «забытому» русскому искусству.

Каталог также позволяет выяснить социально-демографический облик коллекционеров, позволивших использовать картины из своих коллекций в качестве экспонатов выставки [8]. Приведены сведения о владельцах 39 коллекций. Из которых 18 (46%) являются мужчинами, 12 (31%) женщинами, а ещё 9 (23%) – пары из мужа и жены, владеющие совместными коллекциями.

Всего присутствует информация по 48 персоналиям. Из них 40 (83%) проживало в Москве и лишь 8 (17%) в Ленинграде. В 46 случаях указан возраст. Большинство, 38 человек (83%), были в возрасте от 51 года и старше. Наиболее пожилому коллекционеру был 91 год, наиболее молодому – 33 года. Подобный

возрастной состав объясняется тем, что старшее поколение имело доступ к культурному наследию 1910-1920-х годов.

В 62% случаев коллекции начали формироваться непосредственно владельцами, в 38% случаев были унаследованы от родственников. Большинство начало формировать коллекцию в 1940-е гг. и позже. Лишь 4% начали заниматься

коллекционированием в 1930-е гг., что можно связать с политическими и экономическими особенностями периода.

Довольно пёстрым был профессиональный состав. Наибольшую долю составляли искусствоведы, за ними следовали ученые, художники, инженеры, архитекторы и скульпторы. Полный перечень профессий приведён на рис. 3.

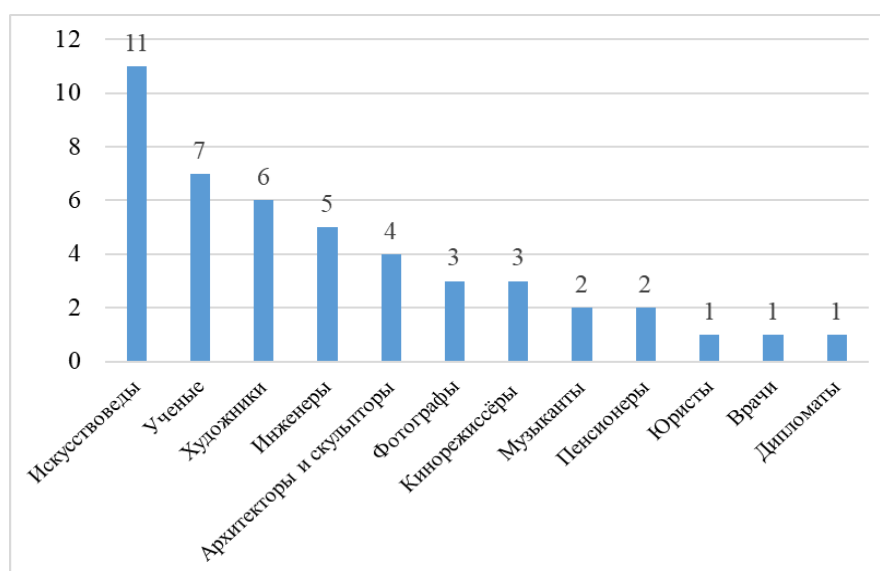

Рис. 3. Профессиональный состав коллекционеров, предоставивших работы на выставку. Источник: 100 years of Russian art, 1889-1989: from private collections in the USSR. London, 1989. P. 149-152.

Fig. 3. Professional composition of collectors who provided works for the exhibition. Source: 100 years of Russian art, 1889-1989: from private collections in the USSR. London, 1989. P. 149-152.

Выводы

Большое количество искусствоведов, а также художников и представителей других творческих профессий объясняется тесным взаимодействием со сферой изобразительного искусства, погруженностью в историю искусств и пониманием

ценности коллекционируемых вещей. Менее очевидна связь инженеров с искусством. Можно предположить, что имея стабильный доход и хорошее образование, инженерно-техническая интеллигенция понимала ценность предметов искусства и пыталась сохранить их.

Список источников

1. Басманов А. Зеркала жизни // Наше наследие. 1990. № 2. С. 12 – 16.
2. Лукьянова Л. Непредвиденностей было много. Беседа с Дэвидом Эллиотом // Наше наследие. 1990. № 2. С. 9 – 10.
3. Ненарокомов М. Картинки с выставки // Наше наследие. 1990. № 2. С. 5 – 6.
4. Ненарокомов М. Русский сезон в Лондоне // Советская культура. 1989. 8 июля.
5. Пынина Т. Страсти по искусству // Третьяковская галерея. 2010. № 1 (26). URL: <https://www.tgm.ru/articles/1-2010-26/strasti-po-iskusstvu> (дата обращения: 13.01.2025)
6. Сидельников А. Коллекционер Валерий Дудаков. Интервью // Коллекция. 2022. URL: <https://sammlung.ru/?p=49304> (дата обращения: 13.01.2025)
7. Смирнова И. 100 лет русского искусства // Советская культура. 1989. 12 декабря.
8. 100 years of Russian art // International Herald Tribune. 1989. 12 May.
9. 100 years of Russian art, 1889-1989 // Bookseller. 1989. 9 June.
10. 100 years of Russian art, 1889-1989: from private collections in the USSR / ed. a. with introd. by David Elliott a. Valery Dudakov. London: Lund Humphries, 1989. 152 с.
11. Eliot D. A Show is born // The Illustrated London News. 1989. 01 September.

12. Kitchen P. Visual Glasnost // Country Life. 1989. 27 April.
13. Morley M. A century of Russian art // Financial Review. 1989. URL: <https://www.afr.com/politics/a-century-of-russian-art-19890519-k3dga> (date of access: 25.01.2025)
14. Вакар И. К истории изучения творчества Казимира Малевича // Лаврус. 2023. URL: <https://lavirus.tretyakov.ru/publications/irina-vakar-filosofiya-malevicha-i-ee-issledovateli/> (дата обращения: 01.02.2025)
15. Жилыева Я. Выставить СССР! Как мир открыл советское свободное искусство // «Горби». Журнал нового мышления. 2024. № 10. URL: <https://gorby.media/articles/2024/06/19/vystavit-sssr> (дата обращения: 13.01.2025)
16. Крусанов А.В. Русский авангард 1907-1932. Санкт-Петербург : НЛО, 1996. Т. 1. 320 с.
17. Курляндцева А.С. США и СССР: история удивительного выставочного обмена // Международный журнал исследований культуры. 2021. № 2 (43). С. 127 – 142.
18. Леонидов В.В. Российский Фонд культуры: итоги двадцати лет // РСМ. 2007. № 1. С. 242 – 245.
19. Малахов Н.Я. Отечественное искусство на выставках за рубежом. Москва: Изобразит. искусство, 1980. 239 с.
20. Петрушанская Е.М. Первая леди Италии // Искусствознание. 2014. № 1-2. С. 559 – 589.
21. Потеекина О.В. Концептуальные особенности художественного образа в изобразительном искусстве русского авангарда начала 20 века // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник РГХПУ им. С.Г. Строганова. 2018. № 3-1. С. 174 – 180.
22. Русские художники за рубежом. 1970-2010-е годы / Авт.-сост. З.Б. Стародубцева. Москва: БуксМАрт, 2020. 687 с.
23. Федорова И.В. Обзор материалов Советского Фонда культуры в архиве академика Д.С. Лихачева // Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома. 2010. Т. 2007-2008. С. 25 – 34.
24. Флорковская А.Н. От 1960-х к 1980-м. Советское искусство на сломе эпохи // Советское искусство на переломе: от 1960-х к 1980-м. К 60-летию выставки «30 лет МОСХ» в московском «Манеже». Москва: Российская академия художеств, 2022. С. 11 – 16.
25. Шелегина О.Н. Общественные организации позднего социализма: начальный этап деятельности сибирских отделений Советского/Российского Фонда Культуры // Исторический курьер. 2022. № 6 (26). С. 207 – 220.

References

1. Basmanov A. Mirrors of Life. Our Heritage. 1990. No. 2. P. 12 – 16.
2. Lukyanova L. There Were Many Surprises. Conversation with David Elliott. Our Heritage. 1990. No. 2. P. 9 – 10.
3. Nenarokomov M. Pictures from an Exhibition. Our Heritage. 1990. No. 2. P. 5 – 6.
4. Nenarokomov M. Russian Season in London. Soviet Culture. 1989. July 8.
5. Pynina T. Passions for Art. Tretyakov Gallery. 2010. No. 1 (26). URL: <https://www.tg-m.ru/articles/1-2010-26/strasti-po-iskusstvu> (date of access: 13.01.2025)
6. Sidelnikov A. Collector Valery Dudakov. Interview. Collection. 2022. URL: <https://sammlung.ru/?p=49304> (date of access: 13.01.2025)
7. Smirnova I. 100 years of Russian art. Soviet Culture. 1989. December 12.
8. 100 years of Russian art. International Herald Tribune. 1989. May 12.
9. 100 years of Russian art, 1889-1989. Bookseller. 1989. June 9.
10. 100 years of Russian art, 1889-1989: from private collections in the USSR. ed. a. with introduction by David Elliott a. Valery Dudakov. London: Lund Humphries, 1989. 152 p.
11. Eliot D. A Show is born. The Illustrated London News. 1989. 01 September.
12. Kitchen P. Visual Glasnost. Country Life. 1989. 27 April.
13. Morley M. A century of Russian art. Financial Review. 1989. URL: <https://www.afr.com/politics/a-century-of-russian-art-19890519-k3dga> (date of access: 01.25.2025)
14. Vakar I. On the history of studying the work of Kazimir Malevich. Lavirus. 2023. URL: <https://lavirus.tretyakov.ru/publications/irina-vakar-filosofiya-malevicha-i-ee-issledovateli/> (date accessed: 01.02.2025)
15. Zhilyaeva Ya. Exhibit the USSR! How the world discovered Soviet free art. "Gorby". Journal of New Thinking. 2024. No. 10. URL: <https://gorby.media/articles/2024/06/19/vystavit-sssr> (date accessed: 13.01.2025)
16. Krusanov A.V. Russian avant-garde 1907-1932. St. Petersburg: NLO, 1996. Vol. 1. 320 p.

17. Kurlyandtseva A.S. USA and the USSR: the history of an amazing exhibition exchange. *International Journal of Cultural Studies*. 2021. No. 2 (43). P. 127 – 142.
18. Leonidov V.V. Russian Cultural Foundation: Results of Twenty Years.. *RSM*. 2007. No. 1. P. 242 – 245.
19. Malakhov N.Ya. Domestic Art at Exhibitions Abroad. Moscow: Fine Art, 1980. 239 p.
20. Petrushanskaya E.M. First Lady of Italy. *Art Studies*. 2014. No. 1-2. P. 559 – 589.
21. Potekina O.V. Conceptual Features of the Artistic Image in the Fine Arts of the Russian Avant-garde of the Early 20th Century. Decorative Art and Subject-Spatial Environment. *Bulletin of the Russian State Art and Publ. University named after S.G. Stroganov*. 2018. No. 3-1. P. 174 – 180.
22. Russian Artists Abroad. 1970-2010s. Auth.-compiled. Z.B. Starodubtseva. Moscow: BuksMArt, 2020. 687 p.
23. Fedorova I.V. Review of Materials of the Soviet Culture Fund in the Archive of Academician D.S. Likhachev. *Yearbook of the Manuscript Department of the Pushkin House*. 2010. Vol. 2007-2008. P. 25 – 34.
24. Florkovskaya A.N. From the 1960s to the 1980s. Soviet Art at the Turning Point of an Era. Soviet Art at the Turning Point: from the 1960s to the 1980s. On the 60th anniversary of the exhibition “30 Years of the Moscow Union of Artists” in the Moscow Manege. Moscow: Russian Academy of Arts, 2022. P. 11 – 16.
25. Shelegina O.N. Public organizations of late socialism: the initial stage of the activities of the Siberian branches of the Soviet/Russian Cultural Foundation. *Historical courier*. 2022. No. 6 (26). P. 207 – 220.

Информация об авторе

Антипов Е.Н., Санкт-Петербургский государственный университет

© Антипов Е.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47)+330

Плановая экономика на грани модернизации: анализ производственных и финансовых показателей предприятий тяжелой промышленности в условиях экономического эксперимента 1984 года

¹ Кузнецов Е.В.,
¹ Московский городской педагогический университет

Аннотация: статья анализирует экономический эксперимент 1983 года в СССР как попытку модернизации плановой экономики через расширение автономии предприятий. На основе архивных документов и мемуаров показаны противоречивые результаты: локальные улучшения (рост производительности, снижение затрат) сочетались с сохранением системных проблем – административного контроля, плановых дисбалансов и приписок. Эксперимент стал этапом между реформами 1965 года и перестройкой, подчеркнув необходимость радикальных изменений структуры власти для эффективных экономических преобразований.

Ключевые слова: экономический эксперимент, тяжелая промышленность, СССР, экономические показатели, реформирование, плановая экономика, производительность труда, себестоимость, рентабельность, системные ограничения

Для цитирования: Кузнецов Е.В. Плановая экономика на грани модернизации: анализ производственных и финансовых показателей предприятий тяжелой промышленности в условиях экономического эксперимента 1984 года // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 55 – 64.

Поступила в редакцию: 11 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

A planned economy on the verge of modernization: an analysis of the production and financial performance of heavy industry enterprises in the context of the 1984 economic experiment

¹ Kuznetsov E.V.,
¹ Moscow City Pedagogical University

Abstract: the article analyzes the economic experiment of 1983 in the USSR as an attempt to modernize the planned economy through the expansion of the autonomy of enterprises. Contradictory results are shown based on archival documents and memoirs: local improvements (increased productivity, reduced costs) They were combined with the persistence of systemic problems such as administrative control, planned imbalances and attributions. The experiment became a stage between the reforms of 1965 and perestroika, emphasizing the need for radical changes in the power structure for effective economic transformation.

Keywords: economic experiment, heavy industry, USSR, economic indicators, reform, planned economy, labor productivity, cost, profitability, system constraints

For citation: Kuznetsov E.V. *A planned economy on the verge of modernization: an analysis of the production and financial performance of heavy industry enterprises in the context of the 1984 economic experiment. Historical Bulletin.* 2025. 8 (6). P. 55 – 64.

The article was submitted: April 11, 2025; Approved after reviewing: June 14, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Актуальность темы исследования экономических преобразований позднего «застоя» обусловлена мало изученностью рассматриваемого аспекта советской экономической истории. В современной российской историографии экономическая политика советского руководства в годы позднего «застоя» рассматривалась исследователями на макроуровне. Такая ситуация была вызвана высокой степенью засекреченности документов за исследуемый период. Сегодня, благодаря росту числа рассекреченных документов, растет и количество работ, посвященных изучению более узконаправленных мероприятий руководства Советского Союза в области улучшения экономической ситуации в стране.

Еще одним фактором актуальности представленной темы можно назвать популярность реформ Ю.В. Андропова в отечественной научной и научно-популярной литературе. На фоне экономического кризиса, охватившего мир и Россию, наблюдается рост левых настроений, что приводит к увеличению интереса к советской истории и поиску альтернатив, при которых социалистический проект мог продолжить свое существование. Наиболее популярной тематикой в этом контексте приводится широко известная «Хозяйственная реформа» 1965 года или частично рассматриваемые в настоящей работе экономические преобразования Ю.В. Андропова как упущенные возможности проведения антикризисных мер. При этом даже при растущей популярности этих тем современному читателю мало известно об упомянутых событиях. Представляемая статья на основе ряда впервые вводимых в научный оборот источников призвана расширить понимание процессов экономического реформирования и предоставить более полную картину экономической политики позднего «застоя».

Материалы и методы исследований

Источниковая база исследования состоит из широкого круга источников, включающего: документы партийных и государственных органов власти, архивные материалы, мемуары статистические сборники, методическую литературу и справочные материалы.

Первая группа источников состоит из делопроизводственных материалов. Среди привлекаемых

источников представлены документы и материалы государственных архивов РФ. В частности, в исследовании используются материалы Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Российского государственного архива новейшей истории (РГАНИ). Привлекаются следующие фонды РГАНИ: Пленумы ЦК КПСС (1941-1991 гг.) (Ф. 2); Политбюро ЦК КПСС (1952-1991 гг.) (Ф. 3); Аппарат ЦК КПСС (1935-1991 гг.) (Ф. 5); Андропов Юрий Владимирович (1914-1984 гг.) (Ф. 82); Черненко Константин Устинович (1911-1985 гг.) (Ф. 83). Среди фондов РГАЭ привлекаются фонды: Центрального статистического управления (Ф. 1562) и Государственного планового комитета Совета Министров СССР (Госплан СССР) (Ф. 4372). В фондах этих архивов представлены материалы о разработке, проведении и наблюдении за ходом широкомасштабного экономического эксперимента. Среди названных фондов хранятся такие важные для представляемого к защите исследования документы как: Документы по вопросам развития народного хозяйства; Рабочие записки Ю.В. Андропова; Копии записок и резолюций К.У. Черненко и другие материалы о разработке Основных направлений экономического и социального развития на двенадцатую пятилетку и до 2000 года, о состоянии и перспективах развития отдельных отраслей промышленности, о вопросах ускорения научно-технического прогресса и по другим вопросам развития народного хозяйства страны и др. Среди ранее не цитируемых представлены: Протоколы заседаний и документы Научно-методического совета Комиссии по общему руководству экономическим экспериментом; Справки и записки экономического отдела ЦК КПСС о ходе экономического эксперимента.

В качестве второй группы источников привлекаются законодательные акты. Среди них можно привести документы КПСС и Советского правительства, связанные с разработкой и реализацией широкомасштабного экономического эксперимента, как, например, Протоколы заседаний Пленумов ЦК КПСС, а также законы и постановления, определявшие ход экономического эксперимента. Рассмотрение указанной группы документов позволяет определить и раскрыть основные положения и условия проведения экономического эксперимента.

Третья группа источников – это источники личного происхождения. Высокая степень засекреченности множества архивных материалов за 1980–е года требуют привлечения мемуарных источников. Среди них представлены дневники и воспоминания ряда работников Госплана, министров советской эпохи, а также членов комиссий при ЦК КПСС и Госплане СССР.

Четвертой группой источников являются статистические и справочные материалы. Характер исследования требует использования статистики для выяснения влияния эксперимента на советскую экономику.

Методология и методы исследования основаны на историко-системном подходе, рассматривающем экономический эксперимент 1984–1985 гг. как элемент эволюции плановой экономики СССР, в контексте её институциональных особенностей и преемственности с реформами 1965–1979 гг. В исследовании применены такие междисциплинарные методы как: сравнительный (сопоставление отраслей и регионов), статистический (оценка рентабельности, производительности труда), архивное исследование, источниковедческий анализ (критика делопроизводственных материалов, мемуаров).

Как уже отмечалось во введении, широкомасштабный экономический эксперимент вплоть до сегодняшнего дня не становился самостоятельным предметом исследования историков. Тем не менее, ошибочно считать, что эта проблема осталась без внимания научного сообщества. В целом материалы, написанные на рассматриваемую тематику, можно разделить два периода: 1985–1991 и с 1991 по настоящее время.

Процесс проведения экономического эксперимента активно исследовался и обсуждался на страницах научных журналов, сборников статей [5] и отдельных монографий [1]. Помимо общих работ по рассматриваемой тематике, можно особенно выделить труды, посвященные изучению функционирования конкретных предприятий и министерств в условиях экономического эксперимента.

Все эти работы представляют разные взгляды на проходящие преобразования, при этом сохраняя выраженную политическую ангажированность. В рамках научной полемики существовали две противоположные позиции. С одной стороны, были апологеты преобразований, как, например, А. Синегевич, который в своей работе «Экономический эксперимент в промышленности: результаты, проблемы» призывал к углублению и расширению преобразований [22]. С другой стороны, были оппоненты, как, например, В. Селюнин и Е. Ясин, которые ставили под сомнение, как успехи

эксперимента, так и его целесообразность. Так, они утверждали, что улучшение результатов деятельности задействованных в эксперименте предприятий обусловлено различными привилегиями. В. Селютин и вовсе в статье «Эксперимент» отмечал, что новые условия хозяйствования не коснулись источника проблемы: неэффективного хозяйственного механизма [21, с. 175].

Второй период с 1991 по настоящее время характеризуется разнообразием концепций и подходов. Фундаментальным трудом, сохраняющим методологическую и фактологическую значимость для специалистов, изучающих позднесоветский период, остаётся монография Рудольфа Пихоя «СССР: история власти. 1945–1991» вышедшая впервые в 1998 году [7]. Рудольф Пихоя подробно анализирует кризисные явления в советской экономике, которые привели к необходимости проведения экспериментов и реформ. Такой подход помогает понять, какие проблемы пытались решить с помощью Экономического эксперимента 1983 года.

Еще одной значимой работой является монография Рэма Белоусова «Драматический кризис в конце столетия» опубликованная в 2006 году [2]. Автор тщательно исследует различные аспекты экономической политики и развития страны в рассматриваемый период, включая политические и экономические реформы, экономические кризисы и подъемы, а также влияние внешних факторов на экономику России.

Цикл монографий Г. Ханина «Экономическая история России в Новейшее время» занимает центральное место в историко-экономических исследованиях. Григорий Исаакович рассматривает эксперимент с одной стороны как прямое продолжение реформы 1979 года, а с другой как компромисс между более радикальными проектами. В отношении эффективности вводимых мер Г.И. Ханин придерживается аналогичных В. Селюнину и Е. Ясину оценок [25, С. 328].

Книга экономического публициста Дмитрия Травина «Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985–1999» вышедшая в 2010 году, представляет собой попытку популярно объяснить функционирование советского хозяйства. Концепция автора заключается в обосновании проводимой в период занятия М.С. Горбачевым поста Генерального секретаря ЦК КПСС экономической политики неизбежно, по его мнению, перетекавшей в рыночное русло. Экономический эксперимент, таким образом, оценивался как полумера на пути к «радикальным рыночным преобразованиям» [24, с. 99].

Работы российских исследователей Н. Кротова и Н. Митрохина представляют собой методологически значимый ресурс для анализа советской экономической истории, непосредственно релевантный предметной области исследования. Монография Н. Кротова «Акела промахнулся, запустите Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980–х годов» опубликованная в 2019 году, посвящена экономическим реформам позднего СССР. В своем исследовании автор привлёк множество свидетелей тех событий, которые непосредственно участвовали в разработке реформ на разных уровнях иерархии [4]. Книга Н. Митрохина «Очерки советской экономической политики в 1965–1989 годах» вышедшая в 2022 году, посвящена всестороннему анализу советской экономики периода застоя [6].

Среди исследований советской экономики последних лет также необходимо отметить монографии Е.Ю. Спицына и А. Сафронова. Работа профессора Е.Ю. Спицына «Ложь и правда о советской экономике. Советская держава в 1945–1985 гг.» фокусируется преимущественно на политических аспектах, обусловивших трансформацию экономической системы СССР. Автор осуществляет комплексный анализ этапов реформирования, начиная с критической оценки результатов хрущёвского «великого десятилетия», через детальное изучение разработки, реализации и краха так называемых «косыгинских реформ», вплоть до рассмотрения процессов «андроповско-горбачёвского реформизма», который, по мнению исследователя, стал катализатором распада СССР и социалистического блока в Восточной Европе [23, с. 584].

Новейший вклад в рассматриваемой области представляет монография А. Сафронова «Большая советская экономика», отличающаяся энциклопедическим охватом материала: от периода военного коммунизма до эпохи перестройки. Автор в своем анализе экономического эксперимента проводит параллели с Косыгинской реформой 1965 года и как некоторые советские предшественники связывает основную особенность эксперимента с приоритетным снабжением [20, с. 662].

Также можно отметить ряд статей, посвящённых анализу экономического реформирования в СССР. Среди них особенно можно выделить статью вышеупомянутого исследователя советского планового хозяйства А.В. Сафронова «ВАЗ – предтеча Перестройки. Экономический эксперимент 1980–х гг. на АвтоВАЗе» [19]. В статье рассматриваются основные аспекты внедрения экономического эксперимента на АвтоВАЗе и делается вывод о деструктивном влиянии преобразований на совет-

скую плановую систему. Достоян внимания статья кандидата экономических наук Т.П. Черемисиной «От советского предприятия к легальной рыночной фирме» [26].

Политическая биография Ю.В. Андропова и его деятельность на посту Генерального секретаря ЦК КПСС стали объектом пристального внимания исследователей, о чём свидетельствует сформированный в научной литературе обширный массив работ. Вместе с тем экономические реформы периода его руководства (1982–1984) остаются периферийным объектом анализа в современной российской историографии, не получив системного осмысления в контексте преемственности и противоречий позднесоветской модернизации.

Результаты и обсуждения

Проблемы в советской экономике начали проявляться задолго до экономического эксперимента 1983 года. Попытки реформирования экономики страны были даже до хозяйственной реформы 1965 года. Так, идею об ускорении экономического развития внесли в 1961 году в экономическую часть третьей программы КПСС [4, с. 49].

Новым этапом в развитии советской экономики и экономического экспериментирования стало избрание Ю.В. Андропова Генеральным секретарем ЦК КПСС после смерти Л.И. Брежнева [9, Л. 16]. В своем выступлении на ноябрьском пленуме 1982 года Ю.В. Андропов среди прочего отметил: «В последнее время немало говорят о том, что надо развивать самостоятельность объединений и предприятий, колхозов и совхозов. Думается, что настала пора для того, чтобы практически подойти к решению этого вопроса. ... Действовать здесь нужно осмотрительно. Провести, если нужно, эксперименты, взвесить, учесть и опыт братских стран» [8]. Как видно из записки председателя Совета Министров СССР Н.А. Тихонова в ЦК КПСС от 21 декабря 1982 года, за этими словами последовала коллективная записка К.У. Черненко, Ю.В. Андропова, М.С. Горбачева, Н.А. Тихонова и В.И. Долгих о дальнейшем развитии экономики страны и совершенствовании системы управления народных хозяйством вместе с постановлением Политбюро ЦК КПСС [12, Л. 42]. Эти документы содержали поручение Совету Министров СССР разработать и внести предложения о порядке и подготовке постановлений о развитии отдельных капиталоемких отраслей и регионов, а также капитального строительства. При этом подготовка первого постановления была возложена на В.И. Долгих и Н.И. Рыжкова, а для разработки второго предлагалось привлечь еще и М.С. Горбачева [12, Л. 42]. На наш взгляд, это именно то поручение, о котором вспоминали председатель правления Строй-

банка СССР М.С. Зотов и декан экономического факультета ЛГУ О.И. Ожерельев, в соответствии с которым Ю.В. Андропов предложил созданному им 2 декабря 1982 года Экономическому отделу ЦК КПСС, возглавленному секретарем ЦК КПСС Н.И. Рыжковым вместе с двумя отраслевыми секретарями ЦК КПСС – М.С. Горбачевым, В.И. Долгих выслушать всех руководителей экономических органов для составления реальной картины, происходивших в советской экономике процессов [4, с. 50].

Вскоре решением Генерального секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова в январе 1983 года была создана временная комиссия Политбюро ЦК КПСС. В нее вошли пять членов Политбюро ЦК КПСС, руководитель Совета Министров СССР и все министры экономического блока. В составе комиссии были созданы два органа: рабочая группа и научная секция. В рабочую группу входили заместители руководителей министерств, а научная секция объединила директоров ведущих экономических институтов [4, с. 52].

Основная работа проходила в научной секции комиссии, возглавляемой академиком Академии Наук СССР, заместителем председателя Государственного комитета СССР по науке и технике при Совете Министров СССР, директором Института системных исследований Д.М. Гвишиани. В этом институте были разработаны первые предложения по реформе.

Результатом работы комиссии стало Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР № 659 от 14 июля 1983 года «О дополнительных мерах по расширению прав производственных объединений (предприятий) промышленности в планировании и хозяйственной деятельности и по усилению их ответственности за результаты работы» [18, с. 169-176]. Кроме того, для контроля за ходом эксперимента было принято Постановление Совета Министров СССР № 1479 от 1 августа 1983 года «О создании Комиссии по руководству экономическим экспериментом» [23, с. 569].

Постановление намечало «провести в Министерстве тяжелого и транспортного машиностроения, Министерстве электротехнической промышленности, Министерстве пищевой промышленности Украинской ССР, Министерстве легкой промышленности Белорусской ССР и Министерстве местной промышленности Литовской ССР экономический эксперимент» [18, с. 169]. В рамках эксперимента предполагалось «значительное усиление роли производственных объединений в разработке планов экономического и социального развития», ограничение плановых показателей, «с учетом особенностей работы соответствующих

отраслей промышленности», повысить роль экономических нормативов и ввести хозрасчет [18, с. 170]. В соответствии с постановлением предприятия получили самостоятельность в использовании фонда развития производства, а также возможность направлять валютные средства от реализации продукции на экспорт на дальнейшее расширение производства экспортных изделий [18, с. 171]. Кроме того, предписывалось связать фонд заработной платы с показателем чистой прибыли и дать возможность предприятиям экономить при использовании фонда заработной платы и фонда материального поощрения [18, с. 173].

Вместе с этим изменялась система показателей и нормативов. По условиям эксперимента производственным объединениям вышестоящими организациями доводилось ограниченное количество показателей, как в пятилетнем, так и в годовом планах. Кроме того, предприятиям и министерствам предоставлялось больше прав в распоряжении собственными средствами благодаря расширению спектра нормативов устанавливаемых производственными объединениями.

Ключевым изменением в показателях пятилетнего плана стало исчезновение параметра объема товарной (валовой) продукции в сопоставимых ценах [28, с. 10]. Указанный критерий вызвал широкую дискуссию среди советских экономистов в связи с дублированием доводимого до предприятий вместе с ним показателя темпов роста товарной продукции. Еще одним изменением стало сокращение наименований изделий утверждаемых в плане вышестоящих организаций. Также, показатель удельного веса продукции высокого качества в общем объеме производства продукции стал определять размеры фонда материального поощрения [18, с. 172]. Центральным аспектом условий экономического эксперимента стало использование рычагов воздействия пятилетнего плана на хозяйственную деятельность предприятий, с помощью которых планировалось поставить в прямую зависимость от конечного результата «размеры средств, получаемых ими для оплаты труда и социального развития, технического перевооружения и совершенствования производства» [18, с. 169].

Среди наиболее значимых инновационных преобразований следует выделить право предприятий самостоятельно вносить платежи в государственный бюджет [18, с. 175]. Начало проведения экономического эксперимента было назначено на 1 января 1984 года.

Для получения полной картины хода экономического эксперимента необходимо рассмотреть как общие итоги за год, так и за первое полугодие.

Прежде всего, необходимо оценить результаты эксперимента на одном из самых старых министерств в отрасли тяжелой промышленности - Министерстве тяжелого и транспортного машиностроения.

Так, по всем производственным объединениям отрасли отмечался рост выполнения плана реализации с учетом договорных обязательств. По итогам 1984 года большая часть производственных объединений план реализации выполнили полностью, тогда как в 1983 году ни одно из предприятий не справилось с этой задачей [17, Л. 8]. В то же время уже за первое полугодие этот показатель равнялся 99,5% [13, Л. 64]. По итогам 1984 года анализируемый показатель на предприятиях демонстрировал увеличение в диапазоне от 1% до 8%, при этом объем нереализованных поставок сократился в 6,5 раз в среднем по ведомству [17, Л. 9]. В целом по министерству рост темпов производительности труда по сравнению с предыдущим годом составил 104,8% [14, Л. 216]. От предприятия к предприятию меры по повышению производительности труда привели к перевыполнению плановых заданий по этому показателю в промежутке от 1 до 5 % в сравнении с 1983 годом [17, Л. 11].

По Минтяжмашу также наблюдалась устойчивая тенденция к снижению затрат на 1 рубль товарной продукции, как в отношении к плану 1984 года, так и по сравнению с фактическими затратами 1983 года. По итогу года этот показатель составил 1,76% [17, Л. 12], в то время как по результатам первого полугодия он составил 1,54% [13, Л. 65]. Кроме того по Министерству снижение претерпела себестоимость продукции составив 0.5% или 25 млн руб. [17, Л. 13]. За первое полугодие 1984 года этот показатель был равен 0,3% или 6,7 млн руб. [13, Л. 94]. Однако этот эффект распространился не на все министерство. Так, с заданиями по снижению себестоимости не справились 7% производственных объединений отрасли [27, С. 48]. Значительно выросла и рентабельность (прибыль) производственных объединений министерства составив 118,3% в отношении к 1983 году. По конкретным производственным объединениям рост варьировался от 3,7% до 60,1%, что говорит о положительном влиянии условий эксперимента для нерентабельных производств. Однако нужно отметить и влияние льготных условий по платежам предоставленных многим предприятиям на первый год проведения эксперимента вместе с обеспечением приоритетного снабжения [10, Л. 127].

Еще одним позитивным аспектом эксперимента стало повышение удельного веса продукции выс-

шей категории качества по министерству, в объеме товарной продукции составив 38.8 против 35 в 1983 году [17, Л. 16]. Выпуск продукции со Знаком качества достиг 39% от товарного выпуска против 35,1% в 1983 году [3, с. 4]. Однако эта тенденция не коснулась всех предприятий. В целом ряде производств удельный вес продукции высшего качества был ниже отраслевого.

На основании приведенных материалов можно констатировать, что значительную долю успеха эксперимента составляла мобилизация резервов производства и управления, заключающаяся в определении улучшения материально-технического снабжения, повышении уровня обеспечения планов производства материально-техническими ресурсами, улучшением трудовой дисциплины и повышением обоснованности, а также усилением административных методов управления. Подтверждение этого вывода является показатель ритмичности производства, который не только не улучшился, но и снизился по ряду производств [17, Л. 18]. Еще одним подтверждением является тот факт, что выпуск основного объема продукции приходится на последний квартал года. Так, по Минтяжмашу соотношение плановых объемов выпуска продукции по полугодиям составило 1:1,7 [17, Л. 17]. Такая диспропорция, возможно, была обусловлена первоначальными трудностями со снабжением предприятий министерств тяжелой промышленности [11, Л. 33].

В ходе эксперимента также не удалось преодолеть тенденции, связанные с избыточным контролем и мелочной регламентацией хозяйственной деятельности, осуществляемой на уровне вышестоящих инстанций. Сохранилась практика постоянных изменений, доводимых до предприятий плановых заданий.

При этом необходимо отметить и тот факт, что в условиях эксперимента в целом повысилась сбалансированность выделяемых фондов на материально-технические ресурсы с производственными программами выпуска продукции. Однако, несмотря на более высокий уровень обеспеченности, фондами и льготные условия снабжения добиться полного удовлетворения потребностей даже по основным видам материальных и других ресурсов предприятиям не удалось. Многочисленные случаи несоответствия плановых поставок выделенным ресурсным лимитам были зафиксированы по значительной части номенклатурных категорий [15, Л. 33]. Кроме того, по многим объединениям не наблюдалось улучшения фактической реализации выделенных фондов [15, Л. 34]. Так, например, по Калининскому вагоностроительному из 10 позиций металлопроката процент выполнения по-

ставок улучшился по сравнению с 1983 годом лишь по 3 позициям. Таким образом, более высокая обеспеченность фондами не стала твердым гарантом реальной обеспеченности материально-техническими ресурсами.

Итоговые показатели деятельности объединений и предприятий Минтяжмаша за 1984 год свидетельствовали об определенных положительных сдвигах в развитии науки и техники, внедрении их достижений в производство. Объем товарной продукции по министерству вырос по сравнению с 1983 г. на 4,7%, производительность труда на 5,8%. Затраты на рубль товарной продукции снизились на 1,8%. Освоено 184 новых вида промышленной продукции (против 82 в 1983 году), создано 148 опытных образцов новых изделий (против 41 в 1983 году), снято с производства 57 наименований устаревших машин. Удельный вес продукции высшей категории качества в объеме товарной продукции составил 38,8% против 35% в 1983 году [15, Л. 43].

Существенное значение для ускорения НТП, внедрения научных достижений имело выделение предприятиям финансовых средств на эти цели и расширение их прав в использовании этих средств. Размер фонда развития производства в целом по Минтяжмашу в 1984 году увеличился на 40% по сравнению с 1983 г. [15, Л. 46].

Экономический эксперимент 1984-1985 гг. на предприятиях Минтяжмаша выявил противоречивые результаты. С одной стороны, наблюдались позитивные изменения, включая рост производственных показателей, снижение затрат, повышение качества продукции и ускорение внедрения инноваций, что частично объяснялось расширением финансовой самостоятельности и льготными условиями. С другой стороны сохранялись системные ограничения плановой экономики, такие как зависимость, от централизованного регулирования, бюрократическая регламентация, частые изменения плановых заданий и дисбалансы в ресурсном обеспечении, которые препятствовали устойчивому улучшению материально-технической базы.

Вторым министерством тяжелой промышленности, включенным в программу экономического эксперимента, стало Министерство электротехнической промышленности СССР. Министерство являлось центральным органом управления, ответственным за развитие и координацию производства электротехнической продукции. Созданное в середине XX века, министерство играло ключевую роль в обеспечении СССР современными технологиями для промышленности, транспорта и бытового сектора. Нахождение производства

на острие технического прогресса определило его место среди отраслей, включенных в экономический эксперимент.

Так, по Минэлектротехпрому процент выполнения обязательств по поставкам составил в 1984 году 99% против 96,9% в 1983 году [16, Л. 2]. За первое полугодие этот показатель аналогичен [13, Л. 96]. На 100% выполнили свои обязательства 198 объединений (около 70% всех предприятий отрасли) [15, Л. 114]. В 1983 году таких предприятий было лишь 86. Темпы роста товарной и реализованной продукции составили 104,4 % против 104,2% и 104,8% против 104,9%. Показатели выполнения поставок хоть и укрепились как в Минэлектротехпроме, так и в Минтяжмаше, они существенно не выделялись на фоне остальных отраслей промышленности, не переведенных на условия эксперимента. Так, показатель Минэлектротехпрома равный 99% и вовсе отставал от остальных отраслей, опережая лишь Министерство черной металлургии [15, Л. 115].

Положительным результатом эксперимента на Минэлектротехпроме можно назвать ускорение роста производительности труда. Так, рост производительности труда по нормативно чистой продукции (НЧП) вырос с 105,6 до 105,9. По НЧП с учетом эффекта новой продукции со 106,4 до 107,4. При этом рост численности промышленно-производственного персонала сократился с 100,5 % до 99,99% [15, Л. 116]. При этом необходимо отметить, что темп роста производительности труда понизился на предприятиях, ранее показывавших высокие темпы. Вместе с этим, на предприятиях, ранее не превышавших 5% роста темпы повысились. Этот результат был, достигнут преимущественно за счет высвобождения рабочей силы [15, Л. 117]. Общий темп роста производительности труда в Минэлектротехпроме оказался выше, чем по промышленности (4,4% против 3,8% процентов при расчете по товарной продукции) [15, Л. 118].

Динамика затрат на 1 рубль товарной продукции значительно не изменилась в условиях эксперимента на Минэлектротехпроме. Так, в 1982 году этот показатель равнялся 89,73 коп., в 1983 году снизился до 88,67 коп. и в 1984 году составил 87,49 коп. показав большее снижение на 0.12%. Однако, как и в области производительности труда условия эксперимента привели к значительному понижению затрат на предприятиях с низкой рентабельностью [15, Л. 119].

Еще одним позитивным результатом эксперимента стало повышение прибыли и рентабельности предприятий. Так, балансовая прибыль Минэлектротехпрома выросла с 1478,79 млн руб. в

1983 году до 1753,05 млн руб. Темп роста прибыли таким образом составил 118,9% при среднегодовых темпах (1979-1983) в 106,9% [17, Л. 173]. При этом значительная доля прироста балансовой прибыли выросла за счет роста рентабельности [15, Л. 120]. Наиболее существенными фактором роста рентабельности по министерству были снижение затрат и повышение цен, главным образом за счет поощрительных надбавок к ценам за новую высокоэффективную продукцию и изделия со знаком качества [15, Л. 121]. Только отчисления по этим надбавкам возросли в 1,3 раза (на 6 млн руб.).

Наблюдался значительный рост фонда развития производства. Так, в Минтяжмаше рост составил 40%, в Минэлектротехпроме 25% [17, Л. 4]. Повысилась роль нецентрализованных источников финансирования капитальных вложений на техническое перевооружение. По данным ЦСУ СССР в 1984 году в Минэлектротехпроме 33% всех капитальных вложений по объектам производственного назначения профинансировано из средств фонда развития производства при 26% в 1983 году. В Минтяжмаше около 22% при 14% в 1983 году. На предприятиях Минэлектротехпрома и Минтяжмаша на начало пятилетки оборудование в возрасте от 10 до 20 лет составляло соответственно 27,6% и 28,7% общего парка, свыше 20 лет 12,8 % и 17,6% в целом по стране.

Экономический эксперимент в Министерстве электротехнической промышленности СССР продемонстрировал умеренные успехи. С одной стороны, реформы способствовали росту производительности труда за счёт оптимизации использования рабочей силы, повышению рентабельности предприятий через снижение затрат и стимулирование выпуска инновационной продукции, а также расширению нецентрализованного финансирования модернизации. С другой стороны сохранялись структурные дисбалансы: увеличение производственных запасов при сокращении оборотных средств, технологическое отставание в условиях ограниченного доступа к передовым разработкам и сохраняющаяся зависимость от административного регулирования.

Таким образом, эксперимент с одной стороны выдвинул на первый план реализацию с учетом выполнения заказов, и это отчасти достигалось снижением запасов готовой продукции. С другой стороны, предприятия, участвующие в эксперименте получили определенные привилегии в снабжении.

Экономический эксперимент, проведенный в отраслях тяжелой промышленности, выявил ряд как положительных, так и негативных тенденций. С одной стороны, наблюдался рост выполнения планов реализации, повышение производительности труда, снижение затрат на рубль товарной продукции и увеличение рентабельности предприятий. Однако эти достижения не были равномерными и не охватили все предприятия, что свидетельствует о недостаточной универсальности применяемых мер. Кроме того, нельзя сказать, что они являлись в полной мере результатом применения условий эксперимента. Никаких качественных сдвигов в народном хозяйстве по результатам эксперимента не произошло.

Несмотря на улучшение сбалансированности выделяемых фондов, предприятия продолжали сталкиваться с неполным выполнением планов поставок материально-технических ресурсов. Неравномерность выполнения плановых заданий и снижение ритмичности производства на ряде предприятий указывают на недостатки в системе планирования и управления. Несмотря на общий рост показателей, 7% производственных объединений Минтяжмаша и 13% предприятий Минэлектротехпрома не справились с заданиями по снижению себестоимости [27 С. 48], в то время как ритмичность производства ухудшилась [17 Л. 18], что свидетельствует о недостаточной эффективности внедренных мер.

Одним из самых значительных недостатков можно назвать снижение доли платежей в бюджет по отчету по сравнению с долей предусмотренной планом (кроме Минэлектротехпрома). Такая ситуация сложилась в связи с новой системой формирования фонда экономического стимулирования. Кроме того меры по большей самостоятельности предприятий в распоряжении прибыли привели к опережению темпов роста прибыли оставляемой на предприятиях к темпам роста прибыли в целом и платежей в бюджет.

В целом, эксперимент не привел к качественным сдвигам в народном хозяйстве. Хотя были достигнуты некоторые положительные результаты, такие как рост производительности труда и снижение затрат, они не выделялись на фоне других отраслей, не участвовавших в эксперименте. Это указывает на ограниченное влияние эксперимента на хозяйственный механизм предприятий тяжелой промышленности.

Выводы

Экономический эксперимент 1984 года в СССР показал ограниченный успех: отдельные показатели (производительность, снижение затрат) улучшились, но системные проблемы – жёсткий кон-

троль, нестабильность плановых заданий и зависимость от административного регулирования – сохранились. Анализ архивных данных подтверждает, что частичные реформы без преодоления структурных противоречий плановой системы не

могли обеспечить устойчивый рост. Этот опыт стал важным этапом в поиске баланса между централизацией и экономическими стимулами, предвосхищая идеи перестройки.

Список источников

1. Алексеев Н.И. Экономический эксперимент: социальные аспекты. М., Мысль. 1987. 252 с.
2. Белоусов Р.А. Экономическая история России: XX век. Кн. 5. : Драматический кризис в конце столетий. Москва: ИздАТ. 2006. 463 с.
3. Бородин И.Г. О ходе экономического эксперимента в отрасли тяжелого и транспортного машиностроения. Свердловск., 1985. 30 с.
4. Кротов Н.И. Акела промахнулся, запускайте Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980-х годов. М., КМК. 2019. 708 с.
5. Лапшин А. Экономический эксперимент и дисциплина поставок // Коммунист Советской Латвии. 1985. № 8. С. 11 – 17.
6. Митрохин Н.И. Очерки советской экономической политики в 1965-1989 годах. Том 2. М., Новое литературное обозрение, 2023. 608 с.
7. Пихоя Р. СССР: история власти. 1945-1991. М., Изд-во РАГС. 1998. 736 с.
8. Правда. 22.11.1982
9. РГАНИ Ф. 2 Оп. 4 Д. 43.
10. РГАНИ Ф. 5 Оп. 89 Д. 323
11. РГАНИ Ф. 5 Оп. 90 Д. 92
12. РГАНИ Ф. 82 Оп. 1 Д. 15
13. РГАЭ Ф. 4372 Оп. 67 Д. 5642
14. РГАЭ Ф. 4372 Оп. 67 Д. 5645
15. РГАЭ Ф. 4372 Оп. 67 Д. 6468
16. РГАЭ Ф. 4372 Оп. 67 Д. 6480
17. РГАЭ Ф. 4372 Оп. 67 Д. 6485
18. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: Сб. док. Т. 15. Ч. 1. 1983 г.-май 1984 г. М., Политиздат, 1985. 542 с.
19. Сафронов А.В. ВАЗ – предтеча Перестройки. Экономический эксперимент 1980-х гг. на АвтоВАЗе // Сборник материалов Второй Всероссийской научной конференции Ветер Перестройки / отв. ред. Р.Ф. Галиев СПб., 2023. С. 380 – 386.
20. Сафронов Алексей Большая советская экономика: 1917-1991 М., Individuum, Эксмо, 2025. 820 с.
21. Селюнин В. Эксперимент // Новый мир. 1985. № 8. С. 173 – 194.
22. Синегевич А.В. Экономический эксперимент в промышленности: результаты, проблемы». М., Знание. 1986. 64 с.
23. Спицын Е.Ю. Ложь и правда о советской экономике. Советская держава в 1945-1985 гг. М., Концептуал. 2024. С. 695.
24. Травин Д.Я. Очерки новейшей истории России. Книга первая: 1985-1999. СПб., Норма. 2010. 368 с.
25. Ханин Г.И. Экономическая история России в новейшее время: монография: в 2 т. Новосиб. гос. техн. ун-т. Новосибирск. 2008. Т. 1. Экономика СССР в конце 30-х годов – 1987 год. 516 с.
26. Черемисина Т.П. От советского предприятия к легальной рыночной фирме // Мир России. Социология. Этнология. 2001. № 3. С. 105 – 120 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-sovetskogo-predpriyatiya-k-legalnoy-rynnochnoy-firme> (дата обращения: 11.01.2024)
27. Юзепчук С.А. Экономический эксперимент: результаты и перспективы: Науч.-аналит. Обзор. М., 1986. 61 с.
28. Юзефович С.С. Экономический эксперимент в пищевой промышленности УССР. Киев., 1984. 76 с.

References

1. Alekseev N.I. Economic experiment: social aspects. Moscow, Mysl. 1987. 252 p.
2. Belousov R.A. Economic history of Russia: XX century. Book 5.: Dramatic crisis at the end of centuries. Moscow: IzdAT. 2006. 463 p.

3. Borodin I.G. On the course of the economic experiment in the heavy and transport engineering industry. Sverdlovsk., 1985. 30 p.
4. Krotov N.I. Akela missed, launch Berlaga. An attempt to understand the meaning of the economic reforms of the 1980s. Moscow, KMK. 2019. 708 p.
5. Lapshin A. Economic experiment and supply discipline. Communist of Soviet Latvia. 1985. No. 8. P. 11 – 17.
6. Mitrokhin N.I. Essays on Soviet Economic Policy in 1965-1989. Vol. 2. Moscow, New Literary Review, 2023. 608 p.
7. Pikhoya R. USSR: History of Power. 1945-1991. Moscow, RAGS Publishing House. 1998. 736 p.
8. Pravda. 11/22/1982
9. RGANI F. 2 Op. 4 D. 43.
10. RGANI F. 5 Op. 89 D. 323
11. RGANI F. 5 Op. 90 D. 92
12. RGANI F. 82 Op. 1 D. 15
13. RGAE F. 4372 Op. 67 D. 5642
14. RGAE F. 4372 Op. 67 D. 5645
15. RGAE F. 4372 Op. 67 D. 6468
16. RGAE F. 4372 Op. 67 D. 6480
17. RGAE F. 4372 Op. 67 D. 6485
18. Decisions of the Party and Government on Economic Issues: Coll. doc. V. 15. Part 1. 1983 - May 1984 Moscow, Politizdat, 1985. 542 p.
19. Safronov A.V. VAZ – the forerunner of Perestroika. Economic experiment of the 1980s at AvtoVAZ. Collection of materials of the Second All-Russian scientific conference Wind of Perestroika. ed. R.F. Galiev SPb., 2023. pp. 380 – 386.
20. Safronov Aleksey Great Soviet Economy: 1917-1991 M., Individuum, Eksmo, 2025. 820 p.
21. Selyunin V. Experiment. Novy Mir. 1985. No. 8. P. 173 – 194.
22. Sinegovich A.V. Economic Experiment in Industry: Results, Problems. M., Knowledge. 1986. 64 p.
23. Spitsyn E.Yu. Lies and Truth about the Soviet Economy. Soviet State in 1945-1985. M., Conceptual. 2024. S. 695.
24. Travin D.Ya. Essays on the Modern History of Russia. Book One: 1985-1999. SPb., Norma. 2010. 368 p.
25. Khanin G.I. Economic History of Russia in Modern Times: monograph: in 2 volumes. Novosibirsk State Technical University. Novosibirsk. 2008. Vol. 1. Economy of the USSR in the Late 1930s – 1987. 516 p.
26. Cheremisina T.P. From a Soviet Enterprise to a Legal Market Firm. The World of Russia. Sociology. Ethnology. 2001. No. 3. P. 105 – 120 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ot-sovetskogo-predpriyatiya-k-legalnoy-rynochnoy-firme> (date of access: 11.01.2024)
27. Yuzepchuk S.A. Economic experiment: results and prospects: Scientific analysis. Review. Moscow, 1986. 61 p.
28. Yuzefovich S.S. Economic experiment in the food industry of the Ukrainian SSR. Kyiv., 1984. 76 p.

Информация об авторе

Кузнецов Е.В., Институт гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, 129226, РФ, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, к 3

© Кузнецов Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47)/(470)

Исторические предпосылки евразийской кооперации

¹ Пальчик В.Н.,
¹ Государственный университет управления

Аннотация: цель исследования – выявить исторические предпосылки формирования евразийской экономической интеграции и определить роль России в эволюции интеграционных процессов на евразийском пространстве с середины XIX века до настоящего времени. Задачи исследования: 1. Проанализировать интеграционные процессы в период Российской империи и их влияние на формирование евразийского экономического пространства 2. Исследовать механизмы экономической интеграции в рамках Советского Союза и их воздействие на развитие региональной кооперации 3. Изучить современный этап евразийской интеграции в рамках Российской Федерации и формирование ЕАЭС Настоящее исследование посвящено анализу исторических предпосылок формирования евразийской экономической интеграции и роли России в этом процессе на протяжении трех ключевых периодов: Российской империи, Советского Союза и Российской Федерации. Применяется комплексный методологический подход, включающий сравнительно-исторический анализ, институциональный подход и теорию экономической интеграции Белы Балаши. Результаты исследования демонстрируют преемственность интеграционных усилий России на евразийском пространстве, показывают, как трансформировались механизмы и формы интеграции в различные исторические эпохи. Особое внимание уделяется анализу современного этапа евразийской интеграции, воплощенного в ЕАЭС, который представляет собой качественно новый этап развития региональной кооперации, основанный на принципах равноправия и взаимной выгоды.

Ключевые слова: евразийская интеграция, Российская империя, СССР, ЕАЭС, экономическая кооперация, региональная интеграция, постсоветское пространство, торговые связи

Для цитирования: Пальчик В.Н. Исторические предпосылки евразийской интеграции // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 65 – 72.

Поступила в редакцию: 12 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 14 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Historical background of Eurasian cooperation

¹ Palchik V.N.,
¹ State University of Management

Abstract: the purpose of the study is to identify the historical prerequisites for the formation of Eurasian economic integration and to determine the role of Russia in the evolution of integration processes in the Eurasian space from the middle of the 19th century to the present. Research objectives: 1. To analyze the integration processes during the Russian Empire and their impact on the formation of the Eurasian economic space 2. To investigate the mechanisms of economic integration within the Soviet Union and their impact on the development of regional cooperation 3. To study the current stage of Eurasian integration within the framework of the Russian Federation and the formation of the EAEU This study is devoted to the analysis of the historical prerequisites for the formation of the Eurasian economic integration and the role of Russia in this process during three key periods: the Russian Em-

pire, the Soviet Union and the Russian Federation. A comprehensive methodological approach is applied, including comparative historical analysis, an institutional approach, and Bela Balasha's theory of economic integration. The results of the study demonstrate the continuity of Russia's integration efforts in the Eurasian space, and show how the mechanisms and forms of integration have transformed in various historical epochs. Special attention is paid to the analysis of the current stage of Eurasian integration, embodied by in the EAEU, which represents a qualitatively new stage in the development of regional cooperation based on the principles of equality and mutual benefit.

Keywords: Eurasian integration, the Russian Empire, the USSR, the EAEU, economic cooperation, regional integration, the post-Soviet space, trade relations

For citation: *Palchik V.N. Historical background of Eurasian cooperation. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 65 – 72.*

The article was submitted: April 12, 2025; Approved after reviewing: June 14, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Евразийский экономический союз, созданный в 2015 году, представляет собой результат длительного исторического процесса экономической и политической интеграции на постсоветском пространстве [1]. Российская Федерация, как правопреемница Российской империи и СССР, играет ключевую роль в современных интеграционных процессах на евразийском пространстве. Изучение исторической динамики этой роли позволяет выявить закономерности развития региональной интеграции и понять специфику современного этапа евразийской кооперации.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью теоретического осмысления исторических предпосылок формирования ЕАЭС в контексте более широких процессов региональной интеграции. В условиях трансформации глобальной экономической системы и усиления роли региональных интеграционных объединений изучение исторического опыта евразийской интеграции приобретает особую значимость.

Материалы и методы исследований

Методологической основой исследования выступает комплексный подход, сочетающий несколько научных методов. Применяется хронологический метод для последовательного анализа этапов развития евразийской интеграции. Сравнительно-исторический анализ позволяет выявить общие закономерности и специфические особенности интеграционных процессов в различные исторические периоды. Институциональный подход используется для анализа формальных и неформальных институтов, определявших характер экономического взаимодействия между регионами в рамках различных государственных образований. Теория экономической интеграции, разработанная Белой Балашшей, служит концептуальной рамкой для понимания этапов интеграционного процесса

от зоны свободной торговли до экономического союза.

В качестве источников исследования использованы исторические документы, статистические данные, научные публикации российских и зарубежных авторов, материалы международных организаций. Особое внимание уделяется анализу официальных документов и статистических данных Евразийской экономической комиссии, характеризующих современное состояние ЕАЭС. Исследование охватывает период с середины XIX века, когда началось активное включение центральноазиатских территорий в экономическое пространство Российской империи, до настоящего времени. Территориальные рамки исследования включают регионы, входящие в современный ЕАЭС, а также сопредельные территории Центральной Азии.

Результаты и обсуждения

Российская империя и формирование евразийского экономического пространства

Начало формирования евразийского экономического пространства под эгидой России относится к середине XIX века, когда произошло значительное расширение границ Российской империи в направлении Центральной Азии. Этот процесс не был результатом единовременного акта, а представлял собой длительную и сложную эволюцию административно-политических и экономических отношений. Административная политика Российской империи в Центральной Азии характеризовалась постепенным переходом от косвенного управления к прямой административной интеграции. На начальном этапе управления степными регионами использовалась модель непрямого контроля, при которой центральные власти минимально вмешивались во внутренние дела местного населения. Однако уже к концу XVIII века царская администрация взяла курс на более активное вовлечение казахских подданных в структуры рос-

сийской государственности [2]. Экономическая интеграция центральноазиатских территорий в имперское пространство происходила через развитие торговых связей и создание транспортной инфраструктуры. Российская империя рассматривала территорию Казахстана как "ворота в Азию", что обусловило стратегическое значение региона для развития караванной торговли с Центральной Азией и Китаем. Сибирские казаки играли ключевую роль в развитии и консолидации внутриконтинентальной торговли России со странами Центральной Азии. Система военно-народного управления, введенная во второй половине XIX века в казахской степи, Русском Туркестане и Закаспийской области, стала проявлением политики распространения общеимперских административно-политических и социально-экономических норм на центральноазиатские владения. Эта система представляла собой попытку создания единого административного пространства, что можно рассматривать как раннюю форму институциональной интеграции.

Важную роль в экономической интеграции играли русские купцы, которые выполняли не только торговые, но и дипломатические функции. Их деятельность способствовала установлению каналов политического, культурного и экономического обмена между Российской империей, азиатскими ханствами и казахской степью. Купечество активно участвовало в решении межклановых конфликтов казахских родов, а также в поиске и выкупе русских пленных в Центральной Азии. Образовательная политика империи также служила инструментом интеграции. Организация образовательных экскурсий для учащихся русско-туркестанских школ в европейскую часть России была направлена на формирование лояльного отношения туркестанской молодежи к русской культуре и государству. Демонстрация военного, экономического и научного потенциала Российской империи служила главным инструментом лоялизации экскурсантов. Результатом этой политики стало формирование единого экономического пространства, в рамках которого центральноазиатские территории специализировались преимущественно на производстве сельскохозяйственного сырья - хлопка-сырца, шелка и шерсти для российской текстильной промышленности. Эта модель, при всех своих ограничениях, заложила основы для будущей экономической интеграции региона.

Советский период: планово-централизованная интеграция

Советский период представляет собой качественно новый этап в развитии евразийской интеграции, характеризующийся созданием единой

планово-централизованной экономической системы. Образование СССР в 1922 году имело не только политические, но и серьезные экономические мотивы, связанные с необходимостью восстановления единого экономического пространства на основе новых принципов [3]. Экономике советских республик представляли собой естественные части недавно единой экономики Российской империи. К моменту создания СССР уже существовали единая армия с централизованным командованием, централизованная железнодорожная система, общая система связи и финансовая система, основанная на советском рубле. В этих условиях создание единого центра принятия экономических решений способствовало снижению транзакционных издержек и повышению эффективности экономического взаимодействия.

Плановая экономика СССР создала уникальную модель экономической интеграции, основанную на централизованном распределении ресурсов и координации производственных процессов. Для плановой экономики натуральные обмены продуктами и услугами были важнее денежных, что обеспечивало высокую степень экономической взаимозависимости республик. Госплан СССР играл ключевую роль в организации межреспубликанских экономических связей. С развитием экономики и расширением межотраслевых и межреспубликанских связей усложнялись задачи планирования, совершенствовались методы и формы координации экономического развития. Система планового управления обеспечивала высокую степень интеграции национальных экономик, хотя и за счет ограничения их самостоятельности. Совет экономической взаимопомощи, созданный в 1949 году, расширил интеграционные процессы за пределы СССР, включив в них страны социалистического лагеря. СЭВ способствовал установлению тесных экономических связей между СССР и странами Восточной Европы, создав основы для более широкой социалистической интеграции. Особенностью советской модели интеграции было сочетание экономической координации с культурной и образовательной интеграцией. Единое образовательное пространство, общий язык межнационального общения, унифицированные стандарты и нормы создавали прочную основу для экономического взаимодействия. К концу существования СССР межреспубликанская торговля достигла значительных масштабов. Для меньших республик экспорт в другие республики составлял от 40 до 45 процентов ВВП, что свидетельствовало о высокой степени экономической интеграции. Эта взаимозависимость стала одновременно фактором прочно-

сти союза и источником проблем в период его распада [4].

*Постсоветский период и поиск
новых форм интеграции*

Распад СССР в 1991 году привел к глубокому интеграционному кризису на постсоветском пространстве. Дезинтеграция единой экономической системы сопровождалась резким сокращением торговых связей, разрывом производственных цепочек и экономическим спадом во всех бывших республиках. Создание Содружества Независимых Государств стало первой попыткой сохранения экономических связей между бывшими советскими республиками на новой основе. Однако СНГ изначально проектировалось как форма межгосударственного сотрудничества, а не как надгосударственное образование, что ограничивало его интеграционный потенциал. В первые годы после распада СССР объемы торговли между Россией и республиками Центральной Азии сократились в среднем в 10 раз. В период 1992-1998 годов торговые отношения оставались на низком уровне, составляя в среднем 6-7 миллиардов долларов ежегодно. Это свидетельствовало о глубине дезинтеграционного кризиса и необходимости поиска новых форм экономического сотрудничества [5]. Соглашение о создании зоны свободной торговли, подписанное 12 постсоветскими государствами в 1994 году, стало важным шагом на пути восстановления торговых связей. Это соглашение вводило свободу транзита товаров, предусматривало сотрудничество в различных областях и служило рамочным документом для двусторонних соглашений. Ключевую роль в формировании новой парадигмы евразийской интеграции сыграла инициатива президента Казахстана Нурсултана Назарбаева о создании Евразийского союза, выдвинутая в 1994 году. Эта идея, первоначально встреченная с недоверием, постепенно получила поддержку и стала основой для последующих интеграционных проектов. Евразийское экономическое сообщество, созданное в 2000 году, представляло собой попытку углубления интеграции между Беларусью, Казахстаном, Кыргызстаном, Россией и Таджикистаном. ЕврАзЭС предусматривало поэтапное формирование зоны свободной торговли, таможенного союза и общего экономического пространства. Важным этапом стало создание Таможенного союза Беларуси, Казахстана и России в 2010 году. Это объединение ввело единый таможенный тариф и создало общее таможенное пространство, что значительно упростило торговлю между странами-участницами и стимулировало рост взаимного товарооборота.

*Современный этап: Евразийский
экономический союз*

Подписание договора о Евразийском экономическом союзе в 2014 году и его вступление в силу с 1 января 2015 года ознаменовало начало нового этапа евразийской интеграции. ЕАЭС объединил Россию, Беларусь, Казахстан, Армению и Кыргызстан в рамках международной организации региональной экономической интеграции. Современный ЕАЭС представляет собой качественно новую форму интеграции, основанную на принципах равноправия, взаимной выгоды и уважения национального суверенитета. В отличие от предыдущих моделей интеграции, ЕАЭС строится на основе рыночных механизмов и международного права. В рамках ЕАЭС обеспечивается свободное перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы между территориями государств-членов. Применяется единый таможенный тариф, осуществляется единое таможенное регулирование и администрирование. Реализуется единая внешнеторговая политика по отношению к третьим странам [6]. Статистические данные свидетельствуют о положительной динамике развития ЕАЭС. Взаимная торговля между странами союза за период с 2015 по 2024 год увеличилась почти вдвое, достигнув около 100 миллиардов долларов. Доля внутреннего товарооборота в общей внешней торговле союза выросла до 19,8 процентов против 13,5 процентов в 2015 году. Особое значение имеет рост доли расчетов в национальных валютах, которая достигла 90 процентов, что снизило валютные риски и повысила финансовую устойчивость интеграционного объединения. Активно развивается цифровизация финансовых процессов, включая разработку цифровых валют центральных банков и платформ для трансграничных расчетов. ЕАЭС активно развивает отношения с третьими странами, заключив соглашения о свободной торговле с Вьетнамом, Сингапуром, Сербией, Китаем и Ираном. Около 50 государств мира проявляют интерес к сотрудничеству с ЕАЭС, что свидетельствует о растущем международном признании объединения.

Россия играет ведущую роль в ЕАЭС, на ее долю приходится около 60 процентов взаимной торговли внутри союза. Российская экономика, в 29 раз превышающая экономику ближайшего партнера по объединению, обеспечивает основную экономическую массу интеграционного процесса. Стратегические направления развития евразийской экономической интеграции до 2025 года предусматривают завершение формирования общего рынка товаров, услуг, капитала и рабочей силы, формирование цифрового пространства

ЕАЭС, развитие высокопроизводительных секторов и становление ЕАЭС в качестве одного из значимых центров развития современного мира. Технологические спилловер-эффекты интеграции способствуют повышению уровня технологического развития стран-членов ЕАЭС. Анализ показывает прямую связь между уровнем развития технологий в России и технологическим развитием других стран-членов союза, что подтверждает эффективность интеграционных механизмов.

*Теоретические основы исследования
интеграционных процессов*

Для понимания исторических предпосылок евразийской кооперации необходимо обратиться к теоретическим основам региональной экономической интеграции. Классическая теория интеграции, разработанная Белой Балашшей, выделяет пять последовательных этапов интеграционного процесса: зона свободной торговли, таможенный союз, общий рынок, экономический союз и полная экономическая интеграция. Неофункционалистская теория интеграции, развитая Эрнстом Хаасом, предлагает концепцию "спилловер-эффекта", согласно которой интеграция в одном секторе создает давление для распространения интеграционных процессов на смежные области. Этот механизм функционального перетекания играл важную роль в развитии евразийской интеграции на всех исторических этапах. Теория кооперативной гегемонии помогает понять роль России как интеграционного лидера, который не навязывает свою волю партнерам, а создает институциональные рамки для взаимовыгодного сотрудничества. Этот подход особенно актуален для анализа современного этапа развития ЕАЭС [7].

Институциональная теория интеграции подчеркивает значение формальных и неформальных институтов в обеспечении устойчивости интеграционных процессов. На каждом историческом этапе евразийской интеграции формировались специфические институциональные структуры, отражавшие особенности политической и экономической системы.

Сравнительный анализ моделей интеграции

Анализ исторической эволюции евразийской интеграции позволяет выделить три основные модели, каждая из которых имела свои преимущества и ограничения.

Имперская модель интеграции характеризовалась централизованным управлением и унификацией административных структур. Преимуществами этой модели были создание единого правового пространства, развитие транспортной инфраструктуры и формирование общей системы образования. Однако ограничения служили автори-

тарный характер управления, ограниченная экономическая самостоятельность регионов и преимущественно сырьевая специализация окраин. Советская модель плановой интеграции обеспечивала высокую степень экономической координации и социального развития. Преимуществами были создание мощной индустриальной базы, развитие науки и образования, обеспечение социальных гарантий населения. Ограничения включали отсутствие рыночных механизмов, административное принуждение и ограничение экономической самостоятельности республик.

Современная модель рыночной интеграции в рамках ЕАЭС основана на принципах добровольности, равноправия и взаимной выгоды. Преимуществами являются сохранение национального суверенитета, использование рыночных механизмов и гибкость в принятии решений. Ограничения связаны с различиями в уровне экономического развития стран-членов и сложностью координации национальных интересов [8].

*Роль внешних факторов в развитии
евразийской интеграции*

Развитие евразийской интеграции происходило под влиянием различных внешних факторов, которые как стимулировали, так и ограничивали интеграционные процессы. В период Российской империи ключевую роль играло геополитическое соперничество с Великобританией в рамках "Большой игры". Это соперничество стимулировало активную экспансию России в Центральной Азии и создание интегрированной системы управления регионом. В советский период внешним стимулом интеграции служило противостояние с западным блоком в рамках холодной войны. Необходимость консолидации социалистического лагеря способствовала развитию экономической интеграции в рамках СЭВ и укреплению единства СССР [9]. На современном этапе внешними факторами, влияющими на евразийскую интеграцию, являются глобализация, санкционное давление западных стран и рост влияния Китая в регионе. Эти факторы стимулируют поиск альтернативных форм экономического сотрудничества и развитие отношений с незападными партнерами.

Экономические эффекты интеграции

Оценка экономических эффектов евразийской интеграции на различных исторических этапах показывает как положительные, так и отрицательные последствия. В рамках Российской империи интеграция способствовала развитию торговли и созданию транспортной инфраструктуры, но приводила к сырьевой специализации окраин и ограничению их экономической самостоятельности. Советская модель интеграции обеспечила беспре-

цедентный экономический рост и индустриализацию, но создала жесткую систему централизованного планирования, ограничивавшую инициативу и инновации. Современная интеграция в рамках ЕАЭС демонстрирует положительные эффекты: рост взаимной торговли на 30 процентов за последние три года, увеличение доли национальных валют в расчетах до 90 процентов, развитие промышленной кооперации и технологических спилловер-эффектов [10].

Вызовы и перспективы развития

Несмотря на достигнутые успехи, ЕАЭС сталкивается с рядом вызовов, которые требуют комплексного решения. Основными вызовами являются различия в уровне экономического развития стран-членов, сохранение нетарифных барьеров, ограниченная емкость национальных рынков и необходимость диверсификации экономики от сырьевой зависимости. Перспективы развития ЕАЭС связаны с углублением интеграции в сферах цифровой экономики, энергетики, транспорта и образования. Формирование цифрового пространства ЕАЭС, развитие общих энергетических рынков и создание единой транспортной системы могут значительно повысить эффективность интеграционного объединения. Особое значение имеет развитие отношений с внешними партнерами. Расширение сети соглашений о свободной торговле, углубление сотрудничества с Китаем в рамках инициативы "Один пояс, один путь" и развитие связей со странами Глобального Юга создают новые возможности для экономического роста.

Значение исторического опыта для современной интеграции

Изучение исторических предпосылок евразийской кооперации показывает, что современный ЕАЭС опирается на многовековые традиции экономического и культурного взаимодействия между народами региона. Понимание этого исторического опыта важно для выработки эффективной стратегии развития интеграционного объединения. Исторический опыт показывает важность учета национальных интересов всех участников интеграции, необходимость постепенного углубления сотрудничества и значение создания эффективных институтов управления интеграционным процессом. Преемственность интеграционных усилий России на евразийском пространстве свидетельствует о глубоких исторических корнях современной интеграции и создает прочную основу для ее дальнейшего развития.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов о характере и закономерностях

развития евразийской экономической интеграции:

Во-первых, формирование евразийского экономического пространства представляет собой длительный исторический процесс, корни которого уходят в середину XIX века. Российская империя, Советский Союз и Российская Федерация последовательно создавали различные модели интеграции, каждая из которых отражала особенности своей исторической эпохи.

Во-вторых, Россия на протяжении всех исторических периодов играла роль интеграционного ядра, обеспечивая экономическую, политическую и институциональную основу для объединения евразийских территорий. Эта роль обусловлена размерами российской экономики, географическим положением и историческими традициями.

В-третьих, каждый исторический период характеризовался специфическими механизмами интеграции: административно-политическая интеграция в рамках империи, планово-централизованная интеграция в СССР и рыночная интеграция в рамках ЕАЭС. При этом сохранялась преемственность в стремлении к созданию единого экономического пространства.

В-четвертых, современный ЕАЭС представляет собой качественно новую форму интеграции, основанную на принципах равноправия, взаимной выгоды и рыночных механизмах. Успехи ЕАЭС в увеличении взаимной торговли, развитии расчетов в национальных валютах и расширении сотрудничества с третьими странами свидетельствуют о жизнеспособности этой модели.

В-пятых, технологические спилловер-эффекты и цифровизация открывают новые возможности для углубления интеграции и повышения конкурентоспособности стран-членов ЕАЭС на глобальном рынке.

Результаты исследования подтверждают гипотезу о том, что ЕАЭС является закономерным результатом длительного исторического процесса евразийской интеграции, в котором Россия играла и продолжает играть ключевую роль. Современная модель интеграции в рамках ЕАЭС, сочетающая рыночные механизмы с учетом исторических традиций сотрудничества, создает прочную основу для дальнейшего развития евразийской экономической кооперации. Для дальнейшего развития ЕАЭС рекомендуется углубление интеграции в сферах цифровой экономики, энергетики, транспорта и образования, активизация промышленной кооперации, расширение сети соглашений с третьими странами и укрепление институциональной основы объединения.

Список источников

1. Осадчая Г.И. Евразийский экономический союз: потенциал развития, формат сотрудничества: монография. М.: Изд-во «Экон-Информ», 2021. 346 с. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021 ISBN 978-5-907427-41-9
2. Скипский Г.А. Исторический опыт имперской политики России на Кавказе в последней трети XIX-начале XX века // Государство и право: Эволюция, современное состояние, перспективы развития (к 300-летию Российской империи). 2021. С. 108 – 113.
3. Сосенков Ф.С. Основные тенденции формирования СОВЕТСКОГО федеративного социально-территориального пространства (1917-1922 гг.) // Genesis: Исторические исследования. 2022. № 12. С. 253 – 277.
4. Виттенберг Е.Я., Пивовар Е.И. Сотрудничество российского и кыргызского бизнеса. История и современность // Труды Института постсоветских и межрегиональных исследований. 2022. № 5. С. 11 – 82.
5. Ершов Б.А., Зименкова Е.В. Последствия распада СССР // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2016. № 3. С. 20 – 22.
6. Евразийский экономический союз – РИА Новости, 26.06.2025 // ria.ru URL: <https://ria.ru/20250626/eaes-2025014019.html> (дата обращения: 29.01.2025)
7. Никитина Ю.А. От интеграции к регионализму: эволюция теорий регионального межгосударственного сотрудничества // Вестник МГИМО Университета. 2010. № 6. С. 134 – 140.
8. Hakhverdyan D. et al. The Impact of Eurasian Economic Union Membership on Mutual Trade in Services: What Are the Challenges for Small Economies? // Journal of Risk and Financial Management. 2025. Vol. 18. № 3. P. 143.
9. Кудрявцев В.Ю. Роль СССР и других стран СЭВ в развитии экономики Социалистической Республики Вьетнам (1976-1980 гг.) // Вестник Брянского государственного университета. 2024. № 3 (61). С. 52 – 64.
10. Knobel A. et al. Deep integration in the Eurasian Economic Union: what are the benefits of successful implementation or wider liberalization? // Eurasian Geography and Economics. 2019. Vol. 60. № 2. P. 177 – 210.

References

1. Osadchaya G.I. The Eurasian Economic Union: Development Potential, Cooperation Format: Monograph. Moscow: Ekon-Inform Publishing House, 2021. 346 p. DOI: 10.19181/monogr.978-5-907427-41-9.2021 ISBN 978-5-907427-41-9
2. Skipsky G.A. Historical experience of Russia's imperial policy in the Caucasus in the last third of the 19th – early 20th centuries. State and Law: Evolution, Current State, Development Prospects (for the 300th anniversary of the Russian Empire). 2021. P. 108 – 113.
3. Sosennkov F.S. The main trends in the formation of the SOVIET federal socio-territorial space (1917-1922). Genesis: Historical research. 2022. No. 12. P. 253 – 277.
4. Wittenberg E.Ya., Pivovarov E.I. Cooperation of Russian and Kyrgyz Business. History and Modernity. Proceedings of the Institute of Post-Soviet and Interregional Studies. 2022. No. 5. P. 11 – 82.
5. Ershov B.A., Zimenkova E.V. Consequences of the Collapse of the USSR. International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2016. No. 3. P. 20 – 22.
6. Eurasian Economic Union – RIA Novosti, 26.06.2025. ria.ru URL: <https://ria.ru/20250626/eaes-2025014019.html> (date of access: 29.01.2025)
7. Nikitina Yu.A. From integration to regionalism: evolution of theories of regional interstate cooperation. Bulletin of MGIMO University. 2010. No. 6. P. 134 – 140.
8. Hakhverdyan D. et al. The Impact of Eurasian Economic Union Membership on Mutual Trade in Services: What Are the Challenges for Small Economies? Journal of Risk and Financial Management. 2025. Vol. 18. No. 3. P. 143.
9. Kudryavtsev V.Yu. The role of the USSR and other CMEA countries in the development of the economy of the Socialist Republic of Vietnam (1976-1980). Bulletin of Bryansk State University. 2024. No. 3 (61). P. 52 – 64.
10. Knobel A. et al. Deep integration in the Eurasian Economic Union: what are the benefits of successful implementation or wider liberalization? Eurasian Geography and Economics. 2019. Vol. 60. No. 2. P. 177 – 210.

Информация об авторе

Пальчик В.Н., аспирант, Государственный университет управления

© Пальчик В.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 39 (7.067)

Нематериальное культурное наследие города Хулунбуира как благоприятная основа для развития культурного туризма

¹ Чэ Тунбо, ² Цзоу Хун,

¹ Хулунбуирский институт, Китай,

² Забайкальский государственный университет

Аннотация: Регион Хулунбуир является многонациональным районом расселения, а его нематериальное культурное наследие очень богато. Исторически сложилось так, что регион Хулунбуир был широкой платформой для процветания и развития многих северных этнических групп. Он является историческим свидетелем интеграции этнических обменов и взаимообменов и имеет важное практическое и теоретическое значение для наследования и продвижения китайской культуры. В настоящее время в городе Хулунбуир создана четырехуровневая система охраны и наследования нематериального культурного наследия, которая позволяет сохранять культуру и культурное наследие посредством инклюзивного и устойчивого развития.

В ходе исследования было установлено, что охрана и наследование нематериального культурного наследия в городе Хулунбуир достигли значительных результатов, но то же время, постоянные исследования и инновации имеют решающее значение для разработки стратегий устойчивого развития, которые позволяют отрасли процветать даже в условиях меняющейся окружающей среды.

Показано, что нематериальное культурное наследие передается из поколения в поколение, изменяясь вместе с людьми и временем. Оно процветает за счет сообщества и вносит решающий вклад в социальную сплоченность. Таким образом, оно создает эффект идентичности и связывает прошлое, настоящее и будущее. Нематериальное культурное наследие динамично, постоянно адаптируется к меняющимся обстоятельствам - поэтому сохранение форм культуры – это не сохранение или защита определенного состояния, а способность к развитию культурного туризма. В настоящее время регион Хулунбуир берет за отправную точку интеграцию культуры и туризма и активно продвигает обмены и интеграцию между людьми всех этнических групп.

Ключевые слова: Хулунбуир, традиционная культура Китая, преемственность, нематериальное культурное наследие, развитие региона, культурный туризм ЮНЕСКО

Для цитирования: Чэ Тунбо, Цзоу Хун Нематериальное культурное наследие города Хулунбуира как благоприятная основа для развития культурного туризма // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 73 – 81.

Поступила в редакцию: 13 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 15 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Intangible cultural heritage of the city of Hulunbuir as a favorable basis for the development of cultural tourism

¹ Che Tongbo, ² Zou Hong,
¹ Hulunbuir Institute, China,
² Transbaikal State University

Abstract: the Hulunbuir region is a multinational settlement area, and its intangible cultural heritage is very rich. Historically, the Hulunbuir region has been a broad platform for the prosperity and development of many northern ethnic groups. It is a historical witness to the integration of ethnic exchanges and exchanges and has important practical and theoretical significance for the inheritance and promotion of Chinese culture. Currently, the city of Hulunbuir has established a four-tier system for the protection and inheritance of intangible cultural heritage, which allows for the preservation of culture and cultural heritage through inclusive and sustainable development.

The study found that the protection and inheritance of intangible cultural heritage in the city of Hulunbuir has achieved significant results, but at the same time, continuous research and innovation are crucial for developing sustainable development strategies that allow the industry to thrive even in a changing environment.

It is shown that intangible cultural heritage is passed down from generation to generation, changing with people and time. It thrives at the expense of the community and makes a crucial contribution to social cohesion. Thus, it creates an identity effect and connects the past, present and future. Intangible cultural heritage is dynamic and constantly adapts to changing circumstances. Therefore, the preservation of cultural forms is not the preservation or protection of a certain state, but the ability to develop cultural tourism. Currently, the Hulunbuir region takes the integration of culture and tourism as its starting point and actively promotes exchanges and integration between people of all ethnic groups.

Keywords: Hulunbuir, Chinese traditional culture, continuity, intangible cultural heritage, regional development, cultural tourism, UNESCO

For citation: Che Tongbo, Zou Hong *Intangible cultural heritage of the city of Hulunbuir as a favorable basis for the development of cultural tourism. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 73 – 81.*

The article was submitted: April 13, 2025; Approved after reviewing: June 15, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Город Хулунбуир расположен в северо-восточном регионе Внутренней Монголии, на границе провинции Хэйлунцзян, Монголии и России.

Являясь крупнейшим городом на уровне префектуры в Китае, он служит ключевой точкой сближения Китая, Монголии и России (рис. 1).

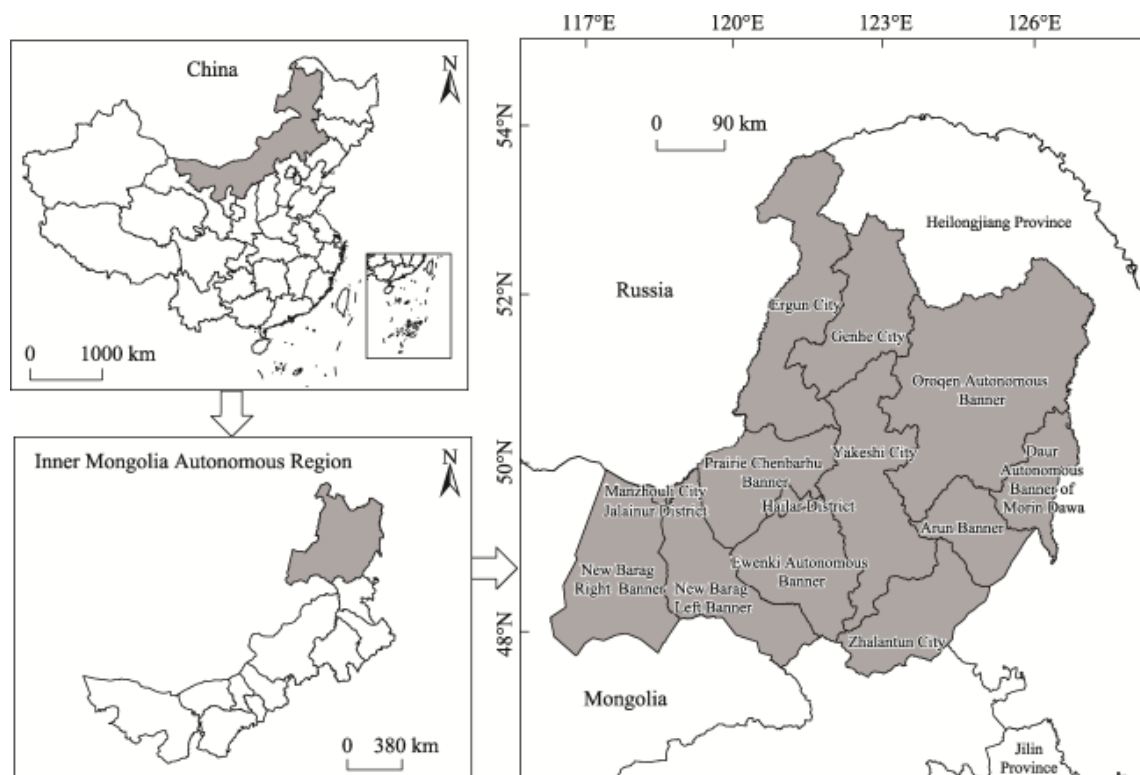

Рис. 1. Карта.

Fig. 1. Map.

Регион Хулунбуир – это уникальный особый район с разнообразной трехмерной этнической культурой, расположенный в природно-географической среде средне-умеренного пояса и холодно-умеренного пояса к северу от 46° северной широты в Китае. Исторически сложилось так, что Хулунбуир был колыбелью различных этниче-

ских меньшинств и кочевых групп северного Китая. Регион имеет долгую историю и глубокое культурное наследие. В городе проживают представители 38 различных этнических групп, включая монгольскую, эвенкийскую, орочью, даурскую и русскую общины, что отражает его разнообразие и богатые природные ресурсы [15, с. 108].

Таблица 1

Национальный состав Хулунбуира по состоянию на 2000 год.

Table 1

Ethnic composition of Hulunbuir as of 2000.

Народ	Численность	Доля
Китайцы	2 199 645	81,85 %
Монголы	231 276	8,6 %
Маньчжуры	111 053	4,13 %
Дауры	70,287	2,62 %
Хуэйцзу	30 950	1,15 %
Эвенки	25 418	0,95 %
Корейцы	8 355	0,31 %
Русские	4 741	0,18 %

Особенность региона заключается в том, что в течение длительного времени различные этнические группы постоянно общались, обменивались друг с другом и смешивались, постепенно формируя уникальную и колоритную региональную культуру, которая включает не только материальное, но и богатое нематериальное культурное наследие.

Материалы и методы исследований

Все этнические меньшинства в городе Хулунбуир живут в одной и той же естественной экологической среде и, как правило, верят в примитивную естественную религию [6, с. 91-97]. Языки принадлежат к алтайской языковой семье, монгольский и даурский – к монгольской языковой семье; эвенкийский и ороченский – к северной

языковой ветви мантонгской языковой семьи [9, с. 615-624]. Благодаря экономическим факторам, точки культурной интеграции между различными этническими группами, становятся все более тесными. Это стало важной внутренней движущей силой региональной культурной толерантности и интеграционных особенностей региона Хулунбуир [4, с. 55-77].

Все этнические группы в регионе Хулунбуир все активнее вступают в культурные контакты и обмены в современной урбанизированной среде. Это активно способствует повышению степени терпимости и интеграции межэтнического общества и культуры. Однако модернизация сама по себе представляет собой сложный и изменчивый процесс всесторонней реорганизации экономических интересов и социальной культуры и представляет собой вызов хрупкой традиционной экологической и культурной системе, подталкивая ее к краху. Важно сохранить такую огромную экологическую среду и национальную культурную ценность – вот глобальная тема, требующая пристального внимания.

Этнические группы орочен, эвенке и даур, сосредоточенные в регионе Хулунбуир, называются «тремя молодыми этническими группами». Когда-то они жили в горах и лесах Шинганлин и вели примитивный охотничий образ жизни. Они использовали традиционную практику изготовления головных уборов из рога косули. Это помогало охотникам-орочанам противостоять холоду и было необходимо для охоты. После того как орочен перестали охотиться, шапки из рога косули постепенно исчезли из их быта. В наши дни шапка из рога косули, как национальный культурный символ, вернулась в их жизнь в виде культурных и творческих продуктов. В процессе модернизации ороченский народ настойчиво стремился сформировать чувство общности китайской нации и способствовал скоординированному развитию негенетической наследственности и экономики посредством интеграции культурного туризма и распространения новых средств массовой информации [7, с. 325-335].

Народ эвенки, проживающий в городском уезде в городском округе Хулунбуир, является единственной этнической группой в Китае, которая зарабатывает на жизнь разведением северных оленей. Благодаря интеграции культуры и туризма они внедрили инновации и развили «культуру оленей». Эвенки из общины Аолугуя – этническая группа в Гэнхэ в северо-китайской области Внутренней Монголии, которая исторически называлась племенем северных оленей, а также последним охотничьим племенем Китая. Эвенкийское

слово «Аолугуя» можно перевести как место, «густая тополиная роща» [8, с. 95-100].

Таким образом, эвенкийская национальность является единственной этнической группой в Китае, которая разводит северных оленей и сохраняет культуру северных оленей. В настоящее время в племени Аолугуя проживает несколько сотен человек. В 2003 году они переехали из леса в город Гэнхэ. Их традиционная культура, такая как оленеводство и ремесла, в значительной степени сохранилась до наших дней, несмотря на влияние модернизма. За прошедшие годы эвенки освоили одомашнивание северного оленя, научились использовать бересту для изготовления чехлов для палаток и контейнеров, а также стали выделять шкуры животных. Однако есть и проблемы, например, эвенкийский язык и эвенкийский фольклор в настоящее время находятся под угрозой исчезновения из-за упадка традиционных практик [7, с. 325-335].

Результаты и обсуждения

Образ жизни дауров заметно отличался от образа жизни большинства их соседей: в отличие от тунгусских племен, которые в основном занимались охотой, дауры были в основном земледельцами. В двадцатом веке Даурия стала территорией столкновений между тремя великими державами – Россией, Китаем и Японией, а также ареной для политических игр. Многие представители даурской прогрессивной интеллигенции Хулунбуира были вовлечены в эти процессы, заняв позиции по всем трем сторонам. Как ни парадоксально, период активного участия дауров в политике закончился с образованием этнической группы дауров (минзу) в 1964 году. В настоящее время дауры в основном проживают в провинции Хэйлунцзян в автономном районе Внутренней Монголии. История даурского народа – это эпопея интеграции пограничной службы и культуры, в то время как промышленное развитие и наследие национального спорта в процессе модернизации демонстрируют целостность и инновационность его развития [14].

С точки зрения культурной географии, культурное разнообразие этнических меньшинств на пастбищах Хулунбуир является основным фактором, формирующим общую культурную экологию региона, а также основой его жизнеспособности и основной мотивации. Эти «три молодые этнические группы» спустились с гор и сложили свои ружья. Благодаря экологической иммиграции, промышленному развитию и культурному наследию они сохранили свою идентичность и продолжают эволюционировать. Интеграция в современное общество и память о национальной культуре

помогла сохранить им наследие и обновить свою собственную национальную культуру.

Таким образом, четыре характеристики разнообразной культуры, экология и защита окружающей среды, длительное взаимодействие и всеобъемлющая интеграция пастбищной культуры Хулунбуира, сформировавшиеся в результате длительного взаимодействия уникальной природно-географической среды и гуманистической экологической среды, являются важными и неотъемлемыми, и они не отделяются друг от друга. То есть эти четыре характеристики интегрированы в региональный характер пастбищной культуры Хулунбуира [8, с. 95-100].

Существующие исследования часто классифицируют ресурсы нематериального культурного наследия на основе стандартов применения их в проектах, и в городе Хулунбуир существует множество подобных ресурсов. Для удобства анализа в данном исследовании используется классификация, изложенная в Конвенции ЮНЕСКО об охране нематериального культурного наследия. Конвенцией ЮНЕСКО от 17.10.2003 г. [13] определяется, что нематериальное культурное наследие выражается в следующих областях:

а) устные традиции и формы выражения, включая язык как носитель нематериального культурного наследия;

б) исполнительское искусство;

с) общественные обычаи, ритуалы и праздники;

д) знания и обычаи, связанные с природой и вселенной;

е) традиционные ремесленные техники [13].

С точки зрения развития региона, культурные ресурсы города Хулунбуир объединены в пять категорий: исполнительское искусство, декоративно-прикладное искусство, народные фестивали, народная литература и традиционная медицина (рис. 2). В частности, исполнительское искусство включает в себя традиционную музыку, традиционные танцы, а также традиционные виды спорта, развлечения и акробатику. Категория декоративно-прикладного искусства включает в себя различные традиционные художественные практики; народные фестивали связаны с местными обычаями; народная литература состоит из устных преданий, а традиционная медицина включает в себя местные целительские практики [3, с. 275-276].

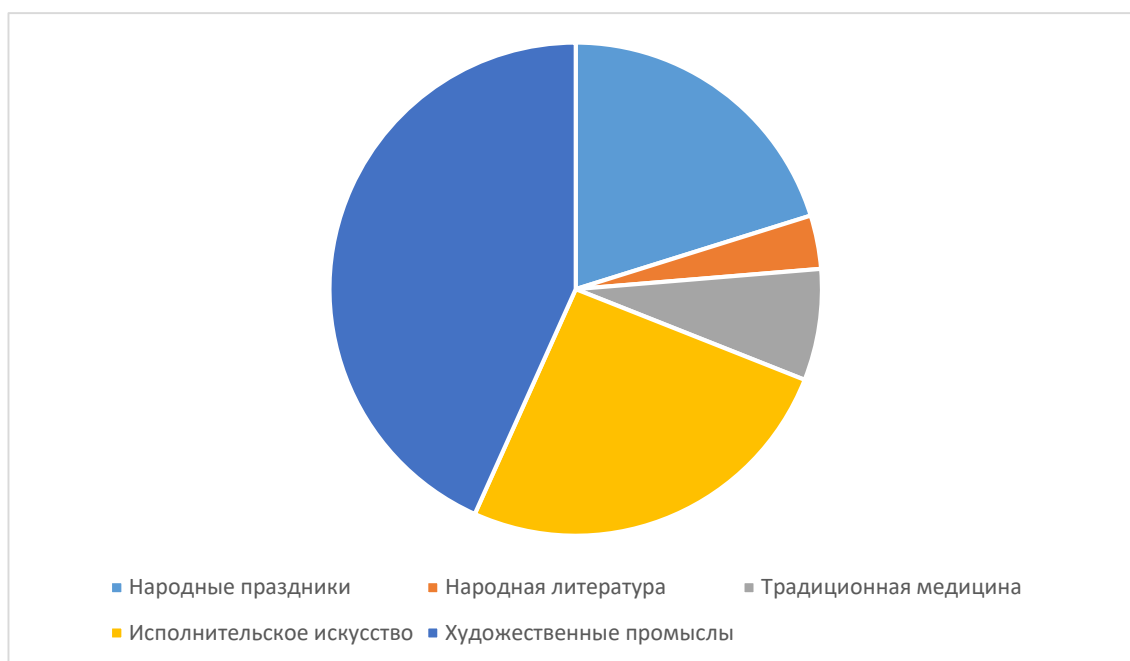

Рис. 2. Структура категорий ресурсов культурного нематериального наследия в городе Хулунбуир.

Fig. 2. The structure of the categories of cultural intangible heritage resources in Hulunbuir City.

Категория декоративно-прикладного искусства составляет наибольшую долю ресурсов культурного нематериального наследия, составляя приблизительно 43,28% от общего объема. На исполнительское искусство и народные обычаи прихо-

дится 25,73% и 20,18% от общего числа. К категориям с относительно меньшим количеством ресурсов относятся традиционная медицина и народная литература, которые составляют лишь 7,31% и 3,51% от общего объема соответственно.

В основном это монгольская медицина и народные истории эвенков [2, с. 54-55].

Очевидно, что традиционные навыки и прикладное искусство занимают доминирующее положение в ресурсах города Хулунбуир. Очевидно, что традиционные навыки и прикладное искусство занимают доминирующее положение в туристических ресурсах города Хулунбуир. По сравнению с другими типами проектов нематериального культурного наследия, декоративно-прикладное и исполнительское искусство обладают более сильными эмпирическими и интерактивными качествами, тем самым обеспечивая прочную основу для развития туристических ресурсов в данной местности [11, с. 97-103]. Например, ландшафт Хулунбуира и горловое пения хоомей внесены правительством Китая в качестве кандидатов на занесение в список всемирного наследия. Такая запись в официальных списках ЮНЕСКО гарантирует всемирную известность местных традиций, но также мотивирует все международное сообщество защищать культурное его разнообразие [1, с. 5-8].

В свою очередь это стимулирует развитие культурного туризма - это сектор, который находится на подъеме во всем мире. Мультисенсорные путешествия стали модными. Получение опыта общения с культурами, отличными от своей собственной, является одной из отличительных мотиваций для путешествий. Культурный туризм характеризуется тем, что посетители хотят исследовать, испытать и узнать больше о конкретном месте. Пробовать изысканные блюда, жить в отдаленных сельских общинах или путешествовать по паломническим или труднодоступным маршрутам - интерес к культурным мероприятиям огромен. Поэтому все больше и больше путешественников ищут более личный и аутентичный опыт, с помощью которого они могут установить связь с определенным местом или культурой. В частности, они ищут достопримечательности, товары и развлечения, которые уникальны и недоступны в других местах. Этот контекст полезен при разработке туристических предложений на основе списков нематериального культурного наследия. Этот вид туризма также является источником дохода для местного населения. Это, в свою очередь, позволяет лучше защищать культурные ценности, поддерживать, укреплять и сохранять культурное наследие [8, с. 95-100].

Благодаря своим ритуализированным или природным формам нематериальное культурное наследие обладает высокой степенью воздействия и качеством впечатлений на сознание людей, но пока еще недостаточно используется весь его по-

тенциал для разработки и коммерциализации туристических предложений, хотя существует достаточно большой спрос на предложения, которые знакомят туристов с местным культурным наследием. Но с ростом популярности приходит массовый туризм, который может стать серьезной проблемой. Перенаселенность, повышенный уровень шума и загрязнения окружающей среды, ущерб окружающей среде и нарушение образа жизни на месте могут привести к тому, что туристические направления потеряют свою ценность и характер. Таким образом, успех культурного туризма во многом зависит от сотрудничества с местными сообществами, чтобы все заинтересованные стороны могли воспользоваться преимуществами. Следовательно, культурное наследие, туристическая деятельность и местные сообщества должны быть вовлечены устойчивым образом.

Результаты обсуждения. Располагая богатейшим культурным наследием и удачным географическим расположением с тремя автономными округами, 14 этническими поселками и 231 этнической деревней с небольшим населением, Хулунбуир обладает уникальными преимуществами для развития внутреннего и международного туризма. Используя свои уникальные культурные и географические ресурсы в приграничных регионах, а также богатые экологические ландшафты, разнообразные леса, луга и сельскохозяйственное наследие, город продолжает внедрять новые формы туризма [10, с.43-45].

Такой стратегический подход способствовал бы развитию высококачественного туризма и межкультурным обменам между различными этническими группами. В последние годы город Хулунбуир твердо придерживается концепции чистая вода и зеленые горы - это и есть «горы золота и серебра», активно развивает всесезонный туризм во всем регионе, опираясь на его уникальные географические преимущества и обеспеченность ресурсами, а также совершенствует культурный туризм на лугах Хулунбуир. Эта модель культурного туризма, сочетающая в себе древность и современность, приносит значительные экономические выгоды. Уникальные характеристики города и богатство его ресурсов делают его идеальным примером для изучения модели комплексного развития культуры и туризма. Такая модель могла бы послужить основой для аналогичных регионов, стремящихся согласовать сохранение культуры с устойчивым экономическим развитием [12, с. 11-25].

Но есть и над чем работать, несмотря на то, что город Хулунбуир богат ресурсами нематериального культурного наследия, тем не менее простран-

ственное распределение этих ресурсов достаточно неравномерно. Поэтому должно уделять приоритетное внимание преодолению административных границ в развитии нематериального культурного наследия туризма и работать над интеграцией и оптимизацией ресурсов по всему региону.

Так же следует обратить внимание на структурные различия в ресурсах нематериального культурного наследия, в них особенно очевидны в преобладание исполнительского искусства и декоративно-прикладного творчества. Ресурсы нематериального культурного наследия тесно связаны с ремесленным производством и его материальными формами, что устанавливает прочную связь между искусством и рынком. Иначе обстоят дела в традиционной медицине и фольклорных ресурсах, которые не столь востребованы и находятся в сложном положении [5, с. 177-192].

Важно учитывать, что упадок традиционных социально-экономических и культурных условий, поддерживающих эти ресурсы, ослабляет механизмы их наследования, а это в свою очередь может даже нарушить цепочку передачи и привести у утраты нематериального культурного наследия. Чтобы решить эти проблемы, исследователи в этой области должны сосредоточить свои усилия на активизации усилий по фундаментальному сохранению наследия и стратегиям передачи и раз-

вития. Такой подход необходим для оживления и поддержания уязвимых ресурсов нематериального культурного наследия, обеспечения их постоянной актуальности и доступности для будущих поколений.

Выводы

Учитывая уникальные этнические особенности города Хулунбуир, а также его социальные и культурные факторы, исследования движущих механизмов интеграции нематериального культурного наследия и туризма заметно отличаются от исследований в других регионах. Структура кластеризации ресурсов нематериального культурного наследия, на которую большое влияние оказывает пространственная структура города Хулунбуир, в значительной степени определяется природно-географическими условиями, социально-экономическим развитием, а также историческим и культурным контекстом. Это говорит о том, что различные географические регионы должны внедрять индивидуальные модели для комплексного развития культуры и туризма. Кроме того, механизм интеграции культуры, в частности нематериального культурного наследия, и туризма признается как многомерный, многоуровневый и сложный процесс, требующий комплексного подхода и тщательного анализа.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке Исследований платформ Хулунбуирского института. Проект номер 2023PTZD02 («Исследование перевода культурного наследия города Хулунбуир на русский язык»)

Список источников

1. Ботэлэту «Хоомей» в Китае: взгляд на хоомей в свете заявки Китая в Юнеско // Искусство и культура. 2022. № 2 (46). С. 5 – 8.
2. Ван Кай. Исследование трансграничных этнических групп при строительстве экономического коридора Китай-Монголия-Россия // Китайско-иностранная валюта. 2020. № 4. С. 54 – 55.
3. Ван Кай Новая возможность «чайной церемонии Ванли»: исследование трансграничного этнического коридора между Китаем, Монголией и Россией // Чай Фуцзянь. 2020. № 5. С. 275 – 276.
4. Лбова Л.В., Люй Ш., Ли С. Современные практики и стратегии сохранения нематериального культурного наследия в северо-восточном Китае // Россия в глобальном мире. 2024. Т. 27. № 1. С. 55 – 77.
5. Ли П., Юйшин М.А., Арзуманов И.А. К вопросу об охране нематериального культурного наследия (русские частушки) в условиях межкультурной коммуникации на примере городского округа Хулунбуир автономного района Внутренней Монголии Китая / Концепт: философия, религия, культура. 2021. Т. 5. № 3 (19). С. 177 – 192.
6. Ли Хуэй Шаманская культура народов Северо-Восточного Китая как часть нематериального культурного наследия Китая // Россия и Китай на дальневосточных рубежах: Народы и культуры Северо-Восточного Китая. Сборник материалов XIV международной научно-практической конференции (17-18 сентября 2020 г.). Благовещенск: АмГУ, 2020. С. 91 – 97.
7. Цзи Юешэн Охрана нематериального культурного наследия как приоритет государственной политики КНР // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки. 2016. Вып. 2(741). С. 325 – 335.

8. Цинь Дань Этнический туризм и реконструкция местной культуры во Внутренней Монголии // Полевое исследование, основанное на этническом туризме в городе Маньчжурия. Журнал Университета национальностей Внутренней Монголии (издание по социальным наукам). 2020. № 46 (5). С. 95 – 100.
9. Цыбенков Б.Д. Языки и диалекты национальных меньшинств Хулун-Буира как объект исследования // Монголоведение. 2020. № 12 (4). С. 615 – 624.
10. Фэнхуа. Исследование по развитию культурного туризма во Внутренней Монголии в рамках экономического коридора Китай-Монголия-Россия. Кооперативная экономика, наука и техника. 2021. № 6. С. 43 – 45.
11. Хватова С.И., Е Цзяхуэй Основные виды аутентичного пения Китая: возрождение традиций и сохранение нематериального культурного наследия // Культурная жизнь Юга России. 2024. № 3 (94). С. 97 – 103.
12. Чжэ Л. Современное состояние нематериального культурного наследия китайских русских города Эргуня и перспективы его сохранения на примере народных песен // Традиционная культура. 2024. Т. 25. № 1. С. 11 – 25.
13. UNESCO. Конвенция об охране нематериального культурного наследия. 2003. [Электронный ресурс]. URL: <https://ich.unesco.org/en/convention> (дата обращения: 19.03.2025)
14. 国务院第七次全国人口普查领导小组办公室 中国人口普查分县资料— 2020 (кит.) 北京市: 中国统计出版社, 2022. 983 с. ISBN 978-7-5037-9772-9

References

1. Boteletu "Khoomei" in China: A Look at Khoomei in Light of China's Bid to UNESCO. Art and Culture. 2022. No. 2 (46). P. 5 – 8.
2. Wang Kai. A Study of Cross-Border Ethnic Groups in the Construction of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor. Chinese-Foreign Currency. 2020. No. 4. P. 54 – 55.
3. Wang Kai A New Opportunity for the "Wanli Tea Ceremony": A Study of the Cross-Border Ethnic Corridor between China, Mongolia and Russia. Fujian Tea. 2020. No. 5. P. 275 – 276.
4. Lbova L.V., Lyu Sh., Li S. Modern Practices and Strategies for Preserving Intangible Cultural Heritage in Northeastern China. Russia in the Global World. 2024. Vol. 27. No. 1. P. 55 – 77.
5. Li P., Yuishin M.A., Arzumanov I.A. On the Protection of Intangible Cultural Heritage (Russian Ditties) in the Context of Intercultural Communication Using the Example of Hulunbuir Urban District, Inner Mongolia Autonomous Region, China. Concept: philosophy, religion, culture. 2021. Vol. 5. No. 3 (19). P. 177 – 192.
6. Li Hui Shamanic Culture of the Peoples of Northeast China as Part of the Intangible Cultural Heritage of China. Russia and China on the Far Eastern Borders: Peoples and Cultures of Northeast China. Collection of materials of the XIV international scientific and practical conference (September 17-18, 2020). Blagoveshchensk: AmSU, 2020. P. 91 – 97.
7. Ji Yuesheng Protection of Intangible Cultural Heritage as a Priority of the State Policy of the PRC. Bulletin of Moscow State Linguistic University. Social Sciences. 2016. Issue 2(741). P. 325 – 335.
8. Qin Dan Ethnic Tourism and Reconstruction of Local Culture in Inner Mongolia. Field Research Based on Ethnic Tourism in Manzhouli City. Journal of Inner Mongolia University of Nationalities (Social Sciences Edition). 2020. No. 46 (5). P. 95 – 100.
9. Tsybenov B.D. Languages and Dialects of National Minorities of Hulunbuir as an Object of Research. Mongolian Studies. 2020. No. 12 (4). P. 615 – 624.
10. Fenghua. Research on the Development of Cultural Tourism in Inner Mongolia within the Framework of the China-Mongolia-Russia Economic Corridor. Cooperative Economy, Science and Technology. 2021. No. 6. P. 43 – 45.
11. Khvatova S.I., Ye Jiahui The Main Types of Authentic Singing in China: Revival of Traditions and Preservation of Intangible Cultural Heritage. Cultural Life of the South of Russia. 2024. No. 3 (94). P. 97 – 103.
12. Zhe L. The Current State of the Intangible Cultural Heritage of Chinese Russians in Ergun City and Prospects for Its Preservation Using Folk Songs as an Example. Traditional Culture. 2024. Vol. 25. No. 1. P. 11 – 25.
13. UNESCO. Convention for the Safeguarding of the Intangible Cultural Heritage. 2003. [Electronic resource]. URL: <https://ich.unesco.org/en/convention> (date of access: 03.19.2025)
14. Chinese version – 2020 (Chinese) Chinese:中国统计出版社, 2022. 983 pp. ISBN 978-7-5037-9772-9

Информация об авторах

Чэ Тунбо, Хулунбуирский институт, Хулунбуир, Китай

Цзоу Хун, Забайкальский государственный университет

© Чэ Тунбо, Цзоу Хун, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93(331.105.445)

Историография профсоюзного движения учреждений образования СССР в период конца 1950-х до начала 1990-х

¹ Антипин В.Л.,
¹ Петрозаводский государственный университет

Аннотация: настоящая статья посвящена комплексному анализу историографии профсоюзного движения в учреждениях образования Советского Союза в период с конца 1950-х годов до начала 1990-х годов. Исследование фокусируется на выявлении основных тенденций, ключевых проблем и эволюции научных подходов к изучению данной темы в отечественной и зарубежной литературе. Цель работы заключается в систематизации накопленного историографического знания, критической оценке существующих концепций и определении перспективных направлений для дальнейших исследований деятельности образовательных профсоюзов в указанный хронологический отрезок. Анализ базируется на ретроспективном обзоре широкого круга источников, включая монографии, научные статьи, диссертационные исследования, сборники документов и материалы научных конференций. Особое внимание уделяется методам историографического анализа, сравнительно-историческому подходу и принципу историзма, позволяющим проследить динамику развития научных взглядов в контексте смены политических и социально-экономических парадигм советского общества. Основной акцент делается на оценке степени изученности различных аспектов: организационной структуры профсоюзов образования, их функций в сфере социальной защиты работников, культурно-массовой работы, производственной деятельности, а также взаимоотношений с партийными и государственными органами. Результаты исследования демонстрируют, что историография прошла сложный путь от идеологизированных работ, преуменьшавших реальную роль профсоюзов и подчеркивавших их исключительно мобилизационную функцию, к более взвешенным исследованиям постсоветского периода. Современные исследования все чаще обращаются к изучению повседневной деятельности профкомов, механизмам решения трудовых споров, реализации социальных гарантий для учителей и преподавателей, а также роли профсоюзов в условиях нарастания кризисных явлений конца 1980-х – начала 1990-х годов. Выявлены существенные лакуны, в частности, недостаточная изученность региональной специфики, микроистории первичных профсоюзных организаций, восприятия профсоюзной работы рядовыми членами, а также сравнительных аспектов с профсоюзами других отраслей или стран социал-демократического лагеря.

Ключевые слова: историография, профсоюзы образования, СССР, государственный контроль, учительское сообщество

Для цитирования: Антипин В.Л. Историография профсоюзного движения учреждений образования СССР в период конца 1950-х до начала 1990-х // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 82 – 88.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 16 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Historiography of the trade union movement in educational institutions of the USSR from the late 1950s to the early 1990s

¹ Antipin V.L.,
¹ Petrozavodsk State University

Abstract: this article is devoted to a comprehensive analysis of the historiography of the trade union movement within educational institutions of the Soviet Union from the late 1950s to the early 1990s. The study focuses on identifying the main trends, key issues, and the evolution of scholarly approaches to the subject in both domestic and foreign literature. The objective of the work is to systematize the accumulated historiographical knowledge, critically assess existing concepts, and determine promising directions for further research into the activities of educational trade unions during the specified period. The analysis is based on a retrospective review of a wide range of sources, including monographs, academic articles, dissertations, collections of documents, and conference proceedings. Special attention is paid to methods of historiographical analysis, the comparative-historical approach, and the principle of historicism, which enable tracing the dynamics of the development of scholarly perspectives in the context of changing political and socio-economic paradigms of Soviet society. The main focus is on evaluating the degree of study of various aspects: the organizational structure of educational trade unions, their functions in the sphere of social protection of workers, cultural and mass activities, production activities, as well as their relations with party and state bodies. The results of the study demonstrate that the historiography has undergone a complex evolution from ideologized works that downplayed the real role of trade unions and emphasized their purely mobilizational function to more balanced post-Soviet research. Contemporary studies increasingly focus on the examination of the everyday activities of trade union committees, mechanisms for resolving labor disputes, implementation of social guarantees for teachers and lecturers, and the role of trade unions in the face of escalating crisis phenomena of the late 1980s and early 1990s. Significant gaps have been identified, particularly the insufficient study of regional specifics, microhistories of primary trade union organizations, the perception of trade union work by ordinary members, and comparative aspects with trade unions in other sectors or countries of the Socialist camp.

Keywords: historiography, education trade unions, USSR, state control, teacher community

For citation: Antipin V.L. *Historiography of the trade union movement in educational institutions of the USSR from the late 1950s to the early 1990s. Historical Bulletin.* 2025. 8 (6). P. 82 – 88.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 16, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Историография профсоюзного движения в сфере образования СССР в период с конца 1950-х до начала 1990-х годов представляет собой значимое направление исследований, позволяющее глубже понять механизмы функционирования советской системы и роль профсоюзов в социально-экономическом развитии страны. В этот период профсоюзное движение претерпело значительные трансформации, адаптируясь к меняющимся условиям и задачам, что делает его анализ актуальным и востребованным.

Целью данной статьи является анализ историографии профсоюзного движения в образовании СССР, выявление основных тенденций и особенностей его развития, а также оценка вклада профсоюзов в улучшение условий труда и повышение профессионального уровня работников образова-

ния. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

Изучить основные работы и исследования, посвященные профсоюзному движению в образовании СССР в указанный период.

Выявить ключевые тенденции и особенности развития профсоюзного движения, его функции и задачи.

Оценить влияние профсоюзов на социально-экономические условия труда работников образования и учебно-воспитательный процесс.

Определить специфику развития профсоюзного движения в контексте общих процессов, происходящих в стране.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, системности и объективности. В работе используются методы анализа и синтеза, сравнения и обобщения, позволяющие комплексно подойти к изучению историогра-

фии профсоюзного движения и выявить его основные закономерности и тенденции.

Актуальность исследования заключается в отсутствии исследований, которые обобщают историографию профсоюзного движения в сфере образования. Актуальность данной статьи обусловлена необходимостью комплексного анализа профсоюзного движения в сфере образования СССР в период с конца 1950-х до начала 1990-х годов. Исследование позволяет глубже понять механизмы функционирования советской системы, роль и место профсоюзов в социально-экономическом развитии страны, а также их вклад в улучшение условий труда и повышение профессионального уровня работников образования.

Исследование историографии профсоюзного движения в сфере народного образования позволяет выявить основные направления и характерные черты его развития, а также оценить результативность действий профсоюзов, направленных на защиту прав и интересов педагогов и учащихся.

Помимо этого, оно помогает определить особенности взаимодействия профсоюзных организаций с государственными структурами и прочими социальными институтами.

Анализируя профсоюзное движение в системе образования СССР в рассматриваемый период способствует более детальному пониманию трансформационных процессов советской системы, а также адаптации профсоюзов к изменяющимся обстоятельствам и задачам. Это играет существенную роль в изучении современных процессов в развитии профсоюзных движений и формировании стратегий, направленных на улучшение условий труда и социальную защиту прав работников и студентов.

Материалы и методы исследований

Начиная анализ историографии профсоюзов народного образования СССР с середины 1950-х до начала 1990-х необходимо понимать общие тенденции развития профсоюзного движения и понимать исторический контекст в рамках СССР и места профсоюзов образования в системе всего профсоюзного движения.

Статья Опеен В.О. «История изучения профсоюзного движения в XX веке (к вопросу историографии)» [13]. представляет собой ценный источник для исследования.

В статье Опеен В.О. историография профсоюзной деятельности в России условно делится на два этапа: первый охватывает время с середины 1920-х до середины 1980-х годов, а второй – с середины 1980-х до завершения 1990-х. Каждый из этих периодов обладает своей спецификой, отражая определенный уровень научных знаний, мето-

дологических концепций и исторических черт, характерных для соответствующего времени [14].

Значительный этап в историографии профсоюзного движения СССР (вторая половина 50-х – конец 80-х годов) стартовал после XX съезда КПСС (февраль 1956 года). Критическое переосмысление культа личности Сталина, отказ от репрессивных аспектов административно-командной системы и их негативная оценка создали обновлённые условия для работы историков. Отчасти был обеспечен доступ к документам, сохранившимся в партийных и государственных архивах, а также были опубликованы ранее неизвестные материалы.

В 1960-х годах расширился круг исследовательских тем, появились научные труды, посвящённые, например, вопросам создания профсоюзных организаций в Средней Азии, в которых анализировались процессы формирования и развития профсоюзного движения на территориях бывших советских республик. Учёные Н.В. Атамедов [1], Л.В. Гентшке [3], Х.М. Мусин [2], М. Шукуров [19], опираясь на обширный фактический материал и новые архивные данные, продемонстрировали разнообразные формы участия профсоюзов в процессах государственного строительства.

Исследования 1970-х годов, посвящённые данной проблематике, строились по общепринятой тогда схеме и лишь дополнялись региональными примерами. Работы, подробно анализирующие влияние коммунистической политики на профсоюзное движение в период работы Профинтерна, стали появляться в 1970-х годах – среди них можно выделить труды Ю.А. Привалова [15], В.В. Шиловича [18] и Ю.А. Львунина [10].

В середине 1980-х годов продолжился выпуск исследований, посвящённых профсоюзам, где вопросы организационного оформления профсоюзов также рассматривались, однако, к сожалению, продолжали следовать традиционной схеме, и только наблюдались зарождающиеся новые подходы. К таким работам относятся исследования А.И. Лобачева [9], В.И. Носача [12], А.А. Ушакова [17], Г.В. Саргсяна [16].

Большое воздействие на специфику и содержание историографических изысканий имело также то обстоятельство, что в поздние десятилетия XX века, особенно в 1970-80-х годах, значительная часть профсоюзных документов и источников оказалась подпорчена разнообразными приписками и искажениями, в которых нередко содержались сведения, не соответствовавшие реальным фактам.

Применение такого рода документального материала исследователями приводило к ошибочным и искажающим выводам и обобщениям.

В статье Опеена В.О. подчёркивается, что создание профсоюзов в стране было обусловлено под воздействием и под руководством политических партий в условиях революционных событий.

Это играет ключевую роль для понимания особенностей развития профсоюзного движения в рамках советской системы. Также выделяется, что Профинтерн оказал значительное влияние на становление и развитие профсоюзного движения в СССР.

Такой подход даёт возможность проанализировать влияние международных факторов на формирование и функционирование профсоюзов внутри страны.

Опеен В.О. заключает, что многие исследования доперестроечного периода обладают недостаточной объективностью в оценке профсоюзного движения.

Это важно для критического переосмысления существующих научных трудов и выявления потенциальных пробелов и ограничений в изучении данной тематики.

Таким образом, статья «История изучения профсоюзного движения в XX веке (к вопросу историографии)» может служить полезным источником для исследования, поскольку она предоставляет комплексный анализ историографии профсоюзного движения в СССР, выявляет его особенности и позволяет критически оценить существующие работы.

Результаты и обсуждения

Изучая работы профсоюзного движения учреждений образования СССР в период конца 1950-х до начала 1990-х, стоит выделить 2 этапа: первый этап с 1950-х до 1970-х, где работы авторов описывают профсоюзы образования как часть государственной системы, которое занимается внедрением идеологических принципов в систему обучения и воспитания. Второй этап с конца 1970-х до начала 1990-х, где профсоюзы образования сталкиваются с условиями адаптации к историческому контексту и все больше ориентируется на защиту социально-трудовых прав членов профсоюза.

Историография профсоюзного движения в сфере народного образования в СССР в 1950-х включает в себя исследование, посвящённое различным аспектам деятельности профсоюзов. Ключевой работой по данному направлению можно выделить Королева Ф.Ф. «Советская школа в период социалистической индустриализации» (1959) [7], где автор рассматривал общие тенденции развития образовательной системы и роль профсоюзов в этом процессе. Также автор отметил роль официальной идеологии и рассматривал профсоюзы как инструмент государственной политики, что требо-

вало дальнейшего переосмысления и более глубокого анализа региональных особенностей профсоюзного движения в том числе в сфере образования.

В 1960-х Королев Ф.Ф. в своем труде «Очерки по истории советской школы и педагогики» (1961) [8] – подчеркивал развитие профсоюзного движения в сфере образования, влияние на воспитательную и учебную деятельность.

Не менее важным исследованием в конце 1960-х является История профсоюзов СССР (1969) [5] – обобщающая работа, охватывающее различные аспекты развития профсоюзного движения, включая сферу народного образования, где отдельно подчеркивалась роль профсоюзной организации работников образования в системе подготовки кадров для страны, социальную роль профсоюзов для обеспечения преподавателей, учителей и воспитателей как основных акторов воспитательной деятельности, а также поднимались вопросы временных переработок преподавателей и учителей и увеличению их заработной платы.

Монография Е.Н. Казакова [6] является важным источником для понимания истории профсоюзного движения. Автор, используя сравнительно-исторический подход, сумел предложить свежий взгляд на деятельность профсоюзов в России, отказавшись от устаревших идеологических рамок. В отличие от прежних исследований, где профсоюзы, следуя ленинской концепции, представлялись как инструменты коммунистической партии ("опора", "школа коммунизма", "приводной ремень"), Казаков отмечает, что такое понимание долгое время доминировало и устраивало власть. В результате, профсоюзы, интегрированные в советскую систему, утратили свою первоначальную функцию – защиту интересов работников. В 1990-е годы интерес историков к профсоюзной тематике был невелик, и работы на эту тему были крайне редки.

Обещающими трудами, изучающими период профсоюзов образования СССР периода 1950-х-начала 1990-х являются работы следующих авторов:

Современная историография профсоюзного движения в сфере народного образования в СССР включает в себя ряд исследований, посвящённых различным аспектам деятельности профсоюзов. Среди ключевых работ можно выделить:

Давыдов В.Н. и Митрофанов Л.Д. в своей работе «Роль профсоюза в формировании и развитии корпоративной культуры учреждений высшего профессионального образования» [4] анализируют влияние профсоюзов на формирование корпоративной культуры в вузах. Авторы рассматривают

теоретические и методологические основы корпоративной культуры, её особенности в контексте вузов и профсоюзных организаций.

Меркулова Г.И., Куприянова Т.В., Спорыхина М.В. и Юдин В.П. в учебном пособии «Страницы истории профсоюзного движения в системе образования России» [11] описывают исторические этапы развития профсоюзного движения в системе образования, включая период становления, развитие в советский период и современные тенденции.

Выводы

В период с конца 1950-х до начала 1990-х годов функции и задачи профсоюзов образования в СССР претерпели значительные изменения в условиях экономических и политических реформ. В начальный период, особенно в 1950–1970-е годы, профсоюзы выполняли роль инструмента государственной политики, активно участвуя в планировании социально-экономического развития и защите прав трудящихся. Они занимались улучшением условий труда, повышением профессионального уровня педагогов, внедрением новых форм и методов работы, а также содействовали внедрению идеологических принципов в учебно-воспитательный процесс.

С началом перестройки в середине 1980-х годов профсоюзы столкнулись с необходимостью адаптации к новым условиям. Попытки изменить

принципы и формы работы предпринимались на XVIII съезде профсоюзов СССР в 1987 году, однако эти изменения были затруднены из-за уставного положения о партийном руководстве профсоюзами.

Таким образом, рассматривая историографию российских профсоюзов (конец 1950-х – начало XXI века), стоит подчеркнуть, что учёные проделали обширную работу, охватив множество аспектов профсоюзного движения, включая сферу образования в России. Существуют монографии, статьи, собран солидный фактический материал. Вместе с тем необходимо отметить, что это только старт для глубокого и комплексного анализа рассматриваемого вопроса.

Сохраняются значительные пробелы в исследовании отдельных этапов и исторического пути профессиональных союзов работников образования в СССР. Мало специализированных работ, которые систематизируют все аспекты многообразной деятельности профсоюзов образования и закономерности их эволюции. Всё вышеперечисленное подчёркивает потребность в создании масштабных обобщающих исследований, охватывающих все этапы развития профсоюзного движения, освещающих как положительные моменты в деятельности профсоюзов, так и сложности и проблемы их становления и функционирования.

Список источников

1. Атамедов Н.В. Очерки по истории профсоюзов Туркменистана в восстановительный период (1921–1925 гг.). Ашхабад: Изд-во АН Туркменской ССР, 1962. 137 с.
2. Гентшке Л.В. Исторический опыт участия профсоюзов Узбекистана в социалистическом строительстве (1926–1932 гг.). Ташкент: Фан, 1966. 154 с.
3. Гентшке Л.В. Организационное оформление профсоюзов Узбекистана (1924–1925 гг.). Ташкент: Изд-во СамГУ, 1960. 83 с.
4. Давыдов В.Н., Митрофанов Л.Д. Роль профсоюза в формировании и развитии корпоративной культуры учреждений высшего профессионального образования. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2019. 208 с.
5. История профсоюзов СССР: Учеб. пособие / Подгот. Е.Н. Никитской, П.И. Кабановым, А.Г. Егоровой и др.; Под общ. ред. чл.-кор. АПН СССР, д-ра ист. наук Г. В. Шарапова. 2-е изд., доп. и перераб. Москва: Профиздат, 1977. 415 с.
6. Казаков Е. Н. «Школа коммунизма» или опора административно-командной системы: ВКП(б) и профсоюзы Сибири в 1926–1937 гг. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1991. 240 с.
7. Королев Ф.Ф. Советская школа в период социалистической индустриализации / Под ред. чл.-корр. Акад. пед. наук РСФСР В. З. Смирнова. Москва: Учпедгиз, 1959. 220 с.
8. Королев Ф.Ф., Корнейчик Т.Д., Равкин З.И. Очерки по истории советской школы и педагогики / Под ред. Ф. Ф. Королева и В. З. Смирнова Акад. пед. наук РСФСР. Ин-т те и истории педагогики. Москва: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР, 1961. 306 с.
9. Лобачев А.И. Профсоюз Узбекистана в решении женского вопроса. Ташкент: Узбекистан, 1986. 98 с.
10. Львунин Ю.А. Борьба коммунистической партии за укрепление интернациональных связей рабочего класса СССР. Москва: Изд-во Моск. ун-та, 1975. 320 с.
11. Меркулова Г.И., Куприянова Т.В., Спорыхина М.В., Юдин В.П. Страницы истории профсоюзного движения в системе образования России. Москва: Просвещение, 2020. 256 с.

12. Носач В.И., Ушаков А.А. Советские профсоюзы в борьбе за социалистическую культуру. Москва: Профиздат, 1987. 192 с.
13. Опеен Вячеслав Оюнович. История изучения профсоюзного движения в XX веке (к вопросу историографии) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-profsoyuznogo-dvizheniya-v-hh-veke-k-voprosu-istoriografii> (дата обращения: 09.06.2025).
14. Опеен Вячеслав Оюнович. История изучения профсоюзного движения в XX веке (к вопросу историографии) // Вестник ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. 2014. № 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-profsoyuznogo-dvizheniya-v-hh-veke-k-voprosu-istoriografii> (дата обращения: 09.03.2025). С. 2.
15. Привалов В.В., Мельников Е.А. Коминтерн и массовые организации рабочего класса. Ленинград: Изд-во ЛГУ, 1978. 176 с.

References

1. Atamedov N.V. Essays on the history of trade unions of Turkmenistan in the recovery period (1921-1925). Ashgabat: Publishing house of the Academy of Sciences of the Turkmen SSR, 1962. 137 p.
2. Gentzke L.V. Historical experience of participation of trade unions of Uzbekistan in socialist construction (1926-1932). Tashkent: Fan, 1966. 154 p.
3. Gentzke L.V. Organizational design of trade unions of Uzbekistan (1924-1925). Tashkent: Publishing house of SamSU, 1960. 83 p.
4. Davydov V.N., Mitrofanov L.D. The role of the trade union in the formation and development of the corporate culture of institutions of higher professional education. St. Petersburg: Publishing house of the Russian State Pedagogical Univ. A.I. Gertsena, 2019. 208 p.
5. History of Trade Unions of the USSR: Textbook. Prepared by E.N. Nikitskaya, P.I. Kabanov, A.G. Egorova and others; Under the general editorship of Corresponding Member of the Academy of Pedagogical Sciences of the USSR, Doctor of Historical Sciences G. V. Sharapov. 2nd ed., supplemented and revised. Moscow: Profizdat, 1977. 415 p.
6. Kazakov E.N. "School of Communism" or the Support of the Administrative-Command System: the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and Trade Unions of Siberia in 1926-1937. Novosibirsk: Publishing House of Novosibirsk. University, 1991. 240 p.
7. Korolev F. F. Soviet School during the Period of Socialist Industrialization. Under the editorship of Corresponding Member of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR V.Z. Smirnov. Moscow: Uchpedgiz, 1959. 220 p.
8. Korolev F.F., Korneichik T.D., Ravkin Z.I. Essays on the History of Soviet Schools and Pedagogy. Ed. by F.F. Korolev and V.Z. Smirnov, Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR. Institute of Pedagogics and History. Moscow: Publishing House of the Academy of Pedagogical Sciences of the RSFSR, 1961. 306 p.
9. Lobachev A.I. The Trade Union of Uzbekistan in Resolving the Women's Issue. Tashkent: Uzbekistan, 1986. 98 p.
10. Lvunin Yu.A. The Struggle of the Communist Party to Strengthen the International Ties of the Working Class of the USSR. Moscow: Publishing House of Moscow. Univ., 1975. 320 p.
11. Merkulova G.I., Kupriyanova T.V., Sporykhina M.V., Yudin V.P. Pages from the history of the trade union movement in the Russian education system. Moscow: Education, 2020. 256 p.
12. Nosach V.I., Ushakov A.A. Soviet trade unions in the struggle for socialist culture. Moscow: Profizdat, 1987. 192 p.
13. Open Vyacheslav Oyunovich. History of the study of the trade union movement in the twentieth century (on the issue of historiography). Bulletin of ChSPU im. AND I. Yakovleva. 2014. No. 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-profsoyuznogo-dvizheniya-v-hh-veke-k-voprosu-istoriografii> (date of access: 09.06.2025).
14. Opeen Vyacheslav Oyunovich. History of the study of the trade union movement in the twentieth century (to the issue of historiography). Bulletin of the ChSPU named after I.Ya. Yakovlev. 2014. No. 4 (84). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/istoriya-izucheniya-profsoyuznogo-dvizheniya-v-hh-veke-k-voprosu-istoriografii> (date of access: 09.03.2025). P. 2.
15. Privalov V.V., Melnikov E.A. The Comintern and the Mass Organizations of the Working Class. Leningrad: Leningrad State University Publishing House, 1978. 176 p.

Информация об авторе

Антипин В.Л., аспирант, Петрозаводский государственный университет, vetal_antipin@mail.ru

© Антипин В.Л., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 033.7

Роль ОБСЕ в стабилизации политической ситуации в Таджикистане после 1997 года

¹ Смертин В.А.,

¹ Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: в условиях постконфликтного восстановления Таджикистана после подписания Общего соглашения об установлении мира и национального согласия 1997 года Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) сыграла системообразующую роль в стабилизации политической ситуации. Исследование анализирует многомерное воздействие миссии ОБСЕ в Душанбе через призму институционального строительства, мониторинга прав человека и содействия демократическим процессам. Методология основана на качественном анализе архивных документов ОБСЕ, отчётов о полевых миссиях и полуструктурированных интервью с местными экспертами за период 1997–2010 годов. Результаты демонстрируют, что ключевым вкладом организации стало создание платформ для межтаджикского диалога, что снизило риски рецидива конфликта. Техническая помощь в реформе силовых структур и пограничного управления укрепила государственный суверенитет, тогда как программы по реинтеграции бывших комбатантов способствовали социальной сплочённости. Тем не менее, эффективность инициатив по демократизации, таких как наблюдение за выборами, оказалась ограниченной из-за сопротивления местных элит и культурных барьеров. Обсуждение подчёркивает парадокс ОБСЕ: организация успешно выполнила краткосрочные миротворческие задачи, но столкнулась с трудностями в трансформации политической культуры. Анализ выявляет зависимость результатов от координации с Россией и ООН, а также влияние геополитических факторов на оперативную гибкость миссии. Выводы акцентируют необходимость адаптации международных инструментов стабилизации к специфике центральноазиатских обществ, где традиционные институты часто доминируют над формальными демократическими процедурами.

Ключевые слова: Таджикистан, ОБСЕ, Центральная Азия, гражданская война, Европа, Евразия, безопасность, демократия

Для цитирования: Смертин В.А. Роль ОБСЕ в стабилизации политической ситуации в Таджикистане после 1997 года // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 89 – 95.

Поступила в редакцию: 14 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 17 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The role of the OSCE in stabilizing the political situation in Tajikistan after 1997

¹ Smertin V.A.,

¹ Russian State University for the Humanities

Abstract: in the context of post-conflict reconstruction of Tajikistan following the signing of the 1997 General Agreement on the Establishment of Peace and National Accord, the Organization for Security and Co-operation in Europe (OSCE) played a system-forming role in stabilizing the political situation. This study examines the

multidimensional impact of the OSCE mission in Dushanbe through the lenses of institution building, human rights monitoring, and support for democratic processes. The methodology is based on a qualitative analysis of OSCE archival documents, field mission reports, and semi-structured interviews with local experts covering the period from 1997 to 2010. The findings demonstrate that the organization's key contribution was the creation of platforms for inter-Tajik dialogue, which reduced the risk of conflict recurrence. Technical assistance in reforming security forces and border management strengthened state sovereignty, while programs for reintegrating former combatants fostered social cohesion. Nevertheless, the effectiveness of democratization initiatives – such as election observation – proved limited due to resistance from local elites and cultural barriers. The discussion highlights the OSCE paradox: the organization successfully achieved short-term peacekeeping objectives but encountered difficulties in transforming political culture. The analysis reveals the dependence of outcomes on coordination with Russia and the UN, as well as the influence of geopolitical factors on the mission's operational flexibility. The conclusions underscore the necessity of adapting international stabilization instruments to the specificities of Central Asian societies, where traditional institutions often prevail over formal democratic procedures.

Keywords: Tajikistan, OSCE, Central Asia, civil war, Europe, Eurasia, security, democracy

For citation: Smertin V.A. *The role of the OSCE in stabilizing the political situation in Tajikistan after 1997.* Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 89 – 95.

The article was submitted: April 14, 2025; Approved after reviewing: June 17, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Душанбе присоединился к Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе в 1992 году с присоединением к Хельсинскому заключительному акту [1]. Как покажет дальнейшая история, это было рациональное решение, поскольку страна в течение многих лет будет нуждаться в многосторонней помощи в связи с затяжной гражданской войной и ее последствиями.

Открытие Офиса Миссии ОБСЕ в Таджикистане состоялось 17 февраля 1994 года – решение об учреждении было принято 1 декабря 1993 года на IV Римской встрече Совета Министров иностранных дел ОБСЕ [2].

Позднее стартовал процесс реализации совместных меморандумов [3], подписанных на Совете министров иностранных дел в Лиссабоне (1996 год) и Стамбуле (1999 год), началось сотрудничество с БДИПЧ – Бюро ОБСЕ по демократическим институтам и правам человека. Все это в результате приведет к началу демократизации и строительства правового государства.

Сущность мандата Миссии ОБСЕ в Республике Таджикистан сводилась к следующим элементам [4]:

- Поддержка контактов, способствование диалогу и укрепление доверия между региональными и политическими силами;
- Содействие уважению прав человека;
- Поощрение и контроль соблюдения норм и принципов СБСЕ;

- Продвижение путей и средств оказания СБСЕ помощи в развитии правовых и демократических политических институтов и процессов;

- Отчет в СБСЕ о текущем и прогнозируемом положениях.

С течением времени присутствие структур ОБСЕ в Таджикистане укрупнялось. Так, в июне 1997 года, за несколько недель до окончания Гражданской войны, решением Постоянного совета (PC.DEC/170 [5]) было предусмотрено формирование полевых офисов в Гарме (май 1998 года) и в Худжанде (январь 2000 года). К слову, на 2000 год, бюджет Миссии в Таджикистане составлял более 1,145 миллиона евро (решение PC.DEC/331 [6]) [7].

Материалы и методы исследований

Таджикистан, со своей стороны тоже стремился делать широкие жесты в сторону ОБСЕ. К примеру, с 2000 года наблюдатели организации стали приглашаться на выборы в Таджикистан [8].

Можно считать, что в 2000 году произошел своеобразный перелом в деятельности Миссии ОБСЕ в Таджикистане. Представители организации получили возможность наблюдать реальную эволюцию политической системы страны: в июне 1999 года был снят запрет на политические партии, в сентябре того же года прошел референдум по поправкам к Конституции, что позволило провести президентские выборы в ноябре [9]. В начале 2000 года в стране прошли уже многопартийные парламентские выборы. ОБСЕ стала одним из ключевых партнеров Организации Объединенных Наций в

Таджикистане [10], входя в число гарантов Общего соглашения об установлении мира и национального согласия.

Миссия буквально столкнулась с новой реальностью, которая возникла в том числе благодаря их непосредственному участию в миростроительстве на территории Таджикистана. По окончании переходного периода, определенного Мирным соглашением (3 года), Таджикистан стал олицетворять собой доказательство работоспособности такого инструмента как компромисс.

Так или иначе, но процесс строительства таджикостанской государственности продолжался. Естественно, на таком сложном пути не обошлось и проблем, которые напрямую вызывали замечания со стороны ОБСЕ.

В 2002 году выявилась неопытность государства в проведении избрания народных представителей – тогда проходили дополнительные выборы в нижнюю палату парламента Таджикистана. Ряд местных властей продемонстрировал нежелание регистрировать кандидатов не от правящей Народно-демократической партии [11]. Во время довыборов в одном из районов Согдийской области кандидат был допущен к выборам лишь после вмешательства ОБСЕ и ООН. Некоторым не повезло и таким образом быть зарегистрированными – им отказывали, объясняя это техническими и процедурными ошибками.

ОБСЕ и в последующий годы продолжала указывать на несовершенство электоральной системы Таджикистана. Так, в Отчете БДИПЧ 2013 года [12] отмечалось, что предыдущая рекомендация ОБСЕ / БДИПЧ о том, что протоколы результатов должны быть опубликованы и предоставлены наблюдателям, остается без внимания.

«Предыдущая рекомендация ОБСЕ/БДИПЧ о том, чтобы протоколы о результатах были опубликованы публично или предоставлены наблюдателям, остается без внимания, и ЦКВР не обязана публиковать результаты выборов с разбивкой по уровням участковых избирательных комиссий [13]», – отмечено в отчете.

Хотя в том же 2013 глава Миссии ОБСЕ в Таджикистане Маркус Мюллер отмечал, что своим примером Душанбе демонстрирует возможность достижения успехов в ряде сфер в условиях ограниченных ресурсов.

«Мы полностью поддерживаем их работу и сохранение надежного мандата присутствия ОБСЕ в Душанбе [14]», – добавил Мюллер.

В Отчете 2021 года о Президентских выборах в Таджикистане 11 октября 2020 года [15] Миссия

БДИПЧ и вовсе считала необходимым предъявить обширный список рекомендаций для улучшения электоральной системы страны в будущем.

В документе предлагается пересмотреть законодательство, позволяющее президенту избираться на высший государственный пост неограниченное количество раз; провести «всестороннюю реформу избирательного законодательства»; внести изменения в правовую систему для свободного доступа на выборы независимых кандидатов; разграничить государство, партии и кандидатов; «свобода выражения мнений должна быть гарантирована на практике...». Весь список рекомендаций занимает почти две страницы отчета.

Результаты и обсуждения

Тем не менее укрепление политической системы государства строится не только вокруг выборов. ОБСЕ пыталась охватить как можно больше отраслей в Таджикистане для распространения своих ценностей. Душанбинский центр участвовал в формировании Общественного Совета (учрежден Соглашением 1997 года), целью которого является реализация диалога между властью, гражданским обществом, партиями и нацменьшинствами. Среди других инициатив – Парламентская Ассамблея ОБСЕ, Институт представителя ОБСЕ по свободе средств массовой информации, Офис координатора ОБСЕ по экономическим и экологическим вопросам, Офис Верховного Комиссара по делам национальных меньшинств, Форум по сотрудничеству и безопасности, Клуб социального партнерства, содействие диалогу между административными и духовными властями, содействие демократизации СМИ, семинары по обучению избирательным стандартам, улучшению знаний в области законов, проекты по формированию толерантности, проблемам молодежи.

Развивая дискурс средств массовой информации, ОБСЕ принимала участие в организации регулярных ежемесячных встреч представителей журналистского сообщества, а также диалога между прессой и властью. Миссия в том числе изучала законодательство Таджикистана о СМИ и разрабатывала рекомендации по улучшению законодательства в данной сфере.

ОБСЕ даже охватила юридическую сферу в Таджикистане – организация поощряла подготовку создания учебных заведений для судей, адвокатов и других юристов. Миссия рассматривала прогресс в этой сфере как предпосылку формирования эффективной и независимой судебной власти.

Отдельного внимания заслуживает содействие ОБСЕ реформе правоохранительных органов Таджикистана. Местное МВД установило тесные контакты с Подразделением по вопросам борьбы с терроризмом и Подразделением по борьбе с терроризмом ОБСЕ – совместная работа позволила разработать и реализовать ряд проектов в охраны правопорядка. Постепенно Душанбе и ОБСЕ пришли к подписанию Меморандума о взаимопонимании в 2011 году. С того момента организация стала принимать участие в планировании стратегии реформирования структур МВД Таджикистана. ОБСЕ участвует в демократизации правоохранительных органов, структурной реформе, модернизации взаимодействия стражей порядка с населением. Офис также проводит семинары по связанной тематике. ОБСЕ с 2010 года начала сотрудничать и с Академией МВД Таджикистана.

В преамбуле Меморандума отмечено, что, сотрудничая в правоохранительной сфере, стороны руководствуются необходимостью ее реформации в Таджикистане в соответствии с международно-признанными демократическими принципами. В Статье 1 сказано, что Бюро берет на себя обязательство проводить консультации, содействовать развитию и реформированию таджикской милиции. При этом, программа в качестве средств финансирования должна включать внебюджетные вклады государств-членов ОБСЕ, утвержденный бюджет ОБСЕ, вклады организаций ОБСЕ и Правительства, поступления от других признанных доноров, – указано в Статье 3.

К настоящему времени сотрудничество Таджикистана развилось не только в военной, политической и экономической сферах, оно уже затрагивает проблему предотвращения насилия в семьях, гендерные вопросы, дискурсы окружающей среды и прав человека.

Ранее в тексте статьи затрагивалась критика электоральной системы Таджикистана со стороны ОБСЕ. Необходимо подробнее коснуться проблем во взаимоотношениях между сторонами и рассмотреть претензии Душанбе в адрес организации.

В 2001 году Таджикистан пожаловался, что организация не воспринимает его равным другим государствам Центральной Азии. Вообще, Миссия не раз подвергалась жесткой критике со стороны Душанбе. Например, в 2006 году постпред Таджикистана при ОБСЕ выступил от имени страны с поддержкой военно-политических инициатив организации, но в то же время охарактеризовал программы демократизации,

защиты прав человека и общую плюрализацию политики далекими от идеала, особенно в контексте их соответствия приоритетам страны. В 2007 году Душанбе и вовсе предложил значительно ограничить мандат полевого присутствия ОБСЕ в стране. Это стало серьезным ударом по отношениям между сторонами. Существует мнение, что Таджикистан пытался рядом шагов отвлекать внимание ОБСЕ от поддержки таких программ, как независимые средства массовой информации, политический плюрализм и наблюдение за политической ситуацией.

В 2010 году в Таджикистане прошли Парламентские выборы – БДИПЧ сделала определенные выводы о них, но вместо того, чтобы принять замечания к сведению и более тесно сотрудничать с Бюро для улучшения электоральной системы, МИД Таджикистана оспорил заключения, пожаловался на отсутствие беспристрастности в оценке выборов и заверил, что они были свободными, прозрачными и открытыми.

Как видно, обе стороны имели претензии друг к другу, обоснованно или нет – это уже вопрос другого порядка. Обе стороны нуждались друг в друге – Таджикистану нужна была поддержка со стороны могущественного международного органа для стабилизации политической жизни в стране. ОБСЕ же видел в Таджикистане свой оплот в Центральной Азии, особенно после терактов 2001 года в США. Для борьбы с террористической угрозой и другими вызовами Таджикистан должен был укреплять свою государственность, ОБСЕ поддерживает устремления Душанбе, но, как это часто бывает, ряд вопросов у сторон может вызывать глубокие противоречия.

Решение Таджикистана вступить в Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в 1992 году было стратегическим шагом, который оказался полезным в процессе восстановления страны после гражданской войны. Учреждение Миссии ОБСЕ в Таджикистане в 1994 году ознаменовало начало плодотворного партнерства, которое привело к значительному сотрудничеству и совместным инициативам.

Выводы

С годами присутствие структур ОБСЕ в Таджикистане расширилось. ОБСЕ сыграла ключевую роль в поддержке усилий по демократизации в Таджикистане, в частности, посредством своего участия в развитии политической системы, процессах миростроительства и реформе правоохранительных органов.

Деятельность ОБСЕ в Таджикистане способствовала укреплению мира и стабильности. Посредством различных инициатив ОБСЕ внесла свой вклад в развитие правового государства и распространение его ценностей в различных секторах Таджикистана.

Сотрудничество Таджикистана с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) является многогранным и касается различных важных вопросов, таких как реформа правоохранительных органов, предотвращение бытового насилия, гендерное равенство, охрана окружающей среды, права человека, свобода СМИ, судебная система.

Однако на этом пути возникли проблемы, особенно в отношении избирательных процессов и политического плюрализма. ОБСЕ неоднократно выражала обеспокоенность по поводу несовершенства избирательной системы

Таджикистана и предлагала многочисленные рекомендации по ее улучшению. Несмотря на эти рекомендации, были случаи, когда Таджикистан сопротивлялся критике и ставил под сомнение беспристрастность оценок его выборов.

Отношения Таджикистана с ОБСЕ временами осложнялись разногласиями по поводу сферы действия мандата организации внутри страны. Расхождения во взглядах на демократизацию привели к напряженности в отношениях между сторонами.

Для продвижения вперед крайне важно, чтобы Таджикистан и ОБСЕ вступили в конструктивный диалог и сотрудничество для решения существующих проблем и разногласий. Работая сообща над достижением общих целей, обе стороны могут укрепить свое партнерство и внести свой вклад в дальнейшее развитие и стабильность Таджикистана.

Список источников

1. Алиева Р. Сотрудничество Республики Таджикистан с ОБСЕ как фактор стабильности и безопасности в Центральной Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2009. С. 104.
2. Сотрудничество Таджикистана с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан (электронный ресурс) (дата обращения: 01.04.2024). URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/193/tadzhikistan-i-organizatsiya-po-bezopasnosti-i-sotrudnichestvu-v-evrope>
3. Алиева Р. Сотрудничество Республики Таджикистан с ОБСЕ как фактор стабильности и безопасности в Центральной Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2009. С. 106 – 108.
4. The OSCE Mission to Tajikistan / ReliefWeb // OCHA (electronic resource) (date of issue: 01.04.2024). URL: <https://reliefweb.int/report/tajikistan/osce-mission-tajikistan>
5. Desicion No. 170 / Organization for Security and Co-operation in Europe (electronic resource) (date of issue: 05.04.2024). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/0/e/20835.pdf>
6. Desicion No. 331 / Organization for Security and Co-operation in Europe (electronic resource) (date of issue: 05.04.2024). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/d/27967.pdf>
7. Desicion No. 331 / Organization for Security and Co-operation in Europe (electronic resource) (date of issue: 05.04.2024). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/d/27967.pdf>
8. Сотрудничество Таджикистана с Организацией по безопасности и сотрудничеству в Европе / Министерство иностранных дел Республики Таджикистан (электронный ресурс) (дата обращения: 01.04.2024). URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/193/tadzhikistan-i-organizatsiya-po-bezopasnosti-i-sotrudnichestvu-v-evrope>
9. Jonson L. The OSCE Long-Term Mission to Tajikistan // IFSH (ed.), OSCE Yearbook 2002, Baden-Baden, 2003, P. 237.
10. Алиева Р. Сотрудничество Республики Таджикистан с ОБСЕ как фактор стабильности и безопасности в Центральной Азии // Ученые записки Худжандского государственного университета им. академика Б. Гафурова. Гуманитарные науки. 2009. С. 106.
11. Jonson L. The OSCE Long-Term Mission to Tajikistan // IFSH (ed.), OSCE Yearbook 2002, Baden-Baden, 2003, P. 243.
12. Republic of Tajikistan, presidential election November 2013, OSCE / ODIHR Needs Assessment Mission Report 1-3 July 2013 // Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE) (electronic resource) (date of issue: 07.04.2024). URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/asia/TJ/osce-tajikistan-needs-assessment-mission-report>

13. Republic of Tajikistan, presidential election November 2013, OSCE / ODIHR Needs Assessment Mission Report 1-3 July 2013 // Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE) (electronic resource) (date of issue: 07.04.2024). URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/asia/TJ/osce-tajikistan-needs-assessment-mission-report>
14. Republic of Tajikistan, presidential election November 2013, OSCE / ODIHR Needs Assessment Mission Report 1-3 July 2013 // Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE) (electronic resource) (date of issue: 07.04.2024). URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/asia/TJ/osce-tajikistan-needs-assessment-mission-report>
15. Республика Таджикистан, президентские выборы 11 октября 2020 / Миссия БДИПЧ по оценке выборов, Заключительный отчет, Варшава, 29 января 2021 // Бюро по демократическим институтам и правам человека (ОБСЕ) (электронный ресурс) (дата обращения: 07.04.2024). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/7/479290.pdf>

References

1. Aliyeva R. Cooperation of the Republic of Tajikistan with the OSCE as a factor of stability and security in Central Asia. Scientific notes of the Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Humanitarian sciences. 2009. P. 104.
2. Cooperation of Tajikistan with the Organization for Security and Cooperation in Europe. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan (electronic resource) (date of access: 01.04.2024). URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/193/tadzhikistan-i-organizatsiya-po-bezopasnosti-i-sotrudnichestvu-v-evrope>
3. Aliyeva R. Cooperation of the Republic of Tajikistan with the OSCE as a factor of stability and security in Central Asia. Scientific notes of the Khujand State University named after Academician B. Gafurov. Humanitarian sciences. 2009. pp. 106 – 108.
4. The OSCE Mission to Tajikistan. ReliefWeb. OCHA (electronic resource) (date of issue: 04/01/2024). URL: <https://reliefweb.int/report/tajikistan/osce-mission-tajikistan>
5. Decision No. 170. Organization for Security and Cooperation in Europe (electronic resource) (date of issue: 04/05/2024). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/0/e/20835.pdf>
6. Decision No. 331. Organization for Security and Cooperation in Europe (electronic resource) (date of issue: 04/05/2024). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/d/27967.pdf>
7. Decision No. 331 / Organization for Security and Cooperation in Europe (electronic resource) (date of issue: 05.04.2024). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/3/d/27967.pdf>
8. Tajikistan's cooperation with the Organization for Security and Cooperation in Europe. Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Tajikistan (electronic resource) (date of access: 01.04.2024). URL: <https://mfa.tj/ru/main/view/193/tadzhikistan-i-organizatsiya-po-bezopasnosti-i-sotrudnichestvu-v-evrope>
9. Jonson L. The OSCE Long-Term Mission to Tajikistan. IFSH (ed.), OSCE Yearbook 2002, Baden-Baden, 2003, P. 237.
10. Aliyeva R. Cooperation of the Republic of Tajikistan with the OSCE as a factor of stability and security in Central Asia. Scientific notes of the Khujand State University named after academician B. Gafurov. Humanitarian sciences. 2009. P. 106.
11. Jonson L. The OSCE Long-Term Mission to Tajikistan. IFSH (ed.), OSCE Yearbook 2002, Baden-Baden, 2003, P. 243.
12. Republic of Tajikistan, presidential election November 2013, OSCE. ODIHR Needs Assessment Mission Report 1-3 July 2013. Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE) (electronic resource) (date of issue: 04/07/2024). URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/asia/TJ/osce-tajikistan-needs-assessment-mission-report>
13. Republic of Tajikistan, presidential election November 2013, OSCE. ODIHR Needs Assessment Mission Report 1-3 July 2013. Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE) (electronic resource) (date of issue: 04/07/2024). URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/asia/TJ/osce-tajikistan-needs-assessment-mission-report>

14. Republic of Tajikistan, presidential election November 2013, OSCE. ODIHR Needs Assessment Mission Report 1-3 July 2013. Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE) (electronic resource) (date of issue: 04/07/2024). URL: <https://aceproject.org/ero-en/regions/asia/TJ/osce-tajikistan-needs-assessment-mission-report>

15. Republic of Tajikistan, Presidential Elections, 11 October 2020. ODIHR Election Assessment Mission, Final Report, Warsaw, 29 January 2021. Office for Democratic Institutions and Human Rights (OSCE) (electronic resource) (date accessed: 07.04.2024). URL: <https://www.osce.org/files/f/documents/e/7/479290.pdf>

Информация об авторе

Смертин В.А., аспирант, Российский государственный гуманитарный университет, smertin.vova@yandex.ru

© Смертин В.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47) "18"+ 908

Гуслицы: проблемы изучения старообрядческого подмосковного края

¹ Зими́на А.А.,
¹ Государственный университет просвещения

Аннотация: гуслицы – известный на весь старообрядческий мир подмосковный локальный регион, находившийся в пределах границ южной части Орехово-Зуевского городского округа (и частично в северной части Егорьевского городского округа), сформировавшийся на основе древней волости, впервые упомянутой в Духовном завещании Ивана Калиты. Гуслики слыли известными мастерами переписывания богослужебных книг. В крае также бытовала своя локальная иконопись вместе с изготовлением меднолитой иконы. В статье освещены основные проблемы изучения старообрядческого края: проблема выявления памятников культурного наследия, источниковедческая проблема и проблема сохранения исторической памяти. В настоящий момент в исторической науке и краеведении в частности, этому вопросу внимания не уделялось. Обозначенные в статье проблемы помогут в дальнейшем исследовании старообрядческого края. Перспективной дальнейшей задачей исследования подмосковного старообрядческого региона автор ставит выявление богослужебной литературы, икон и книг, хранящихся в семьях потомков-гусликов, а также и их описания, реконструкция бытования отдельного предмета (автор, владельческие записи, само описание, датировка и пр.) и проведение опросов местных жителей об их потомках, жизни отдельного селения и прихода, аудио, -фото и видеофиксация местных обрядов.

Ключевые слова: гуслицы, старообрядчество, историческая память, Подмоскoвье, церковные ремесла, история повседневности

Для цитирования: Зими́на А.А. Гуслицы: проблемы изучения старообрядческого подмосковного края // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 96 – 101.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Guslitsy: problems of studying the Old Believers of the Moscow region

¹ Zimina A.A.,
¹ Federal State University of Education

Abstract: guslitsy is a well-known region of the Moscow region in the Old Believer world. It was located within the borders of the southern part of the Orekhovo-Zuyevesky District (and partially in the northern part of the Yegoryevsky District). The region was formed on the basis of an ancient volost, which was first mentioned in the will of Ivan Kalita. The residents were renowned for their skills in copying liturgical books. The region also had its own local iconography, including the production of copper-cast icons. The article highlights the main problems of studying the Old Believer region: the problem of identifying cultural heritage monuments, the problem of source studies, and the problem of preserving historical memory. Currently, this issue has not been given much attention in historical studies and local history. The problems outlined in the article will help in further research of the Old Believer region. The author's future research goal in the Moscow region is to identify liturgical literature and icons and books kept in the families of descendants, as well as their descriptions, reconstruction of the existence of a par-

ticular item (author, ownership records, the description itself, dating, etc.). The author considers it important to conduct surveys of local residents about their descendants, the life of a particular village and church (audio, photo and video recording of local rituals).

Keywords: Guslitsy, Old Believers, memory studies, Moscow region, church crafts, history of everyday life

For citation: *Zimina A.A. Guslitsy: problems of studying the Old Believers of the Moscow region. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 96 – 101.*

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 18, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Старообрядчество, возникшее после церковных преобразований патриарха Никона 1650-х гг., несколько веков выступало хранителем русской старины. В настоящий момент в исторической науке наблюдается интерес к исследованию религиозных, правовых, социально-экономических и культурных особенностей последователей протопопа Аввакума [6, 10].

Ряд исследований современных историков посвящен непосредственно истории крупных старообрядческих центров – Выгу, Ветке, Поморью и т.д. Отдельный пласт исследований посвящен краеведческим и региональным исследованиям старообрядчества [11, 12].

Большинство старообрядческих центров находились вдали от столицы и крупных городов, что помогало старообрядцам сохранять свою относительную независимость и активную религиозную жизнь. В юго-восточной части Подмоскovie находился ближайший к Москве старообрядческий центр, носивший название Гуслиц. На протяжении конца XVIII – начала XX вв. Гуслицы являлись историческим центром, сложившимся на основе древней волости, и включающим в себя несколько десятков селений [3]. Впервые мы встречаем упоминание будущего старообрядческого края в духовном завещании Ивана Калиты [4].

После административной реформы Екатерины II и упразднение волости, Гуслицы стали входить в состав Богородского уезда Московской губернии. Во второй половине XIX столетия Гуслицы стали известным центром поповства. Духовная культура старообрядческого края несмотря на наличие в крае церковных ремесел и активной религиозной жизни, славилась и своими преступными промыслами – подделкой денег и документов, конокрадством, нищенством и проч. Миссионер И. Шевелкин, посетив Гуслицкий край, отмечал в своем путевом очерке всю противоречивость духовной культуры: «Гуслицкие раскольники с особым искусством при посторонних разыгрывают из себя людей благочестивых, в разврате и пьянстве и проделках лицом в грязь не ударят; об-

мануть, обокрасть, изувечить и даже убить православного почитается у них чуть ли не за добродетель. Не напрасно в Москве, Рязани, Владимире и даже Нижнем Новгороде под словом гусяк разумеют вора и отъявленного плута» [14].

К сожалению, несмотря на близость к Москве, этот старообрядческий центр долгое время не заслуживал внимания исследователей, а между тем, Гуслицы являлись центром церковных ремесел: переписывания богослужебных книг, иконописи и производства меднолитой иконы. Кроме того, регион слыл кузницей старообрядческого духовенства.

Крупнейшим специалистом в сфере изучения края – этнолог и исследователь Подмоскovie С.С. Михайлов, выпустивший десятки работ, посвященных отдельным селениям, моленным и т.п. [8]. В настоящий момент, Гуслицы можно и нужно изучать в дальнейшем, прибегая к разному виду источников. Данная статья посвящена проблемам и перспективам изучения старообрядческого края Подмоскovie.

Нужно отметить, что исследование старообрядческого региона требует наиболее полного комплексного подхода, с привлечением как можно большего материала, духовного и материального наследия края. В связи с этим, можно выявить ряд проблем, связанных с изучением региона.

Материалы и методы исследований

При изучении Гуслицкого края большое значение отводится опросу как основному методу полевого исследования. Базу исторической памяти составляет устная история, положение которой в том или ином крае показывает глубину социальной памяти локальной группы. Помимо нематериального наследия региона, Гуслицы интересны своими церковными памятниками, которые, к сожалению, в настоящий момент привлекают небольшое количество исследователей.

Результаты и обсуждения

Проблема выявления памятников материального наследия. Гуслицы известный в старообрядческой среде центр переписывания богослужебных книг, без которых была невозможно ду-

ховная жизнь религиозной общины. Помимо этого, в крае производили меднолитую пластику – в основном кресты и складни, а также писали иконы. К сожалению, в настоящий момент в государственных музеях и частных коллекциях большая часть гуслицкого материального наследия не атрибутирована – в основном это касается икон, интерес к которым еще недостаточен у исследователей религиозной живописи, историков искусства и музейных сотрудников. Вместе с тем, икона для старообрядца – особо ценный иконный образ: «Старинная икона – наиболее характерный внешний признак старообрядчества; последнее любит свою старинную икону; оно прожило неразлучно с ней всю свою многострадальную историю, живет и поныне, видя в ней утешение своих горестей и ответ на многие вопросы. Древняя икона позволяет заглянуть в самое святое святых старообрядчества, узнать, к чему последнее стремится, что видит в протекающей жизни, как смотрит на грядущие судьбы человечества».

Известны иконы гуслицкого письма, хранящиеся в Центральном музее древнерусской культуры имени Андрея Рублева. Это иконы – «София Премудрость Божия» (31,1 × 27,1 см), «Богоматерь Целительница» (17,5 × 14,2 см), «Усекновение главы Иоанна Предтечи» (27 × 23 см), «Преподобномученица Евдокия» (35 × 30,7 см.), «Первое и второе обретение честной главы Иоанна Предтечи, с Ангелом-Хранителем и мучеником Уаром на полях» (17,6 × 14,7 см), «Мученик Трифон Арамейский» (18,2 × 14,6 см) и др. Иконография представленных икон типична для старообрядческого мира. Дальнейшее исследование старообрядческой иконы заключается в выявлении образцов гуслицкой иконописи в руках местных жителей, которым образы достались по наследству. Можно отметить, что в основном у потомков гусляков хранятся типичные для второй половины XIX столетия иконы с многочастными композициями избранных святых – покровителей имен заказчиков. К сожалению, в результате опроса местных жителей, возникла проблема выявления

священных образов – ввиду сакральности иконы как предмета и особого отношения к ней предков, многие местные жители не спешат показывать или фотографировать иконы для описания и исследования, что затрудняет выявление сохранившихся памятников. Сами владельцы зачастую имеют обрывочные и малоинформативные сведения о памятниках старины – классическая формулировка: «досталась от бабушки». В настоящее время интерес к иконам Нового времени, к которым относятся гуслицкие памятники, растет [5]. Дальнейшая задача – их выявление и описание. Из отличительных черт гуслицкой иконы можно выделить: особый охристый колорит и приглушенные тона, в ряде случаев – особенное написание личного с пробелами, тонко выписанный текст (сами надписи, текст на полях иконы или заставки в раскрытой книге).

Похожая ситуация обстоит с выявлением сохранившихся на руках у местного населения медного литья и книг.

Корни меднолитой пластики уходят в Византию, откуда, с принятием христианства, оно пришло на Русь и получило широкое бытование. После церковного раскола меднолитая пластика заняла важное место в старообрядческой культуре. Она позволяла сохранить дораскольные иконографические образы. Кроме этого, небольшие по размерам меднолитые иконы и кресты было легко переносить в условиях гонений. Российский фольклорист, историк литературы и искусства Ф.И. Буслаев отмечал важность медного литья для художественной традиции: «Это были святыни самые удобные для перенесения, прочные и дешевые; потому они и доселе в большом употреблении в простом народе» [2].

Гуслицкая рукописная книга, в свою очередь, самый узнаваемый памятник материальной культуры старообрядческого микрорегиона [9]. Яркий колорит с использованием синего, желтого, красного цветов придают рукописям особый праздничный вид. В Гуслицах писали Праздники, Октоихи. Триоди, Минеи и т.д. (рис. 1).

Рис. 1. Страница гуслицкой рукописной книги. Собрание ОР РГБ. Ф. 74. Ед. хр. 10.
Fig. 1. A page of a Guslitskaya handwritten book. Collection of Russian State Library.

Меднолитая пластика старообрядческого центра, а также богослужебные книги изучены в большей степени, но сохраняется проблема их описания и бытования, у книг это выявление писца, владельческих записей, описание заставок и проч., у меднолитой иконы – преимущественно описание технического процесса изготовления и описание композиций створок и иконографических особенностей отдельно взятого экземпляра, у икон – установление имени мастера и иконографическое описание памятника.

Источниковедческая проблема. Обращаясь к истории Гуслиц, еще раз стоит подчеркнуть, что Гуслицкий край не только известен своими церковными ремеслами, но и был знаменит своими преступными занятиями – фальшивомонетчеством, подделкой документов, нищенством и конкрадством. Вместе с этим в регионе велась активная духовная жизнь – строились молельни и открывались запечатанные, проводились службы и т. д. Исследовать духовную жизнь региона помогают архивные документы. Большинство из них еще не введено в научный оборот и не публиковались. Можно отметить ряд архивных дел из Фонда Гражданского и военного Генерал-Губернатора, хранящихся в Центральном государственном архиве Москвы, представляющих особую ценность для раскрытия образа гуслика-старообрядца. Об-

ратимся к одному из дел, подчеркивающих истинность веры гуслицких жителей: «...крестьянин Московской Губернии Богородского Уезда Г. Мусина-Пушкина Андрей Иванов объявил полиции, что он изъявил желание на переход из раскола в православие, на что получил соизволение Московского Митрополита Филарета, а 10-го сего месяца крестьянин Богородского уезда Г-жи Жеребцовой Кирилла Федоров Капустин 74 лет старообрядец встретив его в Москве и узнав о его намерении, начал ему делать разные угрозы, о чем он счел долгом объявить» [13; л. 1].

Проблема сохранения исторической памяти. В эпоху глобализации и сложной политической обстановки в мире проблема сохранения исторической памяти стоит достаточно остро. Проблеме изучения исторической памяти в настоящий момент уделено много исследований – как отдельных публикаций, так и отдельных книг и монографий [7].

Под определением исторической памяти зачастую понимаю память об историческом прошлом коллективную (или же иначе – социальную) или индивидуальную. Память представляет собой символическую репрезентацию прошлого и является одной из важных составляющих самоидентификации отдельного индивида или группы – жителей одного региона, отдельных народов и проч.

Фиксация исторической памяти и жизни современных старообрядцев – актуальная тема исследования [1]. В этом отношении изучение исторической памяти гусликов в настоящий момент может рассматриваться как основа духовного наследия историко-культурной области, существовавшей несколько столетий. К сожалению, можно сказать, что сохранение исторической памяти в настоящий момент в Гуслицкой земле недостаточна. Многие старообрядческие приходы перестали существовать в советское время и потомки старообрядцев обратились к официальной Церкви, посещая Спасо-Гуслицкий монастырь, построенный с миссионерскими целями по благословению митрополита Филарета (Дроздова) в 1859 году. Основные пласты исторической памяти связаны лишь с неглубокими сведениями о старообрядческих корнях и

наследственным хранении предметов материальной культуры гуслицкого прошлого.

Выводы

В сфере исследования старообрядческий центр, особое внимание занимает изучение малоизученных центров старообрядчества. Гуслицы как довольно большой старообрядческий регион, занимавший видное место в старообрядческом мире, в настоящий момент изучены небольшим количеством ученых. Перспективы изучения подмосковного микрорегиона неразрывно связаны с выделением опорных точек, представляющих собой проблематику исследования. Это проблема выявления памятников культурного наследия, источниковедческая проблема и проблема сохранения исторической памяти.

Список источников

1. Александров Е.В. Искусство, основанное на доверии. Старообрядцы в объективе «созвучной камеры» // Вестник антропологии. 2024. № 3. С. 87 – 105.
2. Буслаев Ф.И. Общие понятия о русской иконописи // Буслаев Ф.И. О литературе: Исследования. Статьи. М., 1990. С. 360 – 361.
3. Гуслица // Большая российская энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1936690?ysclid=mbza6jv9oy46849817
4. Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты // Библиотека электронных ресурсов Исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/ivan1.htm> (дата обращения: 10.03.2025)
5. Душак Н.С. «Всегда хранили ту самую икону»: воспоминания старообрядцев о практиках взаимодействия с иконами в советское время // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2024. № 3. С. 164 – 182.
6. Гурьянова Н.С. Старообрядцы в XVIII веке: оформление традиции // Представления о прошлом в памятниках письменности XVI XX вв.: сборник научных трудов. Новосибирск, 2021. С. 67 – 88.
7. Кирчанов М.В. Старообрядчество как (ф)актор трансформации современной российской исторической политики и мемориальной культуры // Российский журнал истории Церкви. 2023. № 2. С. 4 – 20.
8. Одна из последних работ: Михайлов С.С. Гуслицкие обители. Старообрядческие иноческие поселения и православный миссионерский монастырь. М.: Квадрига, 2022. 312 с.
9. Михайлов С.С. Подмосковные Гуслицы: к истории книжного дела и иконописи в локальном старообрядческом регионе // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2017. Т. 19. С. 63 – 69.
10. Поздеева И.В. Русское старообрядчество как объект научных интересов // Старообрядчество. 2023. Т. 1. № 2. С. 5 – 13.
11. Рублева А.А. Потомки старообрядцев деревни Макурино: практика сохранения идентичности (по материалам полевых исследований 2022 года) // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. 2022. Т. 28. С. 921 – 926.
12. Рябова М.М. Региональный аспект изучения проблемы старообрядческого предпринимательства в XIX XX вв.: источники и историография // Современная научная мысль. 2023. № 5. С. 208 – 216.
13. ЦГАМ. Ф. 17. Оп. 5. Д. 1577.
14. Шевелкин И. Спасо-Преображенский Гуслицкий монастырь и соседствующие с ним раскольники. Путевой очерк // Богородск-Ногинск. Богородское краеведение. [Электронный ресурс] URL: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/12000/4.html?ysclid=mciv1wj3390149046>

References

1. Aleksandrov E.V. Art based on trust. Old Believers in the lens of the "consonant camera". Bulletin of anthropology. 2024. No. 3. P. 87 – 105.
2. Buslaev F.I. General concepts of Russian icon painting. Buslaev F.I. On literature: Research. Articles. Moscow, 1990. P. 360 – 361.
3. Guslitsa. The Great Russian Encyclopedia. [Electronic resource]. URL: https://old.bigenc.ru/religious_studies/text/1936690?ysclid=mbza6jv9oy46849817
4. Spiritual literacy of the Grand Duke Ivan Danilovich Kalita. Library of electronic resources of the Faculty of History of Moscow State University. M.V. Lomonosov URL: <http://www.whhttp://www.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/ivan1.htm>.hist.msu.ru/ER/Etext/DG/ivan1.htm (date of access: 10.03.2025)
5. Dushakova N.S. "We always kept that very icon": Old Believers' memories of the practices of interacting with icons in Soviet times. State, religion, church in Russia and abroad. 2024. No. 3. P. 164 – 182.
6. Guryanova N.S. Old Believers in the 18th century: the formation of tradition. Ideas about the past in written monuments of the 16th – 20th centuries: collection of scientific papers. Novosibirsk, 2021. P. 67 – 88.
7. Kirchanov M.V. Old Believers as a (factor) in the transformation of modern Russian historical policy and memorial culture. Russian Journal of Church History. 2023. No. 2. P. 4 – 20.
8. One of the latest works: Mikhailov S.S. Guslitsky monasteries. Old Believer monastic settlements and an Orthodox missionary monastery. Moscow: Quadriga, 2022. 312 p.
9. Mikhailov S.S. Guslitsy near Moscow: on the history of book production and icon painting in the local Old Believer region. Bulletin of Irkutsk State University. Series: Political Science. Religious Studies. 2017. Vol. 19. P. 63 – 69.
10. Pozdeeva I.V. Russian Old Believers as an object of scientific interests. Old Believers. 2023. Vol. 1. No. 2. P. 5 – 13.
11. Rubleva A.A. Descendants of the Old Believers of the Village of Makurino: the Practice of Preserving Identity (Based on the Materials of Field Research in 2022). Problems of Archeology, Ethnography, and Anthropology of Siberia and Adjacent Territories. 2022. Vol. 28. P. 921 – 926.
12. Ryabova M.M. Regional Aspect of the Study of the Problem of Old Believer Entrepreneurship in the 19th and 20th Centuries: Sources and Historiography. Modern Scientific Thought. 2023. No. 5. Pp. 208 – 216.
13. TsGAM. F. 17. Op. 5. D. 1577.
14. Shevelkin I. The Spaso-Preobrazhensky Guslitsky Monastery and the Neighboring Schismatics. Travel essay. Bogorodsk-Noginsk. Bogorodsk local history. [Electronic resource] URL: <https://www.bogorodsk-noginsk.ru/arhiv/12000/4.html?ysclid=mcivl1wj3390149046>

Информация об авторе

Зими́на А.А., аспирант, Государственный университет просвещения

© Зими́на А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(470)"1812"

Актуальные аспекты изучения причинно-следственных связей в школьном курсе истории на примере Отечественной войны 1812 г.

¹ Курков В.В.,
¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: статья посвящена анализу причинно-следственных связей обусловивших возникновение и исход Отечественной войны 1812 г., явившейся крупнейшей военной победой России за весь имперский период ее истории и, поэтому представляющую собой классическую и ключевую тему школьного программного материала, способную породить серьезные проблемы у учащихся в рамках проверки знаний на ОГЭ и ЕГЭ. Последнее обстоятельство обусловлено неизбежным упрощением содержания данной темы в 9 классе, когда она проходит согласно возрастным критериям линейной системы и неизмеримо более высокими требованиями для выпускного 11 класса, включающими решение достаточно сложных заданий требующих понимания логических детерминант исторического процесса в условиях когда учитель не располагает временем для повторного изучения или хотя бы повторения проблематики «грозы двенадцатого года». В статье предложен актуальный в рамках школьной программы объем апробированного на практике материала по истории войны 1812 г., раскрывающего исторические детерминанты этого решающего военного конфликта и нацеливающий аудиторию на проблемное и аналитическое изучению темы с упором на всестороннее исследование сложной системы причинно-следственных связей через анализ источников и историографии.

Ключевые слова: причины и итоги Отечественной войны 1812 г., детерминанты ключевых событий, причины победы России

Для цитирования: Курков В.В. Актуальные аспекты изучения причинно-следственных связей в школьном курсе истории на примере Отечественной войны 1812 г. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 102 – 109.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Topical aspects of studying cause-and-effect relations in the school history course using the example of the Patriotic War of 1812

¹ Kurkov V.V.,
¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article is devoted to the analysis of the cause-and-effect relationships that determined the emergence and outcome of the Patriotic War of 1812, which was the largest military victory of Russia in the entire imperial period of its history and, therefore, represents a classic and key topic of the school curriculum, capable of generating serious problems for students in the framework of knowledge testing on the Basic State Exam and the Unified State Exam. The latter circumstance is due to the inevitable simplification of the content of this topic in the 9th grade, when it is covered according to the age criteria of the linear system and immeasurably higher require-

ments for the graduating 11th grade, including solving fairly complex tasks requiring an understanding of the logical determinants of the historical process in conditions when the teacher does not have time to re-study or at least repeat the problems of the "storm of 1912". The article offers a volume of material on the history of the war of 1812 that is relevant to the school curriculum and has been tested in practice, revealing the historical determinants of this decisive military conflict and targeting the audience at a problematic and analytical study of the topic with an emphasis on a comprehensive study of the complex system of cause-and-effect relationships through the analysis of sources and historiography.

Keywords: causes and results of the Patriotic War of 1812, determinants of key events, reasons for Russia's victory

For citation: Kurkov V.V. Topical aspects of studying cause-and-effect relations in the school history course using the example of the Patriotic War of 1812. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 102 – 109.

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 18, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Отечественная война 1812 г. в качестве рубежного и переломного событие как российской, так и всемирной истории традиционно является классической темой школьного курса истории занимая важное место в системе ОГЭ и ЕГЭ. В плане актуальных аспектов изучения этого великого года России необходимо указать на неизбежное противоречие, образованное столкновением двух осложняющих образовательный процесс тенденций. С одной стороны: минимальным объемом учебных часов, на которые современный учитель может рассчитывать при прохождении этой ключевой темы на фоне общей перегрузки школьной программы, а также обусловленным особенностями линейной системы невольным упрощением исторического материала под возрастной уровень 9 класса, когда эта тема проходит. А, с другой стороны, сложностью фактологического и картографического материала, целой когортой важнейших исторических личностей, требующими кропотливой работы метапредметными связями со всемирной историей (Великая французская буржуазная революция и наполеоновские войны), отечественной литературой (великое произведение Л.Н. Толстого) и, главное, сложным комплексом причинно-следственных связей, обусловивших возникновение и исход данного военного конфликта. Одновременно применительно к задачам школьных исторических курсов на уровне Калужского области (равно как целого ряда других регионов центральной России) тема Отечественной войны 1812 г. актуализирует и ряд важных краеведческих аспектов. Поэтому цель данной статьи можно определить как стремление представить апробированный в практической педагогической деятельности автора учебно-исторический материал, способный помочь современному учителю раскрыть основные детерминирующие факторы истории 1812 г., перейдя от описательно-

повествовательного урока, ограниченного жесткими рамками текста школьного учебника к проблемному и аналитическому изучению темы с упором на всестороннее исследование сложной системы причинно-следственных связей через анализ источников и историографии в сочетании с дискуссионным обсуждением спорных вопросов темы в учебной аудитории.

Материалы и методы исследований

Характеризуя методологические принципы, составившие основу представленного в данной статье исследования факторов определивших историю 1812 г. – применительно к запросам и возможностям школьных образовательных курсов, прежде всего следует выделить принцип историзма, вне рамок которого актуальный процесс становления и творческого развития навыка критического анализа источников и историографии как для обучающихся, так и для педагогов, являющийся фундаментом для понимания сложного комплекса причинно-следственных связей, просто не возможен. Также следует подчеркнуть и метод педагогического эксперимента, предполагающий необходимое подтверждение в ходе практической апробации (по ходу преподавательской деятельности автора как со старшеклассниками в профильных гуманитарных классах, так и со студентами-бакалаврами, обучающимися по направлению подготовки «Педагогическое образование») всего представленного в исследовании учебно-исторического материала раскрывающего основные детерминирующие факторы истории Отечественной войны 1812 г.

Результаты и обсуждения

При характеристике комплекса причинно-следственных связей, раскрывающих сущность «грозы двенадцатого года», для учителя прежде всего возникает первоочередная задача раскрытия для учебной аудитории причин данной войны, которые исходя из обоснованных выводов совре-

менной историографии представляется возможным актуализировать для учащихся в виде пяти детерминант обусловивших начало военной кампании 1812 г.:

– прежде всего, это безграничные завоевательные амбиции Наполеона и французской буржуазии, для которых Россия и Англия оставались главными и последними препятствиями на пути к европейскому и мировому господству [5, с. 19-20; 15, с. 112-113]; в этом плане важно объяснить для учащихся геополитический подтекст наполеоновских планов к 1812 г. – разгромив Россию и подчинив ее французскому влиянию, Бонапарт рассчитывал использовать ее территорию и ресурсы для наступления на Британскую Индию – в этом совпадают оценки и самих участников Отечественной войны 1812 г. и современных исследователей [1, с. 50-51; 4, с.155; 10; 15, с.118];

– далее это конечно, позорный для России Тильзитский мир и пагубные последствия континентальной блокады для экономики Российской империи, и естественное для русской стороны нарушение данного торгового бойкота Великобритании обусловившее стремление Наполеона военным путем заставить Россию полностью разорвать экономические связи с Англией [15, с. 115, 117; 18, с. 453-454];

– на фоне агрессивных наполеоновских планов, для преподавателя крайне важно обратить внимание учащихся и на очевидные завоевательные амбиции русского царизма – прежде всего в отношении Польши – восстановление государственности которой Наполеоном в виде герцогства Варшавского, перечеркивало итоги трех разделов Речи Посполитой и геополитически было неприемлемым для Петербурга, тем более что самого Бонапарта русское дворянство воспринимало как опасного наследника французской революции [15, с. 116];

– свою роль в разжигание войны внес и германский вопрос – захват Францией герцогства Ольденбургского стал оскорбительным ударом «корсиканского чудовища» по династическим интересам Романовых – в этом плане необходимо в целом учитывать влияние личности российского императора Александра I на всю историю франко-русского противостояния в начале XIX в.: Наполеон в лице русского царя, неоднократно им униженного на полях военных и дипломатических батальей, приобрел по сути главного врага [3; 6, с. 358-359; 15, с. 116-117; 18, с. 454-455];

– невозможно не отметить и столкновение русско-французских интересов на Ближнем Востоке: очередная русско-турецкая война четко указывала на стремление царизма к контролю над черномор-

скими проливами и Константинополем, что явно противоречило французской политике [15, с. 117], и еще неоднократно будет приводить к обострению восточного вопроса в будущем.

Анализ детерминант, обусловивших начало войны 1812 г. позволяет преподавателю четко определить характер данной войны как войны отечественной и справедливой со стороны России, подвергнувшейся нашествию завоевателей [2, 15, с. 119-120]. На этом фоне актуальным представляется и разбор с учащимися вопроса о подготовке сторон к войне, так как именно в этой проблематике появляется возможность рассмотрев соотношение сил противоборствующих сторон раскрыть будущие причины как успехов Наполеона и отступления русской армии в начале кампании 1812 г., так и ряд причин итоговой победы России.

В этом плане важно акцентировать внимание учащихся на численном перевесе Великой армии Наполеона над русскими войсками к началу войны, который был определен такими факторами как: мобилизация сил всех покоренных французами стран Европы (в итоге нашествие на Россию «двунадесяти языков») а также наличие во Франции прогрессивной системы всеобщей воинской повинности как результата французской революции сделавшей граждан равными в политическом плане (в то время как рекрутская повинность в России будучи порождением крепостнической системы ограничивала мобилизационные возможности страны и не создавала необходимого резерва) [5, с. 75, 95, 82-83; 18, с. 459, 461-462]. К тому же численный перевес противника для русской стороны усугублялся опасным разделением главных военных сил России на западной границе на три армии в связи с желанием прикрыть сразу все возможные стратегические направления: петербургское, московское и киевское.

В то же время преподаватель должен указать и на явное слабое место Великой армии Наполеона – ее многонациональный состав, в котором только поляки были готовы добровольно воевать против России, в то время как все остальные европейские народы были вынужденными союзниками Наполеона и при удобном случае могли повернуть оружие против французских завоевателей (и это на фоне прочного национального ядра и профессионализма русской армии). К тому же Наполеон так и не успел к 1812 г. завершить войну на Пиренейском полуострове, и безуспешная борьба с английской армией Веллингтона и испанской герильей отвлекала огромные силы французов, равно как и поддержание континентальной блокады и контроль за покоренными странами Европы [18, с. 458, 463].

Несомненно, что главным преимуществом Великой армии был непревзойденный до того времени военный гений Наполеона, равных которому с русской стороны просто не было [16, с. 345-346], к тому же опиравшийся на соответствующие таланты его маршалов. Однако Наполеон слишком долго побеждал своих противников – в том числе и русских – достаточно долго чтобы понять секреты его военного искусства. Необходимо учесть и то, что маршальская когорта Наполеона к моменту вторжения в Россию уже серьезно поредела, к тому же начинается разрушительный процесс перерождения этой знаменитой плеяды солдат революции поднявшихся до полководцев империи – усталость, зависть, межличностные противоречия снижают их эффективность, а при отсутствии самого Наполеона, как показывает опыт войны на Пиренейском полуострове, его маршалы превращались в неслаженный оркестр без дирижера [18, с. 463]. Слабым местом в системе высшего командования французскими силами оказывалась и семья Бонапартов – точнее его братья, превращенные волей Наполеона в монархов и крупных военачальников и явно не соответствующие по своим талантам значению доверяемых им поручений императора: в 1812 г. ярким примером станут просчеты Жерома Бонапарта («король Ерема» как насмешливо называли его в русской армии), позволившие небольшой армии Багратиона избежать разгрома в начале кампании [15, с. 189]. Таким образом, у российских учеников Суворова появлялись реальные шансы на успешное противостояние лучшим военным умам Европы.

По ходу анализа предвоенной ситуации в актив России безусловно необходимо вписать и срыв плана Наполеона по ее изоляции, равно как и крах его расчетов втянуть Российскую империю в длительные войны на северных и южных рубежах: русская сторона сумела победоносно и своевременно завершить войны со Швецией в 1808 – 1809 гг. и с Турцией в 1806 – 1812 гг., обезопасив соответствующие границы, присоединив стратегически важные территории, получив драгоценный военный опыт и освободив дополнительные силы для решающей схватки с Наполеоном. Более того, наполеоновский маршал Бернадот (и одновременно конкурент Бонапарта во всем – от любви до военной славы), оказавшись в качестве наследного принца правителем Швеции, усилиями русской дипломатии и разведки станет стратегическим союзником Александра I [15, с. 128-129; 16, с. 127].

В этом же плане, учащиеся должны понимать что в предвоенные годы Россия уже одержала реальную победу в тайной войне разведывательных служб: здесь необходимо подчеркнуть историче-

скую роль Барклая де Толли, который в качестве военного министра фактически создал российскую военную разведку как таковую, а также, деятельность русских военных агентов в европейских столицах, находившихся под пятой Наполеона – прежде всего полковника и флигель-адъютанта Александра Чернышева [8; 9; 15, с. 126-127; 17].

Обязательный анализ военно-стратегических планов России и Франции, позволяет преподавателю раскрыть перед аудиторией логику событий на начальном этапе войны 1812 г.:

- отправной точкой в рассуждениях учителя здесь должен быть первоначальный план Наполеона, предполагавший ставку на генеральное сражение и разгром русских армий по одиночке и в приграничных районах [18, с. 466-467];

- отказ русской стороны от планов наступательной войны против Наполеона (для упреждающего удара у России явно не хватало сил с учетом вероломной позиции Пруссии) [15, с. 131-132] и последующее забвение оборонительного плана Фуля, когда русская армия в ходе отступления не остановится в Дриском лагере (несмотря на значительные усилия и средства затраченные на строительство данного укрепленного лагеря: прикрывавший петербургское направление оказавшееся второстепенным, он фактически мог превратиться в ловушку и могилу для российских войск) [5, с. 108-109, 18, с. 469];

- в итоге эти факторы обусловят реализацию Барклаем де Толли вынужденной «скифской» стратегии втягивающего отступления, которая за счет отказа от генерального сражения не позволит французам реализовать свой численный перевес, обеспечит соединение армия Барклая и Багратиона в Смоленске и затянет Великую армию Наполеона вглубь России, а самого Бонапарта подтолкнет к гибельному решению идти на Москву [16, с. 132-133, 343-344].

По ходу исторической характеристики Бородинского сражения неизбежно возникает потребность в использовании на уроке элементов дискуссии, при ответе на вопрос – кто же одержал победу в этой крупнейшей битве 1812 г.? С опорой на анализ современной историографии, преподаватель должен по ходу данной дискуссии акцентировать внимание учащихся на следующих итогах этого ключевого события Отечественной войны:

- в первую очередь, это ужасающие потери с обеих сторон (от 43 до 57 процентов от всего состава двух армий) при минимальном количестве пленных (в том числе всего два пленных генерала), что свидетельствует о небывалой ожесточенности сражения (только со стороны наполеоновских войск было сделано девяносто тысяч артил-

лерийских и до двух миллионов ружейных выстрелов в этот роковой день) [5, с. 170; 18, с. 493];

– как тактический успех можно оценивать итоги сражения для французов: они все же захватили русские укрепления – и Багратионовы флеши и батарею Раевского, вынудили русскую армию отступать и оставить Москву [16, с. 203-204];

– однако в стратегическом плане Наполеон не добился главного – он получил генеральное сражение, к которому так долго стремился, но не смог разгромить и уничтожить русскую армию: поэтому одновременно можно говорить о стратегическом успехе Кутузова, сохранившего русскую армию для продолжения войны – и это на фоне нравственной победы русских которые сумели выстоять при Бородино [16, с. 203-204; 18, с. 493].

При этом важно поставить перед учащимися вопрос и о том, почему Наполеон в решающий момент Бородинского сражения так и не решился ввести в бой свой главный резерв – Старую гвардию? В процессе обсуждения с классом этой проблемы важно выделить следующие факторы, которые могли определить действия французского императора: рейд кавалерии атамана Платова и генерала Уварова в обход левого фланга наполеоновской армии (хотя и отбитый французами и вызывающий весьма неоднозначные оценки как современников, так и историков), огромные потери французов и ожесточенное сопротивление русских, удаленность армии Наполеона от Франции и, соответственно, резервов [5, с. 168; 18, с. 492].

Разбирая с учащимися трагедию московского пожара 1812 г., необходимо прежде всего выделить причины болезненного решения оставить Первопрестольную принятого на военном совете в Филях (чудовищные потери в Бородинском сражении, отсутствие резервов на тот момент, необходимость пожертвовать Москвой для сохранения армии) и определить причины сожжения древней русской столицы, возлагая главную роль в организации пожара не сколько на М.И. Кутузова, а в первую очередь на главнокомандующего Москвы Ф.В. Растопчина [6, с. 358]. Крайне важно подвести школьников к осознанию исторической взаимосвязи между трагедией пожара Москвы (в совокупности с рядом других детерминант) и конечным поражением Наполеона в России и гибелью его империи [6, с. 357]:

– в огне московского пожара французы утратили потенциальные зимние квартиры и запасы продовольствия: сгоревший город из долгожданной цели превращается в ловушку для армии Наполеона [5, с. 191-192];

– пожар создает идеальные условия для роста мародерства и, соответственно, для подрыва дис-

циплины и разложения и без того сложной для управления многонациональной армии захватчиков [18, с. 496];

– для русского же общества сожжение Москвы означало еще большее ожесточение в отечественной войне, когда в патриотических воззваниях, буквально призывалось погасить пожар древней столицы кровью захватчиков – в то время как для Александра I теперь уже исключались любые мирные переговоры с врагом и оставался только один путь – который должен был привести русскую армию в Париж [6, с. 359-360].

По ходу военных действий после оставления Москвы русскими войсками внимательного анализа требует разбор Тарутинского марш-маневра армии Кутузова – ее отступление по дороге на Рязань с неожиданным уходом на Калужскую дорогу и последующей остановкой в укрепленном лагере в д. Тарутино. Характеризуя данный кутузовский маневр, необходимо акцентировать внимание учебной аудитории на следующих выигрышных последствиях для русской стороны [4, с. 250-251; 16, с. 229-230]:

– французы на время просто потеряли из виду русскую армию, «потерявшуюся» для врага на бескрайних просторах;

– Кутузов закрыл для неприятеля путь в южные хлебные губернии;

– одновременно русские войска закрывали врагу дорогу на Калугу (главную базу снабжения нашей армии) и Тулу с ее оружейными заводами;

– в Тарутинском лагере русская армия получила возможность для отдыха и пополнения резервами;

– именно в этот период активно разворачивается партизанская война против наполеоновских захватчиков – армейские партизанские отряды фактически блокируют Москву нарушая коммуникационные линии французских войск – поэтому партизанское движение, несомненно должно оставаться в сознании учащихся как один из ключевых факторов победы над наполеоновским вторжением [14, с. 375-376], в то же время преподаватель исходя из современных научных публикаций должен избегать переходящего из одного учебника в другой утверждения о том, что первый армейский партизанский отряд был создан по инициативе Дениса Давыдова [7, с. 32] (не принижая исторической роли знаменитого гусара и поэта отметим, что партизанские формирования в 1812 г. появились раньше [12, с. 216; 13; 16, с. 242-243]).

Решающее сражение под Малоярославцем представляется логичным определить для учебной аудитории в качестве переломного пункта в истории Отечественной войны 1812 г. исходя из ряда

детерминант и последствий этого ключевого события, действительно изменившего ход войны [4, с. 250-251; 16, с. 266, 269-270, 272; 18, с. 501-502]:

- прежде всего здесь следует рассказать учащимся об оставлении Москвы Наполеоном и его плане неожиданного прорыва к Калуге, раскрытого в результате подвига партизана Сеславина, открывшего движение французской армии, что позволило русским войскам выступить наперерез врагу и навязать ему сражение за Малоярославец;

- важно подчеркнуть особую жестокость Малоярославецкого сражения и героизм русских войск (город по разным источникам переходил из рук в руки от восьми до тринадцати раз) – и даже оставив руины города армия Кутузова укрепилась южнее и по-прежнему закрывала врагу путь на Калугу – примечателен и эпизод когда ночью во время осмотра позиций Наполеон чудом избежал плена или гибели в ходе неожиданной атаки казаков;

- все это должно логично подвести учащихся к пониманию главного стратегического последствия данной битвы – отступление Наполеона по Старой Смоленской дороге через уже опустошенную местность, что и предопределило гибель армии завоевателей.

Анализ заключительного этапа Отечественной войны 1812 г. предполагает выявление факторов, которые привели к буквальному уничтожению наполеоновской армии: параллельный марш армии Кутузова, поражение французов под Вязмой и Красным [16, с.580, 592-593], непрерывные атаки партизан (успешная операция Давыдова, Сеславина и Фигнера под Ляховым – как яркий пример [4, с. 208; 11, с. 254-255]), голод и, подчеркнем – лишь в последнюю очередь – катастрофические для французов погодно-климатические условия, на что справедливо указывал в своих сочинениях Денис Давыдов [4, с. 250-251].

Особого внимания на уроке заслуживает заключительный акт трагедии двенадцатого года – сражение на р. Березина – при всей противоречивости оценок этой военной операции современниками и историками, представляется логичным акцентировать внимание учеников на причинах, позволивших Наполеону, его маршалам и Старой гвардии вырваться из ловушки, избежав гибели или плена. Определяя главную причину срыва

операции по полному окружению и уничтожению французских войск как несогласованность действий российских генералов и армий, преподаватель может отойти от традиционного представления адмирала Чичагова в качестве главного виновника, справедливо возложив свою дою ответственности на Кутузова и Витгенштейна [15, с. 448, 450-451].

Выводы

Итоги Отечественной войны 1812 г. для учебной аудитории в первую очередь должны запомниться картиной невиданного разгрома гигантских сил собранных Наполеоном по всей Европе: из армии завоевателей в 600 тысяч назад возвратилось менее десятой части – по оценкам ряда исследователей за несколько месяцев войны неприятель потерял в России свыше полумиллиона солдат (включая пленных) [5, с. 329; 14, с. 495; 16, с. 319]. Русская катастрофа станет решающим фактором, определившим гибель наполеоновской империи и освобождение Европы от французского владычества. Не менее важно и осознание учащимися того следа, который двенадцатый год оставил в российской культуре (включая шедевры архитектуры, живописи и литературы). Однако наибольшую сложность в анализе исторических итогов 1812 г. представляет понимание главного противоречия, порожденного этой самой значительной победой России за весь имперский период ее истории: с одной стороны – наступает период апогея могущества Российской империи, которая после взятия Парижа и присоединения Польши расширилась от Вислы до Юкона и возложила на себя ношу европейского жандарма и бремя решения восточного вопроса, а с другой – кардинальные изменения в общественном сознании порождают среди молодых ветеранов войны движение декабристов, нацеленное на насильственную ломку самодержавия и крепостничества, которое несмотря на свое поражение, откроет начало исторического отсчета времени на пути великой империи к ее революционному краху. И конечно, подведение исторических итогов по проблематике Отечественной войны 1812 г. невозможно вне акцентированного внимания к краеведческим аспектам темы, представляющей одну из самых ярких страниц истории Калужского края.

Список источников

1. Безотосный В.М. Наполеоновские планы: проект завоевания Индии Наполеона Бонапарта. М.: Русские витязи, 2017. 72 с.
2. Безотосный В.М. А была ли война Отечественной? // Родина. 2012. № 6. С. 4 – 8.
3. Безотосный В.М. Два императора // Родина. 2002. № 8. С. 6 – 9.

4. Давыдов Д.В. Военные записки. М.: Воениздат, 1982. 358 с.
5. Жилин П.А. Отечественная война 1812 г. М.: Наука, 1988. 496 с.
6. Земцов В.Н. Пожар Москвы 1812 года. Миф и история. М.: Издательский дом «Тион», 2025. 364 с.
7. История России. 9 класс: учебник для общеобразовательных организаций: в 2 ч. Ч. 1. под. ред. А.В. Торкунова. М.: Просвещение, 2016. 160 с.
8. Ицков А.Н. Разведчик, партизан, военный министр России // Военно-исторический журнал. 1995. № 1. С. 72 – 75.
9. Курков В.В. Донские казаки в белорусском рейде полковника А.И. Чернышева в 1812 г. // Казачество. 2022. № 65
10. Курков В.В. Индийский поход донских казаков: несостоявшаяся катастрофа 1801 г. // Казачество. 2022. № 62 (5). С. 34 – 41
11. М.И. Кутузов. Сборник документов. Том IV. Часть 2. М.: Военное издательство, 1955. 852 с.
12. Михайловский-Данилевский А.И. Описание Отечественной войны 1812 г. М.: Яуза, Эксмо, 2007. 576 с.
13. Попов А.И. «Летучий корпус» генерала Ф. Винцингероде в 1812 г. М.: ООО «Книга», 2011. 104 с.
14. Строков А.А. История военного искусства. СПб.: Полигон, 1994. Т. 4. 680 с.
15. Троицкий Н.А. 1812. Великий год России. М.: Омега, 2007. 560 с.
16. Троицкий Н.А. Фельдмаршал Кутузов: мифы и факты. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 2002. 367 с.
17. Федоренко Н.В. Отечественная война 1812 г. и деятельность российских спецслужб // Вестник СПбГУКИ. 2013. № 1 (14). С. 151 – 158.
18. Чандлер Д. Военные кампании Наполеона. Триумф и трагедия завоевателя. М.: ЗАО Изд-во Центрполиграф, 1999. 693 с.

References

1. Bezotosny V.M. Napoleonic plans: Napoleon Bonaparte's project for the conquest of India. M.: Russian Knights, 2017. 72 p.
2. Bezotosny V.M. Was there a Patriotic War? Homeland. 2012. No. 6. P. 4 – 8.
3. Bezotosny V.M. Two Emperors. Motherland. 2002. No. 8. P. 6 – 9.
4. Davydov D.V. War notes. M.: Voenizdat, 1982. 358 p.
5. Zhilin P.A. Patriotic War of 1812. M.: Nauka, 1988. 496 p.
6. Zemtsov V.N. Fire of Moscow 1812. Myth and history. M.: Tion Publishing House, 2025. 364 p.
7. History of Russia. Grade 9: textbook for general education organizations: in 2 parts. Part 1. edited by A.V. Torkunov. M.: Education, 2016. 160 p.
8. Itskov A.N. Scout, partisan, Minister of War of Russia. Military History Journal. 1995. No. 1. P. 72 – 75.
9. Kurkov V.V. Don Cossacks in the Belarusian raid of Colonel A.I. Chernyshev in 1812. Cossacks. 2022. No. 65
10. Kurkov V.V. Indian campaign of the Don Cossacks: the failed catastrophe of 1801. Cossacks. 2022. No. 62 (5). P. 34 – 41
11. M.I. Kutuzov. Collection of documents. Volume IV. Part 2. M.: Military Publishing House, 1955. 852 p.
12. Mikhailovsky-Danilevsky A.I. Description of the Patriotic War of 1812. M.: Yauza, Eksmo, 2007. 576 p.
13. Popov A.I. “Flying Corps” of General F. Wintzingerode in 1812. M.: LLC “Kniga”, 2011. 104 p.
14. Strokov A.A. History of military art. St. Petersburg: Polygon, 1994. T. 4. 680 p.
15. Troitsky N.A. 1812. The Great Year of Russia. M.: Omega, 2007. 560 p.
16. Troitsky N.A. Field Marshal Kutuzov: Myths and Facts. M.: ZAO Izd-vo Tsentrpoligraf, 2002. 367 p.
17. Fedorenko N.V. Patriotic War of 1812 and the Activities of Russian Special Services. Bulletin of SPbGUKI. 2013. No. 1 (14). P. 151 – 158.
18. Chandler D. Napoleon’s Military Campaigns. The Conqueror’s Triumph and Tragedy. M.: ZAO Izd-vo Tsentrpoligraf, 1999. 693 p.

Информация об авторе

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 339.9

Проблемные аспекты истории развития железнодорожных перевозок на территории Калужской области в постсоветский период

¹ Штепа А.В.,
¹ Кукушкин В.М.,
¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье исследуется эволюция железнодорожной инфраструктуры Калужской области в постсоветский период (с 1990-х гг. по настоящее время), фокус направлен на динамику пассажирских перевозок. Цель работы – выявить проблемы и показать возможные варианты развития железнодорожного транспорта в Калужской области в период с 1991 г. по настоящее время. В 90-е годы XX века железнодорожная отрасль переживала кризис: сокращение грузопотока и закрытие предприятий снизили востребованность путей сообщения. Переломным моментом стал запуск в 1999 г. экспресса «Москва – Калуга», предложившего повышенный комфорт. Важными вехами стало появление (и последующая отмена) «ускоренных электропоездов» (2000-2010-е гг.), переориентация с международных маршрутов (Москва – Киев) на внутренние («Дневные экспрессы» Москва – Брянск через Калугу с двухэтажными составами с 2019 г.). Ещё одним аспектом нашей работы становится вопрос влияния геополитики – сокращение поездов Украины/Молдавии после 2014 г. и их полное исчезновение к 2020 г. После 2022 г. активное развитие получили поезда южного направления, несколько оживившие пассажирское движение в Калужской области. В статье рассматривается вопрос о перспективах развития Московских центральных диаметров (далее – МЦД) в контексте планов их продления в регионы.

Ключевые слова: железнодорожный транспорт, Калужская область, транспортная инфраструктура, межгосударственное взаимодействие, 1990-е годы, Российская Федерация

Для цитирования: Штепа А.В., Кукушкин В.М. Развитие железнодорожной сети на территории Калужской области в постсоветский период // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 110 – 114.

Поступила в редакцию: 15 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 18 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Railway transport development in the Kaluga Region in the post-Soviet period

¹ Shtepa A.V.,
¹ Kukushkin V.M.,
¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article examines the evolution of the railway infrastructure of the Kaluga region in the post-Soviet period (from the 1990s to the present), focusing on the dynamics of passenger transportation. The purpose of the work is to identify problems and show possible options for the development of railway transport in the Kaluga region in the period from 1991 to the present. The turning point was the launch of the Moscow – Kaluga express in 1999, which offered increased comfort. Important milestones were the appearance (and subsequent cancellation) of "accelerated electric trains" (2000-2010), the reorientation from international routes (Moscow – Kiev) to domestic

ones ("Daytime express trains" Moscow – Bryansk via Kaluga with double-decker trains from 2019). Another aspect of our work is the issue of the influence of geopolitics – reduction trains of Ukraine/Moldovans after 2014 and their complete disappearance by 2020. After 2022, southern trains were actively developed, which somewhat revived passenger traffic in the Kaluga Region. The article discusses the prospects for the development of the Moscow Central Diameters (hereinafter – MCDs) in the context of plans to extend them to the regions.

Keywords: railway transport, Kaluga region, transport infrastructure, interstate cooperation, 1990s, Russian Federation

For citation: *Shtepa A.V., Kukushkin V.M. Railway transport development in the Kaluga Region in the post-Soviet period. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 110 – 114.*

The article was submitted: April 15, 2025; Approved after reviewing: June 18, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Инфраструктурное развитие Калужской области в постсоветский период проходило несколько сложнейших этапов. Железная дорога в период 1990-х гг. во многом работала на советском заделе, не претерпевая качественных изменений в лучшую сторону. Сокращение выпуска продукции или закрытие предприятий негативно сказалось на надобности путей сообщения, промышленного железнодорожного транспорта. Объём грузоперевозок значительно снизился, в сфере пассажирских перевозок не наблюдалось коренных изменений вплоть до запуска экспрессов Москва – Калуга в 1999 году [5].

Материалы и методы исследований

Исследование основано на публикациях СМИ [1-2, 5-7, 11-12], данных сервисов, предоставляющих расписание поездов как в определённый исторический период, так и в настоящее время [3-4], официальной информации компаний, предоставляющей услуги в сфере пассажироперевозок [8], иных ресурсов, раскрывающих аспекты технологического устройства подвижного состава [9-10], а также на личных воспоминаниях автора. В статье использовались ретроспективный, историко-сравнительный и хронологический методы, в совокупности позволяющие получить более достоверные результаты исследования.

Результаты и обсуждения

Запуск межрегиональных экспрессов Калуга – Москва стало новым словом в пассажирских перевозках калужского региона. Три класса обслуживания, сокращение времени пути на 1,5 часа, буфет, санузлы в каждом чётном вагоне, проводники и повышенный уровень обслуживания пришлось по душе жителям города Калуги и Калужской области. К сожалению, с годами уровень обслуживания становился всё ниже. После замены электропоездов серии ЭД4МК и передачи их на второстепенные маршруты при капитальном ремонте и фактической переделке в «обычные» электрички с

полной заменой салона и выходом на линию электропоездов ЭД4М (с 2014-2015 гг.) был убран третий класс и буфет, при этом остались санузлы в каждом чётном вагоне [9]. В последних электропоездах ЭП2Д произошло ещё одно изменение: из компоновки электропоезда убран первый класс, а санузлов на весь состав из 11 вагонов осталось только два: в головном и хвостовом вагонах поезда [10]. Кроме этого, с расширением московского транспортного узла происходило и постепенное размытие понятия «экспресс»: добавлялись новые остановки на территории Москвы (Апрелевка и Аминьевская – два крупных пересадочных узла на Киевском направлении МЖД). На данный момент разница между стандартными электропоездами и экспрессами в скорости составляет около 25-30 минут.

В период 2000-2010-х гг. популярность приобретают так называемые «ускоренные электропоезда». В отличие от экспрессов, это были стандартные составы, которые шли практически по расписанию экспресса с разницей в 5-10 минут. Ускоренные электропоезда ходили по маршрутам Калуга – Москва, Сухиничи – Москва. На данный момент практика ускоренных электропоездов ушла в прошлое [2]. Однако стоит отметить тот факт, что с момента запуска МЦД-4 стандартные электропоезда были несколько ускорены (в среднем на 10-15 минут) за счёт меньшего числа остановок на участке Апрелевка – Москва – Киевская.

В 2014 году РЖД планировало реализовать проект скоростных поездов Москва – Киев с временем в пути 6 часов. Однако в связи с внутриполитической обстановкой в соседнем государстве от данного проекта пришлось отказаться. Однако, благодаря одному неудавшемуся проекту появился другой – РЖД совместно с ФПК (Федеральной пассажирской компанией) реализуется проект «Дневных экспрессов» по маршруту Москва – Брянск (с прохождением через Калугу по станции Калуга – II (в настоящее время – Калуга – Сергиев

Скит). Расстояние между Москвой и Брянском поезда преодолевают за 4 часа, Калуга является своеобразной «серединой» маршрута (время в пути от Брянска до Калуги составляет 2 часа, от Калуги до Москвы – чуть менее двух часов). С 2019 года составы были заменены на двухэтажные, которые представлены четырьмя классами обслуживания: сидячими вагонами (стандартными и компоновки «бизнес»), купе и СВ [8].

Следует подчеркнуть, что длительное время киевское направление Московской железной дороги было крайне востребовано как соединительная линия между Россией, Украиной и Молдавией. Со времени свержения в результате майдана режима президента Януковича и приходу к власти прозападных сил пассажирское сообщение неуклонно снижалось. Пассажирские поезда формирования «Укрзалізниця» (АО «Украинская железная дорога») и Молдавских железных дорог делали всё меньше остановок на территории России. Несмотря на это, вплоть до пандемии коронавирусной инфекции в 2020 году на территории Калужской области можно было встретить проходящие поезда расцветки железных дорог Украины и Молдавии (Москва – Кривой Рог (следовал через станцию Калуга – I с тарифной остановкой; Москва – Кишинёв (следовал через станцию Калуга – II без остановки).

Интересным проектом становится запуск в 2019 году поезда дальнего следования Москва Киевская – Москва Павелецкая и обратного Москва Павелецкая – Москва Киевская. Впервые с советского периода поезд связал отдалённые населённые пункты Калужской, Тульской, Московской областей со столицей. В Калужской области поезд делал остановки в Обнинске, Малоярославце, Калуге (станция Калуга – I) [3]. Удобное расписание позволяло его использовать как альтернативу электропоездам и экспрессам, а низкая стоимость билета наряду с этим предоставляла и более высокий класс обслуживания, в отличие от пригородных составов. К сожалению, во время пандемии коронавирусной инфекции поезд был отменён, а после так и не восстановлен в расписании.

С началом проведения СВО и загруженностью основных магистралей на южном направлении вследствие закрытия аэропортов и невозможности авиационного сообщения принимается решение о запуске круглогодичных маршрутов в направлении «на юг» через ранее не востребованные участки. Так, поезд №83/84 Москва – Адлер и поезд №109/110 Москва – Анапа теперь проходят через территорию Калужской области, улучшив транспортную доступность города и области с южными регионами России. Летом добавляются сезонные

дополнительные поезда дальнего следования в направлении Анапы, Адлера, Ейска, Симферополя, Евпатории [4].

В последнее время в вопросе пригородных перевозок идут активные обсуждения продления МЦД – 4 до территории Калужской области (вплоть до самого города), сам же диаметр назван Калужско–Нижегородским [7]. Департаментом транспорта г. Москвы опубликована карта развития диаметров, хотя на данный момент вопрос целесообразности их строительства остаётся открытым. Сегодня 4-й диаметр остаётся в определённых моментах довольно проблемным. Несмотря на то, что первоначальные моменты, связанные с запуском движения, удалось решить, пассажиры до сих пор жалуются на «уставший» подвижной состав и плохое качество обслуживания (грязные вагоны, незакрывающиеся двери, отсутствие минимального комфорта во время поездки) [1]. Отметим, что указанные проблемы постепенно решаются, благодаря обновлению подвижного состава, запуска Иволг 4.0 и ЭП2ДМ [6]. Кроме этого, в настоящее время существует проблема низкой наполняемости электропоездов на участках Калуга – Малоярославец, за исключением пятницы (в направлении Калуги) и воскресенья (в направлении Москвы). Вопрос более активного развития пригородного железнодорожного сообщения на территории региона и с соседней Тульской областью также требует проработки на межрегиональном уровне.

Выводы

В статье основное внимание было уделено некоторым важным моментам развития железных дорог общего пользования в период после распада Советского Союза. Железная дорога до сих пор является важнейшей структурной составляющей транспортной системы Калужской области, связывая регион со столичным транспортным узлом, соседними областями и многими крупными городами.

Можно выделить несколько ключевых этапов развития железной дороги для Калужской области в данный период. 1. «Советский задел»: использование инфраструктуры и подвижного состава, оставшегося от МПС СССР, отсутствие качественных положительных изменений. 2. Запуск межрегионального экспресса повышенной комфортности Калуга – Москва, который позволил добираться до столицы более безопасно, с большим комфортом и меньшим временем в пути. 3. Попытки запуска высокоскоростного поезда Москва – Киев, свёрнутые в связи со сложной геополитической обстановкой, и как итог – запуск скоростных поездов Москва – Брянск (с

остановкой на станции Калуга – II), благодаря чему время в пути от Калуги до Москвы сократилось до двух часов. 4. Этап «разгрузки» Киевского направления – коронавирусная инфекция и приостановление межгосударственного сообщения. 5. Переориентация внутригосударственных пассажирских перевозок на освободившиеся пропускные способности магистрали.

Говоря о перспективах развития межрегиональных взаимосвязей и железнодорожной инфра-

структуры, нельзя не сказать о планах продления МЦД-4 (Калужско – Нижегородского) до территории Калужской области. Насколько данные планы являются реализуемыми и экономически целесообразными – вопрос остаётся открытым, так же, как и улучшение железнодорожного сообщения между Калугой и Тулой – двумя наиболее близко расположенными областными центрами.

Список источников

1. Задержки электричек, долгая дорога, холод и не только: пассажиры МЦД – 4 – о проблемах во время поездок // Интернет – издание MSK1 [Электронный ресурс]. URL: <https://msk1.ru/text/transport/2023/12/07/72989255/?ysclid=lw6qwo3uz9113603234> (дата обращения: 14.03.2025)
2. Новые ускоренные электропоезда // Форум московского общественного транспорта [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/3Ms75Y> (дата обращения: 14.03.2025)
3. Расписание поезда 603/604 Москва Киевская – Москва Павелецкая // Туту. Ру [Электронный ресурс]. URL: https://www.tutu.ru/poezda/view_d.php?np=49c852&ysclid=lw6qmfcarrh22524825 (дата обращения: 14.03.2025)
4. Расписание поездов станции Калуга – I // Яндекс Расписание [Электронный ресурс]. URL: <https://rasp.yandex.ru/station/2000345/?date=all-days> (дата обращения: 14.03.2025)
5. Ровно пять лет по маршруту ст. Калуга – I – Москва начала ходить вторая пара скоростных электропоездов «Экспресс» // Московская железная дорога [Электронный ресурс]. URL: <https://mzd.rzd.ru/ru/3742/page/104069?id=114142&ysclid=lw6qc3xes3140323021> (дата обращения: 14.03.2025)
6. Семь новейших поездов «Иволга 4.0» одновременно вышли на МЦД -4 // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2025/05/05/reg-cfo/letiat-ivolgi.html> (дата обращения: 30.03.2025)
7. Участок Киевского направления МЖД назовут Калужским // Градостроительный комплекс Москвы [Электронный ресурс]. URL: <https://stroimsk.ru/news/uchastok-kiievskogho-napravleniia-mzhd-nazovut-kaluzhskim> (дата обращения: 14.03.2025)
8. Фирменные поезда // РЖД Пассажирам [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rzd.ru/ru/9319/page/51772?accessible=true&id=292&ysclid=lw6rauah42108937379> (дата обращения: 14.05.2025)
9. Электропоезд повышенной комфортности ЭД4М-0451 // Российские электропоезда [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rus-etrain.ru/series/trains/0451> (дата обращения: 14.05.2025)
10. Электропоезд повышенной комфортности ЭП2Д-0083 // Список подвижного состава (Railgallery) [Электронный ресурс]. URL: <https://railgallery.ru/railcar/183962/?ysclid=lw6qsqcbmh793371251> (дата обращения: 14.03.2025)
11. В Киев за семь часов // Гудок [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gudok.ru/zdr/175/?ID=1034303&archive=31747> (дата обращения: 30.03.2025)
12. РЖД не будет запускать скоростное сообщение с Киевом // ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1222433> (дата обращения: 30.03.2025)

References

1. Commuter train delays, long journeys, cold and more: MCD-4 passengers talk about problems during trips. Internet publication MSK1 [Electronic resource]. URL: <https://msk1.ru/text/transport/2023/12/07/72989255/?ysclid=lw6qwo3uz9113603234> (accessed on 14.03.2025)
2. New high-speed electric trains. Moscow public transport forum [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/3Ms75Y> (accessed on 14.03.2025)
3. Schedule of train 603/604 Moscow Kyiv – Moscow Paveletskaya. Tutu. Ru [Electronic resource]. URL: https://www.tutu.ru/poezda/view_d.php?np=49c852&ysclid=lw6qmfcarrh22524825 (date of access: 14.03.2025)

4. Train schedule of Kaluga – I station. Yandex Schedule [Electronic resource]. URL: <https://rasp.yandex.ru/station/2000345/?date=all-days> (date of access: 14.03.2025)
5. Exactly five years ago, the second pair of high-speed electric trains "Express" began running on the route Kaluga – I – Moscow station. Moscow Railway [Electronic resource]. URL: <https://mzd.rzd.ru/ru/3742/page/104069?id=114142&ysclid=lw6qc3xes3140323021> (date of access: 14.03.2025)
6. Seven newest trains "Ivolga 4.0" simultaneously entered service on MCD-4. Rossiyskaya Gazeta [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2025/05/05/reg-cfo/letiat-ivolgi.html> (date of access: 30.03.2025)
7. Section of the Kyiv direction of the Moscow Railway will be called Kaluga. Urban development complex of Moscow [Electronic resource]. URL: <https://stroimsk.ru/news/uchastok-kiievskogho-napravleniia-mzhd-nazovut-kaluzhskim> (date of access: 14.03.2025)
8. Branded trains. Russian Railways Passengers [Electronic resource]. URL: <https://www.rzd.ru/ru/9319/page/51772?accessible=true&id=292&ysclid=lw6rauah42108937379> (date of access: 14.05.2025)
9. Electric train with increased comfort ED4M-0451. Russian electric trains [Electronic resource]. URL: <https://www.rus-etrain.ru/series/trains/0451> (date of access: 14.05.2025)
10. Electric train with increased comfort EP2D-0083. List of rolling stock (Railgallery) [Electronic resource]. URL: <https://railgallery.ru/railcar/183962/?ysclid=lw6qsqcbmh793371251> (date of access: 03/14/2025)
11. To Kyiv in seven hours. Gudok [Electronic resource]. URL: <https://www.gudok.ru/zdr/175/?ID=1034303&archive=31747> (date of access: 03.30.2025)
12. Russian Railways will not launch high-speed service to Kiev. TASS [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/1222433> (date of access: 03.30.2025)

Информация об авторе

Штепа А.В., кандидат исторических наук, доцент, Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Кукушкин В.М., Институт истории и права, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Штепа А.В., Кукушкин В.М., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94: (47)

Российская гвардия в огне Первой русской революции

¹ Андрияйнен С.В.,

¹ Санкт-Петербургский государственный экономический университет

Аннотация: в статье исследуется служебная деятельность российской императорской гвардии в годы первой мировой войны. Автор доказывает, что данная тема является мало исследованной. Исследователь выделяет основные направления деятельности командования Гвардейского корпуса в период с осени 1905 г. до осени 1906 гг. Командование гвардии активно участвовало в подавлении революционных выступлений в Петербурге и других регионах империи. На основе архивных материалов автор показывает принципы отбора гвардейских частей для участия в таких экспедициях. Впервые в российской историографии автор исследует организацию контрпропаганды в частях гвардии. Автор приходит к выводу, что в период революции 1905 г. командование сформулировало новые принципы политик по управлению гвардейскими частями.

Ключевые слова: военная история, Первая революция в России, российская императорская гвардия, военные реформы

Для цитирования: Андрияйнен С.В. Российская гвардия в огне Первой русской революции // Исторический бюллетень. 2025. Том 8, № 6. С. 115 – 120.

Поступила в редакцию: 16 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The Russian Guard in the flames of the First Russian Revolution

¹ Andriaynen S.V.,

¹ St. Petersburg State University of Economics

Abstract: the article examines the official activities of the Russian Imperial Guard during the First World War. The author proves that this topic is little explored. The researcher identifies the main activities of the Guards Corps command in the period from the autumn of 1905 to the autumn of 1906. The Guard command actively participated in the suppression of revolutionary uprisings in St. Petersburg and other regions of the empire. Based on archival materials, the author shows the principles of selecting guard units to participate in such expeditions. For the first time in Russian historiography, the author explores the organization of counter-propaganda in the guard units. The author comes to the conclusion that during the revolution of 1905, the command formulated new principles of policies for the management of guard units.

Keywords: military history, the First Revolution in Russia, the Russian Imperial Guard, military reforms

For citation: Andriaynen S.V. The Russian Guard in the flames of the First Russian Revolution. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 115 – 120.

The article was submitted: April 16, 2025; Approved after reviewing: June 19, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В 1905 г. в России началась Первая русская революция. За прошедшие 120 лет об этом событии написано множество исследований, опубликованы многочисленные исторические источники. Несмотря на кажущееся обилие литературы, в истории революции хватает «белых пятен». Одним их таковых является судьба российской императорской гвардии в годы революции.

Гвардия была одним из ключевых военных и политических институтов Российской империи. Однако деятельность гвардии в период Первой революции попадает в «зону умолчания». Важным источником по истории гвардейских полков являются их официальные полковые истории. Однако полковые истории гвардейских полков были в основном изданы к началу XX в. и не затрагивали события революции. (Одно из немногих исключений – «История лейб-гвардии Финляндского полка», составленная С.А. Гулевичем [5]). При этом участие гвардии в событиях революции трактовалось в таких изданиях упрощенно: военнослужащие полка демонстрировали верность присяге и преданность престолу, лихо расправлялись с бунтовщиками.

В советское время Первая русская революция было важным сюжетом для исторической науки, однако история гвардейских частей анализировалась в сугубо определенном ракурсе. Советских историков в первую очередь волновал вопрос, как большевики вели революционную пропаганду в частях регулярной армии. Активно изучалась также история революционных выступлений в армии и на флоте [2]. При этом не рассматривался вопрос, как менялась гвардия как государственный институт, какие трансформации в ней проходили.

В период с начала 1990-х гг. были опубликованы несколько работ по истории российской гвардии в начале 20 в. Исследователь Чувардин Г.С. проанализировал состав офицерского корпуса русской императорской гвардии в начале XX в., дал оценку действиям лейб-гвардии Семеновского полка при подавлении Декабрьского вооруженного восстания в Москве [10]. Деятельность гвардейских полков отчасти описана в общих работах по истории Первой русской революции [11].

Однако вне поля зрения исследований по-прежнему остаются процессы, которые проходили в самих гвардейских полках. Как гвардейское командование боролось с революционными настроениями в частях? Пытались ли отцы-командиры заниматься контрпропагандой? Почему на подавление революционных выступлений отправлялись

определенные, конкретно отобранные воинские части гвардии?

В нашей статье мы попытаемся исследовать деятельность российской императорской гвардии в период с октября 1905 по осень 1906 г. Хронологические рамки нашего исследования охватывают высший подъем революции в России (осень 1905 г.) и события лета 1906 г., когда в окрестностях Петербурга бушевали матросские восстания, произошло выступление в элитном Преображенском полку. Эти выступления потребовали масштабных и оперативных действий командования гвардии.

Материалы и методы исследований

Для нашего исследования мы располагаем ценнейшим источником информации – хранящимися в Государственном Архиве Российской Федерации воспоминаниями генерал-квартирмейстера Гвардейского корпуса генерала Г.О. Рауха. По своей должности Раух принимал непосредственное участие в организации службы гвардии, был ближайшим помощником главнокомандующего войск гвардии и Санкт-Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича-младшего.

Важным источником для данной статьи стали материалы полковых архивов частей Гвардейского корпуса. Они позволяют нам понять, как командование гвардейских частей стремилось повысить лояльность военнослужащих, объяснить им необходимость жесткого подавления революционных выступлений.

В данной статье применялся метод хронологического анализа: предпринималась попытка выделить ключевые задачи, связанные с финансированием армии и показать методики их решения.

Результаты и обсуждения

В отличие от частей регулярной армии, гвардейские части не привлекались к участию в русско-японской войне. В действующую армию командировались только отдельные военнослужащие. Гвардия была хорошо укомплектована, что стало одним из факторов быстрого подавления революционных выступлений в Петербурге в январе 1905 г. С весны до осени 1905 г. части гвардии активно привлекались к охране общественного порядка в Петербурге и Варшаве. Гвардейцы успешно выполняли поставленные перед ними задачи, однако у солдат и части офицеров нарастала усталость от высокого напряжения службы. Революционные группировки, в первую очередь эсеры и большевики активизировали свою пропаганду среди частей Петербургского гарнизона. Ситуация требовала, чтобы командование гвардии модернизировало свою политику в отношении нижних чинов.

Однако осенью 1905 г. в гвардии случился кризис командования. Тяжело больной командующий гвардией и округом великий князь Владимир Александрович уже фактически не принимал решений. Новое командование в лице великого князя Николая Николаевича-младшего еще только вступало в свои права. Но время не терпело отлагательства. После обнародования Манифеста 17 октября 1905 г. в Петербурге начались крупные уличные манифестации. Особенный размах они приняли в районе Санкт-Петербургского Технологического института. Для разгона толпы привлекались войска, эскадрон Конной Гвардии ходил в атаку на толпу. При подавлении беспорядков было несколько погибших. Представители революционных партий решили воспользоваться удобным моментом и организовать манифестации уже в память о жертвах и пострадавших 18 октября. Командованию гвардии приходилось решать, как противодействовать новым манифестациям [7; лл. 15-16].

При этом командование гвардии столкнулось сразу с неожиданной проблемой: в условиях нового политического режима после Манифеста 17 октября, никто из политического руководства империи, включая премьера С.Ю.Витте не хотел принимать на себя ответственность за жесткие меры.

С другой стороны, командиры гвардейских частей отказывались принимать меры, не получив четких указаний, опасаясь, что их могут сделать ответственными за возможные «перегибы». Об этом командиры частей вполне определенно объявили на совещании с участием влиятельного петербургского генерал-губернатора Д.В.Трепова. В итоге Трепов прибегнул к совершенно удивительной мере. Чтобы повысить доверие к себе и доказать, что нерешительность в приказах связана не с ним: он пригласил нескольких старших генералов Гвардейского корпуса стоять рядом с ним во время телефонных переговоров с Председателем Совета министров С.Ю. Витте.

В ходе этих переговоров по телефону командиры частей смогли убедиться, что именно Витте предлагал обходиться «без крови» [7; лл. 17об.]. Сама революционная демонстрация в итоге не состоялась, однако ход совещания наглядно показал глубину противоречий среди руководства империи.

26 октября 1905 г. великий князь Николай Николаевич официально вступил в должность Главнокомандующего войсками Гвардии и Санкт-Петербургского военного округа. В тот же день в Петербург пришло известие о восстании военных моряков в Кронштадте. Этот мятеж был опасен и сам по себе, но кроме того на южном берегу Фин-

ского залива напротив Кронштадта располагалась царская резиденция Петергоф. Существовала угроза жизни самого императора.

Для подавления мятежа было отправлено из Петербурга в Кронштадт отряд из "вполне надежных частей" под руководством энергичного начальника. В командиры был выбран командир лейб-гвардии Павловского полка генерал-майор Д.Г.Щербачев. Кроме 2 батальонов родного Павловского полка ему выделили 2 батальона преображенцев и одну артиллерийскую батарею. Уже вечером 26 октября войска были погружены на баржи и с рассветом были в Кронштадте. Это сразу дало успокоение, поскольку в руках у командования крепости была надежная вооруженная сила. Мятеж в Кронштадте был быстро подавлен [7; лл. 19-20].

После решения неотложных задач, новое командование гвардии должно было позаботиться о поддержании «духа» в подразделениях. Одной из мер, которые должны были помочь оздоровить гвардию были смотры гвардейских полков Николаем II, которые организовывали великий князь Николай Николаевич и генерал-квартирмейстер О. Раух.

Такие смотры проводились преимущественно шли в дни полковых праздников, у многих частей эти праздники удобно приходились на ноябрь-декабрь.

Процедура таких смотров была стандартной и проработанной. Полк пребывал в Царское Село, где проживал Николай II, за день до смотра. Вечером перед смотром солдаты полка получали улучшенное питание от имени царя. Офицеры полка приглашались на Высочайший обед. На этом обеде присутствовал император, иногда императрица Александра Федоровна, великий князь Николай Николаевич и полковые офицеры. Посторонние лица на такие обеды не допускались, что должно было создать дружественную атмосферу.

На следующий день в манеже проводился смотр. При этом, если на этот день выпадал полковой праздник, то сначала проводился краткий молебен. Уже в ноябре через такие смотры прошли лейб-гвардии Московский полк, семеновцы, гренадеры, финляндцы [7; л. 22].

В ходе этих смотров император и командование гвардии проверяли настрой и лояльность части, энергию полкового командира. Впоследствии эти данные использовались при назначении тех или иных частей в карательные экспедиции.

Даже не смотря на разгул революционного насилия, командование гвардии неохотно выделяло части петербургского гарнизона для каратель-

ных операций в провинции. В первую очередь стремились защитить саму столицу. Однако из всякого правила существуют исключения.

В ответ на настойчивые просьбы генерал-губернатора Москвы адмирала Дубасова на подавление восстания в древнюю столицу империи был отправлен лейб-гвардии Семеновский полк. При выборе этой части командование руководствовалось несколькими критериями. Полк уже представлялся царю в ноябре 1905 г., смотр прошел хорошо и потому командование корпуса было уверено в настрое семеновцев. Любопытно отметить, что при выборе части не уделялось внимания истории. В октябре 1820 г. В лейб-гвардии Семеновском полку случился знаменитый солдатский бунт. Однако к началу XX в. эта история уже не принималась в расчет.

Кроме того, при выборе семеновцев для экспедиции, сыграла свою роль и специфика размещения гвардейских частей в Петербурге. Великий князь Николай Николаевич предлагал отправить в Москву гренадер или финляндцев, поскольку обе части также представлялись царю. Однако генерал Раух указал своему начальнику, что эти части будет трудно заменить в Петербурге. Лейб-гвардии Финляндский полк был расквартирован на Васильевском острове, лейб-гвардии Гренадерский полк размещался в восточной части Петроградской стороны. Эти районы были отрезаны от Адмиралтейской стороны Петербурга Большой Невой. По соседству с финляндцами и гренадерами других гвардейских частей не было. В то же время семеновцы квартировали на Загородном проспекте, рядом с ними находились казармы лейб-гвардии Егерского полка. Егеря могли в случае необходимости занимать караулы в этом районе [7, л. 47об]. В итоге именно семеновцы были отправлены в Москву и успешно решили поставленную перед ними задачу – подавили восстание [6, с. 88].

Другим исключением из правила – сохранять гвардию «под рукой», в столице, стала отправка кавалерийских частей гвардии на подавление беспорядков в Прибалтике. В декабре 1905 г. в Лифляндскую губернию отправился отряд под командованием командира лейб-гвардии Уланского ее Величества полка генерал-майора А.А. Орлова. Кроме улан, в состав отряда входили 2 эскадрона лейб-гвардии Кирасирского Ее Величества полка, 2 лейб-гвардии стрелковый батальон. После того как весной 1906 г. отряд Орлова вернулся в Петербург, ему на смену был двинут лейб-гвардии Атаманский полк генерал-майора А.Л. Вершинина.

И Орлов и Вершинин были выбраны в командиры отряда как люди, известные своей решительностью. Но в декабре 1905 г. даже энергичный Орлов поначалу был медлителен. Над всеми командирами довлели еще октябрьские дни, свобода прессы и неясность "во что все выйдем". По соглашению с великим князем Николаем Николаевичем Раух написал конфиденциальное письмо Орлову, в котором он требовал «особой решительности». После этого сообщения ободренный Орлов успешно подавил выступления прибалтийских революционеров [7; л. 54 об.].

Помимо подавления революционных выступлений, командование гвардии должно было поддерживать боевой дух и дисциплину среди нижних чинов. Делать это приходилось в сложных условиях.

После манифеста 17 октября в России была ослаблена цензура печати. Это создало новые проблемы для гвардии. В газетах стали выходить статьи с нападками на армию и гвардию. Для того, чтоб отвлечь солдат от чтения таких газет, гвардейское командование решило заняться контрпропагандой. Лично генерал-квартирмейстер Раух нашел подходящую по политической ориентации газету, «Голос Правды», которая издавалась малым тиражом в селе Смоленское за Александроневской лаврой [7, л. 30].

Раух лично вступил в переговоры с владельцем газеты, отставным военным, который ее охотно продал. В редакторы новые владельцы взяли офицера Генерального штаба. Деньги же на издание газеты через великого князя Николая Николаевича передавал лично император Николай II. Газета стала проповедовать умеренно-консервативные взгляды. Однако осуществлялось все дело не вполне удачно. интерес солдат к газете упал.

Несмотря на то, что весной 1906 г. начался спад революционных выступлений, у командования гвардии хватало забот. Сохранялась угроза террористических актов. Особой опасности подвергались офицеры Семеновского полка, поскольку революционная пресса назвала их карателями Москвы. В августе 1906 г. был убит командир полка генерал-майор Г.А. Мин.

После смерти Мина опасность была над полковником Н.К. Риманом, который также отличился при подавлении мятежей в Московской губернии. Революционеры обвиняли Римана в зверствах и бессудных казнях [3, с. 68-70]. В результате полковник Н.К. Риман принял решение взять отпуск и временно уехать за границу. Эта поездка была организована как спецоперация с участием самого царя. Император лично выделил Риману деньги на

поездку. Генерал Раух получил в МВД фальшивый паспорт и предал его Риману [7, лл. 49об-50].

Летом 1906 г. гвардию потрясла история в Преображенском полку. В 1 батальоне этой элитной воинской части случилось солдатское возмущение. Нижние чины батальона отказались идти пешим маршем из Царского Села в Петергоф, чтобы занимать в нем караулы. Кроме того, солдаты выдвинули ряд требований демократического характера. По мнению Рауха причиной беспорядков стала также слабость командования полком. Девять лет преображенцами командовал великий князь Константин Константинович, который «разбаловал» полк. Новый полковой командир генерал-майор В.С. Гадон также не обладал сильной волей. Само выступление было быстро подавлено. К бунтующему батальону был отправлен отряд из гвардейских улан и 3 лейб-гвардии стрелкового полка. Все зачинщики были арестованы [7, лл. 50-51].

Однако этот мятеж имел массу последствий. По предложению Николая II было решено превратить весь 1 батальон Преображенского в дисциплинарную воинскую часть, вывести ее из Петербурга в Новгородскую губернию и оставить там. По мере того, как у солдат батальона заканчивались сроки службы их демобилизовали. Это должно было привести к полному исчезновению всего батальона за несколько лет. Также из Преображенского полка удалялись все офицеры 1 батальона

Однако даже после формального упразднения батальона вся история еще не закончилась. Произойшли большие кадровые перестановки. В отставку были отправлены командир Преображенского полка генерал Гадон и командующий 1 гвардейской пехотной дивизии генерал-майор С.С.Озеров. Новым командующим 1 гвардейской пехотной дивизии был назначен отличившийся в русско-японской войне строевой офицер генерал-лейтенант П.А.Лечицкий. Для пополнения убыли среди офицеров-преображенцев в гвардейскую часть решено было перевести отличившихся армейских офицеров. Однако такой метод комплектования полка офицерами оказался сложным для

исполнения и в очередной раз показал специфику российской гвардии.

Армейские офицеры зачастую не имели денег для службы в очень дорогом Преображенском полку. Чтобы помочь нуждающимся, император Николай II из собственных средств выделил субсидии нуждающимся офицерам. Семейные офицеры получили по 1200 руб., а холостые по 600 руб. [7, лл. 60об-61]

Таким образом, Николай II был вынужден прибегнуть к мере, которую использовал еще его прадед – Николай I. Император Николай Павлович активно ссужал деньги неимущим офицерам гвардии и даже создал для этого специальный, ежегодно пополняемый финансовый фонд [1, с. 296]. Однако, даже не смотря на такую заботу со стороны императора, многие армейские офицеры в конечном счете не прижились в гвардии и вернулись в армейскую пехоту. Этот случай лишний раз доказывает, что гвардия сохраняла свой особый корпоративный дух.

Выводы

В период Первой русской революции российская императорская гвардия пережила серьезные испытания. Она смогла защитить императорскую власть и сохранить политический режим империи от падения. Однако гвардия столкнулась с новыми вызовами. Гвардейскому командованию приходилось заниматься агитацией и контрпропагандой среди собственных солдат. В условиях шаткости гражданского начальства гвардейским генералам приходилось проявлять инициативу и принимать ответственные самостоятельные решения.

Командование Гвардейского корпуса тщательно поддерживало боевой дух и преданность гвардейцев императорскому престолу. Сам император Николай II принимал большое личное участие в проведении «гвардейской политики». При этом император использовал финансовые инструменты, которые активно применялись еще в середине XIX в.

К осени 1906 г. Гвардия полностью преодолела последствия революции и была готова как к боевой, так и повседневной службе.

Список источников

1. Анненков И.В. История Лейб-гвардии Конного полка 1731-1848. Ч. 1. СПб., 1849. 339 с.
2. Басин К.Б. Мятежный батальон. М.: Военное издательство Министерства обороны Союза ССР, 1965. 112 с.
3. Владимиров В. Карательная экспедиция отряда лейб-гвардии Семеновского полка в декабрьские дни на Московско-Казанской железной дороге. М., 1906. 160 с.
4. Высший подъем революции 1905-1907 гг.: Вооруженные восстания. Ноябрь-Декабрь 1905 г. Ч. 2 М: Изд-во Акад. наук СССР, 1955. 1287 с.
5. Гулевич С. История Лейб-гвардии Финляндского полка 1806-1906 гг. Часть третья. СПб., 1906. 501 с.
6. Касаткин-Ростовский Ф.Н. Памятка семеновца СПб, 1909. 98 с.

7. Раух Г.О. Воспоминания // ГА РФ. Ф.Ф.6249. Оп. 1. Д. 1.
8. Смирнов А.А. Индивидуальные черты русской гвардейской пехоты в начале XX в // Пространство и время. 2017. № 2-3-4 (28-29-30). С. 147 – 166.
9. Суряев В.Н. В целях «охранения порядка и внутренней безопасности»: армия и общественная безопасность (1900-1910 гг.) // Военно-исторический журнал. 2018. № 2. С. 4 – 11.
10. Чувардин Г.С. Русская императорская гвардия в событиях революции 1905-1907 гг. // Сборник научных статей (Общества историков России): М: Спутник+, 2005. С. 78 – 101.
11. Bushnell J. Mutiny amid repression Russian soldiers in the Revolution 1905-1906. Bloomington: Indiana univ. press, cop. 1985. 334 p.

References

1. Annenkov I.V. History of the Life Guards Cavalry Regiment 1731-1848. Part 1. St. Petersburg, 1849. 339 p.
2. Basin K.B. Rebellious Battalion. Moscow: Military Publishing House of the Ministry of Defense of the USSR, 1965. 112 p.
3. Vladimirov V. Punitive Expedition of the Life Guards Semenovskiy Regiment Detachment in the December Days on the Moscow-Kazan Railway. Moscow, 1906. 160 p.
4. The Highest Rise of the Revolution of 1905-1907: Armed Uprisings. November-December 1905. Part 2. Moscow: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1955. 1287 p.
5. Gulevich S. History of the Life Guards Finland Regiment 1806-1906. Part three. SPb., 1906. 501 p.
6. Kasatkin-Rostovsky F.N. Memoir of a Semenovets SPb, 1909. 98 p.
7. Raikh G.O. Memories. GA RF. F.F.6249. Op. 1. D. 1.
8. Smirnov A.A. Individual features of the Russian Guards infantry at the beginning of the 20th century. Space and Time. 2017. No. 2-3-4 (28-29-30). P. 147 – 166.
9. Suryaev V.N. For the Purpose of "Maintaining Order and Internal Security": The Army and Public Security (1900-1910). Military History Journal. 2018. No. 2. pp. 4 – 11.
10. Chuvardin G.S. Russian Imperial Guard in the Events of the Revolution of 1905-1907. Collection of Scientific Articles (Society of Historians of Russia): M: Sputnik+, 2005. P. 78 – 101.
11. Bushnell J. Mutiny amid repression Russian soldiers in the Revolution 1905-1906. Bloomington: Indiana univ. press, cop. 1985. 334 p.

Информация об авторе

Андрияйнен С.В., кандидат исторических наук, доцент, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0071-3599>, Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 191023, г. Санкт-Петербург, наб. канала Грибоедова, д. 30-32, литер А, andriainen2012@yandex.ru

© Андрияйнен С.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 930:01"1941/1945"

Формирование информационного поля о Великой Отечественной войне: библиографический ракурс

¹ Бернгардт Т.В.,

¹ Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского

Аннотация: в фокусе данной статьи находится библиографический указатель «Великая Отечественная война», который даёт панорамное видение событий и образов одного из самых трагических периодов истории нашей страны. Это был социальный проект, выдержанный в традициях советской библиографии, который демонстрирует локализацию исследовательского и общественного интереса общества периода войны. Библиографический текст указателя литературы выдержан в сложившемся дискурсе, типичном для военного времени. При наличии ядра структуры библиографического указателя зафиксирована его мобильность за счёт введения специальных рубрик и подрубрик, что объясняется динамикой отображаемых событий и стремлением составителей была к комплексности представления жизни общества. В указатель включена информация не только о публикациях, непосредственно связанных с боевыми действиями, но и опосредованно, отражающих жизнь страны через науку, образование, культуру, искусство, художественную литературу. В формулировках названий разделов, рубрик, подрубрик и публикаций, информация о которых включалась в указатель, красной нитью проходит мысль о непобедимости русского оружия, основанного на патриотизме советского народа. Значимым был и социальный статус героя публикации. В изучаемом ресурсе автором статьи замечено сочетание признаков, присущих, как научно-вспомогательной, так и рекомендательной библиографии. Для насыщенного информационного поля указателя характерна эмоциональная окрашенность и фактографичность. Метаинформационное полотно библиографического указателя «Великая Отечественная война» позволяет историку использовать его не только как лоцию при выявлении литературы для собственного исследования, но конструировать события и образы периода Великой Отечественной войны.

Ключевые слова: библиографический указатель, Великая Отечественная война, библиографический ресурс, информационное поле, библиографический текст

Для цитирования: Бернгардт Т.В. Формирование информационного поля о Великой Отечественной войне: библиографический ракурс // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 121 – 130.

Поступила в редакцию: 17 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 19 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Formation of the information field about the Great Patriotic War: bibliographic perspective

¹ Bernhardt T.V.,

¹ Dostoevsky Omsk State University

Abstract: the focus of this article is the bibliographic index "The Great Patriotic War", which provides a panoramic view of the events and images of one of the most tragic periods in the history of our country. It was a social project, sustained in the traditions of Soviet bibliography, which demonstrates the localization of research

and public interest of the society during the war. The bibliographic text of the index of literature is based on the prevailing discourse typical of wartime. In the presence of the core structure of the bibliographic index, its mobility is fixed due to the introduction of special headings and subheadings, which is explained by the dynamics of the displayed events and the desire for a comprehensive representation of the life of society. The index includes information not only about publications directly related to the fighting, but also indirectly reflecting the life of the country through science, education, culture, art, and fiction. In the wording of the titles of sections, headings, subheadings and publications, information about which was included in the index, the idea of the invincibility of Russian weapons based on the patriotism of the Soviet people runs through the red thread. The social status of the publication's hero was also significant. In the studied resource, the author of the article noticed a combination of features inherent in both scientific and auxiliary and recommendatory bibliography. The index's rich information field is characterized by emotional coloring and factography. The meta-informational canvas of the bibliographic index "The Great Patriotic War" allows the historian to use it not only as a reference when identifying literature for his own research, but also to construct events and images of the period of the Great Patriotic War.

Keywords: bibliographic index, The Great Patriotic War, bibliographic resource, information field, bibliographic text

For citation: Bernhardt T.V. Formation of the information field about the Great Patriotic War: bibliographic perspective. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 121 – 130.

The article was submitted: April 17, 2025; Approved after reviewing: June 19, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Великая Отечественная война ставила новые задачи перед всеми отраслями научного знания в стране. Многие важные вопросы могли быть решены только на основе тщательного исследования, обобщения и освоения опыта ведущейся войны. Было понимание и того, что Великая Отечественная война явится объектом пристального изучения в будущем. На общем собрании АН СССР 04.05.1942 г. Г.Ф. Александров поставил перед исторической наукой задачу собирания «материалов по истории Великой Отечественной войны советского народа» [1, с. 20]. Историки, на основе большого исторического материала, должны были написать и опубликовать работы по истории обороны Москвы, Ленинграда, Тулы, Одессы, Ростова, Севастополя и других городов. Кроме того, надо было показать всенародный характер партизанской борьбы в оккупированных гитлеровцами областях, осветить вопросы партизанской борьбы в истории Западной Европы прошлых веков [1, с. 20]. Необходимо было создать инструмент, с помощью которого информация о публикуемых материалах была бы доведена до специалистов.

Тема организации и функционирования библиографии в годы Великой Отечественной войны не находится в фокусе внимания современных исследователей. Несмотря на имеющиеся отдельные публикации о работе Книжной палаты и библиотек разных типов в этот период, в которых наряду с другими вопросами

рассмотрена и библиография [3, 4, 16, 17, 18, 25, 33], чаще всего это только упоминания названия составленных ими работ. Между тем созданные в годы войны библиографические указатели помогают нам осмыслить и оценить историческую значимость происходящих в эти годы процессов, исторические факты и создаваемые образы, вписать их в исторический контекст.

Материалы и методы исследований

Библиографические указатели, изданные в 1941-1945 гг. являются своеобразным зеркалом событий отражённых в публикациях этого периода, написанных, в том числе очевидцами и на основе бесед с очевидцами, по горячим следам. Из всего их многообразия в своей статье мы остановимся только на одном из них – ежеквартальном библиографическом указателе «Великая Отечественная война» [5-15], который был подготовлен библиографами Государственной библиотеки имени В.И. Ленина (ГБЛ; ныне Российская Государственная библиотека – РГБ). Такое решение связано, во-первых, с его значительным объёмом (количество библиографических записей в доступных для изучения выпусках варьируется от 2000 до 2500). Во-вторых, с желанием не просто упомянуть о нём в ряду других, а рассмотреть в качестве источника по истории Великой Отечественной войны для современных историков – исследователей этого периода, занимающихся не только узловыми проблемами, но и разрабатывающих более мелкие темы. При анализе выпусков библиографического

указателя «Великая Отечественная война» был использован метод фронтального просмотра.

Результаты и обсуждения

В Государственной библиотеке имени В.И. Ленина, ставшей ещё в 1930-е гг. научным центром страны в области библиотековедения и библиографии, одно из заседаний Учёного совета в 1942 г. было посвящено теме, непосредственно относящаяся к собиранию и хранению документов Великой Отечественной войны [23].

В военном отделе Научно-библиографического отдела библиотеки в начале 1942 г. была сформирована группа (затем – сектор) библиографии Великой Отечественной войны. В ней, по поручению Комиссии по истории Отечественной войны РАН, началась работа по составлению фундаментального библиографического ресурса [28]. Ставилась задача создания научной базы по истории Отечественной войны. Целью создаваемого указателя были учёт и систематизация всей литературы, представляющей интерес для изучения её истории. Изначально он был рассчитан, главным образом, «на использование <...> в научной работе представителями разных специальностей» [5, с. 2]. Однако уже в 1943 г. для решения задачи обслуживания «выборочной библиографией текущих нужд пропагандистов, агитаторов, политработников Красной Армии и Военно-Морского Флота, библиотекарей» [5, с. 2] печатается первый выпуск указателя. Это было хронологическое продолжение библиографии «Великая Отечественная война советского народа» (1942 г.) за первый год войны, составленной специалистами Государственной Публичной Исторической библиотеки для массовых библиотек и изданной тиражом 10 000 экземпляров.

Вопросам проектирования фундаментального библиографического ресурса, организации работы по его подготовке, посвящены статья И.М. Кауфмана [22] и доклад помощника начальника военного отдела ГБЛ П.И. Карклина [21], прочитанный на научной сессии учёного совета ГБЛ, посвящённой 80-летию основания Московского публичного и Румянцевского музеев. Предполагалось, что это будет единая систематическая аннотированная картотека, обеспечивающая текущее справочно-библиографическое обслуживание читателей и учреждений и предназначенная в будущем для издания в виде библиографического указателя. В результате кропотливой работы за три с половиной года библиографы сформировали картотеку, которая включала в себя

библиографическую информацию почти о 90 000 книг и статей [17, с. 457].

Над подготовкой ресурса работали высокопрофессиональные специалисты – видный советский книговед и библиограф И.М. Кауфман и заведующая группой (сектором) Е.А. Яновская, редактором большей части выпусков стал П.И. Карклин. Тираж указателя первоначально составлял 2000 экз., но с восьмого выпуска (апрель-июнь 1944) увеличился до 3000, что свидетельствует о его востребованности.

Репрезентативность информационной базы создания ресурса мы можем оценить с помощью «Списка журналов и газет, обработанных для указателя», который печатался в каждом номере. Если в 1943 г. в нём отражались работы, опубликованные в 20 журналах и 11 газетах, то к осени 1944 г. количество журналов увеличилось до 50, а газет до 14. Список журналов расширялся в основном за счёт отраслевых изданий (Артиллерийский журнал; Вестник воздушного флота; Военно-инженерный журнал; Военно-медицинский журнал; Связь Красной Армии; Советские финансы; Советское здравоохранение; Совхозное производство; Социалистическая законность; Тыл и снабжение Красной Армии и др.). Перечень газет пополнился «Медицинским работником», «Социалистическим земледелием» и «Сталинским соколом».

Из собственно исторических журналов включалась информация о публикациях в двух изданиях. «Исторический журнал», издававшейся с 1937 г., считался главным периодическим изданием для историков. В нём печатались как научные, так и научно-популярные статьи и материалы. С началом войны на его страницах стали публиковаться работы военной и антинемецкой тематики. Журнал «Славяне» – орган Всеславянского (с 1947 г. Славянского) комитета СССР. Его основной целью было «сплочение славянских народов в союзе со всеми свободолюбивыми народами для борьбы против гитлеровской Германии и её вассалов» [32].

С целью расширения поисковых возможностей с седьмого выпуска (январь-март 1944 г.) в библиографию начали включать именной вспомогательный указатель, с помощью которого читатель может выстроить цепочки латентных связей между публикациями. Он содержит фамилии и инициалы (без отчества) авторов книг и статей, редакторов и переводчиков, а также лиц, которым посвящены те или иные отражённые в указателе материалы со ссылкой на номер библиографической записи. При формировании рубрик вспомогательного указателя часто

использовался принцип персональных гнёзд – в них приводились данные (при наличии таковых в библиографических описаниях) о воинском звании, должности автора, роли, которую персона выполняла при подготовке публикации.

С целью обеспечения единообразия в работе, по свидетельству П.И. Карклина, группа по составлению библиографического ресурса подготовила регламентирующие документы: «Положение о библиографии Отечественной войны», инструкцию по библиографическому описанию, инструкцию по аннотированию, схему классификации [21, с. 174].

Однако наличие инструктивно-методических материалов не обеспечивало методическое единство в работе. Возникли трудности с определением понятия «литература об Отечественной войне», – что же именно представляет интерес для научной работы над историей Отечественной войны. П.И. Карклин в своём докладе писал, что необходимо было нащупать грань между литературой об Отечественной войне и материалом, изданным в годы войны на актуальные темы, но непосредственно её не освещающем [21, с. 177].

Стоял вопрос и о принципах отбора литературы. Было принято решение о том, что информация о книгах включается с почти исчерпывающей полнотой. Исключение составляли переиздания книг в регионах, ранее вышедших в центральных издательствах. Что касается периодических изданий, то акцент делался на центральных журналах и газетах. Из отраслевых журналов, как правило, брались публикации, связанные с их спецификой. Более строго отбирались газетные материалы. Отражались специальные сообщения Совинформбюро, опровержения ТАСС, сообщения о налётах немецких самолётов на Москву и Ленинград, о налётах нашей авиации на военные объекты Германии, о преобразовании воинских частей в гвардейские, указы о награждении орденами воинских частей и оборонных предприятий и др. Выборочно включалась информация об очерках, корреспонденциях с фронта, фельетонах и литературных произведениях, напечатанных в газетах [21, с. 175-176].

Начиная с пятого выпуска (июль-сентябрь 1943 г.) в целях экономии места, библиографические сведения о статьях публикуемых одновременно во всех центральных газетах, приводилась только со ссылкой на газету «Правда». Астериск (*), проставленный после библиографического описания означал, что тот же материал помещён в газетах «Известия» и «Красная звезда».

Информация о Приказах Главнокомандующего И. Сталина, приводимая помимо I раздела («Партия большевиков во главе с товарищем Сталиным – организатор и руководитель советского народа против германского фашизма») повторно, в других тематических разделах обозначались знаком «ромб» с точкой посередине и не нумеровалась.

Во избежания дублирования материала с другими библиографическими указателями, специальная военная литература, литература о героическом прошлом страны и о войне на Тихом океане не отражалась [5, с. 2].

Для раскрытия содержания публикации составлялась описательная аннотация, объём которой не должен был превышать 400 печатных знаков. Помимо общих требований, предъявляемых к аннотированию того периода – политическая заострённость, полнота и точное отражение содержания, конкретность, единство стиля, – аннотация, учитывая специфику темы, должна была содержать следующие сведения: «время и место описываемого события, точные данные о героях Отечественной войны или о других действующих лицах (военное звание или должность, имя, отчество, фамилия и пр.); название воинской части, о которой идёт речь (если оно указано [в статьях]); вид описываемых боевых действий и род войск, принимавших в них участие» [21, с. 178-179]. В годы войны появлялись новые виды вооружения, тактика боевых действий менялась с учётом боевого опыта, поэтому особое внимание необходимо было уделять этим вопросам. Также обращалось внимание на выдержанность и единообразие применяемой терминологии, в том числе военной. Изучение доступных выпусков указателя показало, что эти требования к аннотациям выполнялись, и они содержат большой объём фактографической информации. Отдельным аннотациям, наряду с фактографичностью, свойственна и эмоциональная окрашенность. Например, в библиографическую запись на передовую статью «Геройский подвиг 16 защитников Сталинграда», напечатанную в газете «Комсомольская правда» (1942, № 216) включена аннотация следующего содержания: «Бессмертный подвиг 16 гвардейцев-комсомольцев <... [приведены фамилии, инициалы и воинские звания героев] ...>, грудью преградивших путь фашистской пехоте на подступах к Сталинграду и отстоявших рубеж ценой собственной жизни». В библиографическом описании публикаций во всех выпусках после фамилии и инициалов авторов приводились сведения об их воинских, научных и почётных

званиях, входящих в систему государственных наград.

Создавая инструмент, формирующий информационное поле для последующего написания истории Великой Отечественной войны, составители разработали детальную схему систематизации материала. В первоначальной версии она включала в себя свыше 450 рубрик и состояла из 18 разделов, которые, по задумке разработчиков, сводились бы в четыре группы: «Отечественная война советского народа с немецко-фашистскими захватчиками; антигитлеровская коалиция свободолюбивых народов и её борьба с германским фашизмом; фашистская Германия и её вассалы; мемуарная, художественная, детская и справочная литература» [21, с. 174, 179]. Конечно, учитывая динамику военных действий и происходящих событий, при создании проекта библиографического ресурса невозможно было предугадать весь перечень будущих разделов. В окончательном варианте, их количество в разных выпусках варьировалось от 12 до 20. В формулировках разделов, рубрик и подрубрик (не вынесенных в Содержание), в том числе специальных (временных) отчётливо прочитываются ключевые ценностные ориентиры, являющиеся фундаментом исторической памяти о Великой Отечественной войне, сформулированные Национальным центром исторической памяти при Президенте Российской Федерации и названные «Звездой памяти»: Общая победа – подвиг каждого на фронте и в тылу; Общая память. Вклад стран СНГ в Великую Победу; Освободительная миссия Красной Армии. Победа над нацизмом; Спасение советского народа от уничтожения и геноцида; Помощь союзников в годы войны и политика Запада в отношении денацификации [19].

Тематический принцип расположения материалов в указателе совмещён с топографическим, жанровым (раздел «Отечественная война в художественной литературе») и хронологическим.

В конце 1943 – начале 1944 г. структура указателя литературы трансформируется. По мере того как ситуация на фронте менялась и боевые действия смещались к западным границам страны, а затем и переносились на территории других государств захваченных фашистской Германией, появляются новые разделы, подразделы и рубрики, отражающие как эти процессы, так и последствия немецкой оккупации, перспективы послевоенного восстановления. Также мы видим появление тематики связанной с наработанным боевым

опытом Красной Армией, международной политикой, будущими послевоенными проблемами. Приведём их названия: Воинские части Польши, Югославии и Франции на территории СССР; Военное искусство Красной Армии. Боевой опыт Отечественной войны (с подразделами по отдельным родам войск); Герои Отечественной войны (с подразделами по отдельным родам войск); В районах, освобождённых от немецкой оккупации; Злодеяния и зверства гитлеровцев во временно захваченных ими советских районах; Международное положение. Война и экономика. Послевоенные проблемы. В названии раздела «Гитлеровская Германия и её «союзники»» происходит эмоциональное усиление с отрицательной коннотацией. Формулировка меняется. В ней отчётливо видна вертикальная метафора (слово «союзники» заменятся на «вассалы»), активно используемая в советском дискурсе.

В это же время происходит модификация отдельных разделов. Так, в разделе «Положение во временно захваченных оккупантами районах Советского Союза. Борьба населения оккупированных районов против немецко-фашистских захватчиков» подразделы «Угон населения на принудительные работы в Германию» и «Зверства в отношении советских военнопленных» (1942 г.) объединяются в комплексный подраздел «Насильственный увод населения оккупированных районов на принудительные работы в Германию. Положение советских военнопленных в Германии» (1943 г.). Подраздел «Партизанская война» этого же раздела в выпусках указателя 1944 года становится отдельным разделом. Его название детализируется. Оно формулируется как «Советские партизаны – боевые помощники Красной Армии. Партизанская война в тылу врага». Как мы видим, в нём появляется указание не только на принадлежность к «своим» и «чужим», но и подчёркивается роль советских партизан в борьбе с врагом.

Война вызвала к жизни новую риторику – риторику патриотизма, ключевой фразой которой стало «Отечество в опасности» [26, с. 822]. Патриотические чувства советского народа воспитывались на конкретных примерах, которые нашли отражение в насыщенном информацией о публикациях коммуникативном поле изучаемого нами ресурса.

В 1944 году режиссёром Л. Арнштамом на киностудии Союздетфильм был снят художественный фильм «Зоя», посвящённый подвигу Зои Космодемьянской. Статьями на его

выход в газетах «Литература и искусство», «Известия», «Правда» и «Красная звезда» откликнулись О. Берггольц, Д. Еремин, В. Кожевников, К. Симонов и Н. Тихонов. Информация об этих публикациях отражена в рубрике «Театр. Кино» девятого выпуска (июль-сентябрь 1944) библиографического указателя. В 1946 г. фильму была вручена Премия Общества авторов и исполнителей музыки в номинации «За лучший сценарий» на I международном кинофестивале в Каннах. Режиссера, исполнительницу главной роли Г. Водяницкую и кинооператора А. Шеленкова наградили Сталинской премией I степени. Обратим внимание на речевые интенции, используемые в названиях публикаций об этом фильме: «Фильм о победе», «Образ народной героини», «Большое сердце». В том же 1944 году в городе Красноярске была опубликована брошюра [27], в которую были включен плач-сказ 64-летней колхозницы из села Заледеево Емельяновского района Красноярского края, известной сказительницы Е.И. Чичаевой, записанный сибирским фольклористом А. Гуревичем.

Советский воин наделяется рядом характеристик, среди которых важным было определение «социального статуса». Например, в газете «Труд» (1944. № 119) была напечатана статья фронтового корреспондента Н. Асанова под названием «Парень из деревни Обжа». В аннотации на статью указано, что искусный снайпер, Герой Советского Союза Николай Сечкин до войны был простым колхозником из деревни Обжа Курской области.

Языковые средства, используемые в названиях работ и текстах аннотаций, направленные на героизацию и мифологизацию образов советских воинов маркированы эмоционально-экспрессивными признаками. Приведём лишь некоторые примеры: героическая оборона; геройский подвиг; беззаветный героизм севастопольцев зовёт нас на новые подвиги; каждый дом Сталинграда – крепость; героический Сталинград; героический Ленинград; героическая работа врачей Ленинграда; бессмертный подвиг; Орлы Памира; Реквием; герой, повторивший подвиг Александра Матросова. Мы видим акцентуацию внимания на тематике патриотизма, формирования непримиримого отношения к врагу, подвиге и героизме советского человека, самопожертвования, победы в войне как предмета национальной гордости, единения общества в борьбе с врагом, советском воине образце для подражания.

На фоне идей патриотизма складывается образ врага. Одна из используемых тем – отношение фашистов к военнопленным и гражданским лицам, насильно увезённым с оккупированных немцами территорий. В названиях этих работ мы видим фокусировку на морально-этическом аспекте войны: «Рабовладельческое отношение фашистов к советским людям ...» (Красная звезда. 1942. № 190; Спутник агитатора. 1942. № 14), «Рынок невольников» (Правда. 1942. № 215; Красная звезда. 1942. № 180; Спутник агитатора. 1942. № 14), Рынок рабов (Красная звезда. 1942. № 190; Спутник агитатора. 1942. № 14), «Советские люди на немецкой каторге» (Правда, 1942. № 232) и др.

Приведём ещё один пример. В выпуске библиографического указателя за июль-сентябрь 1942 года в рубрике «Угон на принудительные работы в Германию» приведена информация о серии статей, посвящённых судьбе русской девушки увезённой фашистами в Германию, город Кёльн, которая не выдержала условий каторжного труда и покончила жизнь самоубийством. Авторы статей публикуют письмо этой девушки и выдержку из письма немецкому солдату от родных с рассказом об этой трагедии. Работы были напечатаны в газетах «Красная звезда» (№№ 175, 180. 1942), «Комсомольская правда» (№ 208. 1942) и журнале «Спутник агитатора» (№№ 13, 14. 1942).

Специфическим феноменом отечественной письменной культуры военного времени является фронтовое письмо. Речь идёт не только о личной переписке между воевавшими на фронте и их близкими, но и радиописьмах, переписке между воинами Красной Армии и Военно-Морского Флота с незнакомыми им людьми в тылу, письмах фронтовиков, печатавшихся в газетах и отклики на них тружеников тыла. Иногда организатором такой переписки становились комиссии по истории Отечественной войны при региональных органах ВКП (б). Уже в годы войны эта переписка публиковалась в виде отдельных сборников и статей в газетах. Информацию об этих изданиях мы получаем из анализируемого нами библиографического ресурса. Например, в девятом выпуске (июль-сентябрь 1944 г.) в разделе «СССР – единый боевой лагерь. Патриотизм советского народа» приведена информация о нескольких таких публикациях [2, 24, 29, 30, 31].

Не остался вне поля зрения составителей указателя такой компонент, необходимый для написания истории Великой Отечественной войны, как развитие отечественной науки, народного образования, культуры и искусства. В него включалась информация о публикациях,

посвящённых проводимым научным конференциям, общим собраниям Академии наук СССР (АН СССР), работе исторических кафедр и факультетов вузов, организации филиалов АН СССР, созданию новых научно-исследовательских институтов АН СССР (институт русского языка, институт искусств, институт леса), вручении «Медали Франклина» академику П.Л. Капице (1944 г.) и др. Что касается искусства, то например, в 1944 г. исполнилось 100 лет со дня рождения великого русского художника И.Е. Репина. Это послужило поводом для введения в девятом выпуске указателя специальной рубрики «К 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ И.Е. РЕПИНА» (орфография оригинала сохранена). В ней были отражены Постановление Совета Народных Комиссаров Союза ССР об увековечении памяти художника, новые публикации о живописце, о торжественном заседании в Большом театре, посвящённом юбилею.

Таким образом, с помощью библиографических средств через иллюстрацию побед советского солдата, его героизм демонстрируется мощь советского государства, чувство национальной гордости и непобедимости. «Образ врага» не только советского государства, но и всего мира формируется на фоне идей советского патриотизма. В названиях разделов, подразделов, рубрик, названиях публикаций, отражённых в анализируемом указателе литературы и текстах аннотаций мы видим активное использование слов и выражений, вобравших в себя основной нарратив периода войны.

Несмотря на то, что по задумке создателей, библиографический указатель в первую очередь предназначался в помощь исследовательской работе, в нём присутствуют признаки рекомендательной библиографии. Если сложить

все пазлы методических особенностей указателя воедино, то перед нами предстаёт своеобразный симбиоз научно-вспомогательной и рекомендательной библиографии.

Выводы

Подводя итоги анализа библиографического указателя «Великая Отечественная война» отметим, что введение в исследовательское поля историка Великой Отечественной войны данного библиографического ресурса – это не только обращение к нему как к инструменту для выявления литературы для собственного исследования. В годы Великой Отечественной войны библиография была одним из каналов индивидуальной и общественной коммуникации. Через неё формировались и сохранялись образы и представления о событиях и образах Великой Отечественной войны. Библиографический текст в изученном указателе выдержан в сложившемся дискурсе, типичном для социального проекта периода войны, для которого характерна непосредственная связь с ценностными ориентациями советского общества.

В рамках созданного библиографами Государственной библиотеки им. В.И. Ленина ресурса происходит библиографическое моделирование социальной информации о Великой Отечественной войне. Насыщенное информационное поле библиографического указателя «Великая Отечественная война» – подтверждение тезиса, высказанного Д.Д. Ивановым о том, что «историки будут заниматься, – чем дальше, тем больше, – не только основными и узловыми проблемами, но и разработкой относительно менее важных и более мелких проблем. Библиография должна предвидеть это развитие исторической науки» [20, с. 49].

Список источников

1. Александров Г.Ф. Отечественная война советского народа и задачи общественных наук. Москва, Ленинград: Изд-во Академии наук СССР, 1942. 28 с.
2. Ардаматский В. Два миллиона радиописем. Переписка фронтовиков и тружеников тыла по радио // Красная звезда. 1944. № 215. С. 3.
3. Бабарыкин Ю.А. Патриотическая роль библиографической деятельности библиотек в годы Великой Отечественной войны // 70 лет со Дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Материалы науч.-практ. конф. Смоленск, 2015. С. 91 – 95.
4. Бабичева М.Е. Рекомендательная библиография художественной литературы о Великой Отечественной войне в изданиях РГБ в XX веке // Библиография и книговедение. 2025. № 2. С. 71 – 80. DOI: 10.25281/2411-2305-2025-2-71-80
5. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 1. 07-09. 1942 / ГБЛ; [сост. М.С. Воинов, И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1943. 81 с.
6. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 2. 10-12. 1942 / ГБЛ; [сост. М.С. Воинов, И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1943. 75 с.

7. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 3. 01-03. 1943 / ГБЛ; [сост. И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1943. 76 с.
8. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 4. 04-06. 1943 / ГБЛ; [сост. И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1943. 102 с.
9. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 5. 07-09. 1943 / ГБЛ; [сост. И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1943. 107 с.
10. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 6. 10-12. 1943 / ГБЛ; [сост. И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1944. 136 с.
11. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 7. 01-03. 1944 / ГБЛ; [сост. И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1944. 167 с.
12. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 8. 04-06. 1944 / ГБЛ; [сост. И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1945. 193 с.
13. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 9. 07-09. 1944 / ГБЛ; [сост. И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1946. 198 с.
14. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 10. 10-12. 1944 / ГБЛ; [сост. И.М. Кауфман, Е.А. Яновская]. Москва, 1946. 171 с.
15. Великая Отечественная война: указ. лит. Вып. 11-12. 01-06. 1945 / ГБЛ. Москва, 1947. 388 с.
16. Виноградова Н.А., Левнер М.Б. Деятельность библиографической комиссии Академии наук СССР в годы Великой Отечественной войны // Библиотековедение. 2020. Т. 69, № 2. С. 191-201. DOI: 10.25281/0869-608X-2020-69-2-191-201
17. Губина Е.В., Левин Г.Л., Масловская Н.С. Государственная библиотека СССР им. В.И. Ленина в годы войны: подготовка и выпуск библиографических изданий // Библиотековедение. 2020. Т. 69. № 5. С. 455 – 470. DOI: 10.25281/0869-608X-2020-69-5-455-470.
18. Гушул Ю.В. Библиографическая деятельность библиотек в годы Великой Отечественной войны // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2015. № 1 (41). С. 165 – 177.
19. Звезда памяти / Национальный центр исторической памяти при Президенте Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://russiancip.ru/priority-istoricheskoy-pamyati/zvezda-pamyati/> (дата обращения: 25.03.2025)
20. Иванов Д.Д. О научной библиографии истории Великой Отечественной войны // Советская библиография. 1946. № 1. С. 33 – 61.
21. Карклин П.И. Библиография Великой отечественной войны // Восемьдесят лет на службе науки и культуры нашей Родины / Под ред. Н.Н. Яковлева. Москва, 1943. С. 169 – 183.
22. Кауфман И.М. Некоторые вопросы библиографии Великой Отечественной войны // Библиотечный журнал 1944. Бюллетень № 1. Л. 7-16.
23. Коваль Л.М. 60 лет победы. Российская государственная библиотека. Военные годы // Отделы Библиотеки и их работа. [Электронный ресурс]. URL: <http://pobeda.rsl.ru/1-4.html> (дата обращения: 29.03.2025)
24. Корольков Ю. В тылу у бойца миллионы друзей // Труд. 1944. № 233. С. 2.
25. Левин Г.Л. Специализированная библиографическая служба в структуре Российской государственной библиотеки (1918-2018) // Библиотековедение. 2019. Т. 68. № 1. С. 85 – 92. DOI: 10.25281/0869-608X-2019-68-1-85-92.
26. Наука и кризисы: Историко-сравнительные очерки. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин, 2003. 1038 [1] с.
27. Не забыть нам веки-повеки. Светлой памяти Героя Советского Союза З.А. Космодемьянской. Красноярск: Краснояргиз. 1944. 16 с.
28. О реорганизации военного отдела ГБЛ. Письмо директора Государственной библиотеки им. В.И. Ленина Н.Н. Яковлева Секретарю ЦК ВКП (б) товарищу А.С. Щербакову от 11 декабря 1942 // Библиотечное дело России в период Великой Отечественной войны (июнь 1941-май 1945): Документы и материалы / РГБ; сост. А.Л. Дивногорцев. Москва: Пашков дом, 2000. 424 с.: ил. (Отечественная история библиотечного дела).
29. Открытые письма фронтовикам-дагестанцам // Известия. 1944. № 179. С. 3.
30. Письма патриотов / сост. Жуков Ю., Сокова В. Москва: Изд-во «Правда», 1944. 112 с.: ил. (Фронтальная библиотека «Комсомольской правды»).
31. Письма с фронта. Алма-Ата: Казогиз, 1944. 188 с.: портр., ил. (Управление Государственными архивами НКВД Казахской ССР).

32. Славяне (журнал) // Рувики – свободная энциклопедия. [Электронный ресурс]. URL:<https://ru.wikipedia.org/wiki/Славяне> (дата обращения 29.03.2025)

33. Сухоруков К.М. Книжная палата в годы Великой Отечественной войны // Берковские чтения. Книжная культура в контексте международных контактов: К 80-летию Победы в Великой Отечественной войне (1941-1945). Материалы VIII Междунар. науч. конф. Москва: Наука, 2025. С. 294 – 299. DOI: 10.52929/9785605111085294

References

1. Aleksandrov G.F. The Patriotic War of the Soviet People and the Tasks of the Social Sciences. Moscow, Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1942. 28 p.
2. Ardamatsky V. Two Million Radio Letters. Correspondence of Front-Line Soldiers and Home Front Workers by Radio. Krasnaya Zvezda. 1944. No. 215. P. 3.
3. Babarykin Yu.A. The Patriotic Role of Bibliographic Activities of Libraries during the Great Patriotic War. 70 Years since the Victory of the Soviet People in the Great Patriotic War of 1941-1945. Proc. of the Scientific and Practical Conf. Smolensk, 2015. P. 91 – 95.
4. Babicheva M.E. Recommended bibliography of fiction about the Great Patriotic War in Russian State Library publications in the 20th century. Bibliography and Book Science. 2025. No. 2. P. 71 – 80. DOI: 10.25281/2411-2305-2025-2-71-80
5. The Great Patriotic War: index. lit. Issue. 1. 07-09. 1942. GBL; [compiled by M.S. Voinov, I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1943. 81 p.
6. The Great Patriotic War: index. lit. Issue. 2. 10-12. 1942. GBL; [compiled by M.S. Voinov, I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1943. 75 p.
7. The Great Patriotic War: index. lit. Issue. 3. 01-03. 1943. GBL; [compiled by I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1943. 76 p.
8. The Great Patriotic War: index. lit. Issue. 4. 04-06. 1943. GBL; [compiled by I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1943. 102 p.
9. The Great Patriotic War: index. lit. Issue. 5. 07-09. 1943. GBL; [compiled by I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1943. 107 p.
10. The Great Patriotic War: index. lit. Issue. 6. 10-12. 1943. GBL; [compiled by I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1944. 136 p.
11. The Great Patriotic War: index. lit. Issue. 7. 01-03. 1944. GBL; [compiled by I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1944. 167 p.
12. The Great Patriotic War: index. lit. Issue. 8. 04-06. 1944. GBL; [compiled by I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1945. 193 p.
13. The Great Patriotic War: index. lit. Issue 9. 07-09. 1944. GBL; [compiled by I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1946. 198 p.
14. The Great Patriotic War: index. lit. Issue 10. 10-12. 1944. GBL; [compiled by I.M. Kaufman, E.A. Yanovskaya]. Moscow, 1946. 171 p.
15. The Great Patriotic War: index. lit. Issues 11-12. 01-06. 1945. GBL. Moscow, 1947. 388 p.
16. Vinogradova N.A., Levner M.B. Activities of the Bibliographic Commission of the USSR Academy of Sciences during the Great Patriotic War. Library Science. 2020. Vol. 69, No. 2. P. 191 – 201. DOI: 10.25281/0869-608X-2020-69-2-191-201
17. Gubina E.V., Levin G.L., Maslovskaya N.S. The USSR State Library named after V.I. Lenin during the war: preparation and publication of bibliographic publications. Library science. 2020. Vol. 69. No. 5. P. 455 – 470. DOI: 10.25281/0869-608X-2020-69-5-455-470.
18. Gushul Yu.V. Bibliographic activities of libraries during the Great Patriotic War. Bulletin of the Chelyabinsk State Academy of Culture and Arts. 2015. No. 1 (41). P. 165 – 177.
19. Star of Memory. National Center of Historical Memory under the President of the Russian Federation. [Electronic resource]. URL: <https://russiancip.ru/prioritet-istoricheskoy-pamyati/zvezda-pamyati/> (date of access: 03.25.2025)
20. Ivanov D.D. On the scientific bibliography of the history of the Great Patriotic War. Soviet bibliography. 1946. No. 1. P. 33 – 61.
21. Karklin P.I. Bibliography of the Great Patriotic War. Eighty Years in the Service of Science and Culture of Our Motherland. Ed. N.N. Yakovlev. Moscow, 1943. P. 169 – 183.

22. Kaufman I.M. Some issues of the bibliography of the Great Patriotic War. Library Journal 1944. Bulletin No. 1. P. 7-16.
23. Koval L.M. 60 years of victory. Russian State Library. War years. Library Departments and their work. [Electronic resource]. URL: <http://pobeda.rsl.ru/1-4.html> (date of access: 03.29.2025)
24. Korolkov Yu. In the rear of the soldier millions of friends. Trud. 1944. No. 233. P. 2.
25. Levin G.L. Specialized bibliographic service in the structure of the Russian State Library (1918-2018). Library Science. 2019. Vol. 68. No. 1. Pp. 85 – 92. DOI: 10.25281/0869-608X-2019-68-1-85-92.
26. Science and Crises: Historical and Comparative Essays. St. Petersburg: Dmitry Bulanin, 2003. 1038 [1] p.
27. We Will Never Forget. In Blessed Memory of Hero of the Soviet Union Z.A. Kosmodemyanskaya. Krasnoyarsk: Krasnoyarsk. 1944. 16 p.
28. On the Reorganization of the Military Department of the State Library of the Russian Academy of Sciences. Letter from the Director of the Lenin State Library N.N. Yakovlev to the Secretary of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks), Comrade A.S. To Shcherbakov from December 11, 1942. Librarianship in Russia during the Great Patriotic War (June 1941-May 1945): Documents and Materials / RSL; compiled by A.L. Divnogortsev. Moscow: Pashkov Dom, 2000. 424 p.: ill. (Domestic history of librarianship).
29. Open letters to Dagestani front-line soldiers. Izvestia. 1944. No. 179. P. 3.
30. Letters from patriots. compiled by Zhukov Yu., Sokova V. Moscow: Pravda Publishing House, 1944. 112 p.: ill. (Front-line library of Komsomolskaya Pravda).
31. Letters from the Front. Alma-Ata: Kazogiz, 1944. 188 p.: port., ill. (Administration of the State Archives of the NKVD of the Kazakh SSR).
32. Slavs (magazine). Ruwiki – a free encyclopedia. [Electronic resource]. URL: https://ru.ruwiki.ru/wiki_note-1 (date of access 03.29.2025)
33. Sukhorukov K.M. Book Chamber during the Great Patriotic War. Berkov Readings. Book Culture in the Context of International Contacts: On the 80th Anniversary of Victory in the Great Patriotic War (1941-1945). Proc. VIII Int. sci. conf. Moscow: Nauka, 2025. pp. 294 – 299. DOI: 10.52929/9785605111085294

Информация об авторе

Бернгардт Т.В., кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, BerngardtTV@omsu.ru

© Бернгардт Т.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 396.6, 392.37

Положение женщины в семье в арктической и приарктической зонах западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века

¹Надырова Э.И.,

¹Спичак А.В.,

¹Нижевартровский государственный университет

Аннотация: статья посвящена изучению положения женщины в семьях коренных народов в середине XIX – начале XX в. на территориях, соответствующих современным Ямало-Ненецкому автономному округу и двум районам Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, Белоярском и Березовском. Актуальность работы состоит в возрастающей социальной роли женщин, их деятельности во всех сферах жизни общества. В настоящее время, когда пристальное внимание уделяется исследованию жизни населения арктических территорий, влиянию климатических условий на состояние здоровья, рассматриваются вопросы демографии, включая острые социальные проблемы, связанные с угрозами потери культурной идентичности и семейных ценностей. В связи с этим рассмотрение истории положения женщин в Арктике, семейные традиции и обычаи отдельных народов вызывают интерес и нуждаются в изучении. Выявлено, что положение женщин в семье у разных народов в арктической и приарктической зонах Западной Сибири в середине XIX – начале XX в. имело отличия, было более или менее подчиненным. В концепции государственной семейной политики Российской Федерации семья рассматривается как фундаментальная основа российского общества. Ее укрепление должно стать одним из главных приоритетов успешного развития страны, что предусматривает возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук. Результаты исследования можно использовать в современной практике, в том числе в переработке брачного законодательства, учебно-просветительской деятельности, социальном просвещении.

Ключевые слова: Арктика, арктическая зона, приарктическая зона, Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, положение женщины в семье, ханты, манси, ненцы, селькупы, эвенки, коми-зыряне

Для цитирования: Надырова Э.И., Спичак А.В. Положение женщины в семье в арктической и приарктической зонах западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 131 – 137.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 20 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The position of women in the family in the Arctic and near-Arctic zones of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century

¹ Nadyrova E.I.,
¹ Spichak A.V.,
¹ Nizhnevartovsk State University

Abstract: this article is devoted to the study of women's status in the families of indigenous peoples in the mid-19th – early 20th centuries on territories corresponding to today's Yamalo-Nenets Autonomous Okrug and two districts of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, namely Beloyarsky and Berezovsky. The relevance of this work lies in the growing social role of women and their activities in all spheres of social life. Today, with close attention being paid to the study of life in Arctic regions, to the influence of climatic conditions on health, and to demographic issues—including urgent social problems related to the threat of losing cultural identity and family values—the history of women's status in the Arctic, as well as the family traditions and customs of particular peoples, arouses interest and requires further research. It has been revealed that the status of women in the family varied among different peoples in the Arctic and near-Arctic zones of Western Siberia in the mid-19th – early 20th centuries, being more or less subordinate depending on the group. In the concept of the state family policy of the Russian Federation, the family is regarded as the fundamental basis of Russian society. Strengthening it should become one of the main priorities for the country's successful development, making it possible for Russian society to respond effectively to major challenges while taking into account the interactions between humans and nature, between people and technology, and among social institutions at the present stage of global development, including through methods of the humanities and social sciences. The results of this study can be applied in modern practice, including in the revision of marriage legislation, educational and outreach activities, and social enlightenment.

Keywords: Arctic, Arctic zone, near-Arctic zone, Yamalo-Nenets Autonomous Okrug, Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra, women's status in the family, Khanty, Mansi, Nenets, Selkups, Evenks, Komi-Zyrians

For citation: Nadyrova E.I., Spichak A.V. The position of women in the family in the Arctic and near-Arctic zones of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th century. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 131 – 137.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 20, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В условиях глобализации, сопровождающейся утратой присущих каждому народу традиционных культурных черт, их всестороннее исследование приобретает особую актуальность и превращается в насущную проблему. Изучение традиционных брачных и семейных отношений занимает существенное место в области этнографии, так как помогает выявлять характерные черты исторической динамики конкретного этноса. Будучи одним из основных социальных институтов, семья формируется под воздействием исторических перемен во всем обществе. Традиционная обрядность, выполняющая решающее регулятивное назначение и способствующая контролю над бытовым поведением людей, трактуется как важнейший элемент, отражающий «этнический признак» духовной культуры любого народа [13].

В рамках гранта Ректора Нижневартовского государственного университета (2024-2025 гг.) осуществлялся комплексный поиск и анализ разнообразных литературных и документальных источников на тему «Эволюция положения женщин в семье и обществе в арктической и приарктической зонах Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века». В ходе работы были уточнены и географические, и хронологические рамки. Как выяснилось, временной период ограничивается второй половиной XIX – началом XX веков, что связано с доступностью историографических и источниковедческих материалов по данной проблеме. В отличие от обширно изученных советского и современного этапов, дореволюционный период, в котором рассматривается статус женщин в Арктике, остается существенно менее исследованным.

Материалы и методы исследований

Методологической основой стали общенаучные и специальные методы исторической науки, такие общенаучные принципы, как объективность и системность. Исторический подход позволил проследить развитие положения женщин в XIX – начале XX вв. В пространстве антропологически ориентированной истории «исследование имеет в фокусе и человека, и общество в группе, и личность во всех проявлениях». В исследовании задействованы принципы и подходы социальной истории, и следующие методы: историко-генетический, сравнительно-исторический, историко-типологический и проблемно-хронологический. Историко-типологический метод позволил систематизировать факты и сведения исторических источников по их характерным признакам. Такие направления, которым относятся микроистория и история повседневности, способствуют не только анализу судеб людей в меняющихся условиях российской истории, но и выявлению общих тенденций. Применение указанных подходов, направленных на решение единой группы задач и дополняющих друг друга, представляется вполне оправданным и перспективным.

Территориально рассматривалась повседневная жизнь, обычаи и традиции народов, проживающих в арктической и приарктической зонах Западной Сибири – Ямало-Ненецком автономном округе (ЯНАО) и двух районах Ханты-Мансийского автономного округа – Югры (ХМАО-Югры), Белоярском и Березовском.

Результаты и обсуждения

Коренными жителями ЯНАО являются ненцы, селькупы, эвенки и северные ханты. В ЯНАО живут также около шести тысяч коми-зырян. Здесь они называют себя «изъватас». По статистике, в ЯНАО проживает порядка 42 тысяч представителей коренных народов, что составляет 8% от всего населения автономного округа. Наиболее многочисленны среди них ненцы (почти 30 тысяч человек), ханты (9,5 тысяч) и селькупы (около 2 тысяч). По данным Росстата на 2024 г., численность населения ЯНАО – 515 960 человек.

Коренные жители ХМАО-Югры представлены хантами и манси. Это близкородственные народы, образующие группу обских угров. В настоящее время коренные народы края занимают около 2% от общего числа жителей края.

Белоярский район ХМАО-Югры – это один из двух северных районов с компактным проживанием коренных малочисленных народов Севера. По информации территориального органа Федеральной службы государственной статистики

численность коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Белоярского района, составляет 2840 человек (Всероссийская перепись населения 2010 г.). Из них около 300 человек состоит в Реестре территорий традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера регионального значения в ХМАО-Югре и занимается традиционными видами хозяйственной деятельности [10]. Около 10% коренного населения Югры проживает на территории Белоярского района – это ханты и лесные ненцы. По данным переписи 2010 г. в Белоярском районе проживают: ханты – 2 435 ч. манси – 192 ч. ненцы – 213 ч. [9].

Берёзовский район – место компактного проживания народа манси, одно из самых крупных по численности коренного населения в ХМАО-Югре. Коренное население (ханты, манси, ненцы) составляет более 20 % населения района [3].

Рассмотрим, каким было положение женщин в семьях перечисленных народов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в.

А.И. Андреев, изучив жизнедеятельность обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцев, утверждал, что между супругами разводы бывают нередко, однако «мужчины ленивых, неплодородных жен отсылают обратно в семью», «женщина могла уйти и по своей воле, если муж ее избивает» [2].

Обские угры

Обские угры – это два современных народа: ханты и манси. Большая часть представителей этих народов, за исключением небольших периферийных групп, живет в бассейне Оби [12]. Женщина как хранительница очага, как указывает Р.Г. Решетникова находилась у данных народов в центре семьи и дома у нее были свои функции [14].

Ханты

В традиционном хантыйском быту обязанности между домочадцами распределялись весьма чётко, а власть главы семьи была безоговорочна. При этом статус и привилегии женщин регулировались особенно строго: им запрещалось бывать в сакральных местах (за исключением женских святынь), приближаться к культовым амбарам-лабазам, обходить снаружи «передний» (священный) угол дома, а также переступать полагающиеся мужчинам вещи и совершать тому подобные действия [7].

После замужества женщина, поселяясь в доме мужа, практически прекращала связи с отцовской родней, хотя и в семье мужа оставалась «чужеродкой», с чем был связан обширный ряд

этнических и ритуальных запретов. Прежде всего, это проявлялось в избегании, которое женщина начинала соблюдать сразу же после замужества. В хантыйской традиции «избегать» означает закрывать волосы и лицо платком от старших родственников мужа. Эту категорию родственников избегала и мать замужней женщины. Кроме того, теща «закрывалась» от зятя. Ей не полагалось трогать осетра, пойманного затем. Иначе ему не будет удачи в рыбалке. В свою очередь, мужчины старались не смотреть в сторону «стыдящейся» женщины, предупреждать о своем появлении в доме покашливанием. Интересно, что обычай избегания распространялся и на мужчин: тесть с зятем не должны были ходить вместе в баню, туалет. Личную собственность замужней женщины составляли приданое, предметы личного обихода и подарки родителей. Старшая в семье женщина, обычно жена главы семьи, руководила домашними работами, которыми занимались дочери, а затем снохи и внуки [8].

В этнографических описаниях XVIII–XIX веков много свидетельств о существовании многоженства у хантов. документам ревизской переписи 1795 года в Обдорской волости, где проживали некрещенные остяки, было зафиксировано 72 случая, когда у мужчины было несколько жен одновременно. О распространности этой практики среди обдорских хантов упоминал и М.А. Кастрен, а В.Ф. Зуев и С.К. Патканов указывали, что в основном многоженство встречалось у состоятельных групп населения. Нередко мужчине приходилось брать вторую жену, когда первая не справлялась с ведением хозяйства или не могла иметь детей. Кроме того, соблюдение обычая левирата также могло приводить к появлению двоеженства.

Манси

У манси бытовало множество способов заключения брака: сватовство, выкуп, побег, заключение союза с выплатой калыма, покупка, брак с отработкой, колыбельный сговор, браки без официального соглашения, похищение невесты и умыкание. Умыкание практиковалось в двух формах: как заранее оговоренное, если девушка похищалась по взаимному согласию с женихом, и «воровское», когда жених действовал насильственно, похищая невесту [5].

Беременность у манси держалась в глубокой тайне, не исключая и родных: только самые близкие люди могли быть в курсе. Считалось, что в это время женщина особенно уязвима перед сверхъестественными силами, поэтому ее окружали повышенной заботой и стремились

уберечь от любых угроз. Как только женщина понимала, что беременна, на нее возлагались четко прописанные правила поведения. Когда приходило время рожать, она покидала общее жилище и уединялась в отдельной хижине, куда мужчинам не полагалось заходить. После рождения малыша женщина должна была оставаться в этой хижине не меньше трех недель и не показываться там, где могли находиться мужчины [6].

Самоеды (ненцы, селькупы)

Во многих путевых заметках и научных исследованиях подчеркивалось, что женщина у самоедов якобы лишена прав и находится на униженном положении. Однако встречаются и противоположные свидетельства. Так, в одной из работ указывается, что «женщины у самоедов пользуются определенным почтением, и мужья всегда стремятся их радовать дорогими нарядами и самыми лучшими оленями». Б.М. Житков наиболее точно выразил эту мысль, отмечая, что «на протяжении всей жизни самоедов жены играют существенную роль. Нет ничего, что указывало бы на приниженное положение женщины». Даже в отчетах миссионеров зафиксировано, что мужчина не навязывал супруге веру, позволяя ей самой решать вопрос крещения: «желание креститься изъявили еще двое самоедов: один – холостой Хозовоко Хандеров, а другой – женатый Саво-Хозово. Однако его жена, несмотря на все мои убеждения принять православие, упрямо отвергала это: “не буду креститься, если муж крестится, – заявила она. – Если он не хочет, чтобы я оставалась с ним, я готова уйти, пусть найдет себе другую жену”» [11].

В то же время, у самоедов для женщин существовали и некоторые ограничения и запреты. Замужняя женщина исключалась из всех религиозных обрядов, носивших родовой характер. Ограничениям и запретам подвергались девушки с наступлением периода половой зрелости. Женщине не разрешалось подходить к священным нартам, оленям, везущих их, и к их упряжи, посещать священные места, присутствовать «при жертвоприношении. Мало того, им запрещалось перешагивать через орудия промысла и оленеводства, прикасаться к хаю, даже подходить близко к нему, в чуме они не обходили его вокруг. Женщина не должна переходить дорогу движущемуся навстречу обозу, пересекать след охотника [11].

Во время родов женщина ассоциировалась с существом, опасным для чума и его обитателей: «юраки считают родовые муки или «болезнь

чума» самой грешной из всех болезней». «Сделавшись женой и приготавливаясь быть матерью, самоедка всем племенем считается нечистой: она оскверняет своим прикосновением все, до чего ни дотронется» [11].

У ненцев, если была возможность, роженице «устраивается особый чум (сам. Съямай-мия, т.е. нечистая палатка), родильная изба, и роды, большей частью легкие, происходят при пособии опытных женщин». Если не было возможности поставить «сямэй мядику», или мужчина оставался в чуме по какой-то важной причине, то женщина выходила из чума и рожала на нарте, либо на подстеленной шкуре [11].

У ненцев беременная женщина не пользовалась особыми привилегиями. В.Н. Шавров в своих путевых записках писал о том, что ненецкие женщины продолжают вести хозяйство и это «не составляет ни малейшего препятствия самоедам продолжать свою промышленность, а вместе с тем и переходы с места на место» [11].

Исследователи в своих заметках о бесправии женщины в период родов писали, что они «обыкновенно в это время выходят из чума и зимою рожают на снегу, который в первые минуты существования новорожденного служит ему и постелью и баней». Нередко роды у ненцев производились в обычном жилом чуме, откуда удалялись все мужчины и дети: «в последние недели перед родами женщина, по мнению самоедов, сквернит чум своим присутствием; поэтому бедный старается не быть в это время дома» [11].

Не рекомендовалось разбивать стоянку или ночевать в непосредственной близости от культового пространства, поскольку находящиеся там духи могли разгневаться и накликают несчастье на семью человека, осквернившего священное место собственным присутствием. Особенно это касалось женщин: предполагаемая близость с духами рассматривалась как опасная, ведь, согласно поверьям, в определённых физиологических состояниях женщина наиболее уязвима и испытывает дополнительное давление и угрозу со стороны духов. В то же время пожилые женщины и девочки не попадали под эти ограничения [11].

Выводы

Таким образом, статус женщины в семье у разных народов арктических и приарктических районов Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX века неодинаково варьировался, чаще всего оставаясь более или менее зависимым. В настоящее время, когда внимание учёных сосредоточено на жизни населения арктической зоны, влиянии климата на здоровье, а также на вопросах демографии и сложных социальных проблемах, связанных с рисками утраты культурной самобытности и семейных устоев, особый интерес вызывает изучение исторической роли женщины в Арктике, а также семейных норм и традиций различных этнических групп. Все эти аспекты требуют дальнейшего научного исследования.

Финансирование

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Ректора Нижневартовского государственного университета на 2024-2025 гг.

Список источников

1. Александрова Н.А. Сибирская тайга. Тунгусы. М.: Издание А.Я. Панафилина, 1900. 32 с.
2. Коренные малочисленные народы севера, проживающие на территории Белоярского района // Официальный сайт органов местного самоуправления Белоярского района [сайт]. URL: <https://admbel.ru/area/econom/sever/1/62/> (дата обращения: 14.04.2025)
3. Лар Л.А., Вануйто В.Ю. Религиозные традиции ненцев в XVIII – начале XX вв. Тюмень – Салехард: Издательско-полиграфический центр «Экспресс», 2011. 212 с.
4. О жизни обских угров // Финно-угорские библиотеки России [сайт]. URL: https://fulr.karelia.ru/resursy/Finno-ugorskij_mir/Edinstvo_i_raznoobrazie/kalejdoskop191/ (дата обращения: 14.04.2025)
5. Ойунский П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.) / АН СССР, Сиб. отд-ние, Якут. науч. центр, Ин-т яз., лит. и истории. Якутск: Кн. изд-во, 1989. 157 с.
6. Решетникова Р.Г. Традиционная пища обских угров в системе этических норм // Меншиковские чтения – 2021: сборник докладов Всероссийской научной конференции, Берёзово (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра), 12 ноября 2021 г. / Местная общественная организация «Центр развития инициатив в сфере культуры и спорта Березовского района», Муниципальное автономное учреждение «Березовский районный краеведческий музей». Тюмень: Айвекс, 2021. С. 90 – 93.

7. Селькупы // Сайт некоммерческого объединения «Учреждение Фенно-Угрия». [сайт]. URL: clck.ru/3N2Vg5 (дата обращения: 14.04.2025)
8. Андреев А.И. Описание о жизни и упражнении обитающих в Туруханской и Березовской округах разного рода ясачных иноверцах // Советская этнография. 1947. № 1. С. 84 – 99.
9. Березовский район – общая информация // Официальный сайт муниципального образования Березовский район Ханты-Мансийского автономного округа – Югры [сайт]. URL: <https://berezovo.ru/city/> (дата обращения: 14.04.2025)
10. Зенько М.А. Лесные ненцы и их соседи: от этического к этническому // Журнал прикладной психологии. М., 2000. № 6. С. 3 – 8.
11. Иванова В.С. Локальные особенности в обрядности северных манси (конец XIX – начало XXI века): Монография. СПб.: Алмаз-Граф, 2014. 287 с.
12. Иванова В.С. Обрядность северных манси в конце XIX – начале XXI века: локальные особенности: дисс. ... канд. ист. наук: СПб., 2009. 316 с.
13. История и культура хантов / под редакцией Н. В. Лукиной, Томск: Изд-во Том. ун-та, 1995. 162 с.
14. История Ямала: в 2-х т. / под общ. ред. В.В. Алексеева. Т. 1, кн. 2: Ямал традиционный. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2010. 323 с.
15. Коренные жители Белоярского района // Объединенный ресурс «Музеи Югры» [сайт]. URL: <http://www.hmao-museums.ru/gallery/1126/#ci7241> (дата обращения: 14.04.2025)

References

1. Aleksandrova N.A. Siberian taiga. Tungus. Moscow: Publication of A.Ya. Panafidin, 1900. 32 p.
2. Indigenous peoples of the North living in the territory of the Beloyarsky district. Official website of local government bodies of the Beloyarsky district [site]. URL: <https://admbel.ru/area/econom/sever/1/62/> (date of access: 14.04.2025)
3. Lar L.A., Vanuito V.Yu. Religious traditions of the Nenets in the 18th – early 20th centuries. Tyumen – Salekhard: Publishing and Printing Center "Express", 2011. 212 p.
4. About the life of the Ob Ugrians. Finno-Ugric libraries of Russia [site]. URL: https://fulr.karelia.ru/resursy/Finno-ugorskij_mir/Edinstvo_i_raznoobrazie/kalejdoskop191/ (access date: 04/14/2025)
5. Oyunsky P.A. Traditional family and ritual among the Yakuts (XIX – early XX centuries). USSR Academy of Sciences, Sibirsk. department, Yakut. scientific Center, Institute of Languages, lit. and history. Yakutsk: Book publishing house, 1989. 157 p.
6. Reshetnikova R.G. Traditional food of the Ob Ugrians in the system of ethical norms. Menshikov readings – 2021: collection of reports of the All-Russian scientific conference, Berezovo (Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra), November 12, 2021. Local public organization "Center for the Development of Initiatives in the Sphere of Culture and Sports of the Berezovsky District", Municipal Autonomous Institution "Berezovsky District Museum of Local History". Tyumen: Aiveks, 2021. Pp. 90 - 93.
7. Selkups. Website of the non-profit association "Fenno-Ugria Institution". [site]. URL: clck.ru/3N2Vg5 (date of access: 04.14.2025)
8. Andreev A.I. Description of the life and exercise of various kinds of yasak infidels living in the Turukhansk and Berezovsky districts. Soviet ethnography. 1947. No. 1. P. 84 – 99.
9. Berezovsky District – General Information. Official Website of the Municipal Formation Berezovsky District of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Yugra [website]. URL: <https://berezovo.ru/city/> (date accessed: 14.04.2025)
10. Zenko M.A. Forest Nenets and Their Neighbors: From Ethical to Ethnic. Journal of Applied Psychology. Moscow, 2000. No. 6. P. 3 – 8.
11. Ivanova V.S. Local Features in the Ritualism of the Northern Mansi (late 19th – early 21st Century): Monograph. SPb.: Almaz-Graf, 2014. 287 p.
12. Ivanova V.S. Ritualism of the Northern Mansi in the Late 19th – Early 21st Century: Local Features: Diss. ... Cand. hist. sciences: SPb., 2009. 316 p.
13. History and culture of the Khanty. edited by N.V. Lukina, Tomsk: Tomsk University Press, 1995. 162 p.
14. History of Yamal: in 2 volumes. edited by V.V. Alekseev. Volume 1, book 2: Traditional Yamal. Yekaterinburg: Basko Publishing House, 2010. 323 p.
15. Indigenous people of the Beloyarsky District. United resource "Museums of Yugra" [website]. URL: <http://www.hmao-museums.ru/gallery/1126/#ci7241> (accessed: 14.04.2025)

Информация об авторах

Надырова Э.И., Нижневартровский государственный университет, nadyrova.elvina@mail.ru

Спичак А.В., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория комплексных исследований социальных систем, Нижневартровский государственный университет, spichak-89@mail.ru

© Надырова Э.И., Спичак А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 930.24

Историко-хронологическое исследование с использованием методов астрономической хронологии, официально принятых в исторической науке датировок Элейской, Коринфской и Беотийских войн

¹ Волков А.С.,

¹ историк-исследователь, юрист, индивидуальный предприниматель

Аннотация: в статье проводится комплексное историко-хронологическое исследование документальных источников, а также каталогов Солнечных, Лунных затмений и других Астрономических событий, относящихся к периоду времени от 405 до 362 годов до н.э. Целью исследования, в котором применяются специальные методы исторического исследования, а также методы астрономической хронологии является подтверждение или опровержение официально принятых в исторической науке датировок Элейской, Коринфской и Беотийской войн, региональных военных конфликтов последовавших непосредственно за Пелопоннесской войной. Согласно современным данным исторической хронологии считается, что Элейская (Элеанская) война произошла в 402-400 (по другим источникам 401 – 399 или 400-396) годах до н.э., Коринфская война 395-387 годах до н.э., а соответственно Беотийская война 378-362 годах до н.э. Однако, проведённые автором ранее историко-хронологические исследования и датировки методом астрономической хронологии произведений драматургов Древней Греции и последующие датировки «Затмений Фукидида», «Паросской хроники» показали ошибочность официальных датировок этих военных конфликтов.

Проведённое комплексное историко-хронологическое исследование дало возможность, во-первых, доказать ошибочность официально принятых в исторической науке датировок Элейской, Коринфской и Беотийской войн. Во-вторых, получить, методом астрономической хронологии, подлинные датировки этих военных конфликтов и знаменитых сражений при Левктрах и Мантинее, которые согласуются по времени и событиям с хронологической информацией, содержащейся в «Паросской хронике» исследованной автором ранее, а также с датировками «Первого года эры Олимпиад». В-третьих, позволили подкрепить дополнительными астрономическими доказательствами определённые автором ранее подлинные датировки затмений Фукидида и Пелопоннесской войны. В-четвёртых, определить годы жизни знаменитых военачальников и хронологов этого исторического периода Древней Греции.

Ключевые слова: история, хронология, Солнечные и Лунные затмения, «Затмения Фукидида», комета Галлея, Пелопоннесская война, Элейская война, Коринфская война, Беотийская война, Ксенофонт, Диодор Сицилийский, Древняя Греция

Для цитирования: Волков А.С. Историко-хронологическое исследование с использованием методов астрономической хронологии, официально принятых в исторической науке датировок Элейской, Коринфской и Беотийских войн // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 138 – 148.

Поступила в редакцию: 18 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 21 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Historical and chronological research using the methods of astronomical chronology, officially accepted in historical science, dating the Eleatic, Corinthian and Boeotian wars

¹ Volkov A.S.,

¹ Historian-researcher, Lawyer, Individual Entrepreneur

Abstract: the article provides a comprehensive historical and chronological study of documentary sources, as well as catalogs of solar, lunar eclipses and other astronomical events related to the period from 405 to 362 BC. The purpose of the study, which uses special methods of historical research, as well as methods of astronomical chronology, is to confirm or refute the officially accepted in historical science dating of the Eleatic, Corinthian and Boeotian wars, regional military conflicts that immediately followed the Peloponnesian War. According to modern data of historical chronology, it is believed that the Eleatic (Elean) War took place in 402 - 400 (according to other sources 401-399 or 400-396) BC, the Corinthian War in 395-387 BC, and accordingly the Boeotian War in 378-362 BC. However, the author's earlier historical and chronological research and dating of the works of Ancient Greek playwrights using the astronomical chronology method and subsequent dating of Thucydides' Eclipses and the Parian Chronicle showed the erroneousness of the official dating of these military conflicts.

The conducted comprehensive historical and chronological study made it possible, firstly, to prove the erroneousness of the officially accepted dating of the Eleatic, Corinthian and Boeotian wars in historical science. Secondly, to obtain, using the method of astronomical chronology, the authentic dating of these military conflicts and the famous battles of Leuctra and Mantinea, which are consistent in time and events with the chronological information contained in the "Parian Chronicle" previously studied by the author, as well as with the dating of the "The First Year of the Olympian Era". Thirdly, they allowed to support with additional astronomical evidence the authentic dating of the eclipses of Thucydides and the Peloponnesian War determined earlier by the author. Fourthly, to determine the years of life of famous military leaders and chronologists of this historical period of Ancient Greece.

Keywords: history, chronology, Solar and Lunar eclipses, «Eclipses of Thucydides», Halley's comet, Peloponnesian War, Elean War, Corinthian War, Boeotian War, Xenophon, Diodorus Siculus, Ancient Greece

For citation: Volkov A.S. Historical and chronological research using the methods of astronomical chronology, officially accepted in historical science, dating the Eleatic, Corinthian and Boeotian wars. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 138 – 148.

The article was submitted: April 18, 2025; Approved after reviewing: June 21, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Ксенофонт, пять книг второй части одного из своих трудов «Греческая история» [1], посвятил описанию политических и экономических последствий для Древнегреческих полисов поражения Афин в Пелопоннесской войне, которое в конечном счёте привело к череде локальных военных конфликтов на территории Древней Греции. Охватываемый в повествовании Ксенофонта промежуток времени включает военные экспедиции Спарты в Элиду и Ионию, события и сражения, Коринфской и Беотийской войн вплоть до битвы при Мантинее, которая согласно официальной исторической хронологии произошла в 362 году до н.э. Таким образом временной период начавшийся примерно через два года после завершения Пелопоннесской войны нападением Спарты на Элиду и вплоть до сражения при Мантинее составляет непрерывную последовательность боевых действий на суше и на море.

Описанию исторических событий Древней Греции периода, продолжающего «Историю Пелопоннесской войны» Фукидида посвящены обнаруженные в 1904, 1905 и 1934 годах на раскопках в Египетском Оксирихе папирусы, содержащие работу исторического содержания неизвестного автора под условным названием «Оксиринхская греческая история». Этому же периоду истории Древней Греции посвящены созданные в I веке до н.э., согласно официальным хронологическим данным, книги 12, 13, 14 и 15 «Исторической библиотеки» [2] Диодора Сицилийского. Важные хронологические данные о вооружённых конфликтах, на территории Древней Греции и соседних областях Средиземного и Чёрного морей, непосредственно следовавших за Пелопоннесской войной, содержатся в «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха, посвящённых биографиям Алкивиада, Лисандра, Агесилая и Пелопида [3].

Сегодня исторической хронологией для Элейской войны официально принята датировка (в годах до н.э.) 402-400 (401-399 или 400-396), Коринфской войны 395-387, для Беотийской войны 378-362. Однако эти данные не согласуются с установленными и уточнёнными автором датами «Затмений Фукидида» и «Пелопоннесской войны» [4], [5], хронологической информацией, содержащейся в «Паросской хронике» [6], датировками «Первого года эры Олимпиад» [7]. В связи с изложенным актуальность этого историко-хронологического исследования обусловлена тем, что позволяет подтвердить или опровергнуть официально принятые в исторической науке датировки Элейской, Коринфской и Беотийской войн.

Материалы и методы исследований

Методологическим фундаментом данной работы являются следующие каноны научного исследования: анализ военно-политических инцидентов, астрономических и природно-географических феноменов, а также социально-культурных процессов в их непрерывном поступательном движении и временной взаимосвязи; критический и системный подход к изучению первичных и вторичных источников хронологической информации; комплексность и объективность. В качестве краеугольного исследовательского инструмента в проводимой научной работе приоритет был отдан методу астрономической хронологии. Для обеспечения качественного и всестороннего анализа хронологии событий временного периода 405 - 362 годов до н.э. в Древней Греции в работе дополнительно был использован весь набор обязательных методов исторического исследования, таких как: системный, генетический, сравнительный и типологический. При изучении исторических документов особый интерес представляли хронологические данные по регионам где были зафиксированы вооружённые столкновения Элейской, Коринфской и Беотийской войн между государствами, располагавшимися на территории Древней Греции.

Целью проводимого научного исследования, в котором применяется комплекс специальных методов и инструментов историко-хронологического анализа, является опровержение или подтверждение, путём детальной экспертизы документальных источников исторической информации, принятых на официальном уровне исторической науки датировок Элейской, Коринфской и Беотийской войн, а также получение подлинных данных о временных рамках этих военных конфликтов.

Исследование предусматривает решение следующего круга задач:

Во-первых, провести комплексную ревизию

всех доступных первичных и вторичных источников документальных данных, повествующих о вооружённых конфликтах, произошедших в Древней Греции практически сразу после завершения Пелопоннесской войны, а именно о Элейской, Коринфской и Беотийских войнах.

Во-вторых, найти в изученных источниках исторических данных описания астрономических и природных явлений, согласующихся по времени и месту с выявленным на первом этапе военными действиями, по аналогии с тем как эта привязка осуществлена у Фукидида с затмениями в его труде «Истории Пелопоннесской войны».

В-третьих, доказать ошибочность официально принятых в исторической науке датировок Элейской, Коринфской и Беотийской войн и получить подлинные хронологические данные этих военных конфликтов, которые согласуются по времени и событиям с информацией, полученной автором при исследовании «Паросской хроники», «Затмений Фукидида» и «Первого года эры Олимпиад».

В-четвёртых, подкрепить полученными дополнительными астрономическими доказательствами определённые автором ранее подлинные датировки затмений Фукидида и Пелопоннесской войны.

В-пятых, определить годы жизни знаменитых военачальников и хронологов этого исторического периода Древней Греции.

Результаты и обсуждения

«Элейская или Элеанская война», вооружённый конфликт между греческими государствами Спарта и Элида, согласно официальным данным исторической хронологии, произошла в период времени непосредственно после окончания Пелопоннесской войны. Элейская война началась, согласно официальной датировке, в 402, 401 или 400 году до н.э., когда Агис - царь Спарты осуществил вторжение своих войск в Элиду. Поводом к вторжению в Элиду, по аналогии с «Первой священной войной», явилась борьба за свободный доступ к священному храмовому комплексу, теперь в Олимпии к сакральному участку Альтис, где находится центральный алтарь бога Зевса. Во времена Солона, «священный союз» так же осуществлял подобное военное противостояние, которое позже называли «Первой священной войной» с городом-портом Киррой, за доступ к священному для Древних Греков прорицалищу бога Аполлона в Дельфах.

В Элиде находится город Олимпия, один из крупнейших все эллинских религиозных центров Древней Греции, где в эпоху классической античности, проводились самые известные спортивные состязания древности – Олимпийские игры. В этой местности располагался особый священный уча-

сток Альтис, в котором поклонялись всем Древнегреческим богам и в особенности Верховному богу Зевсу.

В период военного противостояния Спарты и Элиды (Элейской войны) (согласно официальным данным исторической науки), а именно 18 января 402 года до н.э. произошло полное Солнечное затмение, которое должно было наблюдаться, исходя из рис. 1 и 2, в районах священных храмовых комплексов в Олимпии и в Дельфах, а также по всему Коринфскому заливу. Однако ни Ксенофонт, ни Диодор Сицилийский, ни неизвестный автор «Оксиринхской греческой истории», ни

поздние историки не упоминают об этом астрономическом явлении в Олимпии или в Дельфах в промежутке времени между окончанием Пелопоннесской и началом Коринфской войны. Такое достаточно мощное по фазе 1,0442, продолжительное по времени 3 мин. 49 сек., благоприятное для наблюдения по времени суток 12 ч. 53 мин., а также по географическому положению полосы прохождения тени Солнца над Грецией, затмение не могло остаться незамеченным, особенно в период ведения боевых действий в этих, сакральных для всех Древних Греков местах.

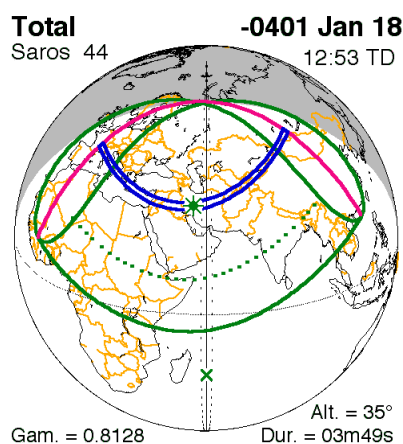

Рис. 1. Полное Солнечное затмение 18 января 402 года до н.э. произошедшее в период Элейской войны (согласно официальным данным исторической науки) перед началом Коринфской войны. [8] Не описано ни в одном историческом источнике.

Fig. 1. Total solar eclipse of January 18, 402 BC, which occurred during the Eleatic War (according to official data of historical science) before the beginning of the Corinthian War. [8] Not described in any historical source.

Рис. 2. Полоса тени полного Солнечного затмения 18 января 402 года до н.э. над Грецией в период Элейской войны, перед началом Коринфской войны. Полоса с максимальной фазой Солнечного затмения проходит непосредственно над Элидой местом основных боевых действий со Спартой [9, 10].

Fig. 2. The band of the shadow of the total solar eclipse of January 18, 402 BC over Greece during the Eleatic War, before the beginning of the Corinthian War. The band with the maximum phase of the solar eclipse passes directly over Elis, the site of the main military actions with Sparta [9, 10].

Для древних людей астрономические события, такие как Солнечные и Лунные затмения являлись очень важными предзнаменованиями и основанием для принятия важных государственных решений, особенно в условиях военных действий. Ярким примером такого решения является знаменитое затмение Фалеса, произошедшее над сражающимися войсками царя Лидии Алиатта и царя Мидии Киаксара, принудившее их к заключению мира. Знаменитый военачальник периода Пелопоннесской войны Никий, также отложил отплытие флота афинян из Сиракуз, когда произошло Лунное затмение, описанное Фукидидом. Подобное решение, связанное с природным катаклизмом, было принято и царём Спарты Агисом во время начала «Элейской войны», об этом засвидетельствовал Ксенофонт в своей «Греческой истории» [1].

«Агис во главе войска вторгся через Ахею в Элею близ Ларисы. Через самое короткое время после того, как войско вторглось во вражескую страну и стало вырубать деревья, произошло землетрясение. Агис счел это божественным предзнаменованием, удалился из страны и распустил войско» [1, с. 94].

Этот факт удивителен тем, что Ксенофонт описав одно, важное с религиозной точки зрения природное явление, землетрясение и реакцию на него царя, не описал другое не менее важное с религиозной точки зрения астрономическое явление, Солнечное затмение, произошедшее примерно в тот же самый период времени и в том же самом географическом месте, которое являлось ареной военного противостояния. Есть только одно объ-

яснение этому неопровержимому астрономическому факту, официальные датировки Элейской, Коринфской и Беотийской войн ошибочны.

«Коринфская война», вооружённый конфликт между Пелопоннесским союзом во главе со Спартой и военным союзом Фив, Афин, Коринфа и Аргоса произошёл, согласно официальным историко-хронологическим данным, в промежутке времени между 395 и 387 годами до н.э. Война завершилась в 387 году до н.э. подписанием «Царского» или так называемого Антакидова (Царского) мирного договора, который был заключён при посредничестве Персидского царя Артаксеркса II.

Особенно важными для этого исследования являются военные действия, произошедшие в 392 - 390 годах до н.э.: битва при Лехее, морские сражения в Эгейском море и военная компания в Арголиде, которые описаны и у Ксенофонта [1] и у Диодора Сицилийского [2]. Именно в этот промежуток времени, согласно исследованиям [11, 12, 13, 14, 15] у Земли в перигелии появилась комета Галлея. Однако ни Ксенофонт, ни Диодор Сицилийский, ни Плутарх, ни неизвестный автор «Ок-сиринхской греческой истории», ни более поздние историки не упоминают об этом редчайшем астрономическом явлении во время Коринфской войны. Есть только одно объяснение этому неопровержимому астрономическому факту, официальные датировки Элейской, Коринфской и Беотийской войн ошибочны.

В настоящее время 2025 год существует четыре варианта датировок тройки затмений Фукидида разных авторов (табл. 1).

Таблица 1

Датировки Солнечных и Лунного затмений Фукидида разных авторов.

Table 1

Datings of Solar and Lunar Eclipses of Thucydides by different authors.

Авторы датировок	Затмения Фукидида		
	Первое Солнечное	Второе Солнечное	Третье Лунное
Иоганн Кеплер, Дионисий Петавиус	3 августа 431 г. до н.э.	21 марта 424 г. до н.э.	27 августа 413 г. до н.э.
Морозов Н.А.	2 августа 1133 г. н.э.	20 марта 1140 г. н.э.	28 августа 1151 г. н.э.
Фоменко А.Т.	22 августа 1039 г. н.э.	9 апреля 1046 г. н.э.	15 сентября 1057 г. н.э.
Волков А.С.	18 июля 1460 г. н.э.	6 марта 1467 г. н.э.	18 января 1478 г. н.э.

В табл. 2 представлены датировки прохождения перигелия кометы Галлея, по данным наблюдений и расчётов, в годы, попадающие на промежутки времени в которых, по данным разных ав-

торов из табл. 1, произошли затмения Фукидида и военные действия Пелопоннесской и Коринфской войн.

Таблица 2

Датировки появления кометы Галлея (по данным наблюдений и расчётов).

Table 2

Datings of the appearance of Halley's comet (based on observations and calculations).

Наблюдения [12, 13]	Брейди [11]	Еманс, Кианг [12, 13]	Ландграф [14]	Ситарский [15]
1456/06/09.1	1456/06/08.97	1456/06/09.63	1456/06/09.50	1456/06/08.10
1145/04/21.25	1145/04/17.86	1145/04/18.56	1145/04/18.12	1145/04/20.60
1066/03/23.5	1066/03/19.52	1066/03/20.93	1066/03/20.07	1066/03/22.68
—	—392/04/22.19	—390/09/14.37	—390/04/28.98	—391/12/15.22

Сопоставление табл. 1 и 2 показывает, что комета Галлея должна была наблюдаться: во-первых, во время Коринфской войны в соответствии с датировками затмений полученными Иоганном Кеплером и Дионисием Петавиусом, во-вторых, во время Коринфской войны в соответствии с датировками затмений полученными Академиком Фоменко А.Т., в-третьих, во время Пелопоннесской войны в соответствии с датировками затмений полученными Академиком Морозовым Н.А. Комета Галлея не должна была наблюдаться в промежутке времени ведения Пелопоннесской, Элейской и Коринфских войн, исходя из датировок затмений Фукидида полученных Волковым А.С. [4, 5], автором данного исследования.

«Беотийская война», вооружённый конфликт между в Древней Греции, главными соперниками в котором были Спарта и Фивы, произошедший согласно данным официальной исторической хронологии в 378-362 годах до н.э., вскоре после завершения Коринфской войны и заключения Анталкидова мира. Главной причиной войны стало недовольство гегемонией Спарты. В ходе войны фиванцы нанесли спартамцам несколько поражений, во-первых, в знаменитой битве при Левктрах. Во-вторых, в битве при Киноскефалах, которому предшествовало описанное Плутархом и Диодором Сицилийским Солнечное затмение. Однако триумф был омрачён гибелью знаменитого фиванского полководца Пелопида. Главной победой для Фив в Беотийской войне, стала битва при Мантинее, которая, была омрачена гибелью их знаменитого полководца Эпаминонда.

Хронология событий Беотийской войны описаны у Диодора Сицилийского в привязке к Олимпийским играм и правлению архонтов в Афинах.

«Когда Навсиник был архонтом в Афинах, римляне избрали четырех военных трибунов с консульской властью: Марка Корнелия Квинта Сервилия, Марка Фурия и Луция Квинция. Во время их полномочий между лакедемонянами и беотийцами разразилась так называемая Беотийская война по следующим причинам ...» [2; 15.25.1].

«Когда Харисандр был архонтом в Афинах, римляне избрали четырех военных трибунов с консульской властью, Сервия Сульпиция, Луция Папирия, Тита Квинтия; а элейцы праздновали сто первую Олимпиаду ...» [2; 15.36.1].

Согласно исследованию [7] сто первая Олимпиада праздновалась в $1111 + (101 \times 4) = 1111 + 404 = 1515$ г. н.э.

«Когда Алкисфен был архонтом в Афинах, римляне избрали восемь военных трибунов с консульской властью: Луция и Публия Валериев, Гая Теренция, Луция Менения, Гая Сульпиция, Тита Папирия и Луция Эмилия, а элейцы праздновали сто вторую Олимпиаду ...» [2; 15.50.1].

Согласно исследованию [7] сто вторая Олимпиада праздновалась в $1111 + (102 \times 4) = 1111 + 408 = 1519$ г. н.э.

Диодор Сицилийский в своих хронологических записях так завершение битвы при Левктрах во время архонства Фрасиклеида в Афинах:

«[4] В битве пало более четырех тысяч лакедемонян, а беотийцев только около трехсот. После битвы заключили перемирие, чтобы дать возможность забрать тела павших и отплыть лакедемонянам в Пелопоннес.

Таков был исход событий, связанных с битвой при Левктрах» [2; 15.56.4].

Учитывая последовательность хронологических записей об Афинских архонтах Диодора Сицилийского и «Паросской хроники» [6] битва при Левктрах произошла в 1520 н.э. на следующий год после сто второй Олимпиады при архонте Фрасиклеиде.

«Когда Навсиген был архонтом в Афинах, в Риме были избраны четыре военных трибуна с консульской властью: Луций Папирий, Луций Менений, Сервий Корнелий и Сервий Сульпиций; и элейцы праздновали сто третью Олимпиаду...» [2; 15.71.1].

Согласно исследованию [6], [7] сто третья Олимпиада праздновалась в $1111 + (103 \times 4) = 1111 + 412 = 1523$ г. н.э.

«Когда Тимократ был архонтом в Афинах, в Риме были избраны три военных трибуна с консульской властью: Тит Квинций, Сервий Корнелий и Сервий Сульпиций; а пизанцы и аркадийцы праздновали сто четвертую Олимпиаду ...» [2; 15.78.1].

Согласно исследованию [7] сто четвёртая Олимпиада праздновалась в $1111 + (104 \times 4) = 1111 + 416 = 1527$ г. н.э.

Диодор Сицилийский в своих хронологических записях так описывает Солнечное затмение накануне битвы при Киноскефалах при Афинском архонте Тимократе:

«[2] ... но когда Пелопид спешил уйти со своей армией, случилось так, что солнце затмилось».

«[3] Многие суеверно относились к этому явлению, и некоторые прорицатели утверждали, что из-за отступления солдат произошло затмение «солнца» города. Хотя в этом толковании они предсказывали смерть Пелопида, он все же отправился в поход, влекомый Судьбой».

«[5] ... Правитель с корпусом отборных людей сопротивлялся, и последовало упорное сражение, в ходе которого Пелопид, совершая великие подвиги доблести, усеял всю землю вокруг себя мертвыми людьми, и хотя он довел сражение до конца, разбил врага и одержал победу, он все же потерял свою собственную жизнь, получив множество ран и героически заплатившись жизнью» [2; 15.80.2-3, 5].

Плутарх в своих «Сравнительных жизнеописаниях» так описывает это же Солнечное затмение накануне битвы при Киноскефалах:

«Фиванцы охотно согласились; скоро все было готово, и полководец хотел уже выступить, как вдруг солнце затмилось, и мрак посреди дня окутал город. Пелопид, видя, что все встревожены этим грозным явлением, не счел целесообразным подвергать принуждению перепуганных и павших духом людей, равно как и рисковать жизнью семи тысяч граждан, а потому решил предоставить в распоряжение фессалийцев лишь самого себя, триста всадников, последовавших за ним добровольно, да наемников-чужеземцев и тронулся в

путь вопреки как советам прорицателей, так и неодобрению остальных сограждан, полагавших небесное знамение чрезвычайно важным и обращенным к какому-то великому человеку».

[3, «Сравнительные жизнеописания», Пелопид. XXXI]

Согласно официальным данным исторической хронологии описанное Диодором Сицилийским Солнечное затмение перед битвой при Киноскефалах произошло 13 июля 364 г. до н.э. Во время Солнечного затмения Луна находится на одной прямой между Землёй и Солнцем. Такое положение Луны так же называется новолунием. Кроме того, 13 июля это первое новолуние после дня летнего солнцестояния, то есть в соответствии с Аттическим (Афинским) лунно-солнечным календарём в этот день наступил новый год и лунный месяц Гекатомбаион, который приходится на июль-август. Кроме того, в этот же день в Афинах вступал в должность очередной ежегодный магистр города – архонт. Таким образом 13 июля 364 г. до н.э. в Аттике наступил новый год, а в Афинах пришёл к власти новый архонт Хариклеид. Хронологические записи Ксенофонта, Плутарха и Диодора Сицилийского показывают то, что в древности жители Эллады придавали Солнечным затмениям особое значение, считали их плохим предзнаменованием, сулящим гибель. Учитывая эту особенность психологии древних людей, новый год начавшийся с подобного «плохого» астрономического явления должен был обязательно подробно описан в летописях, как и судьба архонта Афин получившего власть над городом во время Солнечного затмения. Несмотря на уникальность этого события во время военных действий ни Диодор Сицилийский, ни Ксенофонт, ни Плутарх в своих хрониках о нём не свидетельствуют. Есть только одно объяснение этому неопровержимому астрономическому факту, официальные датировки Элейской, Коринфской и Беотийской войн ошибочны. Подлинная датировка Солнечного затмения, предшествовавшего сражению при Киноскефалах 18 мая 1528 года н.э. № 08377 в каталоге Солнечных затмений НАСА [16] (рис. 3).

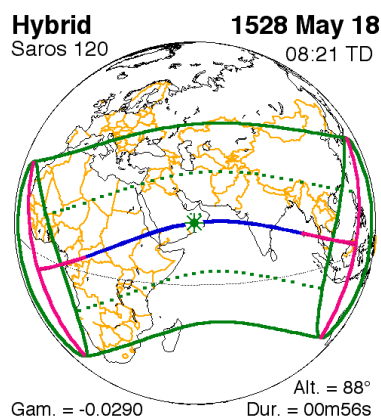

Рис. 3. Гибридное Солнечное затмение 18 мая 1528 года н.э. которое предшествовало сражению при Киноскефалах в период Беотийской войны (подлинная датировка) (официальная датировка исторической науки 13 июля 364 года до н.э.) [16].

Fig. 3. Hybrid Solar Eclipse of May 18, 1528 AD which preceded the Battle of Cynoscephalae during the Boeotian War (true dating) (official dating of historical science is July 13, 364 BC) [16].

«Когда этот год закончился, в Афинах Хариклеид стал архонтом, а в Риме были избраны консулы Луций Эмилий Мамерк и Луций Секстий Лагеран...» [2; 15.82.1].

Диодор Сицилийский так описывает завершение битвы при Мантинее и гибель Фиванского полководца Эпаминонда при Афинском архонте Хариклеиде:

«Для начала, призвав своего оруженосца, он спросил его, сохранил ли он свой щит. Когда тот ответил да и положил его перед его глазами, он снова спросил, какая сторона победила. На ответ мальчика, что победили беотийцы, он сказал: «Пора умирать», и приказал им убрать наконечник копья. Его друзья, присутствовавшие там, закричали в знак протеста, и один из них сказал: «Ты умрешь бездетным, Эпаминонд», и разрыдался. На это он ответил: «Нет, клянусь Зевсом, напротив, я оставляю после себя двух дочерей, Левктру и Мантиней, мои победы». Затем, когда наконечник копья был удален, без всякого волнения он испустил дух» [2; 15.87.6].

Учитывая последовательность хронологических записей об Афинских архонтах Диодора Сицилийского битва при Мантинее произошла в 1529 н.э. на следующий год после сражения при Киноскефалах и через два года после сто четвёртой Олимпиады при архонте Хариклеиде.

Кроме того, исследование каталога Лунных затмений НАСА [17], с 378 по 362 год до н.э. показало, что в Греции произошло девять полных Лунных затмений. Особенно следует отметить затмения: 06 апреля 378 г., 23 января 374 г., 11 ноября 371 г., 06 марта 367 г., 30 августа 367 г., 23 декабря 364 г., произошедшие в доступное для наблюдения время суток между 5 часами утра и 21 часом вечера. Однако, несмотря на это ни Ксенофонт, ни

Диодор Сицилийский, ни Плутарх в своих хрониках о них не упоминают. Есть только одно объяснение всем изложенным выше астрономическим фактам, официальные датировки затмений Фукидида, Пелопоннесской, Элейской, Коринфской и Беотийской войн ошибочны.

Выводы

Был проведён комплексный анализ документальных источников, с применением методов астрономической хронологии, описывающих исторические события, в том числе военные действия, происходившие в Древней Греции в период времени между 405 и 362 гг. до н.э., непосредственно последовавшими за окончанием Пелопоннесской войны. Были также исследованы каталоги Солнечных и Лунных затмений, а также других астрономических явлений, относящихся к этому же периоду времени. В ходе исследования были получены следующие результаты.

Во-первых, было выявлено полное Солнечное затмение, полоса которого проходила непосредственно над Коринфским заливом и Олимпией в Древней Греции и которое произошло 18 января 402 года до н.э. непосредственно перед началом Элейской войны.

Во-вторых, было выяснено, что в промежутке времени между 392 и 390 гг. до н.э. (Коринфская война), к Земле на ближайшее расстояние подошла комета Галлея.

В-третьих, в исследовании было выявлено шесть полных Лунных затмений, произошедших с 378 по 362 год до н.э. не упомянутых историками в своих хрониках.

Все эти астрономические явления обязательно должны были быть описаны в исторических хрониках Ксенофонта, неизвестного автора «Оксиринхской греческой истории», у Диодора Сици-

лийского, у Плутарха и более поздних авторов, в связи с боевыми действиями Элейской, Коринфской и Беотийской войн. Однако в исследованных документальных источниках отсутствуют даже косвенные упоминания об этих космических событиях. Есть только одно объяснение этим неопровержимым астрономическим фактам, официальные датировки Элейской, Коринфской и Беотийской войн ошибочны. Этот вывод подтверждает результаты предыдущих исследований, проведенных автором в [4, 5]. А именно официальные датировки Пелопоннесской войны 431-404 гг. до н.э. и затмений Фукидида, первого Солнечного («Затмения Перикла») 03 августа 431 года до н.э., второго Солнечного затмения 21 марта 424 года до н.э. и Лунного затмения 28 августа 413 года до н.э. ошибочны. Подлинными датировками являются: для Пелопоннесской войны 1459-1486 гг. н.э., для затмений Фукидида 18 июля 1460 г. н.э., 6 марта 1467 г. н.э. и 18 января 1478 г. н.э.

В ходе историко-хронологического исследования были получены следующие датировки (в данные представлены голах н.э.). Элейской войны:

1488-1492 гг., Коринфской войны: 1495-1503 гг., Беотийской войны 1513-1529 гг., сражения при Левктрах 1520 г., сражения при Киноскефалах 1528 г., сражения при Мантинее 1529 г. Была также получена подлинная датировка Солнечного затмения, предшествовавшего сражению при Киноскефалах, а именно 18 мая 1528 года н.э.

Были определены достоверные годы жизни знаменитых людей временного периода Элейской, Коринфской и Беотийской войн: Перикл около 1396-1461 год, Фукидид около 1430 – около 1490 год, Никий 1415/1420-1477 год, Алкивиад около 1440-1486 год, Лисандр 1438-1495 год, Пелопид ок. 1474-1528 год, Эпаминонд ок. 1481-1529 год, Ксенофонт около 1460 – около 1534 года, Агесилай 1446 (1445) – около 1532 года. Все полученные в исследовании хронологические данные согласуются по времени и событиям с установленными ранее автором датами создания «Паросской хроники», произведений драматургов Древней Греции, датировкой «Первого года эры Олимпиад».

Список источников

1. Ксенофонт. Греческая история / Ксенофонт. Санкт-Петербург: Алетей, 1993. 444 с. (Античная библиотека).
2. Diodorus Siculus. Diodorus of Sicily in Twelve Volumes with an English Translation by C. H. Oldfather. Vol. 4-8. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: William Heinemann, Ltd. 1989. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseusatexta1999.01.0084> (дата обращения: 30.12.2024)
3. Плутарх. Сравнительные жизнеописания: в 3 т.; пер. с древнегреч. / Изд. подготовили С.П. Маркиш и С.И. Соболевский; Послесл. С.И. Соболевского. Москва: Изд-во Акад. наук СССР, 1961-1964.
4. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Затмений Фукидида» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 3. С. 78 – 86. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 30.12.2024)
5. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование с использованием методов астрономической хронологии, официально принятых в исторической науке датировок Солнечных и Лунного затмений Фукидида // Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень» <https://hb-journal.ru>. 2025. Т. 8. № 5. С. 219 – 230. URL: <https://hb-journal.ru/archives/category/publications> (дата обращения: 18.03.2025)
6. Волков А.С. Астрономическая хронология в литературе Древней Греции и вопросы датировки «Паросской хроники» // Научно-практический электронный журнал "Оригинальные исследования (ОРИС)". 2019. Т. 9. Вып. 2. С. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (дата обращения: 30.12.2024)
7. Волков А.С. Историко-хронологическое исследование документальных источников и датировка первого года эры Олимпиад // Международный научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень». 2023. Т. 6. № 4. С. 161 – 167. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf> (дата обращения: 30.12.2024). DOI: 10.61726/6137.2024.60.74.001
8. Описание полного Солнечного затмения 18 января 402 года до н.э. из каталога солнечных затмений пяти тысячелетий (от 499 до 400 годов до н.э.) NASA Eclipse Web Site. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCSEmap/-0499--0400/-401-01-18.gif> (дата обращения: 30.12.2024)
9. База данных солнечных затмений пяти тысячелетий (от -1999 до +3000). Данные по солнечному затмению 18 января 402 года до н.э. для Google Earth. URL: http://xjubier.free.fr/en/site_pages/solar_eclipses/xSE_GoogleEarth.html?Ecl=-04010118&Acc=2&Umb=1&Lmt=1&Mag=1 (дата обращения: 30.12.2024)

10. Планета Земля (Google Earth) изображения земной поверхности с полосой Солнечного затмения 18 января 402 года до н.э. Google Web Site. URL: <https://earth.google.com/web/@40.13061417,34.94796516,2317.47753807a,4326358.69651794d,35y,-0h,0t,0r> (дата обращения: 30.12.2024)
11. Brady J.L. Halley's Comet: AD 1986 to 2647 BC (англ.) // Journal of the British Astronomical Association (англ.) рус. British Astronomical Association (англ.) рус., 1982. Vol. 92. P. 209 – 215.
12. Yeomans D.K., Kiang T. The long-term motion of comet Halley (англ.) // Monthly Notices of the Royal Astronomical Society. Oxford University Press, 1981. Vol. 197. P. 633 – 646.
13. Kiang T. The past orbit of Halley's comet // Memoirs of the Royal Astronomical Society. 1972. Vol. 76. С. 27 – 66.
14. Landgraf W. (1986) On the Motion of Comet Halley. ESTEC EP/14.7/6184 (1984).
15. Sitarski G. On the nongravitational motion of comet P/Halley (англ.) // Acta Astronomica. 1988. Vol. 38. P. 253 – 268.
16. Описание гибридного Солнечного затмения 18 мая 1528 года н.э. из каталога солнечных затмений пяти тысячелетий (от 1501 до 1600 годов н.э.) NASA Eclipse Web Site. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCSEmap/1501-1600/1528-05-18.gif> (дата обращения: 30.12.2024)
17. Каталог лунных затмений пяти тысячелетий (от 399 до 300 годов до н.э.) NASA Eclipse Web Site. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/LEcat5/LE-0399--0300.html> (дата обращения: 30.12.2024)

References

1. Xenophon. Greek History. Xenophon. St. Petersburg: Aletheia, 1993. 444 p. (Antique Library).
2. Diodorus Siculus. Diodorus of Sicily in Twelve Volumes with an English Translation by C. H. Oldfather. Vol. 4-8. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; London: William Heinemann, Ltd. 1989. URL: <http://www.perseus.tufts.edu/hopper/text?doc=Perseusatexta1999.01.0084> (date of access: 30.12.2024)
3. Plutarch. Comparative Biographies: in 3 volumes; trans. from ancient Greek. Published by S.P. Markish and S.I. Sobolevsky; Afterword. S.I. Sobolevsky. Moscow: Publishing house of the Academy of Sciences of the USSR, 1961-1964.
4. Volkov A.S. Astronomical chronology in the literature of Ancient Greece and the dating of the "Eclipses of Thucydides". Scientific and practical electronic journal "Original Research (ORIS)". 2019. Vol. 9. Issue 3. P. 78 – 86. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (date of access: 12/30/2024)
5. Volkov A.S. Historical and chronological research using the methods of astronomical chronology, officially accepted in historical science dating of Solar and Lunar eclipses of Thucydides. Research journal "Historical Bulletin" <https://hb-journal.ru>. 2025. Vol. 8. No. 5. P. 219 – 230. URL: <https://hb-journal.ru/archives/category/publications> (date of access: 18.03.2025)
6. Volkov A.S. Astronomical chronology in the literature of Ancient Greece and the dating of the "Parian Chronicle". Scientific and practical electronic journal "Original Research (ORIS)". 2019. Vol. 9. Issue. 2. P. 8 – 19. URL: <https://ores.su/ru/journals/oris-jrn/2019-oris-2-2019/a229725> (date of access: 30.12.2024)
7. Volkov A.S. Historical and chronological study of documentary sources and dating of the first year of the Olympic era. International research journal "Historical Bulletin". 2023. Vol. 6. No. 4. P. 161 – 167. URL: <https://hb-journal.ru/wp-content/uploads/2023/07/istor.-bjul.-tom-6-4-2023.pdf> (date of access: 30.12.2024). DOI: 10.61726/6137.2024.60.74.001
8. Description of the total solar eclipse of January 18, 402 BC from the catalog of solar eclipses of five millennia (from 499 to 400 BC) NASA Eclipse Web Site. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCSEmap/-0499--0400/-401-01-18.gif> (date of access: 30.12.2024)
9. Database of solar eclipses of five millennia (from -1999 to +3000). Data for the solar eclipse of January 18, 402 BC for Google Earth. URL: http://xjubier.free.fr/en/site_pages/solar_eclipses/xSE_GoogleEarth.html?Ecl=-04010118&Acc=2&Umb=1&Lmt=1&Mag=1 (date accessed: 30.12.2024)
10. Planet Earth (Google Earth) images of the earth's surface with the strip of the Solar Eclipse of January 18, 402 BC. Google Web Site. URL: <https://earth.google.com/web/@40.13061417,34.94796516,2317.47753807a,4326358.69651794d,35y,-0h,0t,0r> (accessed: 30.12.2024)
11. Brady J.L. Halley's Comet: AD 1986 to 2647 BC (English). Journal of the British Astronomical Association (English) Russian. British Astronomical Association (English) Russian, 1982. Vol. 92. P. 209 – 215.
12. Yeomans D.K., Kiang T. The long-term motion of comet Halley (English). Monthly Notices of the Royal Astronomical Society. Oxford University Press, 1981. Vol. 197. P. 633 – 646.

13. Kiang T. The past orbit of Halley's comet. *Memoirs of the Royal Astronomical Society*. 1972. Vol. 76. P. 27 – 66.
14. Landgraf W. (1986) On the Motion of Comet Halley. ESTEC EP/14.7/6184 (1984).
15. Sitarski G. On the nongravitational motion of comet P/Halley (English). *Acta Astronomica*. 1988. Vol. 38. P. 253 – 268.
16. Description of the hybrid Solar eclipse of May 18, 1528 A.D. from the catalog of solar eclipses of five millennia (from 1501 to 1600 CE) NASA Eclipse Web Site. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/5MCSEmap/1501-1600/1528-05-18.gif> (date of access: 30.12.2024)
17. Catalog of lunar eclipses of five millennia (from 399 to 300 BC) NASA Eclipse Web Site. URL: <https://eclipse.gsfc.nasa.gov/LEcat5/LE-0399--0300.html> (date of access: 30.12.2024)

Информация об авторе

Волков А.С., историк-исследователь, юрист, индивидуальный предприниматель, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0004-6781-820X>, fbsystem@yandex.ru

© Волков А.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 930.1

Историческая роль женщин в культурной преемственности в смешанных китайско-русских семьях

¹ Кун Вэйжань,
¹ Сибирский федеральный университет

Аннотация: в статье рассматривается роль женщин в сохранении и передаче культурных традиций в смешанных китайско-русских семьях на протяжении исторического периода с XIX века до настоящего времени. Автором настоящего исследования, анализируются механизмы культурной трансмиссии, стратегии адаптации и влияние гендерных ролей на формирование бикультурной идентичности потомков. Данное авторское исследование основано на анализе архивных материалов, устных историй и этнографических данных, собранных в регионах российско-китайского приграничья.

Ключевые слова: культурная преемственность, смешанные браки, китайско-русские семьи, гендерные роли, культурная трансмиссия, бикультурная идентичность

Для цитирования: Кун Вэйжань Историческая роль женщин в культурной преемственности в смешанных китайско-русских семьях // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 149 – 154.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; *Одобрена после рецензирования:* 22 июня, 2025 г.; *Принята к публикации:* 11 августа 2025 г.

The historical role of women in cultural continuity in mixed Chinese-Russian families

¹ Kong Weizhan,
¹ Siberian Federal University

Abstract: the article examines the role of women in preserving and transmitting cultural traditions in mixed Chinese-Russian families throughout the historical period from the 19th century to the present. The author of this study analyzes the mechanisms of cultural transmission, adaptation strategies and the influence of gender roles on the formation of the bicultural identity of descendants. This author's study is based on the analysis of archival materials, oral histories and ethnographic data collected in the regions of the Russian-Chinese borderland.

Keywords: cultural continuity, mixed marriages, Chinese-Russian families, gender roles, cultural transmission, bicultural identity

For citation: Kong Weizhan The historical role of women in cultural continuity in mixed Chinese-Russian families. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 149 – 154.

The article was submitted: April 19, 2025; *Approved after reviewing:* June 22, 2025; *Accepted for publication:* August 11, 2025.

Введение

Феномен смешанных китайско-русских браков представляет собой уникальное явление в истории межкультурных отношений, особенно актуальное для приграничных регионов России и Китая. По мнению автора, начиная с XIX века, когда активизировались торговые и миграционные связи между двумя странами, формировались семьи, объединявшие представителей различных культурных традиций. В этом процессе женщины играли особую роль как носители и трансляторы культурных ценностей, обеспечивая преемственность традиций в условиях межкультурного взаимодействия [9, с. 146].

Актуальность данного исследования обусловлена необходимостью понимания механизмов культурной адаптации и сохранения этнической идентичности в условиях глобализации и интенсификации межкультурных контактов. По мнению автора, изучение исторического опыта женщин в смешанных семьях позволяет выявить универсальные закономерности культурной трансмиссии и адаптации.

Материалы и методы исследований

Исследование базируется на комплексном подходе, включающем анализ архивных документов РГИА ДВ, ГАХК, архивов Харбина, изучение устных историй и семейных нарративов, этнографические интервью с представителями смешанных семей, анализ мемуарной литературы и дневниковых записей. Так же при написании данной статьи применялся сравнительно-исторический метод. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1860-х годов (начало активной китайской миграции в Россию) до 2020-х годов.

По мнению автора, исследование истории смешанных семей сталкивается с рядом источниковедческих проблем, среди которых можно отметить фрагментарность архивных данных, языковые барьеры при работе с китайскими источниками, субъективность мемуарных источников, политическую ангажированность некоторых документов.

Результаты и обсуждения

Рассмотрим исторический контекст формирования смешанных семей в различные годы развития отношений между Россией и Китаем.

Период 1860-1920 гг.: Первые волны миграции.

Как было установлено в процессе исследования, подписание Айгунского (1858) и Пекинского (1860) договоров открыло новую эру в российско-китайских отношениях. Массовая миграция китайского населения в Приморье, Приамурье и Забайкалье создала предпосылки для формирования

смешанных семей. Согласно данным переписи 1897 года, в Приморской области проживало около 57 тысяч китайцев, преимущественно мужчин [2, с. 46].

Дисбаланс в гендерной структуре китайских мигрантов (соотношение мужчин и женщин составляло примерно 10:1) способствовал заключению браков с русскими женщинами. Этнограф В.К. Арсеньев отмечал: "Китайцы, осевшие в русских деревнях, часто женились на русских женщинах, образуя семьи, где переплетались две культурные традиции".

Харбинский период (1898-1950 гг.).

Строительство КВЖД и основание Харбина создали уникальную среду для межкультурного взаимодействия. В городе сформировалась значительная русская община, активно взаимодействовавшая с китайским населением. По данным исследователя Н.П. Крадина, к 1920 году в Харбине проживало около 100 тысяч русских и 80 тысяч китайцев [5, с. 108].

Смешанные браки в Харбине имели свою специфику: часто это были союзы между русскими женщинами из эмигрантских семей и китайскими предпринимателями или служащими. Такие семьи отличались высоким уровнем образования и культурного развития.

Роль женщин в культурной трансмиссии.

Материнство как механизм культурной передачи.

В процессе исследования, было установлено, что женщины в смешанных семьях выполняли функцию основных трансляторов культурных ценностей. Независимо от этнической принадлежности (русские или китайские), матери осуществляли первичную социализацию детей, передавая им языковые навыки, религиозные представления и бытовые традиции.

Анализ семейных историй показывает, что русские женщины в браках с китайцами часто становились посредниками между двумя культурами. Мария Петровна Чжан (урожденная Соколова, 1885-1967) в своих воспоминаниях писала: "Я учила детей говорить по-русски, рассказывала им русские сказки, но при этом уважала традиции мужа. В нашем доме праздновали и Пасху, и Новый год по лунному календарю" [10, с. 154].

Женщины в смешанных семьях разрабатывали различные стратегии культурной адаптации. Прежде всего, отметим «стратегию культурного синтеза», которая предполагает - создание новых традиций, объединяющих элементы обеих культур. Например, празднование Нового года дважды – по григорианскому и лунному календарям. Отметим так же, что «стратегия культурного разде-

ления» – четкое разграничение сфер влияния каждой культуры. Домашняя сфера могла быть преимущественно русской, а общественная – китайской. «Стратегия доминирования одной культуры» – преобладание традиций одной из сторон с сохранением отдельных элементов другой культуры.

Языковая трансмиссия.

Особую роль женщины играли в сохранении и передаче языковых навыков. Исследования показывают, что в семьях, где мать была русской, дети, как правило, свободно владели русским языком, даже если основным языком общения в семье был китайский [4, с. 131].

Лидия Ивановна Ли (1920-2010) вспоминала: "Мама всегда говорила с нами по-русски, читала русские книги. Она говорила: 'Вы должны знать язык предков, это ваше богатство'. Благодаря ней мы выросли настоящими билингвами".

Религиозная и духовная преемственность

Синкретизм религиозных практик

По мнению автора, в смешанных семьях формировались уникальные формы религиозного синкретизма. Женщины часто выступали инициаторами создания домашних алтарей, где соседствовали православные иконы и китайские божества. Такая практика была особенно распространена в семьях, где жена была русской православной, а муж – приверженцем традиционных китайских верований [1, с. 47].

Анна Федоровна Ван (1898-1980) описывала семейные традиции: "У нас в доме был красный угол с иконами, но рядом стоял и алтарь предков мужа. Мы учили детей уважать и то, и другое. Перед иконами молились по-русски, а предкам кланялись по-китайски".

Передача этических ценностей

Женщины в смешанных семьях играли ключевую роль в формировании этической системы детей. По мнению автора, они стремились объединить христианские ценности с конфуцианскими принципами, создавая уникальную систему моральных ориентиров.

Основными передаваемыми ценностями были: уважение к старшим (характерное для обеих культур), трудолюбие и образованность, семейная солидарность, толерантность к культурным различиям, бытовая культура и повседневные практики.

Кулинарные традиции

Кухня в смешанных семьях становилась пространством культурного синтеза. По мнению автора, женщины создавали уникальные кулинарные традиции, объединяющие русские и китайские элементы. Формировались "семейные рецепты", передаваемые из поколения в поколение.

Характерными блюдами таких семей были: пельмени с начинкой из китайской капусты и имбиря, борщ с соевым соусом, китайские пампушки с русскими травами, блины с красной фасолью.

Праздничная культура

Как было установлено в процессе исследования, женщины выступали организаторами семейных праздников, создавая уникальные традиции их проведения. В смешанных семьях часто отмечались праздники обеих культур, при этом женщины адаптировали их под семейные условия.

Елена Александровна Чжао (1915-2005) рассказывала: "Масленицу мы отмечали блинами, но обязательно с китайским чаем. А на Праздник Весны готовили пельмени, но лепили их всей семьей, как это делали в России" [7, с. 93].

Образовательные стратегии

Выбор образовательных учреждений

Женщины в смешанных семьях играли активную роль в выборе образовательных стратегий для детей. Они стремились обеспечить детям доступ к образованию на обоих языках, часто настаивая на изучении как русской, так и китайской письменности. В Харбине многие смешанные семьи отдавали детей в русские гимназии, но дополнительно нанимали китайских учителей для изучения иероглифики и классической китайской литературы.

Культурное образование

Матери в смешанных семьях уделяли особое внимание культурному образованию детей. Они организовывали домашние концерты, где дети исполняли как русские романсы, так и китайские народные песни. Музыкальное образование часто включало изучение традиционных инструментов обеих культур. Дети учились играть на фортепиано и балалайке, а также на гучжэне и эрху.

Сохранение культурной памяти

Семейные архивы и реликвии

Женщины в смешанных семьях выступали хранительницами семейной памяти. Автором отмечается, что они создавали семейные архивы, включавшие фотографии, документы, письма на русском и китайском языках. Особое внимание уделялось сохранению предметов материальной культуры обеих традиций.

Типичный семейный архив включал: фотографии свадебных церемоний в русском и китайском стилях, документы об образовании на двух языках, религиозные предметы (иконы, амулеты), традиционную одежду, кулинарные записи и рецепты, устную традицию.

Женщины были основными носителями устной традиции в семьях. В процессе исследования было установлено, что бабушки рассказывали детям сказки, легенды, семейные истории на обоих язы-

ках. Формировался уникальный корпус семейных нарративов, объединяющий элементы русского и китайского фольклора. Бабушки играли особую роль в передаче культурной памяти внукам. Они часто были единственными носителями определенных культурных знаний, особенно в семьях третьего и четвертого поколений [6, с. 195].

Трансформация ролей в различные исторические периоды

Советский период (1920-1991 гг.)

Советская эпоха внесла значительные изменения в жизнь смешанных семей. Политика интернационализма, с одной стороны, способствовала принятию межнациональных браков, но с другой - требовала ассимиляции в рамках советской культуры. Женщины в этот период часто становились "тайными хранительницами" культурных традиций, передавая их детям в домашней обстановке. Многие семьи скрывали свое китайское происхождение, особенно в период политических репрессий 1930-1950-х годов.

Постсоветский период (1991-2020 гг.)

Распад СССР и открытие границ создали новые возможности для культурной самоидентификации. Женщины в смешанных семьях получили возможность открыто демонстрировать свою бикультурную принадлежность. В этот период наблюдается возрождение интереса к китайской культуре среди потомков смешанных семей. Женщины активно участвуют в создании культурных организаций, изучении генеалогии, восстановлении связей с китайскими родственниками.

Региональные особенности

В Приморском крае смешанные семьи формировались преимущественно в сельской местности. Женщины здесь играли роль культурных медиаторов, адаптируя китайские традиции к условиям русской деревни. Характерной особенностью было создание "китайских огородов" при русских домах, где выращивались традиционные китайские овощи. Женщины передавали знания о китайской народной медицине, адаптируя их к местным условиям. [3, с. 22]

В Забайкалье смешанные семьи часто формировались в контексте старообрядческих общин. Женщины-старообрядки, вступавшие в браки с китайцами, создавали уникальные формы религиозного синкретизма. Особенностью региона было сохранение традиционных ремесел. Женщины передавали навыки ткачества, вышивки, керамики, объединяя русские и китайские техники.

В Амурской области смешанные семьи концентрировались в приграничных городах. Женщины здесь часто выполняли функции переводчиков и культурных посредников в торговых отношениях.

Характерной особенностью было развитие торговых династий, где женщины играли активную роль в ведении семейного бизнеса, сочетая русские и китайские деловые традиции.

Современные тенденции

Новая волна смешанных браков

С 1990-х годов наблюдается новая волна китайско-русских браков, связанная с интенсификацией экономических связей между Россией и Китаем. Современные смешанные семьи отличаются от исторических более высоким уровнем образования и мобильности. Женщины в современных смешанных семьях часто являются высококвалифицированными специалистами, что влияет на их роль в культурной трансмиссии. Они используют современные технологии для сохранения и передачи культурных традиций.

Цифровые технологии и культурная преемственность

Современные женщины в смешанных семьях активно используют цифровые технологии для культурной трансмиссии: создание семейных блогов и YouTube-каналов, использование мессенджеров для общения с родственниками в Китае, онлайн-обучение детей китайскому языку, создание цифровых семейных архивов.

Глобализация и культурная идентичность

Процессы глобализации создают новые вызовы для культурной преемственности. Женщины в смешанных семьях сталкиваются с необходимостью адаптации традиционных практик к условиям глобального мира. Наблюдается тенденция к "селективной культурной трансмиссии" - передаче тех элементов культуры, которые считаются наиболее ценными в современном контексте [8, с. 587].

Влияние на формирование идентичности потомков

Бикультурная идентичность

Дети из смешанных семей формируют уникальную бикультурную идентичность, в создании которой женщины играют ключевую роль. Исследования показывают, что материнское влияние часто является определяющим в выборе культурных приоритетов. Характерными чертами бикультурной идентичности являются: способность к культурному переключению в зависимости от контекста, высокая толерантность к культурным различиям, развитые адаптивные способности, многоязычие.

Психологические аспекты

Женщины в смешанных семьях часто сталкиваются с психологическими вызовами, связанными с необходимостью балансирования между различными культурными требованиями. Они разра-

батывают стратегии преодоления культурных конфликтов и помогают детям справляться с проблемами идентичности. Исследования показывают, что дети из смешанных семей, где матери успешно справлялись с культурными вызовами, демонстрируют более высокие показатели психологического благополучия и социальной адаптации.

Выводы

Проведенное автором настоящей статьи исследование исторической роли женщин в культурной преемственности в смешанных китайско-русских семьях выявляет их ключевую функцию как культурных медиаторов и хранителей традиций. На протяжении более чем полутора веков женщины в таких семьях разрабатывали и реализовывали стратегии культурной адаптации, обеспечивая сохранение и передачу культурного наследия последующим поколениям.

Женщины выполняли функцию основных трансляторов культурных ценностей, независимо от своей этнической принадлежности, обеспечивая первичную социализацию детей в бикультурной среде. Женщины выступали хранительницами семейной памяти, создавая семейные архивы и поддерживая устную традицию, что обеспечивало межпоколенческую трансмиссию культурных знаний. Роль женщин трансформировалась в различные исторические периоды – от открытых культурных медиаторов до "тайных хранительниц" традиций в советский период и активных участниц

культурного возрождения в постсоветское время.

Региональные особенности влияли на формы культурной трансмиссии – сельские и городские, приграничные и внутренние регионы демонстрировали различные модели культурной адаптации. Современные технологии создают новые возможности для культурной преемственности, при этом женщины активно используют цифровые инструменты для сохранения и передачи культурного наследия.

Исследование показывает, что женщины в смешанных китайско-русских семьях не просто сохраняли традиции, но и творчески их трансформировали, создавая новые формы культурной идентичности. Их деятельность способствовала формированию уникального феномена российско-китайской бикультурности, который продолжает развиваться в современных условиях.

Полученные результаты имеют важное значение для понимания механизмов межкультурной адаптации и могут быть использованы при разработке программ поддержки мигрантских семей и сохранения культурного разнообразия в условиях глобализации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с изучением современных форм культурной трансмиссии в условиях цифровизации, анализом опыта смешанных семей в других регионах России и Китая, а также сравнительным изучением роли женщин в других типах межкультурных семей.

Список источников

1. Белова Д.Н. Роль женщин в обществе и культуре Китая // Культура и искусство. 2023. № 6. С. 40 – 55.
2. Белова Д.Н. Роль женщин в обществе и культуре Китая // Культура и искусство. 2023. № 6. С. 40 – 55.
3. Ван С. Причина образования брачных союзов России и Китая // Глобальный научный потенциал. 2021. № 4 (121). С. 20 – 23.
4. Васильченко А.В. положение женщины в современной культуре России и Китая // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2020. № 4. С. 128 – 133.
5. Васильченко А.В. Ценность семьи в современной культуре России и Китая // Этносоциум и межнациональная культура. 2020. № 2 (140). С. 104 – 112.
6. Ишутина Ю.А. К вопросу о трансформации статуса женщины в китайском обществе в эпоху осуществленной модернизации // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2018. № 45-1. С. 187 – 196.
7. Кун В. История двух поколений смешанной китайско-русской семьи // Казачество. 2024. № 81 (8). С. 89 – 96.
8. Ли Т. Совместные российско-китайские семьи: проблемы общей культурной адаптации // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества. 2024. № 14. С. 584 – 588.
9. Лян С. Уклад традиционной китайской семьи в фольклорном и литературном дискурсах (опыт систематизации) // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна. Серия 3: Экономические, гуманитарные и общественные науки. 2022. № 2. С. 144 – 147.
10. Маматжанова Ф.К. Роль женщины в системе культурного наследия // Известия ВУЗов (Кыргызстан). 2014. № 6. С. 152 – 155.

References

1. Belova D.N. The Role of Women in the Society and Culture of China. Culture and Art. 2023. No. 6. P. 40 – 55.
2. Belova D.N. The Role of Women in the Society and Culture of China. Culture and Art. 2023. No. 6. P. 40 – 55.
3. Wang S. The Reason for the Formation of Marriage Unions in Russia and China. Global Scientific Potential. 2021. No. 4 (121). P. 20 – 23.
4. Vasilchenko A.V. The Position of Women in the Modern Culture of Russia and China. Modern Science: Current Problems of Theory and Practice. Series: Cognition. 2020. No. 4. P. 128 – 133.
5. Vasilchenko A.V. The Value of Family in the Modern Culture of Russia and China. Ethnosociety and Inter-ethnic Culture. 2020. No. 2 (140). P. 104 – 112.
6. Ishutina Yu.A. On the issue of the transformation of the status of women in Chinese society in the era of implemented modernization. Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts. 2018. No. 45-1. P. 187 – 196.
7. Kun V. The history of two generations of a mixed Chinese-Russian family. Cossacks. 2024. No. 81 (8). P. 89 – 96.
8. Li T. Joint Russian-Chinese families: problems of common cultural adaptation. Russia and China: history and prospects for cooperation. 2024. No. 14. P. 584 – 588.
9. Liang S. The traditional Chinese family structure in folklore and literary discourses (systematization experience). Bulletin of the St. Petersburg State University of Technology and Design. Series 3: Economic, humanitarian and social sciences. 2022. No. 2. P. 144 – 147.
10. Mamatzhanova F.K. The role of women in the system of cultural heritage. News of universities (Kyrgyzstan). 2014. No. 6. P. 152 – 155.

Информация об авторе

Кун Вэйжань, аспирант, Сибирский федеральный университет, wrankong@gmail.com

© Кун Вэйжань, 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94(47)

Севастополь и Порт-Артур: к истории героической обороны и падения главных приморских крепостей Российской Империи – сравнительно-исторический метод в учебном процессе

¹ Курков В.В.,
¹ Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

Аннотация: в статье на основе сравнительного анализа применительно к потребностям современного учебного процесса рассматриваются основные факторы, определившие ход героической обороны и падение двух наиболее известных приморских крепостей Российской империи – Севастополя в период Крымской войны и Порт-Артура в годы русско-японской войны. Автором сделан акцент на анализе детерминант, обусловивших как длительный характер, так и неблагоприятный для русской стороны исход этих знаменитых в отечественной истории битв за ключевые приморские цитадели империи. При этом выделены общие черты и исторические особенности севастопольской и порт-артурской обороны, формирующие учебный материал, нацеленный на раскрытие потенциала, обеспечивающего понимание сложных причинно-следственных связей и развитие аналитических навыков и столь необходимого в настоящее время критического мышления у обучаемых.

Ключевые слова: Крымская война 1853-1856 гг., оборона Севастополя, русско-японская война 1904-1905 гг., оборона Порт-Артура, учебный процесс, сравнительный анализ

Для цитирования: Курков В.В. Севастополь и Порт-Артур: к истории героической обороны и падения главных приморских крепостей Российской Империи – сравнительно-исторический метод в учебном процессе // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 155 – 161.

Поступила в редакцию: 19 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 22 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Sevastopol and Port Arthur: to the history of the heroic defense and fall of the main coastal fortresses of the Russian Empire – comparative historical method in the educational process

¹ Kurkov V.V.,
¹ Kaluga State University named after K.E. Tsiolkovsky

Abstract: the article, based on a comparative analysis in relation to the needs of the modern educational process, examines the main factors that determined the course of the heroic defense and the fall of the two most famous coastal fortresses of the Russian Empire – Sevastopol during the Crimean War and Port Arthur during the Russo-Japanese War. The author emphasizes the analysis of the determinants that determined both the long-term nature and the unfavorable for the Russian side outcome of these famous in Russian history battles for the key coastal citadels of the empire. At the same time, common features and historical characteristics of the Sevastopol and Port Arthur defense are highlighted, forming educational material aimed at revealing the potential that ensures

understanding of complex cause-and-effect relationships and the development of analytical skills and critical thinking in students, which is so necessary at present.

Keywords: Crimean War 1853-1856, defense of Sevastopol, Russo-Japanese War 1904-1905, defense of Port Arthur, educational process, comparative analysis

For citation: *Kurkov V.V. Sevastopol and Port Arthur: to the history of the heroic defense and fall of the main coastal fortresses of the Russian Empire – comparative historical method in the educational process. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 155 – 161.*

The article was submitted: April 19, 2025; Approved after reviewing: June 22, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Героическая оборона двух приморских крепостей Российской империи – Севастополя в период Крымской войны 1853-1856 гг. и Порт-Артура в ходе русско-японской войны 1904-1905 гг., вписана в отечественную историю в качестве наиболее ярких и рубежных событий. С одной стороны, историческая летопись данных сражений представляет для учебной аудитории бессмертные примеры стойкости и мужества русских солдат и матросов, а с другой стороны – болезненное падение этих форпостов великой державы на южных и дальневосточных рубежах требует от преподавателя акцентированного внимания на причинах поражения Российской империи в войнах, которые обнажили и ее серьезное отставание от противника по целому ряду качественных показателей и, одновременно, оказали решающее влияние на внутривнутриполитические процессы, в конечном итоге обусловив революционный крах русского царизма. В этом плане использование сравнительно-исторического метода при изучении военной истории, как показывает наш опыт [13], путем демонстрации как исторических особенностей двух героических оборон знаменитых крепостей России, так и целого ряда общих детерминант их трагического падения, открывает по ходу учебного процесса новые возможности для понимания сложного комплекса причинно-следственных связей и формирования аналитических навыков и актуального в настоящее время критического мышления у школьников и студентов.

Материалы и методы исследований

Принцип историзма в качестве методологической основы данной статьи призван обеспечить объективный разбор как общих характерных черт, так и исторических особенностей двух знаменитых осад важнейших приморских крепостей Российской империи – Севастополя и Порт-Артура – посредством необходимого учета исторических закономерностей определивших общий итог военных конфликтов 1853-1856 и 1904-1905 гг. несмотря на полувековой временной разрыв между

ними. Использование автором сравнительно-исторического метода нацелено на обеспечение нового и более высокого уровня обобщения сложного учебного исторического материала и, как результат, более глубокое понимание причинно-следственных связей, объясняющих всю канву событий, связанных с трагическим для России падением Севастополя и Порт-Артура. Апробация основных положений статьи в практической педагогической деятельности автора на уровне и школьной и вузовской системы исторического образования позволяет рассчитывать на потенциальную возможность использования предложенных результатов сравнительного анализа в современном образовательном процессе

Результаты и обсуждения

Сравнительный анализ исторических судеб Севастополя и Порт-Артура (в форме минилекции преподавателя или короткого дискуссионного обсуждения с аудиторией), уместный и полезный на стадии итогового обобщения и повторения в конце крупных и важных разделов или при подготовке к экзамену, логично начинать опираясь на картографический материал и активизируя метапредметные связи истории и географии, с разбора геополитического значения этих двух стратегических пунктов на рубежах Российской империи. При этом важно обратить внимание учебной аудитории на главные проблемы геополитического положения Российской империи с точки зрения военно-морской стратегии: континентальный характер страны, отдаленность от главных артерий мирового океана, сосредоточение военных сил в закрытых морях (Балтийское и Черное), разобщенность флотов, разделенных огромным расстоянием, слабость инфраструктуры и промышленности.

Исключительно выгодное расположение Севастополя, обладавшего идеальной гаванью и тяготеющего к географическому центру Черного моря, обусловило его непреходящее значение в качестве базы военно-морского флота России и ключевого пункта в обороне Северного Причерноморья. Данный фактор оказывал определяющее влияние на

ход исторических событий начиная с момента возникновения черноморской твердыни России в XVIII в. и вплоть до крупнейших военных конфликтов XX в., превращая знаменитый город-крепость в самый эпицентр современного противостояния в рамках СВО. Однако, важно подчеркнуть, что в стратегическом плане значение Севастополя в деле контроля над черноморским бассейном может быть охарактеризовано как оборонительное – господствующая и именно наступательная роль неизбежно принадлежит Константинополю (Стамбулу) и черноморским проливам – Босфору и Дарданеллам. Именно эта позиция, акцентируя закрытый характер Черного моря, способна открыть путь русским эскадрам на Средиземное море (как это было с экспедицией Ушакова в 1798-1799 гг.) или просто запереть черноморский флот России, отрезав его от мирового океана (как это произошло в период русско-японской войны 1904-1905 гг.) [8, с. 98-99]. И главное, именно эта позиция, контролируемая Османской империей, обеспечит вход в Черное море военноморских сил Англии и Франции, в количественном и качественном отношении превосходящих русский флот, что в конечном итоге и предопределяет падение Севастополя в Крымскую войну – в то время как разработанный адмиралом Лазаревым план упреждающей русской десантной операции на Босфор так и остался не реализованным [6, с. 173-174].

Похожая ситуация складывается и в связи с характеристикой стратегического положения Порт-Артура: будучи незамерзающей в зимнее время (в отличие от Владивостока), эта прекрасно закрытая от ветра военно-морская база обеспечивала настолько надежный контроль над акваторией Желтого моря, от побережья которого не столь удалена столица Китая, что российский император в условиях раздела Поднебесной на сферы влияния мог уже рассматриваться как «хозяин Пекина» [12, с. 124]). В то же время следует обратить внимание учащихся на очевидные негативные стороны порт-артурской базы: достаточно мелководная, с очень узким входом в гавань и небольшой акваторией, она оказалась тесной для огромной тихоокеанской эскадры России, к тому же – крайне удаленной (фактически – оторванной) от центра империи и от другой дальневосточной базы – Владивостока. И точно также как в случае с Севастополем, стратегическое положение Порт-Артура, который хотя и рассматривался современниками как «Восточный Гибралтар» [25, с. 36], тем не менее, может быть охарактеризовано в качестве лишь оборонительной позиции для прикрытия побережья Маньчжурии и столичного района Китая.

В случае столкновения с Японией, из-за расположения в глубине Желтого моря он мог быть легко заблокирован и отрезан от Владивостока и самой России (что и произойдет в 1904 г.). Главной операционной зоной военных действий на море в ходе русско-японской войны будет Корейский пролив, от которого Порт-Артур был удален почти на восемьсот километров: обладание Корейским проливом гарантировало безопасность Японии – сама Корея представлялась японским стратегам в виде кинжала направленного в сторону их родных островов, именно через этот пролив японская армия начнет свое вторжение на материк, и этот пролив, контролируемый врагом, разделит и разобьет русские эскадры в Порт-Артуре и Владивостоке [7, с. 75; 12, с. 125; 25, с. 36]. Таким образом, само геополитическое положение Севастополя и Порт-Артура в период рассматриваемых военных конфликтов было более выгодно атакующей стороне, т.е. противникам России.

Общие черты по ходу сравнительного анализа выявляются и при разборе вопроса о боеготовности Севастополя и Порт-Артура к моменту начала вражеского наступления на эти приморские крепости России. Так, описывая севастопольскую крепость, преподавателю необходимо обратить внимание учащихся на ее главную проблему – к 1854 г. Севастополь был неприступен с моря, располагая грозной линией береговых батарей и практически беззащитен со стороны сухопутного фронта, где имелось лишь старое Северное укрепление построенное в 1818 г. – укреплений на Южной стороне севастопольской бухты просто не было (проекты строительства бастионов на этом направлении так и не были реализованы до Крымской войны) [21, с. 184-185, 187-188]. Поэтому у неприятельских войск был реальный шанс овладеть Севастополем, атаковав его с ходу после победы в сражении на р. Альма [21, с. 344]. Лишь невероятный труд русского гарнизона и населения города, помноженный на инженерный гений Тотлебена, позволили в кратчайший срок построить на Южной стороне бастионный фронт.

Положение с укреплениями Порт-Артура было менее катастрофическим к началу войны – крепость была подготовлена к обороне и со стороны моря и на сухопутном фронте, однако о полной боеготовности важнейшего опорного пункта Российской империи на Дальнем Востоке говорить не приходится. В результате борьбы военного руководства с министерством финансов во главе со всесильным Витте по поводу расходования бюджетных средств, для возведения порт-артурских укреплений российские военные недополучили огромную сумму в тридцать восемь

миллионов рублей. В итоге, русская крепость на Ляодунском полуострове к началу войны как подчеркивается в современных научных публикациях, была готова на одну треть или в лучшем случае на половину. В этом вопросе, крайне важно, чтобы преподаватель, используя историческую карту, акцентировал бы внимание учебной аудитории на ключевом значении Цзиньчжоуской оборонительной позиции, расположенной на перешейке в самой узкой части Ляодуна и, соответственно, играющей роль стратегических «ворот» на подступах к Порт-Артуру. Обладание данной позицией давало возможность удерживать врага на безопасном расстоянии от крепости, не позволяя осадной артиллерии угрожать городу и русской эскадре, однако именно эта ключевая позиция будет утрачена русской стороной в самом начале осады, что во многом и предопределяет судьбу Порт-Артура [1, с. 16-17; 2, с. 7; 4; 11, с. 36; 12, с. 125; 14, с. 185].

При использовании в учебном процессе сравнительного анализа осад Севастополя и Порт-Артура, представляется важной постановка вопроса о том, что кроме героизма и самопожертвования со стороны защитников крепости, обусловило длительную оборону этих приморских цитаделей Российской империи, явно не готовых в полной мере к обороне? Применительно к Севастополю, преподаватель должен акцентировать внимание аудитории на просчетах французского и английского командования, допущенных на начальном этапе наступления на эту черноморскую крепость: прежде всего – это спасительное для русской стороны промедление союзников, не решившихся атаковать Севастополь с ходу, пока сухопутный фронт его обороны еще только поспешно сооружался [21, с. 303-304, 344] (тем более, что противник на протяжении всей осады так и не блокировал полностью Севастополь – в основе проблем со снабжением крепости лежали не действия врага, а отсталая транспортная инфраструктура российской империи). Другим важнейшим фактором, обеспечившим длительность обороны севастопольской крепости, явилось вынужденное пожертвование парусным черноморским флотом – ввиду его невозможности противостоять в морском сражении превосходящей по силам паровой англо-французской эскадре, было принято единственно правильное решение затопить корабли, закрыв таким образом вход в севастопольскую бухту, а моряков и корабельные орудия использовать на суше [21, с. 305-306, 309].

Таким образом гарнизон крепости был усилен более чем боеспособным контингентом, а русские бастионы получив тяжелую корабельную артиллерию, надолго лишили противника качественного перевеса (западным союзникам потребуется немало времени для подвоза осадной артиллерии способной превзойти эти снятые с кораблей пушки).

Героизм защитников Порт-Артура также получил важное подкрепление в виде серьезных просчетов японского командования в лице генерала Ноги Марэсукэ, исходившего из заниженной оценки оборонительного потенциала русской крепости и стремившегося овладеть этой твердыней на Ляодунском полуострове как можно быстрее (до подхода 2-й Тихоокеанской эскадры с Балтики, тем более, что без переброски армии Ноги, у Японии не хватало сил для решающего удара по русским войскам в Маньчжурии). В итоге Ноги как командующий осадной армией делает ошибочную ставку исключительно на высокий боевой дух японцев и ускоренные штурмы крепости основанные на тактике использования солдат как «живых ядер», обернувшейся огромными потерями для японцев. При этом самого Ноги ярко характеризует финал его жизненного пути: в 1912 гг. будучи уже в ранге национального героя, он вместе с супругой совершит «дзюнси» – ритуальное «самоубийство вслед» после смерти императора Мэйдзи [19, с. 102; 25, с. 37-38].

Главное внимание по ходу сравнения сражений за Севастополь и Порт-Артур логично уделить раскрытию комплекса факторов обусловивших падение этих двух важнейших приморских крепостей Российской империи, тем самым формируя у обучаемых необходимые навыки анализа причинно-следственных связей, определяющих ход исторического процесса. Прежде всего в этом вопросе следует подчеркнуть превосходство разведывательных служб противника: в то время как уже в 1841 г. (за тринадцать лет до высадки англичан и французов в Крыму) английский кораблестроитель У. Саймондс предоставил британскому руководству оперативный материал о севастопольской крепости и черноморском флоте России [6, с. 164-165], российские военные и дипломаты не смогли дать Николаю I убедительных свидетельств того, что империю ожидает не очередная русско-турецкая война, а схватка с сильнейшими державами Европы и дипломатическая изоляция. Точно также, российские разведывательные службы не смогли предупредить внезапную ночную атаку японских миноносцев на корабли 1-ой Тихоокеанской эскадры на внешнем рейде Порт-Артура (хотя в теоретических работах русских флотоводцев как раз подчеркивалась угроза именно атак мино-

носцев [3]) – в итоге нападение без объявления войны позволит Японии парализовать российский флот и безнаказанно высадить свои войска на континенте.

Доминирующую роль в вопросе о причинах падения приморских цитаделей России следует отнести военно-техническому отставанию империи от ее противников. У стен Севастополя это проявлялось в отсутствии парового флота (за исключением единых пароходофрегатов), обусловившим господство англо-французской эскадры на Черном море [9, с. 117; 15; 21, с. 245; 24, с. 111-112], в устаревших гладкоствольных ружьях, обрекавших русскую пехоту на самоубийственные штыковые атаки против врага вооруженного нарезными винтовками Минье и Энфилда [21, с. 285, 288, 290, 290-294], в перевесе врага по количеству артиллерии и боеприпасов, в отсталой инфраструктуре, неспособной без железных дорог обеспечить стабильное снабжение армии [9, с. 118; 16, с. 990-991; 22, с. 763].

При обороне Порт-Артура ситуация была иной – российские военные имели не менее современное вооружение чем японцы (хотя, на море ощущалось болезненное превосходство противника в количестве и боевой мощи броненосных крейсеров, построенных на лучших верфях Европы [24, с. 169-170, 249]). Однако теперь возникала проблема в правильном использовании русской стороной современной военной техники, особенно с учетом неграмотности большинства солдат и матросов и просчетов командования, что в первую очередь обусловило неудачные действия российского флота, которые и предопределяют падение Порт-Артура. Низкая точность и эффективность артиллерийского огня, недостаточная разрушительная сила корабельных снарядов, отказ от использования миноносцев для торпедных атак вкупе с пассивностью командования, не имевшего боевого опыта (яркий пример – упущенная возможность переломить ход войны на море после операции минного транспорта «Амур», в результате которой погибли два эскадренных броненосца Японии) – все это обернется в конечном итоге гибелью 1-й Тихоокеанской эскадры [10; 11, с. 36; 25, с. 50-51]. На сухопутном фронте следует отметить использование японцами 11-дюймовых гаубиц – бетонные казематы русской крепости просто не были рассчитаны на противостояние орудиям такого калибра [20, с. 124].

Роковую роль в судьбах Севастополя и Порт-Артура сыграл и человеческий фактор, помноженный на роль трагической случайности: потеря талантливых организаторов и вдохновителей героической обороны на фоне просчетов главнокоман-

дующих – Меншикова, Алексеева. Куропаткина. Гибель адмиралов В.А. Корнилова, В.И. Истомина и П.С. Нахимова буквально обезглавит гарнизон Севастополя [18, с. 237-238], в то время как потеря броненосца «Петропавловск» и адмирала С.О. Макарова уже на начальном этапе ослабит оборону Порт-Артура [17, с. 131; 25, с. 49-50], трагический финал которой предопределил смерть генерала Р.И. Кондратенко.

Окончательно судьбу как Севастополя, так и Порт-Артура решит провал попыток главных российских сил извне помочь героической борьбе осажденных: поражения в сражениях на Черной реке и при Инкермане в 1854 г., и под г. Ляояном и на р. Шахэ в 1904 г. Взятие противником ключевых высот в системе городской обороны – Малахова кургана и горы Высокой предопределил падение обеих российских крепостей – в Севастополе российские войска отступят на Северную сторону севастопольской бухты (но это минимальное отступление будет означать падение города-крепости), в Порт-Артуре русский гарнизон капитулирует.

Выводы

В ходе войн, революционных потрясений и крахов отечественного государства, Российская империя, а впоследствии Советский Союз и Российская Федерация неоднократно теряли и вновь обретали Севастополь в качестве главной базы Черноморского флота, выстраивая некий трагический ритм севастопольской истории. Потерянный империей Порт-Артур вновь был обретен советской державой в 1945 г., но спустя десятилетие был уже окончательно утрачен [12]. В итоге и Севастополь, и Порт-Артур в качестве героических страниц отечественной истории по праву занимают важное место в учебных исторических курсах, однако конкретная детализация подвигов их защитников на основе краеведческого материала представляет огромный потенциал в деле развития современного исторического образования. Так, применительно к истории Калужского края, изучение севастопольской обороны невозможно без пересечения с биографией М.Ф. Белкина – командира знаменитого «лонета Белкина» [18, с. 377-378; 22, с. 632, 640; 23, с. 213-214]. В то же время в фондах Государственного архива Калужской области (ГАКО) хранятся документы, свидетельствующие о том, что на большинстве кораблей 1-й Тихоокеанской эскадры служили и участвовали в обороне Порт-Артура матросы – выходцы из Калужской губернии. Например, в экипаже упомянутого выше минного транспорта «Амур», а затем в десантной партии на сухопутном фронте, сражался уроженец г. Малоярославца, георгиевский ка-

валер, матрос I статьи Василий Петрович Аношенков, спасший своего ротного командира в боях на горе Высокой [5]. Применительно к краеведческим страницам истории героической обороны

Севастополя и Порт-Артура использование таких архивных источников позволяет вывести на новый уровень научно-исследовательскую работу как старшекласников, так и студентов.

Список источников

1. Айрапетов О.Р. Порт-Артур. К вопросу об организации базы флота и крепости // Вестник Московского университета. 2013. № 4. С. 3 – 22.
2. Виниченко М.В. Оборона Порт-Артура. Подземное противоборство. М.: Экспринт, 2006. 39 с.
3. Витгефт В.К. Японский и китайский флоты в последнюю китайско-японскую войну // Бриз. 1995. 06. URL: <http://keu-ocr.narod.ru/Vitgeft/>
4. Дело о сдаче крепости Порт-Артур японским войскам в 1904 г.: отчет / сост. под ред. В.А. Апушкина. СПб.: Изд. В. Березовский, 1908. 472 с.
5. Государственный архив Калужской области, ф. 32, оп. 2, д. 1277, л. 400-406 об.
6. Гребенщикова Г.А. Линейный корабль «Двенадцать Апостолов». Флагман адмирала Лазарева. М.: Яуза: Эксмо, 2016. 224 с.
7. Зорихин А.В. Российско-японское противостояние на море. Дуэль флотов и разведок. 1875-1922. М.: Центрполиграф, 2025. 351 с.
8. Инаба Ч. По следу эскадры З.П. Рожественского. Японская военно-морская разведка в годы Японо-русской войны 1904-1905 гг. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2020. 226 с.
9. Курков В.В. К вопросу об изучении причинно-следственных связей в школьном курсе истории на примере Крымской войны 1853-1856 гг. // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 5. С. 113 – 121.
10. Курков В.В. Адмиралы России и Японии в противостоянии от Порт-Артура до Цусимы: боевой опыт как решающий фактор в исходе войны 1904-1905 гг. на море // Альманах Казачество. 2022. № 59. С. 44 – 54.
11. Курков В.В., Асанова Э.С. Причины поражения российского флота в сражениях русско-японской войны: к вопросу о содержании учебного материала для углубленного изучения в школьном курсе истории // Исторический бюллетень. 2023. Т. 7. № 1. С. 34 – 39.
12. Курков В.В., Гераськова Е.Ю. Изучение причинно-следственных связей в учебных курсах на примере исторических обстоятельств утраты Порт-Артура Россией и СССР в 1905 и 1955 гг. // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 6. С. 122 – 129.
13. Курков В.В., Сайкина В.М. Использование сравнительно-исторического метода при изучении русско-японской войны 1904-1905 гг. и советско-японской войны 1945 г. // Исторический бюллетень. 2023. Т. 6. № 5. С. 47 – 51.
14. Курков В.В., Сайкина В.М. Образовательный потенциал деловых игр при изучении причинно-следственных связей на примере русско-японской войны: урок-суд по делу о сдаче Порт-Артура // Педагогическое образование. 2023. Т. 4. № 5. С. 193 – 198.
15. Рассел У.Х. Британская экспедиция в Крым. М.: Принципиум, 2014. Т. 1. 576 с.
16. Рассел У.Х. Британская экспедиция в Крым. М.: Принципиум, 2014. Т. 2. 544 с.
17. Семенов В.И. Трагедия Цусимы. М.: Яуза, Эксмо, 2008. 640 с.
18. Скрицкий Н.В. Русские адмиралы – герои Синопа. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. 463 с.
19. Спевачковский А.Б. Военная история Японии. От завоеваний древности до милитаризма XX века. М.: Центрполиграф, 2022. 255 с.
20. Строков А.А. История военного искусства. Т.5. СПб.: Полигон, 1994. 712 с.
21. Тотлебен Э.И. Описание обороны Севастополя. Часть I. Книга I. М.: Принципиум, 2017. 456 с.
22. Тотлебен Э.И. Описание обороны Севастополя. Часть I. Книга II. М.: Принципиум, 2017. 512 с.
23. Тотлебен Э.И. Описание обороны Севастополя. Часть II. Книга II. М.: Принципиум, 2017. 496 с.
24. Шершов А.П. История военного кораблестроения. С древнейших времен и до наших дней. СПб.: Полигон, 1994. 364 с.
25. Якоб Ф. Русско-японская война и ее влияние на ход истории в XX веке. СПб.: Academic Studies Press / Библиороссика, 2022. 239 с.

References

1. Airapetov O.R. Port Arthur. On the Organization of the Fleet Base and Fortress. Bulletin of Moscow University. 2013. No. 4. pp. 3 – 22.
2. Vinichenko M.V. Defense of Port Arthur. Underground Confrontation. Moscow: Eksprint, 2006. 39 p.
3. Vitgeft V.K. Japanese and Chinese Fleets in the Last Sino-Japanese War. Briz. 1995. 06. URL: <http://keu-ocr.narod.ru/Vitgeft/>
4. The Case of the Surrender of the Fortress Port Arthur to Japanese Troops in 1904: Report. compiled under the editorship of V.A. Apushkin. St. Petersburg: Publishing House of V. Berezovsky, 1908. 472 p.
5. State Archives of the Kaluga Region, f. 32, op. 2, d. 1277, p. 400-406 rev.
6. Grebenshchikova G.A. The battleship "Twelve Apostles". Flagship of Admiral Lazarev. Moscow: Yauza: Eksmo, 2016. 224 p.
7. Zorikhin A.V. Russian-Japanese confrontation at sea. Duel of fleets and intelligence services. 1875-1922. Moscow: Tsetrpoligraf, 2025. 351 p.
8. Inaba Ch. On the trail of Z.P. Rozhestvensky's squadron. Japanese naval intelligence during the Japanese-Russian War of 1904-1905. Moscow: St. Petersburg: Center for Humanitarian Initiatives, 2020. 226 p.
9. Kurkov V.V. On the issue of studying cause-and-effect relationships in the school history course using the example of the Crimean War of 1853-1856. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 113 – 121.
10. Kurkov V.V. Admirals of Russia and Japan in the confrontation from Port Arthur to Tsushima: combat experience as a decisive factor in the outcome of the 1904-1905 war at sea. Cossacks Almanac. 2022. No. 59. P. 44 – 54.
11. Kurkov V.V., Asanova E.S. Reasons for the defeat of the Russian fleet in the battles of the Russo-Japanese War: on the issue of the content of educational material for in-depth study in the school history course. Historical Bulletin. 2023. Vol. 7. No. 1. P. 34 – 39.
12. Kurkov V.V., Geraskova E.Yu. The study of cause-and-effect relationships in educational courses using the example of historical circumstances of the loss of Port Arthur by Russia and the USSR in 1905 and 1955. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 6. P. 122 – 129.
13. Kurkov V.V., Saikina V.M. The use of the comparative historical method in the study of the Russo-Japanese War of 1904-1905 and the Soviet-Japanese War of 1945. Historical Bulletin. 2023. Vol. 6. No. 5. P. 47 – 51.
14. Kurkov V.V., Saikina V.M. Educational potential of business games in studying cause-and-effect relationships using the example of the Russo-Japanese War: a trial lesson on the case of the surrender of Port Arthur. Pedagogical education. 2023. Vol. 4. No. 5. P. 193 – 198.
15. Russell W.H. British expedition to Crimea. Moscow: Principium, 2014. Vol. 1. 576 p.
16. Russell W.H. British expedition to Crimea. Moscow: Principium, 2014. Vol. 2. 544 p.
17. Semenov V.I. The tragedy of Tsushima. Moscow: Yauza, Eksmo, 2008. 640 p.
18. Skritsky N.V. Russian admirals - heroes of Sinop. M.: ZAO Tsentrpoligraf, 2006. 463 p.
19. Spevakovsky A.B. Military history of Japan. From ancient conquests to 20th century militarism. M.: Tsentrpoligraf, 2022. 255 p.
20. Stokov A.A. History of military art. Vol. 5. St. Petersburg: Polygon, 1994. 712 p.
21. Totleben E.I. Description of the defense of Sevastopol. Part I. Book I. M.: Principium, 2017. 456 p.
22. Totleben E.I. Description of the defense of Sevastopol. Part I. Book II. M.: Principium, 2017. 512 p.
23. Totleben E.I. Description of the defense of Sevastopol. Part II. Book II. M.: Principium, 2017. 496 p.
24. Shershov A.P. History of military shipbuilding. From ancient times to the present day. St. Petersburg: Polygon, 1994. 364 p.
25. Jacob F. The Russo-Japanese War and its influence on the course of history in the 20th century. St. Petersburg: Academic Studies Press. Bibliorossika, 2022. 239 p.

Информация об авторе

Курков В.В., кандидат исторических наук, доцент, Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского

© Курков В.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 271.22+94(47)

Монастыри средневековой Руси: культурно-просветительная миссия и социальная роль

¹ Шалькова В.А.,
¹ Академия Государственной противопожарной службы МЧС России

Аннотация: данная статья посвящена изучению роли монастырей в культурной и экономической жизни средневековой Руси. Автор рассматривает монастыри как важнейшие центры духовной и материальной культуры, образования и социального благополучия. Подробно освещаются различные аспекты деятельности монастырей, начиная от просветительской миссии и заканчивая организацией производства и хозяйственной деятельностью. Особый акцент сделан на сохранении монастырей как музеев и хранилищ культурного наследия. Приводится исторический обзор становления и развития монастырей, демонстрирующий их влияние на формирование национальной идентичности и традиций. Использование материалов известных исследователей подчеркивает научный характер исследования и его связь с существующими академическими работами в данной области.

Ключевые слова: монастырь, культурная жизнь, культура, монашество, личность, русский народ, духовное воспитание

Для цитирования: Шалькова В.А. Монастыри средневековой Руси: культурно-просветительная миссия и социальная роль // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 162 – 166.

Поступила в редакцию: 20 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 23 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Monasteries of Medieval Rus': cultural and educational mission and social role

¹ Shalkova V.A.,
¹ Academy of the State Fire Service EMERCOM of Russia

Abstract: this article is devoted to the study of the role of monasteries in the cultural and economic life of medieval Rus'. The author considers monasteries as the most important centers of spiritual and material culture, education and social well-being. Various aspects of the monasteries' activities are covered in detail, from the educational mission to the organization of production and economic activity. Particular emphasis is placed on the preservation of monasteries as museums and repositories of cultural heritage. A historical overview of the formation and development of monasteries is given, demonstrating their influence on the formation of national identity and traditions. The use of materials from famous researchers emphasizes the scientific nature of the study and its connection with existing academic works in this area.

Keywords: monastery, cultural life, culture, monasticism, personality, Russian people, spiritual education

For citation: Shalkova V.A. Monasteries of Medieval Rus': cultural and educational mission and social role. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 162 – 166.

The article was submitted: April 20, 2025; Approved after reviewing: June 23, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Русские монастыри возникли в контексте формирования национального самосознания и исторического развития государства, часто становясь ответом на общественные и национальные потрясения. Культура монастыря неразрывно связана с духовной, социальной и экономической жизнью общества, что подчёркивает важность изучения роли монастырей в истории и культурологии.

При написании данной работы была использована литература следующих авторов: Дунаева М.М., Казина А.Л., Кедрова Н.И. и некоторых других авторов.

Монастыри на Руси с древнейших времен являлись центрами культуры, где осуществлялось летописание, развивалось иконописное искусство, собиралась и хранилась церковная утварь, имевшая высокую художественную ценность. Деятельность монастырей играла важную роль в распространении просвещения. При многих монастырях существовали школы, обучавшие письму и грамоте. Монахи также обучали население рукоделию, правильному чтению молитв и духовной литературы, находившейся в монастырских библиотеках. Крупные монастыри занимались созданием и переписыванием рукописей [6].

Материалы и методы исследований

При анализе архивных источников и других материалов были использованы аналитический, ретроспективный и проблемно-хронологический методы. Изучаемые вопросы рассмотрены в развитии и взаимосвязи, с учетом как общих, так и частных особенностей.

Результаты и обсуждения

Конец X века ознаменовался появлением летописания. В XI-XII веках Киево-Печерский монастырь стал одним из крупнейших центров летописания. Благодаря монастырям многие летописи сохранились до наших дней [1]. Летописи позволяют проследить процесс формирования исторических знаний о русском народе и государстве. Школы и академии при монастырях являлись основными центрами распространения знаний. Можно утверждать, что просвещение на Руси начиналось с церковной проповеди [8].

Иконописные школы при монастырях оставили богатое художественное наследие в виде иконостасов и росписей. Архивные документы, сохра-

ненные монастырями, являются ценнейшим источником знаний о прошлом страны.

Монастыри объединяли людей на основе духовных идеалов и отказа от норм светской жизни. В средние века монастыри оказывали помощь больным, инвалидам, а также поддерживали больницы, строили приюты и учебные заведения [4, 7].

Монастыри вмещали в себя больницы, существующие на бесплатном основании, аптеку, библиотеку, помещения, отведенные для паломников. Бедные люди в монастырях могли получать бесплатный обед.

Монастыри играли важную роль не только в культурной и религиозной сферах, но и в формировании экономических отношений. Их вклад в экономику страны проявлялся в различных аспектах, включая земледелие, торговлю, производство товаров и услуг, развитие инфраструктуры и социальных институтов. Монастыри являлись крупными землевладельцами и активно занимались сельским хозяйством. Они организовывали хозяйства, занимаясь выращиванием зерновых культур, разведением скота, огородничеством и садоводством. Это позволяло обеспечивать себя продовольствием и продавать излишки продукции на рынке. Например, Новгородские монастыри владели обширными землями и вели успешное хозяйство, что способствовало развитию местной экономики.

Торговая деятельность также играла важную роль в экономике монастырей. Монастыри выступали активными участниками торговой деятельности. Они создавали ярмарки и рынки, привлекая торговцев и покупателей. Многие крупные торговые пути проходили через территорию монастырей, что обеспечивало приток денежных средств и укрепление экономического положения региона. Ярким примером является Соловецкий монастырь, который контролировал торговлю солью и рыбой в регионе Белого моря.

Монастыри производили разнообразные товары и услуги, необходимые населению. Они занимались обработкой древесины, производством тканей, кожаных изделий, керамики и металла. Особое внимание уделялось строительству зданий и храмов, что стимулировало развитие строительной отрасли. Например, Кирилло-Белозерский монастырь славился своими каменщиками и плотниками, работавшими над созданием уникальных архитектурных ансамблей. Монастыри вносили

значительный вклад в создание и поддержание инфраструктуры регионов. Они строили дороги, мосты, колодцы и каналы, облегчая передвижение и обеспечивая водоснабжение. Кроме того, монастыри выполняли важные социальные функции, предоставляя убежище бедным и нуждающимся, заботясь о больных и стариках. Эти мероприятия укрепляли социальную стабильность и улучшали качество жизни населения.

Монастырь как крепость также является важной частью русской культуры. Изначально русские монастыри строились в городах и окружались крепостными стенами для защиты. Хотя изначально монахи не брали в руки оружие, после татаро-монгольского нашествия этот запрет был снят.

Крепостные стены монастырей служили важным оборонительным элементом, позволяя защитникам использовать кипящую смолу и камни. Деревянные стены, соединенные небольшими перегородками, заполнялись камнями и песком [2]. В XV веке увеличилось количество монастырей-крепостей, расположенных не только в городах и пригородах, но и на торговых путях.

Монастыри XVII-XVIII веков строились с учетом бойниц. К концу XVIII века военные отказались от монастырских крепостей, заменив их бастионными сооружениями. К XIX веку оборонительное значение монастырей было утрачено [5].

Монастыри продолжали служить укреплениями для таких городов, как Новгород, Псков, Смоленск, а также укрытием для местного населения во время войн.

Деятельность монастырей постоянно развивалась, сохраняя при этом верность традициям. Монастыри на протяжении веков передавали знания и традиции из поколения в поколение.

Примером такого монастыря является Новодевичий монастырь в Москве, основанный великим князем Василием III. Монастырь действует и сегодня, являясь частью Государственного исторического музея. Коллекция музея включает монастырскую ризницу и уникальный ансамбль XVI-XVII веков. Некоторые предметы из монастыря вошли в государственный музейный фонд. В составе музея находится около двенадцати тысяч единиц хранения, в основном живопись, роспись по ткани, архивные документы, рукописи и старинные книги [3].

Соловецкий монастырь является одним из крупнейших монастырей России, сохранившим рукописи и произведения живописи, являющиеся национальным наследием. Соловецкий монастырь известен своими каменными постройками XV века и уникальным архитектурным комплексом. В монастыре хранятся рукописи, иконы и большая библиотека. В 1967 году был создан Соловецкий государственный историко-архитектурный и природный музей-заповедник, филиал Архангельского краеведческого музея, одного из ведущих в России.

Ферапонтов монастырь, расположенный на северо-западе России, представляет собой архитектурный комплекс XV-XVII веков. Его ансамбль включен в Список Всемирного наследия ЮНЕСКО, как и более 1000 объектов Соловецкого монастыря.

Выводы

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в средние века монастыри были неотъемлемой частью общественной и культурной жизни. Сохранившиеся до наших дней предметы церковной утвари, росписи, иконы и живопись, а также архитектурный облик монастырей подтверждают их влияние на культуру.

Монастырь, являясь культурным центром Руси, имеет важное культурологическое значение в истории, оказывая влияние на экономическую, социальную и культурную сферы жизни страны.

В настоящее время монастыри сохраняют свою историческую роль как культурные центры, музеи и места паломничества, имея большое значение для сохранения и передачи духовно-культурного наследия из поколения в поколение, что способствует формированию традиционных ценностей.

При многих монастырях существовали крупные библиотеки, а в мастерских создавались иконы. Написанные труды распространялись среди паломников, которые несли их в мир.

Передача культурных традиций осуществлялась через чтение книг, слушание песен и молитв во время богослужений. Традиции монастыря показывают, что даже человек, не занимавшийся интеллектуальным трудом, легче усваивал знания, чем человек, не связанный с церковной жизнью. Неграмотный человек, оставаясь при монастыре, вскоре овладевал грамотой и знанием Священного Писания.

Список источников

1. Карамзин Н.М. История государства Российского: Золотой век, Диамант. Кн. 1. (Т. 1-4). СПб. 1997. 623 с.
2. Васильева О.Ю. Судьбы русских монастырей в XX веке // Монашество и монастыри в России XI -XX века исторические очерки. М. 2002. 570 с.

3. Дунаев М.М. Православие и русская литература. 2-е изд., испр., доп. М.: Храм святой мученицы Татианы при МГУ. 2002. Т. 3. 768 с.
4. Ильин И.А. Что дало России Православное христианство. Манифест Русского Движения. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hrono.ru/statii/2009/ilin_manifest.
5. Казин А.Л. Монастырский аспект русской культуры // Наследие монастырской культуры: ремесло, художество, искусство: Материалы ист.-теор. конф./ М-во Культуры РФ; РАН; РИИИ. СПб. 1996. 322 с.
6. Кедров Н.И. Просветительская деятельность Троице-Сергиева монастыря за три века ее существования // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М. 1892. № 10. 580 с.
7. Пушкин А.С.: «Мы обязаны монахам нашей историей, а, следовательно, и просвещением» («Заметки по русской истории XVIII в.») // Русская вера. 3 июля 2014. [Электронный ресурс]. URL: https://ruvera.ru/articles/my_obyazany_monaham
8. Архипов Д.А., Гончаров А.Н. Историко-культурное значение русских монастырей XII–XV веков // Вопросы истории. 2021. № 8. С. 121 – 132.
9. Воронин Н.И. Русские монастыри в эпоху средневековья: исторический обзор и перспективы изучения // Вестник Томского государственного университета. Серия история. 2020. Т. 53. С. 31 – 40.
10. Герасимова О.В. Архитектурные особенности древнерусских монастырей XI–XIV веков // Культура и искусство Древней Руси. М.: Наука, 2022. С. 85 – 102.
11. Иванов П.С. Роль монастырей в культурном развитии Древней Руси (XI–XIII вв.) // Гуманитарий Юга России. 2023. № 1. С. 57 – 68.
12. Карпов А.Г. Экономическая деятельность русских монастырей периода средневековья // Российский гуманитарный журнал. 2021. Т. 10. № 3. С. 12 – 25.
13. Макарова Е.М. Религиозные центры древней Руси: влияние монастырей на формирование духовной культуры общества // Мир науки, культуры, образования. 2020. № 5. С. 156 – 163.
14. Петрова Л.П. Монастырская жизнь на Руси в X–XII веках: исследования исторических источников // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2022. № 2. С. 123 – 135.
15. Соколов А.Ю. Функционирование монастырской системы в раннесредневековой Руси: социальные аспекты // Российское историческое обозрение. 2023. № 2. С. 43 – 55.

References

1. Karamzin N.M. History of the Russian State: Golden Age, Diamond. Book 1. (T. 1-4). St. Petersburg 1997. 623 p.
2. Vasilyeva O.Yu. The fate of Russian monasteries in the 20th century. Monasticism and monasteries in Russia of the 11th – 20th centuries, historical essays. M. 2002. 570 p.
3. Dunaev M.M. Orthodoxy and Russian literature. 2nd ed., revised, additional. M.: Church of the Holy Martyr Tatiana at Moscow State University. 2002. T. 3. 768 p.
4. Ilyin I.A. What Orthodox Christianity gave Russia. Manifesto of the Russian Movement. [Electronic resource]. URL: http://www.hrono.ru/statii/2009/ilin_manifest.
5. Kazin A.L. Monastic aspect of Russian culture. Heritage of monastic culture: craft, art, art: Proc. of the hist.-theor. conf. Ministry of Culture of the Russian Federation; RAS; RIHI. SPb. 1996. 322 p.
6. Kedrov N.I. Educational activity of the Trinity-Sergius Monastery over three centuries of its existence. Readings in the Society of Lovers of Spiritual Education. Moscow, 1892. No. 10. 580 p.
7. Pushkin A.S.: “We owe our history to the monks, and, consequently, education” (“Notes on Russian history of the 18th century”). Russian faith. July 3, 2014. [Electronic resource]. URL: https://ruvera.ru/articles/my_obyazany_monaham
8. Arkhipov D.A., Goncharov A.N. Historical and cultural significance of Russian monasteries of the 12th-15th centuries. Questions of history. 2021. No. 8. P. 121 – 132.
9. Voronin N.I. Russian monasteries in the Middle Ages: historical review and study prospects. Bulletin of Tomsk State University. History series. 2020. Vol. 53. P. 31 – 40.
10. Gerasimova O.V. Architectural features of ancient Russian monasteries of the 11th-14th centuries. Culture and art of Ancient Rus'. Moscow: Nauka, 2022. P. 85 – 102.
11. Ivanov P.S. The Role of Monasteries in the Cultural Development of Ancient Rus' (11th-13th Centuries). Humanitarian of the South of Russia. 2023. No. 1. P. 57 – 68.
12. Karpov A.G. Economic Activity of Russian Monasteries in the Middle Ages. Russian Humanitarian Journal. 2021. Vol. 10. No. 3. P. 12 – 25.

13. Makarova E.M. Religious Centers of Ancient Rus': The Influence of Monasteries on the Formation of the Spiritual Culture of Society. The World of Science, Culture, Education. 2020. No. 5. P. 156 – 163.
14. Petrova L.P. Monastic Life in Rus' in the 10th-12th Centuries: Research of Historical Sources. Scientific Bulletin of Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2022. No. 2. P. 123 – 135.
15. Sokolov A.Yu. Functioning of the monastic system in early medieval Rus': social aspects. Russian Historical Review. 2023. No. 2. P. 43 – 55.

Информация об авторе

Шалькова В.А., кандидат исторических наук, доцент, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России, 7783704@mail.ru

© Шалькова В.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 338.22:334.7

Малое предпринимательство Казани в условиях экономической нестабильности (1985-1999)

¹ *Шарапов М.А.,
Казанский (Приволжский) федеральный университет*

Аннотация: статья посвящена комплексному анализу становления и развития малого предпринимательства в Казани в период с 1985 по 1999 годы, характеризующийся глубокой экономической нестабильностью. Целью исследования является выявление ключевых этапов формирования предпринимательского класса, анализ механизмов адаптации бизнеса к изменяющимся условиям и оценка влияния региональной специфики на эти процессы. Задачами стали: изучение первых шагов частной инициативы в рамках кооперативного движения и индивидуальной трудовой деятельности в период Перестройки; рассмотрение последующего формирования рыночных отношений после распада СССР, с акцентом на роль Декларации о суверенитете и договора о разграничении полномочий Республики Татарстан в создании благоприятной бизнес-среды; а также анализ проблем (высокая инфляция, нестабильность налоговой системы, кризис 1998 года) и стратегий выживания казанских предпринимателей.

Особое внимание уделяется двойственной природе экономической нестабильности, которая выступала как препятствием, так и катализатором предпринимательской активности, а также исключительной важности регионального политического фактора и целенаправленной поддержки со стороны институтов, таких как Торгово-промышленная палата РТ и Республиканский фонд финансовой поддержки.

Практическое применение результатов исследования заключается в возможности использования выявленного исторического опыта формирования предпринимательской среды в условиях трансформационных процессов для разработки современных стратегий поддержки малого и среднего бизнеса, особенно в регионах с уникальной экономической и политической спецификой. Понимание уроков прошлого способствует эффективному прогнозированию и управлению развитием предпринимательства в периоды кризисов и неопределенности. В статье делается вывод о том, что, несмотря на трудности, малое предпринимательство укрепило свои позиции и стало неотъемлемым элементом городской экономики Казани к концу 1990-х годов.

Ключевые слова: малое предпринимательство, Казань, экономическая нестабильность, перестройка, рыночная экономика, Республика Татарстан, суверенитет, Торгово-промышленная палата, финансовая поддержка, кризис 1998 года, адаптация бизнеса, развитие

Для цитирования: Шарапов М.А. Малое предпринимательство Казани в условиях экономической нестабильности (1985-1999) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 167 – 174.

Поступила в редакцию: 21 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Small entrepreneurship in Kazan in the conditions of economic instability (1985-1999)

¹ Sharapov M.A.,
¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: the article is devoted to a comprehensive analysis of the formation and development of small entrepreneurship in Kazan in the period from 1985 to 1999, characterized by profound economic instability. The purpose of the study is to identify the key stages in the formation of the entrepreneurial class, analyze the mechanisms of business adaptation to changing conditions and assess the impact of regional specifics on these processes. The objectives were: to study the first steps of private initiative within the framework of the cooperative movement and individual labor activity during Perestroika; to consider the subsequent formation of market relations after the collapse of the USSR, with an emphasis on the role of the Declaration of Sovereignty and the Treaty on the Delimitation of Powers of the Republic of Tatarstan in creating a favorable business environment; as well as an analysis of problems (high inflation, instability of the tax system, the 1998 crisis) and survival strategies of Kazan entrepreneurs.

Particular attention is paid to the dual nature of economic instability, which acted both as an obstacle and a catalyst for entrepreneurial activity, as well as the exceptional importance of the regional political factor and targeted support from institutions such as the Chamber of Commerce and Industry of the Republic of Tatarstan and the Republican Fund for Financial Support.

The practical application of the research results lies in the possibility of using the identified historical experience of forming an entrepreneurial environment in the context of transformation processes to develop modern strategies for supporting small and medium-sized businesses, especially in regions with unique economic and political specifics. Understanding the lessons of the past contributes to more effective forecasting and management of entrepreneurship development in periods of crisis and uncertainty. The article concludes that, despite the difficulties, small entrepreneurship has strengthened its position and become an integral part of the urban economy of Kazan by the end of the 1990s.

Key words: small business, Kazan, economic instability, perestroika, market economy, Republic of Tatarstan, sovereignty, Chamber of Commerce and Industry, financial support, 1998 crisis, business adaptation, development

For citation: Sharapov M.A. *Small entrepreneurship in Kazan in the conditions of economic instability (1985-1999)*. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 167 – 174.

The article was submitted: April 21, 2025; Approved after reviewing: June 24, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Период с 1985 по 1999 годы вошел в историю России как эпоха кардинальных и зачастую болезненных трансформаций. Демонтаж плановой советской экономики и мучительный переход к рыночным отношениям сопровождались глубокой экономической нестабильностью, политическими потрясениями и социальной дезориентацией. Зарождение и становление частного предпринимательства стало одним из наиболее символических процессов новой эпохи. Оно выступало одновременно и продуктом, и двигателем происходящих перемен, отражая все сложности, противоречия и возможности переходного периода.

Город Казань, будучи крупным промышленным, научным и культурным центром, не остался в стороне от этих общенациональных тенденций. Однако его траектория развития имела выражен-

ную региональную специфику, во многом обусловленную уникальной политической и экономической ситуацией в Республике Татарстан. Провозглашение государственного суверенитета в 1990 году и последующее подписание договора о разграничении полномочий с федеральным центром создали для республики особые рамочные условия. Эта «татарстанская модель» развития, характеризующаяся большей политической стабильностью и экономической самостоятельностью, оказала прямое влияние на формирование бизнес-климата и, в частности, на развитие малого предпринимательства.

Становление и развитие малого предпринимательства в Казани в хронологических рамках 1985-1999 годов охватывает три этапа: начальный, связанный с первыми легализованными формами частной инициативы в рамках «перестройки»

(1985-1991 гг.); основной, характеризующийся формированием институциональной и правовой базы рыночной экономики в условиях «суверенного» Татарстана (1991-1997 гг.); и кризисный, когда нарождающийся бизнес-сектор прошел суровое испытание на прочность в условиях финансового коллапса 1998 года (1998-1999 гг.).

Актуальность исследования обусловлена необходимостью осмысления исторического опыта формирования предпринимательского класса в России. Изучение того, как в условиях беспрецедентной экономической нестабильности зарождались и выживали малые предприятия, какие стратегии адаптации они использовали и какую роль в процессе играли региональные власти, чтобы понять природу современной российской экономики и ее институтов. Опыт Казани представляет особый интерес, так как демонстрирует модель развития, в которой региональная политическая воля была целенаправленно использована для создания благоприятной, по сравнению с общероссийской, среды для бизнеса.

Материалы и методы исследований

Для достижения поставленных целей и обеспечения комплексности анализа в настоящей работе использована совокупность научных методов. Историко-системный подход помог рассмотреть становление малого предпринимательства в Казани не как набор разрозненных фактов, а как целостный, динамичный процесс, разворачивающийся во времени. Малое предпринимательство анализируется как система, элементы которой (предприятия, предприниматели, инфраструктура поддержки) тесно взаимосвязаны и находятся под постоянным влиянием внешней среды – политических, экономических и социальных факторов общероссийского и регионального масштаба.

Проблемно-хронологический метод применялся для изложения материала, которое строится в соответствии с хронологией событий (от перестройки до конца 1990-х), чтобы проследить эволюцию изучаемого явления. Однако, внутри каждого хронологического этапа акцент делается на ключевых проблемах и вызовах, с которыми сталкивалось малое предпринимательство, и способах их преодоления. Сравнительно-исторический анализ использовался для выявления региональной специфики процессы, происходившие в Казани, сопоставлялись с общероссийскими тенденциями. Сравнение правового поля, уровня государственной поддержки и общей экономической ситуации в республике и в Российской Федерации в целом помогло обосновать тезис об уникальности «татарстанской модели» и ее влиянии на создание

предсказуемого и благоприятного бизнес-климата [5].

Особое внимание в исследовании уделено анализу формирования и функционирования институтов, регулирующих и поддерживающих предпринимательскую деятельность. Изучена роль нормативно-правовых актов (законы СССР, указы Президента РТ, постановления Кабинета министров РТ) и организаций (Торгово-промышленная палата РТ, Фонд финансовой поддержки малого предпринимательства). Анализ их помог понять, как создавались «правила игры» для нового экономического сектора [1, 2].

Результаты и обсуждения

Зарождение предпринимательства в условиях Перестройки (1985-1991 гг.) совпадает с провозглашением курса на «ускорение социально-экономического развития» и последующей «перестройкой». Советская экономика, основанная на тотальном государственном планировании и доминировании гигантских промышленных предприятий, к середине 1980-х годов демонстрировала явные признаки стагнации. Хронический дефицит потребительских товаров и услуг стал повседневной реальностью для граждан, в том числе и для жителей Казани – крупного индустриального центра. Именно в попытке решить проблему советское руководство сделало первые, крайне осторожные шаги к легализации частной инициативы.

Основным документом данного этапа стал Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности», принятый 19 ноября 1986 года. Он разрешал гражданам и членам их семей в свободное от основной работы время заниматься производством товаров и оказанием услуг. Однако закон был полон ограничений: запрещалось использование наемного труда, а перечень разрешенных видов деятельности был строго регламентирован и сводился в основном к бытовым услугам, кустарным промыслам и репетиторству. В Казани, как и по всей стране, первыми «индивидуалами» стали ремесленники (швеи, сапожники, часовщики), фотографы, репетиторы. Их деятельность, хотя и была легализована, часто воспринималась общественным мнением и местными властями с подозрением, как нечто чуждое социалистическому строю.

Настоящим прорывом стал Закон СССР «О кооперации в СССР» от 26 мая 1988 года. Закон впервые со времен НЭПа легализовал коллективное частное предпринимательство. Кооперативы получили право самостоятельно планировать свою деятельность, устанавливать цены на продукцию, нанимать работников и вести внешнеэкономическую деятельность, тем самым создались принципиально новые возможности. В Казани начался

настоящий кооперативный бум. Первые кооперативы создавались в сферах, где спрос был наиболее неудовлетворенным:

Открывались небольшие кафе, шашлычные, пельменные, которые предлагали альтернативу стандартизированному советским столовым. Появились кооперативы по ремонту бытовой техники, автомобилей, пошиву одежды. Их преимуществом были скорость и качество, недостижимые для государственных ателье и мастерских. Откры-

валось производство товаров народного потребления, начался выпуск дефицитных товаров – от модной джинсовой одежды («варенки») до мебели и строительных материалов. Наиболее прибыльной, но и рискованной сферой стала закупка товаров в одних регионах и их перепродажа в других. Именно такая деятельность, балансирующая на грани спекуляции, формировала первые крупные капиталы [7].

Таблица 1

Зарождение предпринимательства в условиях Перестройки в Казани (1985-1991 гг.).

Table 1

The emergence of entrepreneurship in the context of Perestroika in Kazan (1985-1991).

Критерий	Описание
Нормативная база	Закон СССР «Об индивидуальной трудовой деятельности» (1986 г.) – разрешал индивидуальную деятельность с ограничениями (без наемного труда, ограниченные виды деятельности). Закон СССР «О кооперации в СССР» (1988 г.) – легализовал коллективное частное предпринимательство, разрешил наемный труд, самостоятельное ценообразование.
Виды деятельности	Индивидуальная – ремесленники (швеи, сапожники, часовщики), фотографы, репетиторы. Кооперативы: общественное питание (кафе, шашлычные), бытовые услуги (ремонт техники, пошив одежды), производство товаров народного потребления (одежда, мебель), торгово-закупочная деятельность.
Основные проблемы	Бюрократические препоны (регистрация, разрешения), проблемы с материально-техническим снабжением (дефицит сырья, оборудования), негативное общественное мнение и давление правоохранительных органов, отсутствие рыночного опыта и знаний (маркетинг, финансы).
Результаты и значение	Заложил фундамент для будущего сектора малого бизнеса, сформировал первый слой предпринимателей (инициативных, готовых к риску, с первоначальным капиталом), накоплен опыт выживания в хаотичной экономической среде.

Несмотря на открывшиеся возможности, казанские кооператоры сталкивались с колоссальными трудностями. Во-первых, бюрократические препоны при регистрации и получении разрешений. Во-вторых, проблемы с материально-техническим снабжением, так как в условиях плановой экономики достать сырье, оборудование или арендовать помещение можно было зачастую только через неформальные связи или по завышенным ценам. В-третьих, негативное общественное мнение и давление со стороны правоохранительных органов, которые часто видели в кооператорах «рвачей» и «спекулянтов». Наконец, отсутствие рыночного опыта, знаний в области маркетинга и финансов приводило к многочисленным ошибкам и банкротствам [3].

Тем не менее, к началу 1990-х годов кооперативное движение в Казани заложило фундамент для будущего сектора малого бизнеса. Оно сформировало первый слой предпринимателей – людей, обладавших инициативой, готовностью к риску и первоначальным капиталом. Однако, накоплен бесценный опыт выживания в хаотичной экономической среде, который оказался жизненно необходимым на следующем, еще более сложном этапе.

Распад СССР и либерализация цен в начале 1992 года («шоковая терапия») ввергли российскую экономику в состояние гиперинфляции и производственного спада. Однако для Казани данный период ознаменовался не только экономическим хаосом, но и обретением особого политического статуса. Принятие 30 августа 1990 года Декларации о государственном суверенитете и подписание 15 февраля 1994 года Договора «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий» с Российской Федерацией предоставили республике значительную экономическую самостоятельность. Руководство Казани получило право распоряжаться собственностью на своей территории, контролировать значительную часть природных ресурсов и проводить собственную внешнеэкономическую политику [2].

Политическая стабильность и предсказуемость курса руководства республики, возглавляемого Президентом М.Ш. Шаймиевым, создали в Казани, рамочные условия для бизнеса, которые выгодно отличались от ситуации во многих других регионах России. Сделана ставка на «мягкое» вхождение в рынок и целенаправленную поддержку основных секторов экономики, а также нарождающегося предпринимательства [5]. Именно в

этот период начинается формирование институциональной инфраструктуры поддержки бизнеса. Идея создания Торгово-промышленной палаты Республики Татарстан (ТПП РТ) поддержана Указом Президента РТ уже в 1992 году, свидетельствуя о раннем понимании властями важности самоорганизации бизнеса. ТПП РТ стала не просто формальным объединением, а действенным инструментом. Ее основными функциями являлись:

- Представление и защита интересов бизнеса в органах власти, участие в разработке законопроектов.

- Развитие внешнеэкономических связей. Палата помогала казанским предпринимателям выходить на зарубежные рынки, организовывала выставки, бизнес-миссии, предоставляла информацию о зарубежных партнерах.

- Информационно-консультационная поддержка. ТПП оказывала юридические, экономические и маркетинговые консультации, что было жизненно важно для предпринимателей, не имевших специального образования [1, 2].

Татарский республиканский фонд финансовой поддержки малого предпринимательства. Созданный в 1995 году по постановлению Кабинета министров РТ, Фонд стал первым в республике специализированным институтом государственной финансовой помощи малому бизнесу. В условиях,

когда коммерческие банки из-за гиперинфляции выдавали кредиты под сотни процентов годовых, доступ к «длинным» и дешевым деньгам был практически невозможен. Фонд начал предоставлять льготное кредитование инвестиционных проектов малых предприятий [2]. Фонд помог многим казанским фирмам закупить оборудование, модернизировать производство, расширить свою деятельность. В первую очередь поддержка оказывалась производственным и инновационным проектам, что стимулировало диверсификацию экономики города. В этот период происходит значительное расширение и диверсификация малого бизнеса в Казани. Если на первом этапе доминировали торговля и простейшие услуги, то теперь малый бизнес активно осваивает новые ниши. Появляются небольшие цеха по производству продуктов питания (пекарни, колбасные цеха), строительных материалов, мебели, одежды. Малые строительные фирмы активно участвуют в ремонте и отделке помещений, а также в малоэтажном строительстве. Возникают частные таксомоторные компании и фирмы по грузоперевозкам. Также развиваются консалтинговые, аудиторские, юридические, риэлторские и рекламные агентства, появляются первые частные образовательные и медицинские центры.

Таблица 2

Формирование рыночной среды Казани в условиях «суверенного» Татарстана (1991-1997 гг.).

Table 2

Formation of the market environment of Kazan in the conditions of “sovereign” Tatarstan (1991-1997).

Критерий	Описание
Политическая среда	Распад СССР, либерализация цен (1992 г.), обретение Татарстаном особого политического статуса (Декларация о суверенитете 1990 г., Договор с РФ 1994 г.), значительная экономическая самостоятельность республики, ставка на «мягкое» вхождение в рынок и поддержка предпринимательства.
Институциональная поддержка	Торгово-промышленная палата Республики Татарстан (ТПП РТ) создана в 1992 г. Защита интересов бизнеса, развитие внешнеэкономических связей, информационно-консультационная поддержка, создание цивилизованной бизнес-среды. Татарский республиканский фонд финансовой поддержки малого предпринимательства: создан в 1995 г. Льготное кредитование инвестиционных проектов малых предприятий (особенно производственных и инновационных).
Расширение видов бизнеса	Значительная диверсификация – производство (продукты питания, стройматериалы, мебель, одежда), строительство (ремонт, отделка, малоэтажное строительство), транспортные услуги (такси, грузоперевозки), сфера услуг (консалтинг, аудит, юридические, риэлторские, рекламные агентства, частные образовательные и медицинские центры).
Результаты и значение	Малое предпринимательство стало заметным явлением в экономике Казани, насыщение потребительского рынка, создание новых рабочих мест. Формирование предпринимательской инфраструктуры (бизнес-центры, учебные курсы, специализированные СМИ). Создание стабильных и предсказуемых рамочных условий для бизнеса по сравнению с другими регионами России.

К середине 1990-х годов малое предпринимательство становится заметным явлением в экономической жизни Казани. Оно не только насыщает потребительский рынок, но и создает новые рабочие места, что было особенно важно на фоне сокращений на крупных государственных предприятиях. Формируется предпринимательская инфраструктура, появляются бизнес-центры, учебные курсы для предпринимателей, специализированные СМИ [8].

Несмотря на относительную стабильность в Татарстане, малый бизнес Казани (1998–1999 гг.) испытывал на себе все тяготы общероссийского экономического климата. Главными проблемами оставались высокая инфляция, обесценивавшая сбережения и оборотные средства, и нестабильное, запутанное налоговое законодательство, которое постоянно менялось и создавало почву для коррупции. Серьезнейшим вызовом стала криминализация экономики. Рэкет и необходимость платить за «крышу» были суровой реальностью для многих предпринимателей, особенно в сфере торговли и услуг.

Катастрофическим ударом по всей российской экономике и по малому бизнесу стал финансовый кризис 17 августа 1998 года. Объявление правительством РФ дефолта по государственным краткосрочным обязательствам (ГКО) и резкая девальвация рубля (курс доллара за несколько месяцев вырос в 3–4 раза) имели тяжелейшие последствия:

- Реальные доходы населения резко сократились, что привело к обвальному падению спроса на большинство товаров и услуг.

- Для предприятий, использовавших импортное сырье, комплектующие или оборудование, себестоимость продукции многократно возросла.

- Компании, имевшие кредиты или обязательства в иностранной валюте, оказались на грани банкротства.

- Крах банковской системы лишил многие предприятия оборотных средств.

Для малого бизнеса Казани кризис 1998 года стал моментом истины. Многие предприятия, особенно в сфере торговли импортными товарами, не смогли выжить и прекратили свое существование. Однако этот же кризис, как ни парадоксально, создал и новые возможности. Он продемонстрировал главное преимущество малых предприятий – их гибкость и способность к быстрой адаптации [4].

В условиях кризиса казанские предприниматели применили различные стратегии выживания. Резкое удорожание импорта открыло дорогу для местных производителей. Многие малые предприятия Казани смогли быстро переориентироваться

и занять освободившиеся ниши, начав производить товары, которые раньше завозились из-за рубежа (продукты питания, одежда, бытовая химия, мебель).

Малые предприятия были вынуждены максимально сокращать расходы, искать дешевых местных поставщиков, внедрять ресурсосберегающие технологии. Некоторые малые компании сумели найти спрос на свою продукцию в других регионах России или даже в странах СНГ. Многие предприниматели, потеряв основной бизнес, вкладывали оставшиеся средства в новые, востребованные в кризисных условиях направления (например, из торговли переходили в мелкое производство или сферу услуг первой необходимости).

Кризис 1998 года стал жестоким, но эффективным уроком. Он «очистил» рынок от слабых и неэффективных игроков, заставив выживших стать профессиональными, расчетливыми и устойчивыми. К концу 1999 года малый бизнес Казани не только оправился от шока, но и во многом укрепил свои позиции, особенно в производственном секторе.

Анализируя развитие малого предпринимательства в Казани с 1985 по 1999 год, можно выделить несколько ключевых тенденций. Во-первых, становится очевидной двойственная природа экономической нестабильности того периода. С одной стороны, она была главным препятствием для развития бизнеса [10]. Гиперинфляция, правовой хаос, непредсказуемость экономической политики правительства создавали среду, враждебную для долгосрочных инвестиций и цивилизованного ведения дел. С другой стороны, именно нестабильность, порождаящая тотальный дефицит и неэффективность государственной экономики, создавала бесчисленные рыночные ниши и возможности для получения быстрой прибыли. Первые предприниматели были по своей сути «ловцами момента», способными извлекать выгоду из хаоса. Таким образом, нестабильность выступала и как барьер, и как катализатор предпринимательской активности.

Во-вторых, исследование убедительно доказывает исключительную важность регионального политического фактора. «Татарстанская модель», основанная на политическом суверенитете и экономической самостоятельности, стала своего рода «буфером», смягчившим для республики наиболее разрушительные последствия общероссийского транзитного кризиса [5]. В то время как во многих регионах России шла ожесточенная борьба за власть и собственность, в Татарстане была обес-

печена преемственность и относительная стабильность власти, которая помогла республиканскому руководству проводить последовательную и осмысленную экономическую политику, а также целенаправленную поддержку малого бизнеса. Создание таких институтов, как ТПП РТ и Фонд финансовой поддержки, не было случайностью, а являлось частью стратегического курса на формирование многоукладной экономики [2]. Без поддержки выживаемость и развитие малого бизнеса в Казани были бы под большим вопросом.

В-третьих, прослеживается четкая эволюция самого типа предпринимателя. Если на рубеже 80-х и 90-х годов типичный кооператор или «индивидуал» был скорее энтузиастом-одиночкой, зачастую без специального образования, действующим интуитивно на свой страх и риск, то к концу 1990-х годов портрет казанского предпринимателя изменился [9]. Кризис 1998 года окончательно закрепил этот отбор. Выжили те, кто научился считать издержки, анализировать рынок, выстраивать отношения с поставщиками и потребителями, адаптироваться к меняющимся условиям.

В-четвертых, необходимо отметить, что несмотря на успехи, к концу 1999 года многие проблемы так и не были решены. Высокий уровень коррупции и криминализации продолжал отравлять деловой климат. Сохранялась сильная зависимость бизнеса от неформальных связей с представителями власти. Конкуренция со стороны крупных предприятий, часто аффилированных с государством, оставалась серьезным препятствием для роста малых фирм. Правовая база все еще была несовершенной, а защита прав собственности — слабой.

Таким образом, период 1985-1999 годов стал для малого бизнеса Казани временем титанических усилий, проб и ошибок, выживания и роста. В то время была эпоха формирования с нуля нового экономического класса и новой экономической реальности. Опыт Казани демонстрирует, как сочетание низовой предпринимательской энергии и целенаправленной региональной политики поддержки помогло пройти через экономические потрясения, но и заложить прочный фундамент для будущего экономического развития Казани.

Выводы

Развитие малого предпринимательства в Казани в период с 1985 по 1999 годы отразило общие для всей России тенденции перехода к рыночной экономике, так и уникальную региональную специфику. Зарождение частной инициативы в Казани, начавшееся с робких шагов в рамках индивидуальной трудовой деятельности и кооперативного движения в годы перестройки, заложило перво-

начальную основу для формирования предпринимательского класса. Несмотря на многочисленные ограничения и трудности, именно в указанный период были накоплены первый капитал и бесценный опыт ведения дел в условиях неопределенности.

Решающую роль в создании благоприятных условий для развития малого бизнеса в Казани сыграл особый политико-экономический статус Республики Татарстан. Принятие Декларации о суверенитете и Договора о разграничении полномочий помогло республиканским властям проводить самостоятельную экономическую политику, обеспечив большую стабильность и предсказуемость по сравнению с общероссийским фоном. «Татарстанская модель» стала конкурентным преимуществом Казани.

Важным фактором успеха стала целенаправленная политика по формированию институциональной инфраструктуры поддержки. Создание в 1992 году Торгово-промышленной палаты РТ и в 1995 году Республиканского фонда финансовой поддержки малого предпринимательства стало своевременным и эффективным ответом на запросы нарождающегося бизнес-сообщества. Указанные институты предоставили предпринимателям необходимую организационную, консультационную и, что особенно важно, финансовую поддержку в самый критический период.

Малое предпринимательство Казани прошло суровое испытание на прочность в условиях экономической нестабильности 1990-х годов, кульминацией которой стал финансовый кризис 1998 года, приведший к банкротству многих фирм, одновременно стал стимулом для адаптации и структурной перестройки. Выжившие предприятия продемонстрировали высокую степень гибкости, сумев переориентироваться на импортозамещение и оптимизировать свою деятельность, что в итоге укрепило их позиции на рынке.

В заключение можно констатировать, что к концу 1999 года малое предпринимательство в Казани состоялось как важный и неотъемлемый сектор городской экономики. Оно перестало быть маргинальным явлением и превратилось в значимую силу, обеспечивающую занятость населения, насыщающую потребительский рынок товарами и услугами, формирующую конкурентную среду и вносящую свой вклад в экономический рост. Трудный опыт, накопленный казанскими предпринимателями в бурные 1990-е, и созданная в тот период институциональная база стали прочным фундаментом для дальнейшего развития малого и среднего бизнеса в столице Татарстана в XXI веке.

Список источников

1. Агеев Ш.Р. Малое предпринимательство в регионе: от выживания к развитию (исследование, анализ на примере Республики Татарстан). Препринт. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1997. 46 с.
2. Глебова И.С., Садырtdинов Р.Р. Государственное регулирование малого и среднего предпринимательства: учебное пособие. Казань: Казан. Гос. Ун-т, 2009. 205 с.
3. Каримова Л.К., Шарипова Д.А. Развитие малого и среднего предпринимательства в регионах Российской Федерации (на примере Республики Татарстан) // Российские исследования. 2020. № 1 (1). С. 18 – 26.
4. Касл Э., Бекер М., Нельсон А. Эффективное фермерское хозяйствование: пер. с англ. и предисл. А.А. Белозерцева. М.: Агропромиздат, 1991. 96 с.
5. Колчина Т. Кто живет? О татарстанских фермерах И. Гумерове и А. Рашитове // Татарстан. 2010. № 10. С. 18 – 21.
6. Малые предприятия в Республике Татарстан: статистический сборник / Госкомитет РФ по статистике, Государственный комитет РТ по статистике; редколлегия: Хуснутдинов и др. Казань, 1999. 65 с.
7. Нагимова А.М. Малое предпринимательство в Республике Татарстан: становление, развитие, перспективы / Акад. наук Республики Татарстан, Центр перспективных экономических исслед. Казань: Центр инновационных технологий, 2010. 123 с.
8. Урбанская Г.Г. Кооперация как инструмент интеграции [В АПК Татарстана] // Экономика сельского хозяйства. Реферативный журнал. 2009. № 2. С. 340.
9. Шарапов М.А. Общие тенденции становления малого предпринимательства в г. Казани в 80-90-х годах XX века // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2025. Т. 167. № 1. С. 71 – 80.
10. Шинкевич М.В., Зимина И.В. Развитие предпринимательских сетей малых инновационных предприятий в Республике Татарстан // Экономический вестник Республики Татарстан. 2018. № 4. С. 36 – 42.

References

1. Ageev Sh.R. Small entrepreneurship in the region: from survival to development (research, analysis on the example of the Republic of Tatarstan). Preprint. SPb.: Publishing house of SPbSUEF, 1997. 46 p.
2. Glebova I.S., Sadyrtidinov R.R. State regulation of small and medium entrepreneurship: a textbook. Kazan: Kazan. State University, 2009. 205 p.
3. Karimova L.K., Sharipova D.A. Development of small and medium entrepreneurship in the regions of the Russian Federation (on the example of the Republic of Tatarstan). Russian studies. 2020. No. 1 (1). P. 18 – 26.
4. Castle E., Becker M., Nelson A. Effective farming: trans. from English. and foreword. A.A. Belozertseva. M.: Agropromizdat, 1991. 96 p.
5. Kolchina T. Who is more alive? About Tatarstan farmers I. Gumerov and A. Rashitov. Tatarstan. 2010. No. 10. P. 18 – 21.
6. Small enterprises in the Republic of Tatarstan: statistical digest. State Statistics Committee of the Russian Federation, State Statistics Committee of the Republic of Tatarstan; editorial board: Khusnutdinov et al. Kazan, 1999. 65 p.
7. Nagimova A.M. Small entrepreneurship in the Republic of Tatarstan: formation, development, prospects. Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, Center for Advanced Economic Research. Kazan: Center for Innovation Technologies, 2010. 123 p.
8. Urbanskaya G.G. Cooperation as an integration tool [In the agro-industrial complex of Tatarstan]. Agricultural economics. Abstract journal. 2009. No. 2. P. 340.
9. Sharapov M.A. General trends in the formation of small entrepreneurship in Kazan in the 80-90s of the XX century. Scientific notes of Kazan University. Series: Humanities. 2025. Vol. 167. No. 1. P. 71 – 80.
10. Shinkevich M.V., Zimina I.V. Development of entrepreneurial networks of small innovative enterprises in the Republic of Tatarstan. Economic Bulletin of the Republic of Tatarstan. 2018. No. 4. P. 36 – 42.

Информация об авторе

Шарапов М.А., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет Россия, 420008, Казань, Кремлевская, 18, marsel_sharapov93@bk.ru

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 396.6, 392.37

Развитие положения женщин в семье в Арктике в середине XIX – начале XX века

¹Надырова Э.И.,

¹Спичак А.В.,

¹Нижевартровский государственный университет

Аннотация: данная работа посвящена выяснению общих и особенных черт положения женщин в семьях коряков, тунгусов (эвенков), чукчей, якутов, эскимосов и алеутов. На основе анализа историографии советской и современного периода проведен анализ роли и места женщин в семье во второй половине XIX – начале XX в., связанных с гендерным разделением труда и отношением к месту и значению женщины в супружеских отношениях. Выяснено, что производственная специализация в разной степени отделяла женщин от мужчин, наиболее резко у чукчей. Выявлено, что положение женщин в семье у разных народов Арктики в середине XIX – начале XX в. имело отличия, было более или менее подчиненным их мужьям. Сделан вывод о том, что несмотря на то, что семейные традиции и обычаи были весьма похожи, каждый из арктических народов имел свою этническую специфику. Семьи народов Арктики были более патриархальными, чем на других территориях Российской империи, максимальная отдаленность от центра и закрытость культуры мешала развитию женской эмансипации в полной мере. Изучение обычаев и традиций, культуры и повседневности народов Арктики, в том числе истории положения женщин в семье, представляют как научный, так и познавательный интерес, имеют практическую значимость для будущих специалистов по регионоведению.

Ключевые слова: Арктика, женщины, положение в семье, обычаи, повседневность, разделение труда

Для цитирования: Надырова Э.И., Спичак А.В. Развитие положения женщин в семье в Арктике в середине XIX – начале XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 175 – 181.

Поступила в редакцию: 22 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 24 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The development of the position of women in the family in the Arctic in the mid-19th – early 20th centuries

¹Nadyrova E.I.,

¹Spichak A.V.,

¹Nizhnevartovsk State University

Abstract: this work is devoted to identifying the general and specific features of the position of women in the families of the Koryaks, Tungus (Evenks), Chukchi, Yakuts, Eskimos and Aleuts. Based on the analysis of the historiography of the Soviet and modern periods, an analysis of the role and place of women in the family in the second half of the 19th – early 20th centuries is carried out, associated with the gender division of labor and the attitude to the place and importance of women in marital relations. It was found that production specialization to varying degrees separated women from men, most sharply among the Chukchi. It was revealed that the position of

women in the family of different peoples of the Arctic in the mid-19th - early 20th centuries had differences, was more or less subordinate to their husbands. It is concluded that despite the fact that family traditions and customs were very similar, each of the Arctic peoples had its own ethnic specifics. Families of the Arctic peoples were more patriarchal than in other territories of the Russian Empire, the maximum remoteness from the center and the closed culture prevented the development of women's emancipation in full. The study of customs and traditions, culture and everyday life of the Arctic peoples, including the history of the position of women in the family, are of both scientific and educational interest, and have practical significance for future specialists in regional studies.

Keywords: Arctic, women, family situation, customs, everyday life, division of labor

For citation: Nadyrova E.I., Spichak A.V. The development of the position of women in the family in the Arctic in the mid-19th – early 20th centuries. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 175 – 181.

The article was submitted: April 22, 2025; Approved after reviewing: June 24, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Женщины в наши дни обладают беспрецедентными возможностями для защиты и отстаивания своих прав, и государство уже не раз принимало шаги по укреплению их положения в обществе. Хотя Конституция Российской Федерации формально закрепляет равенство прав и свобод вне зависимости от пола, реальные механизмы их реализации зачастую оказываются недостаточными. Принимая во внимание особую роль женщины в семейных отношениях, общество и государственные институты несут ответственность за создание таких социальных условий, которые позволят полностью раскрыть женский потенциал и обеспечить равноправие. Именно поэтому так важно обращаться к опыту прошлых лет, чтобы не повторять прежних ошибок и использовать накопленные знания в формировании современной политики [15]. Сегодня тема участия женщин в развитии Арктических территорий вызывает большой интерес, особенно в части мер социальной поддержки, направленных на укрепление их статуса в северных регионах. В этой связи изучение исторического положения женщин, в том числе проживающих в арктической зоне, приобретает еще большую значимость и востребованность.

Актуальность работы состоит в возрастающей социальной роли женщин. Изучение эволюции положения женщин на примере Арктической зоны России позволит более тщательно изучить процесс вхождения женщин в социум, выявить, когда произошло осознание важности и необходимости их роли во многих сферах жизни общества.

Материалы и методы исследований

Исследование осуществлялся в рамках гранта Ректора Нижневартовского государственного университета на 2023-2024 гг. Проект соответствует такому направлению п. 20

«Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», как возможность эффективного ответа российского общества на большие вызовы с учетом взаимодействия человека и природы, человека и технологий, социальных институтов на современном этапе глобального развития, в том числе применяя методы гуманитарных и социальных наук [17].

Тема семейных отношений наиболее полно представлена в историографии, касающейся обычного права народов Арктики [19]. Однако, как правило, ученые посвящали свои работы изучению традиций какого-то одного народа, например, семейные обычаи коряков рассмотрела В.В. Антропова [1], тунгусов (эвенков) – В.В. Карлов [8], Т.Б. Уваров [18] и В.В. Увачан [19], чукчей – В.Г. Богораз [2], Н.В. Кочешков, И.С. Вдовин, Б.И. Мухачев [10] и др., якутов – И.С. Гурвич [7], А.А. Борисов [3] и П.А. Ойунский [12], эскимосов и алеутов – Ж.Ж.Э. Реклю [14], Ф. Моуэт [11] и А.В. Гринев [6]. Многоженство как форму брачных обычаев коренных народов Севера рассмотрела В.И. Сподина [16]. Историю развития семейных отношений на Дальнем Востоке подробно представил в своей диссертационной работе О.А. Васильченко [5]. Большая часть исследований была проведена в советский период, однако в последние годы возрастает интерес к истории народов Арктики, были реализованы проекты научных фондов о культурно-историческом развитии народов, например, Чукотки в 2016 г. [20]

Результаты и обсуждения

Сохранение культур коренных малочисленных народов Севера видится фактором повышения благополучия и качества жизни. Стали активно проводиться различные мероприятия по привлечению внимания к качеству жизни на арктических территориях, демографических проблемах и методах их решения. Проводятся

научные конференции по данной тематике, выпускается литература о туризме, фольклоре, и по другим вопросам, однако пока еще недостаточное внимание получила такая важная проблема как особое положение женщин в Арктике, а изучение любого вопроса должно начинаться с анализа его истории. Данная работа посвящена выяснению общих и особенных черт положения женщин в семьях коряков, тунгусов (эвенков), чукчей, якутов, эскимосов и алеутов.

Временные рамки исследования охватывают вторую половину XIX века и начало XX века. Выбор именно этого периода продиктован степенью освещенности темы в историографии и доступностью источников, позволяющих проанализировать традиционные брачные и семейные отношения. В современных условиях глобализации и постепенного исчезновения самобытных черт национальных культур обращение к их изучению становится крайне важной и актуальной задачей. Подробное исследование традиционных брачно-семейных укладов помогает глубже понять особенности исторического пути развития народов. Семья, выступая в качестве одного из центральных социальных институтов общества, постоянно видоизменяется и развивается в соответствии с общими историческими процессами. Важной частью этнической культуры каждого народа остается традиционная обрядность, которая служит определяющим «этническим признаком» духовной сферы [12].

Особый интерес представляет определение сходств и различий в роли женщины в семье у различных народов Арктики. Это важно, поскольку между ними существовали сложные этнокультурные связи, давшие начало аналогичным формам брака и сходным способам ведения домашнего хозяйства. При этом патриархально-семейная община выступала ключевой основой общественной и экономической жизни арктических народов [4]. Еще одной значимой задачей исследования становится выявление того, насколько положение женщин зависело от воли мужчин и допускались ли в этих отношениях исключения из общепринятых норм.

Рассмотрим положение женщин в семье у разных арктических народов, связанное с гендерным разделением труда и отношением к месту и роли женщины в супружеских отношениях.

Хозяйственные обязанности женщин

Коренные народы Российской империи традиционно объединялись в крупные патриархальные семьи, внутри которых

действовала четкая система правил и обязанностей. Труд строго делился на мужские и женские сферы. Мужчины обычно занимались рыболовством, охотой, разведением оленей, заготовкой дров, а также вели обменные операции. Женщины, со своей стороны, готовили пищу, воспитывали детей, обрабатывали шкуры, изготавливали одежду и хозяйственные принадлежности, следили за порядком в жилище и поддерживали очаг. В семьях кочевых народов женщины в равной степени с мужчинами водили караваны и ухаживали за оленями. К сугубо женским занятиям относился сбор ягод, орехов, дикоросов и морских моллюсков [4].

Корякские женщины самостоятельно занимались домашним хозяйством без помощи мужчин: устанавливали жилище, после ухаживали за ним, готовили пищу, обрабатывали шкуры, шили одежду и выполняли другие мелкие домашние дела. Женский труд широко применялся и в общественном производстве. В оленеводстве женщины помогали пастухам во время отела оленей (рождения оленят). Участие их в морском промысле выражалось в изготовлении кожаных покрышек байдар, обработки туш добытых зверей, разделке и сушке рыбы. Женской отраслью производства являлось собирательство – сбор съедобных растений, корней, орехов и моллюсков [1].

Тунгусские женщины как правило кочевали отдельно от мужей потому, что мужчины в это время занимались охотой вдали от шатра по склонам «белков» [2]. У эвенков малолетние представительницы прекрасного пола промышляли пушного зверя [4]. Производственная специализация чукчей отделила женщин от мужчин резке, чум у коряков, тунгусов с ламутами. У последних двух народов женщины также охотились на белок и оленей. А чукотские женщины, напротив, никогда не занимались охотой, не кочевали самостоятельно. Они могли только вести караван груженых саней, а мужчина при этом гнал оленье стадо. Женщины чукчи были более привязаны в дому, чем тунгусские [2].

У оленных чукчей женщины не только трудились наравне с мужчинами, но зачастую выполняли гораздо больший объем работы, осваивая и мужские обязанности – к примеру, участвовали в выпасе стада. При этом мужчины почти никогда не помогали им. Сохранилось свидетельство, что если в жилище (чуме) останавливался гость, а внутреннего пространства для сна не хватало, женщина ночевала во внешней части шатра, если только ее присутствие не требовалось мужу. В.Г. Богораз приводит

описание быта: когда пастух возвращался домой после суточного пребывания с оленями, его переодевали в сухую одежду, кормили, и он сразу ложился спать. Женщина, вернувшись вместе с ним, сначала должна была приготовить ему еду, а затем немедленно принималась за остальные хозяйственные дела [2]. Однако при этом в семьях простых трудящихся чукчей женщины наряду с мужчинами участвовали в обсуждении хозяйственных и общественных вопросов [10].

У северных якутов существовало строгое разделение работ. Мужчины не брались за женские обязанности, если только не возникала крайняя необходимость. Ответственность за любые недочеты – медлительность, плохо уложенные вещи, небрежно возведенный чум или неаккуратно пошитые одежду и обувь – полностью ложилась на женщину. Согласно обычаям, женский труд оценивался ниже мужского. Тяжелая работа, монотонность жизни в полярную зиму, недостаток питания весной и непростые условия для родов вели к частым случаям истерии, раннему увяданию женщин. Из-за рыбалки в ледяной воде у них портилось зрение и развивался ревматизм [7].

Многоженство

У коренного населения Арктики практиковалась полигамия, и на это существовало несколько причин. Во-первых, вторую жену брали, если первая оказывалась бесплодна. Во-вторых, наличие нескольких жен свидетельствовало о состоятельности главы семьи и считалось показателем его достатка. В-третьих, молодая жена нередко помогала старшей супруге в ведении хозяйственно-бытовых дел, и иногда сама старшая жена могла на этом настоять [4]. По мнению О.П. Коломиец, «социальная сущность групповых форм брака состояла в том, чтобы ими поддерживать структуру общины и способствовать расширению числа людей, связанных кровным родством, одновременно приспосабливаясь к изменяющимся условиям среды» [9].

Групповые формы брака, когда мужчина мог вступать в интимные отношения с женами своих старших братьев или с сестрами собственной супруги, были известны у эвенков, алеутов и чукчей. При этом старшему брату не разрешалось иметь связь с женами младших братьев – такая практика допускалась только внутри одного поколения [4]. У эвенков и чукчей, по мере развития оленеводства и обособления хозяйств, групповой брак постепенно трансформировался в разновидность «товарищества по жене»: супругу на время передавали другому мужчине в жены, а

затем она возвращалась к своему мужу. Подобный порядок укреплял дружеские связи между мужчинами. Любопытно, что у многих тунгусоязычных племен Приамурья групповые браки сосуществовали с парными [4].

Количество жен у тунгусов зависело от материального достатка жениха, отсутствовали нормы, ограничивающие количество жен. В XIX в. у эвенков термин «жена» употреблялся в двух понятиях: 1) «жена, с которой я живу» (жена, на которой женился, заплатил калым) и 2) «жены по родству» (жены младших братьев отца, сестры жены, жена старшего брата, сестры жены старшего/их брата/братьев, с ней не вел совместную жизнь, однако имел право на интимные отношения). Соответственно дети этой категории были и его детьми. Это явление называется левиратным браком. Со временем подобные браки стали уходить в прошлое, к началу XX в. встречались уже достаточно редко [19].

В рассматриваемый период среди чукчей наряду помимо многоженства продолжались традиции общинной жизни, групповой брак, левират (семейный обычай чукчей, существовавший вплоть до XX в., который заключался в том, что если в стойбище умирал мужчина, то его жена переходила по наследству младшему брату, что было продиктовано суровыми жизненными условиями обитания). Существовал «обмен женами – мужья договариваются, чтобы таким способом укрепить свою дружбу, спрашивают жен, которые редко отклоняют просьбу...» [10].

По свидетельствам очевидцев, традиция многоженства не была искоренена с принятием части эскимосов христианства [6]. Хотя П.Д. Петров утверждал, что каждый эскимос имел обыкновенно только по одной жене, при этом если жена не нравилась мужу, он мог ее прогнать [13]. Индивидуальную семью коряков конца XIX в. также нельзя было признать строго моногамной [1]. Однако к XX в. правосознание северных людей в целом в отношении брака претерпело ряд изменений, в частности наметился добровольный уход от многоженства [19], это было связано и с обращением в православие, по которому такой вид брака запрещался. Роль и место женщины в семье хоть и было похоже у арктических народов, но и имело некоторые различия. Выясним у каких народов оно было более подчиненным мужу, а у каких – менее.

Выводы

Итак, у всех народов Арктики наблюдалось гендерное разделение труда, причем участие в

промыслах было различным. Производственная специализация в разной степени отделяла женщин от мужчин, наиболее резко у чукчей. Мужчины не исполняли женские виды работ, имели право за заслуженный отдых после выполнения своих обязанностей, женщины же работали не меньше, однако не получали подобного вознаграждения и помощи. К исключительно женским делам относилось собирательство дикоросов. Среди коряков и тунгусов были и женщины охотницы, чукотские же женщины были наиболее привязаны к дому. Женщины также разделявали пойманную рыбу, занимались выделкой шкур, готовили еду, заботились о детях, изготавливали хозяйственную утварь и одежду, однако при этом обычай оценивал их труд гораздо ниже мужского.

Положение женщин в семье у разных народов Арктики в середине XIX – начале XX в. имело отличия, было более или менее подчиненным их мужьям. Кроме того, даже у одного народа могли быть различия в значении женщины в семье. Например, положение женщин в семьях разных социальных групп чукчей имело отличия: в семьях богатых многоженцев они были принижены в правах, тем более это касалось второй и третьей жены, а в семьях рядовых тружеников было почти равноправие.

У некоторых арктических народов (чукчей, северных якутов и коряков) женщины участвовали

в решении семейных хозяйственных и общественных вопросах наравне с мужчинами. В семьях чукчей жена играла главную роль в семье при отсутствии хозяина. У эскимосов, в частности ихалмютов, также на первом месте стоял мужчина-охотник, затем его жена, а у эвенков практиковалась патрилинейность с полным доминированием мужчины. Однако все семьи народов Арктики были более патриархальными, чем на других территориях Российской Империи, максимальная отдаленность от центра и закрытость культуры мешала развитию женской эмансипации в полной мере.

В нынешних условиях всё большее внимание исследователей привлекает изучение особенностей жизни народов, обитающих в полярных широтах, и того, как суровый климат сказывается на их здоровье. В этой связи на повестке дня оказываются демографические вопросы, а также острые социальные проблемы, обусловленные риском утраты культурной идентичности и традиционных семейных ценностей. На этом фоне становится особенно важным рассматривать историю положения женщин в арктических сообществах, а также семейные обычаи и обряды, характерные для отдельных народов, поскольку они представляют значительный интерес и нуждаются в подробном исследовании.

Финансирование

Исследование осуществлено в рамках гранта Ректора Нижневартковского государственного университета на 2023-2024 гг.

Список источников

1. Антропова В.В. Культура и быт коряков / АН СССР. Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1971. 216 с.
2. Богораз В.Г. Чукчи: Социальная организация. 2-е изд. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 216 с.
3. Борисов А.А. Социальная история якутов в позднее Средневековье и Новое время: (опыт комплексного исследования). Новосибирск: Наука, 2010. 272 с.
4. Васильченко О.А. Семья аборигенов как основа социальной организации коренных народов Дальнего Востока в середине XIX – начале XX века // Власть и управление на Востоке России. 2010. № 3. С. 81 – 86.
5. Васильченко О.А. Формирование и развитие семьи на Дальнем Востоке: социально-исторический аспект, 1860-1917 гг.: дис. ... канд. ист. наук. 2000. 200 с. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitie-semi-na-dalнем-vostoke-sotsialno-istoricheskii-aspekt-1860-1917-gg> (дата обращения: 05.02.2024)
6. Гринев А.В. Психологический портрет эскимосов Аляски (по материалам русских исторических источников) (1763-1867) // Кунсткамера. 2022. № 3(17). С. 189 – 202.
7. Гурвич И.С. Культура северных якутов-оленьеводов: к вопросу о поздних этапах формирования якут. народа. М.: Наука, 1977. 247 с.
8. Карлов В.В. Эвенки в XVII – начале XX в. (хозяйство и социальная структура). М.: Изд-во Московского ун-та. 1982. 160 с.
9. Коломиец О.П. Архаичные формы брака у чукчей в XIX – начале XX века // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 1 (116). С. 127 – 129.

10. Кочешков Н.В., Вдовин И.С., Мухачев Б.И. История и культура чукчей: Историко-этнографические очерки / под общ. ред. А.И. Крушанова АН СССР, Ин-т истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ, Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. Ленинград: Наука. Ленингр. отделение, 1987. 286 с.
11. Моуэт Ф.М. Люди оленьего края: пер. с англ. М.: Изд-во иностр. лит., 1963. 316 с.
12. Ойунский П.А. Традиционная семья и обрядность у якутов (XIX – начало XX в.). Якутск: Кн. изд-во, 1989. 157 с.
13. Первов П.Д. Жители крайнего севера, М.: издание И.И. Кудряшова, 1903. 43 с.
14. Реклю Ж.Ж.Э. Жизнь первобытных народов: Эскимосы и алеуты. (Иноиты): Их быт, верования, природа и проч.: в 2 т. М.: «Науч.-попул. б-ка В.Н. Маракуева», ценз. 1888–1889. Т. 2. 95 с.
15. Спичак А.В. Причинение мужчинами телесных повреждений женщинам в конце XVIII – начале XIX вв.: причины и результаты (на материалах Тобольской епархии) // Гендерные режимы современного общества: мозаика сценариев маскулинности и феминности: сборник материалов Междунар. науч.-практич. конф./ под общ. ред. И.В. Фроловой. Уфа: Диалог, 2019. С. 138 – 143.
16. Сподина В.И. Многоженство как форма брачных обычаев коренных народов Севера: этнические категории нравственности // Вестник Челябинского гос. ун-та. 2011. № 12 (227). История. Вып. 45. С. 5 – 9.
17. Стратегия научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденная Указом Президента РФ от 1.12.2016 г. № 642. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/ (дата обращения: 01.03.2024)
18. Уваров Т.Б. Нерчинские эвенки в XVIII – XX веках. М.: ИНИОН РАН, 2004. 164 с.
19. Увачан В.В. Обычное право эвенков в XVII – начале XX в. М.: «Книжный дом «Университет», 2001. 136 с.
20. Хаховская Л.Н. Культурно-историческое развитие коренных народов Чукотки в советский и постсоветский период. Отчет о НИР № 14-01-00061. Российский гуманитарный научный фонд. 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53784548> (дата обращения: 01.03.2024)

References

1. Antropova V.V. Culture and life of the Koryaks. USSR Academy of Sciences. Institute of Ethnography named after N.N. Miklukho-Maklay. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1971. 216 p.
2. Bogoraz V.G. Chukchi: Social organization. 2nd ed. Moscow: Book House "LIBROKOM", 2011. 216 p.
3. Borisov A.A. Social history of the Yakuts in the late Middle Ages and Modern times: (an attempt at a comprehensive study). Novosibirsk: Nauka, 2010. 272 p.
4. Vasilchenko O.A. The family of aborigines as the basis for the social organization of the indigenous peoples of the Far East in the mid-19th – early 20th centuries. Power and Administration in the East of Russia. 2010. No. 3. P. 81 – 86.
5. Vasilchenko O. A. Formation and development of the family in the Far East: socio-historical aspect, 1860-1917: dis. ... cand. hist. sciences. 2000. 200 p. URL: <https://www.dissercat.com/content/formirovanie-i-razvitie-semi-na-dalнем-vostoke-sotsialno-istoricheskii-aspekt-1860-1917-gg> (date of access: 05.02.2024)
6. Grinev A. V. Psychological portrait of the Eskimos of Alaska (based on Russian historical sources) (1763-1867). Kunstkamera. 2022. No. 3 (17). P. 189 – 202.
7. Gurvich I.S. The Culture of Northern Yakut Reindeer Herders: On the Late Stages of the Formation of the Yakut People. Moscow: Nauka, 1977. 247 p.
8. Karlov V.V. Evenki in the 17th – Early 20th Century (Economy and Social Structure). Moscow: Moscow University Press. 1982. 160 p.
9. Kolomiets O.P. Archaic Forms of Marriage among the Chukchi in the 19th – Early 20th Century. TSPU Bulletin. 2012. No. 1 (116). P. 127 – 129.
10. Kocheshkov N.V., Vdovin I.S., Mukhachev B.I. History and Culture of the Chukchi: Historical and Ethnographic Essays. edited by A.I. Krushanov, USSR Academy of Sciences, Institute of History, Archaeology, and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Scientific Center, N.N. Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. Leningrad: Nauka. Leningrad Branch, 1987. 286 p.
11. Mouett F.M. People of the Reindeer Land: trans. from English. Moscow: Publishing House of Foreign Literature, 1963. 316 p.
12. Oyunsky P.A. Traditional Family and Ritualism among the Yakuts (19th – Early 20th Century). Yakutsk: Kn. Publishing House, 1989. 157 p.
13. Pervov P.D. Residents of the Far North, Moscow: I. I. Kudryashov's publication, 1903. 43 p.

14. Reclus J.J.E. Life of primitive peoples: Eskimos and Aleuts. (Inoits): Their way of life, beliefs, nature, etc.: in 2 volumes. Moscow: "V. N. Marakuev's Scientific and Popular Library", censored. 1888-1889. Vol. 2. 95 p.
15. Spichak A.V. Infliction of bodily harm on women by men in the late 18th – early 19th centuries: causes and results (based on materials from the Tobolsk diocese). Gender regimes of modern society: a mosaic of masculinity and femininity scenarios: collection of materials from the International scientific and practical conf. under the general editorship of I. V. Frolova. Ufa: Dialog, 2019. P. 138 – 143.
16. Spodina V.I. Polygamy as a form of marriage customs of indigenous peoples of the North: ethnic categories of morality. Bulletin of the Chelyabinsk State University. 2011. No. 12 (227). History. Issue. 45. P. 5 – 9.
17. Strategy for scientific and technological development of the Russian Federation, approved by the Decree of the President of the Russian Federation of 1.12.2016 No. 642. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_470973/ (date of access: 01.03.2024)
18. Uvarov T.B. Nerchinsk Evenks in the XVIII – XX centuries. M.: INION RAS, 2004. 164 p.
19. Uvachan V.V. Customary Law of the Evenks in the 17th – Early 20th Centuries. M.: "University" Book House, 2001. 136 p.
20. Khakhovskaya L.N. Cultural and Historical Development of the Indigenous Peoples of Chukotka in the Soviet and Post-Soviet Periods. Research Report No. 14-01-00061. Russian Humanitarian Scientific Foundation. 2016. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=53784548> (accessed: 01.03.2024)

Информация об авторах

Надырова Э.И., Нижневартковский государственный университет, nadyrova.elvina@mail.ru

Спичак А.В., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник, Научно-исследовательская лаборатория комплексных исследований социальных систем, Нижневартковский государственный университет, spichak-89@mail.ru

© Надырова Э.И., Спичак А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)

УДК 941.02

Нормандская элита первой половины XI века в нормандских источниках

¹ Дыганов В.П.,

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет

Аннотация: в статье исследуются ключевые характеристики нормандской элиты первой половины XI века на основе анализа нормандских исторических источников, прежде всего хроник Вильгельма Жюмьежского «Деяния нормандских герцогов» и Ордерика Виталия «Церковная история». Введение обосновывает актуальность темы, подчеркивая роль нормандской аристократии в укреплении герцогства и её влияние на ключевые события европейской истории, такие как завоевание Англии в 1066 году. Ставится цель проанализировать социальную структуру, функции, ценности и отличительные черты элиты. В разделе, посвященном материалам и методам, подробно описывается сложная иерархическая структура нормандской знати во главе с герцогом, включающая высшую аристократию (графов, баронов), рыцарей и духовенство. Анализируются механизмы формирования и поддержания власти: система вассалитета и пожалований (фьефов), принципы наследования (майорат), а также стратегические брачные союзы, конфискации земель и роль церковных институтов. Рассматриваются методы работы с хрониками, учитывая их специфику (придворный характер труда Жюмьежского, более критический взгляд Виталия) и информативность для реконструкции социальных отношений. Результаты исследования представлены через призму многофункциональности элиты. Выделяются её основные функции: военная (организация и участие в походах, защита территории), административная (управление владениями, суд, сбор налогов), экономическая (контроль земель и ресурсов) и духовная (покровительство церкви, основание монастырей). Анализируются доминирующие ценности: воинская доблесть и честь, религиозность (часто сочетающаяся с прагматизмом), стремление к расширению земельных владений, родовая идентичность, амбициозность и индивидуализм. Отмечаются характерные особенности: сплоченность, обусловленная относительно недавним формированием из смешения франкской и скандинавской знати, жестокость в конфликтах, а также динамизм социальной структуры. В выводах подчеркивается, что нормандская элита, несмотря на внутренние противоречия, сформировала эффективную государственную структуру. Сочетание её воинских качеств, организаторских способностей, земельных интересов и экспансионистских амбиций создало предпосылки для последующих масштабных завоеваний. Работа подтверждает ценность нормандской хронистики как источника для изучения социальной истории феодального общества.

Ключевые слова: нормандская элита, XI век, аристократия, социальная структура, ценности, функции, Нормандия, Вильгельм Жюмьежский, Ордерик Виталий, *Gesta Normannorum Ducum*, *Historia Ecclesiastica*

Для цитирования: Дыганов В.П. Нормандская элита первой половины XI века в нормандских источниках // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 182 – 188.

Поступила в редакцию: 23 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 25 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The main characteristics of the Norman elite of the first half of the 11th century in Norman sources

¹ Dyganov V.P.,
¹ Kazan (Volga Region) Federal University

Abstract: in the article, the key characteristics of the Norman elite of the first half of the 11th century are studied based on the analysis of Norman historical sources, primarily William of Jumièges's Deeds of the Norman Dukes and Orderic Vitalis's Ecclesiastical History. The introduction substantiates the relevance of the topic, emphasizing the role of the Norman aristocracy in strengthening the duchy and its influence on key events in European history, such as the conquest of England in 1066. The goal is to analyze the social structure, functions, values, and distinctive traits of the elite. In the section on materials and methods, the complex hierarchical structure of the Norman nobility headed by the duke is described in detail, including the high aristocracy (counts, barons), knights, and clergy. The mechanisms for forming and maintaining power are analyzed: the system of vassalage and grants (fiefs), inheritance principles (primogeniture), as well as strategic marriage alliances, land confiscations, and the role of ecclesiastical institutions. Methods of working with the chronicles are considered, taking into account their specificity (the courtly nature of Jumièges's work, Vitalis's more critical perspective) and informativeness for reconstructing social relations. The research results are presented through the prism of the elite's multifunctionality. Its main functions are highlighted: military (organizing and participating in campaigns, defending territory), administrative (managing estates, adjudication, tax collection), economic (controlling land and resources), and spiritual (patronage of the church, founding monasteries). Dominant values are analyzed: martial valor and honor, religiosity (often combined with pragmatism), the aspiration to expand land holdings, kinship identity, ambition, and individualism. Characteristic features are noted: cohesion due to the relatively recent formation from the blending of Frankish and Scandinavian nobility, cruelty in conflicts, and the dynamism of the social structure. In the conclusions, it is emphasized that the Norman elite, despite internal contradictions, formed an effective state structure. The combination of its martial qualities, organizational abilities, land interests, and expansionist ambitions created the prerequisites for subsequent large-scale conquests. The work confirms the value of Norman chronicles as a source for studying the social history of feudal society.

Keywords: norman elite, 11th century, aristocracy, social structure, values, functions, Normandy, William of Jumièges, Orderic Vitalis, Gesta Normannorum Ducum, Historia Ecclesiastica

For citation: Dyganov V.P. The main characteristics of the Norman elite of the first half of the 11th century in Norman sources. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 182 – 188.

The article was submitted: April 23, 2025; Approved after reviewing: June 25, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Первая половина XI столетия является в истории Европы сложным и напряженным историческим периодом, когда старые порядки сменялись новыми формами политического и общественного устройства. В это время Нормандское герцогство, образовавшееся в результате экспансии скандинавских викингов на территории Франкского королевства, начинает занимать важные позиции на арене политической жизни Европы [1]. Нормандия представляет собой мощное и динамическое феодальное образование. Его элита сформировалась в стиле скандинавских традиций, франкского феодализма и христианского возрождения, демонстрировала как общие для западноевропейской знати того

времени черты, так и особенные отличительные черты нормандской аристократии.

Средневековую элиту следует определить как привилегированный слой общества, который обладал властью, авторитетом и богатством, это были правители, воины, землевладельцы и церковные представители, чья власть базировалась на контроле над ресурсами, связанные сетью вассальных отношений и верой.

Нормандская элита – герцоги, графы, бароны, рыцари – сыграла главенствующую роль не только в становлении и укреплении Нормандии как мощной державы, но и в последующих ключевых событиях европейской истории, среди которых одним из самых значимых стало завоевание Англии в 1066 году [3, 4]. Осмысление сущности нормандской аристократии, ее социальной

структуры, ценностей, характерных особенностей, а также выполняемых ею функций является той основой, которая помогает понять нормандский феномен в целом.

Ведущими историческими источниками, содержащими обширный пласт знаний о нормандской элите указанной эпохи, выступают хроники, составленные самими норманнами и их современниками. Среди указанных документов особую ценность представляют труды монахов Вильгельма Жюмьежского «Деяния нормандских герцогов» ("Gesta Normannorum Ducum") и Ордерика Виталия «Церковная история» ("Historia Ecclesiastica") [6, 7]. Несмотря на то, что оба автора писали свои работы чуть позднее рассматриваемого периода (Вильгельм Жюмьежский закончил свою хронику около 1070 года, а Ордерик – в первой половине XII столетия), они брали достоверные сведения из документов, более ранних, несохранившихся письменных источников, а также из устных преданий. Хронисты были тесно связаны с нормандской средой, поэтому их произведения можно считать аутентичными свидетельствами истории Нормандского герцогства.

«Деяния нормандских герцогов» Вильгельма Жюмьежского ученые рассматривают как официальную историю нормандской знати, которая описывает их деяния и узаконивает власть [6]. Составляя свою хронику, Вильгельм Жюмьежский продолжил труд, начатый Дудо Сен-Кантенским, и довел его до эпохи Вильгельма Завоевателя. В работе важное внимание уделяется генеалогии герцогов, их взаимоотношениям с соседними монархами и военным победам. Хроника представляет собой ценный источник для изучения военной и политической роли нормандских герцогов в истории Европы. Однако, важно отметить, что автор в некоторых аспектах был не совсем объективен. Он стремился представить аристократов Нормандии в благоприятном свете, подчеркивал их доблесть, благочестие и стремление к порядку и не акцентировал внимания на негативных чертах.

«Церковная история» Ордерика Виталия представляет собой более всестороннюю и обширную работу [7]. Англо-нормандский монах Ордерик, проживавший в Нормандии, имел более широкий кругозор и применял критический подход при составлении своей хроники. Его произведение, посвященное истории Церкви, охватывает более разнообразный спектр вопросов. Она рассматривает экономические, общественные и культурные сферы жизни нормандского социума. Автор описывает не только

прославленные деяния герцогов, но и реальную жизнь знати, их нравы, обычаи, конфликты. Особое внимание Ордерик уделяет анализу роли духовенства в общественно-политической жизни Нормандского герцогства. Его хроника дает более многогранное и подробное представление о нормандской аристократии, ее внутренних противоречиях и взаимоотношениях с другими сословиями.

Для Нормандии первая половина XI века является периодом укрепления власти герцогов, положение которой отличалось нестабильностью в конце X века. В первой половине XI столетия правили герцоги Ричард II, Ричард III, Роберт I Великолепный и Вильгельм I Завоеватель. Данный исторический период отмечен внутренними противоречиями между представителями аристократии, укреплением феодальных отношений, интенсивным участием норманнов в европейской политической жизни (например, в Южной Италии) и формированием самобытной нормандской идентичности, построенной на прагматизме, амбициозности и воинской доблести. В первой половине века был заложен фундамент того могущества норманнов, которое позволило им завоевать в 1066 году Англию [3, 4].

Цель автора данного исследования – проанализировать ключевые особенности нормандской элиты первой половины XI столетия, основываясь на данных, полученных из хроник Вильгельма Жюмьежского и Ордерика Виталия. В статье будут рассмотрены социальная структура, характерные черты, ценностные установки и функции нормандской элиты.

Материалы и методы исследований

Структура нормандской знати в первой половине XI века представляла собой сложную иерархию. Самое высшее положение занимал герцог. Далее шла разветвленная сеть представителей аристократии, чье влияние и власть зависели от близости к герцогскому двору, военной мощи и размеров земельных владений.

Основой социальной структуры в Нормандии была иерархия личных связей (вассалитет) и земельных пожалований (фьефы). Герцог являлся источником власти и верховным сюзереном, державшим землю непосредственно от французского короля. Как уже было сказано, он выступал главой нормандской элиты. Его позиция в обществе была уникальной. Он обладал огромной властью. Ему приносили оммаж и клятву верности (фиделити) его прямые вассалы – графы, виконты, бароны, епископы и аббаты крупнейших монастырей, которые в свою очередь, имели своих вассалов. Несмотря на то, что власть

герцога периодически оспаривалась его могущественными вассалами, она была намного сильнее, чем власть правителей других феодальных образований во Франции. Вильгельм Жюмьежский, как придворный хронист, особенно подчеркивает высокое положение герцога в Нормандии [6]. В своем описании он представляет его как верховного полководца, независимого судью, разрешающего споры, верховного полководца и благодетеля, который имел право наделять своих вассалов землями, замками и титулам. Вильгельм Жюмьежский также отмечает, что бароны Нормандии, связанные клятвой верности, единодушно поддерживали герцога [6]. За свои пожалования герцоги требовали от вассалов верности и военной службы, а в случае неповиновения жестоко подавляли их [5, 6].

Большое значение для нормандской элиты имели такие аспекты, как система наследования владений и имущества и заключение брачных союзов. У норманнов процветал принцип майората, согласно которому основное наследство передавалось старшему сыну. Это способствовало сохранению целостности крупных земельных владений и образованию мощных династий.

Младшим сыновьям тоже требовалось обеспечение, поэтому для них часто предназначались церковные карьеры либо военная служба в качестве рыцарей у более могущественных феодалов.

Заключение брачных союзов способствовало консолидации власти и богатства внутри нормандской аристократии. Они выступали важнейшим политическим инструментом. Брачные союзы заключались не по любви, а по расчету. Они ставили своей целью – укрепление альянсов между семьями, разрешение территориальных споров, приобретение новых замков и земель. В хрониках упоминается множество таких брачных союзов, которые часто приводили к объединению различных ветвей нормандской знати [6, 7]. Это образовывало сложную сеть родственных связей. В этом были как свои достоинства, так и недостатки. С одной стороны, данные явление способствовало объединению нормандских аристократов перед лицом внешней угрозы, с другой – провоцировало напряженные конфликты из-за наследства [7].

Таким образом, социальная структура нормандской аристократии первой половины XI столетия являлась динамичной иерархией, в которой герцог занимал доминантную позицию, опираясь на влиятельных графов и баронов и многочисленное рыцарство. Церковная элита,

тесно связанная со светской, также играла серьезную роль. Все эти общественные слои были объединены сложной и разветвленной системой феодальных связей, наследственных прав и брачных союзов.

Результаты и обсуждения

Функции нормандских аристократов в первой половине XI века отличались широким разнообразием и отражали их господствующее положение в обществе. Нормандская знать играла важную роль во всех сферах общественной жизни: военной, экономической, административной, духовной сферы.

Главной и наиболее престижной функцией для представителей нормандской элиты была военная функций. Все категории знати, начиная от герцога и заканчивая рыцарями, постоянно участвовали в военных походах, целью которых являлось как наведение порядка внутри Нормандии и подавление непокорных вассалов, так и завоевание новых земель [6]. Следует отметить, что Вильгельм Жюмьежский постоянно описывает герцогов и их баронов ведущими войска в битвах (против бретонцев, французов, мятежников). Само повествование построено вокруг военных подвигов герцогов и их соратников, что отражает центральное место военной доблести в идеологии элиты

После военной функции нормандских аристократов шла по важности административная деятельность. Графы и бароны управляли своими наделами как маленькими государствами. Они взимали с вассалов налоги и пошлины, обеспечивали порядок и защиту подданных, занимались правосудием в своих судах. Нормандские феодалы имели собственных управляющих, сборщиков налогов, судебных исполнителей [10].

Важное место в жизни нормандской аристократии занимали экономические функции. Землевладение было базой их могущества. Они обладали обширными угодьями, которые полностью обеспечивали их продовольствием, доходами и всеми необходимыми ресурсами для содержания войска.

Управляя своими наделами, феодалы занимались организацией сельскохозяйственного производства, развитием ремесел, ведением торговли [8].

Богатство и процветание герцогства зависело от продуктивности земельных владений, находящихся под контролем нормандской элиты. Замки и города, принадлежавшие аристократам, являлись центрами экономической активности. Знать была заинтересована в поддержании

стабильности и безопасности на своих территориях, а также в обеспечении регулярного притока доходов. Грабежи и завоевания рассматривались как законный способ обогащения [7].

И последней важной функцией нормандской знати была духовная. Она активно участвовала в храмовой жизни, покровительствовала священству и осуществляла контроль над церковными учреждениями. Аристократы основывали и поддерживали монастыри, строили соборы, жертвовали земли и имущество в пользу духовенства. Это было связано с двумя факторами: искренним благочестием и прагматическим стремлением добиться благословения Церкви [6].

Ордерик Виталий, будучи монахом реформированного аббатства Сен-Эврель, посвящает огромное внимание основанию и реформе монастырей баронами. Он подробно описывает: мотивы дарителей - искупление грехов, обеспечение спасения души, увековечение памяти рода, демонстрация статуса и конкретные акты дарений. «Роже де Бомон...основал монастырь...для спасения души своей и своих предков... и щедро наделил его землями, виноградниками, лугами, водами, мельницами...» [7].

Представители нормандской знати оказывали влияние на назначение епископов и аббатов и стремились поставить на эти посты своих родственников либо верных людей с целью укрепления своего политического влияния [9].

Вильгельм Жюмьежский упоминает о поддержке церкви герцогами и знатью, но менее подробно, чем Ордерик Виталий. Он, например, описывает приглашение в качестве аббата Вильгельма из Вольпиано Ричардом Вторым. По его представлению, это мудрый поступок герцога, предпринятый по совету Дудо, капеллана, для исправления упадка и восстановления дисциплины монашеской жизни в главном монастыре герцогства. Это событие описывается как важное и благочестивое деяние, положившее начало реформе монастырей в Нормандии, которую автор Хроники наблюдал и ценил как современник ее результатов [6].

Говоря о взаимодействиях нормандской светской элиты и духовенства, следует подчеркнуть, что отношения между ними часто были напряженными. Они часто вели споры о земельных владениях и праве назначения прелатов [7].

Важно подчеркнуть, что церковь выполняла роль хранительницы культуры и знаний и

выступала в качестве морального авторитета. Она пыталась сдерживать жестокость воинской аристократии [5].

Итак, функции представителей нормандской элиты в первой половине XI столетия были крайне разнообразными. Они являлись воинами, землевладельцами, управляющими, покровителями церкви. Этот многофункциональный характер их деятельности являлся ключевым элементом их власти и определял их роль в нормандском обществе.

Ценности и характерные особенности нормандской элиты

Ценности и характерные особенности нормандских аристократов первой половины XI столетия были связаны с происхождением, феодальным устройством общества, воинским образом жизни и религиозным мировоззрением.

Главной ценностью нормандских аристократов следует отметить – рыцарские идеалы, включающие в себя храбрость, честь и доблесть, которые, в первую очередь, можно было проявить на поле боя [6].

Также важной ценностью была христианская вера. Несмотря на воинственный и жестокий образ жизни, нормандские аристократы отличались глубокой религиозностью. Они покровительствовали церкви, строили монастыри, совершали пожертвования и паломничества [6].

В то же время покровительство католической церкви было связано у норманнов не только с религиозностью, но и с прагматизмом. Основывая монастыри и храмы, они демонстрировали свой статус, утверждали свои права на земли, которые передавались церковным учреждениям, участвовали в назначении духовных лиц на церковные должности.

Среди ключевых ценностей нормандской элиты было также стремление к расширению земельных владений. Земля служила основой власти, источником дохода и символом статуса. Нормандские аристократы получали земли несколькими путями: через завоевания, браки, покупку и пожалования от сюзеренов.

Важными ценностями для нормандских аристократов являлись семейная честь и родовая идентичность. Они испытывали гордость за свой род, стремились сохранить и преумножить его славу и могущество [3].

Не менее значимым для представителей нормандской знати являлось отстаивание своих амбиций и стремление к индивидуализму [5].

Каждый землевладелец любого уровня – граф, барон, рыцарь – стремился к личному превосходству, усилению своего влияния и

укреплению власти. Это стремление приводило к нестабильности и внутренним конфликтам, а также вступало движущей силой экспансии норманнов за пределы своего государства. В результате этого они завоевали Южную Италию, Сицилию, Англию [1].

Обратной стороной воинской культуры нормандской элиты и ее стремления к власти была жестокость [5]. Нормандцы постоянно вели междоусобные войны, занимались грабежами, устраивали суровые казни [7].

Таким образом, ценности нормандской элиты первой половины XI столетия представляли собой сложную комбинацию сплоченности, воинских добродетелей, прагматизма, религиозности, стремления к богатству и власти.

Отличительной особенностью нормандской элиты явилось ее формирование из смешения франкской знати и скандинавских вождей. В отличие от знати многих других регионов Франции, чьи корни уходили глубоко в каролингское прошлое, нормандская аристократия сформировалась сравнительно недавно в IX-X вв. Эта «молодость» и общее происхождение от завоевателей способствовали большей внутренней сплоченности. Герцоги Нормандии рано и эффективно установили сильную центральную власть. Вильгельм Жюмьежский прямо подчеркивает силу ранних герцогов и их способность подчинять вассалов. Описывая действия Ричарда Второго (996-1026 гг.) против мятежных баронов, он пишет: «Герцог Ричард, собрав войско, пошел войной на Неля, разорил его земли и сровнял с землей замки, которые тот построил без его разрешения» [6].

Ордерик Виталий также подтверждает, что герцоги требовали и получали клятвы верности от своей знати, а также детализирует сложные сети вассальных обязательств и конфликты, возникавшие при их нарушении. «Герцоги Нормандии ... требовали и получали клятву верности от всех своих баронов и рыцарей» [7]. Хотя он фиксирует множество конфликтов среди знати (особенно в период малолетства Вильгельма Завоевателя), он также дает яркие портреты баронов, тесно связанных с герцогским домом службой и брачными узами (например, род де Бомонов, Монтгомери, Тосни). Он отмечает: «Нормандцы, народ воинственный... всегда были готовы следовать за своими вождями на любые предприятия, даже самые рискованные» [7].

Выводы

Анализ ключевых характеристик нормандской аристократии первой половины XI столетия, основанный на данных, полученных, в первую очередь, из нормандских хроник Вильгельма Жюмьежского и Ордерика Виталия, позволяет сделать следующие выводы. Данные источники, несмотря на влияние авторского видения, представляют собой ценные исторические документы, рассказывающие о мире нормандской знати рассматриваемого периода.

Следует подчеркнуть, что социальная структура нормандской аристократии отличалась четкой иерархичностью и одновременно динамичностью. Она постоянно изменялась под влиянием брачных союзов, перераспределения владений, наследственных споров.

Нормандская знать выполняла целый ряд функций: политическую, экономическую, административную. Аристократы, в первую очередь, были воинами, обеспечивающими защиту герцогства и стремящимися расширить его территорию. Одновременно представители нормандской элиты выступали эффективными управляющими своих владений, верша правосудие и собирая доходы. Землевладение составляло фундамент их могущества.

Феодальная система и воинский образ жизни нормандской знати оказали влияние на ее ценности и отличительные особенности. Основой мировоззрения аристократов были рыцарские идеалы: храбрость, честь, доблесть, преданность. Важной частью их жизни являлась религиозность. В то же время аристократов отличали мощная родовая идентичность, масштабные амбиции, стремление к власти, приумножению богатства, увеличению земельных владений и богатству [3]. Идя к своим целям, они часто проявляли жестокость [5].

Таким образом, нормандская элита первой половины XI столетия являлась социальной группой амбициозных, энергичных и прагматичных воинов-землевладельцев, которые, несмотря на внутренние конфликты, сумели сформировать сильную и эффективно функционирующую государственную структуру. Сочетание в их характере организаторских способностей, воинского мастерства, стремления к экспансии создало почву для последующих масштабных завоеваний, среди которых наиболее значимым стало Нормандское завоевание Англии в 1066 году.

Список источников

1. Прудников В.В. Проблема этнического самосознания норманнов в Малой Азии XI-XII вв. // Историческая психология и социология истории. 2020. Т. 13. № 2. С. 130 – 149.
2. Пти-Дютайи Ш. Феодальная монархия во Франции и Англии в X-XIII веках. Санкт-Петербург: Евразия, 2019. 400 с.
3. Ходячих С.С. Нормандская аристократия в Англии (1066-1087): проблемы конструирования идентичности и self-identification (на материале анализа титулатуры в «Грамотах Вильгельма I» // Теория и практика общественного развития. 2012. № 8. С. 218 – 221.
4. Шаруда А.А. К вопросу о нормандском завоевании Англии и его последствиях // Инновационная наука. 2020. № 6. С. 78 – 82.
5. Якуб А.В. Образ «норманна» в западноевропейском обществе IX-XII вв. Становление и развитие историографической традиции: диссертация доктор исторических наук. Омск, 2008. 565 с.
6. Guillaume de Jumièges, Robert de Torigni, Wace. Gesta Normannorum Ducum / Edited and translated by Elisabeth M.C. van Houts. Oxford: Clarendon Press, 1995. 290 p.
7. Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History / Edited and translated by Marjorie Chibnall. Oxford: Clarendon Press, 1969-1980. 456 p.
8. Аникиев М.В. Нормандские хроники времён Столетней войны (научный перевод и исследование источников). НИР: грант № 20-09-00051. Российский фонд фундаментальных исследований. 2020. 200 с.
9. Матюшина И.Г. Королева Эмма и Нормандское завоевание. Вопросы филологии. 2023. № 3 (83). С. 6 – 16.
10. Якуб А.В. "Нормандское завоевание" как составная часть политической культуры английского общества в прошлом и настоящем. Личность. Культура. Общество. 2005. Т. 7. № 2 (26). С. 285 – 291.

References

1. Prudnikov V.V. The Problem of Ethnic Self-Awareness of the Normans in Asia Minor in the 11th-12th Centuries. Historical Psychology and Sociology of History. 2020. Vol. 13. No. 2. P. 130 – 149.
2. Petit-Dutailly Sh. Feudal Monarchy in France and England in the 10th-13th Centuries. St. Petersburg: Eurasia, 2019. 400 p.
3. Khodyachikh S.S. Norman aristocracy in England (1066-1087): problems of identity construction and self-identification (based on the analysis of titlature in the "Charters of William I". Theory and practice of social development. 2012. No. 8. P. 218 – 221.
4. Sharuda A.A. On the issue of the Norman conquest of England and its consequences. Innovative science. 2020. No. 6. P. 78 – 82.
5. Yakub A.V. The image of the "Norman" in Western European society in the 9th-12th centuries. Formation and development of the historiographic tradition: dissertation of Doctor of Historical Sciences. Omsk, 2008. 565 p.
6. Guillaume de Jumièges, Robert de Torigni, Wace. Gesta Normannorum Ducum. Edited and translated by Elisabeth M.C. van Houts. Oxford: Clarendon Press, 1995. 290 p.
7. Orderic Vitalis. The Ecclesiastical History. Edited and translated by Marjorie Chibnall. Oxford: Clarendon Press, 1969-1980. 456 p.
8. Anikiev M.V. Norman Chronicles of the Hundred Years' War (scientific translation and study of sources). Research: grant No. 20-09-00051. Russian Foundation for Basic Research. 2020. 200 p.
9. Matyushina I.G. Queen Emma and the Norman Conquest. Philological Issues. 2023. No. 3 (83). P. 6 – 16.
10. Yakub A.V. "Norman Conquest" as an integral part of the political culture of English society in the past and present. Personality. Culture. Society. 2005. T. 7. No. 2 (26). P. 285 – 291.

Информация об авторе

Дыганов В.П., аспирант, Казанский (Приволжский) федеральный университет, weniamind@mail.ru

© Дыганов В.П., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)

УДК 027.1:098.12(47+57)(092):930.22

Коллекция самиздата А.И. Фета – источник изучения общественных настроений в СССР второй половины XX в.

¹ Голованова А.К.,

¹ Савенко Е.Н.,

¹ Государственная публичная научно-техническая библиотека
Сибирского отделения Российской академии наук

Аннотация: цель статьи – охарактеризовать личную коллекцию самиздата новосибирского ученого А.И. Фета в контексте социально-политической жизни СССР второй половины XX в. Самиздат в силу неподцензурности является значимым источником информации об исторических процессах, проходивших в советском обществе, начиная с 1953 г., а также о взглядах инакомыслящих на современные им события. Изучение бытовавших в неподцензурном пространстве текстов дополняет и расширяет представление об «инакомыслии» – о независимых идеях и взглядах на злободневные социокультурные, политические, экономические проблемы советского государства. В ходе работы использовался комплекс методов исследования. Принцип историзма позволил рассмотреть входящие в состав коллекции неподцензурные тексты во взаимосвязи с конкретными историческими условиями. Для углубленного изучения, анализа и классификации массива самиздатовских текстов применялись аналитико-тематический и структурно-типологический методы. Дана характеристика структуры коллекции, исследован видовой состав неподцензурных текстов общественно-политической тематики, рассмотрен исторический контекст, в котором возникли документы коллекции, представлены некоторые авторы самиздата. Использование персонологического подхода, дающего представление о личности владельца, позволило понять основания, которые побудили А. И. Фета к собиранию самиздата, и специфику состава коллекции. Анализ показал, что материалы коллекции отражают широкий спектр мнений по проблемам, волновавшим социум во второй половине XX в. Вследствие некоторой либерализации политического режима активизировались дискуссии о путях преодоления тоталитарного прошлого, о взаимодействии личности и общества, о правах человека. Проведенное исследование дополняет сведения об источниковой базе изучения идейно-политических настроений и формах реализации протестного потенциала советского социума во второй половине XX в.

Ключевые слова: личная коллекция, самиздат, неподцензурные тексты, протестные документы, общественные настроения, инакомыслие, диссидентство, А.И. Фет

Для цитирования: Голованова А.К., Савенко Е.Н. Коллекция самиздата А.И. Фета – источник изучения общественных настроений в СССР второй половины XX в. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 189 – 201.

Поступила в редакцию: 23 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 26 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

A.I. Fet's samizdat collection as a source for studying public sentiments in the USSR in the second half of the 20th century

¹ Golovanova A.K.,

¹ Savenko E.N.,

¹ State Public Scientific and Technical Library
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Abstract: the article aims to characterize the personal samizdat collection assembled by Novosibirsk scholar A.I. Fet in light of socio-political realities of the second half 20th century. Due to its clandestine nature samizdat is a valuable source on historical processes since 1953 as well as on dissident reception of events at that time. Research of texts existed in an uncensored space supplement and expands the scope of understanding how dissent („inakomyslije”) took place. Dissent included range of independent ideas and original perspectives on burning socio-cultural, political, economic Soviet issues. The study employed a set of research methods. Historicism as a leading principle has allowed to examine the uncensored texts of the collection in its interlacement with historical conditions and events. For more detailed analysis and classification of the corpus, analytical-thematic and structural-typological methods were utilized. As a result, the structure of the collection was characterized, the genres of the socio-political documents were listed. The historical context in which the documents of the collection emerged was explored, along with an overview of several authors associated with samizdat. Personology as a method which illuminates individual qualities facilitated an understanding of the motivations that drove A.I. Fet to form a collection of samizdat. The analysis revealed that the materials within the collection reflect a wide spectrum of opinions on issues that concerned society during the second half of the 20th century. Following liberalization in the political regime, discussions regarding ways to overcome the totalitarian past, the interaction between the individual and society, and human rights became more pronounced. This research contributes to the understanding of the source base for studying ideological and political sentiments, as well as forms of protest potential within Soviet society during the latter half of the 20th century.

Keywords: personal collection, samizdat, uncensored texts, protest documents, public sentiment, dissent, dissidence, A.I. Fet

For citation: Golovanova A.K., Savenko E.N. A.I. Fet's samizdat collection as a source for studying public sentiments in the USSR in the second half of the 20th century. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 189 – 201.

The article was submitted: April 23, 2025; Approved after reviewing: June 26, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Самиздат – уникальное культурно-политическое явление советского периода. На протяжении нескольких десятилетий он являлся действенным способом преодоления жестких цензурных барьеров. Несанкционированная, неподцензурная печатная продукция была свободна от господствующих идеологических догм и доминирующих художественных канонов, отражала широкий спектр независимых идей и взглядов на злободневные проблемы социума. Исследователи обоснованно считают самиздат важнейшим источником изучения общественных настроений [1, с. 388; 2, с. 40].

Изучение материалов самиздата затруднено рядом проблем, обусловленных спецификой выпущенной в обход установленного законодательства печатной продукции: труднодоступностью, разрозненностью и фрагментарностью неподцензур-

ных изданий. Многие личные коллекции самиздата со временем были утрачены. Недоступны к настоящему времени и крупные собрания самиздата ряда общественных организаций: Московской независимой общественной библиотеки (прекратила деятельность в марте 2008 г.), правозащитного центра «Мемориал» (в 2016 г. признан иноагентом, в декабре 2021 г. ликвидирован), Сахаровского центра (в 2014 г. был признан иноагентом, в январе 2023 г. ликвидирован).

В связи с этим значительный интерес представляют собрания самиздата, хранящиеся в фондах российских государственных учреждений культуры: библиотеках, музеях, архивах. Одно из крупнейших подобных собраний (более 80 000 ед. хранения) – фонд нетрадиционной печати Государственной публичной исторической библиотеки России (ГПИИВ) [3], однако большая часть фонда охватывает период 1985-2000 гг., что выходит за

временные рамки классического самиздата (середина 1950-х – 1987 гг.). Обширным собранием литературного самиздата с акцентом на литературную периодику и фантастику, сформированным на основе коллекции писателя Е.В. Харитонов, располагает Российская государственная библиотека молодежи (РГБМ) [4]. Внушительное количество несанкционированной литературы периода перестройки находится в фондах Научной библиотеки Петрозаводского университета. Несмотря на то, что самиздат играет второстепенную роль в книжных коллекциях библиотеки, в ее фондах встречаются издания, не учтенные в сводном каталоге Всероссийской государственной исторической библиотеки «Самиздат и новая политическая пресса» [5, с. 144]. Уникальный комплекс неподцензурных материалов по политической истории СССР, собранных Центром документации «Народный архив» в 1988-2006 гг., передан в фонд Российского государственного архива новейшей истории [6, 7]. В основе проекта архивации лежала идея о ценности частной истории, одним из отражений которой стал отдел неформальных организаций, включающий самиздат [6, с. 169]. Значительное количество произведений неподцензурной печати собрано в архиве сектора самиздата и нетрадиционной печати (ССиНП) лаборатории книговедения ГПНТБ СО РАН [8-10]. Фонды сектора дают представление о культурном ландшафте Сибири, начиная с 1960-х годов.

Материалы и методы исследований

Коллекция самиздата А.И. Фета

Среди фондов ССиНП одна из самых крупных коллекций самиздата принадлежит Абраму Ильичу Фету. Применение термина «коллекция» к указанному комплексу неподцензурных текстов базируется на положениях историка и архивиста А.А. Макарова. Согласно его точке зрения, коллекция самиздата – это комплекс нелегальной печати, целенаправленно собранный в соответствии с интересами владельца с целью сохранения, а не распространения. [11, с. 29-30].

Коллекция самиздата А.И. Фета разножанровая, отражает эрудицию владельца, охватывает весь период активного бытования самиздата (середина 1950-х – 1987 гг.) и за счет этого является перспективным источником изучения общественно-политических настроений этой эпохи. А.И. Фет (05.12.1924 – 30.07.2007) – советский и российский математик, философ, публицист, переводчик. Автор многочисленных математических, философских, социологических и культурологических трудов. Неформальный общественный деятель и активный самиздатчик. А.И. Фет был не только выдающимся математиком и физиком-теоретиком,

но блестяще разбирался и в вопросах биологии, психологии, философии, культурологии, истории, искусствоведения. Многогранные интересы исследователя, обладавшего энциклопедическими знаниями, нашли отражение в личной коллекции самиздата. Стремление А.И. Фета к идейной полноте коллекции наглядно проявляется в преодолении тематического разделения текстов на художественные, общественно-политические и научные: художественные тексты сопровождаются материалами судов над их авторами, злободневные политические тексты перекликаются с историческими, социологическими, антропологическими, психологическими трудами о природе человека и власти, об истоках зла и возможности цивилизованного существования.

Коллекция неподцензурных материалов, переданная в дар ГПНТБ СО РАН вдовой ученого Л. П. Петровой, насчитывает более 460 ед. хр. различной тематической направленности: научные работы по математике, философии и психологии, литературно-художественный самиздат. Значительную часть составляют тексты общественно-политического содержания: на их долю приходится около 40% от общего массива документов.

В основу исследования легли аналитико-тематический и структурно-типологический методы, которые позволили упорядочить и классифицировать материалы коллекции. Принцип историзма послужил основой для реконструкции общественных настроений в СССР, начиная со смерти Сталина и заканчивая перестройкой. Вопрос о том, насколько коллекция А.И. Фета типична для интеллигента этой эпохи, требует дальнейшего изучения и сравнительного анализа.

В статье приведены цитаты из документов коллекции. Поскольку официальная каталогизация коллекции еще не завершена, ссылки на фонд А.И. Фета указаны курсивом в скобках. Все материалы доступны для ознакомления в архиве ССиНП ГПНТБ СО РАН. Копии упомянутых в статье документов есть в коллекции, если не указано обратное.

Результаты и обсуждения

Материалы общественно-политической тематики, представленные в коллекции, разнообразны. Достаточно широко (66 ед. хр.) представлены в коллекции философско-публицистические тексты А.И. Фета, бытовавшие в неподцензурном пространстве анонимно или под различными псевдонимами [12]. По словам ученого, самиздат был сферой, где «проявились [его] безгранично широкие интересы» [13, с. 99]. Уже после перестройки А.И. Фет задумал создать «интеллигентную печать для русской интеллигенции», прообраз которой он

видел одновременно в таких журналах, как «Современник», «Отечественные записки» и «Русское слово» – и в самиздате, особенно подчеркивая его свободу, неподконтрольность государственным инстанциям и коммерческим законам (Фет А.И. Создание независимой печати для российской интеллигенции). Работы А.И. Фета посвящены анализу различных политических учений, размышлениям о человеческом обществе, о самосознании и общественном долге русской интеллигенции, о вере и идеалах, об истоках национальных проблем. В 2015 г. большинство самиздатских текстов А.И. Фета было опубликовано в его собрании сочинений [14], однако ценность коллекционных материалов несомненна: многие работы представлены не только в машинописном, но и в рукописном виде с авторскими правками, что позволяет реконструировать мыслительный процесс ученого.

Критическое отношение А.И. Фета к современным ему общественно-политическим процессам не привело его к диссидентству – по крайней мере, сам он скептически отзывался о деятельности диссидентов и особенно правозащитников. В статье «Инакомыслие», присутствующей в коллекции в двух неидентичных экземплярах, а также опубликованной в самиздате, в парижском общественно-политическом журнале «Синтаксис» в 1984 г., А.И. Фет обвинял диссидентов-инакомыслящих в реактивном поведении по отношению к власти, в отсутствии позитивной программы и веры в человеческий разум или другие идеалы (Фет А.И. Инакомыслие). В отличие от современных теоретиков [15], он не проводил границы между инакомыслящими и диссидентами, иногда полностью сводя оба понятия к правозащитной деятельности, поскольку не преследовал цели использовать эти слова строго терминологически. Следует заметить, что современное понимание диссидентства также отделяется от упрощенной схемы прямого антагонизма власти [16, р. 8]. В других статьях А.И. Фета инакомыслящим противопоставлена русская интеллигенция XIX в., обладавшая цельным мировоззрением, глубоко отрефлексированными ценностями, гуманитарной образованностью и причастностью к общеевропейской культурной традиции.

Тем не менее, диссидентский самиздат широко представлен в коллекции. Самиздат был неподцензурным медиумом для инакомыслия и, в терминологии исследовательницы советской истории Б. Мартин [17, р. 3], одной из немногих возможностей «высказывания истины» (truth-telling), разрушающей эпистемологическую и идеологическую монополию государства [16, р. 3]. Необходимость высказать замолчанную истину, создать ситуацию

открытого диалога и дискуссии относится к ценностям как А.И. Фета, так и правозащитников. Система коммуникационных связей, появляющаяся при необходимости репродуцировать и распространять самиздат, также способствовала контактам между инакомыслящими, обмену самиздатом и дружбе: известная московская правозащитница Н.М. Ботвинник передавала тексты А.И. Фета на запад [18, с. 268], во время визитов в Москву А.И. Фет гостил у нее и мог получать самиздат.

Наиболее массовые и значимые виды общественно-политического самиздата, по типологии Ю.А. Русиной, – это «протестные письма, заявления и обращения; записи судебных процессов по делам правозащитников и их „последние слова“; тематические сборники документальных материалов» [19, с. 22]. Все эти категории обширно представлены в коллекции А.И. Фета, исключение составляют тематические сборники – в коллекции находится лишь одна копия «Процесса четырех». Наиболее ярко представлены протестные, или открытые, письма (44 ед. хр.), поэтому в статье им уделено особое внимание. В основе классификации, предложенной Ю.А. Русиной, лежат несколько разнонаправленных критериев, которые, тем не менее, исследовательница сводит к «учет[у] цели и назначения произведения» [19, с. 21]. Таким образом, «высказывание истины» возможно проследить на уровне текстов и их прагматики.

Помимо вышеперечисленных видов самиздата, источником для изучения общественных настроений могут служить представленные в коллекции произведения и документы, отнесенные в соответствии с существующей классификацией к другим категориям: стенограммы заседаний творческих организаций, речи представителей творческой интеллигенции, мемуары, периодические издания и др. В коллекции есть и несколько экземпляров самиздата, который как явление смежен с самиздатом и при этом во многом зеркально противоположен ему [20, с. 19], однако ему будет посвящено отдельное исследование.

Стенограммы судебных процессов

Самиздат обеспечил создание единого информационного поля, которое подпитывало как диссидентство в широком смысле, так и правозащитное движение [21]. В условиях государственной монополии на печать пресса освещала судебные процессы ангажировано и однобоко, дискредитируя «внутреннего врага» и зачастую предоставляя фельетоны вместо хроники из зала суда [22, с. 199]. Вследствие этого подсудимый оказывался под дополнительным давлением, а возможности получить достоверную информацию о суде сокращались. Начиная с «дела Бродского» в 1964 г.,

самиздат стал альтернативным каналом для распространения информации о судебных процессах. Стенограмма по «делу Бродского», «Судилище», стала жанровым образцом для записей из зала суда. Журналистка, педагог, общественный деятель Ф.А. Вигдорова восстанавливала реплики с суда по кратким нестенографическим заметкам, частично – по памяти и со слов присутствовавших, поскольку судья запретил ей делать записи. Получившийся в итоге документ лишен дословности стенограммы, читатели говорят о его художественном воздействии [23, с. 249], однако это не уменьшило его значения как свидетельства. Распространившийся в сотнях копий и попавший за границу, он способствовал общественной огласке дела и зарождению правозащитного движения.

В 1966 г. процесс против советских писателей А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля, обвиненных в публикации антисоветских произведений за границей, вызвал небывалую волну протестов, выявившую правозащитный потенциал самиздата [19, с. 24-28]. В коллекции А.И. Фета находятся «последние слова» обоих подсудимых. «Последнее слово» оформилось в самиздате в отдельный жанр, нередко бытуя отдельно от полной стенограммы процесса, поскольку оно несло особый морально-нравственный заряд и могло вызвать сильный отклик общественности [24, с. 38-39]. «Белая книга» (отсутствует в коллекции А. И. Фета) – нарочито объективный, основывающийся на стенограммах «отчет о процессе» [25, с. 5] Синявского-Даниэля – привела к новому громкому делу, «процессу четырех» над активистами самиздата: составителем «книги» А.И. Гинзбургом, а также Ю.Т. Галансковым, А.А. Добровольским и В.И. Лашковой. В.Н. Яранцев, обстоятельно изучавший машинописную копию сборника «Процесс четырех», пришел к выводу что новосибирский экземпляр несколько отличается от текста, составленного П. М. Литвиновым. По мнению исследователя, изменения внесены в первоисточник А. И. Фетом при копировании [26, с. 69]. В целом, стенограммы судебных заседаний, выступления адвокатов, речи обвиняемых обладают большим информационным потенциалом для понимания политической жизни страны и взаимоотношений власти и социума.

Биографические очерки

Дополняют материалы судебных дел краткие – обычно менее одной страницы – биографические очерки о политических заключенных. Они проливают свет на социальный состав, причины и мотивы гражданской активности инакомыслящих. Очерки существовали на фоне, с одной стороны, биографической и автобиографической традиции

СССР, отличавшейся вниманием не к индивидуальности, а к типической или образцовой судьбе [27, р. 128-129], а с другой стороны – на фоне газетных фельетонов против диссидентов. Очерки, написанные сжато и фактографически, во многом отражают общность судьбы различных диссидентов, при этом контрастируя с эмоционально окрашенными фельетонами. В коллекции Фета – 12 очерков, большинство из которых написано в 1975-1976 гг. геологом, правозащитницей, участницей «Московской хельсинской группы» М. Ландой. Многие очерки содержат рукописные пометки Фета – в дополнениях он комментировал дальнейшую судьбу политзаключенных.

Открытые письма

Группа документов коллекции, которая отражает правозащитную повестку, но при этом не ограничивается ее рамками – открытые письма, обращения и заявления протеста по поводу различных нарушений прав человека в СССР. Эпистолярные документы представлены как индивидуальными, так и коллективными текстами. По разным данным количество так называемых «подписантов» в рассматриваемый период превышало 700 человек. Среди них были не только явные диссиденты, но и «им сочувствующие, и просто порядочные и благородные люди» [28]. Поступок А.И. Фета, подписавшего протестное письмо 46 учёных против закрытого суда над самиздатчиками не столько по убеждению, сколько следуя своим моральным принципам, подтверждает это высказывание. В интервью автору исследования об оппозиционной акции сотрудников СО АН он подчеркнул, что считал подобные действия бессмысленными, а письмо подписал «из моральных соображений, чтобы его оппозиционные настроения не остались лишь интеллигентской болтовней» [29, с. 214]. Несмотря на значимость «письма 46» в судьбе А.И. Фета, оно отсутствует в его коллекции.

Исследователи отмечают, что открытые письма были «формой публичной рефлексии», способом привлечения внимания социума и властных структур к злободневным проблемам [30]. Хронологические рамки большинства имеющихся в коллекции протестных писем и обращений – 1960-1970-е гг., время активизации диссидентской деятельности и становления правозащитного движения в СССР. Первую волну открытых писем – как коллективных, так и индивидуальных – вызвал суд над И.А. Бродским [31, с. 134]. В коллекции А.И. Фета, помимо материалов суда и нескольких стихотворений Бродского, хранится машинописная копия перевода «Открытого письма советскому судье» французского поэта Ш. Добжинского,

опубликованного в 1964 г. в крупнейшем коммунистическом литературном журнале «Аксон поэт» (№ 25). Это нетипичное открытое письмо-поэма: в машинописи текст записан без переносов строки, места которых затем помечены рукописно. По содержанию оно соответствует духу открытых писем: частный акт судебного произвола выступает как свидетельство общего бюрократического формализма, суд над отдельным поэтом отсылает к целому ряду противостояний поэтов и государства, при этом сохраняется вера в возможность справедливости и социалистическую утопию. Машинопись из коллекции отличается от перевода, опубликованного в книге Е.Г. Эткинды «Процесс Иосифа Бродского» [32, с. 82-88], вопрос об авторстве этой версии остается открытым.

Анализ документов показал, что ключевой идеей эпистолярных неподцензурных текстов второй половины XX в. было осмысление взаимоотношений личности и государства как в контексте современности, так и в свете недавнего прошлого, сталинской эпохи. Наиболее активно выступали против нарушения прав и свобод граждан, гарантированных Конституцией СССР, представители творческой интеллигенции. Один из ярких примеров указанной тенденции – имеющееся в коллекции открытое письмо Л.И. Брежневу от 14 февраля 1966 г. о недопустимости возможности реабилитации И.В. Сталина, которое подписали 25 выдающихся деятелей науки, литературы и искусства. Среди подписавших были Нобелевские лауреаты, лауреаты Ленинских и Государственных премий: академики П.Л. Капица, А.Д. Сахаров и И.Е. Тамм, писатели В.П. Катаев, К.Г. и К.И. Чуковский, народные артисты М.М. Плисецкая, М.И. Ромм, И.М. Смоктуновский, Г.А. Товстоногов и др. Видимой реакции властей на письмо не последовало. В официальной печати оно не публиковалось и бытовало в самиздате.

Развенчание культа личности, импульс к которому дал просочившийся в самиздат доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях», было одной из проблематик, задававших амбивалентное отношение инакомыслящих с властью, поскольку границы возможных высказываний против Сталина не были определены и изменялись со временем [16, р. 20-24]. Так, во времена Оттепели посмертно реабилитировали государственно-го деятеля, дипломата, писателя Ф. Ф. Раскольникова. Его жена, приехавшая в 1964 г. из-за границы с визитом, передала Союзу Писателей оригиналы документов мужа, среди которых было и «Открытое письмо Ф. Ф. Раскольникова Сталину», впервые опубликованное в парижской газете «Новая Россия» в 1939 г (№71). В том же году в офи-

циальной печати вышла книга его мемуаров. Уже при Л.И. Брежневе имя Ф.Ф. Раскольникова вновь исчезло из печати, однако его «Открытое письмо» продолжало ходить в самиздате [33, р. 141-142]. В коллекции А. И. Фета – не менее пяти экземпляров этого документа, что подтверждает востребованность текста.

Необходимость критического осмысления сталинского прошлого, реформирования политического курса, восстановления законности, соблюдения прав человека проходят красной нитью и через другие открытые письма. Большинство имеющихся в коллекции протестных эпистолярных отражают реакцию на проходившие в стране политические судебные процессы и кампании по дискредитации инакомыслящих. Примечательно, что многие обращения адресованы руководящим лицам и официальным структурам советского государства, что свидетельствует о стремлении части представителей критически настроенных слоев населения к диалогу с властью. В то же время, начиная с процесса с А.Д. Синявского и Ю.М. Даниэля, подписанты сами вводили открытые письма в оборот в самиздате, тем самым расширяя потенциальный круг читателей письма и демонстрируя скептическое отношение к действенности прямого обращения к властям [34, с. 10]. Примеры такого рода документов – открытое письмо литературоведа Л.З. Копелева в защиту А.Д. Синявского, отправленное в ноябре 1965 г. в секретариат ЦК КПСС, в идеологическую комиссию при ЦК КПСС и в Президиум Правления Союза писателей СССР; открытое письмо писательницы Л.К. Чуковской «Не казнь, но мысль, но слово», адресованное в феврале 1968 г. редакции газеты «Известия»; «Открытое письмо товарищу по профессии» в защиту А.И. Гинзбурга и Ю.Т. Галанскова, отправленное режиссером Е.Л. Шифферсом в январе 1968 г. в газету «Советская культура» и др. Главная идея такого рода открытых обращений очень точно сформулирована М.Л. Ростроповичем в открытом письме главным редакторам газет «Правда», «Известия», «Литературная газета», «Советская культура», написанным в поддержку исключенного из Союза писателей А.И. Солженицына: «Каждый человек должен иметь право безбоязненно самостоятельно мыслить и высказываться о том, что ему известно, лично продумано, пережито, а не только слабо варьировать заложенное в него мнение» (Ростропович М. Открытое письмо главным редакторам газет «Правда», «Известия», «Литературная газета»).

Нежелание советского руководства вести диалог с оппозиционно настроенными гражданами, преследования инакомыслящих вели к усилению

конфронтации и переосмыслению адресата петиционных документов [35]. Яркий пример этой тенденции – знаменитое письмо П.М. Литвинова и Л.И. Богораз «К мировой общественности» 1968 г., ставшее откликом на «процесс четырех». В письме констатировалась бесполезность обращения в советские инстанции – осознание, пришедшее на новом этапе «эпистолярной революции», когда первые открытые письма уже набрали силу. О принципиальности этой позиции говорил П.М. Литвинов в интервью О.М. Розенблум: «И я чувствовал, что возникает некоторая двусмысленность [при адресации писем к советским властям], потому что мы знаем, и все, на самом деле, знают, что письмо будет передано за границу, что без передачи за границу оно практически не существует, а в то же время [обращаемся мы в советские инстанции]. И я сказал: кто хочет, пусть пишет свои письма, а я больше не буду писать писем, если они обращены к советской власти не по конкретному поводу» [36].

Обращение к «мировой общественности» стало среди правозащитников общепотребительным позже – после того, как в 1975 г. в Хельсинки на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе были утверждены международные конвенции по правам человека. К этому периоду относятся открытое письмо Т.М. Великановой, А.П. Лавута и Ю.Ф. Орлова в международные организации прав человека в защиту С. Ковалева и А.Н. Твердохлебова, письмо М.Н. Ланды в защиту члена нелегальной Национальной объединенной партии Армении П.А. Айрикяна. Авторами открытых писем за границу были не только правозащитники: В. Лисовая писала в международную организацию по делам амнистий политических заключенных по делу своего мужа В. Лисового, также не принадлежащего к числу диссидентов. Целью этой группы эпистолярной было привлечение внимания международных организаций к проблемам российского общества и побуждение их к воздействию на властные структуры СССР.

Имеющиеся в коллекции протестные эпистолярные тексты подтверждают точку зрения исследователей о том, что единой идеологии, объединяющей инакомыслящих, не существовало [37-40]. Идеино-политический спектр диссидентского движения был весьма разнообразен: в нем присутствовали и «либералы-западники», и сторонники обновления КПСС на демократических принципах, и приверженцы этнического национализма и др. В коллекции А.И. Фета отсутствует лишь религиозный самиздат – при этом в своей эссеистике он выделяет группу религиозных инакомыслящих.

Стенограммы заседаний творческих организаций, речи представителей творческой интеллигенции.

О том, что так называемое «разномыслие» было присуще не только представителям диссидентского движения свидетельствует ряд других самиздатских документов из коллекции А.И. Фета. Стенограммы заседаний коллективов научных учреждений и творческих организаций, выступления художественной интеллигенции характеризуют переосмысление устоявшихся взглядов на исторические события, на функции советской литературы. Две контрастирующие друг с другом стенограммы заседаний из коллекции А.И. Фета касаются «крамольных» произведений, вызвавших широкий публичный интерес: книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (1966) и произведений «Пир победителей» и «В круге первом» А.И. Солженицына в Союзе писателей. Судя по обсуждению, книга А.М. Некрича, посвященная началу войны, действительно вызвала резонанс: на открытые слушания собралось более сотни человек, были приглашены историки, представители госорганов, военные (Обсуждение книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (стенограмма)). При том, что общая линия соответствовала стремительно устаревающей повестке развенчания культа личности, между выступающими возникала полемика. Многие присутствующие положительно оценили книгу, отметив, что «это не только интересная, не только полезная», но и «честная книга», написанная с «высоким гражданским пафосом». Однако в ходе обсуждения звучали и критические высказывания о том, что в книге прослеживается влияние буржуазной историографии. Некоторые участники дискуссии негативно восприняли критику И. В. Сталина. По их мнению, «"разоблачения" культа личности страдают определенной поверхностностью и не мобилизуют, не вооружают нас, не дают нам возможность извлечь из фактов истории необходимый урок» (Обсуждение книги А.М. Некрича «1941, 22 июня» в Институте марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (стенограмма)).

На этом фоне обсуждение произведений Солженицына скорее напоминает о «перформативности» в условиях несвободного высказывания, по А.В. Юрчаку: социальная ситуация предполагает определенные ритуализованные реакции от «нормального» субъекта, которые скорее выражают вписанность человека в социум, чем его частное мнение [41, с. 71-74]. Члены Союза писателей, при разнящихся взглядах на творчество Солженицына, за редким исключением занимают обвинительные

позиции по отношению к писателю. Обсуждение проливает свет на особенности издательской практики – на заседании присутствует А.Т. Твардовский, одна из тем повестки – печатать ли «Раковый корпус» в журнале «Новый мир». Твардовский на заседании занимает дипломатическое положение, выступая за печать, но требуя от Секретариата Союза писателей узаконивания публикации. В итоге «Раковый корпус» в «Новом мире» напечатан не был и впервые вышел в тамиздате [42, с. 603].

Содержание стенограмм заседаний творческих союзов перекликается с распространявшихся в самиздате текстами выступлений отдельных представителей творческой интеллигенции. Один из примеров этого – речь В.В. Быкова на V съезде писателей БССР в мае 1966 г. Накануне этого события резкой критике была подвергнута его военная повесть «Мертвым не больно», опубликованная в журнале «Новый мир». В официальной печати автора обвиняли в искажении действительности, клевете на армию и т.д. Речь на съезде писателей стала ответом на нападки. В ней В.В. Быков выступил против волонтаризма, ограничивающего литературное творчество, пытающего вытеснить из литературы правду жизни. «Голый рационализм, стремление подчинить литературу и искусство нуждам каждого «сегодня», так же, как и загодя, умозрительно распланированного «завтра», игнорирование но и всему обществу» – говорил писатель (Быков В. Речь на V съезде Союза писателей Белоруссии). В заключительной части выступления он поблагодарил поддержавших его перед съездом литераторов, которые проявили гражданское мужество и писательскую солидарность.

Суть сложных процессов, начавшихся во второй половине XX в., сформулирована в тексте не произнесенной речи В.А. Каверина, написанной весной 1967 г. для IV съезда писателей СССР: «Страна вступила в новый период – в период взглядывания в себя, в то, что случилось с нею в прежние годы». Примечательно, что по мнению литератора самиздат является отражением «этого народного взглядывания» (Речь Вениамина Каверина, не произнесенная на IV съезде писателей СССР). Данная В.А. Кавериним характеристика образно определила одно из основных предназначений самиздата: осмысление проблем советской истории и поиск альтернативных путей общественного развития. Произошедшие в СССР в конце 1980-х – начале 1990-х гг. преобразования, в определенной степени, были подготовлены самиздатом.

Другие виды общественно-политического самиздата

Присутствуют в коллекции и отдельные экземпляры иных видов неподцензурных общественно-политических текстов. Ценными историческими источниками являются отражающие авторское восприятие окружающей действительности дневники и мемуары (9 ед. хр.). Эго-документы дают уникальный взгляд на такие стороны исторических событий, которые не зафиксированы в других источниках. Например, в самиздатском тексте «Об одной поездке» Л. И. Богораз, повествующем о посещении находившегося в заключении в Мордовии мужа, содержатся детали лагерного быта и нравов. Описание сопровождается размышлениями о нравственно-правовых принципах деятельности исправительно-трудовых учреждений и проливает свет на идеологию правозащитников, представителем которых являлась автор текста.

Мемуары, машинописные копии которых хранятся в коллекции А.И. Фета, были вместе со многими другими опубликованы на волне внимания к автобиографической прозе: с конца 1980-х, когда началась эпоха гласности, частные воспоминания начали восприниматься как возможность восполнить исторические лакуны, касающиеся трагических событий советского прошлого. Прецедентным текстом стали «Воспоминания» Н.Я. Мандельштам: их воспринимали как возвращение памяти и в то же время как очень субъективный, вызывавший несогласие взгляд на О.Э. Мандельштама, А.А. Ахматову, их частную жизнь и эпоху [43, с. 9-10, 54-55]. Отдельная группа документов посвящена диссиденту, политзаключенному, писателю А. Т. Марченко: к двум экземплярам мемуаров «Мои показания», написанных в 1967 г., ходивших в самиздате и изданных в нескольких европейских странах в 1969 г. [44, с. 8], прилагаются биография автора и открытые письма по его делу. Выходец из семьи Барабинских рабочих, автодидакт, получивший восемь классов образования, открывший для себя мир московской интеллигенции благодаря лагерному знакомству с Ю.М. Даниэлем, разоблачитель тюремного беззакония 1960-1970-х гг., А. Т. Марченко, по замечанию Ю.Я. Герчука, противоречил ожидаемому образу мемуариста: «... рядом с ним были люди, казалось бы, гораздо лучше подготовленные к этой миссии, привычные к литературному труду. Были уже сложившиеся публицисты, были профессиональные писатели» [45, с. 5]. В целом, написание мемуаров в СССР в 1950-1980-е не было ограничено исключительно интеллигентской средой [43, с. 12-16]. Несмотря на то, что мемуары были изданы, самиздатская копия свидетельствует о бытовании

текста, о возможных расхождениях, а также в случае отсутствия авторизованной версии может служить дополнительным источником для текстологического анализа.

Самиздатская периодика представлена в коллекции двумя номерами неподцензурного правозащитного информационного бюллетеня «Хроники текущих событий» (выпуски 36 от 31.05.1975 и 38 от 31.12.1975). Бюллетень содержит уникальную информацию о фактах нарушения прав человека и диссидентской активности в СССР, многие диссиденты и правозащитники называют его в числе ключевых явлений самиздата, повлиявших на становление правозащитного движения [46, с. 18, 29-30, 57-58, 121, 139, 155, 168-169, 233, 353-354, 375-376]. Отдельного внимания заслуживают пометки А.И. Фета на полях: он указывает на ошибки в именах подсудимых и отсутствие важных персоналий, на неточности в сроках и местах заключения.

Выводы

Коллекция А. И. Фета, включающая в себя документы «классического самиздата» – уникальный источник по общественно-политическим настроениям в СССР второй половины XX в. Неподцензурные тексты указанной направленности свидетельствуют, что процесс поиска правды и справедливого устройства общества во второй половине XX в. проходил как на общественном, так и на личностном уровне. При этом спектр инакомыслия был довольно широк, а предлагаемые программы общественных преобразований – противоречивы.

Видовой состав общественно-политического самиздата в коллекции А.И. Фета многообразен. Ее особенность – значительное количество неподцензурных авторских публицистических работ владельца: отраженные в самиздатских публика-

циях неконформистские взгляды на общественное устройство, а также данные о нарушениях прав человека служат подпиткой для размышлений об этике, о путях противостояния власти, сохранения культуры. Правозащитный самиздат полнее всего представлен открытыми письмами, большинство из которых относится к 1965-1968 гг. (в их числе – отклики на «Процесс четырех»), а также к 1975-1976 гг., времени становления и создания Московской хельсинской группы. В 1960-е развиваются самиздатский жанр стенограммы судебного процесса, а также его поджанры – «последнее слово», речь адвоката. В коллекции А. И. Фета представлены материалы по самым громким делам второй половины 1960-х гг., времени расцвета правозащитного движения. В качестве сопроводительных материалов распространялись биографические очерки о политзаключенных – жанр, мало освещенный в научных публикациях. Интерес А.И. Фета к судьбе политзаключенных, а также глубокую осведомленность демонстрируют его пометки в двух экземплярах «Хроники текущих событий», главного информационного бюллетеня диссидентов. Мемуары как беллетризованное свидетельство эпохи предлагают субъективный взгляд на события, при этом сохраняя интенцию высказывания сокрытой истины. В коллекции отдельные экземпляры охватывают почти всю вторую половину XX в. (до распада СССР). О жизни интеллигенции, в том числе о противоречиях внутри государственных структур, связанных с производством культуры, свидетельствуют стенограммы заседаний творческих союзов и выступления представителей творческих профессий. Материалы всех видов самиздата из коллекции А.И. Фета тематически перекликаются между собой и дают представление о настроениях советского социума во второй половине XX в.

Финансирование

Статья подготовлена по плану НИР ГПНТБ СО РАН, проект «Трансформация книжной культуры в социальных коммуникациях XIX-XXI вв.», № 122041100088-9

Список источников

1. Русина Ю.А. Самиздат – феномен диссидентской культуры и форма инакомыслия // Россия и мир: панорама исторического развития: сборник научных статей, посвященный 70-летию исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Екатеринбург: Волот, 2008. С. 383 – 388.
2. Кузовкин Г.В. Научное издание «Хроники текущих событий» и новые возможности для изучения самиздата // Acta samizdatica / Записки о самиздате: Пилотный выпуск. М., 2012. С. 36 – 45.
3. Струкова Е.Н. Фонд нетрадиционной печати в ГПИБ России // ГПИБ (Историческая библиотека) URL: <https://gpib.livejournal.com/11074.html> (дата обращения: 16.03.2025)
4. Харитонов Е.В. Коллекция «фантастического» самиздата в РГБМ // Acta samizdatica / Записки о самиздате. М., 2020. Вып. 3. С. 224 – 231.
5. Новожилова С.В. Книжные коллекции Научной библиотеки Петрозаводского государственного университета. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2020. 175 с.

6. Алексеев В.В. Центр документации «Народный архив» – незавершённый эксперимент по созданию документального хранилища нового типа // Роль архивов в информационном обеспечении исторической науки / Сост. Е.А. Воронцова; отв. ред. В.Ю. Афиани, Ю.А. Петров. М.: Этерна, 2017. С. 168 – 174.
7. Центр документации «Народный архив»: Справочник по фондам / Сост. Г.С. Акимова и др. М.: б. и., 1998. 349 с.
8. Андреева Е.Ю., Пронина Ю.С. Мемориальный комплекс документов учёного энциклопедиста А. И. Фета в фонде ГПНТБ СО РАН // Гуманитарный научный вестник. 2022. № 11. С. 26 – 37. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/11/Andreeva.pdf> (дата обращения: 16.03.2025)
9. Савенко Е.Н., Пронина Ю.С. Самиздат в Государственной публичной научно-технической библиотеке СО РАН // *Acta samizdatica* / Записки о самиздате. Вып. 5. М., 2020. С. 205 – 223.
10. Шатовкин В.В. Неопубликованные источники в архиве сектора самиздата и нетрадиционной печати Государственной публичной научно-технической библиотеки Сибирского отделения Российской академии наук // Труды ГПНТБ СО РАН. 2024. № 2. С. 43 – 50. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-43-50>
11. Макаров А. От личной коллекции самиздата к общественной библиотеке. Трудности границ и дефиниций // *Acta samizdatica* / Записки о самиздате: Пилотный выпуск. М., 2012. С. 24 – 35.
12. Савенко Е.Н. Автор предпочел остаться неизвестным // Гуманитарные науки в Сибири. 2011. № 3. С. 89 – 92.
13. К 100-летию А.И. Фета. Воспоминания. Статьи. Философские письма. Новосибирск: ГПНТБ СО РАН, 2024. 332 с.
14. Фет А.И. Собрание сочинений: в 7-ми т. Rehoboth: American research press, 2015. 585 + 405 + 295 + 279 + 324 + 255 + 248 с.
15. Васильева А.В. Диссентеры, диссиденты, правозащитники, инакомыслящие...: к вопросу о «Диалоге» соседствующих понятий в общественных науках // Мир русского слова. 2014. № 1. С. 26 – 30.
16. Komaromi A. Soviet Samizdat: Imagining a New Society. Ithaca: Cornell University Press, 2022. 297 p.
17. Martin B. Dissident Histories in the Soviet Union: From De-Stalinization to Perestroika. London: Bloomsbury Academic, 2019. 312 p.
18. К истории формирования фонда Н.М. Ботвинник на фоне ее биографии Воспоминания о Нозми Марковне Ботвинник и Борисе Степановиче Кулаеве их дочерей Александры и Стефании Кулаевых. (Вопросы и запись Г.Г. Суперфина (окт. 2020)) // *Acta Samizdatica* / Записки о самиздате. М., 2020. Вып. 5. С. 256 – 270.
19. Русина Ю.А. Самиздат в СССР. Тексты и судьбы. СПб., Екатеринбург: Алетейя, 2019. 204 с.
20. Клоц Я. Тамиздат: контрабандная русская литература в эпоху холодной войны. М.: Новое литературное обозрение, 2024. 376 с.
21. Даниэль А. Ю. Диссидентство: культура, ускользающая от определений // Семидесятые как предмет истории русской культуры / Ред.-сост. К. Ю. Рогов. М.: О.Г.И., 1998. С. 111 – 124.
22. Серебрякова Е. Г. Стратегия Фриды Вигдоровой в «деле Бродского» // *Slavica*. 2015. № 44. С. 199 – 208.
23. Литвинов П. М. «Но тут появился документ» // Право записывать / Вигдорова Ф. А. М.: АСТ, 2017. С. 248 – 252.
24. Русина Ю.А. «Я решил говорить»: последнее слово обвиняемого как заключительный аккорд политических процессов в СССР 1960-х гг. // Известия УрФУ. Серия 2. Гуманитарные науки. 2016. Т. 18. № 1 (148). С. 34 – 50. doi 10.15826/izv2.2016.1.003
25. Гинзбург А. И. Белая Книга по делу А. Синявского и Ю. Даниэля. Франкфурт-на-Майне: Посев, 1967. 432 с.
26. Яранцев В.Н. «Процесс четырех» в самиздате: новосибирская версия // Труды ГПНТБ СО РАН. 2022. № 4. С. 67 – 75. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-4-67-75>
27. Turton K. Reading Autobiographies // Reading Russian Sources. A Student's Guide to Text and Visual Sources from Russian History / ed. by G. Gilbert. New York: Routledge, 2020. P. 128 – 146.
28. Мику Н.В., Молькин А.Н. Формы проявления диссидентской практики // Политика, государство и право. 2014. № 11. С. 23 – 27. URL: <https://politika.snauka.ru/2014/11/2080> (дата обращения: 16.02.2025)
29. Кузнецов И. С. Новосибирский Академгородок: «письмо сорока шести». Новосибирск: Клио, 2007. 332 с.
30. Розенблюм О.М. «Дискуссий не было...»: открытые письма конца 1960-х годов как поле общественной рефлексии // Новое литературное обозрение. 2020. № 4. С. 38 – 51.
31. Чупринин С.И. Оттепель как неповиновение. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 224 с.

32. Эткинд Е.Г. Процесс Иосифа Бродского. Лондон: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. 176 с.
33. Saul E.N. Fedor Raskolnikov, a «Secondary Bolshevik» // Russian Review. 1973. Vol. 32. № 2. P. 131 – 142.
34. Даниэль А.Ю. Интерьер для неоконченного портрета, или Человек, которого знали все // Александр Гинзбург: русский роман / авт.-сост. В.И. Орлов; вступ. статья А.Ю. Даниэля. М.: Русский Путь, 2017. С. 5 – 30.
35. Кузьменко Д.А. Советское диссидентство и власть: к вопросу эволюции форм и методов взаимодействия // Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования. 2019. Т. 19. № 4. С. 419 – 426. DOI: 10.15507/2078-9823.048.019.201904.414-426
36. Розенблюм О.М. Павел Литвинов и Александр Даниэль об истории открытого письма «К мировой общественности». URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/biblioteka/pavel-litvinov-i-aleksandr-daniel-ob-istorii-otkrytogo-pisma-k-m/> (дата обращения: 16.02.2025).
37. Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР. Новейший период. М.: Московская Хельсинкская группа, 2022. 414 с.
38. Романкина И.А. Основные направления диссидентского движения в СССР 1960–70-х гг. // Национальная ассоциация ученых. 2015. № 3-5 (8). С. 154 – 156.
39. Титов В.Ю. Протестные настроения в общественном мнении граждан РСФСР во второй половине XX века: на материалах 1945-1960 гг. Иркутск: ИГПУ, 2005. 321 с.
40. Фирсов Б. М. Разномыслие в СССР. 1940-1960-е годы: История, теория и практики. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге: Европейский Дом, 2008. 544 с.
41. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение / Предисл. А. Беляева; пер. с англ. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 664 с.
42. Остроумова Т.О. Журнал «Новый мир» А. Т. Твардовского в мемуарах // Обсерватория культуры. 2018. Т. 15, № 5. С. 599 – 607. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-599-607
43. Паперно И. Советская эпоха в мемуарах, дневниках, снах. М.: Новое литературное обозрение, 2021. 320 с.
44. Даниэль А.Ю., Марченко П.А. От составителей // Мы здесь живем / Марченко А.Т.; сост. А.Ю. Даниэль, П.А. Марченко. Т. 1. Два рассказа о первом сроке. Мои показания. М.: Новое издательство, 2018. С. 7-13.
45. Герчук Ю.Я. Анатолий Марченко о себе все рассказал сам... // Марченко А.Т. Показания Анатолия Марченко / Сост. Л.И. Богораз. М.: Весть – ВИМО, 1993. С. 5 – 8.
46. Морев Г. Диссиденты. М.: Издательство АСТ, 2017. 416 с.

References

1. Rusina Yu.A. Samizdat – a Phenomenon of Dissident Culture and a Form of Dissent. Russia and the World: a Panorama of Historical Development: a Collection of Scientific Articles Dedicated to the 70th Anniversary of the Faculty of History of the Ural State University named after A.M. Gorky. Yekaterinburg: Volot, 2008. P. 383 – 388.
2. Kuzovkin G.V. Scientific Publication “Chronicles of Current Events” and New Opportunities for Studying Samizdat. Acta Samizdatica. Notes on Samizdat: Pilot Issue. Moscow, 2012. P. 36 – 45.
3. Strukova E.N. The Non-Traditional Printing Collection in the State Public Historical Library of Russia. State Public Historical Library (Historical Library) URL: <https://gpib.livejournal.com/11074.html> (date accessed: 16.03.2025)
4. Kharitonov E.V. Collection of "Fantastic" Samizdat in the Russian State Library of Moscow. Acta samizdat-ica. Notes on Samizdat. Moscow, 2020. Issue 3. P. 224 – 231.
5. Novozhilova S.V. Book Collections of the Scientific Library of Petrozavodsk State University. Petrozavodsk: PetrSU Publishing House, 2020. 175 p.
6. Alekseev V.V. Documentation Center "People's Archive" – an unfinished experiment in creating a new type of documentary repository. The role of archives in information support for historical science. Comp. E.A. Vorontsova; resp. ed. V.Yu. Afiani, Yu.A. Petrov. M.: Eterna, 2017. P. 168 – 174.
7. Documentation Center “People's Archive”: Directory of Funds. Comp. G.S. Akimova et al. M.: b. i., 1998. 349 p.
8. Andreeva E.Yu., Pronina Yu.S. Memorial complex of documents of the scientific encyclopedist A.I. Fet in the collection of the State Public Scientific Library of the SB RAS. Humanitarian Scientific Bulletin. 2022. No. 11. P. 26 – 37. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/11/Andreeva.pdf> (date of access: 03.16.2025)

9. Savenko E.N., Pronina Yu.S. Samizdat in the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Acta samizdatica. Notes on samizdat. Issue 5.* Moscow, 2020. P. 205 – 223.
10. Shatovkin V.V. Unpublished sources in the archive of the samizdat and non-traditional press sector of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. *Proceedings of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.* 2024. No. 2. P. 43 – 50. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2024-2-43-50>
11. Makarov A. From a personal samizdat collection to a public library. Difficulties of boundaries and definitions. *Acta samizdatica. Notes on samizdat: Pilot issue.* M., 2012. P. 24 – 35.
12. Savenko E.N. The author preferred to remain anonymous. *Humanities in Siberia.* 2011. No. 3. P. 89 – 92.
13. On the 100th Anniversary of A.I. Fet. *Memories. Articles. Philosophical Letters.* Novosibirsk: State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2024. 332 p.
14. Fet A.I. *Collected Works: in 7 volumes.* Rehoboth: American Research Press, 2015. 585 + 405 + 295 + 279 + 324 + 255 + 248 p.
15. Vasilyeva A.V. Dissenters, dissidents, human rights activists, dissidents...: on the issue of the "Dialogue" of adjacent concepts in the social sciences. *The World of the Russian Word.* 2014. No. 1. P. 26 – 30.
16. Komaromi A. *Soviet Samizdat: Imagining a New Society.* Ithaca: Cornell University Press, 2022. 297 p.
17. Martin B. *Dissident Histories in the Soviet Union: From De-Stalinization to Perestroika.* London: Bloomsbury Academic, 2019. 312 p.
18. On the history of the formation of the N.M. Botvinnik fund against the background of her biography *Memories of Noemi Markovna Botvinnik and Boris Stepanovich Kulaev by their daughters Alexandra and Stefania Kulaev. (Questions and a note by G.G. Superfin (October 2020)).* *Acta Samizdatica. Notes on samizdat.* Moscow, 2020. Issue 5. P. 256 – 270.
19. Rusina Yu.A. *Samizdat in the USSR. Texts and Fates.* St. Petersburg, Yekaterinburg: Aletya, 2019. 204 p.
20. Klots Ya. *Tamizdat: Smuggled Russian Literature during the Cold War.* Moscow: New Literary Review, 2024. 376 p.
21. Daniel A.Yu. Dissidence: a culture eluding definitions. *The Seventies as a Subject of the History of Russian Culture.* Ed. and compiled by K.Yu. Rogov. M.: O.G.I., 1998. P. 111 – 124.
22. Serebryakova E.G. Frida Vigdorova's Strategy in the "Brodsky Case". *Slavica.* 2015. No. 44. P. 199 – 208.
23. Litvinov P.M. "But Then a Document Appeared". *The Right to Record.* Vigdorova F.A. M.: AST, 2017. P. 248 – 252.
24. Rusina Yu.A. "I Decided to Speak": the Last Word of the Accused as the Final Chord of Political Trials in the USSR in the 1960s. *Izvestiya UrFU. Series 2. Humanities.* 2016. Vol. 18. No. 1 (148). P. 34 – 50. doi 10.15826/izv2.2016.1.003
25. Ginzburg A. I. *White Book on the Case of A. Sinyavsky and Yu. Daniel.* Frankfurt am Main: Posev, 1967. 432 p.
26. Yarantsev V. N. "The Trial of the Four" in Samizdat: Novosibirsk Version. *Transactions of the State Public Scientific and Technical Library of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.* 2022. No. 4. P. 67 – 75. <https://doi.org/10.20913/2618-7515-2022-4-67-75>
27. Turton K. *Reading Autobiographies. Reading Russian Sources. A Student's Guide to Text and Visual Sources from Russian History.* ed. by G. Gilbert. New York: Routledge, 2020. P. 128 – 146.
28. Miku N.V., Molkin A.N. Forms of manifestation of dissident practice. *Politics, state and law.* 2014. No. 11. P. 23 – 27. URL: <https://politika.snauka.ru/2014/11/2080> (date of access: 16.02.2025)
29. Kuznetsov I. S. *Novosibirsk Akademgorodok: "Letter of Forty-Six".* Novosibirsk: Klio, 2007. 332 p.
30. Rosenblum O. M. "There Were No Discussions...": Open Letters of the Late 1960s as a Field of Public Reflection. *New Literary Review.* 2020. No. 4. Pp. 38 - 51.
31. Chuprinin S.I. *Thaw as Disobedience.* Moscow: New Literary Review, 2023. 224 p.
32. Etkind E.G. *The Trial of Joseph Brodsky.* London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1988. 176 p.
33. Saul E.N. Fedor Raskolnikov, a "Secondary Bolshevik". *Russian Review.* 1973. Vol. 32. No. 2. P. 131 – 142.
34. Daniel A.Yu. *Interior for an unfinished portrait, or the Man everyone knew.* Alexander Ginzburg: Russian novel.author-compiled. V.I. Orlov; introduction by A.Yu. Daniel. Moscow: Russian Way, 2017. P. 5 – 30.
35. Kuzmenko D.A. Soviet dissidence and power: on the issue of the evolution of forms and methods of interaction. *Humanitarian: current problems of humanitarian science and education.* 2019. Vol. 19. No. 4. P. 419 – 426. DOI: 10.15507/2078-9823.048.019.201904.414-426

36. Rosenblum O.M. Pavel Litvinov and Alexander Daniel on the History of the Open Letter “To the World Community”. URL: <https://www.memo.ru/ru-ru/biblioteka/pavel-litvinov-i-aleksandr-daniel-ob-istorii-otkrytogo-pisma-k-m/> (date of access: 16.02.2025).
37. Alekseeva L.M. History of Dissent in the USSR. The Newest Period. Moscow: Moscow Helsinki Group, 2022. 414 p.
38. Romankina I.A. The Main Directions of the Dissident Movement in the USSR in the 1960s–70s. National Association of Scientists. 2015. No. 3-5 (8). P. 154–156.
39. Titov V. Yu. Protest Moods in Public Opinion of Citizens of the RSFSR in the Second Half of the 20th Century: Based on Materials from 1945–1960. Irkutsk: ISPU, 2005. 321 p.
40. Firsov B.M. Dissent in the USSR. 1940s–1960s: History, Theory, and Practice. St. Petersburg: Publishing House of the European University in St. Petersburg: European House, 2008. 544 p.
41. Yurchak A. It Was Forever, Until It Ended. The Last Soviet Generation. Preface by A. Belyaev; trans. from English. Moscow: New Literary Review, 2014. 664 p.
42. Ostroumova T.O. The magazine "New World" by A.T. Tvardovsky in memoirs. Observatory of Culture. 2018. Vol. 15, No. 5. Pp. 599 – 607. DOI: 10.25281/2072-3156-2018-15-5-599-607
43. Paperno I. The Soviet era in memoirs, diaries, dreams. Moscow: New Literary Review, 2021. 320 p.
44. Daniel A.Yu., Marchenko P.A. From the compilers. We live here. Marchenko A.T.; compiled by A.Yu. Daniel, P.A. Marchenko. T. 1. Two stories about the first term. My testimony. Moscow: New Publishing House, 2018. P. 7 –13.
45. Gerchuk Yu. Ya. Anatoly Marchenko told everything about himself... Marchenko A. T. Testimony of Anatoly Marchenko. Comp. L. I. Bogoraz. Moscow: Vest - VIMO, 1993. P. 5 – 8.
46. Morev G. Dissidents. Moscow: AST Publishing House, 2017. 416 p.

Информация об авторах

Голованова А.К., младший научный сотрудник Лаборатории книговедения, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0007-6659-7240>, anastasiya.golovanova_spsl_nsc@mail.ru

Савенко Е.Н., кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Лаборатории книговедения, Государственная публичная научно-техническая библиотека Сибирского отделения Российской академии наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0001-9352-8522>, helensavv@yandex.ru

© Голованова А.К., Савенко Е.Н., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 9.908

Деятельность Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период 60-х – 70-х годов XX века и его вклад в развитие инфраструктуры города Краснодара

¹ Лаврентьева М.А.,
¹ Дубиненко Н.А.,
¹ Гаевская И.И.,
¹ Костенко Р.В.,

¹ Кубанский государственный технологический университет

Аннотация: статья посвящена деятельности Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период 1960-х – 1970-х годов.

Целью данного исследования является анализ функционирования Краснодарского хлопчатобумажного комбината в контексте исторического процесса, выявление реальной степени его влияния не только на улучшение инфраструктуры города Краснодара, но и на судьбы людей, связанных с данным предприятием. Для достижения цели были поставлены следующие задачи: описание деятельности Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период 60-х – 70-х годов XX века; анализ вклада предприятия в развитие городской инфраструктуры; составление перечня рабочих цехов; восстановление расписания деятельности комбината.

В рамках работы над статьёй использовались разнообразные научные источники, среди которых можно выделить: материалы городских газет, в том числе газеты «За коммунистический труд», издаваемой при комбинате; архивные материалы; нормативно-правовая документация; данные из личных архивов работников предприятия. Проводилось интервьюирование бывших работников или жителей микрорайона при Краснодарском хлопчатобумажном комбинате.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения собранного материала в рамках общего изучения текстильной промышленности в СССР. Также она может быть полезна в рамках анализа краеведческого материала.

Научная новизна выражается в анализе функционирования конкретного предприятия, его влияния на судьбы краснодарцев, на развитие городской инфраструктуры. Представлены материалы, напрямую связанные с деятельностью Краснодарского хлопчатобумажного комбината в целом и ворсового производства в частности. В процессе исследования были сделаны выводы, что Краснодарский хлопчатобумажный комбинат оказал огромное влияние на текстильную отрасль промышленности СССР в целом и на инфраструктуру города Краснодара в частности.

Ключевые слова: хлопчатобумажная промышленность, Краснодарский хлопчатобумажный комбинат, развитие инфраструктуры, функционирование предприятия, ворсовое производство

Для цитирования: Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А., Гаевская И.И., Костенко Р.В. Деятельность Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период 60-х – 70-х годов XX века и его вклад в развитие инфраструктуры города Краснодара // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 202 – 210.

Поступила в редакцию: 24 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The activities of the Krasnodar Cotton Mill in the period of the 60s-70s of the XX century and its contribution to the development of the infrastructure of the city of Krasnodar

¹ Lavrentieva M.A.,

¹ Dubinenko N.A.,

¹ Gayevskaya I.I.,

¹ Kostenko R.V.,

¹ Kuban State Technological University

Abstract: the article is devoted to the activities of the Krasnodar Cotton Mill during the 1960s – 1970s.

The purpose of this study is to analyze the functioning of the Krasnodar cotton Mill in the context of the historical process, to identify the real extent of its impact not only on improving the infrastructure of the city of Krasnodar, but also on the fate of people associated with this enterprise. To achieve the goal, the following tasks were set: a description of the activities of the Krasnodar cotton mill in the period of the 60s – 70s of the XX century; an analysis of the contribution of the enterprise to the development of urban infrastructure; drawing up a list of workshops; establishment of the schedule of activities of the combine.

As part of the work on the article, various scientific sources were used, among which are: materials from city newspapers, including the newspaper "For Communist Labor", published at the combine; archival materials; regulatory and legal documentation; data from the personal archives of employees of the enterprise. Interviews were conducted with former employees or residents of the Krasnodar Cotton Mill microdistrict.

The practical significance of the work lies in the possibility of using the selected material in the framework of a general study of the textile industry in the USSR. It can also be useful in analyzing local history material.

The scientific novelty is expressed in the analysis of the functioning of a particular enterprise, its impact on the fate of Krasnodar residents, on the development of urban infrastructure. The materials directly related to the activities of the Krasnodar Cotton Mill in general and pile production in particular are presented. In the course of the research, it was concluded that the Krasnodar Cotton Mill had a huge impact on the textile industry of the USSR as a whole and on the infrastructure of the city of Krasnodar in particular.

Keywords: cotton industry, Krasnodar cotton mill, infrastructure development, operation of the enterprise, pile production

For citation: Lavrentieva M.A., Dubinenko N.A., Gayevskaya I.I., Kostenko R.V. The activities of the Krasnodar Cotton Mill in the period of the 60s-70s of the XX century and its contribution to the development of the infrastructure of the city of Krasnodar. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 202 – 210.

The article was submitted: April 24, 2025; Approved after reviewing: June 27, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Изучение исторической науки в целом, так или иначе, невозможно без рассмотрения некоторых частных аспектов. Так, чтобы получить подробные сведения о развитии СССР в период 1960-х – 1970-х годов, о жизни людей в то время, необходимо обратиться к реальным примерам, исследовать конкретные регионы большой страны, города и даже отдельные промышленные объекты.

Изучение истории конкретных текстильных предприятий позволяет формировать выводы о состоянии промышленной отрасли или даже об общей экономической ситуации в стране. Анализ деятельности Краснодарского хлопчатобумажного комбината может стать основой для оценки целого комплекса мероприятий по налаживанию транс-

портной, жилой и социальной инфраструктуры в рамках конкретного города.

Деятельность Краснодарского хлопчатобумажного комбината, одного из крупнейших в отрасли, представляет интерес с точки зрения масштаба данного предприятия. Актуальность теме добавляет и тот факт, что на комбинате работало свыше 11 тысяч человек, на судьбу которых комбинат оказал непосредственное влияние. Помимо этого, ещё десятки тысяч краснодарцев связаны с данным предприятием, оно и сквозь десятилетия влияет на жизни людей. Таким образом, чётко прослеживается важность и необходимость проведения исследования функционирования конкретного хлопчатобумажного комбината в контексте исторического процесса.

Материалы и методы исследований

Деятельность промышленных предприятий в контексте исторического процесса стала объектом исследования многих отечественных историков [1, 2, 3]. В частности, ряд учёных занимался конкретно предприятиями текстильной отрасли [4, 5, 6]. Существуют работы, направленные на изучение взаимодействия предприятия и города с точки зрения урбанистики, социальной и производственной жизни [7, с. 24]. Некоторые научные труды посвящены функционированию и развитию предприятий в Краснодарском крае [8]. Также имеются исследования, посвящённые становлению современного архитектурно-планировочного облика города Тимашевска, в том числе с учётом влияния промышленных объектов [9].

В рамках данного исследования основным методом сбора информации было непосредственное интервьюирование бывших работников или жителей микрорайона при Краснодарском хлопчатобумажном комбинате. По итогам сбора информации было опрошено более 10 человек, связанных с изучаемым предприятием. Среди них были как непосредственно текстильщики – основной персонал комбината, так и экономисты, учителя, или даже бывшие члены Верховного Совета РСФСР.

В качестве научной базы исследования выступали архивные материалы, находящиеся в открытом доступе, и нормативно-правовая документация Краснодарского хлопчатобумажного комбината [10]. Дополнительно использовались данные из личных архивов семей работников предприятия, материалы городских газет, из числа которых можно выделить издание редакции ХБК «За коммунистический труд» [11, 12].

Представлено подробное описание функционирования Краснодарского хлопчатобумажного комбината в период 60-х – 70-х годов XX века, а также его вклад в развитие инфраструктуры города Краснодара. Восстановлено расписание, по которому работало предприятие, составлен перечень цехов.

Важно упомянуть, что данное исследование является первым шагом в рамках изучения истории хлопчатобумажного комбината в Краснодаре. Основной акцент здесь сделан на функционировании ворсового производства, тогда как меланжевое производство осталось несколько в стороне. В будущем планируется расширить исторические рамки исследования, более подробно рассматривать конкретно меланжевое производство, а также деятельность красильного цеха и дессинаторской.

Результаты и обсуждения

В 50-е годы XX века для развития текстильной промышленности в СССР планировалось поднять

урожайность хлопка путём увеличения территорий, отведённых под его выращивание. В РСФСР регионом, в котором опытным путём будет внедряться данная культура, стала Кубань, ведь её тёплый климат и плодородные почвы казались советским аграриям идеально подходящими для этого нововведения [13]. Помимо разработки сельскохозяйственных программ появились планы по строительству нескольких предприятий текстильной промышленности. Одним из таких предприятий стал Краснодарский камвольно-суконный комбинат, первая очередь которого заработала в 1951 году.

К началу 1960-х годов стало ясно, что хлопок в условиях кубанского климата не даёт должной урожайности, его выращивание здесь не имеет экономической целесообразности [13]. Все сельскохозяйственные проекты, касающиеся хлопковых культур, в Краснодарском крае были свёрнуты. Но, несмотря на это, от строительства текстильных предприятий решили не отказываться, т.к. в стране присутствовал некоторый дефицит тканей. Именно в этой обстановке началось строительство Краснодарского хлопчатобумажного комбината (для более краткого обозначения этого предприятия принято применять сокращение ХБК, оно наиболее популярно как в архивных документах, так и у жителей одноимённого жилого массива, но в некоторых документах встречается и другая аббревиатура – КХБК) [10].

Территорию под строительство комбината выделили на восточной окраине города, близ действующего железнодорожного полотна. Уже к 1961 году были воздвигнуты промышленные корпуса, а также построено железнодорожное примыкание к Усть-Лабинскому направлению, чтобы доставлять грузы на предприятие. В 1962 году в цеха стали завозить новое оборудование, его долго устанавливали, укрепляли, для этого даже приглашали специалистов из других регионов РСФСР. В течение полугода с каждым днём запускали всё больше и больше станков.

К 1963 году окончательно запустили ткацкое и прядильное производства, они, работая как одно целое, стали первой очередью комбината (образовали ворсовое производство). Начали функционировать следующие цеха: сортировочно-трёпальный; ленто-ровничный; мотальный; сновальный; шлихтовальный; преготовительный; ткацкий. Основным сырьём для создания тканей являлся хлопок, его большими тюками по железной дороге завозили из Средней Азии, из Узбекской ССР.

Цепочка создания из сырья готовой продукции на ворсовом производстве выглядела следующим

образом:

1. Сырьё поступало в сортировочно-трёпальный цех, где большие кипы хлопка сортировали и разбивали на части;

2. Разделённый и отсортированный хлопок поступал в ленто-ровничный цех, где его преобразовывали в ленту-ровницу;

3. В мотальном цехе из ленты-ровницы делали нитки и мотали их в большие бобины;

4. Из ниток в сновальном цехе делали основу;

5. Полученную основу в шлихтовальном и przygotowательном цехах мотали в большие катушки;

6. Затем в ткацком цехе катушки устанавливали сзади станка, каждую ниточку заправляли в бердо. Посредством движения челнока, который бегал поперек основы, прихлопывалась нитка к нитке, основа переплеталась с утком, в результате чего получалась ткань.

Таким образом, в Краснодаре на хлопчатобумажном производстве был налажен выпуск тканей. Комбинат начал поставлять саржу и сатин не только для использования внутри страны (поставляли в воинские части, на другие предприятия, для создания клеёнки), но и для продажи за границу.

Желающих работать на ХБК было очень много, людям приходилось часами стоять в огромных очередях перед временным зданием отдела кадров. При этом не все имели соответствующую квалификацию, профессионалов катастрофически не хватало. Специалистов, которые приходили устраиваться на работу, принимали вне очереди. Мастеров приглашали из других городов, таких как Иваново, Владимир, Кохма, Камышин, Ногинск и Гаврилов Посад. Впоследствии, чтобы ликвидировать дефицит профессиональных кадров, при комбинате было создано профтехучилище №24.

С целью подвоза рабочих к предприятию городские власти организовали автобусное сообщение до комбината. Для трудящихся, чьим местом жительства были соседние с Краснодаром станицы и другие населённые пункты, были пущены отдельные автобусы к каждой смене (автобусы содержались на балансе предприятия).

Рабочим предоставляли жильё (в первую очередь мастерам, приглашённым из других городов): изначально их селили в пятиэтажные дома микрорайона Черёмушки, но места там хватило не всем (даже с учётом, что многие квартиры объединяли и превращали в общежития). Особую актуальность в этих условиях приобрела идея строительства собственного жилого массива при комбинате. Вскоре эта идея будет поддержана как руководством ХБК (в то время директором был Барченко Н.И.), так и в горисполкоме (председатель – Бабичев И.Ф.).

Возведение жилых зданий и некоторой инфраструктуры при комбинате началось уже в тот момент, когда первая очередь предприятия ещё не успела выйти на проектные мощности. В первую очередь посчитали необходимым возводить общежития, т.к. в них можно было заселить наибольшее количество человек, очень остра была жилищная проблема. Пятиэтажные кирпичные дома, как и «хрущевки», возводились по типовому проекту, но сильно отличались от последних, были несколько шире и не имели балконов. Через время комбинат отказался от возведения пятиэтажных общежитий в пользу более современных девятиэтажных. Новые здания отвечали всем ключевым стандартам того времени, в отличие от предшествующих моделей домов, имели балконы, дополнительные эвакуационные выходы на случай чрезвычайных ситуаций и внешне выглядели намного аккуратнее.

Все общежития отличались друг от друга по уровню комфорта и по количеству предоставляемых услуг. Так, в некоторых общежитиях присутствовали: буфет, столовая, актовый зал (для занятия творческой деятельностью или физической культурой), гостиницы (иногда по четыре комнаты выделяли для приёма родственников граждан, проживающих в общежитии). Но, в целом, условия были похожи: на каждом этаже располагались душевые, кухни. В комнату, размером примерно 11 м², заселяли по 3 или по 2 человека (число проживающих в комнате зависело от возрастных характеристик – молодых чаще селили по трое).

В то же время на ХБК запускались новые цеха, дополнением к уже действовавшему ворсовому производству стали бархатный цех (по выпуску бархата) и товаробраковка (проверка ткани на качество). В новом втором корпусе открылись отделочный цех (там проводилась отделка тканей) и красильный цех (химическое производство, на котором ткань красили в один из нескольких основных цветов). В отделочный цех на обработку и в красильный цех на окрашивание тканей поступала сразу после ткацкого цеха. С появлением дессинаторской, также известной, как экспериментальный цех, появилась возможность выявлять целесообразность серийного производства только разработанных видов тканей. Благодаря всем этим нововведениям, комбинат начал выпускать новые виды продукции, к сарже и сатину, которые выпускались ранее, прибавились вельвет и бархат.

Для обеспечения бесперебойного электроснабжения организовали отдельный корпус энергетиков и свою подстанцию. Трёхэтажное кирпичное здание корпуса расположилось между ворсовым производством и улицей им. Селезнёва. За проти-

вопожарной безопасностью следили сотрудники пожарной станции с собственным парком пожарных машин при комбинате.

В 1963 году были построены все общежития, и в управлении ХБК начали готовиться к возведению многоквартирных домов. Строить дома решили совместно с горисполкомом по «десятипроцентной» системе, т.е. комбинат обеспечивает 90% работ, а остальные 10% – город. В таком же соотношении распределялись квартиры, из-за чего дома прозвали «десятипроцентками».

В 1964 году была введена в строй вторая очередь ХБК – меланжевое производство (появился большой третий корпус). На меланжевом производстве функционировали практически те же цеха, что и на ворсовом, а отделка и окрашивание у них были общие. Новые мощности предприятия позволили запустить очередные линейки тканей, таких как, вельвет-корд, бязь, полубархат и джинсовая ткань. Теперь на ХБК производили разнообразные виды материалов, которые обладали уникальными характеристиками и даже некоторым разнообразием расцветок.

После запуска второй очереди на комбинате установилось полное производство в три смены (до этого момента предприятие работало в две смены). Новый график следующим образом был разделён по временным промежуткам: утренняя смена – с 6:30 до 14:50; вечерняя смена – с 14:50 до 23:10; ночная смена – с 23:10 до 6:30.

Кроме меланжевого производства были окончательно достроены административные и социальные здания, расположенные по улице им. Стасова. Среди них: трёхэтажное здание управления комбинатом, двухэтажное здание отдела кадров и профсоюза, авиационное убежище (вместимость 1,5 тысячи человек) и двухэтажное кафе. Для доступа трудящихся на комбинат были созданы две проходные: первая – большая, возле отдела кадров, и вторая – маленькая, за столовой. Все проходные на предприятии охранялись, чтобы войти, люди предъявляли специальные пропуска.

По итогу запуска всех изначально запланированных производств общее количество сотрудников на ХБК составило около 11 тысяч человек, предприятие стало одним из самых больших в отрасли. К этому моменту были достроены первые «десятипроцентки», началась выдача квартир. От их общего числа в пользу горисполкома отошло 10 % (такие квартиры выдавали врачам, учителям, медицинским работникам и т.д.). Остальные квартиры, принадлежавшие комбинату, распределяли в соответствии со специальной очередностью. Важное значение играли следующие факторы: размер семьи, сколько членов в этой семье работает на

комбинате и степень квалификации претендентов. Именно от этих факторов зависела возможность получения квартиры.

О здоровье работников комбината заботились врачи городской больницы №3 и поликлиники при ней (стоит заметить, что не только трудящиеся ХБК могли проходить лечение в данном учреждении, т.к. больница обслуживала всю восточную часть Краснодара). Впоследствии в народе это медицинское учреждение получило название «хэбэк-овская» больница. В небольшом отдалении от микрорайона открылось почтовое отделение, были выделены места в детских садах и школах соседних микрорайонов, таких как РМЗ и Черёмушки. Особенное внимание следует уделить базовой школе №14, так как именно там обучались дети текстильщиков, а комбинат имел над ней «шефство», практиковалось совместное культурно-массовое взаимодействие.

5 ноября 1968 года произошло поворотное событие в истории Краснодарского хлопчатобумажного комбината: по заранее зарезервированной технической зоне были проложены рельсы, по которым запустили регулярное движение трамваев – маршрут №8 связал комбинат с ключевыми районами города. Впоследствии протяженность данного маршрута менялась, а по линии пускали новые дополнительные маршруты.

В 70-х годах XX века на ХБК наметились значительные изменения, самым важным из которых стало введение в работу текстильщиков скользящего графика, что позволило полностью ликвидировать третью (ночную) смену. Проводилось обновление оборудования на меланжевом производстве (без остановки комбината), которое сопровождалось некоторыми строительными работами по укреплению фундаментов в цехах. На ворсовое производство были завезены жаккардовые станки, с помощью которых хотели наладить выпуск абсолютно новых видов ткани.

Руководство комбината строило большие планы по запуску жаккардового производства, но многие факторы учтены не были. Так, станки имели полностью новое устройство, были очень высокими и сложными из-за чего их долго вводили в строй, а после выяснилось, что на ХБК практически отсутствуют мастера, обладающие должной степенью квалификации и способные с такими станками справиться. Все эти факторы накладывались друг на друга и в итоге привели к приостановлению жаккардового производства.

На комбинате всё ещё наблюдалась острая нехватка профессиональных кадров (даже несмотря на работу профтехучилища №24). Приходилось приглашать молодых специалистов уже не только

с городов и регионов РСФСР, но и с других союзных республик. При этом, стоит отметить, что люди охотно ехали работать на Краснодарский ХБК, т.к. здесь предоставляли достаточно широкий перечень мер социальной поддержки [11].

В общежитиях при комбинате бесплатно выдавали всё необходимое постельное бельё, которое меняли раз в 10 дней в соответствии с установленным планом. Посуда на кухне была общая, каждый мог ей пользоваться. Комендант, в соответствии с направлением из жилищно-коммунального отдела (ЖКО), заселял работников в общежитие, помимо этого он тщательно следил за порядком (например, принимать пищу в жилых комнатах запрещалось, это можно было сделать в специальном зале) и за режимом (приём гостей разрешался исключительно до 22.00). В целях соблюдения санитарной безопасности, человек, впервые попавший в общежитие обязан был пройти медицинский осмотр (на этот период он, естественно, не оставался жить на улице, ему выделяли отдельную комнату, называемую «изолятор»).

По договору между СССР и Социалистической Республикой Вьетнам граждане последней стали согласовано приезжать в Краснодар, для работы на ХБК, где им сразу предоставлялись места в общежитии, назначались переводчики. Текстильщики обучали вьетнамцев (в среднем один работник обучал по 10 человек), как обращаться со станками. А по окончании обучения, иностранцы продолжали работать на предприятии, тем самым минимизируя дефицит кадров. Обычно, вьетнамцы в течение трёх лет жили в Краснодаре, после чего согласованно возвращались на родину, но находились и те, кто получил гражданство СССР и остался жить в городе.

Важно заметить, что вплоть до второй половины 1970-х годов в жилом массиве при комбинате отсутствовали учреждения культуры, лишь к 1976 году здесь появился собственный Дом культуры. Данное социальное учреждение стало основным местом притяжения в микрорайоне, люди со всего Краснодара ходили туда на концерты. В здании начали зарождаться разнообразные секции и кружки (кружок пения, кружок фортепиано и т.п.). Местный хор даже получил международную известность, посетив Народную Республику Болгария. Выступления проводились в крупнейших городах страны, таких как София, Бургас, Пловдив, Варна, Плевен и др.

В тот же период, с целью поддержки промышленных предприятий, в городе была запущена программа по привлечению краснодарцев на производства. В частности, в августе 1976 года студентов филологического факультета Кубанского

государственного университета в период летних каникул на месяц отправляли работать в ленторовничный цех хлопчатобумажного комбината, а к 1 сентября они отправились на занятия.

К 1977 году на Краснодарском ХБК сложилась следующая структура, главной целью которой было решение важнейших задач на производстве: аппарат управления, первый отдел, штаб гражданской обороны, юридический отдел, отдел кадров, отдел капитального строительства, архитектурная группа, планово-производственный отдел, отдел научной организации труда и зарплаты, сектор НОТ, отдел технического обучения и подготовки кадров, отдел охраны труда и техники безопасности, отдел технического контроля, группа по управлению качеством, бухгалтерия, финансовый отдел, отдел материально-технического снабжения, отдел сбыта, административно-хозяйственный отдел, машиносчётная станция, технический отдел, диспетчерская служба, художественная мастерская, центральная научно-исследовательская технологическая лаборатория [10].

В летний сезон на предприятии старались обеспечить все условия для хорошего отдыха трудящихся. В выходные дни организовывались поездки в палаточные лагеря и на базы отдыха (при комбинате их было две: первая – на побережье Чёрного моря, в бухте Инал; вторая – в пригороде Краснодара, возле Шапсугского водохранилища), а затем появились путёвки на 7 – 10 дней. Дети рабочих могли бесплатно отправиться в пионерский лагерь «Костёр», приписанный на баланс предприятия (особенно комбинат помогал родителям-одиночкам, их детей могли отправить в пионерлагерь сразу в несколько потоков). Также, руководством ХБК было принято решение реализовывать путёвки в санатории со скидкой 67 % (остальные 33 % платили сотрудники, из-за чего путёвки получили название «тридцатитрёхпроцентные»), а горящие путёвки выдавали бесплатно.

Стоит сказать, что, руководство ХБК стремилось создавать все необходимые условия для организации труда рабочих в соответствии с требованиями эпохи: непосредственно на предприятии каждому предоставлялась своя кабинка для переодевания, работали душевые и столовая. Но при этом условия труда были далеко не идеальными. Так, в огромных, высоких цехах не было окон (окна имелись лишь в кабинетах у мастеров), освещение создавалось исключительно за счёт люминесцентных ламп. На производстве снизу и сверху подавался увлажнённый воздух, чтобы поддерживалась равномерная температура и не трескались

нитки. Работникам приходилось часами стоять на бетонном полу у шумного станка, а в случае его остановки бежать по 10 метров, чтобы устранить неполадку. Повсюду летали хлопковая пыль и ворс, бобины постоянно рвались, не прекращался грохот. Кроме того, условия в каждом цехе могли отличаться, например, в отделочном цехе процесс дыхания был затруднён из-за испарения и химикатов [11].

Все вышеперечисленные проблемы относились не только к Краснодарскому ХБК, но и ко многим другим текстильным предприятиям страны. Работники текстильной отрасли страшно уставали, их труд, без преувеличения, был тяжелейшим, изнурительным. Именно поэтому правительство СССР включило ткачей в «Список №2 производств, работ, профессий, должностей и показателей с вредными и тяжёлыми условиями труда, занятость в которых даёт право на пенсию по возрасту (по старости) на льготных условиях» (в ред. Постановления Кабинета Министров СССР от 09.08.1991 № 591) [14]. Работники текстильной отрасли получали увеличенную заработную плату, раньше выходили на пенсию (в 50 лет – женщины, в 55 – мужчины).

К концу 1970-х годов удалось достичь многого, например, была открыта редакция газеты Краснодарского ХБК «За коммунистический труд», а за счёт привлечения иностранцев, отчасти была решена проблема, связанная с нехваткой рабочих рук [13]. Благодаря переоснащению в меланжевых цехах производительность труда поднялась на 48 %, объём выпускаемой ткани увеличился в 8 раз (вместе с тем росла и прибыль предприятия) [11]. ХБК выполнял поставленные планы, тем самым подтверждая свой статус передового предприятия в текстильной отрасли. С целью улучшения качества выпускаемого текстиля экспериментальным путём были разработаны 8 артикулов новых тканей [10]. Были и отрицательные моменты, так, на ХБК всё-таки не удалось пустить жаккардовые станки, что показало несостоятельность идеи по налаживанию новой линейки производства (всё оборудование пришлось с комбината вывозить).

Сложилась определённая тенденция, связанная с поставками продукции ХБК на другие производства страны. Если в первое время работы предприятия нельзя было выделить определённые регионы СССР, в которые доставляли ткань, то к данному периоду лидирующие позиции заняли предприятия лёгкой промышленности прибалтийских республик. Так, около 60 % краснодарского текстиля отправлялось на швейные фабрики Литовской, Латвийской и Эстонской республик, где их обрабатывали, красили в качественные, яркие, разно-

образные цвета, а впоследствии делали качественную одежду, которую поставляли во все крупные города СССР (где за прибалтийским бельём стояли огромные очереди).

Политическая жизнь тоже не обходила комбинат стороной, многие его работники принимали участие в выборах, становились депутатами от Советского района города Краснодара, где территориально располагался ХБК, в Верховный Совет РСФСР. При этом, если текстильщика избрали депутатом, то он не освобождался от работы на комбинате, продолжая выполнять свою работу на предприятии. А обязанности, связанные, например, с приёмом граждан в райисполкоме, приходилось выполнять в выходной день или в своё свободное время. Два раза в год депутаты от ХБК ездили в Москву, на заседания Верховного Совета РСФСР, в эти дни они получали официальное освобождение от работы.

Выводы

По итогам проведённого исследования в отношении деятельности Краснодарского ХБК в период 1960-х – 1970-х годов и его вклада в развитие городской инфраструктуры можно сделать следующие выводы:

1. В 1960-е годы происходило становление и развитие Краснодарского хлопчатобумажного комбината. Предприятие возникло на окраине города, в чистом поле, понемногу набирали оборот промышленные мощности, запускались новые очереди. Также строилась вся необходимая жилая, транспортная и социальная инфраструктура;

2. В 1970-е годы комбинат достиг своего максимального развития. Во многом это проявлялось в наборе социального обеспечения, которое предприятие предоставляло трудящимся. На ХБК кипела социальная, культурная и политическая жизнь, даже выпускалась собственная газета «За коммунистический труд»;

3. Реформы, проводимые на предприятии в 70-е годы XX века не дали однозначного результата. Несмотря на общее увеличение объёмов производства и прибыльности комбината, некоторые нововведения себя не оправдали (в частности, это касается попыток запуска жаккардового производства);

4. Именно в исследуемый период были заложены предпосылки, которые через несколько десятилетий приведут к закрытию Краснодарского хлопчатобумажного комбината. Среди них можно выделить завоз сырья из Среднеазиатских республик и продажу тканей на предприятия республик Прибалтийских, что примет критичную форму с распадом СССР.

Таким образом, Краснодарский хлопчатобумажный комбинат являлся важным предприятием в контексте всей текстильной отрасли СССР. Предприятие, на котором работало свыше 11 тысяч человек, оказало непосредственное влияние на

развитие инфраструктуры города Краснодара и становление его архитектурно-планировочного облика. Именно поэтому историю данного комбината стоит и дальше изучать, охватывая новые малоисследованные аспекты.

Список источников

1. Белый К.В., Наумова Г.Р. Завод исчез, а история его осталась // Клио. 2021. № 2 (170). С. 177 – 181.
2. Мраморнова Е.А., Певнева И.И. История развития кораблестроения в Калининграде на примере прибалтийского судостроительного предприятия "Янтарь" // Современные тенденции развития науки и технологий. 2015. № 1-3. С. 157 – 160.
3. Бондаренко А.П. История предприятия «Красноярский Электровагоноремонтный Завод» // Вестник науки. 2023. Т. 4. № 6 (63). С. 71 – 76.
4. Базеян К.Р. К истории межкультурных связей в Армении: Ленинанский текстильный комбинат (20 – 80-е годы XX века) // Наследие веков. 2023. № 2. С. 46 – 53.
5. Леонтьева А.М. Текстильный комбинат в Кайсери. Прошлое и настоящее // Наука, образование и экспериментальное проектирование: материалы международной научно-практической конференции. 2015. С. 313 – 316.
6. Воробьева М.И. История Барнаульского меланжевого комбината 1930-х годов и развитие женского стахановского движения // Вестник филиала Всероссийского заочного финансово-экономического института в г. Барнауле. 2010. № 13. С. 23 – 27.
7. Никонова О.Ю. Предприятие и город в позднесоветском обществе 1950-1980-х годов: современная историография // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2023. Т. 23. № 1. С. 22 – 30.
8. Салфетников Д.А. Региональные условия развития кубанских и ставропольских промышленных предприятий к концу эпохи // Манускрипт. 2020. Т. 13. № 9. С. 30 – 34.
9. Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А. История становления современного архитектурно-планировочного облика города Тимашевска // Вектор гуманитарной мысли. 2025. № 2. С. 43 – 59.
10. Краснодарский хлопчатобумажный комбинат (ХБК) Министерства легкой промышленности РСФСР г. Краснодар. Государственное казенное учреждение Краснодарского края «Государственный архив Краснодарского края». Фонд № Р-1653 / Архивный путеводитель Alertino.com [Электронный ресурс]. URL: <https://alertino.com/ru/322347>
11. Татарина О.А. Краснодар 60 лет спустя: раньше мы производили, а теперь мы все покупаем и потребляем // Родная Кубань. 2022.
12. За коммунистический труд : орган парткома, фабкома, комитета ВЛКСМ и дирекции объединения "Краснодарский ХБК" / Национальная электронная библиотека: официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004502601/
13. Решмет Д.А. Хлопок на Кубани. Хроника борьбы за урожай (на материалах Славянского района Краснодарского края) // Актуальные проблемы современности: наука и общество. 2020. С. 43 – 49.
14. Кабинет министров СССР Постановление от 26 января 1991 г. № 10 «Об утверждении списков производств, работ, профессий, должностей и показателей, дающих право на льготное пенсионное обеспечение» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9010005>

References

1. Bely K.V., Naumova G.R. The plant disappeared, but its history remained. Clio. 2021. No. 2 (170). P. 177 – 181.
2. Mramornova E.A., Pevneva I.I. History of the development of shipbuilding in Kaliningrad on the example of the Baltic shipbuilding enterprise "Yantar". Modern trends in the development of science and technology. 2015. No. 1-3. P. 157 – 160.
3. Bondarenko A.P. History of the enterprise "Krasnoyarsk Electric Car Repair Plant". Bulletin of Science. 2023. Vol. 4. No. 6 (63). P. 71 – 76.
4. Bazeyan K.R. On the history of intercultural relations in Armenia: Leninakan textile mill (1920-80s). Heritage of centuries. 2023. No. 2. P. 46 – 53.

5. Leontyeva A.M. Textile mill in Kayseri. Past and present. Science, education and experimental design: materials of the international scientific and practical conference. 2015. P. 313 – 316.
6. Vorobyova M.I. History of the Barnaul melange mill of the 1930s and the development of the women's Stakhanovite movement. Bulletin of the branch of the All-Russian Correspondence Financial and Economic Institute in Barnaul. 2010. No. 13. P. 23 – 27.
7. Nikonova O.Yu. Enterprise and city in the late Soviet society of the 1950-1980s: modern historiography. Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and humanitarian sciences. 2023. Vol. 23. No. 1. P. 22 – 30.
8. Salfetnikov D.A. Regional conditions for the development of Kuban and Stavropol industrial enterprises by the end of the NEP. Manuscript. 2020. Vol. 13. No. 9. P. 30 – 34.
9. Lavrenteva M.A., Dubinenko N.A. History of the formation of the modern architectural and planning appearance of the city of Timashevsk. Vector of humanitarian thought. 2025. No. 2. P. 43 – 59.
10. Krasnodar Cotton Mill (KhBK) of the Ministry of Light Industry of the RSFSR, Krasnodar. State Treasury Institution of Krasnodar Krai "State Archives of Krasnodar Krai". Collection No. R-1653. Archival Guide Alertino.com [Electronic resource]. URL: <https://alertino.com/ru/322347>
11. Tatarinova O.A. Krasnodar 60 Years Later: We Used to Produce, and Now We Buy and Consume Everything. Rodnaya Kuban. 2022.
12. For Communist Labor: organ of the party committee, factory committee, Komsomol committee and the directorate of the Krasnodar KhBK association. National Electronic Library: official website [Electronic resource]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_004502601/
13. Reshmet D.A. Cotton in Kuban. Chronicle of the struggle for the harvest (based on the materials of the Slavyansky district of the Krasnodar Territory). Actual problems of our time: science and society. 2020. P. 43 – 49.
14. Cabinet of Ministers of the USSR Resolution of January 26, 1991 No. 10 "On approval of the lists of industries, jobs, professions, positions and indicators giving the right to preferential pension provision". Electronic fund of legal and regulatory documents: official website [Electronic resource]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/9010005>

Информация об авторах

Лаврентьева М.А., кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет, tabarl@rambler.ru

Дубиненко Н.А., Кубанский государственный технологический университет, nikita-dubinenko@yandex.com

Гаевская И.И., кандидат исторических наук, доцент, Кубанский государственный технологический университет, innagaevskaya@yandex.ru

Костенко Р.В., ассистент, Кубанский государственный технологический университет, ritovna99@mail.ru

© Лаврентьева М.А., Дубиненко Н.А., Гаевская И.И., Костенко Р.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 327(549.1)

Роль Пакистана и Ирана в создании семи и восьми антисоветских суннитских и шиитских партий в Афганистане (1979-1989)

¹ Ибрахими М.И.И.,
¹ Московский педагогический государственный университет

Аннотация: с вводом советских войск в Афганистан усилилась исламская оппозиция, поддерживая мусульманским блоком, западными державами и Китаем. На территории Пакистана создавались штаб-квартиры исламских реакционных движений. Наиболее значимые из них впоследствии объединились в «Пешаварскую семерку» («Союз семи»). Тем не менее, внутри исламского объединения не было единства: часть партий придерживалась фундаменталистских взглядов, другая – традиционалистских. Оставался открытым вопрос о восстановлении монархии в Афганистане. Имелись также противоречия по национальному вопросу. Но, самое главное, различные группировки бились за предоставление финансирования. США являлся основным спонсором право-суннитского движения моджахедов. Они поставляли боеприпасы, транспортные средства и высокотехнологическое оружие афганским моджахедам. Данные операции проводили через Пакистан, Саудовскую Аравию и Египет с помощью спецслужб МИ-6, ЦРУ и ISI. В поставке вооружений активное участие также принимал Китай. Помимо этого, США вели активную информационную и идеологическую войну против СССР. Наряду с право-суннитским исламским движением возникло право-шиитское движение, центром которого стала Исламская Республика Иран. Иранское правительство, которое только утвердило новую теократическую власть, также использовало Афганский конфликт в своих целях. Внутри право-шиитских сил также не было согласие, однако под давлением Ирана они образовали «Шиитскую восьмёрку» («Союз восьми»). Их программа практически не отличалась от той, которую озвучивали представители право-суннитских сил. Они даже пытались взаимодействовать вместе с некоторыми представителями право-суннитского движения.

Ключевые слова: право-суннитских афганских партий, Пакистан, Саудовская Аравия, США, СССР, НДПА, Афганистан, Исламская Республика Иран, право-шиитское движение

Для цитирования: Ибрахими М.И.И. Роль Пакистана и Ирана в создании семи и восьми антисоветских суннитских и шиитских партий в Афганистане (1979-1989) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 211 – 217.

Поступила в редакцию: 24 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The role of Pakistan and Iran in the creation of seven and eight anti-Soviet Sunni and Shiite parties in Afghanistan (1979-1989)

¹ Ibrahimi M.I.I.,
¹ Moscow Pedagogical State University

Abstract: with the entry of Soviet troops into Afghanistan, the Islamic opposition intensified, supported by the Muslim bloc, Western powers and China. Headquarters of Islamic reactionary movements were established on the territory of Pakistan. The most significant of them subsequently merged into the “Peshawar Seven” (“Union of

Seven"). Nevertheless, there was no unity within the Islamic union: some parties held fundamentalist views, while others held traditionalist views. The question of restoring the monarchy in Afghanistan remained open. There were also contradictions on the national issue. But, most importantly, various groups fought for the provision of funding. The United States was the main sponsor of the right-wing Sunni Mujahideen movement. They supplied ammunition, vehicles, and high-tech weapons to the Afghan Mujahideen. These operations were carried out through Pakistan, Saudi Arabia and Egypt with the help of the MI6, CIA and ISI special services. China also took an active part in the supply of weapons. In addition, the United States waged an active information and ideological war against the USSR. Along with the right-wing Sunni Islamic movement, the right-wing Shiite movement emerged, the center of which was the Islamic Republic of Iran. The Iranian government, which has just established a new theocratic government, has also used the Afghan conflict for its own purposes. There was also no agreement within the right-wing Shiite forces, however, under pressure from Iran, they formed the "Shiite Eight" ("Union of Eight"). Their program practically did not differ from the one voiced by representatives of the right-wing Sunni forces. They even tried to interact with some representatives of the right-wing Sunni movement.

Keywords: right-wing Sunni Afghan parties, Pakistan, Saudi Arabia, USA, USSR, PDPA, Afghanistan, Islamic Republic of Iran, right-wing Shiite movement

For citation: Ibrahimi M.I.I. *The role of Pakistan and Iran in the creation of seven and eight anti-Soviet Sunni and Shiite parties in Afghanistan (1979-1989). Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 211 – 217.*

The article was submitted: April 24, 2025; Approved after reviewing: June 27, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Исламские политические движения, группы и партии, действующие в Афганистане с 1960-х годов, играют важную роль в традиционно мужском обществе. Неудивительно, что после Апрельской революции, когда к власти пришли «левые» силы, борьба исламистских группировок с «безбожным» режимом усилилась.

Правительственные указы, изданные НДПА в 1978-1979 годах, были непопулярны среди широких слоёв населения, поскольку противоречили традиционным исламским ценностям и племенному укладу. Вашингтон не мог напрямую вмешаться в афганский конфликт. По этой причине различные операции проводились через Пакистан, в том числе на территории одного из соседей ДРА. Это было обусловлено тем, что эта территория была заселена большим количеством этнических афганцев, мигрировавших не только после событий Апрельской (Сурской) революции, но и до 1978 года, а также в 1977 году, когда в Пакистане произошёл военный переворот, в результате которого к власти пришёл Мохаммад Зия-уль-Хак. С этого момента правительство Пакистана начало проводить политику активной исламизации государства. Пешавар стал центром суннитских праворадикальных сил, «теоретическим мозгом» и политическим центром новых афганских сил [3, 8].

Победа Исламской революции в Иране, которая в то время стала настоящим «смыслом» для всего исламского мира. Её основой, однако, был шиитский ислам, но религиозная сила была не менее важна. Это стало одной из причин, по которой в

начале 1979-1980-х годов соседние страны поддерживали экономические, культурные и социальные связи на протяжении нескольких веков. Персы, хазарейцы, таджики и пуштуны, проживающие на этих территориях, являются близкородственными народами. Кроме того, в Афганистане широко распространён шиитский ислам (около 20 процентов населения), который также является государственной религией Ирана и пользовался особым вниманием тогдашнего иранского правительства, которое, подобно Пакистану, прилагало усилия по их объединению и мобилизации. В результате переселения афганцев «еще до гражданской войны на востоке Афганистана началась эпоха диаспоры, за рубежом образовались миллионы беженцев.

Материалы и методы исследований

В рамках теоретического исследования применялись методы анализа, синтеза, обобщения и интерпретации научных источников, посвящённых психологии мотивации. Основу методологии составили труды отечественных (А.Н. Леонтьев, Е.П. Ильин) и зарубежных авторов (А. Маслоу, Ф. Герцберг, Д. МакКлелланд, Э. Деси, Р. Райн), чьи концепции легли в основу анализа мотивационных факторов при выборе партнёра. Информационно-аналитическая база исследования формировалась за счёт изучения научной литературы, опубликованной в рецензируемых изданиях, а также материалов психологических теорий, классифицирующих мотивацию по источнику, устойчивости и направленности. Применение сравнительного и содержательного анализа позволило выявить клю-

ческие характеристики внутренней и внешней мотивации в контексте межличностных отношений и их влияния на поведение индивида при выборе партнёра.

Результаты и обсуждения

1. Пакистан как центры создания правосуннитских афганских партий и организаций.

Исламское движение в Афганистане существовало в виде политических организаций и группировок с 1960 – ых гг. Эти партии имели существенное влияние на общественное мнение, так как абсолютное большинство жителей Афганистана имели консервативные и патриархальные взгляды. Неудивительно, что после Апрельской (Саурской) революции, когда к власти пришли «левые» силы, борьба исламистских группировок против «безбожного» режима обострилась.

Правительственные указы, изданные НДПА в 1978-1979 годах, были непопулярны среди широких слоев населения.

Вместе с этим с 1979 г. усиливается влияние США в регионе. именно Вашингтон оказал значительную финансовую и материальную помощь исламистскому движению на территории ДРА. Более того, ЦРУ, привлекая к службе в афганских силах сопротивления представителей мусульманского блока, сделала противостояние ДРА и СССР, после ввода войск, интернациональным.

Афганистан строил свою политику, на сотрудничестве то с представителями капиталистической, то – социалистической систем. По этой причине для США усиление своей роли в данном регионе стало решающим: это был шаг на пути к конфронтации с СССР.

Вашингтон не мог принимать непосредственного участия в Афганском конфликте. По этой причине через Пакистан, как через территорию одного из соседей ДРА, проводились различные операции. Это было связано ещё и с тем, что на данной территории проживало большое число этнических афганцев, которые эмигрировали не только после событий Апрельской (Саурской) революции, но и до 1978 г. Также в 1977 г. в Пакистане произошел военный переворот, в результате которого к власти пришёл Мухаммед Зия-уль-Хак. С этого момента пакистанское правительство начало проводить активную политику по исламизации государства.

Пешавар (Пакистан) был центром суннитских праворадикальных группировок, которые были «мозгом, теоретическим» центром и центром принятия политических решений для недавно созданных афганских сил [2, с. 230], первых мусульманских политических организаций – «Мусульманская молодёжь», – которая была создана в Кабуль-

ском университете. После ее распада на ее фундаменте в дальнейшем образовывались другие группировки.

В 1974 г. Г.Хикматъяром была создана «Исламская партия Афганистана», которая выступала против режима М. Дауда. В 1975-1976 гг. данная право-фундаменталистская сила пыталась инициировать крестьянское восстание, однако потерпела поражение. Свою дальнейшую политическую деятельность она продолжила в Пакистане. В 1976 г. там же было сформировано «Исламское общество Афганистана» во главе с Б. Раббани [6, с. 28-29].

В этом было их главное отличие от «Мусульманской молодёжи», которая впитала в себя экстремистские идеи, проповедуемые арабскими «Братьями – мусульманами».

Следует также обозначить некоторые различия между исламскими фундаменталистами и традиционалистами. Первые представляли интересы городского населения, их часто определяют как «буржуазно-теократическую оппозицию». Фундаменталисты могли пойти на сближение с прогрессивными силами они изменяют проводимую политику и обратятся «вправо». Традиционалистов представляло высшее мусульманское духовенство, которое стояло на крайне реакционных позициях вплоть до реставрации монархического строя в Афганистане.

После Апрельской (Саурской) революции 1978 г. движения на территории Пакистана постепенно становились более радикальными. В их среде, которая была достаточно тесно связана с властями Пакистана и спецслужбами этого государства. При помощи пакистанских сил были созданы хорошо законспирированные учебные центры, в которых проводилось обучение диверсионных групп для их дальнейшей отправки на территорию Афганистана. С. Моджаддиди. Следует сказать, что, как и внутри «левого», так и внутри «правого» движения существовали разногласия и противоречия. В связи с этим существовавшие политические организации не могли объединиться. Несмотря на то, что ввод советских войск в Афганистан должен был сплотить оппозиционные силы, однако этого так и не произошло. Альянсы создавались, а затем, по причине борьбы группировок за власть, быстро распадались.

Наиболее долго, в течение 1982-1985 гг. В состав «Объединённых моджахедов Афганистана» в Пакистане входили:

1) Гульбеддин Хекматияр, лидер Исламской партии Афганистана.

2) Юнис Халис, лидер Исламской партии Афганистана.

3) Бурхануддин Раббани, лидер партии «Джамият-и-Ислами» Афганистана.

4) Маулави Мохаммад Мохаммади, лидер Исламского революционного движения Афганистана.

5) Национальный фронт Афганистана во главе с Сайедом Ахмадом Гилани.

6) Национальный фронт Афганистана во главе с Мохаммадом Миром.

7) Исламский союз за освобождение Афганистана во главе с Абдулом Рабом Расулом Сайяфом.

Это был Седьмой альянс, также известный как Пешаварская семёрка и Альянс семи. Программы традиционных исламских партий были схожи. Рассмотрим выдвинутые ими тезисы на примере Исламской партии Афганистана. Суть их сводилась к необходимости подчиняться только учению Аллаха и распространять это учение по всему миру. Более того, всем слоям афганского населения давались радужные обещания будущей жизни под руководством мусульманских лидеров. Несмотря на высокопарную риторику о «справедливости» и «борьбе с угнетением и колониализмом», они выступали против прогрессивных тенденций. В действительности их лозунги были экстремистскими и разделяли афганское общество по гендерному, национальному и религиозному признакам. Стоит отметить, что, несмотря на декларируемое в документах организации «единство исламского мира», шииты не участвовали в её деятельности.

В конце 1979 года началась активная подготовка Национального фронта спасения Афганистана американскими, китайскими, пакистанскими и египетскими специалистами. Сабгатулла Моджади, Сайед Ахмад Гилани, М.Н. Мохаммади основали Исламский союз моджахедов Афганистана, в который вошли всего три партии (отсюда название АСМА-3).

«Движение исламской революции Афганистана» была исламской организацией, которую также называют «Партией мулл», так как большая часть её участников была представлена учащимися богословских школ и духовными лицами, в меньшей степени - военными. Партия была создана на базе группировки «Общества служителей Корана». В религиозном отношении партия была представлена только суннитами, в национальном – пуштунами.

Программа «Движения исламской революции Афганистана» во многом повторяла радикальные программы других исламских организаций.

Значительный разлад в мусульманское движение вносило также желание каждой из группировок занять лидирующую позицию и получить ма-

териальную помощь от западных союзников. В 1980-е гг. с приходом к власти в США президента Р. Рейгана материальная помощь афганскому сопротивлению возрастала с каждым годом: в 1984 г. её объем составил 125 млн. долларов, в 1985 г. – 250 млн., в 1986 г. – 470 млн., в 1987 г. – 630 млн. долларов [9, с. 120].

Наиболее финансируемой организацией был «Национальный исламский фронт Афганистана». Партия была основана в 1978 г. в Пакистане, её руководителем являлся суфий Пир Саид Ахмадом Гилани. Следует сказать, что главу семьи Гилани считали даже потомками пророка и относились к ней как к духовному вождю.

Саид Ахмад Гилани объявил джихад против коммунистического и антиисламского режима Тараки-Амина. По этой причине, он пользовался популярностью не только в Афганистане, но и за его пределами. Партия была исключительно пуштунской, большинство участников придерживались суннитского ислама, однако они старались привлекать в свои ряды тех, кто исповедовал шиизм. Формирования партии, в основном, находились на приграничных с Пакистаном территориях.

Несмотря на это, партия была достаточно прагматична по многим вопросам, отличалась умеренными политическими взглядами, что способствовало возникновению к ней симпатий со стороны западноевропейских сил, Ирана, Саудовской Аравии, ОАЭ и Египта.

Близость к бывшему королю Мухаммаду Захиршаху во время его правления создавали образ для исламских фундаменталистских кругов как человека, поддерживающего монархию. В то же время для запада Саид Ахмад Гилани отдавал предпочтение современным светским стандартам демократии, несмотря на исламскую риторику в программе;

свобода печати и слова, защита частной собственности, ликвидация дискриминации, деспотизма и партийной диктатуры, добровольность в выборе военной службы; поддержка ООН [4, с. 97].

Они получали финансовую поддержку от США и других западноевропейских государств. Помимо этого, часть военных НИФА прошла подготовку за рубежом в учебных заведениях, которые находились в ведении ЦРУ. По сути, если бы не эта поддержка, то «Национальный исламский фронт Афганистана» не обладал бы и долей той власти в движении моджахедов [3].

Недовольство среди круга фундаменталистов вызывал также и тот факт, что Саид Ахмад Гилани поддерживал тесные связи с западноевропейскими и американскими силами [10, с. 135].

ЦРУ доставляет грузы страны по морю и воздухом в Исламабад, а оттуда – в Афганистан. Кроме того, афганские печатные издания, служащие предлогом для идей или неосведомлённости, финансируются из средств метрополии. Каждая партия, за исключением Исламского союза за афганское объединение, выпускала собственную газету и журнал. Издавались следующие журналы и газеты: «Джихад Риза» («Луч джихада»; «Бех Хиджрат» (движение; на урду) и «Аль-Кафир Аль» (язык) и «Виалгам» (языки и т.д.); «Вахдат» («Единство»; лжец) [4, с. 106].

Эта поддержка и финансовые вливания усилили оппозицию режиму, захватив многие деревни и навязав свой собственный стиль традиционного правления [1, с. 428].

Генбшов-Афганистан Социал. руки и «правая» часть, набирающая популярность. Все права защищены, синтез гирне, как считалось, заключался в том, что эти камыши находятся на месте соседей и западных субъединиц, в основном, действительно стали таковыми. «Левая» НДПА. НДПА становилась всё более радикальной и экстремистской, её ряды редели [8, с. 10].

В 1986 г. не без помощи Москвы глава ХАД (Служба государственной безопасности) Мохаммад Наджибулла стал новым лидером НДПА. В июле 1986 г. он исключил часть «кармалистов» из ЦК партии и расширил состав этого органа за счёт своих сторонников. Через несколько месяцев Бабрак Кармаль был лишён поста председателя Революционного совета ДРА.

В 1987 г. Мохаммад Наджибулла выдвинул программу «Программу национального примирения», которая должна была стать первым этапом для построения нового коалиционного правительства, в состав которого входили бы также и оппозиционные круги.

Мохаммад Наджибулла пытался заигрывать с существующими оппозиционными силами. Так в 1988 г. прошли выборы в парламент, создавали исламские и социалистические партии. Это была показательная либерализация существующей системы.

Помимо этого, новый глава государства развернул пропагандистскую кампанию, целью которой было показать, что члены НДПА также придерживались исламских ценностей. В этот же период начался вывод советских войск из Афганистана, что оставило М. Наджибуллу один на один с оппозиционными силами. Итогом этого стало введение в стране чрезвычайной ситуации, предоставление правительству полномочий парламента, были запрещены митинги и демонстрации, а все члены партии прошли военную подготовку и по-

лучили оружие. Афганистан погружался в новую пучину гражданской войны.

Таким образом, приход к власти в Афганистане коммунистов активизировал исламскую оппозицию в регионе. Это было связано не только с непопулярными решениями нового правительства, которые ломали патриархальные устои мусульманского общества, но и с разжигаемой извне ненависти к СССР и социалистическому строю.

В этот период значительно увеличилось влияние США и мусульманского блока на события, происходящие в Афганистане. Пакистан, ОАЭ, Саудовская Аравия и западные державы финансировали исламские партии и организации, поставляли им необходимые оружие и боеприпасы. Помимо этого, также велась активная информационная война против СССР.

Оппозиционные силы имели достаточно большое влияние на территории ДРА. В конечном счёте, новому главе государства,

М. Наджибулле пришлось мириться с их недовольством. Он предпринимал попытки создания соглашений между силами правительством и сопротивлением, однако, данное мероприятие не окончилось успехом. С началом вывода советских войск из Афганистана положение НДПА ухудшилось, а оппозиционные силы только укрепили свои позиции.

2. Влияние иранских право-шиитских политических объединений на Афганский конфликт

В историографии афганского конфликта исследователи уделяли мало внимания исламским оппозиционным группировкам, исходя из приверженности их участников шиитскому исламу. Суннитские группировки в Пакистане играли важную роль в движении моджахедов, а Пакистан, важный союзник США, активно поддерживал эту суннитскую группировку в Афганистане.

Конечно, Иран не мог не отреагировать на эти события.

Соседние страны поддерживали экономические, культурные и социальные связи на протяжении нескольких веков. Хазарейцы, таджики и пуштуны, проживающие на этих территориях, – близкие народы. Кроме того, в Афганистане распространён шиитский ислам (около 20% населения), который также является государственной религией Ирана [2, с. 258].

В целом в 1970-х и 1980-х годах начали возникать политические, общественные и религиозные организации, представлявшие интересы шиитов – крупнейшей группы хазарейцев в Афганистане. [5, с. 119].

Исламская Республика Иран поддерживала шиитское движение так же, как Пакистан поддерживал суннитское. [7, с. 158].

Главной целью борьбы шиитских правых группировок, как и суннитских правых группировок, было свержение поддерживаемого Москвой демократического правительства.

Аналогичные действия «левых» групп наблюдались в Афганистане и Пакистане, но контрреволюционная волна быстро поглотила их и раздробила сопротивление.

Иранский народ проявил особый интерес к исламу как к основному направлению.

Главной целью борьбы шиитских группировок, как и суннитских правых группировок в Пакистане, было свержение поддерживаемого Москвой демократического левого правительства. Однако и они не были едины. Исламская Республика Иран объединила шиитские группировки, оказывая давление и даже угрожая изгнанием. К ним относятся следующие партии и движения:

1. Партия исламского единства Афганистана во главе с профессором Абдулом Али Мазари;
2. Корпус стражей исламской революции во главе с Мохаммадом Акбари;
3. «Хезболла» во главе с Кари Ахмадом;
4. Единый фронт исламской революции во главе с Мохсеном Резаи;
5. «Исламское движение» во главе с Мохаммадом Асифом Мохсени;
6. Совет исламского единства во главе с Али Бехешти;
7. Организация исламских бойцов во главе с Мисбахзаде;
8. «Исламское революционное движение» во главе с Насруллою Мансуром.

Функции этих группировок и партий мало чем отличались от функций суннитских группировок и партий в Пакистане, целью обеих было свержение кабульского режима. Однако стоит отметить, что общины и партии в Иране имели свои особенности, были шиитскими и в основном хазарейскими.

Выводы

С советским вторжением в Афганистан исламские группировки усилились при поддержке исламских стран, западных держав и Китая. Штабквартира исламских реакционных движений обос-

новалась в Пакистане. Наиболее крупные из них впоследствии объединились в Пешаварский хафт (Альянс семи).

Однако единства среди них не было: одни партии придерживались фундаменталистских взглядов, другие – традиционных. Вопрос о восстановлении монархии в Афганистане оставался открытым. Существовали также разногласия по национальному вопросу. Но, что ещё важнее, различные группировки конкурировали за финансирование.

Соединённые Штаты были основным спонсором правого суннитского движения моджахедов. Они поставляли афганским моджахедам боеприпасы, транспортные средства и высокотехнологичное оружие. Операции осуществлялись через Пакистан, Саудовскую Аравию и Египет при содействии разведывательных служб МИ-6, ЦРУ и ISI. Китай также играл активную роль в поставках оружия. Кроме того, Соединённые Штаты вели активную информационно-идеологическую войну против Советского Союза. С точки зрения западных и мусульманских стран, советское руководство должно было предстать агрессором, преследующим цель укрепления своих позиций в Азиатском регионе и даже аннексии Афганистана. Конечно, это не имело никакого отношения к истинным целям советского руководства. Прежде всего, ввод войск в Афганистан позволял Советскому Союзу защитить свои границы.

Наряду с суннитским правоисламским движением возникло шиитское правоисламское движение, центр которого находился в Исламской Республике Иран. Иранское правительство, только что сформировавшее новое теократическое правительство, также использовало афганский конфликт в своих целях.

Внутри правоисламских сил шиитского толка также не было согласия, но под давлением Ирана они сформировали «Восьмерку шиитов» («Союз восьми»). Их план практически ничем не отличался от плана представителей суннитских правоисламских сил. Они даже пытались сотрудничать с некоторыми представителями суннитского правоисламского движения. Шиитские правоисламские силы финансировались в основном Ираном, Китаем и США.

Список источников

1. Коргун В.Г. История Афганистана. XX век. М.: ИВ РАН:Крафт, 2004. С. 428.
2. Нуриддинов Р.Ш. Идеиная борьба лево-демократических и право-исламистских сил в Афганистане: дис. ... д.п.н. Душанбе, 2003. С. 230.
3. Пир Гилани [Электронный ресурс]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/100246.html> (дата обращения: 01.04.2020)

4. Слинкин М.Ф. Народно-демократическая партия Афганистана у власти. Время Тараки – Амина (1978-1979 гг.). Симферополь: Издательство Симферопольского государственного университета, 1999. С. 97.
5. Слинкин М.Ф. Афганистан. Страницы истории (80-90-е гг. XX в.) // Культура народов Причерноморья. Симферополь: Межвузовский центр «Крым». 2003. № 41. С. 119.
6. Спольников В.М. Афганистан. Исламская оппозиция. Истоки и цели. М.: Наука, 1990. С. 28 – 29.
7. Спольников В.Н. Афганистан. Исламская контрреволюция. М.: Наука, 1987. С. 158.
8. Факир Мухаммад Ведан. Дашнеха-йесорх. (Красные кинжалы.) (на языке дари). Пешавар, 1996. С. 19.
9. Barnett R. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation and Collapse in the International System. New Haven: Yale University Press, 2002. P. 120.
10. Yousaf M.M.A., Adkin M. The Bear Trap (Afghanistan's Untold Story). Case mate, 2008. P. 135.

References

1. Korgun V.G. History of Afghanistan. XX century. Moscow: Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences: Kraft, 2004. P. 428.
2. Nuriddinov R.Sh. Ideological struggle of left-democratic and right-Islamist forces in Afghanistan: diss. ... Doctor of Pedagogical Sciences. Dushanbe, 2003. P.e 230.
3. Pir Gilani [Electronic resource]. URL: <https://afghanistan.ru/doc/100246.html> (date accessed: 01.04.2020)
4. Slinkin M.F. People's Democratic Party of Afghanistan in power. The time of Taraki – Amin (1978-1979). Simferopol: Publishing House of Simferopol State University, 1999. Page 97.
5. Slinkin M.F. Afghanistan. Pages of History (80-90s of the XX century). Culture of the peoples of the Black Sea region. Simferopol: Inter-university center "Crimea". 2003. No. 41. P. 119.
6. Spolnikov V.M. Afghanistan. Islamic opposition. Origins and goals. Moscow: Nauka, 1990. P. 28 – 29.
7. Spolnikov V.N. Afghanistan. Islamic counterrevolution. Moscow: Nauka, 1987. P. 158.
8. Fakir Muhammad Vedan. Dashneha-yesorh. (Red daggers.) (in Dari). Peshawar, 1996. P. 19.
9. Barnett R. The Fragmentation of Afghanistan. State Formation and Collapse in the International System. New Haven: Yale University Press, 2002. P. 120.
10. Yousaf M.M.A., Adkin M. The Bear Trap (Afghanistan's Untold Story). Casemate, 2008. P. 135.

Информация об авторе

Ибрахими М.И.И., аспирант, Московский педагогический государственный университет, г. Москва. Проспект Вернадского, д. 88, к 2, m.ishaqibrahimi13@gmail.com

© Ибрахими М.И.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94 (510.4)

Ли Хунчжан на страницах газеты «Русский инвалид»

¹ Иванов П.А.,
¹ Благовещенский государственный педагогический университет

Аннотация: целью статьи является анализ образа китайского государственного деятеля Ли Хунчжана на страницах российской газеты «Русский инвалид». Исследование охватывает период его активной дипломатической и политической карьеры, уделяя особое внимание тому, как освещались его действия и решения. Анализируются не только факты, но и то, как формировалось восприятие его личности в российском обществе второй половины XIX в. Данное исследование вносит вклад в понимание особенностей формирования представлений о китайской политической элите в российском информационном пространстве указанного периода. Автор подробно рассматривает, как именно освещалась деятельность Ли Хунчжана, выявляя основные тенденции в оценках его роли в контексте сложных российско-китайских отношений. Статья также позволяет лучше понять механизмы формирования общественного мнения в России о Китае и его лидерах в период с XIX по начало XX вв. Источниковая база включает в себя как архивные материалы, так и публикации из периодической печати, что обеспечивает многосторонний взгляд на предмет исследования. Методология основана на принципах историзма и объективности, с учетом различных точек зрения, представленных в газете, что позволяет создать сбалансированную картину восприятия Ли Хунчжана в российском обществе того времени.

Ключевые слова: Ли Хунчжан, «Русский инвалид», газета, периодическое издание, международные отношения, Российская империя, Цин, Китай

Для цитирования: Иванов П.А. Ли Хунчжан на страницах газеты «Русский инвалид» // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 218 – 229.

Поступила в редакцию: 24 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 27 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Li Hongzhang in the pages of the newspaper «Russky invalid»

¹ Ivanov P.A.,
¹ Blagoveshchensk State Pedagogical University

Abstract: the aim of this article is to analyze the portrayal of the Chinese statesman Li Hongzhang in the pages of the Russian newspaper «Russky invalid». The study covers the period of his active diplomatic and political career, paying particular attention to how his actions and decisions were covered. It analyzes not only the facts but also how the perception of his personality was formed in Russian society in the second half of the 19th century. This research contributes to understanding the specifics of the formation of ideas about the Chinese political elite in the Russian information space of that period. The author examines in detail how Li Hongzhang's activities were covered, identifying the main trends in the assessments of his role in the context of complex Russian-Chinese relations. The article also provides a better understanding of the mechanisms of public opinion formation in Russia about China and its leaders from the 19th to the beginning of the 20th century. The source base includes both archival materials and publications from the periodical press, which provides a comprehensive view of the subject of

research. The methodology is based on the principles of historicism and objectivity, taking into account the various points of view presented in the newspaper, which makes it possible to create a balanced picture of the perception of Li Hongzhang in Russian society at that time.

Keywords: Li Hongzhang, «Russky invalid», newspaper, periodical, international relations, Russian Empire, Qing Dynasty, China

For citation: *Ivanov P.A. Li Hongzhang in the pages of the newspaper «Russky invalid». Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 218 – 229.*

The article was submitted: April 24, 2025; Approved after reviewing: June 27, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

«Русский инвалид» (дореф. «Русский инвалид») – одно из главенствующих периодических изданий Российской империи. Выходившая в период с 1813 по октябрь 1917 гг. и имевшая ряд изменений (до июля 1917 г. выходила под названием «Русский инвалид. Газета военная», позже – «Армия и флот свободной России»), газета являлась одним из флагманов формирования общественной и политической жизни страны.

Первоначальной целью издательства было оказание благотворительной помощи пострадавшим в Отечественной войне 1812 г. В связи с этим капитал с проданных тиражей еженедельника (с 1816 по 1863 гг. являлся ежедневником) направлялся на оказание помощи сиротам, инвалидам и вдовам. «Русский инвалид» обладал широкой аудиторией, в которую входили читатели различных слоев и профессий: от политиков и высших чинов военного состава до представителей интеллигенции. Со средств оказывалась медицинская помощь действующим участникам войн, создавались специализированные учреждения для ветеранов и сирот, поддерживалось материальное состояние семей погибших, учреждались пенсионные выплаты нетрудоспособному населению.

Только к 1816 г., благодаря проданным копиям и личным пожертвованиям, удалось оказать материальную помощь более чем 1000 жертвам войны. В дальнейшем объемы финансирования и размер оказываемой поддержки вырос. В тесной связи с развитием благотворительности в стране рос уровень патриотического воспитания, и существенно поднялся уровень отечественной журналистики. С 1822 г. газета получила право на печать в номерах официальных распоряжений и приказов по военному ведомству. Так появились ноты, подписанные генерал-адъютантом Д.А. Милютиным [2].

С момента своего становления редакция газеты отличалась сдержанностью и односторонностью своих политических суждений (первые номера были результатом авторства основателя П.П. Пезаровиуса) [32]. В дальнейшем количество авторов

существенно выросло, что предлагало читателю разные точки зрения и более смелые мысли касательно актуальных проблем общества и политики государственного управления. Не боясь выражать свои мысли, авторы критически оценивали отечественную дипломатию, реформы и общественную реакцию, предлагая разносторонний подход к ее изучению.

С 1862 г. «Русский инвалид» вошел в состав Военного министерства – высшего органа военного управления в Российской империи, и в связи с этим газета стала несвободна от цензуры, а редакция могла ограничить публикацию статей, подвергаящих правительство критике. В связи с этим видна эволюция газеты от благотворительного издательства до подведомственного источника формирования общественного мнения и передачи государственной повестки [1].

В конце XIX в. российско-китайские отношения переживали период активного развития. Россия стремилась укрепить свои позиции на Дальнем Востоке, в то время как Цинская империя находилась в сложном положении после поражения в опиумных войнах и стремилась к модернизации [26]. Связующим звеном правительства империи Цин с внешним миром был один из авторитетнейших дворцовый сановников, командующий Хуайской армией, и дипломат, определяющий позицию Китая на международной арене – Ли Хунчжан. Как представительное лицо государства он часто оказывался в центре внимания прессы.

Материалы и методы исследований

Особое внимание в исследовании темы было уделено освещению новостей в зарубежных издательствах, освещающих политику передовых стран Европы и Азии. В переводе представляются актуальные новости ведущих зарубежных издательств: «Morning Post», «Daily Express», «Daily News», «Daily Telegraph», «Times», «New York Herald», «Rheinische Zeitung», «Corriere della Sera», «Paris Nouvelles», «Messageries Maritimes», «New-York Journal and Advertiser», «North China Daily News», «The Californian», «Berliner Tageblatt»,

«Neue Freie Presse», «Le Temps». Перевод новостей осуществлялся в газете под рубрикой «Телеграммы «Русского инвалида».

Уделено внимание вопросам ведения международной политики зарубежных партнеров Российской империи. В условиях активного внешнего взаимодействия, освещение событий в Англии, Франции, Германской империи было особенно важным. Расширяя свое влияние на Дальнем Востоке, «Инвалид» также вел хронику событий в Японии и Китае, отношения с которыми претерпевали определенные сложности. Являясь изданием с государственным уклоном, газета отражала официальную позицию правительства и передавала его интересы в том числе и в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Со второй половины XIX в. центром внимания прессы стал Цинский Китай. Личности, определяющие внешнеполитический курс страны в данный период, вышли на первый план.

Результаты и обсуждения

Первые упоминания о Ли Хунчжане в «Русском инвалиде» датированы 22 апреля 1873 г. в выпуске № 87. Здесь «молодой» для российской общности чиновник, уже будучи наместником провинции Чжили, дарованной ему после успешного подавления восстания няньцзуней, представлялся лицом военной силы страны [3].

Для сохранения территориальной целостности и суверенитета государства была необходима модернизация военной и экономической инфраструктуры: «В Китае обращает на себя внимание быстрое усиление армии, вооруженной и обученной по-европейски. Рассчитывают, что число солдат, годных для правильной боевой службы, достигает уже 300000 <...>. Движение тридцатитысячного корпуса Ли Хунчжана из Чжилейской провинции в Ганьсу должно было начаться в половине марта, тотчас после таяния снегов с гор провинции Шэньси. Корпус этот, состоящий из двух дивизий, снаряжен полностью по-европейски, и снаряжение это, большей частью, идет из местных китайских арсеналов и заводов <...>» [17].

В номере от 24 июня 1873 г. (№ 138) освещались результаты политики Ли в период «самоусиления». Отмечается поддержка его деятельности имперским двором. В частности, в период чествования иностранных дипломатов сановник был приглашен в Пекин: «<...> Ли Хунчжан во время своего последнего пребывания в Пекине так понравился императору, что тот оставляет его в столице и назначает государственным министром; должность же чжилейского генерал-губернатора будет замещена другим лицом». В данном и по-

следующих номерах прилагается перечень последних его заслуг перед двором: «Ли Хунчжан начал строительство первой в Китае европейской экипажной дороги из Пекина в Тяньцзинь. Около берегов Фуцзяни появились пираты, и китайские крейсера не успели еще их поймать, хотя очень активно этим занимаются» [15].

Выделяющийся авторами рубрики «Известия о Китае» стремительный карьерный рост Ли Хунчжана не остается незамеченным российской общественностью. Осознавая значимость данного лица в контексте международных отношений, внимание корреспондентов уделено характеру отношения к российской стороне.

В период с октября по декабрь газета докладывала о результатах его работы. Он упоминался в № 224 от 2 декабря 1873 г.: «Ли Хунчжан, генерал-губернатор китайской провинции Чжили, активно работает над проектом восстановления Большого канала, для чего лично занимается каждый день с четырьмя докладчиками <...>» [16].

Давать собственную оценку политической активности китайского чиновника газета пока не спешила. Акцентируя внимание на внутривнутриполитических задачах, Ли являлся объектом наблюдения отечественных репортеров. Но внимание постепенно усиливалось, что говорит о расширении влияния и увеличении роста активности сановника. В системе российско-китайских отношений на данном этапе чиновник не фигурировал, но уже представлял интерес в контексте возможной будущей роли представителя страны.

Упоминается продолжавшаяся модернизация Китая. Согласно дальнейшим материалам рубрики «Известия из Азии», в 1874 г. вопреки мнению местных властей, Ли проводил ряд мероприятий по покупке в введение в эксплуатацию новых объектов: «В Китае умный и энергичный Ли Хунчжан заключил с одним шанхайским китайцем, Вай Юан Чаном, договор о разработке лежащих близ Нанкина каменноугольных копей по европейскому способу; но местные мандарины противятся этому нововведению» [18].

Уже к началу следующего года авторы продемонстрировали результат политики, акцентируя внимание на допущениях и попытках чиновника их решить: «Ли Хунчжан, генерал-губернатор Чжили, распорядился покупкой машин для разработки каменно-угольных и железных рудников в Тзучжеу, в 300 верстах от Тяньцзина. Это будет первый пример механического производства горного дела в Китае, так как доселе попытки ввести машины на каменно-угольных копях не удавались, вследствие сопротивления рабочих и неумения обращаться со сложными механизмами» [19].

Несмотря на изначально снисходительную позицию «европейской цивилизации» на техническую модернизацию страны, более осудительная реакция последовала в будущем. Расширение национального пароходства для коммерческих и военных целей уже вызывало открытое недовольство в Англии. Об этом открыто сообщал «Инвалид»: «Англо-китайские газеты с открытым неудовольствием сообщают известие о расширении национального китайского пароходства, которое грозит серьезной конкуренцией иностранному. Особенно же им не нравится, что китайское правительство смотрит на зарождающийся коммерческий флот, как на резерв для военного, и потому дает субсидию «Пароходному обществу китайских купцов». Почин в этом деле приписывается чжилийскому генерал-губернатору, Ли Хунчжану» [21].

Параллельно с техническим Ли Хунчжан усиливал свое влияние в военном деле. Здесь стоит обратить внимание не только на предпринятые меры, но и на их характер. В данном случае в статье «Из Китая» давалась оценка сложившемуся на период начала 1875 г. статусу Ли в армии. Авторы выделили следующее: «<...> Если, поэтому, областной правитель отличается воинственными наклонностями, как, например, известный Ли Хунчжан, то он беспрепятственно набирает войска, содержит их, выписывает ружья и пушки, строит суда и форты, руководствуясь исключительно личными взглядами и побуждениями. Так, Ли Хунчжан, на средства Чжилийской губернии, содержит в Тяньцзине до 1500 человек регулярных войск, и значительное число милиции, строит и уже имеет несколько паровых судов лучших чертежей; соорудил укрепленные форты в Таку, против бара, которые защищают вход в реку Пэйхэ, и имеют до 3000 гарнизона при 40 орудиях, в том числе три 7-дюймовых крупновских пушки <...>. Распоряжаясь таким образом местными военными средствами, Ли Хунчжан и всякий ему подобный правитель по-своему же усмотрению назначает и отдельных начальников» [14].

Стремление в проведении подобных проектов в Чжили встретило положительную реакцию со стороны правительства двора. Дальнейший период (с 1875 г. по 1881 г.) стал квинтэссенцией преобразований в военной организации всей страны: «Китайское правительство, по-видимому, занято вопросом о новой организации своих военных сил, и известный генерал-губернатор Чжилийской провинции, Ли Хунчжан, представил составленный им по этому предмету проект. Он предлагает, чтобы каждая провинция империи содержала, круглым числом, постоянный корпус войск в 10000

человек, и чтобы все провинции разделены были в военно-административном отношении на пять округов, каждый под начальством особого главнокомандующего. Войска должны быть обучены и дисциплинированы под руководством иностранцев» [20].

Результатом стала статья Г. Вульфа «Заметки о китайской армии», изданная в переводе Н. Янжуля в № 85 от 21 апреля 1881 г. Автор оригинального текста утверждал, что китайские войска имели следующие категории: маньчжурские знаменные войска, китайские знаменные войска (войска зеленого знамени), милиция (юнь), и характеризует их: «<...> 1) Маньчжурские знаменные войска состоят из потомков тех маньчжурских ратников, с помощью которых ныне царствующая китайская династия утвердилась на престоле <...>. Всего в них числится до 230000 пехоты и около 30000 кавалерии. Из этого числа около 80000 составляют гарнизон столицы государства. 2) Китайские знаменные войска, иначе войска зеленого знамени, состоят из китайцев, и по своей организации и вооружению совершенно соответствуют маньчжурским войскам. Всего в них числится до 650000, из которых только небольшая часть входит в состав строевых частей; большая же часть людей составляет как бы резерв всей армии и рассеяна по всему государству, не исключая северо-западные провинции, составляя нечто вроде военных поселений <...>. 3) Милиция (юнь) обязана своим происхождением сравнительно недавнему времени, а именно она начала формироваться в царствование императора Иншу в период восстания тайпинов <...>. В настоящее время всех людей в милиции числится более 100000 человек, и из них формируются лучшие регулярные войска Цзо Цзунтана и Ли Хунчжана» [12].

Лично под командованием Ли Хунчжана имелись: 1-й корпус милиции из провинции Аньхой, расположенных в Чжили, Тяньцзине и окрестностях (45 тыс. единиц); 2-й корпус из состава знаменных войск, расположенных на берегу р. Пэйхо (55 тыс. единиц). Всего в подчинении военачальника 85 тыс. единиц пехоты, 13 тыс. единиц артиллерии, 2 тыс. единиц кавалерии. Что составляет 100 тыс. единиц от общей численности 1 млн. Все войска «уже с 1865 г. обучаются европейскими инструкторами, а с 1870 г. в них введен прусский военный устав» [12].

Начало 80-х гг. XIX в. стало знаковым для Китая, благодаря успешной инициативе Ли в строительстве внутреннего железно-дорожного полотна. Данное событие не осталось без внимания отечественных СМИ. «Русский инвалид» информировал читателя о новых инициативах Ли Хунчжана:

«Вместе с тем сообщают как слух, что в китайских административных сферах существует проект, возникший по инициативе того же Ли Хунчжана, постройки железных дорог в Китае. Первоначально предполагают соединить железной дорогой Пекин с его гаванью Тяньзином, а затем другие внутренние рынки с приморскими портовыми городами» [22].

Интересны особенности проведения железнодорожных путей. Масштаб впечатлял в первую очередь количеством потраченных средств, которых, по мнению корреспонденции, не хватило бы на осуществление одновременного строительства дорог: из Пекина в Мукден, из Пекина в Тяньзинь, из Пекина же через провинцию Шаньдун в Ханькоу, в провинцию Хэнань и в провинцию Ганьсу. Способ решения проблемы, который предлагал Ли, поражал: «Ли Хунчжан советовал начать постройкой дороги в Тяньзинь, которую он считал наиболее необходимой. Для сооружения этой линии он предлагал заключить иностранный заем, причем, однако, ставил неперенным условием, чтобы всякое участие иностранцев, исключая специалистов-техников, как при постройке, так и при эксплуатации дороги было устранено и чтобы им не дозволено было даже быть акционерами китайского железнодорожного общества» [29].

Неудивительно, что после обсуждений (изначально проект заслужил поддержку большей части чиновников) цинский двор решил не рисковать, отложив строительство по причине больших расходов на перевооружение армии.

Здесь же раскрывались проблемы внутри китайской армии, связанной с употреблением опиума. К проблеме взывал сам Ли Хунчжан, обращаясь к британскому обществу по борьбе с употреблением опиума («Anti-Opium Society»). Данная новость оставалась в тайне до момента обращения, однако после газета «Times» предоставила нежелательную информацию. Местные издательства в Кантоне и Шанхае отрицали данные доводы, обвиняя автора обращения: «Странно, что англо-китайские газеты, издаваемые в Кантоне, Шанхае и других местах, как-то игнорируют возможность подобного события, которое, по нашему мнению, будет неизбежным последствием агитации Ли Хунчжана, опирающейся на вновь созданные и преобразованные вооруженные силы Срединной Империи» [29].

Подобные меры и способы строительства железнодорожных линий в Китае нашли своих противников. Исключительный авторитет Ли при дворе встал под угрозу. С отсылкой на «Правительственный Вестник» от 26 апреля 1882 г. ре-

дакция «Инвалида» обнародовала слух, согласно которому консервативная «старо-китайская» партия требовала от правительства срочно прекратить работы в каменно-угольных копях и на заводе в Кайпине. Причина была поверхностна: «<...> эти работы, особенно подземные, нарушают спокойствие императоров и императриц, погребенных на восточном богдыханском кладбище». Однако реальные доводы были направлены напрямую в сторону инициатора: «Разработка кайпинских копей производится китайским товариществом на паях, над организацией которого, также как над устройством завода и копей, много хлопотал сам Ли Хунчжан. Поэтому и завод, и копи носят на себе отпечаток всегдашнего стремления канцлера воспользоваться всеми усовершенствованиями, выработанными европейской наукой и техникой. Значительный капитал затрачен на улучшенные механические приспособления; устроена, например, железная дорога на протяжении нескольких верст к каналу, проведенному к реке Пейхо. Все работы и на копях, и на заводе ведутся под руководством специально для этого выписанных иностранных инженеров. Приостановление работ на копях, по распоряжению правительства, можно было считать, в силу всего вышесказанного, мерою, прямо направленной против Ли Хунчжана и его стремлений» [11].

Работы на объектах были действительно прекращены, Ли Хунчжан попросил месячный отпуск по уходу за матерью. Корреспонденция из Пекина указывала на это как на главную причину остановки работ. Ситуация осложнилась смертью родственника сановника и последующими традициями, согласно которым необходимо носить 27-месячный траур, при условии временного отстранения от должности. Однако поразителен факт того, что работы на копях возобновились через месяц. Победа оппозиционно-настроенных кругов консервативной китайской знати, не без удачи, пошатнула влияние чжилийского губернатора [11].

Начало 90-х гг. XIX в. стало важным временем для Китая в связи со строительством Маньчжурской железной дороги: «В последнее время китайское правительство деятельно приступило к постройке железной дороги через Маньчжурию. Душой этого предприятия, как и большинства подобных же предприятий в Китае, является чжилийский вице-король Ли Хунчжан, который придает ему важное стратегическое значение». Колонка «Внешние известия» предлагала отечественному читателю познакомиться с историей становления железнодорожного строительства в Цинской империи и личной «борьбы» Ли Хун-

чжана: «<...> Наконец, в 1886 г. Ли Хунчжану удалось склонить и пекинское правительство к допущению постройки железных дорог, и тогда же было утверждено первое «Китайское железнодорожное общество». В 1888 г. последовало торжественное открытие участка между Лутаем, Танку и Тяньцзином, а в 1889 г. пристроен еще участок в северо-восточном направлении к местечку Гучежуан, близ которого компания приобрела новые угольные залежи <...>. Между тем, слухи о предстоящем сооружении сибирской железной дороги дали вопросу о постройке дорог в Китае новое направление. Ли Хунчжан уже отнесся весьма сочувственно к представленному ему проекту сооружения железной дороги через всю Маньчжурию к русской границе» [4].

Редакция «Русского инвалида» дала свою оценку значению строительства железной-дороги в Маньчжурии. Случайность и опрометчивость одобрения инициативы цинским двором поставило под сомнение целесообразность проведения всего строительства. Газета приводила следующие аргументы: «Сама идея о постройке этой линии возникла совершенно случайно и могла осуществиться лишь благодаря тому, что Чжилийский генерал-губернатор Ли Хунчжан был материально заинтересован в деле; но раз постройка была решена, то конечным пунктом линии намечен был Хун-Чун, расположенный у самой пограничной черты нашего Уссурийского края; однако, вскоре соображения политического свойства заставили китайцев отступить от этого проекта: доведение железной дороги до Хун-Чуна признано было неудобным и решено ограничиться постройкой ее до Гирина <...>. Что касается значения железной дороги в военном отношении, то необходимо заметить, что в том виде, в каком дорога эта находится в настоящее время, она ни по личному и подвижному составу, ни по характеру постройки не может сделаться производительным путем сообщения» [28].

Примечательно освещение празднования 70-летия китайского дипломата. По случаю юбилея в Тяньцзине начался торжественный процесс: «По этому случаю как императорская фамилия, так и город Тяньцзинь, в котором вице-король имеет свою резиденцию, а равно и все высшие сановники государства не преминули блестящим образом засвидетельствовать юбиляру свое почтение и уважение. Эти чувства выразились, главным образом, в форме весьма ценных подарков, общая стоимость которых, по расчетам, простирается до громадной суммы более 3 млн. серебряных рублей» [5].

Обращая внимание на знаковое событие на территории империи Цин, «Русский инвалид»

стремился показать собственное почтение юбиляру, выразив его в следующих эпитетах: «Обладая тонким умом, большой проницательностью и, главным образом, неослабевающей энергией, Ли Хунчжан совмещает в себе наиболее существенные качества, необходимые для выдающегося государственного человека. Разумеется, он прежде всего остается китайцем, но, в то же время, стоит во главе небольшого числа своих соотечественников, которые сознают невозможность для Китая порвать те узы, которыми Небесная империя отныне безвозвратно связана с Европой, и является главным решителем во всем, что касается постройки железных дорог, снабжения армии, покупки орудий и европейских машин, учреждения банков и устройства телеграфных сообщений <...>. Смерть его была бы незаменимой потерей как для китайской империи, так и для царствующей династии. Нет сомнения, что она отозвалась бы весьма неблагоприятно и на без того уже трудных сношениях европейских держав с этим отдаленным краем» [5].

Период после 1893 г., явился затяжным и кризисным этапом в истории Цинского Китая. Начавшаяся японо-китайская война (1894-1895 гг.) и последующее ихэтуаньское восстание (1899-1901 гг.) оказались настоящей проверкой многих лет активной модернизации страны. «Русский инвалид» следил за событиями с особым вниманием.

О причинах начала японо-китайской войны рассуждал автор статьи «Очерк Кореи». В статье Корея представлена как область политических и экономических противоречий между враждующими странами, и Ли Хунчжан первым обратил на это внимание, способствуя укреплению влияния на территории: «<...> Корея представляет отличный рынок для сбыта произведений и удобное место для выселения избытка населения. Японцы давно добивались доступа к своему соседу; с этой целью они в разное время пытались заключить с ним договоры, причем неоднократно прибегали к открытому нападению на страну. Наконец, в 1876 г. старания их увенчались успехом <...>. Но тут они неожиданно встретили сопротивление. Известный правитель северных китайских провинций, Ли Хунчжан, первый угадал стремления Японии и раскрыл глаза своему правительству, так долго смотревшему равнодушно на все происходившее в Корее. Китай предъявил свои исключительные права на Корею и потребовал устранения всякого вмешательства других государств; для подтверждения своих прав, в 1882 г. многие города были заняты китайскими войсками, но было уже поздно, Япония не только не сделала уступок, но одержала победу; она добилась того, что китай-

ские войска были выведены и обе стороны обязались не посылать их года без взаимного согласия; японским подданным были даны права, равные с правами китайцев» [30].

С началом войны политик в очередной раз стал объектом критики как со стороны придворных консервативных кругов, так и самого императора Гуансюя. По версии корреспонденции, Ли Хунчжан оказался жертвой интриги: обвинялся в отсутствии должной подготовки к войне, симпатиям к европейцам и лишился одного из орденов. Это стало причиной беспокойств о собственной безопасности у европейцев, проживающих в Китае [6].

Обвинения и лишения подкрепились неудачами на фронтах. С отсылкой на предыдущие номера «Русский инвалид» дал вполне рассудительную оценку успехам Японии в войне. Согласно данным, победы японской армии заключались не только в успешной подготовке, но и в отсутствии таковой со стороны Китая. Здесь упоминался губернатор Чжили: «В императорском декрете, лишившем Ли Хунчжана чинов и отличий, было прямо указано следующее: «Он (Ли Хунчжан) постоянно уверял нас, что вожэнь (японцы) народ слабый; что государство это раздирается борьбой между правительством и парламентом, что у них нет хороших войск. А между тем у них оказались и деньги, и флот, и войско». Далее корреспонденция привела вполне логичное рассуждение: «Как бы то ни было, но факт успеха налицо (Японии – прим. авт.). До открытия военных действий оценивать силы обеих сторон можно было лишь по данным организации и тактической подготовки мирного времени <...>. Ныне, после восьми месяцев кампании, выяснилось, что японская армия и флот вполне готовы для борьбы с противником, много лучше подготовленным, чем китайские войска» [24].

В контексте исследуемой темы данное заключение представляется важным, так как качество подготовки китайцев к войне зависело в том числе от сил и личной заинтересованности Ли Хунчжана.

17 апреля 1895 г. в г. Симоносеки был подписан договор, ознаменовавший победу Японии в войне и начавший превращение Китая в полуколониальную страну. В конце февраля вышел материал, посвященный подготовке цинского правительства к принятию поражения. Важнейший документ конца XIX в. был подписан не сразу, третий этап предстояло провести Ли Хунчжану: «Ныне для переговоров назначен с китайской стороны Ли Хунчжан, восстановленный для этой цели в своих чинах и званиях, и более высокого лица

для данного случая едва ли можно найти во всем Китае, приняв во внимание, что он фактически заведовал в течение многих лет внешней политикой Китая и ему принадлежала активная роль во всех корейских делах» [25].

Назначение некогда лишенного званий и наград пожилого дипломата, отчасти виновного в результатах войны, вызывало сомнения. Отечественная редакция указывало на это, частично оправдывая Ли. Если бы не опыт, знания и авторитет сановника, назначение подобного человека для мероприятий подобного статуса являлось бы «потерей лица». Однако и это не казалось корреспонденции весомым аргументом проведения успешных переговоров: «<...> Но, во-первых, Ли Хунчжан был однажды разжалован, а потому есть вероятие предположить, что при неудачном ходе переговоров он может быть разжалован и в другой раз, а во-вторых поездка Ли Хунчжана может быть рассматриваема, как ответный визит графу Ито, который приезжал в 1884 г. к Ли Хунчжану для заключения договора, составившего исходный пункт нынешних недоразумений. Вследствие этой возможной версии с китайской стороны, отправление Ли Хунчжана в Японию для ведения мирных переговоров представляется вероятным, но кажется сомнительным, что переговоры будут доведены до конца» [25].

С началом восстания ихэтуаней (в газете – «Большой Кулак»), «Русский инвалид» обращал внимание на причины начала массового выступления. В статье «К событиям в Китае» (с отсылкой на «Lokal-Anzeiger») читателю предоставлялось интервью Ли Хунчжана немецкому корреспонденту. По словам сановника, боксеры не могли являться истинными мятежниками, т.к. «они остались верны императорскому дому». Причина восстания, по его мнению – религиозная. Однако, замечал Ли, борьба с принявшими христианство китайцами и миссионерами переросла в противостояние против европейцев, явно заинтересованных в «христианизации» империи. Ответственности в убийстве иностранцев (в частности, немцев) на китайском правительстве нет [7].

Конец XIX в. сановник провел в поездках на Запад. В 1896 г. он прибыл с визитом в Москву на коронацию Николая II. Далее последовали встречи в Германии, во Франции, Англии и Соединенных Штатах Америки [13].

Начало XX в. предстало как время сложных дискуссий и переговоров о судьбе Китая. Фигура сановника в уже почтенном возрасте упоминалась в публикациях и телеграммах зарубежных и отечественных СМИ очень часто. Предоставленные телеграммы от иностранных агентств не скрывали

своего отношения к составу и требованиям правительства Цин и прямо показывали свое отношение. Период переговоров, в которых Ли Хунчжан принимал непосредственное участие, затянулся на весь 1900 г.

С попытками цинского дипломата отстаивать позицию государства, увеличивалось иностранное давление. В условиях нахождения военного контингента нескольких стран в империи, договориться со всеми сторонами, без потери репутации собственной власти, было весьма сложно. Так, телеграмма из Вашингтона сообщала о разногласиях с Российской империей на почве ноты, запрещающей Ли связываться с китайским правительством до получения инструкций от дипломатического корпуса в Пекине. Америка заявляла, что Ли Хунчжан – «единственный представитель китайского правительства, находящийся на месте», и должен иметь полную свободу обращения к вышестоящим инстанциям [34].

Обсуждался вопрос о признании Ли Хунчжана посредником в переговорах. Указывалось, что большинство держав готовы признать его, хотя некоторые страны, такие как Германия и Италия, сомневались в его полномочиях. 17 августа Вашингтон передал информацию, что мирные переговоры продвигаются успешно, и все союзные державы согласились утвердить Ли Хунчжана представителем китайского правительства для переговоров [35].

Становилась актуальной проблема объявления Ли в качестве уполномоченного лица вести переговоры. В отличие от США, французская сторона из сообщения «Temps», на который ссылается российская редакция, поддерживала его кандидатуру как «единственного китайского государственного деятеля, с которым державы могли бы войти в соглашение». Телеграмма утверждала, что признание полномочий Ли Хунчжана продемонстрирует подлинное стремление к мирному урегулированию и ознаменует собой окончание военных действий [36].

По мере развития событий полномочия Ли Хунчжана на ведении мирных переговоров усиливались. 28 августа китайский посланник представил указ императора, который уполномочил Ли Хунчжана окончательно разрешить разногласия и вносить любые предложения, которые он сочтет необходимыми, без консультации с императором. Любые возражения против его права на ведение мирных переговоров считались недействительными. Сомнительна реакция только Соединенных Штатов, отказавшихся от комментариев [39].

11 сентября 1900 г. телеграмма «Русского инвалида», полученная через Российское Телеграф-

ное Агентство, уведомляла о промежуточных результатах борьбы с боксерами. Ли Хунчжан докладывал, что его войска убили более тысячи восставших возле Ханчжоу и разгромили их в других местах к юго-западу от Пекина. Также он утверждал, что район вокруг Пекина будет очищен в течение десяти дней. Военачальник докладывал о лицах, причастных к руководству мятежников: принц Туан, член тайного совета Кань Юй, губернатор Чжили генерал Юнь Лу, генерал Дун Фу Сян, командовавший отрядом в 20000 человек, который пытался преградить международным войскам путь к Пекину, и некоторые другие [8].

Политическая ситуация постепенно прояснялась и давала надежду на переговоры. Министр иностранных дел Франции Т. Делькассе выдвинул предложения, принятые участвующими державами: «В эту ноту вошли, как известно, вопросы о наказании виновников нападений на иностранцев, о возмещении убытков, воспрещении ввоза оружия в Китай, занятии некоторых пунктов на китайской территории, о срытии фортов в Таку и других прибрежных укреплений». Ли Хунчжан и принц Цин были готовы начать переговоры в ближайшее время в Пекине, что, по мнению иностранной печати, вело к окончательному решению китайского кризиса [9].

Следующий этап переговоров снова поставил вопрос легитимности принца Цина и Ли Хунчжана как представителей китайского правительства. В сообщении «Инвалида», предоставленного из «Temps», говорилось, что иностранные посланники попросили принца Цина и Ли Хунчжана предъявить письменные полномочия – стандартную дипломатическую практику для подтверждения их авторитета. Китайские представители ответили, что их назначения были сообщены по телеграфу.

В условиях отчаянных обстоятельств Ли попытался использовать собственную репутацию. Он предложил лично поручиться за законность назначения принца Цина, подписав заявление об этом, а принц Цин, в свою очередь, сделал бы то же самое для Ли Хунчжана. Такой подход еще больше подорвал доверие в глазах иностранных посланников – предложение было отвергнуто.

Столкнувшись с этим продолжающимся тупиком, Ли Хунчжан пошел на более многообещающую уступку. Он согласился официально запросить полномочия у императорского двора, который переехал в Сиань. Однако государственная печать, необходимая для удостоверения официальных документов, была оставлена в Пекине во время поспешного отступления двора. Поэтому полномочия были бы неполными и недействительными. Ли предложил, чтобы печать была по-

ставлена на документы в Пекине. Представительства, вероятно, отнеслись к этому предложению с глубоким подозрением. Возможно, критически сложная ситуация являлась затягиванием времени, призывая сорвать переговоры. [9].

К концу 1900 г. новостные колонки газеты начинают упоминать о болезни политика. «С Ли Хунчжаном приключился рецидив болезни; он серьезно болен», – сообщает Пекин 24 декабря. Спустя два дня (26 декабря) пришедшие новости из Шанхая сообщают о принятии принцем Цин иностранных посланников к новому году. Акцентируя на этом внимание, новость продолжилась: «Ли Хунчжан еще болен» [38].

О характере болезни не упоминалось до начала следующего года. С отсылкой на англоязычный источник «North China Daily News», отечественная редакция сообщала, что политик «страдает лихорадкой в сильной степени». «Выздоровление сомнительно», – сообщает Пекин [38].

Отсылка может говорить о возможном утаивании состояния здоровья Ли от широкой общественности и иностранных представительств: «Здесь (В Лондоне – прим. авт.) не получено пока подтверждения слуха о том, будто бы Ли Хунчжан умер. «Standard» сообщает из Шанхая от 18-го января, что даотай Шень оспаривает достоверность слуха о тяжелой болезни Ли Хунчжана, тогда как от того же числа эта газета сообщает из Тяньцзиня, что там распространился слух о смерти Ли Хунчжана и отзыве Ян Ши Кая». Однако, в связи со сложившимися обстоятельствами, скрывать факт уже было бессмысленно [40].

Подписание Заключительного протокола стало последней дипломатической миссией Ли Хунчжана. Он скончался 7 ноября 1901 г. после продолжительной болезни. Потеря одного из влиятельнейших личностей в структуре китайского политики и дипломатии не осталось без внимания крупных издательств. Газета изобиловала упоминаниями. О смерти известно следующее: «<...> Китай понёс, несомненно, с его смертью незаменимую утрату» [10].

Агентство Рейтера передавало из Пекина новость о похоронах: «Сразу после смерти Ли Хунчжана во дворе было установлено бумажное изображение зеленого паланкина с 8 черными лошадьми и сожжено, чтобы душа покойного вместе с пламенем вознеслась к небу. Вчера утром тело положили в гроб. В воскресенье состоится торжественное поклонение телу. Посланники будут допущены в особый день. Покойный будет похоронен в родной деревне. По всей вероятности, покойному посмертно присвоят титул маркиза, который перейдет к его старшему сыну» [10].

Сообщая о кончине и похоронах политика, редакция газеты представила некролог. Помимо перечисления заслуг в подавлении восстания тайпинов и дальнейшей деятельности в должности губернатора различных провинций юга Китая, о нем сообщалось следующее: «Ли Хунчжан, известный китайский дипломат и администратор, о смерти которого уже сообщил телеграф, родился в 1823 г. и играл выдающуюся роль в судьбах своего отечества, особенно в течение последней четверти века... Во время последующих событий и переговоров с представителями держав он играл выдающуюся роль как уполномоченный. Он умел ценить пользу европейской цивилизации, за что подвергался постоянным наветам со стороны своих консервативных соперников, не раз навлекавших на него немилость двора <...>. Покойный слыл в западной Европе за убежденного сторонника России; в действительности же он всегда ставил на первом плане пользу своего отечества и с этой точки зрения умел ценить дружественные отношения к своей могущественной соседке <...>» [10].

Ли Хунчжан упоминался на страницах и после смерти. Его наследие и влияние отражалось в освещении новостей последующий политических событий.

Создание российско-китайского банка, профинансированного Ли Хунчжаном, имело долгосрочные последствия. Предметом переговоров становилось экономическое и военное вмешательство стран Запада. Вместе с этим упоминалось усиление российского экономического присутствия, которое китайская сторона пыталась предотвратить, потребовав компенсировать средства, вложенные Ли: «Предложения китайского правительства, ведущего теперь переговоры с Россией, касаются также и вопросов об <...> уплате с процентами пяти миллионов таэлей, которые, благодаря влиянию Ли Хунчжана, были выданы Китаем на учреждение русско-китайского банка и на возвращении которых с тех пор несколько раз настаивало китайское правительство» [33].

Сообщая о продолжавшихся спорах, 2 марта 1908 г. (№ 51) в рубрике «Печать о военных делах» шла речь о характере приграничных отношений между Российской империей и Китаем. Об этом говорилось в рецензии к статье Л.М. Болховитинова «К постройке Амурской железной дороги». Здесь автор упоминал дипломата в особом ключе. Говоря о причинах нарастающих противоречий на границе, высказывания Ли 1900 г. после взятия русскими войсками Маньчжурии, выступали в качестве «пророчества». По его словам: «Россия еще пожалеет, что приблизила к себе Китай,

когда увидит, что Сибирь делается китайской». Как оказалось, строительство ветки КВЖД на территории Маньчжурии приведет к допуску массы китайских рабочих к строительству дороги с последующей массовой миграцией, что стало очевидным [31].

Выводы

Статья представляет собой источник понимания восприятия китайского государственного деятеля в России конца XIX – начала XX вв. «Русский инвалид», будучи изданием, ориентированным на военные круги, вероятно, рассматривал Ли Хунчжана в первую очередь с точки зрения его влияния на военную мощь Китая, его внешней политики и стабильности внутри страны. Оценка его деятельности была тесно связана с российскими стратегическими интересами в регионе и восприятием Китая как потенциального союзника, соперника или угрозы.

Для полного понимания представленной в газете картины необходимо рассмотреть жизнь и деятельность Ли Хунчжана в контексте эпохи. Особое значение имело его участие в движении за самоусиление. Он был одним из главных сторонников модернизации армии, флота и промышленности Китая, стремясь создать современную военную и экономическую базу, способную противостоять давлению западных держав. Под его руководством были основаны новые арсеналы, верфи, заводы и учебные заведения, направленные на развитие современных технологий и подготовки квалифицированных специалистов. Самоусиление, безусловно, заслуживало внимания со стороны «Русского инвалида», поскольку отражало усилия Китая по укреплению своей военной мощи, что напрямую влияло на расстановку сил в регионе.

Внешняя политика Ли Хунчжана также играла важную роль в формировании его образа в рос-

сийской прессе. Он неоднократно выступал в качестве дипломата, представляя Китай на международных переговорах и заключая договоры с иностранными державами.

Несмотря на усилия, Ли Хунчжан потерпел ряд серьезных неудач. Самым болезненным поражением стала японо-китайская война 1894-1895 гг., продемонстрировавшая слабость китайской армии и неэффективность проводимых реформ. Поражение в войне стало серьезным ударом по репутации Ли Хунчжана и подорвало его влияние в правительстве. Причины поражения были многообразны: недостаточная координация между различными родами войск, коррупция в армии, устаревшее вооружение и тактика, а также неспособность китайской элиты осознать необходимость глубоких системных реформ.

Оценка личности Ли Хунчжана остается предметом дискуссий. Его наследие является сложным и противоречивым, отражая судьбу Цинской империи, которая не смогла успешно адаптироваться к вызовам современного мира.

Возвращаясь к статьям в «Русском инвалиде», можно предположить, что газета, вероятно, представляла многогранный портрет Ли Хунчжана, учитывая его вклад в модернизацию Китая, его дипломатическую деятельность и его неудачи в укреплении военной мощи страны. Восприятие его личности, вероятно, было обусловлено геополитическими интересами России и стремлением понять, насколько силен и предсказуем Китай как сосед и потенциальный партнер. Изучение того, как «Русский инвалид» изображал Ли Хунчжана, дает ценную возможность для анализа российских взглядов на Китай и его лидеров в переломный период истории.

Финансирование

Работа выполнена при финансовой поддержке внутреннего гранта ФГБОУ ВО «Благовещенский государственный педагогический университет»

Список источников

1. Баранская Н.С. Русская периодическая печать (1702-1894): Справочник / сост. Н.В. Баранская, Н.С. Булгакова, Т.Г. Динесман, Б.Н. Касабова, М.И. Кострова, Г.Г. Курочкина, А.Д. Левин, Е.Е. Миропольская, А.П. Светлов, Н.А. Сверчков, Н.В. Сендык, Е.П. Прохоров, С.Г. Рудич, М.С. Черепанов, Е.М. Фингерит. Под ред. А.Г. Дементьева, А.В. Западова, М.С. Черепанова. М.: Гос. изд-во полит. лит. 1959. 835 с.
2. Борисевич А.Т. «Русский инвалид» за сто лет. 1813-1913: (Юбилейный очерк). СПб., 1913. Ч. 1. 236 с.
3. Буяров Д.В., Иванов П.А. Присоединение Синьцзяна к Китаю в рамках политики «самоусиления» Ли Хунчжана // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 5. С. 222 – 228.
4. Внешние известия // Русский инвалид. 1892. № 149. 4 с.
5. Внешние известия // Русский инвалид. 1892. № 84. 4 с.
6. Внешние известия // Русский инвалид. 1894. № 163. 4 с.
7. Внешние известия. К событиям в Китае // Русский инвалид. 1900. № 164. 4 с.

8. Внешние Известия. К событиям в Китае // Русский инвалид. 1900. № 200. 4 с.
9. Внешние Известия. К событиям в Китае // Русский инвалид. 1900. № 262. 6 с.
10. Внешние известия. Китай // Русский. 1901. № 234. 4 с.
11. Внешние известия. Телеграммы «Русского инвалида» // Русский инвалид. 1882. № 150. 4 с.
12. Заметки о китайской армии // Русский инвалид. 1881. № 85. 4 с.
13. Иванов П.А. Оценка политического наследия Ли Хунчжана на страницах отечественной периодической печати начала XX в. // Чтения памяти Евгения Петровича Сычевского. 2025. С. 151 – 156.
14. Из Китая // Русский инвалид. 1875. № 16. 4 с.
15. Известия из Азии // Русский инвалид. 1873. № 138. 4 с.
16. Известия из Азии // Русский инвалид. 1873. № 263. 4 с.
17. Известия из Азии // Русский инвалид. 1873. № 87. 4 с.
18. Известия из Азии // Русский инвалид. 1874. № 23. 4 с.
19. Известия из Азии // Русский инвалид. 1874. № 273. 4 с.
20. Известия из Азии // Русский инвалид. 1875. № 122. 4 с.
21. Известия из Азии // Русский инвалид. 1875. № 71. 4 с.
22. Известия из Азии // Русский инвалид. 1881. № 62. 4 с.
23. Бадалян Д.А., Громова Л.П., Жирков Г.В., Ковалева М.М. и др. История русской журналистики XVIII-XIX веков: учебник / под ред. Л.П. Громовой. 3-е изд., испр. и доп. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013. 528 с.
24. К событиям на Дальнем Востоке // Русский инвалид. 1895. № 39. 4 с.
25. К событиям на Дальнем Востоке // Русский инвалид. 1895. № 40. 4 с.
26. Кузнецов Д.В. Китайский национализм и внешнеполитическая составляющая массового сознания жителей КНР // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества: Материалы IV международной научно-практической конференции, Благовещенск-Хэйхэ-Харбин, 14-19 мая 2014 года / Ответственные редакторы: Д.В. Буяров, Д.В. Кузнецов. Том Выпуск 4. Благовещенск-Хэйхэ-Харбин: Благовещенский государственный педагогический университет. 2014. С. 455 – 468.
27. Лисовский Н.М. Библиография русской периодической печати 1703-1900 гг.: (материалы для истории рус. журналистики) / сост. и изд. Н.М. Лисовский. Пг.: Тип. АО Типографского дела. 1915. [8], XVI. 1067 с.
28. Маньчжурская железная дорога // Русский инвалид. 1893. № 258. 4 с.
29. Обзор важнейших событий в Азии // Русский инвалид. 1882. № 23. 4 с.
30. Очерки Кореи // Русский инвалид. 1894. № 161. 4 с.
31. Печать о военных делах // Русский инвалид. 1908. № 51. 5 с.
32. Соколов А.Р. Издатель газеты «Русский инвалид» П.П. Пезаровиус // Английская набережная, 4 : Ежегодник Санкт-Петербургского научного общества историков и архивистов / Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. Санкт-Петербург: Лики России, 2001. С. 115 – 126.
33. Телеграммы // Русский инвалид. 1906. № 23. 4 с.
34. Телеграммы «Русского инвалида» // Русский инвалид. 1900. № 183. 6 с.
35. Телеграммы «Русского инвалида» // Русский инвалид. 1900. № 184. 6 с.
36. Телеграммы «Русского инвалида» // Русский инвалид. 1900. № 185. 6 с.
37. Телеграммы «Русского инвалида» // Русский инвалид. 1900. № 200. 5 с.
38. Телеграммы «Русского инвалида» // Русский инвалид. 1900. № 281. 4 с.
39. Телеграммы «Русского инвалида» // Русский инвалид. 1900. Прибавление к № 190. 2 с.
40. Телеграммы «Русского инвалида» // Русский инвалид. 1901. № 17. 4 с.

References

1. Baranskaya N.S. Russian periodicals (1702-1894): Directory. comp. N.V. Baranskaya, N.S. Bulgakova, T.G. Dinesman, B.N. Kasabova, M.I. Kostrova, G.G. Kurochkina, A.D. Levin, E.E. Mi-ropolskaya, A.P. Svetlov, N.A. Sverchkov, N.V. Sendyk, E.P. Prokhorov, S.G. Rudich, M.S. Cherepakhov, E.M. Fingeritis. Ed. A.G. Dementieva, A.V. Zapadova, M.S. Cherepakhova. M.: State. political publishing house lit. 1959. 835 p.
2. Borisevich A.T. "Russian invalid" for a hundred years. 1813-1913: (Jubilee essay). SPb., 1913. Part 1. 236 p.
3. Buyarov D.V., Ivanov P.A. The annexation of Xinjiang to China within the framework of Li Hongzhang's "self-strengthening" policy. Historical Bulletin. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 222 – 228.
4. External news. Russian invalid. 1892. No. 149. 4 p.
5. External news. Russian invalid. 1892. No. 84. 4 p.

6. External news. Russian invalid. 1894. No. 163. 4 p.
7. External news. On the Events in China. Russian Invalid. 1900. No. 164. 4 p.
8. External News. On the Events in China. Russian Invalid. 1900. No. 200. 4 p.
9. External News. On the Events in China. Russian Invalid. 1900. No. 262. 6 p.
10. External News. China. Russian. 1901. No. 234. 4 p.
11. External News. Telegrams of the "Russian Invalid". Russian Invalid. 1882. No. 150. 4 p.
12. Notes on the Chinese Army. Russian Invalid. 1881. No. 85. 4 p.
13. Ivanov P.A. Evaluation of the political legacy of Li Hongzhang on the pages of the domestic periodical press of the early 20th century. Readings in memory of Evgeny Petrovich Sychevsky. 2025. P. 151 – 156.
14. From China. Russian Invalid. 1875. No. 16. 4 p.
15. News from Asia. Russian Invalid. 1873. No. 138. 4 p.
16. News from Asia. Russian Invalid. 1873. No. 263. 4 p.
17. News from Asia. Russian Invalid. 1873. No. 87. 4 p.
18. News from Asia. Russian Invalid. 1874. No. 23. 4 p.
19. News from Asia. Russian Invalid. 1874. No. 273. 4 p.
20. News from Asia. Russian invalid. 1875. No. 122. 4 p.
21. News from Asia. Russian invalid. 1875. No. 71. 4 p.
22. News from Asia. Russian invalid. 1881. No. 62. 4 p.
23. Badalyan D.A., Gromova L.P., Zhirkov G.V., Kovaleva M.M. and others. History of Russian journalism of the 18th-19th centuries: textbook. ed. L.P. Thunderous. 3rd ed., rev. and additional SPb.: Publishing house St. Petersburg. Univ., 2013. 528 p.
24. On the events in the Far East. Russian Invalid. 1895. No. 39. 4 p.
25. On the events in the Far East. Russian Invalid. 1895. No. 40. 4 p.
26. Kuznetsov D.V. Chinese nationalism and the foreign policy component of the mass consciousness of the inhabitants of the PRC. Russia and China: history and prospects for cooperation: Materials of the IV international scientific-practical conference, Blagoveshchensk-Heihe-Harbin, May 14-19, 2014. Editors-in-chief: D.V. Buyarov, D.V. Kuznetsov. Volume Issue 4. Blagoveshchensk-Heihe-Harbin: Blagoveshchensk State Pedagogical University. 2014. P. 455 – 468.
27. Lisovsky N.M. Bibliography of Russian periodical press 1703-1900: (materials for the history of Russian journalism). compiled and published by N.M. Lisovsky. Pg.: Type. AO Typographic Business. 1915. [8], XVI. 1067 p.
28. Manchurian railway. Russian invalid. 1893. No. 258. 4 p.
29. Review of the most important events in Asia. Russian invalid. 1882. No. 23. 4 p.
30. Essays on Korea. Russian invalid. 1894. No. 161. 4 p.
31. Press on military affairs. Russian invalid. 1908. No. 51. 5 p.
32. Sokolov A.R. Publisher of the newspaper "Russian invalid" P.P. Pekarovius. English Embankment, 4: Yearbook of the St. Petersburg Scientific Society of Historians and Archivists. St. Petersburg Scientific Society of Historians and Archivists. St. Petersburg: Faces of Russia, 2001. P. 115 – 126.
33. Telegrams. Russian Invalid. 1906. No. 23. 4 p.
34. Telegrams of the "Russian Invalid". Russian Invalid. 1900. No. 183. 6 p.
35. Telegrams of the "Russian Invalid". Russian Invalid. 1900. No. 184. 6 p.
36. Telegrams of the "Russian Invalid". Russian Invalid. 1900. No. 185. 6 p.
37. Telegrams of the "Russian Invalid". Russian Invalid. 1900. No. 200. 5 p.
38. Telegrams of the "Russian Invalid". Russian Invalid. 1900. No. 281. 4 p.
39. Telegrams of the "Russian Invalid". Russian Invalid. 1900. Supplement to No. 190. 2 p.
40. Telegrams of the "Russian Invalid". Russian Invalid. 1901. No. 17. 4 p.

Информация об авторе

Иванов П.А., преподаватель, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-0247-7606>, Благовещенский государственный педагогический университет, 675004, Россия, Амурская область, г. Благовещенск, ул. Ленина, 104, ip_27.95@list.ru

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 930.1(430).085

Культурно-историческая концепция О. Шпенглера: революционная критика марксистов (1920-х гг.) и метафизическое прочтение мыслителей Серебряного века (1920-50-х гг.)

¹ Киркин А.А.,

¹ Кемеровский государственный университет

Аннотация: статья посвящена исследованию интерпретации и критики культурно-исторической концепции Освальда Шпенглера, изложенной в его работе «Закат Европы», представителями русской философской мысли Серебряного века и марксистами 1920-30-х гг. Автор проводит анализ идеологически ангажированной критики марксистов (С. Боброва, К. Грасиса, В. Базарова, А.М. Деборина) в 1920-х гг. и метафизическую интерпретацию философов Серебряного века (Н.А. Бердяева, С.Л. Франка, Ф.А. Степуна, Б.П. Вышеславцева, А.Ф. Лосева) в 1920-50-х гг. Исследование выявляет ключевые различия в подходах: от политизированного отрицания до творческого переосмысления культурно-исторической концепции О. Шпенглера. На основе сравнительно-исторического анализа делается вывод о том, что в отличие от марксистов, русские мыслители Серебряного века предложили глубокую и многогранную интерпретацию культурно-исторической концепции Шпенглера, актуальную для современной философии истории и культурологии. Исследование демонстрирует, что полярность оценок культурно-исторической концепции О. Шпенглера отражает не только методологические, но и мировоззренческие противоречия эпохи, раскрывая напряженный диалог между материалистической и идеалистической парадигмами в отечественной историографии.

Ключевые слова: Закат Европы, русская философия, марксизм, культурно-историческая концепция, отечественная историография, Серебряный век

Для цитирования: Киркин А.А. Культурно-историческая концепция О. Шпенглера: революционная критика марксистов (1920-х гг.) и метафизическое прочтение мыслителей Серебряного века (1920-50-х гг.) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 230 – 237.

Поступила в редакцию: 25 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

O. Spengler's cultural and historical concept: revolutionary criticism of marxists (1920s-30s) and metaphysical interpretation of Silver Age thinkers

¹ Kirkin A.A.,

¹ Kemerovo State University

Abstract: the article is devoted to the study of the interpretation and criticism of the cultural and historical concept of Oswald Spengler, outlined in his work "The Decline of Europe", by representatives of Russian philosophical thought of the Silver Age and Marxists of the 1920s. The author analyzes the ideologically biased criticism of Marxists (S. Bobrov, K. Gracis, V. Bazarov, A.M. Deborin) in the 1920s and the metaphysical interpretation of the philosophers of the Silver Age centuries (N.A. Berdyaev, S.L. Frank, F.A. Stepun, B.P. Vysheslavtsev, P.A. Sorokin, A.F. Losev) in the 1920s and 50s. The study reveals key differences in approaches: from politicized denial to

creative reinterpretation of O. Spengler's cultural and historical concept. Based on the comparative historical analysis, it is concluded that, unlike the Marxists, the Russian thinkers of the Silver Age offered a deep and multifaceted interpretation of Spengler's cultural and historical concept, relevant to modern philosophy of history and cultural studies. The study demonstrates that the polarity of assessments of the cultural and historical concept of O. Spiegler reflects not only the methodological, but also the ideological contradictions of the era, revealing the intense dialogue between the materialist and idealistic paradigms in Russian historiography.

Keywords: «The Decline of Europe», Russian philosophy, marxism, cultural and historical concept, Russian historiography, Silver Age

For citation: Kirkin A.A. *O. Spengler's cultural and historical concept: revolutionary criticism of marxists (1920s-30s) and metaphysical interpretation of Silver Age thinkers. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 230 – 237.*

The article was submitted: April 25, 2025; Approved after reviewing: June 28, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Фундаментальный труд Освальда Шпенглера «Закат Европы», изданный в двух томах в 1918 и 1922 гг., не только принес автору известность, но и стал предметом интеллектуальной полемики в первой половине XX века в европейском научном сообществе. Культурно-историческая концепция немецкого философа получила крайне неоднозначную рецепцию – от признания ее новаторского значения до радикального неприятия.

Официально работа немецкого мыслителя была переведена на русский язык в 1923 г., однако русские интеллектуалы, владевшие немецким, могли читать Шпенглера в оригинале еще до перевода. Следовательно, проблематика культурно-исторической концепции Шпенглера вышла за пределы европейского научного дискурса и была активно воспринята отечественными мыслителями в 1920-х гг. В условиях идеологического и методологического размежевания, русские религиозные философы и марксистские исследователи разработали конкурирующие модели интерпретации шпенглеровского наследия, что обусловило уникальность российской рецепции его идей в указанный исторический период. Октябрьская революция 1917 г. стала ключевым фактором, определившим поляризованное восприятие культурно-исторической концепции О. Шпенглера в отечественной гуманитарной мысли. Революционный переворот создал принципиально новые условия для осмысления шпенглеровских идей.

Материалы и методы исследований

Проведенный историографический обзор на основе сравнительного анализа выявил ограниченное количество специальных работ, посвященной данной проблематике. Среди отечественных исследований следует выделить монографию О.Э. Терехова [16], в которой представлен анализ работ марксистских исследователей и философов Серебряного века в 1920-х гг. Автор прослеживает эво-

люцию оценок марксистов, наблюдая изменение тональности критики от жесткого неприятия к более взвешенному анализу в позднесоветский период. О.Э. Терехов не просто упоминает марксистов, но и систематизирует их подходы, показывая, как идеологический контекст влиял на трактовку Шпенглера.

В работе Г.А. Тиме [17] исследует рецепцию идей О. Шпенглера в интеллектуальном пространстве раннесоветской России. В работе кратко представляется анализ поляризации в интерпретации культурно-исторической концепции Шпенглера между марксистами и религиозно-философскими кругами.

Работы В.Ю. Даренского [8], В.Т. Фаритова [18], Е.И. Тарутиной [15] посвящены анализу культурно-исторической концепции О. Шпенглера и ее рецепции в русской философской мысли. В своих исследованиях авторы рассматривают влияние шпенглеровской теории «Заката Европы» на отечественную интеллектуальную традицию, уделяя особое внимание критическому осмыслению его идей представителями Серебряного века и последующих русских мыслителей.

Исследование влияния культурно-исторической концепции на философскую и литературную мысль XX в. представлено в работе А. Степановой [12]. Автор анализирует реакцию современников на публикацию «Заката Европы», отмечая ее своевременность в контексте послевоенного кризиса европейской культуры. В работе представлен анализ критики Шпенглера за «дилетантизм» и «плагиат», а также его последующая реабилитация в научном сообществе. Особое внимание уделено восприятию идей Шпенглера в России, где они нашли отклик среди философов Серебряного века.

Однако, в отечественной историографии отсутствуют работы, в которых представляется комплексный сравнительный анализ двух принципиально различных линий интерпретации культурно-

исторической концепции О. Шпенглера – марксистской критики 1920-х гг. и метафизического прочтения философами Серебряного века в 1920-50-х гг. В отличие от предшествующих исследований, которые чаще всего рассматривали эти направления изолированно либо сосредотачивались на отдельных аспектах восприятия Шпенглера в России, в статье представляется целостная картина. Выявляются не только очевидные идеологические расхождения, но и глубинные методологические и мировоззренческие противоречия между материалистической и идеалистическими парадигмами. Новизна данной работы проявляется в демонстрации того, как полярные оценки культурно-исторической концепции Шпенглера – от политизированного отрицания марксистами до творческого переосмысления представителями Серебряного века – отражают интеллектуальную динамику эпохи, включая ее философские и культурные конфликты.

Результаты и обсуждения

Особое значение для отечественной историографии имеет сборник «Освальд Шпенглер и Закат Европы», подготовленный в 1922 г. такими представителями дореволюционной интеллектуальной элиты, как Н.А. Бердяев, С.Л. Франк, Ф.А. Степун и др. Это издание стало фундаментальной работой, заложившее основы последующего осмысления шпенглеровского наследия отечественными историографами и послужившей важной отсылкой для нескольких поколений российских исследователей.

В 1920-е годы в отечественной историографии публикуется ряд работ марксистских авторов, включая С. Боброва, К. Грасиса, В. Базарова. В своих трудах они не только подвергали критике представителей русской религиозной мысли (Н. А. Бердяева, С.Л. Франка, Ф.А. Степуна), но и предприняли попытку теоретического осмысления культурно-исторической концепции О. Шпенглера рамках марксизма. Марксистская критика культурно-исторической концепции О. Шпенглера стало отправной точкой исторического и диалектического материализма в советской гуманитарной мысли.

Как отмечает В. Базаров в статье «Шпенглер и его критики», «Закат Европы» представляет собой «...не научная или наукообразная «система», а скорее художественное произведение: портретная галерея культурных феноменов...» [1, с. 1009]. При этом автор обращает внимание на неравномерность анализа различных культур шпенглеровской концепции: в то время египетская культура рассмотрена достаточно глубоко, индусская, китайская, вавилонская и христианско-магометанс-

кая культуры, по его оценке, получили лишь поверхностное освещение.

В. Базаров категорически отвергает методологию Шпенглера, отрицая его статус как систематического исследователя. Он критикует «сравнительную морфологию» культур, основанную на аналогиях и гомологиях, считая ее ненаучной и близкой к «астрологическим методам». По его мнению, такой подход отражает не интеллектуальный анализ, а «религиозную потребность» современной цивилизации, становясь суеверием для «религиозно опустошенной души» эпохи упадка [1, с. 1023].

Базаров подчеркивает, что культурно-исторический тип характеризуется внутренним единством и специфическим стилем, объяснимым с материалистических позиций. В отличие от эволюционной модели Шпенглера, он утверждает, что смена культурных строев происходит через социальные катастрофы, а не постепенное развитие.

Анализируя воззрения Шпенглера в статье «Вехисты о Шпенглере», К.Я. Грасис с позиций марксистской критики характеризует его морфологию истории как реакционную теорию, отражающую сопротивление буржуазного мира становлению нового социального строя [7, с. 1000]. Как и Базаров, Грасис уделяет внимание роли религии теории О. Шпенглера, отмечая, что на место науки приходит религия и наука сброшена с пьедестала, на ее место приходит «дух гаданья и пророчества», «углубление религиозной мистической жизни», «тайна, которую мы сами не можем вполне разгадать» [7, с. 1002]. Как подчеркивает Грасис, хотя шпенглеровские исторические прогнозы и культурные характеристики содержат интересные и порой точные наблюдения, они лишены системного методологического основания, необходимого для серьезного анализа исторических процессов [7, с. 1006].

С. Бобров в своей статье «Контуженный разум» отмечает историзм Шпенглера, который лишен методологической строгости. Его подход, сочетающий эстетизацию исторического процесса, не соответствует критериям ни философского, ни научного дискурса. По сути, его подход сводится к эклектичной коллекции профанных представлений о различных культурных феноменах. «Эстетический сумбур» Шпенглера Бобров называет бесплодным и относит к шарлатанству [4, с. 1038-1039].

С. Бобров анализирует противоречивое отношение Шпенглера к религии, отмечая негармоничность его позиции. Как подчеркивает автор, Шпенглер представляется как «безрелигиозный мистик» или «мистический атеист»: с одной сто-

роны, он сводит религию к «духовному материалу», подчиненному эстетическим закономерностям, с другой – строит апокалиптическую метафизику «смерти культуры» [4, с. 1039-1040]. С. Бобров критикует шпенглеровскую методологию истории как иррациональную и искусственную, основанную на интуитивном синтезе разрозненных исторических фрагментов, что приводит к созданию умозрительных, лишенных внутренней логики конструкций [4, с. 1040-1041].

В научной литературе эталоном марксистской критики философии Шпенглера в 1920-е гг. признана работа А.М. Деборина – одного из основоположников советской философской школы. Его статья «Гибель Европы или торжество империализма?» опубликованная в журнале «Под знаменем марксизма», содержит ключевые аргументы марксистского анализа шпенглеровской культурно-исторической концепции. Деборин, признавая литературные достоинства труда Шпенглера, интерпретирует его работу как идеологическую реабилитацию германского империализма и национализма, направленную на реванш над их историческими оппонентами. С точки зрения Деборина, метафизическая система Шпенглера не подлежит рациональной критике, поскольку лишена научного основания и может быть принята лишь на веру. Советский философ подчеркивает, что марксизм в этот период выступал в качестве доминирующей идеологии международного рабочего движения, тогда как главной целью Шпенглера, по его мнению, была дискредитация материалистического понимания истории. Вместо этого, утверждал Деборин, Шпенглер стремился обосновать принцип народности в культуре, трактуемый в духе прусского консерватизма [16, с. 74].

Деборин точно определил ключевой элемент культурно-исторической концепции Шпенглера, заключавшейся в идее «прусского социализма». В его интерпретации данная модель представляла собой синтез немецкого консерватизма, авторитарных принципов и национализма. С точки зрения Деборина, «прусский социализм» Шпенглера не только противостоял марксистскому социализму, но и являлся идеологическим прикрытием империалистической экспансии [2, с. 985].

Культурно-историческая концепция Освальда Шпенглера, изложенная в его работе «Закат Европы», оказала значительное влияние на русских мыслителей Серебряного века. Русские философы и культурологи активно обсуждали и интерпретировали идеи Шпенглера, адаптируя их к собственным историческим и культурным контекстам. Русские мыслители Серебряного века не только критиковали, но и развивали идеи Шпенглера. Авто-

ры, которые относятся к группе мыслителей «Серебряного века» определены по общности методологических подходов к осмыслению истории.

Н.А. Бердяев в своей работе «Предсмертные мысли Фауста», проводя анализ культурно-исторической концепции О. Шпенглера, касается религиозной составляющей его работы. По мнению Бердяева, основным недостатком позиции немецкого мыслителя является отдаленность автора от религиозной жизни и непонимание ценности христианства в европейской цивилизации. Н.А. Бердяев считает, что кризис культуры – это кризис веры. Невежество Шпенглера в религиозных вопросах не позволило ему разработать истинную философию истории. Бердяев критикует тот факт, что Шпенглер никаким образом не соотносит появление фаустовской души с христианством [2]. По Шпенглеру, осмысление роли русской души имеет глобальное значение для будущего русской культуры, что в дальнейшем окажет влияние на осмысление «Заката Европы» [12, с. 8].

Бердяев указывает на «духовную болезнь» Шпенглера, отмечая: «Шпенглер – атеистичен. Он не только сам нерелигиозен, но он и не понимает религиозной жизни человечества. Он просмотрел роль христианства в судьбе европейской культуры. Это – самая поражающая сторона его книги. В этом ее духовное уродство, почти что чудовищность ее» [2, с. 893]. Это, по мнению Бердяева, является главным недостатком культурно-исторической концепции Шпенглера, так как религия играет ключевую роль в формировании культуры и исторического процесса. Христианство, как основа европейской цивилизации, оказало огромное влияние на ее ценности, искусство, философию и социальные институты. Игнорирование этого факта делает анализ Шпенглера неполным и искаженным.

Однако, несмотря на критику, Бердяевым отмечается близость идей Шпенглера к русской философской мысли. Он отмечает, что «такие книги, нам ближе, чем европейским людям. Это – нашего стиля книга» [2, с. 902]. Во многом идея заката Европы близка русской философской мысли и осмысливались русскими философами И. Ильиным, В. Соловьевым, С. Булгаковым в рамках концепции кризиса культуры [12, с. 8]. Близость идей Шпенглера отечественной мысли была отмечена русским религиозным мыслителем С.Л. Франком, «поскольку они уже ощущались, их видели и о них говорили русские славянофилы» [19].

Глубокие размышления о метафизической природе русского народа и его историческом призвании содержатся в известной работе Бердяева «Русская идея». Через высказывание Шпенглера «Рос-

сия есть апокалиптический бунт против античности» Бердяев связывает русское сознание с апокалиптическим и эсхатологическим мировоззрением, противопоставляя его западной культуре, которая, по его мнению, укоренена в античной традиции. По его мнению, русская культура и сознание противостоят античному наследию, которое легло в основу западной цивилизации. Для Бердяева Россия – это не одна из культур в шпенглеровском цикле, а уникальное явление, связанное с апокалиптическим ожиданием и стремлением к трансцендентному [3].

В свою очередь, С.Л. Франк в своей статье «Кризис Западной культуры» дает весьма неоднозначную оценку «Закату Европы» О. Шпенглера. С.Л. Франк отмечает незавершенность и бесплодность мысли немецкого философа, наряду с этим, отмечая «изумительность таланта автора, давший нам прикоснуться к тем глубинам бытия, из которых бьет живой источник духовного творчества». С. Л. Франк признает неверной культурно-историческую концепцию О. Шпенглера в которой исторический релятивизм невольно сменяется «общечеловеческим единством». Франк поддерживает критику Бердяева, отмечая, отсутствие религиозного фактора в становлении и развитии культуры культурно-исторической концепции Шпенглера. По мнению Франка, отвернувшись от веры, западная культура превращается в цивилизацию. Однако, с другой стороны, С.Л. Франк и Н.А. Бердяев приходят к общему мнению, что в работе О. Шпенглера наблюдаются признаки «благостного» поворота в умах западной интеллигенции, который должен привести их к вере. В отличие от Шпенглера, который предрекает неизбежный закат европейской цивилизации, Франк видит возможность преодоления кризиса через возвращение к религиозным и духовным истокам. Он считает, что кризис культуры – это не конец, а скорее вызов, который может привести к обновлению и переосмыслению ценностей [19].

Ф.А. Степун, будучи сам глубоким мыслителем и знатоком европейской культуры, анализирует шпенглеровскую концепцию с позиций философии истории, эстетики и культурологии. В своем эссе «Освальд Шпенглер и Закат Европы», Степун отмечает дилетантский подход и скептицизм Шпенглера. Отрицая научный подход немецкого философа, Степун указывает на пренебрежение им современной эпистемологии и произвольное обращение к фактологии. Во взглядах Степуна прослеживается явное противоречие в отношении широкой учености Шпенглера, которая параллельно сочетается с дилетантством и антинаучностью. Для Степуна Шпенглер одновременно пред-

стает в качестве пророка и скептика [14, с. 850-873].

Однако, чаша весов перевешивает в сторону негативной и многоуровневой критики в адрес немецкого мыслителя. Шпенглер, по мнению Степуна, слишком свободно обращается с фактами, подгоняя их под свою схему. Это делает его работу скорее философской поэзией, чем строгим научным исследованием. Степун отмечает, что Шпенглер часто подходит к истории как к производству искусства, создавая яркие, но не всегда обоснованные образы. Это, по мнению Степуна, делает его концепцию скорее эстетической, чем научной. Шпенглер, как художник, создаёт впечатляющую картину, но она не всегда соответствует исторической реальности.

В работе «Бывшее и несбывшееся» Степун критикует шпенглеровский пессимизм и его убежденность в неизбежном закате западной культуры. Степун повторяет свою критику шпенглеровского пессимизма и фатализма, подчёркивая, что будущее культуры зависит от творческих усилий человека, а не от predetermined исторических законов. Он считает, что пессимизм Шпенглера лишает человека надежды и веры в возможность творческого преображения мира [13].

Степун, будучи мыслителем, глубоко связанным с религиозной традицией, критикует Шпенглера за отсутствие внимания к религиозному измерению культуры. Для Степуна религия является важнейшим источником смысла и вдохновения в культуре, а Шпенглер, по его мнению, игнорирует эту сторону человеческого бытия.

Стоит отметить, что критика Степуна в адрес Шпенглера носит не только философский, но и мировоззренческий характер. Степун отвергает шпенглеровский пессимизм и релятивизм, противопоставляя им веру в творческие силы человека и возможность духовного обновления культуры. Несмотря на критику, Степун признаёт значимость работы Шпенглера как попытки осмыслить кризис европейской культуры и её место в истории.

Русский философ и религиозный мыслитель, Б. П. Вышеславцев в одной из своих работ «Закат Европы (Об Освальде Шпенглере)» подробно анализирует шпенглеровскую культурно-историческую концепцию заката Европы и применяет её к русской истории. В этой работе он критически осмысливает идеи Шпенглера, сопоставляя их с русской культурной и религиозной традицией. Вышеславцев использует шпенглеровскую методологию для анализа русской истории. Он рассматривает Россию как особую культурную целостность, которая переживает кризис, анало-

гичный тому, что описан Шпенглером для Европы. При этом он подчёркивает уникальность русского пути, связанного с православием и идеей «священного царства» [5, с. 949-956].

В ряду ярких мыслителей русской философии XX в. особое место занимает А. Ф. Лосев. Русский мыслитель анализировал идеи Шпенглера в контексте своей собственной философской системы, которая отражала традиции античной философии, христианства и диалектики. Безусловно, Лосев проводит параллель между культурно-исторической концепцией О. Шпенглера и трудами таких мыслителей, как Винкельман, Гете, Гегель и Ницше. Однако, в отличие от них, «Закат Европы» Шпенглера выделяется своей всеобъемлющей новизной, охватывающей искусство, математику, религию, астрономию и историю.

В своей известной работе «Диалектика мифа» А.Ф. Лосев критикует Шпенглера за его релятивизм. Шпенглер утверждал, что каждая культура уникальна и замкнута в себе, а её ценности и смыслы не могут быть поняты или перенесены в другие культуры. Лосев критиковал этот культурный релятивизм, считая, что он ведёт к отрицанию универсальных истин и общечеловеческих ценностей. Для Лосева, как для философа, глубоко связанного с христианской традицией, существовали абсолютные истины, которые выходят за пределы отдельных культур и являются общими [9].

Как известно, Шпенглер рассматривал культуры как организмы, которые рождаются, развиваются и умирают. Лосев в «Диалектике мифа» критиковал этот биологический подход к истории, считая его упрощённым и механистичным. Он утверждал, что культура – это не просто биологический процесс, а сложное духовное явление, связанное с творчеством, свободой и стремлением к абсолютному. Лосев подчёркивал, что история и культура не могут быть сведены к биологическим законам. Шпенглер утверждал, что культуры замкнуты и не могут взаимодействовать друг с другом. Лосев, напротив, подчёркивал важность диалога культур и их взаимного влияния. Он считал, что культурное развитие невозможно без обмена идеями, ценностями и опытом между различными народами и эпохами. Лосев видел в этом взаимодействии источник обогащения и развития человечества. Лосев считает, что Шпенглер недооценивает роль разума и науки в развитии культуры и цивилизации, а также преувеличивает роль иррациональных и мистических факторов. Лосев называет Шпенглера мыслителем, который создает ложные и фантастические образы истории и культуры [9].

Работа Лосева «Очерки античного символизма

и мифологии» посвящена анализу античной культуры и её символического значения. Русский философ критикует Шпенглера за его трактовку античности как «аполлоновской» культуры, утверждая, что такая характеристика слишком узка и не учитывает всей сложности античного мировоззрения. Лосев подчёркивает, что культура – это не просто набор форм, но и выражение глубинных духовных процессов [6 с. 59].

Лосев не оставил без критики физиогномический метод, применяемый О. Шпенглером в анализе всемирной истории и ее отдельных эпох. Лосев видит отсутствие в концепции Шпенглера осознанного диалектического метода. Шпенглер, ограничиваясь физиогномикой, лишает себя возможности представить ряд человеческих культур как нечто целое, как жизнь единого всечеловеческого организма. Шпенглер описывал западную культуру как «фаустовскую», стремящуюся к бесконечности и преодолению границ. Лосев, однако, считал, что такая характеристика слишком узка и не отражает всей сложности западной культуры. Он подчёркивал, что в основе западной культуры лежат не только стремление к бесконечности, но и глубокие религиозные, философские и этические традиции [10, с. 63-64].

Лосев критиковал Шпенглера за отсутствие метафизической глубины в его концепции. Для Лосева культура была не просто совокупностью материальных и духовных достижений, но и выражением стремления к абсолютному, к христианскому Богу. Шпенглер же, по мнению Лосева, слишком сосредоточился на внешних формах культуры, не затрагивая её глубинных, метафизических основ. В целом, Лосев был согласен с Бердяевым и Франком в том, что «Шпенглер проморгал христианство, растворивши его в арабской и новоевропейской культуре» [6, с. 704].

Выводы

Таким образом, проведенный анализ оценок и интерпретаций культурно-исторической концепции О. Шпенглера в отечественной гуманитарной мысли выявил существенные различия в подходах марксистов 1920-х гг. и русских философов Серебряного века в 1920-1950-х гг. Марксистская критика по большей степени носила идеологический ангажированный характер, отвергая Шпенглера за идеализм, релятивизм и отрицание прогресса. Марксисты в своих работах указывают на отрицание научности методов О. Шпенглера (морфология, аналогии). Статьи марксистов содержат критику мистицизма и религиозных мотивов в работе немецкого мыслителя. Акцент делался на несоответствии его теории историческому материализму, поскольку марксисты видели в «За-

кате Европы» защиту буржуазного упадка, игнорирующую роль классовой борьбы. Марксисты не сколько анализируют, сколько дискредитируют Шпенглера, связывая его с «дореволюционной интеллигенцией». Критика марксистов поверхностна, что приводит к упрощенным и резким оценкам.

Философы Серебряного века подходили к Шпенглеру более диалектично, видя в его работе глубокий диагноз кризиса западной цивилизации. Они соглашались с его критикой деградации культуры и цивилизации, но отвергали фатализм, предлагая религиозно-философские альтернативы. В отличие от марксистов, философы Серебряного века не отрицали духовный аспект истории, а,

напротив, искали пути возрождения через христианство. Если марксисты видели в Шпенглере противника, то философы сложного мыслителя, чьи интуиции о кризисе Европы требовали не отрицания, но творческого преодоления. Русские философы критиковали Шпенглера за его фатализм, антинаучность и игнорирование духовного измерения. Однако их критика была не просто отрицательной – они предлагали альтернативные подходы, основанные на вере в свободу человека, духовное обновление и возможность преодоления кризиса. Их объединяло стремление найти более глубокий и оптимистичный взгляд на историю и культуру, в отличие от того, который предлагал Шпенглер.

Список источников

1. Базаров В. Шпенглер и его критики // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. С. 1008 – 1031.
2. Бердяев Н.А. Предсмертные мысли Фауста // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. С. 889 – 903.
3. Бердяев Н. А. Русская идея. СПб.: Азбука-классика, 2008. 320 с.
4. Бобров С. Контуженный разум // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. С. 1031 – 1043.
5. Вышеславцев Б.П. Закат Европы. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. С. 949 – 956.
6. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 1993. 480 с.
7. Грасис К. Вехисты о Шпенглере // Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. С. 991 – 1008.
8. Даренский В.Ю.О. Шпенглер как продолжатель идей русской философии // Русско-Византийский вестник. 2024. № 1 (16). С. 119 – 130.
9. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: Академический проект, 2001. 480 с.
10. Лосев А.Ф. Очерки античного символизма и мифологии. М.: Мысль, 1993. 960 с.
11. Степанова А.А. Закат Европы Освальда Шпенглера в философском и литературоведческом дискурсе // Polilog. Studia Neofilologiczne. 2014. С. 5 – 20.
12. Степанова А.А. «Закат Европы» Освальда Шпенглера и литературный процесс 1920-х-1930-х гг.: поэтология фаустовской культуры. СПб.: Алетейя, 2015. 496 с.
13. Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся / Послесл. Ю.И. Архипова. СПб: Издательство «Алетейя», Издательская группа «Прогресс»–«Литера», 1994. 651 с.
14. Степун Ф.А. Освальд Шпенглер и Закат Европы. Бердяев Н. А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. С. 850–873.
15. Тарутина Е.И. Н. Бердяев о книге О. Шпенглера «Закат Европы» // Вестник Амурского государственного университета. 2013. Вып. 62 : Сер. Гуманитар. науки. С. 35 – 38.
16. Терехов О.Э. История и политика в трудах Освальда Шпенглера: проблемы историографии: монография. Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2020. 163 с.
17. Тиме Г.А. Россия и Германия: философский дискурс в русской литературе XIX-XX веков. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2011. 456 с.
18. Фаритов В.Т. Учение о закате Европы в русской религиозной философии // IN MEMORIAM: Т.Н. Брыкина: сборник памяти Брыкиной Т.Н. Ульяновск: УлГТУ, 2021. С. 114 – 127.
19. Франк С.Л. Кризис западной культуры. Бердяев Н.А. Падение священного русского царства: публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. С. 873 – 888.

References

1. Bazarov V. Spengler and his critics. Berdyaev N.A. The fall of the sacred Russian kingdom: journalism 1914-1922. M.: Astrel, 2007. P. 1008 – 1031.
2. Berdyaev N.A. Faust's dying thoughts. Berdyaev N.A. The fall of the sacred Russian kingdom: journalism 1914-1922. M.: Astrel, 2007. P. 889 – 903.
3. Berdyaev N. A. Russian idea. St. Petersburg: ABC-classics, 2008. 320 p.
4. Bobrov S. Shell-shocked mind. Berdyaev N.A. The fall of the sacred Russian kingdom: journalism 1914-1922. M.: Astrel, 2007. P. 1031 – 1043.
5. Vysheslavitsev B.P. The Decline of Europe. Berdyaev N.A. The Fall of the Sacred Russian Kingdom: Journalism 1914-1922. M.: Astrel, 2007. P. 949 – 956.
6. Hegel G.V.F. Lectures on the Philosophy of History. St. Petersburg: Nauka, 1993. 480 p.
7. Grasis K. Milestones about Spengler. Berdyaev N.A. The Fall of the Sacred Russian Kingdom: Journalism 1914-1922. M.: Astrel, 2007. P. 991 – 1008.
8. Darensky V.Yu.O. Spengler as a Continuer of the Ideas of Russian Philosophy. Russo-Byzantine Bulletin. 2024. No. 1 (16). P. 119 – 130.
9. Losev A.F. Dialectics of Myth. Moscow: Academic Project, 2001. 480 p.
10. Losev A.F. Essays on Ancient Symbolism and Mythology. Moscow: Mysl, 1993. 960 p.
11. Stepanova A.A. Oswald Spengler's Decline of Europe in Philosophical and Literary Discourse. Polilog. Studia Neofilologiczne. 2014. P. 5 – 20.
12. Stepanova A.A. Oswald Spengler's "Decline of Europe" and the Literary Process of the 1920s-1930s: Poetology of Faustian Culture. St. Petersburg: Aleteia, 2015. 496 p.
13. Stepun F.A. The Past and the Unfulfilled. Afterword by Yu.I. Arkhipova. SPb: Aleteya Publishing House, Progress Publishing Group - Litera, 1994. 651 p.
14. Stepun F.A. Oswald Spengler and the Decline of the West. Berdyaev N.A. The Fall of the Sacred Russian Kingdom: Journalism 1914-1922. Moscow: Astrel, 2007. Pp. 850-873.
15. Tarutina E.I. N. Berdyaev on O. Spengler's Book "The Decline of the West". Bulletin of Amur State University. 2013. Issue 62: Series. Humanitarian. sciences. P. 35 – 38.
16. Terekhov O.E. History and Politics in the Works of Oswald Spengler: Problems of Historiography: Monograph. Kemerovo: Kemerovo State University, 2020. 163 p.
17. Thieme G.A. Russia and Germany: Philosophical Discourse in Russian Literature of the XIX-XX Centuries. St. Petersburg: Nestor-History, 2011. 456 p.
18. Faritov V.T. The Doctrine of the Decline of Europe in Russian Religious Philosophy. IN MEMORIAM: T.N. Brysina: Collection in Memory of T.N. Brysina. Ulyanovsk: UISTU, 2021. P. 114 – 127.
19. Frank S.L. Crisis of Western Culture. Berdyaev N.A. The Fall of the Sacred Russian Kingdom: Journalism 1914-1922. M.: Astrel, 2007. P. 873 – 888.

Информация об авторе

Киркин А.А., ассистент кафедры философии и общественных наук, ORCID ID: <https://orcid.org/0009-0006-6861-5185>, Кемеровский государственный университет, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, д. 6, kirkin995@gmail.com

© Киркин А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 373.1.014.3(091)(470.344)"196/198"

Реформирование школьного образования в Чувашской АССР во второй половине XX века

¹ Матвеева Н.С.,
¹ Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

Аннотация: целью статьи является анализ реформирования школьного образования во второй половине XX века. В статье на основе методов статистики, теоретического и практического анализа отражены основные этапы развития и направления реформирования общеобразовательной школы Чувашской АССР. Анализируются ключевые правительственные решения, определявшие политику в сфере образования и влияние на структуру, содержание и организацию учебного процесса. Особое внимание уделяется переходу к всеобщему среднему образованию, развитию профессионально-технического образования и изменениям в системе управления школами. Рассмотрены исторические предпосылки проблем и противоречий, возникшие в процессе реформ, их социальные и культурные последствия. Статья основана на архивных материалах центрального государственного архива ЧР, нормативно-правовых актах, постановлений ЦК КПСС и Совета Министров СССР, что позволяет оценить масштабы и эффективность преобразований в школьном образовании. Реорганизация системы общеобразовательных школ в Чувашской АССР и адаптация к принципиально новым реалиям, потребовали от государственных органов, ответственных за школьное образование, значительных усилий и тщательной работы в указанный период. В период 1964-1984 годов Чувашия стала одним из развитых среди иных регионов страны с большими экономическими зачатками и потенциалом, характерными только для нее культурно-историческими особенностями и традициями. В Чувашской Республике-Чувашии была сформирована и развивалась система общешкольного образования, функционировали общеобразовательные школы. Все это сыграло огромную и значительную роль в развитии науки, народного хозяйства, экономики и культуры.

Ключевые слова: общеобразовательная школа, Чувашская АССР, реформирование, школьное образование, система образования

Для цитирования: Матвеева Н.С. Реформирование школьного образования в Чувашской АССР во второй половине XX века // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 238 – 242.

Поступила в редакцию: 25 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 28 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The reform of school education in the Chuvash ASSR in the second half of the twentieth century

¹ Matveeva N.S.,
¹ I.N. Ulyanov Chuvash State University

Abstract: the purpose of the article is to analyze the reform of school education in the second half of the twentieth century. Based on statistical methods, theoretical and practical analysis, the article reflects the main stages of development and directions of reform of secondary schools in the Chuvash ASSR. The key government decisions

that determined education policy and their impact on the structure, content and organization of the educational process are analyzed. Special attention is paid to the transition to universal secondary education, the development of vocational education and changes in the school management system. The historical background of the problems and contradictions that arose during the reform process, their social and cultural consequences are considered. The article is based on archival materials from the Central State Archive of the Chechen Republic, normative legal acts, resolutions of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR, which makes it possible to assess the scale and effectiveness of transformations in school education. The reorganization of the system of general education schools in the Chuvash ASSR and adaptation to fundamentally new realities required significant efforts and careful work from government agencies responsible for school education during this period. In the period 1964-1984, Chuvashia became one of the most developed regions of the country with great economic beginnings and potential, cultural and historical features and traditions characteristic only of it. In the Chuvash Republic, Chuvashia, a system of general school education was formed and developed, and comprehensive schools operated. All this has played a huge and significant role in the development of science, national economy, economics and culture.

Keywords: general education school, Chuvash ASSR, reformation, school education, education system

For citation: Matveeva N.S. The reform of school education in the Chuvash ASSR in the second half of the twentieth century. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 238 – 242.

The article was submitted: April 25, 2025; Approved after reviewing: June 28, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Во второй половине XX века Чувашия стала одним из развитых среди иных регионов страны с большими экономическими зачатками и потенциалом, характерными только для нее культурно-историческими особенностями и традициями. В Чувашской АССР была сформирована и развивалась система общешкольного образования, функционировали общеобразовательные школы. Все это сыграло огромную и значительную роль в развитии науки, народного хозяйства, экономики и культуры.

После окончания в 1945 году войны Россия и ее субъекты вступили в совершенно новый период времени социального развития. Данный период времени предъявил достаточно высокие запросы к народному образованию молодежи. В особенности высокие запросы предъявлялись к общеобразовательным школам.

Окончание войны показало, что в стране и регионах очень много молодого поколения, не имеющего школьного образования, либо имеющего неоконченное школьное образование. Тем самым, завершение войны и наличие большого количества людей с неоконченным как высшим, так и средним (школьным), в том числе и неполным школьным образованием вызвало необходимость развития школьного образования в стране.

Материалы и методы исследований

Проанализирована научная литература и нормативно-правовые акты Совета Народных Комиссаров, Министерства Просвещения Чувашской АССР, на результатах анализа которых рассмот-

рены исторические предпосылки, влияющие на реформирование школьного образования в стране и в Чувашской АССР в частности. В процессе анализа перестроения системы образования в послевоенные годы потребовалось обратиться к материалам, хранящимся в Государственном историческом архиве Чувашской Республики. В работе применялись общетеоретические методы.

Результаты и обсуждения

Проведенная после 1958 года перепись чувашского народа показала, что лишь 12 жителей Чувашской АССР из каждой одной тысячи имели высшее образование и около 350 жителей имели незаконченное высшее либо школьное, либо имели неполное школьное образование. В расчет брались жители Чувашской АССР начиная с десятилетнего возраста и далее, старше по возрасту [4].

Также перепись показала, что уровень школьного и высшего образования как женщин, так и мужчин в Чувашской АССР был примерно одинаков. Также практически не было разницы в уровне образования между городскими и сельскими жителями. В связи с этим требовалось увеличивать число молодежи, имеющих оконченное среднее образование, а также высшее.

Начиная с середины двадцатого века школьное образование стали получать все больше и больше жителей республики. Однако, многие выпускники школ занимались одновременно и производственной, и трудовой деятельностью. Это способствовало тому, что стали задумываться о том, что нужно усилить политехническое и трудовое обучение школьников. Поскольку нужно было укреп-

пить связь школ непосредственно с жизнью человека, связать теорию и практическую деятельность.

Для того, чтобы сократить существующий разрыв между народным образованием и жизнью, еще в 1958 году было решено ввести отдельные изменения в саму систему школьного образования - развивать школьное образование, одновременно соединяя его с дальнейшей жизнью человека.

Указанные выше обстоятельства вызвали необходимость принятия в 58 году двадцатого века специального закона. Данный закон именовался следующим образом - «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в СССР».

В тот период времени Верховным Советом страны была постановлена четкая и ясная задача. Такой задачей являлось подготовить школьников к тому, чтобы они могли продолжить свою жизнь после школы, к тому, чтобы они смогли после окончания школы выполнять полезный для общества и страны труд [6].

Для того, чтобы происходило развитие школьного образования в стране и республике в соответствии с указанным выше законом, произошли изменения в системе советского образования. Если раньше дети учились в обязательном порядке семь лет, то теперь согласно принятому новому закону они обязаны были учиться уже восемь лет. Дети получали образование, начиная с семи лет и заканчивали его в возрасте 15-ти либо 16-ти лет. Также были изменены учебные и воспитательные процессы. Они подверглись перестройке, а именно было соединено обучение с трудовой деятельностью. Поскольку было решено не разделять школу и производительный труд. Также период самого обучения школьников в средних школах страны и республики были увеличены. По новым условиям данный период обучения должен составлять одиннадцать лет [10].

Были установлены следующие четыре основные виды средних школ:

- первый вид школ – это средняя трудовая политехническая школа. В этих школах школьников обучали производству. Данный вид школы обучал, начиная с восьмиклассников и заканчивая одиннадцатиклассниками;

- второй вид школ - это вечерняя школа. Еще эти школы именовались сменными;

- третий вид школ – это средняя заочная школа;

- четвертый вид школ – это среднее специальное учебное школьное учреждение.

Также в соответствии с указанным выше законом были закреплены основные пути, по которым должна была идти перестройка всей учебной и

школьной работы. Такая перестройка должна идти была по пути соединения у учащихся обучения с непосредственным обучением их производству. Тем самым у школьников обучение соединялось с трудом [6].

Школы, в которые обучали школьников производству, росло. В частности, на начало учебного 62 года двадцатого века в стране функционировало уже около одиннадцати тысяч таких школ. Все они были средними общеобразовательными школами. В таких школах обучали учащихся производственному труду. В них училось больше одного миллиона учеников [5].

Указанным выше законом была намечена реорганизация в стране образовательного процесса. Такая реорганизация должна быть осуществлена в два направления. В соответствии с первым направлением должна была произойти реорганизация профессиональной технической общеобразовательной школы. В соответствии со вторым направлением должно было произойти соединение общесреднего школьного образования и политехнического обучения учащихся. Такое соединение должно было произойти, и осуществлено в пределах одиннадцатилетнего обучения школьников. Тем самым было признано, что именно на общеобразовательные школы должна лечь такая важная роль - обучить начальному производству школьников. В связи с чем, школьники, получающие образование в школах помимо общего среднего образования, также наделены были правом на получение профессии. Профессию они могли получить любую из массово-распространённой в тот период времени. Это было необходимо, как было указано ранее, для приобретения навыков выбранной профессии и для того, чтобы после окончания среднего образования продолжить трудовую деятельность в любой из выбранных отраслей в народном хозяйстве.

Далее, для того, чтобы эффективно осуществлялся и реализовывался принятый закон и его положения, были разработаны и утверждены некоторые постановления. Постановления были приняты как центральными, так и местными государственными партийными органами. Местные органы, обычно копировали положения постановления центральных органов [7].

Так, в частности в июле 1959 года в Чувашской АССР Верховный Совет принял одно из таких постановлений. Оно именовалось следующим образом: «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Чувашской АССР». Верховный Совет в данном акте закрепил систему, а также способы при помощи, которых в Чувашской АССР будет

далее развиваться народное образование. Принятие указанного выше постановления явилось важным шагом для развития школьного образования в республике.

Благодаря указанному выше постановлению в Чувашской АССР:

- было введено обязательное восьмилетнее образование, как для подростков, так и детей более младшего возраста. Обязательное восьмилетнее образование вводилось, начиная с семи лет. Заканчивали дети получения восьмилетнего образования в возрасте 15-ти лет либо 16-тилетнего возраста;

- была предусмотрена реорганизация самих школ. Данная реорганизация по плану должна была пройти за период начиная с 1959 года и закончиться в 1963 году. За это время было предусмотрено преобразование семилетних школ в восьмилетние, десятилетние – в одиннадцатилетние трудовые политехнические школы с обязательным обучением детей производству;

- была существенно укреплена материальная и учебная база всех существующих в республике школ. Данная база школ должна соответствовать нужным стандартам и способствовать обучению учащихся;

- была расширена сеть иных школьных учреждений, а именно должны строиться и функционировать вечерние школы, сменные школы, заочные общеобразовательные школьные учреждения. Их становилось больше;

- был усовершенствован помимо учебного также и воспитательный процесс в следующих учреждениях народного образования: в технических, в политехнических, в высших и средних учреждениях народного образования;

- увеличен выпуск хороших специалистов, которые должны иметь оконченное среднее специальное и высшее образование.

Перечисленные достижения способствовали развитию и являлись предпосылками дальнейшего развития школьного образования в Чувашской АССР.

В целях развития школьного образования в Чувашской АССР была установлена совершенно иная система в школьном образовании. Данная система являлась элементом (частью) всей системы народного образования страны. В соответствии с новой системой школьного образования были предусмотрены и функционировали в Чувашской АССР такие виды общеобразовательных учреждений школьных, как:

- школы начальные;

- школы политехнические с восьмилетним обучением;

- школы средние общеобразовательные трудовые политехнические с производственным обучением учащихся;

- школы средние вечерние общеобразовательные для молодых людей их рабочей и сельской местности;

- школы-интернаты и школы-продленки.

По плану новая система школьного народного образования должна была с успехом завершиться в Чувашской АССР к 1960 - 1962 гг. учебным годам.

Важно отметить, что в 1959 году в республике был образован специальный отдел в системе народного образования. Данный отдел именовался следующим образом - «Отдел школ и высших учебных учреждений». Его главная функция состояла в том, чтобы более эффективно осуществлять руководство всей системой народного образования в республике.

Как и в СССР, так и в Чувашской АССР в рассматриваемый период времени 7-милетние школы начали реорганизовывать, а именно: стал осуществляться переход от 7-милетнего всеобщего образования к 8-милетнему всеобщему образованию.

Семилетние школы начали преобразовывать в 1959 году. В Чувашской АССР в указанный год было реформировано 45 школ. Они были преобразованы в школы с восьмилетним сроком обучения. Уже в следующем году число таких школ, которые уже стали предусматривать восьмилетний срок обучения увеличилось, а именно их стало уже 140 [9].

Выводы

Реформирование общеобразовательных школ в Чувашской АССР и их переход и функционирование в совершенно новых условиях способствовало проведению достаточно напряженной и кропотливой работы со стороны государственных органов в области школьного образования. Ими была проведена большая работа по формированию нужной и соответствующей времени материальной и учебной базы. Школы были обеспечены квалифицированными учителями, были разработаны и приняты совершенно новые учебные программы и планы. В связи с тем, что были введены новые планы и программы, то также была осуществлена перестройка и всего воспитательного и учебного процесса у школьников.

Список источников

1. Гарипов Р.Ш. Право на использование и охрану родного языка у коренных малочисленных народов России // Российский юридический журнал. 2023. № 4. С. 157 – 167.
2. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 2306. Оп. 73. Д. 2700.
3. ГИА ЧР. Ф. 221. Оп. 31. Д. 737.
4. Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР / Центр. стат. упр. при Совете Министров СССР. М.: Госстатиздат, 1963. С. 144.
5. Педагогическая энциклопедия. М., 1966. С. 716.
6. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 12.02.1966 «О частичном изменении трудовой подготовки в средней общеобразовательной школе».
7. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 10.11.1966 «О мерах дальнейшего улучшения работы средней общеобразовательной школы»; Постановление бюро Чувашского обкома ЦК КПСС и Совета Министров ЧАССР от 06.02.1967.
8. Сулейманова Л.Ш. История становления и развития национальных общеобразовательных школ и педагогических учебных заведений (1900 – начало 70-х годов XX века) диссертация д-ра исторических наук. Уфа, 2002. С. 210.
9. Ученые записки Канашского учительского института. Чебоксары, 1954. Вып. 1. С. 56.
10. Центральный государственный архив Чувашской Республики. Ф. 221. Оп. 29. Д. 1328. С. 8.

References

1. Garipov R.Sh. The right to use and protect the native language of the indigenous peoples of Russia. Russian Legal Journal. 2023. No. 4. P. 157 – 167.
2. State Archives of the Russian Federation. F. 2306. Op. 73. D. 2700.
3. State Academy of the Czech Republic. F. 221. Op. 31. D. 737.
4. Results of the 1959 All-Union Population Census. RSFSR. Center stat. ex. under the Council of Ministers of the USSR. M.: Gosstatizdat, 1963. P. 144.
5. Pedagogical encyclopedia. M., 1966. P. 716.
6. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of 12.02.1966 "On a partial change in labor training in secondary comprehensive schools".
7. Resolution of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of 10.11.1966 "On measures to further improve the work of secondary comprehensive schools"; Resolution of the Bureau of the Chuvash Regional Committee of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the Chuvash ASSR of 06.02.1967.
8. Suleimanova L.Sh. History of the formation and development of national comprehensive schools and pedagogical educational institutions (1900 – early 70s of the twentieth century) dissertation of Doctor of Historical Sciences. Ufa, 2002. Page 210.
9. Scientific notes of the Kanash Teachers' Institute. Cheboksary, 1954. Issue. 1. P. 56.
10. Central State Archives of the Chuvash Republic. F. 221. Op. 29. D. 1328. P. 8.

Информация об авторе

Матвеева Н.С., Чувашский государственный университет им. И.Н. Ульянова

© Матвеева Н.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94 (47)

К истории российского казачества (современные аспекты)

¹ Астанина Л.В.,

¹ Шуралёв А.В.,

¹ Московский институт современного академического образования

Аннотация: данная статья о трёх славянских народах: украинцах, белорусах и русских, вся история которых от первого их появления в Европе до настоящего времени сопряжена с борьбой за своё существование, со всеми теми, кто отказывал им в праве на свою самобытность и создание своего государства, с теми, кто гнал постоянно с насиженных и освоенных ими просторов Европы, не гнушаясь их полным уничтожением. И о том, как выживал, боролся и побеждал народ славянский во всех геополитических катастрофах, выдвигая на первые свои рубежи настоящих богатырей и воинов, свободных людей, какими были изначально и останутся ими всегда казаки – опора русского строя, защитники людей славянского корня и главный фактор будущего развития современной России.

Ключевые слова: Родина, славяне, украинцы, белорусы, русские, Дикое поле, Поднепровье, Северный Кавказ, казаки, Запорожская Сечь, Донское казачье государство, Донская казачья республика

Для цитирования: Астанина Л.В., Шуралёв А.В. К истории российского казачества (современные аспекты) // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 243 – 247.

Поступила в редакцию: 26 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 29 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

To the history of the Russian cossacks (modern aspects)

¹ Astanina L.V.,

¹ Shuralyov A.V.,

¹ Moscow Institute of Modern Academic Education

Abstract: this article is about three Slavic peoples: the Ukrainians, the Belarusians, and the Russians, whose entire history, from their first appearance in Europe to the present day, has been a struggle for their existence, against those who denied them the right to their own identity and the creation of their own state, and against those who constantly drove them out of the lands they had settled and developed in Europe, even to the point of complete annihilation. And about how the Slavic people survived, fought, and won in all the geopolitical catastrophes, putting forward real heroes and warriors, free people, who were and will always remain the Cossacks, the backbone of the Russian system, the protectors of the Slavic people, and the main factor in the future development of modern Russia.

Keyword: Homeland, Slavs, Ukrainians, Belarusians, Russians, Wild Field, Dnieper region, North Caucasus, Cossacks, Zaporozhian Sich, Don Cossack State, Don Cossack Republic

For citation: *Astanina L.V., Shuralyov A.V. To the history of the Russian cossacks (modern aspects). Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 243 – 247.*

The article was submitted: April 26, 2025; Approved after reviewing: June 29, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Родина первой государственности славян, самого молодого этноса из семьи индоевропейских народов, составляющего три современные нации: украинцев, белорусов и русских, являются Карпаты. Первое мощное объединение славянства на просторах Западной Европы вызвало недовольство многих ранее поселившихся в ней народов, но прежде всего, римской империи, которая не давала славянам укорениться, всячески претендуя на их богатые земли и власть над ними. После многолетних войн с одним из сильнейших славянских племенных союзов – даками, римляне нанесли им сокрушительное поражение в 106 году н.э., которые не желая мириться со своим рабством вынуждены переселиться в районы Поднепровья и современного Северного Кавказа. А на захваченной территории даков римляне образовали современное государство под названием – Румыния, что означает покорное Риму.

О дальнейшей судьбе наших славянских предков мы узнаём от арабских средневековых историков, которые упоминают, что наши предки уже в 8-10 веках образовали новые государства, которые назывались: *Куявия, Славия и Артания*. Они почти совпадают с современными границами расселения украинцев, белорусов и русских.

Немаловажным фактором в истории славянского этноса являлся обширный степной экорегион, расположенный по центру материка – Евразия, который протянулся от Восточной Европы до берегов Тихого океана. Весь этот экорегион, особенно в степной его части, считал учёный В.В. Докучаев, характеризуется высоким плодородием почв из-за большого количества чернозёма. В пределах причерноморских и приазовских степей он назывался «Диким полем», которое заселяли вначале ираноязычные, а позднее тюркские и монгольские кочевые народы. «Дикое поле» протянулось от реки Днестр на западе, до Дона на востоке. На севере степи граничат с лесами, а на юге с пустынями и полупустынями. Именно поэтому этот участок так сильно привлекал кочевые народы на протяжении многих веков, которые в начале нового тысячелетия сменяли один другой с исторической необходимостью. Вначале гунны и авары, затем пришли хазары, их сменили печенеги, после которых «Дикое поле» захватили половцы, которые в свою очередь попали под власть татар.

Очень много первоначальное славянство претерпело трансформации от пришлых народов, которые кочевали по Дикому полю из Азии на Запад. Особенно от половцев. Они-то и наложили на них свои обычаи и военные направления деятельности, превратив их в хозяев всего Дикого поля, которых стали называть казаками – свободными людьми, ушедшими от гнёта эксплуататоров, искателей приключений. Некоторые учёные заявляют, что казаки являются русскими и украинцами по этническому происхождению. Косвенно это подтверждается тем, что у современных казаков действительно преобладают восточнославянские *гало-группы*, согласно генетическим исследованиям.

Материалы и методы исследований

Материалом исследования авторам статьи послужили многочисленные исторические документы, книги и публикации в научных журналах, в той или иной мере затрагивающие тему исследования, а также практический опыт работы с козацкими организациями у нас в стране и анализ проведенной научно-методической работы преподавателей и студентов по данному вопросу в вузе. В качестве методов исследования были использованы системный подход и традиционные методы диалектического мыслетворчества, принципы историзма и конкретности. Новизна проведённого исследования заключается в том, что даётся новая информация основных понятий, связанных с характеристикой российского козачества, его происхождении, этнического состава и особой роли в истории государства и общества Российской Федерации.

Результаты и обсуждения

Феномен козачества связан с особым свойством характера славянского этноса, который никогда не мирился с несвободой и закабалением себя, стремясь, когда открытая борьба уже невозможна, уйти от этого любыми путями в широкие просторы неизвестной ещё никому ойкумены Евразии. Благо этих просторов было достаточно вплоть конца 19 века. Именно казаки осваивали эти новые территории, за ними затем следовали со своей религиозной миссией служители церкви, и лишь потом государство.

После монгольского нашествия в 13 веке половцы не исчезли полностью, а ассимилировались с другими народами. Часть их вошла в состав Золотой Орды, смешавшись с местными племенами.

Другие бежали на запад, в Венгрию и Болгарию, где интегрировались в местное население. Третьи остались в степях, растворившись среди новых кочевых народов. С созданием Русско-Литовского и Московского княжеств появились пограничные этим государствам свободные козачьи области. Слово «казак» впервые упоминается еще в 14 веке.

Однако первые упоминания о казаках встречаются в 1245 году в мамлюкско-арабском словаре. В нём перевод слова «казак» было следующим: «кочевник, бродяга, человек, свободный от обязательств». Первая самая крупная группа казаков образовалась в районе Дона. Впервые официально о казаках на Руси упоминается в письме князя Юсуфа Ивану Грозному в 1550 году, в котором он жалуется русскому царю, что казаки нападают на его территории и караваны, мешая спокойной жизни. Однако, откуда появились казаки, доподлинно неизвестно.

Казаки основывали свои поселения в прибрежных районах – в основном, на реках Днепр, Дон, Волга, Яик (Урал), Терек. Поначалу казаки не вступали в брак, и их численность прирастала только за счет приема новых членов. Затем донские казаки, бравшие в плен женщин-иноземок, стали жениться на них. Рожденных детей долгое время умерщвляли, особенно девочек. Постепенно это варварство ушло в прошлое, и казаки стали создавать полноценные семьи.

Главными занятиями козачества изначально были коневодство и овцеводство, а уже после оседлости, также многие казаки (донские, астраханские, уральские) стали заниматься рыбной ловлей, а оренбургские – производством войлока, сукна и вязанием знаменитых пуховых платков.

Козачьи поселения именовались станицами, слободами или селами, а в Сибири – острогами. Отдельно стоящая усадьба зажиточных казаков звалась хутором и включала дом (курень, хату), амбар и помещения для содержания скота. Во главе станицы стоял атаман, избираемый всеми казаками на специальном собрании – казачьем круге, или сходе. Там же назначались другие должностные лица: писари, есаулы, сотники, урядники, хорунжие [6, 8, 9, 10].

Изначально у них не было классового деления. Но постепенно выделились три группы: рядовые казаки (свободные землепашцы), «лучшие люди» (чиновники, служилое дворянство) и купцы, торговые казаки. Изначально казаком называли человека, отделившегося от государства (чаще по причине недовольства правителем – ханом, царем и т.д.) и начавшего вольную самостоятельную жизнь. Позже под казаками стали понимать степных разбойников, изгнанников, авантюристов. В

русских летописях и официальных документах запорожские казаки до 18 века именовались черкасами [1, 2, 4, 5, 6].

При Иване Грозном казаки уже составляли часть военной мощи и несли службу на границах. В 1601 году в стране наступил «Великий голод». Многие помещики не имели возможности прокормить боевых холопов и прогоняли их со двора. Те, вместе с беглыми послужильцами, собирались в настоящие разбойничьи банды. Но они же способствовали формированию вольного козачества на Дону, Волге и Яике.

В период Смуты казаки сыграли важную роль в повстанческих силах, повлияли на ход земского освободительного движения, способствовали снятию польско-литовской оккупации Москвы в 1611-1612 годах. Вскоре после этих событий окончательно сложился привольный образ жизни козачества.

Но это шло вразрез с интересами властей России, требовавших от казаков преданности и военной службы. Это вылилось в череду восстаний: Ивана Болотникова, Степана Разина, Кондратия Булавина, Емельяна Пугачёва. Восстания жестоко подавлялись властями и наказывались. Так, царём Пётром I, после козачьего восстания Булавина в 1707-1708 годах Донское козачье войско было лишено независимости. А после восстания Пугачёва Екатерина II приказала ликвидировать Запорожскую Сечь (организацию украинского козачества).

К началу XX века казаки были единственным военно-служилым сословием в Российской империи и имели ряд особых привилегий. Их численность, согласно переписи 1897 года, составляла около трех миллионов человек. Козачество имело свои специфические черты жизненного уклада и местное самоуправление.

Участие казаков в Первой мировой войне помогло России одержать победу. Козачество оказалось вовлеченным в новую войну буквально с первых сражений. Ситуация осложнялась тем, что согласно воинскому уставу, главным атаманом всех войск являлся наследник царя Российской империи. В 1914 году им был цесаревич Алексей, которому как раз исполнилось 10 лет. В таком юном возрасте он не мог командовать казаками, поэтому всю ответственность на себя взяли наказные атаманы [3, 7, 11, 14, 15].

Когда в стране началась Гражданская война, казаки разделились. Их основная часть поддерживала Белую армию и создали Донскую козачью республику, но были и те, кто выступал за большевиков. Еще часть старалась сохранить нейтралитет. После окончания войны советская власть

устроила гонения на казаков: проводила политику «расказачивания», лишала сословных привилегий, а многих уничтожала физически. Также на них были наложены ограничения по прохождению военной службы, снятые лишь в 1936 году в ходе подготовки к новой большой войне.

Во время Великой Отечественной войны, казаки единым фронтом выступили против фашистов. И вновь смелость и героизм казаков отмечал даже противник. Гитлеровцы называли казаков «сталинскими головорезами». Немаловажным фактом является и то, что точкой отсчёта, от которой началось основное контрнаступление в Сталинградской битве (17.07.1942 г. – 02.02.1943 г.) была родина М.А. Шолохова – станица Вешёнская [8, 9].

Но процветало и такое явление, как козачий коллаборационизм. Многие казаки примкнули к нацистской Германии и выступали на ее стороне. Сами нацисты утверждали, что казаки этнически происходили от готов, а стало быть, принадлежали к «избранной» арийской расе. Так что Третьему рейху удалось переманить к себе много казаков – особенно тех, кто жаждал реванша за проигранную гражданскую войну. После войны многие коллаборационисты были признаны советским правительством военными преступниками и казнены, а остальных приговорили к разным срокам заключения вместе с семьями.

В последующие годы козачество все больше разваливалось. Численность казаков, когда-то составлявших 2,5% населения страны, сильно сократилась во время двух мировых войн, гражданской войны, расказачивания и послевоенных судов. После распада СССР началось возрождение козачества. В настоящее время численность казаков в России составляет чуть более 50 тысяч человек.

Особую роль сыграли казаки и в культурном развитии России. Именно они породили наиболее

значимую до сих пор плеяду гениальных своих писателей, поэтов, художников, композиторов и политических деятелей. Казаки также являются создателями новой государственности современной России, являющейся настоящим стержнем её будущего в самые критические периоды истории [10, 12, 13].

Выводы

Казаки сыграли не только серьезную роль во многих событиях в истории России, но и выполнили культурно-просветительскую миссию. Перечислить этих представителей козачества не хватит страниц статьи. Были среди них знаменитые первопроходцы, отчаянные повстанцы, отважные воины, знаменитые писатели такие как: Антон Чехов, Фёдор Крюков, Константин Паустовский, Михаил Шолохов, Александр Серафимович, Анатолий Калинин, Виталий Закруткин; поэты: Николай Тuroверов, Владимир Маяковский, Мария Волкова; художники: Сергей Гавриляченко, Владимир Боровиковский, Василий Суриков; музыканты: Владимир Скупец, Юрий Попов, Трифон Миронов, Константин Морозов; политики: Григорий Потёмкин, Матвей Платов, Анатолий Долгополов, Александр Мартынов, Николай Долуда, Виталий Кузнецов; военные: Иван Козьмич Краснов, Дмитрий Фёдорович Лавриненко, Василий Степанович Попов, маршал авиации СССР Александр Николаевич Ефимов, генерал-полковник авиации ВМФ СССР Георгий Андреевич Кузнецов.

Благодаря крепкому духу, целеустремленности и врождённой талантливости казаки в любой момент могут изменить самое худшее положение вещей, которое может поразить нашу страну на невероятно прогрессивное, могучее и естественно родное, так как за ними всегда Батюшка Тихий Дон.

Список источников

1. Быкадоров И. История казачества. книга I: моногр. М.: ЁЁ Медиа, 2019. 132 с.
2. Большой толковый словарь донского казачества. М.: АСТ, 2018. 496 с.
3. Бабель И.Э. Конармия. Ростов-на-Дону: Изд-во: Феникс. 2022. 08 с.
4. Ерохин И.Ю. Казачество в царской России. М.: Нобель Пресс, 2019. 400 с.
5. Казачество. М.: ЁЁ Медиа, 2016. 568 с.
6. Сборник Вольное казачество // Сборник. М.: Архив русской эмиграции, 2019. 277 с.
7. Крюков Ф.Д. Рассказы. Публицистика. Москва: Изд-во Советская Россия, 1990. 578 с.
8. Сазонов А.А. Донское казачество. Том 1. Часть 1. М.: Граница, 2019. 360 с.
9. Шамбаров В.В. Казачество. Спасители России. М.: Алгоритм, Эксмо, 2019. 530 с.
10. Быкадоров И.Ф. История казачества. Москва: СПб. [и др.]: Питер, 2019. 195 с.
11. Шолохов М.А. Тихий Дон. Москва: Издательство Эксмо. 2024. 1472 с.
12. Шуралёв А.В. Памяти К.Г. Паустовского. Историческое эссе // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 5. С. 155 – 159.
13. Шишов А.В. Сто великих казаков. М.: Вече, 2007. 480 с.

14. Черников В.В. Казачество в истории России. М.: Айрис Пресс, 2013. 160 с., ил.
15. Гуль Р.Б. Ледяной поход (с Корниловым). М.: Молодая гвардия, 1990. 320 с.

References

1. Bykadorov I. History of the Cossacks. Book I: monograph. Moscow: ЁЁ Media, 2019. 132 p.
2. The Large Explanatory Dictionary of the Don Cossacks. Moscow: AST, 2018. 496 p.
3. Babel I.E. Cavalry. Rostov-on-Don: Phoenix Publishing House. 2022. 08 p.
4. Erokhin I.Yu. Cossacks in Tsarist Russia. Moscow: Nobel Press, 2019. 400 p.
5. Cossacks. Moscow: ЁЁ Media, 2016. 568 p.
6. Collection Free Cossacks. Collection. Moscow: Archive of Russian Emigration, 2019. 277 p.
7. Kryukov F.D. Stories. Journalism. Moscow: Publishing house Soviet Russia, 1990. 578 p.
8. Sazonov A.A. Don Cossacks. Volume 1. Part 1. M.: Granitsa, 2019. 360 p.
9. Shambarov V.V. Cossacks. Saviors of Russia. M.: Algorithm, Eksmo, 2019. 530 p.
10. Bykadorov I.F. History of the Cossacks. Moscow: St. Petersburg. [and others]: Peter, 2019. 195 p.
11. Sholokhov M.A. Quiet Don. Moscow Eksmo Publishing House. 2024. 1472 p.
12. Shuralev A.V. In memory of K.G. Paustovsky. Historical essay. Historical bulletin. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 155 – 159.
13. Shishov A.V. One hundred great Cossacks. Moscow: Veche, 2007. 480 p.
14. Chernikov V.V. Cossacks in the history of Russia. Moscow: Iris Press, 2013. 160 p., ill.
15. Gul R.B. Ice campaign (with Kornilov). Moscow: Molodaya Gvardiya, 1990. 320 p.

Информация об авторах

Астанина Л.В., доктор исторических наук, профессор, Московский институт современного академического образования

Шуралёв А.В., кандидат философских наук, доцент, Московский институт современного академического образования

© Астанина Л.В., Шуралёв А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94 (100-87)

Официальная и неофициальная позиция Великобритании в отношении оккупации Египта

¹ Соболева С.С.,
^{1,2} Куделин А.А.,

¹ Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы,
² Государственный академический университет гуманитарных наук

Аннотация: в период политических волнений на территориях Египта, английское правительство принимало решение об открытом вмешательстве в политику Египта. Среди европейских государств данные действия вызвали серьезное беспокойство и ряд вопросов, на которые Великобритания должна была дать ответ. Для этого английскими дипломатами была разработана стратегия, по которой во всех официальных заявлениях и средствах массовой информации Великобритания выступает, как государство-консультант для наведения порядков в политической и экономической сферах жизни египетского общества. В то же время, в английском парламенте разрабатывают «политические реформы», направленные на создание марионеточной власти в Египте, и оформлению зависимого государства. Данную политику правительства стали называть «Завуалированный протекторат».

Ключевые слова: Великобритания, Египет, Османская империя, Франция, завуалированный протекторат, оккупация

Для цитирования: Соболева С.С., Куделин А.А. Официальная и неофициальная позиция Великобритании в отношении оккупации Египта // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 248 – 258.

Поступила в редакцию: 26 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 29 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Britain's official and unofficial position on the occupation of Egypt

¹ Sobolkova S.S.,
^{1,2} Kudelin A.A.,

¹ Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba,
¹ State Academic University for the Humanities

Abstract: during the period of political unrest in Egypt, the British government decided to openly interfere in Egyptian politics. Among European states, these actions caused serious concern and a number of questions that the UK had to answer. To this end, British diplomats have developed a strategy according to which, in all official statements and the media, the United Kingdom acts as a consulting state to restore order in the political and economic spheres of Egyptian society. At the same time, the British parliament is developing "political reforms" aimed at creating a puppet government in Egypt and establishing a dependent state. This government policy became known as "Veiled Protectorate."

Keywords: Great Britain, Egypt, Ottoman Empire, France, veiled protectorate, occupation

For citation: Sobolkova S.S., Kudelin A.A. Britain's official and unofficial position on the occupation of Egypt. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 248 – 258.

The article was submitted: April 26, 2025; Approved after reviewing: June 29, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

В феврале 1882 года на должность военного министра Египта был назначен ватанист Ахмед Ораби-паши. Данную должность он занимал до сентября 1882 года, после чего был сослан в Цейлон и провел остаток своей жизни там [16, с.241]. В период пребывания Ораби-паши на должности военного министра произошло национально-освободительное восстание под его предводительством. Причинами данного восстания был ряд факторов, которые настроили египетское общество против действующей на тот момент власти: наличие иностранного (английского и французского) вмешательства в политическую и экономическую жизнь государства; серьезные экономические трудности в стране (рост безработицы, увеличение внешнего долга; прекращение деятельности отечественной промышленности). Всё это привело общество к восстанию, и стремлению сместить действующую власть и уничтожить иностранное присутствие в стране. Против иностранного присутствия в Египет выступала партия Хизб аль-Ватан (партия Отечества), в которую входили офицеры египетского происхождения, чьи права серьезно ущемлялись в армии, а также интеллигенция. Людей, которые входили в партию в народе называли ватанистами. В период восстания ватанистами выдвигался лозунг: «Египет для египтян» [29, с. 99].

Для английского и французского правительств встал серьезный вопрос о том, что делать с нарастающим и распространяющимся по всему государству оппозиционным движением. Для Великобритании и Франции Египет в конце XIX века становится важной геополитической территорией, на которой решался многовековой колониальный конфликт. Потеря Египта для обоих государств могла привести к стратегической потере Востока, как сферы влияния и рынка сбыта. Французское правительство, с началом восстания также, как и английское правительство расположило свои военные корабли близ Александрии, но уже в июне французский флот, как и все остальные государства (Россия, Германия, Османская империя) покинул порт Александрии. Оставались лишь корабли английского флота. Это было связано с тем, что в этот период времени английское правительство ещё не пришло к единому мнению, касательно «египетского вопроса». Таким образом, корабли

английского флота так и не ушли из александрийского порта.

Материалы и методы исследований

В статье методологическая база исследования опирается на принцип историзма. При написании данной статьи были использованы следующие общенаучные методы анализа исторических событий: сравнительно-исторический метод (позволяющий провести сопоставление политических взглядов представителей консервативных и либеральных партий английского парламента и правительства в отношении египетского вопроса); метод обобщения (позволяющий резюмировать действия Великобритании в отношении Египта); анализ (позволяет официальную и неофициальную позиции Великобритании в отношении оккупации Египта).

Результаты и обсуждения

В английском парламенте, в период развития «египетского кризиса» велась дискуссия об открытом вмешательстве Великобритании в египетскую политику. На этот счёт существовало несколько точек зрения. Основная часть обсуждений и дебатов проходила в период с мая по июль 1882 года, до момента вступления английской армии на территорию Египта. В 1882 году в парламенте звучали точки зрения либеральных и консервативных партий. К сожалению, английский парламент долгое время не мог разглядеть ситуацию целиком, так как правительство намеренно скрывало часть важной внешнеполитической информации. Правящей партией в английском правительстве в период с 1880 по 1885 годам являлась либеральная, соответственно, основная точка зрения по данному вопросу была направлена на отказ в применении военной силы в период египетского восстания. Хотя прийти к быстрому решению по данному вопросу было невозможно, так как взгляды правительства, в особенности премьер-министра Уильяма Гладстона постоянно менялись, в зависимости от настроения парламента, политической ситуации в Египте, которая напрямую зависела от состояния английских граждан на территориях Александрии, и действий французского правительства в «египетском вопросе».

Важной фигурой, в вопросе участия английского правительства в «египетском кризисе» играл министр иностранных дел граф Гранвиль, который выражал надежду на то, что восстание в Египте

можно решить мирным путем, без применения военной силы [4, с. 23]. Но официальные выступления министров не всегда сочетались с действиями правительства. На официальном уровне проводилась пропаганда политики мирного сосуществования между Великобританией и Египтом, но в то же время английские корабли находились у берегов Александрии, о чем сообщал заместитель министра иностранных дел Чарльз Дилк. При этом, официальная позиция правительства утверждала, что данные действия были реализованы только ради защиты жизни и собственности. «При этом не уточнялось, чьи конкретно жизнь и собственность должны были быть защищены – египтян или британских подданных, проживавших в Египте» [23, с. 169].

Парламент разделился на две стороны. Первая сторона, во главе которой стояла либеральная партия, высказывалась об отказе от военного вмешательства Великобритании в «египетский кризис». На этот счёт существовало несколько распространенных аргументов. Во-первых, несанкционированное вмешательство английских войск на территорию Египта европейское сообщество могло расценивать, как захват территорий Османской империи. Последствием данных действий для Великобритании могла стать и война с Портой и её потенциальными союзниками (Францией, как главным претендентом на территорию Египта; Российской империей, как врагом по Восточному вопросу; Германией, как государству, которому было необходимо заполучить колонии и союзников). Во-вторых, опасения английского парламента в отношении Суэцкого канала [19, с. 421], который, в случае неудачных действий английских войск на территории Египта, мог быть захвачен. Это могло привести к быстрому подходу французских войск к «жемчужине империи» – Индии.

С другой стороны, консервативная партия, поддерживала идею вооруженного вмешательства в «египетский кризис». Также, как и либералы, консерваторы обладали рядом аргументов, подтверждающих их позицию в данном вопросе. Во-первых, представители партии высказывали мнение о том, что при отсутствии действий со стороны вооруженных сил Великобритании в Египте, английские граждане не получают полноценной помощи со стороны государства, что могло пагубно повлиять на имидж действующей власти в государстве. Таким образом, могло появиться недоверие к власти, и спровоцировать волнения в стране. Во-вторых, консервативная партия высказывала позицию открытости во внешней политики. Граф У. Онслоу открыто призывал к «физическим демонстрациям» в Египте, которые должны показать

всей Европе силу Великобритании и ее особые интересы в регионе [6]. По факту, в данной ситуации Англия не могла осуществлять свои планы за счёт третьих лиц, необходимо было открыто показать свои претензии на Египет. В-третьих, английскому правительству необходимо было защитить Суэцкий канал, в первую очередь от французского присутствия. По мнению Александра Бейлт-Кокрейна, при «миролюбивом» поведении Великобритании в отношении Суэцкого канала, его потеря для английского правительства неизбежна, и может привести к потере Индии. Необходимо было защищать подходы к «жемчужине империи». «Нужно не просто действовать, а действовать активно и, что особенно важно, независимо от других стран, а также необходимо принять меры по защите Суэцкого канала» [7].

После долгих споров об участии английской флота в «египетском кризисе» английское правительство принимает решение которые начинаются 11 июля, а все военные действия завершаются в сентябре 1882 года. По мнению европейского общества и историков, данный период в истории Великобритании можно назвать англо-египетской войной, или же первым этапом оккупации Египта. В парламенте после начала боевых действий разразилась серьезная дискуссия. Анализируя высказывания обеих партий (консервативную и либеральную), можно прийти к выводу о том, что консервативная партия одобрила действия правительства в отношении египетского вопроса, но часто обвиняла власть в излишней медлительности и нерешительности действий [23, с. 171]. Особенно ярко это прослеживается, когда правительство официально высказывалось о том, что никакой войны с Египтом не ведётся, а нахождение английских войск на египетских территориях – это мера предосторожности, а не оккупация. В свою очередь либеральная часть парламента негативно высказывалось по поводу действий правительства в Египте. Эдвард Гурли, Питер Руланд, Роберт Рид в своих высказывания резко осуждали английское правительство за военное присутствие в Египте, и настаивали на отказе от данных мер. В данных действиях, либеральные представители видели угрозу для безопасности Великобритании на внешнеполитической арене и потере её авторитета в европейских кабинетах [7].

После начала военных действий английской армии в Александрии, европейские государства, косвенно или на прямую заинтересованные в египетском вопросе, ждали официального объяснения действий английского правительства. Великобритания пояснила свои действия, и назвала их «как-то законной самообороны» [8]. В официальном

обращении английское правительство высказывало недовольство властью в отношении «египетского кризиса», а также негативного влияния на английских граждан, которые проживали на тот момент в Александрии, и в Египте в целом. Великобритания считала своим долгом защитить своих граждан на территориях государства, где вспыхнул военный государственный переворот. 12 июля, когда английский десант высадился на территориях Египта, министерство иностранных дел Великобритании официально сообщило о том, что их государство не находится в состоянии войны с Египтом. Для английской армии поставлена задача защитить своих граждан от последствий восстания Ораби-паши.

Неофициальной причиной, по которой британская армия участвовала в подавлении восстания, а после оставалась на территориях Египта, стало стремление английского правительства удержать свое влияние в этом регионе, и установить официальный протекторат над данными территориями.

После успешного вторжения британской армии в Египет английское правительство разрабатывало способы урегулирования египетского вопроса. Первый был направлен на «быструю эвакуацию»: английская армия должна была покинуть территории Египта после того, как восстановит монархию, и передаст управление государством официальному союзеру – Османской империи. Изначально, план эвакуации английской армии начал разрабатываться после победы англичан при Тель-эль-Кебире: «Через несколько часов после битвы при Тель-эль-Кебире лорд Дафферин был информирован о том, что правительство Ее Величества размышляет о скором выводе английских отрядов из Египта» [2, с. 341]. Хотя, чем дольше британская армия находилась на территориях Египта, тем дольше английское правительство стремилось отдалить момент эвакуации. Таким образом, правительство под руководством Гладстона понимало, что быстрой эвакуации не будет, и приступило к реализации другой политики в отношении Египта.

Второй вариант был связан с тем, что Великобритания проведет на территориях Египта полноценную «политику реформ», где плавно изменит все сферы общественной жизни, для дальнейшего экономического и политического развития государства и снизит риск восстаний. Во главе британской администрации в Египте был назначен лорд Эвелин Кромер, который поддерживал «политику реформ», и отрицательно отзывался о плане эвакуации. Он считал, что план эвакуации не позволит Великобритании реализовать свои планы на египетских территориях. Без проведения реформ в Египте, английское правительство обречет себя на

повторение уже реализованных действий в Египте, а возможно, и потерю египетских территорий, так как на них претендовала Франция. «Принятие первой из них было полностью разрушительно для другой» [2, с. 333]. Английское правительство было согласно с данной мыслью. Это было связано с тем, что Англия, которая вела долгую дипломатическую борьбу за влияние на Египет и не хотела терять такой важный стратегический объект, который позволял расширить свою власть на Средиземном море, Индии и Индокитае. Соответственно, реформы, которые английское правительство хотело проводить, позволяли английской армии оставаться на территориях Египта на неопределенный срок. «Принятие политики реформ подразумевало продление британской оккупации на неопределенный срок и возрастание европейского вмешательства, без которого прогресс был просто невозможен» [2, с. 333].

Начало «политики реформ» в Египте вызвала неоднозначную реакцию европейских держав по отношению к Великобритании. Если до сентября 1882 года ни одно государство не решалось высказывать сомнения в действиях английской армии и правительства на территориях Египта, то после заявления о том, что английская армия остается на неопределенный срок, европейские кабинеты начали активно требовать от английского премьер-министра официальных объяснений причин таких действий.

В сложившейся ситуации с Египтом были обеспокоены следующие государства: Османская, Российская, Германская империи, а также Франция.

Территории Египта официально входили в состав Османской империи, но имели статус автономии, таким образом, султан стремился к тому, чтобы английские войска покинули территории Египта, а неофициальная оккупация территорий была снята. Франция была настроена то, чтобы остановить расширение английской колониальной системы и вернуть своё влияние в Египте. До восстания Ораби-паши в Египте в экономической сфере существовал двойственный контроль со стороны Великобритании и Франции. А также, был создан европейский кабинет министров, куда входили представители всё тех же стран. После подавления восстания английской армией, Франция была настроена на восстановление двойственного контроля и европейского кабинета министров, так как имела на это определенный ряд прав. К сожалению, для французского правительства Великобритания недвусмысленно намекнула на то, что будет проводить свою политику в Египте единолично. Это серьезно ударило по авторите-

ту французского правительства, и примело к тому, что министр иностранных дел Франции – Шарль Луи де Сольс де Фрейсине покинул занимаемую им должность. Затем Франции удалось частично восстановить свои финансовые позиции в Египте, так как французское правительство смогло по результатам переговоров добиться в 1884 году серьезных уступок от Великобритании.

Германия не была обеспокоена и заинтересована в Египте, но стремилась воспользоваться сложной ситуацией на международной арене. Таким образом, канцлер Отто фон Бисмарк искал подходящего повода для установления союзнических отношений с Великобританией, для реализации собственных внешнеполитических интересов (захват конкретных территорий с молчаливого одобрения Англии). Для реализации задуманного плана, Тройственный союз одобрил оккупацию Египта Великобританией. Это было необходимо для того, чтобы столкнуть Великобританию с Францией и Османской империей. Находясь в международной изоляции, английское правительство искало бы сильного союзника, которым оказалась Германская империя.

Для снижения напряженности на международной арене по египетскому вопросу британское правительство старалось гибко и умело избегать конкретности в официальных заявлениях перед европейскими государствами. В первую очередь, после завершения военных действий в Египте, британское правительство официально не провозгласило протекторат над египетскими территориями. Официально было объявлено, что целью Великобритании является исключительно «восстановление порядка», а английское правительство не намерено «управлять» Египтом [28, с. 208]. «Это выглядело весьма выгодной позицией, поскольку она позволяла осуществить проведение необходимых мероприятий, обеспечивающих соблюдение жизненно важных интересов Британии, в том числе и единоличного владения Суэцким каналом» [17, с. 153].

Первоначально, британский премьер-министр У. Гладстон заявлял о том, что в британском правительстве обсуждается план эвакуации английских войск с территорий Египта, который будет реализован в ближайшие сроки. В 80-е гг. XIX в. французское правительство еще надеялось, что Великобритания добровольно эвакуирует из Египта свои войска, т. е. выполнит обещания, сделанные ранее [26, с.80]. На деле же, ни о какой эвакуации речи уже и не было, так как английское правительство понимало, что вывод войск приведет к тому, что вновь разразится восстание, а египетскими территориями могут завладеть другие евро-

пейские государства. Соответственно, была разработана стратегия, позволяющая официально заявлять о том, что Великобритания будет помогать Египту восстанавливать все сферы общественной жизни после военных действий, затем передаст Османской империи все полномочия в отношении данных территорий. Это позволяло оставить британские войска на территориях Египта на неопределенный срок. А сама политика, которую проводило британское правительство стали называть «завуалированным протекторатом».

При этом европейские кабинеты прекрасно понимали, что восстановление египетских территорий – это всего лишь ширма, за которой скрывается идея изменения экономической и политической сфер жизни Египта, и оформление страны в качестве зависимого государства. Помимо этого, Османская империя осознавала, что Великобритания не вернет египетские территории, так как английское правительство было заинтересовано в разделении Порты и получении её провинций в качестве собственных территорий.

Для того, чтобы со стороны Великобритании прозвучали более конкретные официальные заявления в отношении Египта, на Берлинской конференции по разделу Конго в 1884 году был разработан международный законопроект, который обязывал государства провозглашать протекторат над территориями, которые были захвачены. Таким образом, Великобритания должна была официально объявить о своем протекторате над Египтом. Данные действия были невозможны для британского правительства, так как это могло привести к войне с Османской империей. Для снятия напряженности со стороны европейских кабинетов по «египетскому вопросу» английское правительство созывает конференцию по пересмотру экономического плана Египта. Британцы настаивали на том, чтобы все излишки доходов, которые отходили для выплат по кредитам переходили в египетский бюджет. Это запрещалось по закону 1880 года, который передавал все излишки доходов на погашение основной суммы долга, а не процентов [20, с. 114]. Данные действия позволили бы английскому правительству начать восстановления Египта за счет средств самого государства, а не на базе собственных средств. Сама конференция для английских дипломатов стала провальной, так как экономический план, который был разработан британским правительством, не был одобрен со стороны России и Франции. Германская империя придерживалась нейтралитета в данном вопросе и никак не поддержала Великобританию на конференции. В 1885 году был предложен новый экономический план. На этот раз были разработаны

пункты, которые удовлетворяли интересы европейских государств, а самое главное французского правительства. Согласно Лондонской конвенции: «подтверждался и закреплялся международный контроль над египетскими финансами, который по-прежнему должна была осуществлять Касса египетского долга. Текущий долг Египта не должен был превышать 1 млн. ф. ст. Весь доход, с вычетом уплаты долга и расходов на администрацию, делился поровну между Кассой и египетским правительством» [15, с. 261]. Для реализации контроля за египетским долгом были добавлены ещё два участника: Российская империя и Германия. Помимо разработки экономического плана, на конференции 1885 года английские дипломаты подняли вопрос о статусе Суэцкого канала, который волновал всё мировое политическое сообщество. Основная идея, которую пропагандировали французские дипломаты, была заключена в том, чтобы канал перешёл под международный контроль [25, с. 439].

Все эти действия были сделаны для того, чтобы отвести внимание от нахождения британских войск на территории Египта, а также на время избежать прямых официальных заявлений по египетскому вопросу. Английские дипломаты смогли добиться увеличения денежных масс в казну Египта, и возможности реализации британских реформ, за счёт самого Египта, продолжая утверждать, что все действия направлены на улучшения позиций Египта на международной арене. Для французского правительства это был триумф, который нужно было закрепить окончательным выводом британских войск из оккупированного Египта.

Соответственно, присутствие английской армии на территории Египта по-прежнему оставалось не решенным. Английское правительство продолжало публично оправдываться перед европейским сообществом, и обещать реализовать эвакуацию в ближайшее время. «Правительство Ее Величества отрицает всякое намерение аннексировать Египет или установить там свой протекторат. Уже несколько раз мы выдвигали идею, что Англия должна оккупировать Египет на временной основе, но это было бы нарушением традиционной британской политики и отказом от обязательств, взятых перед султаном, а также международным сообществом» [3, с. 48]. Европейские государства так и не признали нахождение Англии в Египте официально возможным.

Для решения данного вопроса, английское министерство иностранных дел смогло неофициально заручиться поддержкой немецкого канцлера, и разработать план изменения статуса Египта, чтобы

решить проблему признания Египта по законопроекту 1884 года.

Для реализации задуманного плана была отправлена секретная миссия под руководством Друммонд-Вольфа, который направился в Османскую империю для обсуждения с султаном египетского вопроса. Миссия была выполнена успешно, что привело к подписанию конвенции между Англией и Портой. Конвенция была подписана в мае 1887 года [14 Цит. по: 20, с. 125], и включала в себя всего 7 статей, 2 протокола и сопроводительное письмо. По данным конвенции Англия обязывалась вывести свои войска с территорий Египта (хотя, небольшая часть войск оставалась в Египте, для сохранения порядка в рядах египетской армии – стремление заранее предотвратить повторение восстания Ахмеда Ораби), при условии, что египетские территории будут находиться под международным контролем. Это был важный пункт для английского правительства, который позволял обойти ограничения, направленные против Англии на конференции 1884 года. Следующий вопрос, который решался по конвенции – это статус Суэцкого канала. Он освобождался от английского контроля, но в случае внутренней и внешней опасности мог быть вновь оккупирован английскими войсками [3, с. 48].

Таким образом, не желая действовать согласно нормам, установленным международным правом, импровизируя, Лондон проявлял гибкость, умение приспособиться к изменяющимся условиям, и в конечном счете обычно добивался успеха. Египетскому и мировому общественному мнению представлялись все новые и новые фикции, маскирующие, по сути дела, колониальный характер британского присутствия в долине Нила [30, с. 27]. Английское правительство продолжало официально заявлять о том, что нахождение войск на территориях Египта – это вынужденная и временная мера, которая нужна для того, чтобы восстановить власть в Египте. Если же говорить о неофициальной позиции английского правительства в египетском вопросе, то Великобритания была заинтересована в том, чтобы Египте вошел в состав имперской колониальной политики, а Суэцкий канал стал английским проходом в Индию.

Если говорить об официальных заявлениях английского правительства в отношении Египта, то доля правды в них присутствовала. Великобритания стремилась к восстановлению Египта, но делала это для того, чтобы сформировать колониальное правительство, для дальнейшего управления египетским населением и включением государства в свою колониальную систему. При этом оформление правительства подразумевало под со-

бой создание марионеточного египетского правительства, которым будет управлять английская колониальная администрация.

Для проведения в Египте реформ, и полноценного установления колониальной политики, английское правительство начинает формирование на египетских территориях британской колониальной администрации. Администрация была сформирована в 1883 году под руководством Эвелина Беринга, который в дальнейшем, станет лордом Э. Кромером. С появлением британской колониальной администрации, власть хедива была полностью ограничена. Во главе государства, до 1892 года правил хедив Тауфик, который поддерживал нахождение английских войск в государстве. Это позволяло ему удерживать власть, хоть и номинально. После его смерти династическое правление продолжит его сын Аббас II, который станет последним из представителей династии Мухаммеда Али, до установления над Египтом официального протектората. С 1914 года официально будет прекращено сюзеренство Османской империи над Египтом. Это позволит английскому правительству установить над египетскими территориями официальный протекторат.

До установления формального, а не «завуалированного» протектората в Египте при хедиве действовал совет, в составе шести министров. Его члены, как и сам хедив, имели одинаковый статус и были совершенно бесправны. Власть была сосредоточена в руках британского правителя, дипломатического представителя – агента и генерального консула [27, с. 144]. Сам же хедив не выполнял никаких значимых действий в государстве. Любое его непослушание, попытки возвращения государственной власти, либо попытки вести самостоятельную политику, расценивалось как предательство. Английское правительство могло сразу же поднять вопрос перед султаном Османской империи о замене хедива [13 Цит. по: 27, с. 145].

Помимо ограничения власти хедива, и передачи всех его полномочий в руки генерального консула, начались изменения в органах государственной власти. Органы центральной власти комплектовались из египетских и европейских чиновников. Хотя статус британских чиновников был таким же неопределенным, как и статус английских войск на территориях Египта, они всё же в отличии от армии, официально подчинялись хедиву, хотя по факту, выполняли указания генерального консула [18, с. 37]. Британские чиновники занимали почти все руководящие должности в стране. Небольшая часть египтян-чиновники, которые ещё удерживались у власти были вынуждены подчиняться английским коллегам. Египетских чиновников

оставляли на местах, для того, чтобы они выполняли роль политической ширмы.

С местной властью возникали определенные трудности. Если изначально английская администрация игнорировала деятельность местной власти, и негативно отзывалась о египетском управлении, то в дальнейшем, стало понятно, что без местной бюрократии режим оккупации не сможет полноценно функционировать. В основном, в местные органы власти набирались египтяне, обладающие высоким имущественным статусом и имеющие дипломы о высшем образовании. Большим доверием пользовались купцы, которые работали с иностранными компаниями или же находились у них в подчинении. Чаще всего египтян-чиновников в местную власть набирали по тому же принципу, что и центральную. Но по составу органов власти присутствовали значительные различия. В центральной власти основную часть составляли англичане-чиновники, при минимальном количестве египтян, когда в местной власти преобладали египтяне, которые лишь контролировались английскими коллегами.

Политика реорганизации органов государственной власти, армии и полиции, привели к увеличению числа англичан у власти в Египте. В работе Бажан Н.С. [21, с. 79] проведен анализ, в котором сравниваются численные показатели британских и египетских чиновников на местах. За основу своего анализа Бажан Н.С. берет период с 1896 по 1906 годы, в котором количество английских чиновников, выросло на 81%, что серьезно сказывалось на египетском населении, и политическом положении самого Египта. Положительная динамика, которая давала политика реформ, представляла возможность английской администрации добиваться основной цели, которую она преследовала. Преобразование Египта в зависимое государство становится уже неизбежным. Английской администрации удалось реализовать систему контроля, позволяющую управлять Египтом и в отношении внешней, и в отношении внутренней политики [18, с. 18].

Вместе с тем, британские власти, следуя правилу не придавать широкой огласке свое влияние на управление Египтом, всячески пытались создать впечатление о его незначительности. Английские дипломаты всегда уверяли представителей европейских кабинетов, что нахождение английских войск на территории Египта это крайняя необходимость. Сами войска покинут Египет, как только египетское общество будет готово к этому. Соответственно, такими высказываниями дипломаты всеми способами старались отсрочить момент об-

суждения эвакуации войск из Египта на официальном уровне.

На официальных встречах, когда европейские дипломаты стремились уточнить роль английской администрации на египетских территориях, для них всегда был подготовлен ответ. В нем говорилось о том, что участие английской администрации и английских чиновников в египетском правительстве сводится лишь к консультационной помощи. Данная идея распространялась с помощью пропаганды, и среди египетского и английского населения [9, с. 15].

Политикой распространения нужной для английского правительства информации о его деятельности в Египте занимались пресса. В Египте Э.Кроммер начал поиск сторонников британской политики из представителей местного населения, для того, чтобы они занимали управляющие должности в прессе и пропагандировали свои идеи населению, для формирования общественного мнения в стране. В основном сторонников искали из представителей интеллигенции, из числа христиан левантийского происхождения, которые в дальнейшем образуют «партию Э. Кроммера». Представители партии «активно выступали за полную европеизацию египетского общества и безусловное присутствие в стране английских колонизаторов» [24, с. 121]. При этом, в газетных статьях красной линией должна была проходить мысль о том, что английская администрация не управляет государством [10], а выступает в качестве помощника-консультанта, при организации государственного устройства [12].

Сторонников «партии Кроммера» за успехи в пропагандистской деятельности могли беспрепятственно направлять на государственную службу, что вызывала серьезное возмущение со стороны египетского населения, чьи права с каждым годом ущемлялись, в отношении получения государственной службы.

«Подъем имперской пропаганды и увеличение внимания общественности к колониям в последние десятилетия XIX в. вылились в острую полемику по вопросам экспансии Великобритании на страницах печатных изданий. Пресса играла особую роль в развитии имперской пропаганды, вопросы колониальной экспансии часто становились предметом обсуждения в ведущих газетах и журналах» [22, с. 8-9]. Для английских средств массовой информации военные действия Великобритании в Египте становятся грандиозным событием для того, чтобы начать выпускать большое количество публицистической литературы: статьи,

книги, монографии и многое другое. В основном, в издаваемых рукописях авторы придерживались официальной позиции своего правительства, и утверждали, что действия английских войск необходимы для того, чтобы прекратить восстания в Египте, и восстановить мирное положение на данных территориях. Кто-то утверждал, что самой оккупации не было, а нахождение английских войск на территориях Египта – это вина исключительно правящего хедива, который довел население своей страны до такого тяжелого состояния. Некоторые публицисты утверждали, что оккупация Египта присутствовала, но имела временный характер, чтобы английское правительство смогло «навести порядок в государстве» [5, с. 15]. Официальные английские издания первой половины XX не публиковали противоположную точку зрения, и до населения доходила только та информация, которую государство хотело продемонстрировать [11].

В дальнейшем периодические британские издания сводят на нет информацию о «египетском вопросе», но в научных изданиях начинают появляться работы, в которых пересматривается проблема временной оккупации Египта Великобританией. Основная мысль, которую авторы хотели донести до общественности – это то, что на самом деле Великобритания была целиком и полностью заинтересована в египетских территориях, как буферной зоны для Индии, усиления влияния на Средиземном и Красном морях, а также оформление полного контроля над Суэцким каналом. Но данные исследования, уже не играли такой важной роли, так как Египет в это время находился под официальным протекторатом Великобритании.

Выводы

Таким образом, английское правительство смогло реализовать свои задачи во внешней политике: установить свое влияние в Египте и на Суэцком канале. Официальная позиция правительства серьезно отличалась от неофициальных действий на египетских территориях. Для международного сообщества Великобритании выступала, как государство, стремящееся помочь Египту восстановить экономику и финансы, а также предотвратить политические потрясения и свержение правящей в Египте династии Мухаммеда Али. На деле же, в Египте были проведены политические реформы, необходимые для установления в нем английской колониальной администрации, что позволило Великобритании, в дальнейшем, присоединить египетские территории к имперской колониальной системе.

Финансирование

Статья подготовлена в Государственном академическом университете гуманитарных наук в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема №FZNF2023-0003 «Традиции и ценности общества: механизмы формирования и трансформации в контексте глобальной истории»)

Список источников

1. Alfred Milner, *England in Egypt*. 1894. 32 p.
2. Cromer E.B.: *The Situation in Egypt*. London, 1908. 594 p.
3. Documents diplomatiques concernant l’Egypte de Mehemet – Ali jusqu’en 1920. Paris, 1920. 259 p.
4. Harrison F. *The crisis in Egypt: A letter to Mr. Gladstone*. L., 1882.
5. Milner A. *England in Egypt*, 1892, 517 p.
6. Parliamentary Debates, House of Commons Debate. Vol. 270. Col. 1127-731127. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jun/14> (дата обращения: 10.04.2025)
7. Parliamentary Debates, House of Lords Debate. Vol. 270. Col. 1550-41550. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jun/19> (дата обращения: 10.04.2025)
8. Parliamentary Debates, House of Lords Debate. Vol. 271. Col. 1881. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jul/10> (дата обращения 06.04.2025)
9. Report on the finances, administration and condition of Egypt and the progress of reforms. London, 1893. 36 p.
10. The Daily Press, 27 April 1885. URL: <https://archive.org/details/NPDP18850427/page/n1/mode/2up> (дата обращения: 16.04.2025)
11. The London Illustrated News, 15 June 1901. URL: https://archive.org/details/sim_illustrated-london-news_1901-06_15_118_3243/page/n1/mode/2up (дата обращения: 15.04.2025)
12. The London Illustrated News, 20 November 1886. URL: https://archive.org/details/sim_illustrated-london-news_1886-11-20_89_2483 (дата обращения 15.04.2025)
13. АВПРИ, Политархив, ф. №151, оп. 482, д. 820, л. 238.
14. АВПРИ. Канцелярия МИД, ф. 133, оп. 470, д. 66. л. 136.
15. Сборник договоров России с другими государствами. 1856-1917 / Под ред. Е.А. Адамова, сост. И.В. Козьменко. М.: Государственное издательство политической литературы, 1952. 470 с.
16. Cole J.R.I. *Engaging the Muslim World*, London, 2009, 288 p.
17. Knaplund P. *Gladstone’s Foreign Policy*. L.: Frank Cass & Co. Ltd, 1970. 292 p.
18. Lloyd G. *Egypt since Cromer*. Vol. I-II. London, 1970, Vol. I. 440 p.
19. Munro W.B. *The Neutralization of the Suez Canal* // *Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1901. Vol. 17. P. 409 – 430.
20. Айвазян А.А. Египетский вопрос в международных отношениях в конце XIX – начале XX вв.: специальность 07.00.03 "Всеобщая история (соответствующего периода)": дис. ... канд. историч. наук. Москва, 2014. 306 с.
21. Бажан Н.С. Движущие силы колониальной политики Великобритании в Египте: дис.... канд. ист. наук. М., 2010. 159 с.
22. Бородавкина Н.В. Эдвард Дэйси и Уильям Гладстон о перспективах оккупации Египта // *Imagines Mundi: Альманах исследований всеобщей истории XVI-XX вв.* 2013. Т. 8. № 4. С. 8 – 19.
23. Волкова А.Б. Оккупация Египта: за и против (по материалам дебатов британского парламента в 1882 году) // *Honoris causa: сборник научных статей, посвященный 70-летию профессора Виктора Владимировича Сергеева*. Санкт-Петербург: Общество с ограниченной ответственностью "Нестор-История", 2016. С. 168 – 172.
24. Кошелев. В.С. Египет: От Араби-паши до СаадаЗаглула 1879-1924. М., 1992. 287 с.
25. Мартенс Ф.Ф. *Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами*. Т. XII, СПб 1898. С. 439 – 442.
26. Морозов Е.В. Колониальный фактор в формировании англо-французской Антанты: конец XIX – начало XX вв.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 289 с.
27. Москалец О.В. Эволюция системы просвещения и образования в Египте в контексте социально-политических преобразований (XIX – 20-е годы XX в.): дис.... канд. ист. наук. М., 2021. 307 с.
28. Нерсесов Г.А. Дипломатическая история египетского кризиса, 1881-1882. М., 1979. 320 с.

29. Френкель М.Ю. Идеино-политические формы борьбы против колониализма в Африке в XIX – начале XX в. // Африка: проблемы истории. М., 1986. 113 с.

30. Хизриев Али Хизриевич Проблемы определения статуса британских войск в Египте после оккупации 1882 года // Вестник ВолГУ. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. №1. С 25 – 33.

References

1. Alfred Milner, England in Egypt. 1894. 32 p.
2. Cromer E.B.: The Situation in Egypt. London, 1908. 594 p.
3. Documents diplomatiques concernant l’Egypte de Mehemet – Ali jusqu’en 1920. Paris, 1920. 259 p.
4. Harrison F. The crisis in Egypt: A letter to Mr. Gladstone. L., 1882.
5. Milner A. England in Egypt, 1892, 517 p.
6. Parliamentary Debates, House of Commons Debate. Vol. 270. Col. 1127-731127. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jun/14> (accessed: 10.04.2025)
7. Parliamentary Debates, House of Lords Debate. Vol. 270. Col. 1550-41550. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jun/19> (accessed 30.04.2025)
8. Parliamentary Debates, House of Lords Debate. Vol. 271. Col. 1881. URL: <http://hansard.millbanksystems.com/sittings/1882/jul/10> (accessed 06.06.2025)
9. Report on the finances, administration and condition of Egypt and the progress of reforms. London, 1893. 36 p.
10. The Daily Press, 27 April 1885. URL: <https://archive.org/details/NPDP18850427/page/n1/mode/2up> (date of access 16.06.2025)
11. The London Illustrated News, 15 June 1901. URL: https://archive.org/details/sim_illustrated-london-news_1901-06_15_118_3243/page/n1/mode/2up (date of access: 15.04.2025)
12. The London Illustrated News, 20 November 1886. URL: https://archive.org/details/sim_illustrated-london-news_1886-11-20_89_2483 (date of access 15.06.2025)
13. AVPRI, Politarkhiv, f. No. 151, op. 482, d. 820, l. 238.
14. AVPRI. Chancellery of the Ministry of Foreign Affairs, f. 133, op. 470, d. 66. l. 136.
15. Collection of treaties of Russia with other states. 1856-1917. Ed. E.A. Adamov, compiled by I.V. Kozmenko. Moscow: State Publishing House of Political Literature, 1952. 470 p.
16. Cole J.R.I. Engaging the Muslim World, London, 2009, 288 p.
17. Knaplund P. Gladstone’s Foreign Policy. L.: Frank Cass & Co. Ltd, 1970. 292 p.
18. Lloyd G. Egypt since Cromer. Vol. I-II. London, 1970, Vol. I. 440 p.
19. Munro W.B. The Neutralization of the Suez Canal. Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1901. Vol. 17. P. 409 – 430.
20. Ayvazyan A.A. The Egyptian question in international relations in the late 19th – early 20th centuries: specialty 07.00.03 "General history (of the corresponding period)": diss. ... candidate of historical sciences. Moscow, 2014. 306 p.
21. Bazhan N.S. Driving forces of British colonial policy in Egypt: diss. ... candidate of historical sciences. Moscow, 2010. 159 p.
22. Borodavkina N.V. Edward Dicey and William Gladstone on the Prospects of the Occupation of Egypt. Images Mundi: Almanac of Studies in General History of the 16th-20th Centuries. 2013. Vol. 8. No. 4. P. 8 – 19.
23. Volkova A.B. The Occupation of Egypt: Pros and Cons (Based on the Debates of the British Parliament in 1882). Honoris causa: A Collection of Scientific Articles Dedicated to the 70th Anniversary of Professor Viktor Vladimirovich Sergeev. St. Petersburg: Nestor-History Limited Liability Company, 2016. P. 168 – 172.
24. Koshelev. B.S. Egypt: From Arabi Pasha to Saad-Zaghlul 1879-1924. Moscow, 1992. 287 p.
25. Martens F.F. Collection of treaties and conventions concluded by Russia with foreign powers. Vol. XII, St. Petersburg 1898. P. 439 – 442.
26. Morozov E.V. The colonial factor in the formation of the Anglo-French Entente: late 19th – early 20th centuries: diss. ... Cand. of History. St. Petersburg, 2008. 289 p.
27. Moskalets O.V. Evolution of the education and training system in Egypt in the context of socio-political transformations (19th – 20s of the 20th century): diss. ... Cand. of History. Moscow, 2021. 307 p.
28. Nersesov G.A. Diplomatic history of the Egyptian crisis, 1881-1882. Moscow, 1979. 320 p.

29. Frenkel M.Yu. Ideological and political forms of struggle against colonialism in Africa in the XIX – early XX centuries. Africa: problems of history. Moscow, 1986. 113 p.

30. Khizriev Ali Khizrievich Problems of determining the status of British troops in Egypt after the occupation of 1882. Bulletin of VolSU. Series 4, History. Regional studies. International relations. 2016. No. 1. P. 25 – 33.

Информация об авторах

Соболькова С.С., аспирант, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

Куделин А.А., кандидат исторических наук, доцент, Государственный академический университет гуманитарных наук; заведующий кафедрой всеобщей истории, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы

© Соболькова С.С., Куделин А.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 623.681.7

Отечественная снайперская оптика. Исторический анализ

¹ Костылева В.Р.,

¹ Хаяров Д.Г.,

¹ Гащенко В.А.,

¹ Сотникова Е.В.,

¹ Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Аннотация: в данной работе представлен детальный анализ развития и производства оптических винтовочных прицелов в СССР и Германии в период с начала 1920-х годов и до конца Второй мировой войны. Рассматриваются этапы становления советской оптической промышленности, таких как ПТ-1, ПЕ-1, ПО-1 и ПУ. Особое внимание уделено сравнению характеристик советских и немецких прицелов, включая кратность увеличения, поле зрения, вес и наличие просветляющих покрытий. Рассматриваются причины различий в подходах к производству и качеству оптики в СССР и Германии в условиях военного времени. Подчеркивается влияние технологических и экономических факторов на качество и массовость производства оптических прицелов в обеих странах.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, прицелы, ночное видение, воздушная разведка, оптическое приборостроение

Для цитирования: Костылева В.Р., Хаяров Д.Г., Гащенко В.А., Сотникова Е.В. Отечественная снайперская оптика. Исторический анализ // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 259 – 264.

Поступила в редакцию: 27 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 30 июня, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Russian sniper optics. Historical analysis

¹ Kostyleva V.R.,

¹ Khayarov D.G.,

¹ Gashenko V.A.,

¹ Sotnikova E.V.,

¹ Siberian State University of Geosystems and Technologies

Abstract: this paper presents a detailed analysis of the development and production of optical rifle sights in the USSR and Germany in the period from the early 1920s to the end of World War II. The stages of the formation of the Soviet optical industry, such as PT-1, PE-1, PO-1 and PU, are considered. Special attention is paid to comparing the characteristics of Soviet and German sights, including magnification, field of view, weight, and the presence of anti-glare coatings. The reasons for the differences in approaches to the production and quality of optics in the USSR and Germany in wartime conditions are considered. The influence of technological and economic factors on the quality and mass production of optical sights in both countries is emphasized.

Keywords: The Great Patriotic War, scopes, night vision, aerial reconnaissance, optical instrumentation

For citation: Kostyleva V.R., Khayarov D.G., Gashenko V.A., Sotnikova E.V. Russian sniper optics. Historical analysis. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 259 – 264.

The article was submitted: April 27, 2025; Approved after reviewing: June 30, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Применение оптических приборов в военной сфере берет свое начало с момента создания зрительной трубы. С течением времени и развитием военных технологий, значение оптических устройств для эффективного использования военной техники неуклонно возрастало. Подтверждением этому стала русско-японская война, а окончательным доказательством, является Первая мировая война 1914-1918 годов, когда оптические приборы стали неотъемлемой частью нового вооружения [2, с. 226].

В современном военном деле оптика и оптические приборы занимают ключевое место среди разнообразных средств ведения боевых действий.

Оптические устройства являются важными инструментами для артиллерийских расчетов и наведения танков на цель, в то время как перископы обеспечивают аналогичную функцию наблюдения для подводных лодок, позволяя им оставаться скрытыми. Самолеты оборудованы прицельными комплексами, повышающими точность поражения целей. Фотографическое оборудование применяется для ведения воздушной разведки и фиксации результатов бомбардировочных ударов.

Эффективность снайперской винтовки значительно повышается благодаря применению оптического прицела, позволяющего стрелку более точно распознать цели на больших расстояниях. Системы управления огнем морской, береговой и зенитной артиллерии работают на основе оптических визиров, прицелов и высокоточных стереоскопических дальномеров, обеспечивающих высокую точность наведения орудий. Оптические технологии также широко применяются в Красной Армии и Военно-Морском флоте для различных вспомогательных задач [12, с. 44].

Материалы и методы исследований

Научные инструментарии работы опирается на методологическом принципе историко-сравнительного изучения проблем развития военной оптики в СССР в 1930-1940 гг. в контексте мировых оборонных технологий и политических реалий эпохи. Изучение данной тематики предполагает сложный междисциплинарный подход в использовании традиционных исторических методов исследований в комплексе со специализированными знаниями в области военной оптики.

Результаты и обсуждения

К началу 1920-х годов в Красной Армии отсутствовали оптические винтовочные прицелы. В царской России их производство не было налажено. Непосредственно перед Первой мировой войной за границей и в оптическом отделе Обуховского завода было заказано по 50 прицелов, однако их дальнейшая судьба остаётся неизвестной. Некоторые наши стрелки, как и во время Русско-японской войны, использовали на фронте охотничьи прицелы зарубежных производителей [3].

Ограниченные возможности оптической промышленности Российской империи не позволяли обеспечить фронт даже такими освоенными в производстве приборами, как бинокли, артиллерийские панорамы и дальномеры.

После окончания Гражданской войны в России оптико-механическое производство в небольших объемах осуществлялось на трех заводах. Подольский оптический завод, расположенный под Москвой, и оптический отдел Обуховского завода были частью военной промышленности. Государственный оптический завод, ранее известный как завод Российского общества оптического и механического производства, основанный в начале 1914 года французской компанией «Шнейдер-Крезо» в Петербурге, также производил приборы для армии. В Петрограде находился единственный, но не функционирующий завод оптического стекла, созданный в 1915 году при фарфоровом заводе, а также государственный оптический институт (ГОИ), открытый в 1918 году [3, 4].

Ведущая роль в применении оптических винтовочных прицелов принадлежала Германии, промышленность которой смогла во время Первой мировой войны наладить их массовое производство. В ее разгар на оптико-механических заводах Германии работало 36 тыс. человек (в России – менее двух), а месячный выпуск прицелов доходил до 9 тыс. штук.

Первые четыре различных образца винтовочных прицелов были приобретены у немецких производителей. Эти прицелы носят названия: «Цильфир», «Цертар», «Скопаретте», и «Аяк». Они были произведены различными оптическими компаниями: «Карл Цейс», «Карл-Пауль Герц», «Фогтлендер», и «Якенроль». В феврале 1925 г. эти прицелы были отправлены в СССР дипломатической почтой. Через месяц после этого, 4-го

марта, комиссия по артиллерии и вооружению взяла под свой контроль оружейный полигон для установки креплений для прицелов. Артком поручил Полигону также проверить эффективность прицелов в стрелковой секции Высшего совета физкультуры (организация, ответственная за физическую культуру). После проверки прицелов было решено заказать еще 500 экземпляров у иностранных производителей.

В 1927 году, после тщательного анализа представленных образцов, было принято решение о закупке пятисот 4-кратных прицелов «Цильфир» производства «Цейс» для войсковых испытаний. В ноябре того же года Артиллерийский комитет одобрил установку данного прицела на снайперские винтовки.

В производстве на 1927 год значилось изготовление первой партии оптических прицелов, спроектированных советскими инженерами. Конструкторское бюро при Подольском оптическом заводе было организовано в 1925 году с целью создания оригинальной модели оптического прицела, но по ряду причин лишь к исходу 1927 года удалось частично произвести отдельные детали прицелов и крепежных элементов.

В качестве прицельным приспособлений для этих винтовок использовались первые советские прицелы: ПТ-1 (прицельная трубка 1, выпускающаяся с 1930 г.), ПЕ-1 (прицел единый – пришёл на смену ПТ из-за сложности его конструкции в 1931 г.) и ПО-1 (прицел оптический, разработанный на базе ПЕ в 1939 г.)

В 1930 годы в Советском Союзе было принято стратегическое решение о перевооружении Красной Армии, направленное на увеличение её боевой эффективности. Основной целью стало замещение штатной винтовки образца 1891/1930 годов более современной самозарядной или автоматической системой. В результате оперативной разработки и внедрения на вооружение РККА поступили автоматическая винтовка Симонова (АВС-36), самозарядная винтовка Токарева образца 1938 года (СВТ-38) и самозарядная винтовка Токарева образца 1940 года (СВТ-40). Определённое количество данных образцов планировалось к использованию в качестве снайперского оружия. Тем не менее, конструкция самозарядных винтовок предусматривала иной механизм выброса отработанных гильз, отличный от такового у винтовки Мосина [9].

В 1930-х годах был создан прицел ВП (винтовочный прицел), отличавшийся более простой конструкцией и меньшей стоимостью. Он предназначался для установки на обычные винтовки Мосина и использовался для повышения точности

стрельбы. Однако ВП не получил широкого распространения из-за недостаточной надёжности и невысоких оптических характеристик.

С весны 1942 года, возобновился выпуск снайперских винтовок образца 1891/30 гг., оснащённых прицелами «ПЕ». Тем не менее, возобновление изготовления самих прицелов сочли нецелесообразным, поскольку на складах народных комиссариатов обороны и вооружения имелось в наличии около пятидесяти тысяч прицелов «ПЕ».

Производство кронштейнов для этих прицелов было налажено в Ижевске. К ноябрю того же года запас прицелов «ПЕ» был полностью израсходован. Однако к этому моменту было налажено массовое производство новых прицелов «ПУ», предназначенных для самозарядных винтовок, а также завершена разработка и адаптация кронштейна для установки данного прицела на винтовку образца 1891/30 гг.

В осаждённом Ленинграде, в 1942 году, несмотря на тяжелые условия, удалось возобновить выпуск прицелов «ПЕ» в ограниченном количестве. Производство осуществлялось с использованием сохранившихся запасов комплектующих, оставленных при эвакуации завода, а также частично уцелевшего оборудования. Важно отметить, что захваченные прицелы «ПЕ» пользовались значительным спросом у немецких и финских солдат. «ПЕ» применялись как с трофейными советскими снайперскими винтовками, так и адаптировались к вооружению противника. В Финляндии их нередко устанавливали на винтовки Мосина финского производства, известные как «Лайка», а в Германии – на карабины «Маузер» 98k [10].

Первоначальное задание на разработку нового прицела, впоследствии получившего обозначение «ПУ» (прицел укороченный), было возложено на один из заводов, подчинявшихся Наркомату вооружений. Однако в 1940 году харьковский завод, находившийся в ведении Наркомата внутренних дел, представил собственную инициативную разработку, разработав конкуренцию.

Новый прицел довольно быстро прошёл комплекс испытаний. 18 июля 1940 г. вышло постановление Комитета обороны «О принятии на вооружение оптического прицела укороченного типа конструкции и изготовления Харьковского комбината. Дзержинского для самозарядной винтовки Токарева». Прицел получил наименование «Оптический винтовочный прицел образца 1940 г.». Для крепления прицела «ПУ» на самозарядные винтовки был разработан специальный кронштейн. Фиксация кронштейна оптического прицела на винтовки СВТ-38 и СВТ-40 с 1939 года осуществ-

лялась в специальные пазы на тыльной стороне их ствольных коробок.

В июле 1940 года, помимо харьковского предприятия, к освоению серийного выпуска прицелов модели «ПУ» приступил ленинградский завод. В ходе развертывания производства выявились определенные конструктивные недочеты, что повлекло за собой внесение корректировок как в рабочую документацию, так и в саму конструкцию изделия. Первая партия прицелов была представлена в ноябре 1940 года, а к концу указанного года ленинградским заводом было произведено около пятнадцати тысяч единиц.

Основной винтовкой немецкой армии в начале Второй мировой войны стала Маузер 98k. Она отличалась укороченным стволом, что делало её более удобной в военных действиях.

В 1943 году на вооружение был принят StG 44 (Sturmgewehr 44), ставший одним из первых образцов автоматического оружия, сочетавшего в себе характеристики винтовки и пулемета. StG 44 использовал патрон 7,92×33 мм Kurz, обеспечивавший эффективную стрельбу на средних дистанциях. Эта винтовка оказала значительное влияние на развитие стрелкового оружия во всем мире [11].

Самозарядные винтовки, такие как Gewehr 41 и Gewehr 43, предназначались для повышения огневой мощи пехотных подразделений. 2Б-42 (автоматические винтовки), разрабатывались специально для немецких парашютистов. Сочетали в себе элементы винтовки и пулемёта [5, 13].

ПУ имел кратность увеличения 3,5 и поле зрения 4,3 градусов, в то время как увеличение 2Б-41 достигала 1,5, а поле зрения составляло 2,7 градусов. Вес ПУ доходил до 270 грамм, при этом масса прицела 2Б-41 превосходила на 450 грамм. Оптический прицел ПЕ обеспечивал 3,9 увеличение с углом обзора в 5,5 градуса, в отличие от 2Б-42, кратность которого была 4, а поле зрения равнялось 3 градуса. Масса ПЕ составляла около 280 грамм, в то время как вес 2Б-42 был на 852 грамм больше. Советские прицелы отличались расширенным полем зрения, что способствовало более эффективному обнаружению и отслеживанию целей. Увеличение советских прицелов было оптимальным для идентификации объектов, в то время как кратность увеличения немецкого прицела 2Б-41 была недостаточной для ведения огня на дальних дистанциях [1, с. 126].

Модель 2Б-42, разработанная к концу войны, получила четырехкратное увеличение, что улучшило возможности прицеливания. Кроме того, вес прицела имел значение. Советские прицелы были в два раза легче, что существенно облегчало жизнь

снайперу. Сравнивая советскую и немецкую снайперскую оптику, можно отметить следующие ключевые различия: одним из факторов, влияющих на качество изображения в оптическом прицеле, является просветление оптики. Просветляющие покрытия уменьшают отражение света от поверхности линз, тем самым увеличивая светопропускание и контрастность изображения. Немецкие компании активно применяли просветляющие покрытия на линзах прицелов, что значительно улучшало их характеристики [6, 7].

Советские снайперские прицелы в начале войны не имели просветляющего покрытия. Однако с 1942-1943 годов началось внедрение однослойного просветления (на основе фторида магния) на некоторых прицелах, что повышало светопропускание на ~5-10%.

В предвоенные и военные годы приоритет отдавался увеличению объемов производства в ущерб качеству отдельных компонентов. Технологии нанесения качественных просветляющих покрытий были сложными и требовали точного оборудования, которого в достаточном количестве не имелось [1, 8].

В СССР велись разработки в области улучшения оптических свойств стекла и создания новых просветляющих покрытий ГОИ под руководством академика С.И. Вавилова.

Например, разработка просветляющих покрытий для стекол, включая специальные «чёрные» покрытия, обеспечивающие возможность наблюдения в условиях низкой освещенности. Совершенствование технологий световой маскировки и приборов подсветки для шкал военной техники, а также люминесцентных составов для нанесения маркировок и указателей, облегчающих навигацию в темноте. Развитие методологий и аппаратуры для оценки прямолинейности плоских и цилиндрических поверхностей с длиной до 5 метров и внутренних габаритов, превышающих 75 мм, что актуально, для производства стволов артиллерийских орудий.

Выводы

Таким образом, становление советских и немецких винтовочных прицелов в период с начала 1920-х годов и до конца Второй мировой войны отражает различия в технологических подходах, промышленных возможностях. В то время как Германия делала акцент на качество и применение передовых технологий, таких как просветляющая оптика, Советский Союз, столкнувшись с необходимостью быстрого наращивания производства, сосредотачивался на упрощении конструкции и увеличении объемов выпуска.

Советская оптика внесла существенный вклад в победу. Постоянное совершенствование технологий, разработка новых конструкций позволили советским прицелам занять достойное место в арсенале Красной Армии. Опыт, полученный в

годы войны, стал основой для дальнейшего развития оптической промышленности СССР, обеспечивая страну эффективными оптическими приборами.

Список источников

1. Андронников К.С., Балаков В.В., Бураго А.Н., Вентман Л.А., Вишневский А.А., Волосов Д.С., Тассовский проф. Л.Н., Гершун проф. А.А., и др. Оптика в военном деле. Том первый. М.: Издательство академии наук СССР, 1945. 483 с.
2. Бах И.В., Вернидуб И.И., Демкина Л.И., Кошкин Л.Н., Непобедимый С.П., Новиков В.Н., Нудельман А.Э., Олевский М.З., Сабельников В.М., Тюрин В.А., Царевский Е.Н., Шевалдин П.В. Оружие победы. М: Машиностроение, 1985. 305 с.
3. Давыдов Б., Савенко С. Советские оптические прицелы 1920-1940-х гг. // Журнал «Мир оружия», 2005.
4. Жук А.Б. «Стрелковое оружие. Революеры, пистолеты, винтовки, пистолеты-пулеметы, автоматы». Москва, 1992. 496 с.
5. Кирьянов В.П. Сравнительные характеристики оптических прицелов Красной армии и Вермахта времен Второй мировой войны // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 127 – 131.
6. Макнаб, Крис. Большая книга об оружии. Сан-Диего, Калифорния: Пресса Тандер-Бей, 2004. 448 с.
7. Панов В.А., Кругер М.Я., Кулагин В.В. и др. Справочник конструктора оптико-механических приборов. 3-е изд., перераб. и доп. Л.: Машиностроение, Ленингр. отделение, 1980. 742 с.
8. Попенкер М.Р., Милчев М.Н. Вторая мировая: Война оружейников. М.: Яуза; Эксмо, 2008. 766 с.
9. Потапов А.А. Искусство снайпера. М.: Гранд-Фаир (серия «Спецназ»), 2009. 544 с.
10. Роберт У.Д. Болл «Военные винтовки мира Маузера» (пятое издание), Gun Digest Books, 2011. 400 с.
11. Уолтер Джон Оружие Третьего рейха. Greenhill Books (совместно с Lionel Leventhal), 2004. 256 с.
12. Устинов Д.В. Избранные речи и статьи. М.: Политиздат, 1979. 519 с.
13. Федотов В.Н., Соляник А.А., Писарьков А.А., Федотов В.А. Снайперские оптические прицелы Великой Отечественной войны // Гуманитарный научный вестник. 2020. № 8. С. 8 – 17.

References

1. Andronnikov K.S., Balakov V.V., Burago A.N., Ventman L.A., Vishnevsky A.A., Volosov D.S., Tassovsky prof. L.N., Gershun prof. A.A., et al. Optics in military affairs. Volume one. M.: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1945. 483 p.
2. Bakh I.V., Vernidub I.I., Demkina L.I., Koshkin L.N., Nepobedimy S.P., Novikov V.N., Nudelman A.E., Olevsky M.Z., Sabelnikov V.M., Tyurin V.A., Tsarevsky E.N., Shevaldin P.V. Weapon of victory. M: Mechanical Engineering, 1985. 305 p.
3. Davydov B., Savenko S. Soviet optical sights of the 1920-1940s. Magazine "World of Weapons", 2005.
4. Zhuk A.B. "Small arms. Revolvers, pistols, rifles, submachine guns, machine guns". Moscow, 1992. 496 p.
5. Kiryanov V.P. Comparative characteristics of optical sights of the Red Army and the Wehrmacht during World War II. Bulletin of Tomsk State University. 2020. No. 459. P. 127 – 131.
6. McNab, Chris. The Big Book of Guns. San Diego, CA: Thunder Bay Press, 2004. 448 p.
7. Panov V.A., Kruger M.Ya., Kulagin V.V. and others. Handbook of the Designer of Optical-Mechanical Instruments. 3rd ed., revised and enlarged. L.: Mashinostroenie, Leningrad branch, 1980. 742 p.
8. Popenker M.R., Milchev M.N. World War II: The Gunsmiths' War. Moscow: Yauza; Eksmo, 2008. 766 p.
9. Potapov A.A. The Art of the Sniper. Moscow: Grand-Fair (Spetsnaz series), 2009. 544 p.
10. Robert W.D. Ball, Mauser's Military Rifles of the World (fifth edition), Gun Digest Books, 2011. 400 p.
11. Walter John, Weapons of the Third Reich. Greenhill Books (with Lionel Leventhal), 2004. 256 pp.
12. Ustinov D.V. Selected speeches and articles. M.: Politizdat, 1979. 519 p.
13. Fedotov V.N., Solyanik A.A., Pisarkov A.A., Fedotov V.A. Sniper optical sights of the Great Patriotic War. Humanitarian Scientific Bulletin. 2020. No. 8. P. 8 – 17.

Информация об авторах

Костылева В.Р., Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Хаяров Д.Г., кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Гашенко В.А., кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий

Сотникова Е.В., кандидат исторических наук, доцент, Сибирский государственный университет геосистем и технологий

© Костылева В.Р., Хаяров Д.Г., Гашенко В.А., Сотникова Е.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 940.4:909.835

Историческая несостоятельность фашистских идеологий в общественном становлении

¹ Бруз В.В.,

² Вититнев С.Ф.,

¹ Шмелева А.В.,

¹ Государственный университет просвещения,

² Российский государственный социальный университет

Аннотация: настоящая статья посвящена комплексному анализу причин исторической несостоятельности фашистских идеологий как моделей общественного становления. Введение определяет проблему, указывая, что фашизм, возникший в условиях социально-экономических кризисов начала XX века, оказался нежизнеспособным проектом, чей крах был не случайностью, а закономерным итогом. Методология исследования основана на историко-аналитическом подходе, в рамках которого деконструируются ключевые элементы фашистских режимов: их экономические, политические, социальные и культурные доктрины. Анализируются такие аспекты, как милитаризация экономики, корпоративизм, антиинтеллектуализм, подавление личности и культ насилия, чтобы выявить их внутренние противоречия и деструктивный потенциал. В качестве результатов исследования демонстрируется, что экономическая модель фашизма, ориентированная на автаркию и военную экспансию, была изначально неустойчивой и могла существовать лишь за счет грабежа и подготовки к войне, что неизбежно вело к катастрофе. В социальной сфере создание образа врага и политика дегуманизации разрушали моральные основы общества, приводя к геноциду и духовному опустошению. Подавление свободной мысли и изгнание интеллектуальной элиты обрекали нации на стагнацию и неспособность к инновационному развитию. Исторические примеры Италии, Германии, а также Испании и Португалии эмпирически подтверждают, что все подобные режимы завершились либо военным поражением и коллапсом, либо длительным застоєм.

Ключевые слова: фашизм, идеология, историческая несостоятельность, тоталитаризм, антигуманизм

Для цитирования: Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Историческая несостоятельность фашистских идеологий в общественном становлении // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 265 – 270.

Поступила в редакцию: 28 апреля 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 1 июля, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Historical insolvency of fascist ideologies in social development

¹ Bruz V.V.,

² Vititnev S.F.,

¹ Shmeleva A.V.,

¹ Federal State University of Education,

² Russian State Social University

Abstract: this article is devoted to a comprehensive analysis of the reasons for the historical insolvency of fascist ideologies as models of social development. The introduction defines the problem, noting that fascism, which arose in the context of the socio-economic crises of the early 20th century, proved to be an unviable project, whose collapse was not an accident but a natural outcome. The research methodology is based on a historical-analytical approach, within which the key elements of fascist regimes are deconstructed: their economic, political, social, and cultural doctrines. Such aspects as the militarization of the economy, corporatism, anti-intellectualism, suppression of the individual, and the cult of violence are analyzed to reveal their internal contradictions and destructive potential. The research results demonstrate that the economic model of fascism, oriented toward autarky and military expansion, was inherently unstable and could exist only through plunder and preparation for war, which inevitably led to catastrophe. In the social sphere, the creation of an enemy image and the policy of dehumanization undermined the moral foundations of society, leading to genocide and spiritual devastation. The suppression of free thought and the expulsion of the intellectual elite doomed nations to stagnation and an inability for innovative development. Historical examples of Italy, Germany, as well as Spain and Portugal empirically confirm that all such regimes ended either in military defeat and collapse, or prolonged stagnation.

Keywords: fascism, ideology, historical insolvency, totalitarianism, anti-humanism

For citation: Bruz V.V., Vititnev S.F., Shmeleva A.V. *Historical insolvency of fascist ideologies in social development. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 265 – 270.*

The article was submitted: April 28, 2025; Approved after reviewing: July 1, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Фашистские идеологии, возникшие на пепелище Первой мировой войны и в условиях глубочайших социально-экономических потрясений начала XX века, представляют собой один из самых мрачных и поучительных уроков в истории человечества. Они обещали национальное возрождение, порядок и величие, но на практике привели лишь к беспрецедентным разрушениям, геноциду и, в конечном счете, к полному краху тех государств, которые встали на этот путь. Анализ исторического опыта показывает, что фашизм не является и не может являться жизнеспособной моделью общественного становления. Его внутренняя структура, основанная на подавлении, экспансии и иррациональных мифах, несет в себе семена собственного уничтожения. Фундаментальная несостоятельность этих идеологий кроется в их тотальном разрыве с принципами гуманизма, рационального познания и устойчивого экономического развития, что делает их исторический провал не случайностью, а закономерностью.

Первоначальная привлекательность фашизма для масс в таких странах, как Италия и Германия, была обусловлена конкретными историческими обстоятельствами. Общества, униженные поражением в войне или разочарованные ее итогами, страдающие от гиперинфляции, безработицы и политической нестабильности, оказались благодатной почвой для радикальных идей. Фашизм предложил простой и, как казалось, эффективный выход: сплочение нации вокруг харизматичного лидера, поиск внутреннего и внешнего врага, на которого можно было возложить всю вину за происходящее, и обещание восстановления национального достоинства через силу и дисциплину. Пропагандистская машина, используя новейшие на тот момент технологии радио и кинематографа, создавала иллюзию всеобщего единства и мощи. Массовые шествия, парады, монументальная архитектура – все это работало на создание мифа о новом, возрожденном государстве [5], где индивидуальное «я» растворяется в коллективном «мы». Этот эстетизированный культ силы и порядка временно маскировал тоталитарную

сущность режима и его неспособность решать фундаментальные проблемы общества без применения насилия.

Материалы и методы исследований

Экономическая модель фашизма, часто представляемая его апологетами как некий «третий путь» между капитализмом и коммунизмом, на деле оказалась милитаристским государственным капитализмом, ориентированным не на повышение благосостояния граждан, а на подготовку к войне. Корпоративизм, провозглашенный в Италии, и принудительная картеллизация в Германии ликвидировали независимые профсоюзы и право на забастовку, подчинив трудовые ресурсы и промышленность тотальному контролю государства. Краткосрочные успехи, такие как ликвидация безработицы в нацистской Германии, были достигнуты не за счет органичного роста экономики, а путем развертывания масштабных военных заказов и инфраструктурных проектов, имевших двойное, в том числе военное, назначение [8]. Экономика была поставлена на рельсы автаркии – стремления к самообеспечению, что в условиях глобализирующегося мира вело к технологическому отставанию и дефициту ресурсов. Единственным способом поддержания такой системы в долгосрочной перспективе становилась внешняя экспансия и грабеж завоеванных территорий. Таким образом, война была не просто одним из инструментов политики, а необходимым условием выживания фашистской экономической системы, что делало ее изначально обреченной на катастрофу.

Одним из наиболее разрушительных аспектов фашистской идеологии является ее воинствующий антиинтеллектуализм и подавление свободной мысли. Фашизм не терпит критики, сомнений и диалога. Он заменяет рациональное знание догмой, науку – мифологией, а свободное творчество – государственной пропагандой. Печально известные акции сожжения книг в Германии стали ярким символом этой политики. Университеты были подвергнуты чисткам, выдающиеся ученые, писатели, художники и философы, не вписывавшиеся в прокрустово ложе официальной идеологии, были вынуждены эмигрировать или подверглись репрессиям. Альберт Эйнштейн, Томас Манн, Зигмунд Фрейд, представители Франкфуртской школы – список изгнанных гениев огромен. Общество, которое изгоняет свои лучшие умы [14], обрекает себя на интеллектуальную деградацию и стагнацию. Вместо развития критического мышления система образования нацеливалась на индоктринацию

молодежи, воспитание слепой веры в вождя и готовности умереть за иррациональные идеалы расового превосходства или национального величия. Эта ставка на невежество и фанатизм лишала нацию способности к инновациям, адаптации и решению сложных проблем мирными средствами.

Результаты и обсуждения

Центральным элементом фашистской идеологии является культ насилия и перманентной борьбы. В отличие от либеральных демократий, стремящихся к минимизации конфликтов, и даже от многих авторитарных режимов, рассматривающих стабильность как высшую ценность, фашизм возводит войну в ранг священного действия, очищающего и закаляющего нацию. Мир воспринимается как признак упадка и слабости. Идеи социального дарвинизма, перенесенные на отношения между нациями и расами, оправдывали право сильного на порабощение и уничтожение слабого. Концепции «жизненного пространства» (Lebensraum) в Германии или «нашего моря» (Mare Nostrum) в Италии были не просто геополитическими доктринами [9], а идеологическими императивами, толкавшими государства к непрерывной агрессии. Такая идеология неизбежно ведет к формированию общества, построенного по военному образцу, где милитаризация пронизывает все сферы жизни, от экономики до воспитания детей. Внутренняя политика также строится на принципе постоянной борьбы – с «врагами народа», «расово неполноценными» элементами, инакомыслящими. Общество, находящееся в состоянии вечной войны с внешним и внутренним миром, не может устойчиво развиваться; оно сжигает свои человеческие и материальные ресурсы в топке непрекращающегося конфликта, который в конечном итоге поглощает и его самого.

Социальная структура, выстраиваемая фашизмом, является глубоко патологической, поскольку она основана на искусственном разделении общества и дегуманизации «другого». Создание образа врага – евреев, цыган, славян, политических оппонентов – было не побочным продуктом, а системообразующим элементом режима. Через пропаганду ненависти и страха осуществлялась мобилизация масс и оправдание тотального контроля и террора. Этот процесс дегуманизации, лишавший целые группы людей права на существование [3], логически привел к созданию концентрационных лагерей и лагерей смерти, к Холокосту и другим актам геноцида. Моральная катастрофа, которую это повлекло за

собой, имела долгосрочные последствия, отравив сознание нации на поколения вперед. Общество, в котором нормой становятся доноительство, жестокость и безразличие к страданиям ближнего, не может быть здоровым. Оно разрушает фундаментальные основы человеческой солидарности и эмпатии, заменяя их племенной архаикой и правом сильного. Даже для «титულიной» нации, во имя которой якобы совершались все эти преступления, такой режим не нес ничего, кроме духовного опустошения и соучастия в чудовищных злодеяниях.

Исторический опыт однозначно продемонстрировал практический крах всех фашистских и протофашистских режимов. Итальянский фашизм, просуществовав два десятилетия, привел страну к военному поражению, потере колоний, гражданской войне и полной дискредитации самой идеи национального величия. Нацистский режим в Германии, просуществовав всего двенадцать лет, вверг мир в самую кровопролитную войну в истории, привел к гибели десятков миллионов людей, физическому разрушению самой Германии и ее разделу на десятилетия. Режимы Франко в Испании и Салазара в Португалии, хотя и просуществовали дольше, избежав прямого участия в мировой войне, обрекли свои страны на длительный период международной изоляции, экономического и культурного застоя [11], из которого те смогли выйти только после демонтажа диктатур. Ни один фашистский проект не смог создать устойчивую, процветающую и мирную модель общества. Их финал был всегда одинаков: военное поражение, внутренний коллапс или длительная стагнация, завершившаяся возвращением к демократическим формам правления. Это не случайное стечение обстоятельств, а прямое следствие внутренней логики самой идеологии [1].

Попытки реабилитации или модернизации фашистских идей, предпринимаемые в рамках различных неофашистских и ультраправых движений современности, также демонстрируют свою полную несостоятельность. Хотя они могут использовать новую риторику, апеллируя к проблемам миграции, глобализации и утраты национальной идентичности, их сущность остается прежней. Они предлагают простые ответы на сложные вопросы, ищут врагов и сеют рознь, противопоставляя одну часть общества другой. Они отрицают ценности плюрализма, прав человека и верховенства закона, которые лежат в основе любого современного развитого государства. Их экономические программы, как правило, представляют собой популистскую смесь

из протекционизма, изоляционизма и ксенофобии, что в условиях взаимозависимой глобальной экономики ведет лишь к самоизоляции и упадку. Эти движения не предлагают никакой позитивной и созидательной повестки дня для будущего [15]. Их единственная функция – деструктивная. Они паразитируют на страхах и предрассудках, не будучи способными предложить жизнеспособную альтернативу существующим моделям общественного развития.

Отрицание фашизмом универсальности человеческих ценностей является его ахиллесовой пятой. Идея о том, что существуют «высшие» и «низшие» расы и народы, что мораль и право относительно и применимы только к членам «своей» группы, противоречит всему ходу развития человеческой цивилизации. Исторический прогресс, при всех его зигзагах и трагедиях, был связан с расширением круга эмпатии и признанием общего человеческого достоинства. Идеи, заложенные в Всеобщей декларации прав человека, стали ответом мирового сообщества на ужасы фашизма. Фашизм же предлагает регресс, возврат к племенному сознанию [12], к состоянию «войны всех против всех». Такое мировоззрение не способно построить сложную, дифференцированную и динамичную социальную систему. Оно может лишь временно мобилизовать общество для решения примитивной задачи – уничтожения врага, но оно абсолютно беспомощно, когда речь заходит о созидании, творчестве, сложном социальном и культурном строительстве.

Подавление личности во имя абстрактного коллектива – еще одна причина органической нежизнеспособности фашизма. Государство, которое рассматривает своих граждан лишь как винтики в огромной машине [6], лишает себя главного источника развития – человеческой инициативы, таланта и свободы. Инновации в науке, прорывы в искусстве, предпринимательский дух в экономике – все это рождается из свободы индивидуального поиска. Тоталитарный контроль, всепроникающая цензура и страх убивают эту свободу. Общество застывает в ритуализированных формах, повторяя заученные догмы и боясь сделать шаг в сторону. В краткосрочной перспективе это может создавать видимость порядка и управляемости, но в долгосрочной – это верный путь к отсталости и неконкурентоспособности. История XX века показала, что наиболее успешными и динамичными оказались те общества, которые сделали ставку на свободу и достоинство личности [7], а не на ее подавление.

Фашистская идеология также несовместима с реальностью сложного, многоукладного мира. Ее стремление к гомогенности, к созданию расово или культурно «чистой» нации, вступает в прямое противоречие с исторически сложившимся многообразием человеческих обществ. Большинство современных государств полиэтничны и поликультурны. Попытки насильственно унифицировать их по лекалам фашистской доктрины неизбежно приводят к внутренним конфликтам, этническим чисткам и распаду. Мир после Второй мировой войны, несмотря на все его конфликты, строился на принципах суверенитета наций и (по крайней мере, в теории) их мирного сосуществования. Фашистская же парадигма вечной борьбы и экспансии делает невозможным установление прочного мира и стабильных международных отношений. Она превращает государство в постоянный источник угрозы для всех его соседей, что рано или поздно приводит к формированию антифашистской коалиции и военному разгрому агрессора, как это и произошло в 1945 году.

Даже на уровне психологии масс фашизм оказывается неустойчивой конструкцией. Он держится на экзальтации, массовом психозе и иррациональной вере, которые требуют постоянной подпитки через пропаганду и реальные или мнимые победы. Когда поток побед иссякает, когда экономические трудности становятся слишком очевидными, а цена войны – непомерной, вера начинает давать трещины. Режим, лишенный рациональной легитимности и опирающийся исключительно на харизму вождя и миф о непобедимости, оказывается крайне хрупким перед лицом поражения [2]. Крах итальянского фашизма после высадки союзников на Сицилии и быстрый коллапс нацистского режима в последние месяцы войны показали, что внешняя монолитность этих систем была обманчивой. Под ней скрывались страх, оппортунизм и усталость, которые вырвались наружу, как только силовой каркас ослаб.

Выводы

В конечном счете, историческая несостоятельность фашистских идеологий заключается в их фундаментальном противоречии

самой природе человека и общества. Человек стремится не только к безопасности и порядку, но и к свободе, творчеству и самореализации. Общество для своего развития нуждается не в унификации и застое, а в многообразии, диалоге и обмене идеями. Экономика процветает на основе свободной инициативы и мирной кооперации, а не на милитаризации и грабеже. Фашизм отрицает все эти фундаментальные истины [10]. Он предлагает путь регресса, деградации и самоуничтожения, завернутый в яркую обертку национального мифа. Уроки истории в этом отношении однозначны и не подлежат пересмотру. Любая попытка построить общество на принципах ненависти, подавления и войны обречена на провал. Память о десятках миллионов жертв фашизма служит вечным напоминанием о том, куда ведет этот путь, и о той колоссальной ответственности, которая лежит на каждом поколении, чтобы не допустить его повторения. Изучение механизмов возникновения и краха этих режимов [4] остается важнейшей задачей для всех, кто ценит мир, свободу и человеческое достоинство.

Подводя итог, можно с уверенностью утверждать, что фашизм как проект общественного устройства потерпел тотальное и закономерное фиаско. Его несостоятельность носит не ситуативный, а системный, сущностный характер. Он неспособен обеспечить устойчивое экономическое процветание, подменяя его милитаристской мобилизацией. Он неспособен обеспечить культурное и научное развитие, уничтожая свободу мысли. Он неспособен обеспечить мир и стабильность, так как война и экспансия являются его имманентными свойствами [13]. Он разрушает моральные основы общества, легитимизируя ненависть и насилие. Исторический вердикт, вынесенный фашизму в середине XX века, был окончательным. Он доказал, что идеологии, ставящие абстрактные коллективные сущности – нацию, расу, государство – выше конкретного живого человека, его прав и свобод, неизбежно ведут к катастрофе. Это главный урок, который человечество должно было извлечь из трагедий прошлого столетия, и актуальность которого не снижается и по сей день.

Список источников

1. Терзи Е.С., Селютина Т.В. Реакционная сущность фашизма и нацизма: историко-правовой аспект // Правовая позиция. 2023. № 4 (40). С. 6 – 12.
2. Шаламов В. Фашизм как феномен новейшей истории первой половины XX века // Российский журнал исследований национализма. 2020. № 1. С. 29 – 34.

3. Ковба В.И., Чугунов Е.А. Предпосылки и исторические условия зарождения идеологии фашизма, её содержание и античеловеческая сущность (Часть I) // Гуманитарный вестник Военной академии Ракетных войск стратегического назначения. 2025. № 1 (39). С. 101 – 114.
4. Козаев Н.Ш., Рясов Д.А. Противодействие реабилитации нацизма и формированию фашистской идеологии: уроки истории и современные реалии // Ius Publicum et Privatum. 2024. № 2 (26). С. 94 – 101.
5. Калачев А.А. Доктрина итальянского фашизма // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2020. № 9 (49). С. 36 – 40.
6. Гросу Т.А. Анализ труда О. Мосли «Фашизм: 100 вопросов и ответов» и его идеологических основ // Студент и наука. 2025. № 2 (33). С. 25 – 30.
7. Беляев А.А. Трансформация представлений о фашизме в современной историографии // StudArctic Forum. 2024. Т. 9. № 3. С. 16 – 23.
8. Макаренко В.П. Традиционные и современные диктатуры: случай фашизма (введение в проблему) // Гуманитарий Юга России. 2023. Т. 12. № 5. С. 26 – 44.
9. Басик И.И. Исторические предпосылки и условия возникновения фашизма: уроки истории // Вестник Академии военных наук. 2022. № 3 (80). С. 151 – 154.
10. Яценко К.В. Фальсификация истории Великой Отечественной войны в системе средств идеологического противостояния Запада против России // Берегиня. 777. Сова: Общество. Политика. Экономика. 2023. № 1-2 (56-57). С. 31 – 36.

References

1. Terzi E.S., Selyutina T.V. The reactionary essence of fascism and Nazism: historical and legal aspect. Legal position. 2023. No. 4 (40). P. 6 – 12.
2. Shalamov V. Fascism as a phenomenon of the modern history of the first half of the 20th century. Russian journal of nationalism studies. 2020. No. 1. P. 29 – 34.
3. Kovba V.I., Chugunov E.A. Prerequisites and historical conditions for the emergence of the ideology of fascism, its content and anti-human essence (Part I). Humanitarian Bulletin of the Military Academy of the Strategic Missile Forces. 2025. No. 1 (39). P. 101 – 114.
4. Kozhaev N.Sh., Riasov D.A. Counteracting the rehabilitation of Nazism and the formation of fascist ideology: lessons of history and modern realities. Ius Publicum et Privatum. 2024. No. 2 (26). P. 94 – 101.
5. Kalachev A.A. The doctrine of Italian fascism. Skif. Questions of student science. 2020. No. 9 (49). P. 36 – 40.
6. Grosu T.A. Analysis of the work of O. Mosley "Fascism: 100 questions and answers" and its ideological foundations. Student and science. 2025. No. 2 (33). P. 25 – 30.
7. Belyaev A.A. Transformation of ideas about fascism in modern historiography. StudArctic Forum. 2024. Vol. 9. No. 3. P. 16 – 23.
8. Makarenko V.P. Traditional and Modern Dictatorships: The Case of Fascism (Introduction to the Problem). Humanitarian of the South of Russia. 2023. Vol. 12. No. 5. P. 26 – 44.
9. Basik I.I. Historical Prerequisites and Conditions for the Emergence of Fascism: Lessons of History. Bulletin of the Academy of Military Sciences. 2022. No. 3 (80). P. 151 – 154.
10. Yatsenko K.V. Falsification of the History of the Great Patriotic War in the System of Means of Ideological Confrontation of the West against Russia. Bereginia. 777. Sova: Society. Politics. Economy. 2023. No. 1-2 (56-57). P. 31 – 36.

Информация об авторах

Бруз В.В., доктор исторических наук, профессор, Государственный университет просвещения, vvb54@yandex.ru

Вититнев С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный социальный университет, svititnev@yandex.ru

Шмелева А.В., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой, Государственный университет просвещения, lug-anna@yandex.ru

© Бруз В.В., Вититнев С.Ф., Шмелева А.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.7. История международных отношений и внешней политики (исторические науки)

УДК 821.111-3.09:316.347.4

Идеи гуманизма в произведениях английских писателей и историков как инструмент познания и преобразования социально-политического устройства

¹ Вититнев С.Ф.,

² Шмелева А.В.,

² Яснитский Н.А.,

¹ Российский государственный социальный университет,

² Государственный университет просвещения

Аннотация: английские историки и философы XVIII столетия весьма успешно занимались изучением античного наследия. Статья посвящена исследованию мотивов и причин обращения английских историков XVIII века к истории античности и определению идейно-теоретической основы их трудов. Отмечается, что историография античности является наименее изученным аспектом английского Просвещения. В центре внимания – сочинения Э. Гиббона, У. Митфорда и др. Интерпретация историософских текстов античных историков английскими просветителями позволяет судить о содержании политических споров о системах английского управления в XVIII веке, поскольку английские писатели и историки, идеализирующие идеи гуманизма, сравнивали в своих сочинениях социальное и политическое устройство современной им Англии и античности такой, какой она открывалась им при чтении и комментировании причин исторических событий. Таким образом, исторические сочинения, возникшие в античную эпоху и ставшие предметом изучения английских мыслителей, послужили формированию методологии и философии истории Англии XVIII века.

Ключевые слова: античность, Просвещение, английские просветители, государственность, формы правления, политический идеал

Для цитирования: Вититнев С.Ф., Шмелева А.В., Яснитский Н.А. Идеи гуманизма в произведениях английских писателей и историков как инструмент познания и преобразования социально-политического устройства // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 271 – 277.

Поступила в редакцию: 2 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 3 июля, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Ideas of humanism in the works of English writers and historians as a tool for understanding and transforming the socio-political system

¹ Vititnev S.F.,

² Shmeleva A.V.,

² Yasnitsky N.A.,

¹ Russian State Social University,

² Federal State University of Education

Abstract: English historians and philosophers of the 18th century were quite successful in studying the legacy of antiquity. The article is devoted to the study of the motives and reasons for the 18th-century English historians' turn to ancient history and to determining the ideological and theoretical basis of their works. It is noted that the historiography of antiquity is the least studied aspect of the English Enlightenment. The focus is on the works of E. Gibbon, W. Mitford, and others. The interpretation of the historiosophical texts of ancient historians by English Enlighteners allows us to judge the content of political debates about the systems of English governance in the 18th century, since English writers and historians, who idealized the ideas of humanism, compared in their works the social and political structure of contemporary England and antiquity as it appeared to them when reading and commenting on the causes of historical events. Thus, historical works created in the ancient era and studied by English thinkers contributed to the formation of the methodology and philosophy of history in 18th-century England.

Keywords: antiquity, Enlightenment, English Enlighteners, statehood, forms of government, political ideal

For citation: Vititnev S.F., Shmeleva A.V., Yasnitsky N.A. *Ideas of humanism in the works of English writers and historians as a tool for understanding and transforming the socio-political system. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 271 – 277.*

The article was submitted: May 2, 2025; Approved after reviewing: July 3, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Эпоха английского Просвещения – наиболее яркий период в развитии общественной, научной, философской мысли. Особый интерес у английских ученых второй половины XVIII века вызвало обращение к трудам античных авторов, размышляющих о государстве и его формах. Так, Эдвард Уортли Монтегю, Эдуард Гиббон, Джон Гиллис, Уильям Митфорд в своих работах исследовали политический идеал античных мыслителей и обосновывали его актуальность для своего времени. Вопрос об идеальном государственном устройстве становился центральным в научных исканиях представителей английского Просвещения.

Одной из крупнейших работ Эдварда Уортли Монтегю стали «Размышления о возвышении и падении Древних Республик...» 1759 года [1]. Внимание к античному республиканскому периоду не было случайным: Эдвард Монтегю был участником важнейших военных кампаний (он принимал участие в битве при Фонтенуа, в Экс-ла-Шапельском мирном договоре 1748 года, завершившем войну за австрийское наследство), заставивших его задуматься о факторах

политической стабильности государств, а путешествия, которые он предпринял по самым разным европейским и, особенно, восточным странам способствовали основательному изучению арабского, персидского, халдейского языков, иврита, глубокому осмыслению культуры и политической доктрины древних государств.

Материалы и методы исследований

В России текст «Размышлений...» Эдварда Монтегю был хорошо известен, равно как и споры об авторстве данного текста. «Размышления о возвышении и падении древних республик применительно к современному положению Великобритании» вызвали широкое обсуждение в связи с изданным «Наказом» императрицы Екатерины II. В Англии в ту пору существовала русская община из числа молодых людей, направленных учиться: В.Н. Никитин, П.И. Суворов, Г.И. Скородумов, Ф.С. Степанов, А.И. Италинский, а также именитые вельможи бароны В.Г. Орлов и Г.Н. Строганов, князь Г.П. Гагарин, А.В. Нарышкин, Н.А. Демидов, Н.С. Мордвинов и др. Пастырским окормлением русской общины занимался протоирей Андрей Афанасьевич Самборский [2]. Сохранившиеся письма его к

императору Александру I и другим высокопоставленным лицам могут служить документальным источником эпохи. В кругу русских соотечественников выделяется фигура Джона Фостера. В 1760-е годы Джон Фостер преподавал историю молодым российским дворянам, а ранее, в 1720-1730-х годах был гувернером при Эдварде Уортли Монтегю, после смерти которого он и заявил о своих правах на «Размышления...». Как бы то ни было, текст «Размышлений...» стал предметом пристального внимания среди тех, кто близко знал Джона Фостера и долгое время находился в Англии. Известно, что и Андрей Самборский и В.П. Петров, в 1772 году, будучи в Англии переведший поэму Джона Мильтона «Потерянный рай», много рассуждали о республиканском строе, о добродетелях, о чести, о политической и гражданской репутации [3], эти рассуждения в немалой степени были спровоцированы творчеством и философско-политическими исканиями русской императрицы. Политические дискуссии о формах правления велись не только в России, они стали предметом пристального осмысления прежде всего в Англии.

В эпоху русского Просвещения далекое прошлое Византии нашло отклик в трудах российских философов, литераторов, политиков. Оценка ее духовного наследия продиктована историческими событиями и политическими запросами императрицы Екатерины II, которая стремилась возродить средневековую идею о России как о Третьем Риме: «Интерес же к рассматриваемой концепции обозначается только к концу правления Екатерины II в связи с “греческим проектом”, предполагавшим уничтожение Османской империи и возрождение Византии, императором которой должен был стать внук Екатерины II Константин» [4].

Современник Эдварда Уортли Монтегю, британский историк Эдвард Гиббон, считается признанным знатоком истории античного мира. Как и Эдвард Уортли Монтегю, Эдвард Гиббон приобрел военный опыт, участвуя в Семилетней войне, что впоследствии отразилось в его творчестве. А главным трудом, в котором проявляется политический идеал Эдварда Гиббона и его взгляды на английское государственное устройство, стала «История упадка и разрушения Римской империи» [5]. В России данный труд стал известен читателю сравнительно позже, чем «Размышления...» Эдварда Уортли Монтегю. Первый перевод книги появился лишь в 1824 году, полный же опубликован только в 1883-1886 годах, хотя интерес к этому труду был еще в 1877 году

благодаря осуществленному переводу сотрудником «Русских ведомостей» В.Н. Неведомским. Собственно, имя Эдварда Уортли Монтегю известным русскому читателю сделал В.Н. Неведомский [6].

В автобиографии Эдвард Гиббон признается, создание исследования о Римской империи у него возникло во время пребывания в Риме: «15 октября 1764 года сидя на развалинах Капитолия, я углубился в мечты о величии древнего Рима, а в это время у ног моих босоногие католические монахи пели вечерню на развалинах храма Юпитера: в эту-то минуту во блеснула в первый раз мысль написать историю падения и разрушения Рима» [7]. Находясь под впечатлением от многовековых камней зданий, хранящих историю, Эдвард Гиббон размышляет о судьбе империи, он проводит ретроспективные исторические аналогии: древний Рим и современная ему Англия. Однако, в отличие от работы Эдварда Уортли Монтегю, исследование Эдварда Гиббона не нашло в России соответствующий отклик.

Результаты и обсуждения

В 1784 году в Англии выходит «История Греции» Уильяма Митфорда, а двумя годами позже, в 1786-м, «История Древней Греции, ее колоний и завоеваний» Гиллиса Джона. Два крупных произведения, обращенные к глубинам истории древней Греции, поражающие охватом исторических событий и тяготением к выработке государственного алгоритма, свидетельствуют о политических симпатиях английских просветителей второй половины XVIII столетия. Появлению «Истории» Уильяма Митфорда в немалой степени способствовал Эдвард Гиббон. Уильяма Митфорда и Эдварда Гиббона связывала военная служба в ополчении Южного Гэмпшира. Эдвард Гиббон определил интерес к изучению греческого языка и культуры Уильяма Митфорда. Встречи с французскими учеными в 1776 году усилили профессиональный интерес. До 1810 года не прекращается работа над делом всей жизни Уильяма Митфорда – «Историей Древней Греции...».

Джон Гиллис, в отличие от Эдварда Монтегю, Эдуарда Гиббона, Уильяма Митфорда, был академическим ученым. В университете Глазго, одном из старейших университетов Шотландии, Джон Гиллис преподавал греческий язык, а в 1784 году получил научную степень доктора наук, судьями Лондонского королевского общества был избран его членом в 1793-м. Верх политической и профессиональной карьеры Джона Гиллиса стало получение статуса королевского историографа

Шотландии. «История Древней Греции, ее колоний и завоеваний», опубликованная в 1786 году, – одно из авторитетных трудов, созданных английскими учеными в эпоху Просвещения. Джон Гиллис много переводил древнегреческих авторов – Аристотеля, Лисия, Исократы и др. Риски и преимущества республиканской формы правления на примерах античных республик Джон Гиллис исследует на протяжении всей своей деятельности.

Интерес к истории античного мира во многом определил политическое мировоззрение английских просветителей, способствовал выработке политического идеала и осмыслению политического устройства современной им Англии.

Английское Просвещение задавало вектор развития всему западноевропейскому Просвещению. Идеи теоретика либерализма Джона Локка, изложенные в «Опыте о человеческом разуме» (1690), ставившие под сомнение теорию Декарта, формировали гуманистический идеал человека. Джон Локк – сенсуалист, для которого основа познания – чувство, в то время как Рене Декарт – рационалист, убежденный, что человеку изначально присущи врожденные идеи. Философское утверждение Рене Декарта: «*Cōgitō ergō sum*» («Я мыслю, следовательно, я существую») – стало фундаментальным элементом западного рационализма Нового времени. Мощным рычагом для возникновения дискуссии в среде английских мыслителей послужила работа, основанная на событиях английской, античной и библейской истории, «Патриарх, или Естественная власть королей» Роберта Филмера, отстаивавший историческое право монарха на богоизбранность. При этом, как и в античные времена, вопрос о «правильных» и «неправильных» формах правления государством, исторических периодах этих форм заставлял задумываться английских просветителей. Так, «Связывая возникновение государства со стремлением людей найти в его лице ту силу, которая поможет им преодолеть слабость и незащищенность, свойственные им в естественном догосударственном состоянии, Полибий, находясь под влиянием взглядов Платона и Аристотеля, заимствуя у них ряд политических терминов, называет правильные и неправильные формы государственного устройства, которые последовательно сменяют друг друга. К первым он относит царскую власть, аристократию и охлократию. Отмечая, что переход правильной простой формы в неправильную закономерен, Полибий утверждает о необходимости замедления подобных превращений. Согласно его выводу, преиму-

щества, присущие простым правильным формам государства должны найти свое воплощение в сложной смешанной форме, образцом которой является форма государственного устройства в Римской республике, где имеет место гармоничное сочетание трех властей – монархической, аристократической и демократической. Это и обеспечило возвышение и державное могущество Рима, чему способствовало так же утвердившиеся в этом государстве обычаи, законы и нравы» [8]. Эстетические принципы, унаследованные английскими политиками-философами от античности, получали новые функции – гуманистические. При этом английские просветители не были единодушны в своих политических взглядах. Вслед за поколением первых просветителей, одни из которых были далеки от критики буржуазной действительности, другие, напротив – сторонники радикально-демократических принципов, напр., Джозеф Аддисон, Ричард Стил, Даниэль Дефо, Джонатан Свифт и др., в равной степени представляли большой интерес для английского общества. Именно первые английские писатели-просветители подготовили направление, которое в литературе получило название просветительский реализм.

Выводы

Античность служила источником вдохновения для философов и литераторов. Так, Джозеф Аддисон в 1697 году составляет вступительное слово к переводу «Георгик» Вергилия Джона Драйдена, а в начале XVIII века создает трагедию «Катон», поставленную в 1713 году на сцене королевского театра «Друри-Лейн». Ричард Стил, близкий друг Джозефа Аддисона, работает в жанре политического эссе, а их совместная журнальная и газетная деятельность и нравственно-сатирическое творчество восходит к греко-римской литературе – Аристофану, Плинию, Горацию, Ювеналу, Лицинию, Персию, Ювеналу. Основоположник экономической журналистики Даниэль Дефо (получивший прекрасное образование в Ньингтонской академии, где изучал греческий и латинский языки, классическую литературу), при издании в 1705 году своего сочинения «Консолидатор, или Воспоминания приходной операции от света Луны» взял псевдоним Лукиан – имя древнегреческого писателя Лукиана из Самосаты, автора «Правдивой истории». Джонатан Свифт, как замечают исследователи, восхищался римским военачальником и политическим деятелем Марком Юнием Брутом, что отразилось в одной из масок памфлета «Рассуждение о неудобстве

уничтожения христианства в Англии» (1708) – «суконщик М.Б.».

В 1740-1750-е годы в истории английского просвещения, среди его представителей, по-прежнему наблюдается неоднородность политических взглядов и общественных позиций. Так, труды Сэмюэля Ричардсона, сторонника умеренного буржуазного направления, и демократа Генри Филдинга свидетельствуют об имеющих место быть разность подходов в осмыслении политического развития Англии. При этом ворвавшийся в английскую литературу Тобайас Джордж Смоллетт, принадлежащий к молодому поколению английских просветителей, скорее закрепляет демократические достижения.

В новом поколении английских просветителей интерес к античности по-прежнему не утихает. Сэмюэль Ричардсон, создавший ряд многочисленных трудов разных жанров, среди которых три «чувствительных» эпистолярных романа – «Памела, или Вознагражденная добродетель» (1740), «Кларисса, или История молодой леди» (1748), «История сэра Чарльза Грандисона» (1753) – покоряет современников своей эрудицией и энциклопедическими знаниями. В романе «Кларисса, или История молодой леди» Самюэль Ричардсон приводит слова римского поэта первых веков новой эры Ювенала:

*Если ты хочешь познать человеческий нрав,
тебе хватит*

*Дома хотя б одного: через
несколько дней возвратившись,
Ты не посмеешь уже после этого
зваться несчастным [9].*

Художественно-политическую культуру Древнего Рима сложно представить без жанра сатиры. Утвердивший семейно-бытовой роман в английской литературе Сэмюэль Ричардсон остается последователен в своих буржуазно-пуританских представлениях. Романами Сэмюэля Ричардсона зачитывались лучшие героини А.С. Пушкина – Татьяна Ларина («Евгений Онегин») и Мария Гавриловна («Метель»), несмотря на кажущимися утомительными нравоучения автора-сентименталиста:

«<...>

*И бесподобный Грандисон,
Который нам наводит сон,
Все для мечтательницы нежной
В единый образ облеклись,
В одном Онегине слились»*

«<...>

*Но наш герой, кто б ни был он,
Уж верно был не Грандисон» [10].*

«Уездные барышни» А.С. Пушкина читают, даже зачитываются «старомодной литературой» западноевропейских сентименталистов, представленных именами Ричардсона и Руссо. Произведения их сохраняют веру в человека, а высокие христианские идеалы в них связываются с глубокими потребностями человеческого сердца. Такая литература не противоречит народным взглядам на истинные и мнимые ценности жизни. Сентиментализм органически входит в состав «русской души» Татьяны. И хотя навеянный сентиментальными романами строй мысли героини наивен, вместе с тем, как заметила Е.Н. Куприянова, он «высоко духовен и нравственно активен». В романах сентименталистов культивировалась сердечность и поднимался на высокий пьедестал не эгоист и скептик, как у Байрона, а благородный и чувствительный герой, способный на подвиг самопожертвования. Писатель-сентименталист «являл нам своего героя как совершенства образец»:

*Он одарял предмет любимый,
Всегда несправедливо гонимый,
Душой чувствительной, умом
И притягательным лицом.
Питая жар чистейшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой... [11].*

Не без иронии замечает о своей героине Марии Гавриловне в повести «Метель» А.С. Пушкин: «Марья Гавриловна была воспитана на французских романах, и следственно была влюблена» [12]. Для российского читателя времен А.С. Пушкина Сэмюэль Ричардсон стал привлекателен тем, что изображал мир чувств, описывал нравы и этические нормы. Однако в Англии после появления романа Сэмюэля Ричардсона «Памела...» впервые возникает весьма острая полемика. С критикой социальных отношений, представленных в романе Сэмюэля Ричардсона, выступил Генри Филдинг. Писатели-просветители ранее старались избегать явных столкновений. Политические симпатии и художественно-эстетические системы представителей общественности, государственных деятелей, литературных и научных кругов создавали в ту пору сочное мозаичное полотно.

Список источников

1. Spurling Jonathan. Edward Wortley Montagu, 1713-1776: The Man in Iron Wig. London: A. Melrose, 1954. 251 p.
2. Александренко В.Н. Русская посольская церковь в Лондоне в XVIII веке. Варшава: Тип. Варшавского учебного округа, 1895.
3. Кросс А.Г. Василий Петров в Англии (1772-1774) / XVIII. Т.11: Н.И. Новиков и общественно-литературное движение его времени. Л.: Институт русской литературы (Пушкинский Дом), 1976. С. 229-246.
4. Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Византийская цивилизация и её влияние на исторические судьбы России как предмет осмысления в рамках консервативного общественно-политического дискурса // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2020. № 2. С. 97 – 122. ISSN 2224-0209. URL: www.evestnik-mgou.ru. С. 114.
5. Яснитский Н.А. Эдуард Гиббон о причинах падения Римской империи: монография. М.: Наш мир, 2023. 315 с.
6. Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи («The history of the decline and fall of the Roman Empire» (1776-88): рус. пер. В.Н. Неведомский. М.: Тип. В.Ф. Рихтера, 1883-1886: в 7 ч. Гл. I-LXXI.
7. The Autobiographies of Edward Gibbon. London: John Murray, 1896 (Автобиография Эдварда Гиббона. Лондон: Джон Мюррей, 1896; см.: Reprint: Charleston, SC: Nabu Press, 2010)
8. Вититнев С.Ф., Шмелева А.В. Язык и проблематика политической науки Древнего Рима [Электронный ресурс] // Язык и текст. 2022. Том 9. № 1. С. 35 – 48. DOI: 10.17759/langt.2022090103 С.39-40.
9. Ювенал. Сатиры. Книга V. Сатира тринадцатая: пер. Д.С. Недовича и Ф.А. Петровского; вступ. статья А.И. Белецкого. М.: Л.: Academia, 1937. 153 с.
10. Пушкин А.С. Евгений Онегин / Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 6. 700 с. Гл. III. С.55.
11. Лебедев Ю.В. История русской литературы XIX века: в 3 ч. Ч.1. 1800-1830-е годы. М.: Просвещение, 2007. 170 с.
12. Пушкин А.С. Метель / Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1937-1959. Т.8. Кн. 1 (1948). С. 75 – 86.

References

1. Spurling Jonathan. Edward Wortley Montagu, 1713-1776: The Man in Iron Wig. London: A. Melrose, 1954. 251 p.
2. Aleksandrenko V.N. Russian Embassy Church in London in the 18th Century. Warsaw: Type. Warsaw Academic District, 1895.
3. Cross A.G. Vasily Petrov in England (1772-1774). XVIII. T.11: N.I. Novikov and the Social and Literary Movement of His Time. L.: Institute of Russian Literature (Pushkin House), 1976. P. 229-246.
4. Vititnev S.F., Shmeleva A.V. Byzantine civilization and its influence on the historical destinies of Russia as a subject of understanding within the framework of conservative socio-political discourse. Bulletin of Moscow State Regional University (electronic journal). 2020. No. 2. P. 97 – 122. ISSN 2224-0209. URL: www.evestnik-mgou.ru. P. 114.
5. Yasnitsky N. A. Edward Gibbon on the reasons for the fall of the Roman Empire: monograph. M.: Nash mir, 2023. 315 p.
6. Gibbon E. The history of the decline and fall of the Roman Empire (1776-88): Russian translation by V.N. Nevedomsky. M.: Type. V.F. Richter, 1883-1886: in 7 parts. Ch. I-LXXI.
7. The Autobiographies of Edward Gibbon. London: John Murray, 1896 (Autobiography of Edward Gibbon. London: John Murray, 1896; see: Reprint: Charleston, SC: Nabu Press, 2010)
8. Vititnev S.F., Shmeleva A.V. Language and problems of political science of Ancient Rome [Electronic resource]. Language and text. 2022. Vol. 9. No. 1. Pp. 35 – 48. DOI: 10.17759/langt.2022090103 P.39-40.
9. Juvenal. Satires. Book V. Thirteenth Satire: trans. D.S. Nedovich and F.A. Petrovsky; entry article by A.I. Beletsky. M.: L.: Academia, 1937. 153 p.
10. Pushkin A.S. Evgeny Onegin. Pushkin A.S. Full collection cit.: in 16 volumes. T. 6. 700 pp. Ch. III. P.55.
11. Lebedev Yu.V. History of Russian literature of the 19th century: in 3 parts. Part 1. 1800-1830s. M.: Education, 2007. 170 p.
12. Pushkin A.S. Blizzard. Pushkin A.S. Complete works: in 16 volumes. Moscow-Leningrad: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1937-1959. Vol. 8. Book 1 (1948). P. 75 –86.

Информация об авторах

Вититнев С.Ф., доктор исторических наук, профессор, Российский государственный социальный университет, svititnev@yandex.ru

Шмелева А.В., кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой, Государственный университет просвещения, lug-anna@yandex.ru

Яснитский Н.А., кандидат исторических наук, доцент, Государственный университет просвещения, yasnitsky@bk.ru

© Вититнев С.Ф., Шмелева А.В., Яснитский Н.А., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 94. 060.26.01

Источники по истории строительства Чебоксарской ГЭС в фондах РГАЭ: историко-архивоведческий аспект

¹ Григорьев К.Ю.,
Российский государственный гуманитарный университет

Аннотация: статья посвящена истории строительства Чебоксарской гидроэлектростанции, которая является ярким примером долгосрочного планирования и реализации масштабных инженерных проектов в СССР. Идея создания каскада гидроузлов на реках Волга и Кама была предложена в 1931 г. в рамках проекта «Большая Волга». В процессе возникали сложности, связанные с проектированием и изменениями в планах относительно Волжско-Камского каскада, но несмотря на это Чебоксарский гидроузел оставался ключевым элементом как в довоенный, так и послевоенный периоды реализации проекта. Строительство Чебоксарской ГЭС было начато 22 января 1967 г. Это стало возможно благодаря многолетним усилиям и согласованиям с государственными органами. Статья также анализирует как положительные, так и отрицательные последствия строительства. С одной стороны, Чебоксарская ГЭС способствовала улучшению гидрологического режима реки Волги, снижению угрозы весенних паводков и обеспечению стабильного энергоснабжения. С другой – вмешательство в экосистему привело к значительным экологическим проблемам, включая затопление сельскохозяйственных угодий и ухудшение состояния окружающей среды. В результате, несмотря на достижения в области энергетики, проект вызвал недовольство среди местного населения и исследователей, поднимая важные вопросы о балансе между развитием инфраструктуры и охраной экологии. Статья опирается на исторические источники из Российского государственного архива экономики, что позволяет глубже понять социально-экономические и экологические аспекты данного проекта.

Ключевые слова: Чебоксарская гидроэлектростанция, строительство, инженерные проекты, каскад гидроузлов, проект «Большая Волга», проектное задание, экосистема, экологические последствия, затопление, сельскохозяйственные угодья, гидрологический режим, энергоснабжение, Российский государственный архив экономики, инженерная защита, биологическое разнообразие, социальные проблемы, население, экологический аспект

Для цитирования: Григорьев К.Ю. Источники по истории строительства Чебоксарской ГЭС в фондах РГАЭ: историко-архивоведческий аспект // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 278 – 284.

Поступила в редакцию: 3 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 5 июля, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Sources on the history of the construction of the Cheboksary hydroelectric power station in the collections of the Russian State Archive of the Economy: historical and archival aspect

¹ Grigoriev K. Yu.,

¹ Russian State University for the Humanities

Abstract: the article is devoted to the history of the construction of the Cheboksary Hydroelectric Power Station, which is a vivid example of long-term planning and implementation of large-scale engineering projects in the USSR. The idea of creating a cascade of hydraulic units on the Volga and Kama rivers was proposed in 1931 as part of the “Big Volga” project. Difficulties arose during the process related to design and changes in plans concerning the Volga-Kama cascade, but despite this, the Cheboksary hydroelectric unit remained a key element both in the pre-war and post-war periods of the project's implementation. The construction of the Cheboksary Hydroelectric Power Station began on January 22, 1967. This became possible thanks to many years of effort and coordination with state authorities. The article also analyzes both the positive and negative consequences of the construction. On the one hand, the Cheboksary Hydroelectric Power Station contributed to the improvement of the hydrological regime of the Volga River, the reduction of the threat of spring floods, and the provision of stable power supply. On the other hand, interference with the ecosystem led to significant environmental problems, including the flooding of agricultural lands and deterioration of the state of the environment. As a result, despite achievements in the field of energy, the project provoked dissatisfaction among the local population and researchers, raising important questions about the balance between infrastructure development and environmental protection. The article is based on historical sources from the Russian State Archive of the Economy, which makes it possible to gain a deeper understanding of the socio-economic and environmental aspects of this project.

Keywords: Cheboksary Hydroelectric Power Station, construction, engineering projects, cascade of hydraulic units, “Big Volga” project, project specification, ecosystem, environmental consequences, flooding, agricultural lands, hydrological regime, power supply, Russian State Archive of the Economy, engineering protection, biodiversity, social problems, population, environmental aspect

For citation: Grigoriev K. Yu. Sources on the history of the construction of the Cheboksary hydroelectric power station in the collections of the Russian State Archive of the Economy: historical and archival aspect. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 278 – 284.

The article was submitted: May 3, 2025; Approved after reviewing: July 5, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

История строительства Чебоксарской гидроэлектростанции является ярким примером долгосрочного планирования и реализации амбициозных инженерных проектов в СССР. Идея создания каскада гидроузлов на реках Волга и Кама, которая легла в основу Чебоксарской ГЭС, была выдвинута ещё в 1931 г. в рамках проекта «Большая Волга». Этот проект, разработанный под руководством профессора А. В. Чаплыгина и специалистов Бюро Большой Волги, предусматривал создание глубоководного пути, соединяющего Каспийское, Чёрное, Балтийское и Белое моря [6].

В довоенный период было построено лишь три гидроузла – Ивановский, Угличский и Рыбинский. В то время как проект продолжал дорабатываться, количество гидроэлектростанций, их мощность и расположение изменялись, но

Чебоксарский гидроузел оставался в каждом варианте. После Великой Отечественной войны проект реконструкции Волги был вновь пересмотрен, и к уже существующим станциям добавились планы по строительству шести новых на Волге и четырёх на Каме [7].

Строительство Чебоксарской ГЭС стало возможным благодаря усилиям института «Гидроэнергопроект», который в 1950-х гг. разработал проектное задание на строительство станции в Пихтулинском створе, расположенном в четырех километрах от Чебоксар. Однако в 1960 г. проектирование было передано Куйбышевскому филиалу Гидропроекта, который предложил внести изменения в расположение основных сооружений и уровень водохранилища. В результате, в 1963 г. было принято решение о размещении ГЭС в Ельниковском створе, находящемся на 11 километров ниже Чебоксар [1].

Материалы и методы исследований

Проектная документация была тщательно проработана и согласована с различными государственными органами. Важным моментом стало утверждение проектного задания Советом Министров СССР 22 января 1967 г., который и считается официальной датой начала строительства Чебоксарской ГЭС. Этот этап ознаменовал собой переход от проектирования к реальным строительным работам, которые вскоре начались на месте будущей станции.

В написании данной статьи достаточно значимыми стали исторические источники, хранящиеся в Российском государственном архиве экономики. Архив занимает особое место в современном информационном пространстве. Созданный в 1961 г., он стал единственным в России специализированным хранилищем экономической документации и крупнейшим собранием письменных источников по социально-экономической истории России и СССР с 1917 г. по 1990-е гг. В фондах РГАЭ сосредоточен огромный пласт информации о важнейших этапах развития российской экономики, науки, техники и социальной сферы.

При работе в РГАЭ было выявлено два основных фонда:

- фонд 4372, опись 66;
- фонд 7964, опись 2.

Говоря о строительных работах, стоит упомянуть о положительных и отрицательных сторонах данного процесса. Введение в эксплуатацию системы верхневолжских водохранилищ значительно изменило гидрологический режим реки Волги на территории Чувашии. В результате этих изменений Волга в пределах республики стала полностью регулируемой, что привело к резкому снижению естественных колебаний уровня воды [8]. Строительство каскада позволило смягчить угрозу весенних паводков, что является важным достижением для человека. К числу положительных аспектов можно отнести также увеличение объёма доступной воды и стабильность запасов. Чебоксарское водохранилище осуществляет суточное перераспределение притока к гидроузлу, что способствует эффективному использованию ресурсов в интересах энергетики.

Результаты и обсуждения

Оценки строительства были даны уже на этапе проектирования, в частности, их можно найти в фонде 7964 описи 2 Российского государственного архива экономики. Документ представляет собой письмо главного инженера М.О. Института

Гидроэнергопроект П.П. Орлова, в котором приводится статья о Чебоксарской ГЭС, доступная для напечатания в Чувашской газете «Коммунизм Ялаве». В ней раскрываются основные причины необходимости строительства ГЭС, приводится общий план расположения электростанций по всему периметру Волги, начиная с Щербаковской Горьковской, Чебоксарской ГЭС, оканчивая Астраханской. Ключевым фактором строительства Чебоксарского гидроузла выступила необходимость перераспределения стока рек Волги, Оки, Суры и других притоков, что позволило бы задержание вод весеннего паводка и сброса их в остальное время года. В дополнении, как упоминалось ранее, статья затрагивает тему обеспечения энергоснабжения близлежащих территорий, а именно Татарской, Чувашской, Марийской АССР [3].

Однако вмешательство человека в экосистему реки не проходит без негативных последствий для окружающей среды, Чебоксарское водохранилище не является исключением. Опыт эксплуатации показывает, что первоначальные оптимистичные прогнозы относительно его санитарного и экологического состояния после заполнения не оправдались [10]. В результате затопления были уничтожены наиболее продуктивные луга и плодородные пахотные земли, что нанесло значительный ущерб сельскому хозяйству соседних республик и областей [9]. Затрагивая вопрос затопления земель возле водохранилища Чебоксарской ГЭС, невозможно не обратиться к материалам экспертизы дополнительных проработок инженерной защиты сельскохозяйственных земель Горьковской области и Марийской АССР в зоне водохранилища Чебоксарской ГЭС, хранящимся в Российском государственном архиве экономики. Так называемые проектно-изыскательские работы по Чебоксарскому гидроузлу, начались ещё в 1930-х гг., однако основной объём этих работ был выполнен Гидроэнергетическим проектным институтом (ГИДЭП) и Гидропроектом в период с 1950 по 1970 гг [5].

Приказом №16 от 10 марта 1971 г. в район строительства ГЭС была направлена экспертная комиссия Госплана СССР совместно Главгосэкспертизой Госстроя СССР, которой было поручено в двухмесячный срок произвести оценку инженерной защиты сельскохозяйственных земель. Председателем был выбран экономист в области сельского хозяйства С.Ф. Демидов. Основными целями данной комиссии было:

- определение территорий, попадающих в зону затопления;

- выявление основных построек, которые необходимо произвести в каждом конкретном регионе;

- оценка финансовых затрат, требующихся на возведение защитных сооружений;

- оценка ущерба, который будет нанесён аграрно-промышленному комплексу близлежащих регионов и т.д [4].

Два месяца для данных задач достаточно короткий срок, поскольку, помимо приезда комиссии, велась долгая переписка с гос. органами регионов, попадающих в зону затопления. Об этом говорят письма Совета министров Марийской АССР, Лысковского районного комитета Госплана СССР о защите Горьковской области (Великовской, Фокинской, Лысковской, Просекской и Разнежской) и пр.

Ключевым результатом комиссии стал вывод о том, что соизмеримость потери урожаев сельского хозяйства в зонах затопления и затрат на постройку защитных сооружений не равнозначен, и даже не стремится к этому. Поэтому основные рекомендации комиссии были направлены на защиту земель и создание компенсационного фонда, для тех низин, которые всё-таки могут уйти под воду [4].

Кроме того, перекрытие реки в силу строительства вызвало цепную реакцию изменений в экосистеме, затронув условия произрастания прибрежной и водной растительности, а также обитания птиц и нереста рыб. Это, в свою очередь, привело к изменению биологического разнообразия. Заполнение водохранилища также означало исчезновение природных комплексов поймы и нижних террас, под толщей воды оказались накопленные природой ресурсы, такие как органические соединения почвы, древесина и растительность, что привело к массовой гибели животных.

Привлечение архивных источников в исследовании истории строительства Чебоксарской ГЭС даёт возможность комплексно рассматривать и экономический, и социальный аспекты развития. Прежде всего, это документы, касающиеся смет, финансовых отчётов, планов и актов, подписанных руководителями соответствующих министерств и ведомств [9]. Именно в подобных материалах можно разглядеть отражение реального масштаба затраченных средств, оценить пропорции распределения финансовых потоков и выявить практику экономического расчёта, характерную для того исторического периода [14]. Сметная документация позволяет проследить изменения в

плане работ, отражая корректировки в технологии, сроках и объёмах требуемых ресурсов. При этом степень детализации финансовой информации открывает перед исследователем широкие возможности для реконструкции процессов. Некоторые документы могли содержать только общие цифры и графики, в то время как другие – конкретизировать статьи расходов, чётко указывая, какие субподрядные организации привлекались, какова структура затрат на строительные материалы и оборудование. Сопоставляя такие финансовые отчёты с решениями, принятыми в высших государственных органах, историки могут понять, каким образом формировалась экономическая политика государства, ориентированная на масштабное развитие гидроэнергетики. Интересно, что большие средства, вложенные в электрификацию страны, обуславливались идеологическими установками на превращение СССР в передовую индустриальную державу. Записи совещаний в министерствах, наряду с пояснительными записками к сметам, демонстрируют серьёзность подхода к распределению финансов, ведь каждый проект имел стратегическое и военно-экономическое значение. Однако архивные фонды предоставляют не только обширные данные по финансовым вопросам, но и ряд свидетельств социального характера, связанных с переселением людей из зоны затопления. Механизм алиментационных выплат, компенсационных сумм за утраченное имущество, а также организация новых жилых массивов – всё это отражено в документах РГАЭ. Именно через призму подобных документов можно увидеть, как государство стремилось компенсировать местному населению негативные последствия строительства ГЭС и какие механизмы были задействованы для устранения возможных социальных конфликтов. Не все детали этих мероприятий получили широкий общественный резонанс в те годы, но в архивах сохранились материалы, проливающие свет на сложную социальную динамику, сопровождавшую исторический процесс возведения Чебоксарской ГЭС. Важность финансовых и социальных данных состоит в том, что они позволяют более полно понять объективный масштаб проекта, а также то, каким образом государство пыталось управлять сложной системой согласований, переквалификации кадров, перераспределения человеческих ресурсов и материальных фондов. Подобное изучение помогает выработать критический взгляд на экономические расстановки сил, доминировавшие в ходе строительства, и

пробудить интерес к дальнейшим исследованиям в этой области.

Особую группу источников в фондах РГАЭ составляют материалы, связанные с проектными изысканиями, калькуляциями и технико-экономическими обоснованиями. Сюда входят чертежи, расчёты пропускной способности гидроузла, планы гидротехнических сооружений, документы по оценке воздействия на окружающую среду [1]. Подобного рода конфигурации рабочей документации способны помочь понять, с какими техническими вызовами сталкивались проектировщики и каковы были резервы для инноваций [10]. Советская проектная школа к тому моменту накопила немалый опыт возведения крупных внутренних гидроэнергетических объектов, поэтому часть методов и подходов к расчёту конструкций перешла в серию типовых решений, что заметно по унифицированным чертежам различных ГЭС. Однако специфика Чебоксарской ГЭС заключалась в ряде географических и гидрологических особенностей реки Волги в том сегменте, где строилась станция. То, насколько проектировщики учитывали эти особенности, проявляется в корректировке первоначальных планов, о чём свидетельствуют приказы сверху, отражённые во внутренних служебных записках. При этом наличие нескольких альтернативных проектов на стадии предварительной проработки говорит о том, что в определённый период власти рассматривали различные способы оптимизации затрат и сокращения сроков, в том числе через возможное применение иных материалов, конструкций и подходов к управлению пропуском паводковых вод. Анализ таких документов раскрывает логику плановой экономики, где сочетались строгая вертикаль принятия решений и тесные контакты с проектными институтами на местах. Архивные дела, посвящённые запросам расчётных материалов, часто содержат комментарии экспертов, рекомендации геологов и гидрологов, а также пояснения специалистов-конструкторов об особенностях фундамента, опор и плотин. В них прослеживается корректировка подхода к водопропускным сооружениям, что помогало принимать решения о необходимости дополнительных укреплений береговой линии и строительства вспомогательных объектов. Понимание всех этих нюансов важно для полноценного представления процесса, в котором взаимодействовали технологическая и организационная составляющие. Проектировщики не только следовали директивам, но и пытались учесть ограниченные ресурсы того времени,

адаптируя технические решения к реальному статусу поставок цемента, металлоконструкций и специфического оборудования. Всё это создаёт богатейший пласт информации для историков техники, изучающих эволюцию советской школы гидростроительства. Завершение анализа проектных досье нередко даёт представление о той разновидности творческой деятельности, которая, будучи закованной в плановые рамки, всё же допускала известную гибкость в поиске оптимальных решений. Здесь наглядно иллюстрируется взаимодействие риска, инновации и госпоставок в условиях экономических ограничений, характерных для советской плановой системы. Поэтому у исследователя существует уникальная возможность проследить, как совершенствовались подходы к проектированию гидротехнических стационарных конструкций и формировались стандарты, определившие успех последующих поколений инженеров.

Из аналитических материалов РГАЭ можно извлечь информацию о том, как зарождалась и развивалась инфраструктура вокруг строящейся Чебоксарской ГЭС. Документы свидетельствуют о необходимости сопутствующих объектов: дорог, подъездных путей, систем энергоснабжения для строительных площадок, жилья для рабочих и специалистов, временных коммунальных хозяйств [3]. Планировалась масштабная перестройка близлежащих территорий, ведь крупный гидротехнический объект требует модернизации транспортной и социальной инфраструктуры [13]. Основная идея заключалась в том, что создание ГЭС должно приносить пользу всей республике, в которой она размещалась, а также смежным регионам за счёт генерации электроэнергии, улучшения судоходства и развития промышленного потенциала на прилегающих территориях. Архивные дела показывают, каким образом согласовывалось строительство дорог и мостов, распределялись земельные участки под строения, и описывают процедуру привлечения трудовых ресурсов. В этих материалах можно найти упоминания о том, какие институты или ведомства брали на себя координацию возведения сопутствующих объектов, каким образом устанавливались приоритеты и распределялись поставки нужных стройматериалов. Хранящиеся в РГАЭ статистические отчёты об использовании автомобилей, строительной техники, объёмах перевезённых грузов и количестве задействованных рабочих подкрепляют эти сведения дополнительными цифрами. Анализ подобной отчётности высвечивает количествен-

ные показатели, которые помогают понять реальный масштаб работ и выявить ключевые проблемы, возникавшие на местах, например, нехватку квалифицированных кадров или строительных механизмов. Подбор исполнителей и распределение организационных обязанностей иллюстрируют логику планового хозяйства, для которого важно не только поставить задачу, но и найти оптимальное сочетание ресурсов. Хронология принятия решений, прослеживаемая по датам в архивных делах, показывает, что параллельно со строительством станции шло развитие промышленности в регионе, запускались новые предприятия, способные поставлять стройматериалы и модули для конструкций. Однако реалии советской экономики нередко вели к тому, что планы приходилось корректировать из-за перебоев с поставками, очередей на распределение техники и нехватки компонентов. Все эти факторы в совокупности создавали сложную цепочку взаимодействий между центральным аппаратом, местными властями и строительными организациями. И хотя официальная риторика не всегда признавала сложности и задержки, материалы в фондах РГАЭ нередко содержат упоминания о необходимости срочной корректировки первоначальных проектных предписаний в связи с неравномерностью снабжения. Таким образом, каждый исследователь, обращающийся к тематике Чебоксарской ГЭС, непременно столкнется с уникальным комплексом проблем инфраструктурного характера, которые ярко высвечивают специфику советской плановой экономики.

Неотъемлемой частью архивного наследия по Чебоксарской ГЭС являются протоколы совещаний, докладные записки и циркуляры, отражающие деятельность высших партийных и государственных органов. Подобные источники демонстрируют многоступенчатость принятия решений, при которой распоряжения Госстроя, Минэнерго и иных учреждений филигранно согласовывались между собой [5]. Важно отметить, что строительство столь крупного гидроэнергетического объекта затрагивало интересы не только узких специалистов, но и регионального руководства, а также союзных ведомств, курирующих развитие промышленной и оборонной сферы. Высокая степень бюрократизации проявилась в обилии директив, указывающих на установленные сроки, финансовые лимиты и технические параметры. В протоколах совещаний указывается положение дел на конкретные периоды, рассматриваются

основные затруднения и возможности их оперативного устранения [6]. Наглядно прослеживается механизм, когда каждый этап возведения Чебоксарской ГЭС получал политическую и идеологическую оценку, и только после этого включался в плановую повестку. Это привело к тому, что доступность ресурсов нередко зависела от умения привлечь интерес соответствующих министерств, обосновать политическую выгоду и стратегическую важность данного проекта. Протоколы высших органов власти дают историкам возможность реконструировать атмосферу, в которой велась полемика о способах решения возникающих проблем. Порой можно увидеть явные расхождения между специалистами технического блока и руководителями партийных организаций, стремившимися ускорить строительство вопреки мнению инженеров. С другой стороны, некоторые решения, принятые в Москве, шли вразрез с региональным контекстом, создавая дополнительные конфликты на местах. Изучение протоколов показывает, что поиск компромиссов был сложным процессом, где смешивались амбиции, идеологические установки и объективные ограничения технического и финансового характера. Показательно, что в некоторых документах подчёркивается необходимость учёта интересов местного населения и согласования вопросов, связанных с защитой окружающей среды, хотя на практике эти факторы далеко не всегда ставились во главу угла. В итоге становится очевидным, что политическая поддержка проекта определяла его статус, но техническая реализуемость и соблюдение сроков зависели от более тонких механизмов взаимодействия между разными уровнями власти и плановыми органами.

Выводы

Подводя итог, «Всесоюзная ударная стройка Чебоксарской ГЭС» [2], несмотря на масштабную подготовку, прогнозирование угроз окружающей среде и создание мер по её защите, до сих пор вызывает негодование у многих исследователей и некоторой части местного населения близлежащих регионов. Спорным моментом выступил именно экологический аспект. Строительство Чебоксарской ГЭС затопило более 25 тысяч гектаров сельскохозяйственных угодий, и ещё 1500 гектаров в низинах активно заболачиваются на данный момент. Часть пахотных земель осталась необработанной и превратилась в залежь. Попытки возведения дамбы вокруг населённых пунктов, в частности, Юринского района не смогли предотвратить подтопление жилых

массивов, что привело к значительному уменьшению численности населения района: после создания Чебоксарского водохранилища его население сократилось более чем в три раза.

Незаконченное строительство ГЭС, несмотря на свои преимущества, также принесло серьезные экологические и социальные проблемы, требующие внимательного анализа и решения.

Список источников

1. История ГЭС [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cheges.rushydro.ru/hpp/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 28.01.2025)
2. Князев Ю.А. Зарево над Волгой. Хроника 125 дней Всесоюзной ударной стройки Чебоксарской ГЭС. Чебоксары: Чувашкнигоиздат, 1981. 112 с.
3. РГАЭ. Фонд 7964. Опись 2. Дело № 1785.
4. РГАЭ. Фонд 4372. Опись 66. Дело № 50-23.
5. Чебоксарская ГЭС на реке Волга. Технический отчёт о проектировании, строительстве и первом периоде эксплуатации: в 2 т. М.: Ин-т «Гидропроект», 1988. Т. 1. С. 18 – 19.
6. Яковлев А.С. Большая Волга. Очерки / Предисловие проф. А.В. Чаплыгина. М.: ОГИЗ Молодая гвардия, 1933. 79 с.
7. Абдурашитов Ф.М., Кенджаев М.Д. Основные этапы истории строительства Рогунской ГЭС // Историк. 2021. № 4 (28). С. 5 – 15.
8. Михайлов М.Г. Контрактные, проектные, производственные, строительные, пусконаладочные, эксплуатационные вопросы, случаи и ситуации при строительстве ГЭС // Гидротехническое строительство. 2025. № 6. С. 10 – 20.
9. Жук В.О. ГОЭЛРО: реализация плана на Урале // Главный энергетик. 2021. № 11. С. 62 – 73.
10. Савицкий А.В. Географические аспекты развития возобновляемой энергетики // Вопросы права, экономики и технологий. 2024. № 2. С. 58 – 71.

References

1. History of the hydroelectric power station [Electronic resource]. Access mode: https://cheges.rushydro.ru/hpp/?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (date of access: 01/28/2025)
2. Knyazev Yu.A. Glow over the Volga. Chronicle of 125 days of the All-Union shock construction of the Cheboksary hydroelectric power station. Cheboksary: Chuvashknigoizdat, 1981. 112 p.
3. RGAE. Collection 7964. Inventory 2. Case No. 1785.
4. RGAE. Collection 4372. Inventory 66. Case No. 50-23.
5. Cheboksary hydroelectric power station on the Volga River. Technical report on the design, construction and first period of operation: in 2 volumes. Moscow: Institute "Gidroproekt", 1988. Vol. 1. P. 18 – 19.
6. Yakovlev A.S. Bolshaya Volga. Essays. Preface by prof. A.V. Chaplygina. Moscow: OGIZ Molodaya Gvardiya, 1933. 79 p.
7. Abdurashitov F.M., Kendzhaev M.D. The main stages in the history of the construction of the Rogun HPP. Historian. 2021. No. 4 (28). P. 5 – 15.
8. Mikhailov M.G. Contract, design, production, construction, commissioning, operational issues, cases and situations during the construction of hydroelectric power plants. Hydrotechnical construction. 2025. No. 6. P. 10 – 20.
9. Zhuk V.O. GOELRO: implementation of the plan in the Urals. Chief Power Engineer. 2021. No. 11. P. 62 – 73.
10. Savitsky A.V. Geographical aspects of renewable energy development. Issues of law, economics and technology. 2024. No. 2. P. 58 – 71.

Информация об авторе

Григорьев К.Ю., Российский государственный гуманитарный университет, konstantin.9rigoriev@yandex.ru

© Григорьев К.Ю., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 94

Исследование факторов и причин провала действий США в Афганистане в период с 2001 по 2021 год

¹ Ибрахими М.И.И.,
¹ Московский педагогический государственный университет

Аннотация: поражение США в Афганистане после двух десятилетий военно-политического присутствия стало результатом сложного переплетения структурных, политических, экономических и социальных факторов. В данной статье рассматриваются десять ключевых факторов, включая непонимание культуры и социальной структуры Афганистана, неэффективность военной стратегии США, широко распространенную коррупцию и слабую легитимность марионеточного правительства в Кабуле, частую смену политики и нестабильность в принятии решений в Вашингтоне, роль региональных игроков, экономические ограничения и отсутствие устойчивого развития, дипломатическую слабость и региональную нестабильность. Влияние СМИ и внутреннее давление Соединенных Штатов, неспособность обеспечить устойчивую безопасность и игнорирование статуса Афганистана как независимого и суверенного государства проанализировали причины неудачи Соединенных Штатов. Результаты показывают, что отсутствие комплексного стратегического планирования, внутренняя политическая нестабильность, систематическая коррупция, недостаточное взаимодействие с региональными игроками и игнорирование культурных и социальных аспектов привели к снижению легитимности и эффективности американского присутствия и привели к возвращению Талибана и краху марионеточного правительства. В исследовании подчеркивается, что любое военное-политическое вмешательство в такие сложные страны, как Афганистан, требует многомерного подхода, уважения национального суверенитета и регионального сотрудничества для обеспечения его успеха.

Ключевые слова: факторы, восточные субъекты, типы коррупции, нестабильность, Афганистан и провал Америки

Для цитирования: Ибрахими М.И.И. Исследование факторов и причин провала действий США в Афганистане в период с 2001 по 2021 год // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 285 – 298.

Поступила в редакцию: 5 мая 2025 г.; *Одобрена после рецензирования:* 7 июля, 2025 г.; *Принята к публикации:* 11 августа 2025 г.

An examination of the factors and causes of the failure of US actions in Afghanistan from 2001 to 2021

¹ Ibrahimi M.I.I.,
¹ Moscow Pedagogical State University

Abstract: the US defeat in Afghanistan after two decades of military and political presence was the result of a complex interplay of structural, political, economic and social factors. This article examines ten key factors, including misunderstanding of the culture and social structure of Afghanistan, ineffectiveness of the US military strategy, widespread corruption and weak legitimacy of the puppet government in Kabul, frequent policy changes and instability in decision-making in Washington, the role of regional players, economic constraints and lack of sustainable

development, diplomatic weakness and regional instability. The influence of the media and domestic pressure of the United States, the inability to provide sustainable security and ignoring the status of Afghanistan as an independent and sovereign state are analyzed as the reasons for the failure of the United States. The results show that the lack of comprehensive strategic planning, domestic political instability, systemic corruption, insufficient engagement with regional players and ignoring cultural and social aspects led to the decline of the legitimacy and effectiveness of the US presence and led to the return of the Taliban and the collapse of the puppet government. The study emphasizes that any military-political intervention in complex countries such as Afghanistan requires a multidimensional approach, respect for national sovereignty and regional cooperation to ensure its success.

Keywords: factors, eastern actors, types of corruption, instability, Afghanistan and American failure

For citation: *Ibrahimi M.I.I. An examination of the factors and causes of the failure of US actions in Afghanistan from 2001 to 2021. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 285 – 298.*

The article was submitted: May 5, 2025; Approved after reviewing: July 7, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Военное и политическое присутствие США в Афганистане, начавшееся в 2001 году после терактов 11 сентября, является одним из самых продолжительных и дорогостоящих иностранных вмешательств в современной истории страны. Вмешательство, начавшееся под лозунгом борьбы с терроризмом, подавления «Аль-Каиды» и свержения режима Талибана, вскоре превратилось в комплексный проект по государственному строительству, национальному строительству и восстановлению Афганистана. Однако в августе 2021 года, после поспешного вывода американских войск из Афганистана и падения кабульского правительства, мировое общественное мнение стало свидетелем горькой и неоспоримой реальности: полного провала западного проекта в Афганистане. Это событие стало не только военным поражением, но и крушением политической, экономической, культурной модели, модели безопасности; модели, которая была реализована без понимания исторических, социальных и региональных реалий Афганистана. Таким образом, в настоящем исследовании предпринята попытка изучить причины и механизмы двадцатилетнего провала США в Афганистане с помощью аналитического подхода и достичь многослойного и междисциплинарного взгляда, который позволит переосмыслить процесс краха американского проекта в Афганистане во внутреннем, региональном и международном контекстах. Основная цель данного исследования – подробно и систематически объяснить совокупность факторов, которые постепенно привели к провалу Соединенных Штатов; такие факторы, как отсутствие глубокого понимания социальной и культурной структуры Афганистана, систематическая коррупция в прозападном правительстве, неэффективность военных стратегий, отсутствие устойчивого экономического развития,

вмешательство региональных субъектов, а также слабая дипломатия и политическая сплоченность на уровне принятия решений США. В научной литературе некоторые исследования были сосредоточены на военных аспектах поражения США, например [1, с. 225]. Другие возлагают вину на неэффективность формирования правительства и коррупцию в афганской правительственной структуре [2, с. 216; 3, с. 100; 4, с. 108]. Роль Пакистана и других стран региона в укреплении Талибана также отмечалась в независимых исследованиях [5, с. 43]. Однако комплексное исследование, объединяющее эти факторы в многомерном синергетическом анализе и рассматривающее динамическую взаимосвязь между ними, до сих пор встречается в научной литературе редко. Целью данного исследования является создание точной и документированной картины причин этого великого поражения, используя исторические, аналитические и политические отчёты, теории международных отношений, политическую социологию и военную экономику. С этой точки зрения, данное исследование может не только расширить кругозор в изучении Афганистана, но и способствовать более точному пониманию ограничений западного военного вмешательства в пост колониальные общества. Результаты данного исследования также могут быть использованы в качестве исторического урока и руководства для политиков, дипломатов и экспертов по международным отношениям.

Материалы и методы исследований

В данном исследовании для глубокого и системного анализа причин поражения США в Афганистане в период с 2001 по 2021 год использовался качественно-аналитический метод. Этот метод позволяет рассматривать явления и события в их историческом, политическом, социальном и геополитическом контексте и особенно широко применяется при анализе сложных вопросов меж-

дународной политики и долгосрочных военно-политических неудач.

В рамках данного исследования предпринята попытка объяснить различные факторы неудачи США, используя документальные, исторические, медийные данные и анализ политической и военной элиты. Исследование сосредоточено на изучении процессов и политики, проводимой Соединенными Штатами в ответ на внутренние и региональные события, которые привели к неудаче.

Поскольку целью исследования является качественное исследование причин неудач, выборка была проведена целенаправленно; это означает, что в анализ включены только те источники и документы, которые напрямую и достоверно освещают процессы принятия решений, военные операции, внутреннюю ситуацию в Афганистане и влияние региональных актеров.

Инструменты сбора данных в данном исследовании включают:

Изучение библиотечных ресурсов, включая книги, научные статьи, официальные отчеты (Пентагона и международных организаций).

Анализ отчетов международных организаций, таких как ООН, Всемирный банк и Human Rights Watch.

Обзор аналитических материалов, посвященных военной, политической и академической элите, в виде записей интервью и анализа СМИ.

Использование опубликованных отчетов бывших офицеров и дипломатов США и НАТО, опубликовавших мемуары или документы, связанные с их миссиями после ухода со службы.

Поэтому для анализа данных использовался тематический анализ. После сбора и классификации качественные данные были классифицированы на основе ключевых тем исследования (т.е. десяти факторов неудач), а затем проанализированы и интерпретированы с использованием сравнительного анализа и концептуальных основ международных отношений и теорий безопасности. При этом были предприняты усилия по предотвращению повторов и редукционизма путем соблюдения последовательности и аналитической логики, а также оценки каждого фактора во взаимодействии с другими факторами. Кроме того, для валидации результатов используется метод сравнения нескольких источников, позволяющий подтвердить выводы не только с точки зрения одного источника, но и путем сопоставления различных данных (официальных, академических и медийных). Эта мера повышает надёжность и внутреннюю валидность анализа.

Результаты и обсуждения

Одной из основных причин поражения США в

Афганистане стала неспособность США глубоко понять культуру, социальную и племенную структуру страны. Афганистан – страна со сложным сочетанием этнических групп, племен, религий и древних традиций, исторически и культурно укоренённых в общественной ткани. Недостаток признания и уважения этих реалий со стороны американских политиков и командиров привёл к провалу многих их действий в Афганистане и даже вызвал негативную реакцию местного населения [6].

Соединенные Штаты и их союзники вошли в Афганистан, используя военный и технократический подход, полагая, что, используя военную силу и модернизируя государственные структуры, они смогут быстро установить порядок и безопасность. Но реальность Афганистана была гораздо сложнее. Племенная структура и личные отношения, основанные на доверии и местных традициях, заменили формальные центральные институты, которые Соединенные Штаты намеревались укрепить. Многие районы Афганистана находились под жестким контролем центрального правительства, а влияние местных и религиозных лидеров было значительно сильнее.

Социологические и исторические исследования показывают, что сопротивление иностранным силам в Афганистане часто основывается на этих традиционных и культурных структурах. Талибан, как сила сопротивления, также смог использовать эти социальные структуры для создания мощных сетей поддержки и завоевания поддержки населения. Недостаточное понимание американцами этих структур привело к тому, что их политика порой противоречила местным интересам и культуре и подрывала легитимность американского марионеточного правительства [7, с. 61-62].

Кроме того, американский подход к религиозным вопросам также продемонстрировал недостаточное внимание к роли религии в афганском обществе. Ислам играет центральную роль в идентичности и повседневной жизни афганского народа, и любая политика, игнорирующая этот аспект, встретит решительное сопротивление. С другой стороны, Соединенные Штаты и их союзники не смогли наладить диалог с местными религиозными лидерами и использовать их потенциал для стабилизации безопасности и развития.

Помимо культурных различий, основным барьером в общении был язык. Афганистан – многоязычная страна, где каждая этническая группа имеет свой язык и диалект. Эти различия затрудняли прямое и эффективное общение между иностранными силами и местным населением, и многие сообщения и программы не были донесены должным образом [8].

Действительно, отсутствие признания и уважения к культуре, социальной и религиозной структуре Афганистана привело к провалу многих усилий США по созданию центральных государственных институтов, милитаризации общества и реализации программ развития. Это стало одним из важнейших структурных факторов, приведших к окончательному поражению США, показав, что любое иностранное вмешательство не может быть успешным без глубокого понимания социальных и культурных реалий.

*Неэффективность военной стратегии
США и асимметричная война*

Вторым фактором поражения США в Афганистане стала неэффективность их военной стратегии перед лицом асимметричной и партизанской войны Талибана. Первоначальная стратегия США основывалась на значительном военном превосходстве, использовании передовых технологий и мощных авиаударах, которые были эффективны в классической войне с применением обычных вооруженных сил, но быстро оказались неэффективными против противника, действовавшего с помощью партизанской тактики, психологической войны и народной поддержки [9].

С самого начала Талибану удалось воспользоваться сложными географическими условиями Афганистана, используя местные связи и поддержку населения для асимметричных действий против сил США и НАТО. Группировка, используя глубокое знание горных районов, деревень и социальной структуры, смогла нанести сокрушительные удары американским войскам и подорвать любые усилия по установлению прочной безопасности [1, с. 225].

Кроме того, американский подход к «войне с террором», основанный в значительной степени на авиаударах, спецоперациях и использовании передовых технологий, игнорировал важность «построения» государства и общества, устойчивых к повстанцам. Многие военные эксперты считают, что Соединенные Штаты сосредоточились на классических военных навыках и не смогли должным образом адаптироваться к характеру асимметричной войны, в которой доминировал Талибан.

Кроме того, вопросы этики и прав человека также влияли на военную стратегию США. Операции, приведшие к жертвам среди гражданского населения, усилили ненависть общества к американским войскам и поддержку Талибана. Это особенно проявилось в сельской местности, где население было крайне консервативным и религиозным, и способствовало успешности психологиче-

ской войны Талибана против Соединенных Штатов.

С другой стороны, Соединенные Штаты сильно зависели от афганских военных, но эти силы часто терпели неудачу или распускались в борьбе с Талибаном из-за широко распространенной коррупции, недостаточной подготовки и отсутствия мотивации. Эта зависимость свела на нет усилия США по стабилизации внутренней безопасности, и Талибан постепенно взял под контроль все больше территорий. С точки зрения логистики и времени, длительная война и неограниченные американские ресурсы не могли привести к решающей победе. Американские войска сражались в то время, когда в американском обществе и мире нарастало политическое и экономическое давление, требующее прекращения войны, что снижало военную активность и концентрацию внимания [10, с. 55-82].

Фактически, военная стратегия США не соответствовала асимметричной и сложной войне в Афганистане, а неспособность адаптировать военную тактику и методы к реалиям поля боя стала одним из ключевых факторов поражения США.

*Широко распространённая коррупция
и слабая легитимность марионеточного
правительства США в Кабуле*

Широкая коррупция и слабая легитимность марионеточного правительства США в Кабуле являются одними из важнейших и глубоких факторов поражения США в Афганистане, последствия которого систематически наблюдаются во всех секторах государственного управления и афганского общества. Афганское правительство, сформированное после падения режима Талибана при широкой военной и финансовой поддержке США и международного сообщества, с самого начала столкнулось с кризисом легитимности, поскольку его воспринимали скорее как зависимое и марионеточное государство, чем как подлинное и независимое представительство воли афганского народа. Организованная коррупция и влияние мафиозных сетей в правительстве не только истощали жизненно важные ресурсы страны и международную помощь, но и привели к глубокому недоверию к государственным институтам и увеличили разрыв между народом и правительством. Эта коррупция была широко распространена на различных уровнях, от государственных учреждений до сил безопасности и вооружённых сил, и негативно сказывалась на качестве государственных услуг [11, с. 29-30].

К наиболее важным последствиям коррупции относится снижение эффективности и мотивации государственных служащих, которые во многих

случаях были вовлечены в коррупционные схемы и финансовые злоупотребления вместо того, чтобы выполнять свои обязанности. Это привело к тому, что многие программы и проекты развития были потрачены незаконным путем и ради личной выгоды, а не на благо народа. Кроме того, слабость судебной системы и отсутствие эффективной подотчетности создали условия для продолжения коррупции и несправедливости. Эта ситуация привела к повсеместному росту общественно-недовольства и возникновению у людей чувства несправедливости и незащищенности.

Слабость государственной легитимности глубоко отразилась на политической и социальной структуре Афганистана. Это правительство, сформированное на основе этнического и политического разделения власти, не смогло обеспечить национальное единство. Вместо этого коррупция и этническая дискриминация углубили социально-политический раскол, отделив значительные территории страны от центрального правительства. Многие этнические и социальные группы считали, что правительство не представляет их интересы в полной мере, и поэтому искали альтернативные пути обеспечения безопасности и справедливости. Этот вакуум легитимности предоставил Талибану и другим вооруженным группировкам хорошую площадку для прихода к власти [4, с. 108].

С точки зрения Киссинджера, Афганистан никогда не был современным государством. Государственность требует чувства общей приверженности и концентрации власти. Афганская почва полна противоположных элементов. Создание в Афганистане современного демократического правительства, в котором правила управления единообразно применяются по всей стране, требует периода в несколько лет, а то и десятилетий. Это противоречит географическому и этнорелигиозному характеру страны. Раздробленность, труднодоступность и отсутствие центральной власти в Афганистане сделали его привлекательной базой для террористических сетей [12].

Помимо широко распространенной коррупции в правительстве, афганские силы безопасности также столкнулись с серьезными проблемами. Коррупция в армии и полиции, недостаточная подготовка и оснащение, недостаточное жалование и отсутствие мотивации не позволяли этим силам эффективно противостоять Талибану. Некоторых командиров и сотрудников сил безопасности даже обвиняли в сговоре с Талибаном, что привело к снижению военного потенциала правительства. Слабость этих сил как опоры безопасности позволила Талибану быстро захватить кон-

троль над территориями и привести к развалу оборонной системы страны [13].

Коррупция и слабая легитимность также были серьезными препятствиями на пути экономического и социального развития Афганистана. Проекты развития, реализуемые с привлечением крупного международного капитала, не дали ощутимых результатов из-за неэффективного управления и нецелевого использования ресурсов. Отсутствие базовой инфраструктуры, неадекватные услуги здравоохранения и образования, а также нехватка рабочих мест серьезно осложнили жизнь людей и усилили их недовольство. Талибы использовали эти пробелы в своих интересах для привлечения поддержки населения. Обещания Талибана о порядке и справедливости, хотя и идеологически ограниченные, были привлекательны в регионах, где правительство было неэффективным.

Наконец, широко распространенная коррупция и нелегитимность правительства также привели к снижению политической и финансовой поддержки со стороны международного сообщества и Соединенных Штатов. Другие страны-доноры были менее охотно инвестировали и поддерживали правительство, неспособное сохранять суверенитет и проводить реформы. Эта ситуация создала порочный круг, в котором слабость правительства привела к сокращению помощи и поддержки, что, в свою очередь, усугубило и без того слабое правительство. Этот процесс в конечном итоге привел к падению правительства в Кабуле и спешному выводу войск США в 2021 году [14, с. 1-29].

Опыт Афганистана ясно показал, что без создания легитимного, прозрачного и подотчетного правительства любые усилия по стабилизации безопасности и развитию обречены на провал. Широко распространенная коррупция и слабая легитимность стали основополагающими факторами, которые не только срывали военные и политические проекты США, но и привели афганское общество к возвращению к нестабильной и небезопасной ситуации.

Частые изменения политики и нестабильность в принятии решений в Вашингтоне

Частые изменения политики и нестабильность в принятии решений в Вашингтоне стали одним из важнейших и влиятельных факторов поражения США в Афганистане, что нарушило ход войны и процесс восстановления страны. С начала ввода американских войск в Афганистан в 2001 году и до окончательного вывода войск в 2021 году каждое правительство США придерживалось различных подходов и стратегий, зачастую без долгосрочной координации и тщательного планирования. Эти частые изменения политики затрудняли

для полевых войск, афганских сил безопасности и региональных союзников возможность полагаться на четкую и устойчивую дорожную карту, что снижало эффективность усилий [15, с. 13-14].

В период первого военного присутствия США основной политикой было свержение Талибана и противодействие «Аль-Каиде», что сопровождалось относительным успехом. Однако вопрос войны быстро перешёл в новую фазу, и США попытались создать в Афганистане новую политическую систему. Это изменение целей без предоставления адекватных механизмов поддержки привело к путанице в стратегиях и планах. Администрация Джорджа Буша-младшего сосредоточилась на военных операциях, пытаясь обеспечить безопасность путём нанесения ударов по очагам терроризма, но политической структуре Афганистана уделялось мало внимания.

С приходом к власти администрации Обамы акцент сместился на политическое и экономическое восстановление, и была рассмотрена стратегия «продвижения государственного строительства» в Афганистане. Обама также увеличил численность войск в рамках стратегии «наращивания сил», но это увеличение также столкнулось с трудностями: из-за смены стратегии на полпути развёрнутые силы оказались в тактической растерянности и утратили уверенность в долгосрочных планах. В то же время администрация Обамы столкнулась с постоянным внутренним и международным давлением, требующим сокращения военных обязательств, что усугубило политическую нестабильность [16, с. 2].

С тех пор администрация Трампа изменила подход, сократив своё военное присутствие и сосредоточившись на переговорах с Талибаном. Это изменение стратегии, без полной координации с афганским правительством и региональными союзниками, а также без гарантий поддержания безопасности, создало атмосферу нестабильности. Подписание Дохийского соглашения между США и Талибаном в 2020 году, которое было достигнуто без участия афганского правительства, стало ярким примером нестабильности и непоследовательности в принятии решений, что подорвало легитимность кабульского правительства и усугубило внутренние разногласия [17, с. 112-113].

Администрация Байдена также приняла решение о полном выводе американских войск, однако это решение было принято в тот момент, когда афганские силы безопасности были неспособны противостоять Талибану из-за структурной слабости и сокращения поддержки. Этот поспешный вывод войск без надлежащего планирования передачи полномочий и обеспечения безопасности

привёл к быстрому падению правительства в Кабуле и возвращению Талибана к власти [18, с. 63].

Эти частые изменения политики, помимо негативного влияния на военный процесс, привели к политической неразберихе, снижению доверия к американскому проекту в Афганистане как внутри страны, так и за рубежом, а также к слабой координации между различными секторами. Военные, дипломаты, региональные союзники и афганское правительство всегда находились в условиях неопределённости, и эта нестабильность предоставляла Талибану прекрасные возможности для укрепления своего присутствия [19].

Таким образом, отсутствие у Вашингтона последовательной, долгосрочной и скоординированной стратегии стало одним из главных факторов провала США в Афганистане, что показывает, что военно-политические вмешательства без стабильности принятия решений и неизменной приверженности обречены на провал, и подчеркивает необходимость всеобъемлющего и адаптивного планирования в любых будущих подобных операциях.

*Ключевая роль региональных и восточных
игроков в усилении сопротивления
и ослаблении влияния США*

Ключевая роль региональных и восточных игроков в усилении сопротивления и ослаблении влияния США стала одним из основополагающих и решающих факторов поражения США в Афганистане, которому редко уделялось достаточно внимания в публичном анализе. Соседние с Афганистаном страны, особенно Пакистан, Иран, Россия и Китай, каждая со своими интересами и целями, влияли на ход событий в Афганистане и сыграли решающую роль в формировании условий, приведших к падению марионеточного правительства США [20, с. 216].

Пакистан, как один из главных игроков в регионе, оказал масштабную и организованную поддержку Талибану, особенно через свой разведывательный и военный аппарат [5, с. 43].

Предоставляя убежище, военную подготовку, снаряжение и финансовую поддержку, страна позволила Талибану продолжать свою военную и политическую деятельность, несмотря на военное присутствие США и НАТО, и постепенно взять под контроль обширные территории Афганистана. Многочисленные свидетельства официальных лиц США, международных организаций и независимых СМИ свидетельствуют о том, что Пакистан, несмотря на получение огромной финансовой помощи от США, не прекратил поддержку Талибана, и это стратегическое противоречие стало одной из главных проблем Вашингтона [21, с. 182].

Иран также играл активную роль в политической и военной сфере. Хотя отношения Ирана с Талибаном были сложными и порой противоречивыми, Тегеран стремился сохранить своё влияние в Афганистане и противодействовать влиянию США, поддерживая некоторые антиамериканские группировки и правительство в Кабуле. Иран усилил давление на правительство в Кабуле и американские войска, оказывая финансовую и разведывательную поддержку группировкам боевиков, а также предоставляя транзитные маршруты [22, с. 93].

Россия и Китай также пытались ослабить влияние США в регионе, используя дипломатические и экономические методы, а иногда и разведывательную поддержку. Обе страны стремились сохранить свои интересы в Центральной Азии и расширить экономическое и военное сотрудничество со странами региона, воспользовавшись возможностью сократить присутствие США для укрепления своих позиций [23, с. 3].

Эти региональные игроки смогли укрепить сети сопротивления и ослабить марионеточное правительство США, как в союзе друг с другом, так и независимо друг от друга, используя слабости и нестабильную политику США. Кроме того, отсутствие эффективной региональной коалиции со стороны США и недостаточное доверие со стороны соседей Афганистана предоставили этим странам множество возможностей для эффективного выполнения своих функций.

Таким образом, роль региональных и восточных игроков не только представляла собой внешний вызов для США, но и напрямую влияла на внутреннюю стабильность Афганистана и способствовала укреплению Талибана. Этот факт свидетельствует о том, что любое вмешательство в Афганистан не может быть успешным без понимания и управления региональными сложностями, а также без создания региональных коалиций.

Экономические ограничения и отсутствие устойчивого развития

Экономические ограничения и отсутствие устойчивого развития стали другими ключевыми факторами провала США в Афганистане, что оказало глубокое влияние на стабильность и безопасность страны. Экономика Афганистана находилась в крайне нестабильном и уязвимом состоянии в течение двух десятилетий присутствия США и других стран, и, несмотря на огромный объем иностранной помощи, страна не смогла достичь устойчивого развития и самодостаточности. Эти ограничения усугубили многие социальные и политические проблемы и проложили путь к росту

общественного недовольства и возвращению Талибана.

Экономика Афганистана сильно зависела от иностранной помощи, при этом значительная часть государственного бюджета поступала из международных источников. Эта зависимость от иностранных ресурсов, делая страну уязвимой к колебаниям объемов помощи, препятствовала формированию внутренних механизмов для независимого и устойчивого экономического роста. Иностранная помощь часто направлялась на многочисленные и разрозненные проекты без полной координации и эффективного управления, многие из которых были неэффективными или коррумпированными и не давали ощутимых результатов. Во многих сельских и отдалённых районах Афганистана экономическая инфраструктура была крайне неразвитой, с ограниченным доступом к таким базовым услугам, как электричество, вода, дороги, здравоохранение и образование. Отсутствие развития инфраструктуры лишило значительную часть населения возможности воспользоваться экономическими возможностями и по-прежнему жить в нищете и лишениях. Это экономическое и социальное неравенство порождало чувство недовольства и несправедливости среди населения, которое Талибан смог использовать, чтобы завоевать народную поддержку в качестве альтернативы неэффективному правительству [24, с. 82-84].

Кроме того, рынок труда Афганистана был ограниченным и неформальным, и многие люди зависели от сельского хозяйства или неформальной экономики, которые не обеспечивали устойчивого дохода. Отсутствие крупных инвестиций в производительные секторы экономики, такие как промышленность и сфера услуг, а также проблемы безопасности серьёзно отпугивали отечественных и иностранных инвесторов. Эта ситуация замедлила и дестабилизировала экономический рост.

Инфляция, нехватка рабочих мест и слабая финансовая система также усугубляли экономические проблемы, увеличивая бедность и внутреннюю и внешнюю миграцию. Многие молодые люди были завербованы в вооружённые группировки или нелегально мигрировали в соседние страны и за их пределы из-за отсутствия возможностей трудоустройства и надлежащего образования. Эта тенденция привела к ослаблению социальной сплочённости и росту нестабильности.

С другой стороны, усилия США и международных агентств в области развития были в основном краткосрочными, разрозненными и нескоординированными и во многих случаях оставались в форме демонстрационных проектов, а не направлены на наращивание внутреннего потенциала и

институционального строительства. Отсутствие стратегического планирования и реального участия общественности в развитии препятствовало устойчивости этих мер и усиливало недовольство и недоверие к правительству и иностранной помощи [25, с. 17-18].

В результате экономические ограничения и отсутствие устойчивого развития как негативная платформа не только снизили благосостояние и качество жизни людей, но и помешали американским военным и политическим усилиям привести к стабильности и миру. Опыт Афганистана показал, что без устойчивого экономического развития и снижения зависимости от иностранной помощи амбициозные политические и охранные проекты обречены на провал.

*Слабость американской дипломатии
и неспособность создать эффективную
региональную коалицию*

Слабость американской дипломатии и неспособность создать эффективную региональную коалицию стали одним из важнейших и влиятельных факторов поражения страны в Афганистане. Дипломатия, как ключевой инструмент внешней политики, может способствовать стратегическому сотрудничеству и стабилизации безопасности в регионе, однако за два десятилетия своего присутствия в Афганистане Соединенным Штатам не удалось сформировать сильную и устойчивую региональную коалицию, способную эффективно поддерживать политические, охранные и экономические цели. Эта неудача привела к тому, что региональные игроки стали действовать оппортунистически и в конечном итоге ослабили влияние США [6].

Это было отсутствие полного понимания геополитической сложности региона и отношений между соседними с Афганистаном странами. Каждый из региональных игроков, таких как Пакистан, Иран, Индия, Китай и Россия, имел свои собственные интересы и проблемы, которые во многих случаях противоречили целям США. Вместо того, чтобы создать основу для совместного сотрудничества и управления общими интересами, политика США порой напрямую усугубляла напряженность и недоверие между двумя странами. В частности, сложные и напряженные отношения между Соединенными Штатами и Пакистаном, как ключевой страной в процессе развития Афганистана, являются примером слабости дипломатии Вашингтона. Хотя Пакистан был официальным союзником Соединенных Штатов в борьбе с терроризмом, его двойственная политика тайной поддержки Талибана создала серьезные противоречия в стратегии США. Неспособность

США управлять и реформировать эти отношения серьезно подорвала легитимность и эффективность их усилий в Афганистане [26, с. 26].

Кроме того, отношения США с Ираном, ключевым региональным игроком, также были весьма сложными и напряженными. Политическая напряженность и широкомасштабные санкции против Ирана ограничили дипломатические каналы и региональное сотрудничество, а также возможности для создания эффективных коалиций. Это, в свою очередь, побудило Иран стремиться усилить свое влияние в Афганистане, поддерживая группы, выступающие против центрального правительства.

Дипломатия США в регионе не смогла завоевать или сохранить доверие и сотрудничество соседних стран. Отсутствие скоординированной и долгосрочной стратегии взаимодействия с этими странами привело к тому, что каждая из них действовала независимо, а иногда и в противоречии с политикой США. Эта ситуация предоставила Талибану хорошую возможность укрепиться за счет региональной поддержки и сохранить свою важную роль на афганской сцене. [Там же, с.68.].

Фактически, слабость американской дипломатии и неспособность создавать региональные коалиции не только ослабили военные и политические стратегии США, но и оказали негативное влияние на процесс установления мира и стабильности в Афганистане. Это показывает, что иностранное вмешательство в такие страны, как Афганистан, не может быть успешным без разумной дипломатии, конструктивного взаимодействия с соседями и устойчивого регионального сотрудничества.

*СМИ, общественное мнение
и внутреннее давление в США*

СМИ, общественное мнение и внутреннее давление в США сыграли очень важную и решающую роль в формировании этого процесса и, в конечном итоге, в поражении страны в Афганистане. Война в Афганистане пристально отслеживалась американскими СМИ и общественным мнением с самого начала и до конца, и это давление существенно повлияло на политические и военные решения Вашингтона. Война, начавшаяся при широкой поддержке населения, постепенно превратилась в непопулярную и дорогостоящую войну, что привело к снижению внутренней поддержки и давлению на вывод войск.

СМИ, как отражение общественного мнения, сыграли важную роль в формировании нарратива войны. Частые сообщения в новостях о потерях американских военных, коррупции и неэффективности афганского правительства, насилии в отно-

шении мирного населения и последовательных поражениях афганских сил безопасности создавали негативную и безнадёжную картину войны, что привело к снижению общественной поддержки. СМИ акцентировали внимание на этих проблемах, усиливая критику стратегий США и оказывая давление на политиков с требованием прекратить военное присутствие [27, с. 130].

Американское общественное мнение, изначально приверженное борьбе с терроризмом и поддержке свободы в Афганистане, со временем устало и разочаровалось. Человеческие и финансовые потери войны в сочетании с отсутствием ощутимых результатов побудили многих американцев потребовать сокращения обязательств и возвращения войск. Это изменение отношения, особенно после многих лет роста потерь, стало одним из ключевых факторов изменения политики и окончательного вывода войск.

Внутриполитическое давление со стороны партий, групп гражданского общества и государственных органов также оказывало давление на правительство США. Политикам, особенно во время выборов и переходных периодов, приходилось реагировать на обеспокоенность людей и предлагать решения для выхода из ситуации. Это давление привело к сдвигу в военных и политических стратегиях США в сторону краткосрочных и немедленных решений, а не сосредоточенности на долгосрочных целях.

Социальные сети и новые коммуникационные технологии также сыграли важную роль в повышении прозрачности и распространении информации в последние десятилетия. Публикация фотографий и прямых репортажей с мест боевых действий и гуманитарных кризисов в Афганистане повысила осведомлённость общественности и усилила давление на правительства с целью изменения подходов. Эти инструменты также позволили Талибану более эффективно доносить свои сообщения внутри Афганистана и за его пределами и укреплять народную и региональную поддержку. [28, с. 61-62].

Наконец, влияние американских СМИ и общественного мнения показало, что в информационную эпоху любая война и военное вмешательство без мощной и устойчивой внутренней поддержки обречены на провал. Этот факт стал одним из важных уроков поражения США в Афганистане, ясно демонстрирующих необходимость уделять внимание политическим и социальным аспектам современной войны.

Неспособность обеспечить и поддерживать устойчивую безопасность

Неспособность обеспечить и поддерживать

устойчивую безопасность стала одним из центральных и решающих факторов поражения США в Афганистане, которое затронуло все политические, социальные и экономические аспекты страны. За 20 лет военного присутствия США и их союзников, несмотря на огромные финансовые и людские затраты, ситуация с безопасностью в Афганистане не только не улучшилась, но и во многих районах ухудшилась. Эта неспособность обеспечить безопасность подрывала легитимность центрального правительства и усилила вооружённые оппозиционные группировки, особенно Талибан. Сложный и асимметричный характер войны в Афганистане был обусловлен тем, что Талибан, будучи группой с неформальной и динамичной структурой, мог непрерывно взаимодействовать с американскими и афганскими силами, используя глубокое знание местной географии, социальных и культурных особенностей и применение асимметричных методов ведения войны. Такой тип войны означал, что развернутые военные силы никогда не могли взять под контроль все территории, и что территория быстро возвращалась под контроль Талибана после вывода или сокращения присутствия [29, с. 38].

Роль слабости афганских сил безопасности в этой неспособности была совершенно очевидна. Несмотря на подготовку и оснащение, предоставленные Соединёнными Штатами, эти силы не смогли противостоять угрозам по ряду причин, включая коррупцию, неэффективное управление, низкую мотивацию, нехватку техники и логистические проблемы. Кроме того, отсутствие координации и сплочённости между различными подразделениями афганских сил безопасности и вооружённых сил, а также недостатки в системе командования и управления привели к снижению эффективности операций по обеспечению безопасности. [2, с. 216].

Отсутствие полноценного и эффективного сотрудничества между правительством в Кабуле и региональными субъектами также способствовало сохранению нестабильности. Некоторые страны, поддерживая различные оппозиционные группы, фактически создали условия для эскалации напряжённости и ослабления безопасности. Это, помимо внутренних сложностей, затрудняло борьбу с угрозами безопасности.

Правовые и политические ограничения, налагаемые на вооружённые силы США и НАТО, включая права человека и законы войны, также ограничивали их операции, а в некоторых случаях не позволяли им полностью устранить угрозы. Эти ограничения, наряду с культурными сложностями и местными особенностями, затрудняли проведе-

ние военных операций.

Неспособность обеспечить устойчивую безопасность привела к росту страха, недоверия и массовому бегству в более безопасные районы или соседние страны, что имело далеко идущие гуманитарные и социальные последствия. Этот процесс снизил поддержку центрального правительства и превратил Талибан в альтернативу народу [10, с. 88].

В целом, неспособность обеспечить устойчивую безопасность не только оказала прямое влияние на военные неудачи США, но и создала площадку для социального недовольства, экономической и политической слабости, что в совокупности привело к падению марионеточного правительства США и возвращению Талибана к власти.

Невнимание к положению Афганистана как независимого и суверенного государства

Невнимание к положению Афганистана как независимого и суверенного государства стало одним из основополагающих и влиятельных факторов поражения Соединенных Штатов в этой стране. Эта проблема проявилась в различных политических решениях, стратегиях и подходах Соединенных Штатов и их союзников, создав глубокий разрыв между центральным правительством, афганским народом и оккупационными силами.

С начала вторжения США в Афганистан многие решения и действия принимались без учета местных возможностей, традиций и структур. Марионеточные правительства США в Кабуле воспринимались скорее, как институты, связанные с иностранными державами, чем как подлинные представители народа и национального суверенитета. Это привело к снижению легитимности правительства и широкому недовольству в различных слоях афганского общества. Люди чувствовали, что их воля и требования игнорируются при определении судьбы страны, а решения в значительной степени навязываются извне [4, с. 108].

Недостаточное внимание к суверенитету Афганистана привело к многочисленным обвинениям сил США и НАТО в нарушении национальной территории, что вызвало общественный гнев и сопротивление. Военные операции без достаточной координации с центральным правительством и поведение, порой несовместимое с международным правом и человеческими ценностями, усилили напряженность и недоверие. Эта тенденция не только привела к росту поддержки Талибана, но и проложила путь к сокращению сотрудничества афганского правительства с иностранными силами [30, с. 87].

Кроме того, игнорирование независимости Афганистана в политических и военных решениях

привело к потере важных возможностей для национального единства и регионального сотрудничества. Иностранная поддержка порой приводила к усилению определенных группировок и фракций, что приводило к ослаблению национального единства и росту внутренних конфликтов. В этой ситуации афганский народ чувствовал, что не имеет реального контроля над своей страной и что его судьба находится в руках других.

В целом, неуважение к праву Афганистана на суверенитет и навязывание иностранных решений без реального участия местного населения и институтов привели к провалу проектов восстановления и развития, а также к сохранению нестабильности и отсутствия безопасности. Этот опыт показал, что любое иностранное вмешательство, независимо от независимости и суверенитета принимающей страны, встретит сопротивление и провал.

Выводы

Поражение США в Афганистане после 20 лет военно-политического присутствия стало результатом сложного, переплетенного и структурного комплекса факторов, каждый из которых внес значительный вклад в формирование этой неудачи. Эти факторы, начиная от отсутствия глубокого понимания культуры и социальной структуры афганского народа и заканчивая нестабильностью политики Вашингтона, широко распространенной коррупцией, слабой легитимностью марионеточного правительства, ролью региональных игроков, экономическими ограничениями, слабой дипломатией, давлением СМИ и общественного мнения, неспособностью обеспечить устойчивую безопасность и сохраняющимся неуважением к национальному суверенитету Афганистана, продолжают подрывать суверенитет Афганистана. В совокупности они создали условия, которые не позволили достичь ни одной из основных целей американского присутствия в стране.

Недостаток точного знания культуры, истории и социальной структуры Афганистана привел к тому, что многие политические решения и стратегии США оказались неспособными реагировать на реалии на местах, а иногда даже усугубляли напряженность и сопротивление. Кроме того, частые изменения и нестабильность решений Вашингтона сбивали с толку развёрнутые силы и местных союзников, снижая эффективность программ. Систематическая коррупция и слабая легитимность кабульского правительства привели к потере общественного доверия и снижению эффективности государственных институтов, что, в свою очередь, поставило под угрозу безопасность и стабильность. Это привело к усилению влияния

Талибана и других вооружённых оппозиционных группировок. Ключевая роль региональных и восточных игроков, которые часто вмешивались в дела Афганистана, преследуя собственные интересы и цели, также осложнила и ослабила влияние США.

Экономические ограничения и отсутствие устойчивого развития, слабая дипломатия и неспособность создать эффективную региональную коалицию, наряду с давлением СМИ и общественным мнением в Соединённых Штатах, усугубили эти факторы и ускорили процесс краха. Неспособность обеспечить устойчивую безопасность, обусловленная военными сложностями и слабостью афганских сил безопасности, в конечном итоге привела к быстрому краху марионеточного правительства США. Кроме того, игнорирование статуса Афганистана как независимого и суверенного государства подорвало легитимность американского присутствия как на внешнем, так и на внутреннем уровне. Таким образом, опыт Афганистана как одного из самых сложных и дорогостоящих

военно-политических вмешательств в современной истории преподносит важные уроки политикам, военным и аналитикам. Этот опыт показывает, что успех любого иностранного вмешательства в стране с особыми и сложными условиями, такой как Афганистан, требует глубокого понимания культуры, стратегического и долгосрочного планирования, уважения национального суверенитета, серьёзной борьбы с коррупцией, эффективного взаимодействия с региональными субъектами и внимания к социально-экономическим аспектам. Отсутствие любого из этих компонентов может привести к аналогичным неудачам.

Наконец, поражение США в Афганистане является примером ограниченности военной мощи перед лицом политических, культурных и социальных сложностей и акцентом на необходимости комплексных, многогранных подходов и международного и регионального сотрудничества для достижения устойчивой стабильности и безопасности.

Список источников

1. Кай Иде Специальный представитель ООН по Афганистану, «Борьба за власть в Афганистане», (кашмакш бар соре кудрат дар Афганистан). Герат: Издательство «Калам», 2010. С. 225.
2. Рашид Ахмад «Падение в хаос»; Соединённые Штаты и провал государственного строительства в Пакистане, Афганистане и Центральной Азии (сокут дар хораж во мараж; айалати мотахида во шекасти милат сазе дар Пакистан, Афганистан во Асияе мйана): пер. Хасана Резаи. Кабул: Издательство «Шах Мохаммад», 2010. С. 216.
3. Баес Джан Мохаммад Америка, фактор кризиса в XXI веке (в современную эпоху в человеческом обществе) (Америка амиле бухран дар карне 21; дар асре маасер дар жамия башари). Кабул: Издательство «Саид», 2015. С. 100.
4. Бадахшани Гафран Безнациональное правительство (Критика структуры политической системы Афганистана) – (довлати би милат; накди бар сахтаре низами сийаси дар Афганистан). Кабул: Издательство «Саид», 2013. С. 108.
5. Мохаммади, Гулам Мохаммад, Почему Пакистан вмешивается (чара Пакистан модахила микунад?). Кабул: Издательство «Саид», 2015. С. 43.
6. Дехзад, Абдулманан, «Год после падения: кто виноват в крахе Афганистана? (йак сал пас аз сокут талибан; мукасири асли фрупаши Афганистан киаст?)» Источник: <https://kelkein.com/11678> (07.04.2025)
7. Гафари Насаб М. Эсфандиар и Хамад Шариф, Пуйя и Мохаммад Али, Касеминеджад и Сайед Ибрагим, Равенство, этническая и национальная идентичность в Афганистане (хувийати кавми во хувийати мили дар Афганистан), Два исследования ежеквартального журнала политической социологии исламского мира, Шестой период (второй выпуск), 2018. С. 61 – 62.
8. Садати Абдул Реза Фарджи Рад, Мохаммад Дархор и Сейед Хади «Исследование процесса государственного строительства в Афганистане и предстоящих препятствий» (бараси раванд давлат милат сазе дар Афганистан во маванае пише ру), Энциклопедия. 2011.С. 113 – 133. источник: https://daneshnameh.srbiau.ac.ir/article_3996_52c0d0cfb64b9231ad546c4668cab2e0.pdf
9. Джон Баз, Абдул Сабури Исследование факторов и причин краха Афганской национальной армии (бараси авомил во далайл фрупаши эртеши мили Афганистан); Получено в 8 утра (14:04, 22.04.2025): <https://8am.media/investigating-the-causes-and-reasons-for-the-collapse-of-the-afghan-national-army/>
10. Мокаддас Азам Исследование причин и Контексты возвращения Талибана к власти в Афганистане с 2015 по 2021 год (бараси элал во замена хаие базгаште талибан ба кудрат дар Афганистан 2015-2021). Трёхуровневый анализ двух научных ежеквартальных журналов политической социологии исламского мира, девятая сессия. 2021. № 2, февраль и зима. С. 55 – 82.

11. Каинит Кайтзман Афганистан, после талибское правительство, безопасность и американская политика (хокмате пас аз талибан амнят во сясат Америка), перевод Мохаммада Омида Нура. Кабул: «Нашар-э-Саид», 2014. С. 29 – 30.
12. Section-Site-Reader--Why-America-Failed-in-Afghanistan (чара Америка дар Афганистан шекаст хорд?) (07.04.2025) <https://donya-e-eqtasad.com/>
13. Яваре Башир Ашраф Гани и тяжёлое бремя сексуальной коррупции в правительстве Кабула (Ашраф Гани во बारे сангине фесади жинси дар хокмате кабол) <https://subhekabul.com>
14. Марвати Сомайе, Хамид Ахмади, Мехди Закариан Афганско-китайские отношения переходят на стратегическое партнёрство (равобити Афганистан во чин тагиер ба самте шаракате эстиратижик), ежеквартальный журнал «Фундаментальные и прикладные исследования исламского мира». 4-й (2-й). 2022. С. 1 – 29.
15. Балхи Мирваис Американское национальное строительство – сравнение Ирака и Афганистана (милат сазе Америкайе-мукайеса арак во Афганистан), Кабул: издательство «Амири», 2010. С. 13 – 14.
16. Моради Мохаммад Наби 20 причин неудачи США и НАТО в Афганистане (20 долил бар ноками Америка во ноту дар Афганистан), журнал «Кайинат», № 6, среда, 11 октября 2014 г. С. 2.
17. Шафии Нозар Объяснение факторов, влияющих на стратегию администрации Трампа в отношении Афганистана (табеин авомил моасир бар этихаз эстиратижи довлати турамп нисбат ба Афганистан). 2016. С. 112 – 113.
18. Майкл Робин Оценка эффективности работы команды Трампа в рамках программы мира в Афганистане (арзйаби амалкарди тем турамп барае барнама сулх Афганистан-кабол). Кабул: Институт стратегических исследований Афганистана, 2019. С. 63.
19. Халиди Нур Ахмад Основные факторы падения афганского правительства под натиском Талибана (авомил умда сукот давлат Афганистан ба даст талибан): (15.09.2021), <http://www.arianafghanistan.com/>
20. Эрфани Саид Тахир Гражданские войны в Афганистане и роль Соединенных Штатов (жанг хаие дахили Афганистан во накши Айалати мотахида Америка), магистерская диссертация по международным отношениям, Университет Алламе Табатабаи, 2011 г. С. 216.
21. Саиди Ахмад Пакистанская ось зла (Пакистан михвари шарарат), Кабул: Издательство «Саид», 2009. С. 182.
22. Али Хани Абдулла Международная безопасность: возможности и угрозы (Амният байнулмилал), Тегеран: Брат современных международных исследований и публикаций научно-исследовательского института. 1-е изд. 2005. С. 93.
23. Садат Садия Внешнеполитический подход Китая к присутствию США в Афганистане в период правления правительства национального единства (рой карде сиясати харижи чин дар экбали хозури аялати мотахида Америка дар Афганистан дар заман хокмате Вахдат мили). Кабул: Университет Машал, бакалаврская диссертация по международным отношениям, 2010 г. С. 3.
24. Афшари Захра Ахмад, Яздан Панах, Азаде Рахматизаде Взаимосвязь между прямыми иностранными инвестициями и оттоком капитала: пример отдельных стран региона (рабита байн сармайа Гузаре мостаким харижи во фрар сармайа; бараси мовроди кишвор хаие мунтахаби мантака), 2018-2006 гг., «Деньги и экономика», ежеквартальный журнал (2-й выпуск). С. 82 – 84.
25. Роуз, Ричард и Грин Пеффер – Управление и коррупция (хукмрани во фесад). Тегран: Издательство «Розана», 2021. С. 17 – 18.
26. Хакджо, Мир Ага, Афганистан и иностранные интервенции (Афганистан во модахилат харижи). Ком: Издательство «Сепехр», 2001. с. 26.
27. Дехзад Абдул Манан Судьба социальной справедливости после Талибана (сарнавишт адалат эжти-май пас аз талибан). Кабул: Издательство «Тамадун Шарк», 2014. С. 130.
28. Ансари Башир Ахмад Политическая легитимность талисмана денег, силы и подлога (машроаят сiasi грифтари тилисм зар, зор во тазвир). Кабул: Издательство «Пойман», 2003. С. 61 – 62.
29. Афхами Махбуб Улла Либеральная демократия в Афганистане и Турции и упадок безопасности в обеих странах либерал демокраси дар Афганистан во туркия во кахиш амнят дар хор до кишвор). Кабул: Университет Афганистана, 2018. С. 38.
30. Акили Мустафа Предисловие к ведению в федерализм (пишгуфтар бар дар амади федерализм). Эл-вита Булмера, перевод Джамиля Эхсаса. Кабул: Издательство «Саид», 2023. С. 87.

References

1. Kai Ide, UN Special Representative for Afghanistan, "The Struggle for Power in Afghanistan" (kashmakash bar sore qudrat dar Afghanistan). Herat: Kalam Publishing House, 2010. P. 225.
2. Rashid Ahmad, "Falling into Chaos"; The United States and the Failure of State-Building in Pakistan, Afghanistan, and Central Asia (sokut dar khoraj wo maraj; ayalat-i motahida wo she-kasti milat saze dar Pakistan, Afghanistan wo Asiyaie myana): trans. by Hasan Rezaee. Kabul: Shah Mohammad Publishing House, 2010. P. 216.
3. Bayes Jan Mohammad America, a Factor of Crisis in the 21st Century (in the Modern Era in Human Society) (America amile bukhran dar karne 21; dar asre maaser dar jamia bashari). Kabul: Said Publishing House, 2015. P. 100.
4. Badakhshani Ghafran Nationalless Government (Criticism of the Structure of Afghanistan's Political System) – (dovlati bi milat; naqdi bar sakhtare nizami siyasi dar Afghanistan). Kabul: Said Publishing House, 2013. P. 108.
5. Mohammadi, Ghulam Mohammad, Why is Pakistan Interfering (chara Pakistan modahila miku-nad?). Kabul: Said Publishing House, 2015. P. 43.
6. Dehzad, Abdulmanan, "A Year After the Fall: Who is to Blame for Afghanistan's Collapse? (yak sal pas az so-kut taliban; mukasire asli frupashi Afghanistan qiasht?)» Source: <https://kelkein.com/11678> (07.04.2025)
7. Ghafari Nasab M. Esfandiar and Hamad Sharif, Pouya and Mohammad Ali, Qaseminejad and Sayyed Ibrahim, Equality, Ethnic and National Identity in Afghanistan (khuwiyati qawmi wo khuwiyati mi dar Afghanistan), Two Studies of the Quarterly Journal of Political Sociology of the Islamic World, Sixth Period (Second Issue), 2018. P. 61 – 62.
8. Sadati Abdul Reza Farji Rad, Mohammad Darhor and Sayyed Hadi "A Study of the State-Building Process in Afghanistan and the Obstacles Ahead" (barasi rawand dawlat mi-lat saze dar Afghanistan vo mavanae pishe ru), Encyclopedia. 2011. P. 113 – 133. source: https://daneshnameh.srbiau.ac.ir/article_3996_52c0d0cfb64b9231ad546c4668cab2e0.pdf
9. John Baz, Abdul Sabur A Study of the Factors and Causes of the Collapse of the Afghan National Army (barasi avomiil vo dalail frupashi ertesh mi Afghanistan); Retrieved at 8am (14:04, 22.04.2025): <https://8am.media/investigating-the-causes-and-reasons-for-the-collapse-of-the-afghan-national-army/>
10. Moqaddas Azam A Study of the Causes and Contexts of the Taliban's Return to Power in Afghanistan from 2015 to 2021 (Barasi Elal vo zmena hai basgashte taliban ba qudrat dar Afghanistan 2015-2021). A Three-Level Analysis of Two Scientific Quarterly Journals of Political Sociology of the Islamic World, Ninth Session. 2021. No. 2, February and Winter. P. 55 – 82.
11. Kainit Kaizman Afghanistan, the Post-Taliban Government, Security and American Policy (hokmate pas az taliban amnyat vo syasat America), translated by Mohammad Omid Noor. Kabul: Nashar-e-Said, 2014. P. 29 – 30.
12. Section-Site-Reader--Why-America-Failed-in-Afghanistan (chara Amerika dar Afganistan sheqast khord?) (07.04.2025) <https://donya-e-eqtasad.com/>
13. Yaware Bashir Ashraf Ghani and the Heavy Burden of Sexual Corruption in the Kabul Government (Ashraf Ghani vo bare sangin fesadi jinsi dar hokmate kabol) <https://subhekabul.com>
14. Marwati Somaie, Hamid Ahmadi, Mehdi Zakarian Afghan-Chinese Relations Are Moving Towards a Strategic Partnership (ravobiti Afganistan vo chin tagier ba samte sharakate estiratizik), quarterly journal of Fundamental and Applied Research of the Islamic World". 4th (2nd). 2022. P. 1 – 29.
15. Balkhi Mirwais American Nation Building – Iraq and Afghanistan Compared (milat saze Amerikaye-muqayesa arak vo Afghanistan), Kabul: Amiri Publishing House, 2010. P. 13 – 14.
16. Moradi Mohammad Nabi 20 Reasons Why the US and NATO Fail in Afghanistan (20 Dolil Bar No-Kami Amerika Vo Notu Dar Afghanistan), Kayinat Magazine, No. 6, Wednesday, October 11, 2014. P. 2.
17. Shafi'i Nozar Explaining the Factors Influencing the Trump Administration's Strategy Towards Afghanistan (tabe'in avomiil moasir bar etiqaz estiratiji dovlati turam nisbat ba Afghanistan). 2016. P. 112 – 113.
18. Michael Robin Assessing the Effectiveness of the Trump Team's Work in the Framework of the Peace Program in Afghanistan (arzyabi amalkardi tem turam barae barnama sulkh Afghanistan-kabol). Kabul: Institute of Strategic Studies of Afghanistan, 2019. P. 63.
19. Khalidi Noor Ahmad The Main Factors of the Fall of the Afghan Government under the Onslaught of the Taliban (awomiil umda sukot dawlat Afghanistan ba dast taliban): (15.09.2021), <http://www.arianafghanistan.com/>
20. Erfani Said Tahir Civil Wars in Afghanistan and the Role of the United States (zhang ha-ye dakhili Afghani-istan wo nakshi Ayalati motahida America), Master's Thesis in International Relations, Allameh Tabatabai University, 2011. P. 216.

21. Saidi Ahmad Pakistan's Axis of Evil (Pakistan Mikhwari Shararat), Kabul: Said Publishing House, 2009. P. 182.
22. Ali Hani Abdullah International Security: Opportunities and Threats (Amniyat Baynulmi-lal), Tehran: Brother of Contemporary International Studies and Publications Research Institute. 1st ed. 2005. P. 93.
23. Sadat Sadiyah China's Foreign Policy Approach to the US Presence in Afghanistan during the National Unity Government (roy karde siyasati khariji chin dar ekbali khozuri ayalati motahida Amerika dar Afghanistan dar zaman hokmate Vahdat mi). Kabul: Mashal University, Bachelor's Thesis in International Relations, 2010. P. 3.
24. Afshari Zahra Ahmad, Yazdan Panah, Azade Rahmatizadeh The Relationship between Foreign Direct Investment and Capital Outflow: A Case Study of Selected Countries in the Region (Rabita Bayn Sarmaya Guzare Mostakim Khariji vo Frar Sarmaya; Barasi Movrodi Kishvor Haye Muntahabi Mantaka), 2018-2006, Money and Economy Quarterly (2nd Issue). P. 82 – 84.
25. Rose, Richard and Green Peffer – Governance and Corruption (Hukmrani vo Fesad). Tehran: Rozana Publishing House, 2021. P. 17 – 18.
26. Hakjo, Mir Aga, Afghanistan and Foreign Interventions (Afghanistan vo modakhilat khariji). Com: Sepehr Publishing House, 2001. P. 26.
27. Dehzad Abdul Manan The Fate of Social Justice after the Taliban (sarnavisht adalat ejtimai pas az taliban). Kabul: Tamadun Sharq Publishing House, 2014. P. 130.
28. Ansari Bashir Ahmad Political Legitimacy of the Talisman of Money, Power and Forgery (mashroa-yat syasi griftari tilism zar, zor vo tazvir). Kabul: Poyman Publishing House, 2003. P. 61 – 62.
29. Afkhami Mahbub Ullah Liberal Democracy in Afghanistan and Turkey and the Decline of Security in Both Countries (liberal democracy in Afghanistan and Turkey and the decline of security in both countries). Kabul: University of Afghanistan, 2018. P. 38.
30. Akili Mustafa Preface to the Introduction to Federalism (pishguftar bar dar amadi federalism). Elvita Bulmera, translated by Jamil Ehsas. Kabul: Said Publishing House, 2023. P. 87.

Информация об авторе

Ибрахими М.И.И., аспирант, Московский педагогический государственный университет, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 88., к 2, m.ishaqibrahimi13@gmail.com

© Ибрахими М.И.И., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.1. Отечественная история (исторические науки)
УДК 93/94 + 355/359 + 623.442.4

В поисках идеального вооружения для истребительной авиации. Вторая половина 1920-х – первая половина 1930-х гг.

¹ Новиков М.С.,
¹ Омский государственный технический университет

Аннотация: целью статьи является рассмотрение деятельности советских военных, управленцев и конструкторов второй половины 1920-х – первой половины 1930-х гг., по определению наиболее оптимальных групп огневых средств предназначенных для вооружения самолетов – истребителей, разработке и производства конкретных образцов оружия. Задачами является описание и характеристика развития вооружения советской истребительной авиации на фоне как развития оружейных систем и авиатехники, так и ознакомления с иностранным опытом и взглядами на потенциальный круг целей, которые должна решать истребительная авиация.

В СССР огромное внимание уделялось созданию отечественного пулеметного вооружения, в том числе высокой скорострельности, для поражения истребителей, а также легких и средних бомбардировщиков противника. С учетом информации из зарубежья о развитии тяжелых бомбардировщиков в СССР шла разработка особого типа безоткатных пушек для борьбы с ними. Однако проблемы с безоткатными пушками в авиации, и тенденции к развитию крупнокалиберных пулеметов и авиационных пушек малого калибра привели к постепенному отказу от развития безоткатных пушек в пользу более эффективного и универсального оружия.

Результаты исследования могут быть использованы для изучения отечественной и зарубежной авиации и авиационного вооружения в межвоенный период.

Ключевые слова: истребительная авиация, тяжелый бомбардировщик, авиационный пулемет, безоткатная пушка, советские конструкторы, межвоенный период, оборонная промышленность

Для цитирования: Новиков М.С. В поисках идеального вооружения для истребительной авиации. Вторая половина 1920-х – первая половина 1930-х гг. // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 299 – 305.

Поступила в редакцию: 7 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 10 июля, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

In search of the perfect weapon for fighter aircraft. The second half of the 1920s – the first half of the 1930s

¹ Novikov M.S.,
¹ Omsk State Technical University

Abstract: the purpose of the article is to review the activities of the Soviet military, managers and designers of the second half of the 1920s - the first half of the 1930s, to determine the most optimal groups of firepower intended for arming fighter aircraft, the development and production of specific types of weapons. The objectives are to describe and characterize the development of weapons of Soviet fighter aircraft against the background of both the

development of weapons systems and aircraft technology, as well as familiarization with foreign experience and views on the potential range of targets that fighter aircraft should hit.

In the USSR, great attention was paid to the creation of domestic machine-gun weapons, including high-rate of fire, to defeat enemy fighters, light and medium bombers. Against the background of information from abroad about the development of heavy bombers in the USSR, a special type of recoilless guns was being developed to combat them. However, problems with recoilless guns in aviation, and trends in the development of large-caliber machine guns and small-caliber aircraft guns led to a gradual abandonment of the development of recoilless guns in favor of more effective and versatile weapons.

The results of the study can be used to study domestic and foreign aviation and aviation weapons in the interwar period.

Keywords: fighter aircraft, heavy bomber, aviation machine gun, recoilless cannon, soviet designers, Interbellum, defense industry

For citation: Novikov M.S. *In search of the perfect weapon for fighter aircraft. The second half of the 1920s – the first half of the 1930s. Historical Bulletin. 2025. 8 (6). P. 299 – 305.*

The article was submitted: May 7, 2025; Approved after reviewing: July 10, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

Вторая половина 1920 – первая половина 1930-х гг. стали периодом формирования военно-воздушных сил СССР, в ходе которого советское государство оказалось перед необходимостью не только разработать авиационные модификации сухопутного вооружения для истребительной авиации (ИА) исходя из опыта Первой мировой войны, но и разработать виды вооружения необходимые для грядущих вооруженных конфликтов. Огромное количество исследований посвящены развитию вооружения советской ИА, которым было суждено внести серьезный вклад в победу в Великой Отечественной войне (ВОВ). Однако тематика разработки вооружения ИА СССР, не внесших серьезный вклад в ВОВ на данный момент недостаточно рассмотрена, часто игнорируются предположения отечественных и зарубежных военных деятелей относительно целей вооружения ИА в грядущей войне в воздухе.

Целью исследования стал анализ усилий советских военных и политических деятелей по формированию требований к вооружению ИА исходя из военно-технических ожиданий сформированных во второй половине 1920 – первой половине 1930-х гг., и их воплощению в СССР.

Материалы и методы исследований

При написании статьи был использован конкретно-исторический, сравнительно-исторический и историко-генетический методы.

Конкретно-исторический метод позволяет описать факты, события и явления, имевшие место в конструкторских кругах, военно-промышленном комплексе (ВПК) и военно-политическом руководстве СССР в второй половине 1920 – первой половине 1930-х гг., включенных в формирования

требований к вооружению ИА, их разработки и производству.

Историко-сравнительный метод позволяет проследить процесс формирования требований к вооружению ИА в СССР второй половине 1920-первой половине 1930-х гг. под воздействием ознакомления с иностранным опытом.

Историко-генетический метод позволяет проследить процесс проектирования и производства вооружения ИА в СССР конца 1920-1930-х гг., изменения, происходящие с требованиями к вооружению.

Материалами для данной работы послужили различные категории литературы и исторических источников, которые автор решил классифицировать.

Научные труды отечественного исследователя авиации М.А. Маслова [1;2].

Публикации ВАК М.С. Новикова [3];

Публикации РИНЦ С.Д. Беляевой [4], Д.А. Гончарова с соавторами [5], А.С. Дергачева [6], А.Ю. Кормазова [7], И.В. Федорова с соавторами [8];

Технические описания истребителей 1930-х гг. [9, 10]

Журнальные публикации за авторством Абжолтовский, Ген. А., Риттер [11, 12, 13].

Архивные материалы, включённые в серии сборников о становление оборонно-промышленного комплекса СССР и его состоянии в указанный период [14, 15, 16].

Результаты и обсуждения

Согласно справке начальника Военно-воздушных сил РККА П.И. Баранова о состоянии и развитии авиапромышленности, созданной не позднее 8 мая 1925 г. Имели место заказы у Туль-

ского завода 240 «авиационных пулеметов Максим», рассматривался вопрос о доставке и испытании на пригодность для применения с самолетов «пятилинейных пулеметов» из Британской империи, ужесточались требования к «русским патронам» для синхронных пулеметов [14, с. 463-466].

Необходимо учитывать, что первые советские истребители, были вооружены пулеметом Vickers Mk.II. И на случай провала программы Тульского завода, рассматривался вопрос о налаживании производства версии Vickers Mk.II под патрон 7,62×54 мм на Тульском оружейном заводе, как в синхронном, так и вероятно в турельном варианте, которыми занимался Ф.В. Токарев [6, с. 158-159].

Уже в 1926 г. на Ковровском оружейном заводе было развернуто производство авиационного пулемета Пулемет воздушный (ПВ)-1 под патрон 7,62×54 мм, разработанного на основе пулемета Максим обр. 1910 г., А.В. Надашкевичем. Его отличало воздушное охлаждение, двухсторонняя подача металлической патронной ленты, повышенная до 800-865 выстрелов в минуту скорострельность, сниженная до 14,5 кг. массой. Согласно письму начальника Военно-воздушных сил РККА П.И. Баранова первому секретарю Московского комитета ВКП(б) К.Я. Бауману о развитии авиационной промышленности в СССР и работе завода № 1 от 25 сентября 1929 г. одиночные ПВ-1 получили модернизированные И-2бис, производимые с 1927 г. И-3 и дополнившие их в 1929 г. И-4 несли пару ПВ-1. Сравнительные испытания пулеметов ПВ-1 с пулеметом Vickers Mk.II прошли в 1928 г. С 1930 г. на вооружение поступил истребитель И-5 с четырьмя пулеметами ПВ-1. Стоит отметить что даже те советские самолеты которые были вооружены Vickers Mk.II переоснастили ПВ-1 к 1930 г. Последним истребителем с ПВ-1 стал И-15бис, выпускавшийся до 1939 г. ПВ-1 установленные на истребители всегда были синхронными [2, с. 33,40; 8, с.289-291; 9, с. 16, 48, 58;15, с. 361-368].

В объяснительной записке временно исполняющего обязанности начальника ВВС РККА Я.И. Алксниса в Реввоенсовет СССР к плану и программе опытного строительства ВВС РККА на 1929-1933 гг. от 20 февраля 1930 г. были выдвинуты требования отражающие изменения в мировом самолетостроении среди которых значились увеличение высотности, а так же живучести надежности моторов. В документе отмечался отечественный и зарубежный прогресс в сфере разработки и производства тяжелых бомбардировщиков и «воздушных крейсеров», с развитым оборонительным вооружением что требовалось большая огневая мощи ИА. Решить проблему увеличением количе-

ства пулеметов было малоэффективно [15, с. 420-422].

Однако уже в 1930 г. на Тульском оружейном заводе Б.Г. Шпитальный и И.А. Комарицкий изготовили первый образец нового скорострельного пулемёта использующего воздушное охлаждение, двухстороннюю подачу металлической ленты, имевшего скорострельность в 1800 выстрелов в минуту и массу в 9,8 кг. для крыльевого варианта, который позже станет известен под названием Шпитального -Комарицкого авиационный скорострельный (ШКАС).

С 1933 г. ШКАС начал массово производиться, а с 1934 г. двумя такими пулеметами стал вооружаться новый истребитель И-16. Пулеметы не имели синхронизаторов и устанавливались в крыле. Положение пулеметов по горизонтали отличалось, а сами они поначалу работали ненадежно, и как позже окажется нуждались в особом варианте патрона с усиленной фиксацией пули, капсюля с лаком герметизатора, утолщении стенок гильзы [7, с.65; 10, с. 6, 10, 39; 15, с. 686].

Стоит отметить, что к 1930 г. была разработан и принят на вооружение 12,7×108 мм отечественный патрон, а 9 февраля 1931 г. вышло постановление советского правительства о разработке авиационного пулемёта под данный патрон, за которое и взялись Б.Г. Шпитальный и С.В. Владимиров. 28 мая 1932 г. прошел испытание пулемет авиационный крупнокалиберный пулемёт Шпитального и Владимирова (ШВАК), он имел скорострельность в 800 выстрелов в минуту и воздушное охлаждение, масса тела пулемета состояла 40 кг. В 1934 г. новый образец был принят на вооружение С.В. Владимиров был направлен для дальнейшей работы в г. Ковров, где в 1935 г. будет развернуть серийный выпуск пулемета. [3, с. 207-208].

Помимо пулеметов в СССР шли работы и над безоткатными пушками (БП). Стоит отметить, что идеи применения БП на самолетах имели место в Российской империи ещё в годы Первой мировой войны и были связаны с личностью П.А. Гельвиха, однако рассматривать мы их не будем, так как их конструкция не получила развития.

Позже работы над БП в авиации продолжил Л.В. Курчевский, однако его подход к проектированию, заключающийся в том, что у обычной пушки отрезали казенную часть и вставляли в срез сопло Лавалья, оставляя сам нарезной ствол без изменений, при этом БП были дульнозарядными. Орудия были либо однозарядными или должны были заряжаться из специальных магазинов за счет применения пневматической системы. Допущенные Л.В. Курчевским и его сотрудником В.Е.

Слухоцким ошибки в расчетах приводили к тому, что имел место разрыв стволов и не догорание гильз, повреждение самолетов пороховыми газами [4, с. 17-19; 5, с. 130-131].

Дошедшая до испытаний 76,2-мм пушка Авиацционная пушка Курчевского (АПК)-1 была однозарядной и испытывалась в 1930 г. на разведчике Р-1 на земле, вызвав его разрушение на 4 выстреле, аналогичные испытания на Р-3 так же привели к разрушению. К 1931 г. была разработана многозарядная пушка АПК-4, и специально под неё построен самолет И-ЗЕТ, он должен был нести 2 орудия с 14 снарядами. БП могла применять осколочно-фугасные снаряды (гранаты), пулевую и стержневую шрапнель. В шрапнели была 22-секундная дистанционная трубка, однако установить её можно было только на земле. 6 июля 1931 г. территорию авиазавода № 39 и ЦКБ посетил И.В Сталин., который осмотрел И-ЗЕТ, и даже забрался в кабину. В 1933 г. будет разработана пушка АПК-4Л, которая повысила боезапас до 24 снарядов. Самолет будет произведен в 71 экземпляре [1, с. 3-4, 7, 9].

В 1933 г. на цельнометаллическом И-4 проводились эксперименты с установкой БП. Однако так как 76 -мм пушка АПК-4 отличалась солидными масса-габаритными показателями началась разработка 65-мм АПК-3бис. При успешных испытаниях планировалось вооружить ими все И-4, однако испытания продемонстрировали опасность пушки для конструкции самолета [2, с. 42, 46].

Запрос на БП был связан с имеющимся вектором развития авиации в конце 1920 – начале 1930 – хх гг. которая в перспективе должна была создать острую потребность в вооружение самолетов пушками калибром соответствующим полевым орудиям.

Например, согласно немецкому исследователю Риттеру основу истребительной авиации должен составлять одномоторный самолет, но для поражения тяжелых бомбардировщиков и «воздушных крейсеров», многотурельных разведчиков или самолетов сопровождения, необходимы крупнокалиберные орудия [13, с. 9-10].

Польский исследователь Абжолтовский указывает что для борьбы с перспективными четырехмоторными бомбардировщиками и разведчиками, имеющими оборонительное вооружение до 20-мм включительно, истребителям недостаточно пулеметов винтовочного калибра [11, с. 78, 81, 83].

Французский исследователь Ген. А. указывал на необходимость создания бронированной «боевой авиации», совмещающей функций разведывательной и бомбардировочной авиации, способной поражать наземные цели бомбами, а воздушные

пушками и пулеметами. Подчеркивалось, что зенитная артиллерия неэффективна против высоко или низколетящей авиации, противодействовать им могут только истребители. «Боевая авиация» должна была использоваться массово, против наземных войск, флота и промышленных объектов и представлять из себя полноценный воздушный флот Важным элементом «боевой авиации» должны были стать «воздушные крейсера», многоместные самолеты с большим количеством огневых точек для борьбы с истребителями и бомбардировщиками. [12, с. 3, 6-8, 12, 17].

Стоит отметить, что пневматические системы перезарядки и сгорающие гильзы на технологическом уровне второй половины 1920 – первой половины 1930-хх гг. были технически малонадежными изделиями, с низкой скорострельностью.

В авиации имели место проблемы с практическим использованием БП. При стрельбе осколочно-фугасным снарядом (гранатой) вероятность попадания даже в тяжелый бомбардировщик или «воздушный крейсер» была невелика, а при стрельбе шрапнелью возникал вопрос в формирование огневого решения.

Если убрать конкретные проблемы БП Л.В. Курчевского, то смысл в БП калибром в 76 и более мм. был бы при наличии в снарядах радиолокационных взрывателей или средств корректировки, а на самолетах радиолокационных станций, однако во второй половине 1920 – первой половине 1930-х гг. эти технологии не было.

Например доклад начальника Главного артиллерийского управления РККА Н.А. Ефимова в Реввоенсовет СССР о пересмотре системы артиллерийского вооружения, выпущенный не ранее 1 апреля 1933 г. пересматривал систему вооружения в рамках которой рассматривались для вооружения специально построенных истребителей пушками калибром около 100-мм и автоматических пушек калибром 20-мм, сверхскорострельных пулеметов 7,62-мм и пулеметов 12,7-мм. [16, с.105-109].

Но уже справка Сектора обороны Госплана СССР о развитии оружейно-пулеметной промышленности за период между XVI и XVII съездами ВКП(б) от 11 января 1934 г. Свидетельствует о переориентации производства на авиационные пулеметы калибров 7,62x54 мм и 12,7x108 мм. [16, с. 192-194].

Работы над истребителями с БП продолжались, однако, их интенсивность существенно снизилась, чем дальше, тем больше прорабатывался вариант переоснащения таких истребителей пулеметами и автоматическими пушками.

Такая судьба ждала истребитель И-14 разработанный П.О. Сухим и Истребитель пушечный (ИП)-1 разработанный Д.П. Григоровичем всего будет выпущено 24 и 90 самолетов соответственно, они будут перевооружены ШКАСами [1, с. 14, 16-18].

Справка Главного управления авиационной промышленности НКТП СССР о работах по пушечному вооружению авиации от 1 февраля 1934 г. уже формально характеризует БП и результаты из испытания как «удовлетворительные» сопровождая критикой боевых и эксплуатационных характеристик. Требовалось ускорение разработки отечественных автоматических пушек калибром 20-мм В.А. Дегтярева, М.Н. Блюма и Б.Г. Шпитального, и проводились испытания зарубежных пушек, которыми в прочем советское руководство то же оказалось недовольно [16, с. 205-206].

Согласно докладу начальника Главного управления авиационной промышленности Г.Н. Королева в Наркомат тяжелой промышленности СССР «О работе авиационной промышленности по перевооружению военно-воздушных сил РККА» от 27 октября 1935 г. и Заключению Госплана СССР по ходатайству Наркомата тяжелой промышленности СССР о соблюдении плановой дисциплины главными управлениями военной промышленности от 4 ноября 1935 г. «боевая мощь современных истребителей также значительно усилилась», но в большей степени связывает её с ростом скорости стрельбы и началом производства пулемета ШВАК [16, с. 411-422].

Впереди был 1936 г. и начало Гражданской войны в Испании. Этот конфликт позволил военным и конструкторам в реальных условиях озна-

комиться с вооружением ИА и сделать вывод что настоящее за скорострельными пулеметами винтовочного калибра, а будущее за крупнокалиберными пулеметами и автоматическими пушками, достаточно универсальными для поражения истребителей, легких, средних и тяжелых бомбардировщиков, а также для воздействия по наземным целям.

Выводы

Подводя итоги, можно отметить особенности развития вооружения ИА СССР:

- быстрый переход от разработки авиационных версий сухопутных пулеметов к авиационным скорострельным пулеметам специальной конструкции;

- учет угрозы тяжелых бомбардировщиков и разведчиков малоуязвимых для пуль винтовочного калибра и имеющих развитую защитное вооружение;

- разработка специального оружия – БП для поражения угрозы и определение облика истребителя вооруженного БП, его разработка и строительство;

- признание ошибочности избранного пути и развитие крупнокалиберных пулеметов, а в перспективе и автоматических пушек для авиации.

В заключение можно констатировать, что советским конструкторам удалось создать за вторую половину 1920 – первую половину 1930-х гг. специализированные авиационные пулеметы калибром 7,62×54 мм и 12,7×108 мм и целый ряд БП пытаясь адаптироваться ИА СССР к реальным и потенциальным угрозам со стороны авиации вероятных противников.

Список источников

1. Маслов М.А. Истребители И-ЗЕТ и ИП-1. Авиакolleкция. 2011. № 7. 34 с.
2. Маслов М.А. Первые истребители СССР – от И-1 до И-5. М.: Яуза; ЭКСМО, 2012. 128 с.
3. Новиков М.С. Малыми шагами к крупному калибру: история создания крупнокалиберных пулеметов для сухопутных войск СССР 1920-е – 1930-е гг. // Исторический бюллетень. 2024. Т. 7. № 5. С. 203-215. DOI 10.58224/2658-5685.2024-7-5-203-215
4. Беляева С.Д. Исследование возможностей безоткатных орудий // Артиллерийский журнал. 2024. № 2(8). С. 16 – 22.
5. Гончаров Д.А., Полозов П.Ю., Поршнева Е.Г. Динамо-реактивные пушки в истории авиастроения СССР // Повышение обороноспособности государства 2022: Материалы заочной научной конференции, Санкт-Петербург, 11-15 апреля 2022 года / Отв. ред. В.И. Богданов. Санкт-Петербург: ООО «Полтораки», 2022. С. 128 – 132.
6. Дергачев А.С. К вопросу о проекте производства пулеметов Веккерса на Тульском оружейном заводе в Первой половине 20-х гг. XX в. // Мир оружия: история, герои, коллекции: Сборник материалов X Международной научно-практической конференции, Тула, 26-28 октября 2022 года. Воронеж: Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Тульский государственный музей оружия»; АО «Воронежская областная типография», 2023. С. 156 – 160. DOI 10.51942/9785442010602_156
7. Кормазов А.Ю. Развитие авиационного стрелкового-пушечного вооружения СССР и Германии в 1930-1945 годах // Наукосфера. 2024. № 9-1. С. 63 – 68. DOI 10.5281/zenodo.13768546

8. Федоров И.В., Шенбергер А.Ю., Щеглов Е.В. Пулемет «Максим»: история создания и модернизированные версии // Специальная техника и технологии транспорта. 2021. № 11. С. 287 – 292.
9. Самолет И-15Бис с мотором М-25в. Техническое описание. Книга I. Народный комиссариат военной промышленности Союза ССР. М.: Воениздат, 1938. 118 с.
10. Самолет И-16 с мотором М-25 завода Ордена Ленина имени С. Орджоникидзе. Книга I. Общие данные летные свойства и вооружение. М.: Воениздат, 1937. 73 с.
11. Абжолтовский С. Стратегическая оперативная разведка (с польского) // Военный зарубежник. 1932. № 7. С. 78 – 85.
12. Ген А. Наступательная мощь завтрашнего оружия войны // Военный зарубежник. 1933. № 8. С. 2 – 28.
13. Риттер С. Проблема современного воздушного могущества (с немецкого) // Военный зарубежник. 1931. № 2. С. 1 – 12.
14. Советское военно-промышленное производство (1918-1926). М.: Новый хронограф, 2005. 770 с.
15. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937): Сборник документов: в 2-х ч. Ч. 1. (1927-1932). М.: Новый хронограф, 2008. Т. 3. 912 с.
16. Становление оборонно-промышленного комплекса СССР (1927-1937): Сборник документов: в 2-х ч. Ч. 2 (1933-1937). М.: Терра, 2011. Т. 3. 944 с.:

References

1. Maslov M.A. Fighters I-ZET and IP-1. Aviation collection. 2011. No. 7. 34 p.
2. Maslov M.A. The first fighters of the USSR – from I-1 to I-5. Moscow: Yauza; EKSMO, 2012. 128 p.
3. Novikov M.S. Small steps to large caliber: the history of the creation of large-caliber machine guns for the ground forces of the USSR in the 1920s – 1930s. Historical bulletin. 2024. Vol. 7. No. 5. P. 203 – 215. DOI 10.58224/2658-5685.2024-7-5-203-215
4. Belyaeva S.D. Study of the capabilities of recoilless guns. Artillery magazine. 2024. No. 2 (8). P. 16 – 22.
5. Goncharov D.A., Polozov P.Yu., Porshneva E.G. Dynamo-reactive guns in the history of aircraft construction of the USSR. Increasing the defense capability of the state 2022: Materials of the correspondence scientific conference, St. Petersburg, April 11-15, 2022. Ed. V.I. Bogdanov. St. Petersburg: ООО "Poltorak", 2022. P. 128 – 132.
6. Dergachev A.S. On the issue of the project for the production of Vickers machine guns at the Tula Arms Plant in the first half of the 20s. XX century. The World of Weapons: History, Heroes, Collections: Collection of Materials of the X International Scientific and Practical Conference, Tula, October 26-28, 2022. Voronezh: Federal State Budgetary Cultural Institution "Tula State Museum of Weapons"; JSC "Voronezh Regional Printing House", 2023. P. 156 – 160. DOI 10.51942/9785442010602_156
7. Kormazov A.Yu. Development of aviation small arms and cannon armament of the USSR and Germany in 1930-1945. Naukosphere. 2024. No. 9-1. P. 63 – 68. DOI 10.5281/zenodo.13768546
8. Fedorov I.V., Shenberger A.Yu., Shcheglov E.V. Machine gun "Maxim": history of creation and modernized versions. Special equipment and transport technologies. 2021. No. 11. P. 287 – 292.
9. Aircraft I-15Bis with engine M-25v. Technical description. Book I. People's Commissariat of the Military Industry of the USSR. Moscow: Voennizdat, 1938. 118 p.
10. Aircraft I-16 with engine M-25 of the Order of Lenin plant named after S. Ordzhonikidze. Book I. General data, flight properties and armament. Moscow: Voennizdat, 1937. 73 p.
11. Abzholtovsky S. Strategic operational intelligence (from Polish). Voenny zarubezhnik. 1932. No. 7. P. 78 – 85.
12. Gen A. Offensive power of tomorrow's weapons of war. Voenny zarubezhnik. 1933. No. 8. P. 2 – 28.
13. Ritter S. The problem of modern air power (from German). Voenny zarubezhnik. 1931. No. 2. P. 1 – 12.
14. Soviet military-industrial production (1918-1926). Moscow: Novyi khronograf, 2005. 770 p.
15. Formation of the defense-industrial complex of the USSR (1927-1937). Collection of documents: in 2 parts. Part 1 (1927-1932). М.: New Chronograph, 2008. Т. 3. 912 p.
16. Formation of the military-industrial complex of the USSR (1927-1937). Collection of documents: in 2 parts. Part 2 (1933-1937). М.: Terra, 2011. Т. 3. 944 p.

Информация об авторе

Новиков М.С., кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный технический университет

© Новиков М.С., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»
<https://hb-journal.ru>
2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>
Научная статья / Original article
Шифр научной специальности: 5.6.2. Всеобщая история (исторические науки)
УДК 433.94

Борьба между золотым и серебряным стандартом на президентских выборах 1896 года

¹ Решетников Г.В.,
¹ Институт всеобщей истории Российской академии наук

Аннотация: данная статья посвящена теме борьбы между сторонниками золотого и серебряного стандарта в американском обществе во второй половине XIX в. Особое внимание в работе уделяется противостоянию экономических идеологий двух крупнейших партий – республиканцев и демократов, и их кандидатов в Президенты, У. Брайана и У. Мак-Кинли, как способу повлиять на свой электорат. Приводится комплексная характеристика двух главных партий США – Демократической и Республиканской. В статье приводится обоснование победы У. Мак-Кинли над У. Брайаном как отражение экономических настроений и веяний в тогдашнем американском обществе. Показано, какие именно слои американского населения поддерживали кандидатуру У. Мак-Кинли. Подробно рассмотрены личности двух кандидатов на Президентских выборах 1896 года. Описана работа команд кандидатов в ходе их предвыборной кампании. Проанализированы инструменты влияния пропагандистской кампании обоих кандидатов, как на свой, так и на чужой электорат. Показаны причины победы У. Мак-Кинли над У. Брайаном на Президентских выборах 1896 г. Выявлены итоги и последствия Президентских выборов 1896 г., как на внутреннюю экономику США, так и на внешнюю.

Ключевые слова: президентские выборы, золотой стандарт, серебряный стандарт, биметаллизм, капитал

Для цитирования: Решетников Г.В. Борьба между золотым и серебряным стандартом на президентских выборах 1896 года // Исторический бюллетень. 2025. Том 8. № 6. С. 306 – 311.

Поступила в редакцию: 6 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

The struggle between the gold and silver standard in the presidential election of 1896

¹ Reshetnikov G.V.,
¹ Institute of General History of the Russian Academy of Sciences

Abstract: this article is devoted to the struggle between the supporters of the gold and silver standards in American society in the second half of the 19th century. Particular attention is paid to the confrontation of economic ideologies of the two largest parties – Republicans and Democrats, and their presidential candidates, W. Bryan and W. McKinley, as a way to influence their electorate. A comprehensive description of the two main US parties – Democratic and Republican – is provided. The article provides a rationale for W. McKinley's victory over W. Bryan as a reflection of the economic sentiments and trends in American society at that time. It is shown which strata of the American population supported W. McKinley's candidacy. The personalities of the two candidates in the 1896 presidential election are considered in detail. The work of the candidates' teams during their election campaign is described. The tools of influence of the propaganda campaign of both candidates, both on their own and on some-

one else's electorate, are analyzed. The reasons for the victory of W. McKinley over W. Bryan in the 1896 presidential election are shown. The results and consequences of the 1896 presidential election are revealed, both on the domestic and foreign economy of the United States.

Keywords: presidential elections, gold standard, silver standard, bimetallism, capital

For citation: Reshetnikov G.V. The struggle between the gold and silver standard in the presidential election of 1896. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 306 – 311.

The article was submitted: May 6, 2025; Approved after reviewing: July 9, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

опрос о выборе денежной системы в США стоял остро на протяжении всего XIX в. и достиг пика в конце века, вылившись в противоборство на президентских выборах 1896 г., в программах двух основных кандидатов – У. Мак-Кинли и Д. Брайана.

Материалы и методы исследований

Обоснование темы статьи осуществлялось на основе использования абстрактно-логического и монографического методов, метода сравнения.

Результаты и обсуждения

Вопрос о выборе денежной системы в США стал важнейшим политическим вопросом с середины 1870-х годов. В 1880-1890-е гг., началась наиболее ожесточенная борьба между биметаллистами и монометаллистами. Сторонники серебряного стандарта предприняли ряд энергичных ходов для осуществления успешной борьбы:

- в 1889 г. создается Американская биметаллическая лига [3, с. 346];
- в 1891 г. образуется Популистская партия (одним из главных пунктов которой является необходимость свободной и неограниченной чеканки серебряных денег) [9, с. 59-77];
- в 1892 г. создается Серебряная партия;
- в 1895 г. образуется Национальный биметаллический союз;
- в 1896 г. создается Национальный комитет по серебру.

Противники использования серебра ответили созданием Национальной лиги здоровых денег [5, с. 107]. Биметаллисты, которые ратовали за серебряный стандарт, указывали на дефляцию, происходившую вследствие экономического кризиса 1893 г., увязывая это явление с отменой биметаллического стандарта. Они утверждали, что происходивший с начала 1870-х годов переход многих ведущих стран мира (Франция, Германия, Швеция, Нидерланды и др.) с биметаллизма на золотой стандарт привел к усилению спроса на золото, в то же время резко снизив спрос на серебро. Вызванное этим дефляция товаров в странах золотого монометаллизма, по их мнению, вылились в отрица-

тельные последствия: дефляция повысила покупательную способность населения, что приводило к непрерывному возрастанию налогов на разные слои населения.

Биметаллисты утверждали, что дефляция отрицательно сказывается на предпринимателей, вызывая безработицу и кризисы, и что возвращение к биметаллизму, при котором серебро будет дополнять золото в качестве принятой денежной системы, увеличит денежную массу и остановит дефляцию. Они считали, что до тех пор, пока некоторые страны придерживаются биметаллического стандарта при фиксированном монетном коэффициенте, колебания цен на серебро и золото будут незначительными. Благодаря этому денежные курсы между странами, придерживавшимися биметаллического, золотого или серебряного стандарта – будут сохранять стабильность, как это наблюдалось до экономического кризиса 1873 г.

Они также считали, что с отменой биметаллизма, все изменилось. Вследствие этого колебания курсов между странами золотого монометаллизма и серебряного монометаллизма будут большими, что привнесёт спекуляции в торговлю между странами, придерживающихся различных стандартов денежной системы. Аргументы сторонников золотого монометаллизма заключались в том, что биметаллизм долго применялся во многих странах и везде от него отказывались; ни одна страна не могла поддерживать фиксированный курс золота к серебру. Кроме того, отмечалось, что соглашение о международном биметаллизме, заключенное между экономически развитыми государствами, политически недостижимо; серебро – неудобный материал для того, чтобы стать теперь стандартным металлом; увеличение добычи золота и все большее применение банкнот и депозитов, приводящее к более рациональному использованию золота, вскоре остановит дефляцию [2, с. 115].

Данная проблема вызвала такую живую общественную дискуссию, что вопрос о свободной чеканке серебряной монеты был включен в пункт программы демократической партии и выдвинув-

шегоса от партии кандидата в президенты У. Брайана (1860-1925) в 1896 г., после чего снова усилился отток золота из страны. У. Брайан шел на выборы под лозунгом «Национального биметаллизма по курсу 16 к 1», позаимствованным у Популистской партии. Главной движущей силой Популистской партии были фермеры, пытавшиеся в разных частях страны создать альянсы и союзы, а потом создав, наконец, популистскую партию, исключив возможность включения в неё чиновников и бюрократов. Их экономическая программа базировалась на серебре, т.к. считалось, что оно поможет выйти из кризиса мелким и средним сельским товаропроизводителям.

По большому счету, позиция по выбору денежной системы У. Брайана сводилась к нескольким доводам:

- биметаллизм лучше, чем золотой монометаллизм;
- золотой стандарт бьёт сразу по нескольким слоям населения: от фермеров до обыкновенных банковских вкладчиков;

В своём летнем выступлении 1896 г. У. Брайан по случаю выдвижения в кандидаты в Президенты поставил вопрос о биметаллизме и серебряном стандарте одним из центральных. Политик говорил о возвращении возрастающей роли серебра, подчеркивая, что три партии – Демократическая, Популистская и Партия серебра разработали законопроекты, необходимые для восстановления прежнего положения серебра рядом с золотом [6]. Политик полагал, как оказалось позже ошибочно, что биметаллизм лучше монометаллизма, потому что считал, что он приведет общество к стабильности, честности и справедливости [6]. Он обосновывал, что до экономического кризиса 1873 г., когда чеканилось золото и серебро в избытке, Штаты могли бы поддерживать золотой монометаллизм с меньшими потерями для самих себя, но теперь, когда золотой монометаллизм снижает цены на золото и приносит кредиторам большую прибыль, выбор не должен быть направлен в сторону золота, если американцы не готовы принять последствия такого решения. Кандидат от демократов продолжал катком проходить по золотому стандарту в своей речи, говоря о том, что он был навязан Штатам без обсуждения с населением [6].

У. Брайан также подчеркивал, что фермеры выступали против золотого стандарта, поскольку, продавая оптом и покупая в розницу, они потеряли больше, чем выиграли от падения цен, и налоги при этом не снизились. Приводя аргументы в пользу биметаллизма, У. Брайан говорил, что в феврале 1895 г. представители почти всех веду-

щих профсоюзных организаций подписали и представили в Конгресс петицию с требованием немедленного восстановления свободной и неограниченной чеканки золотых и серебряных монет в соотношении 16 к 1.

Кроме фермеров от возможного утверждения золотого стандарта пострадали бы и обыкновенные банковские вкладчики. У. Брайан считал, что при золотом стандарте возрастает опасность потери вкладов из-за неспособности банков инкассировать их активы. У. Брайан также считал, что золотой стандарт губителен для производителей и предпринимателей, которые получают прибыль от людей, которым они продают свои товары. У. Брайан также считал, что уничтожение серебра как денег и установление золота в качестве единственной единицы стоимости должно иметь разрушительные последствия для всех форм собственности, а возвращение биметаллизма восстановило бы паритет между деньгами и собственностью в стране.

Среди членов республиканской партии не было такого единодушия, как в демократической партии: многие в западной части страны были сторонниками свободной чеканки серебра, но, тем не менее У. Мак-Кинли был спокоен, т.к. находил поддержку в идее золотого стандарта на востоке страны. Сторонникам на западе страны, которые часто отдавали предпочтение серебру, было объяснено, что У. Мак-Кинли симпатизирует биметаллизму. Республиканцев, поддерживавших свободную чеканку серебра, возглавлял сенатор от Колорадо Г. Теллер. Он разработал план, предлагающий свободную чеканку серебра, однако этот план был отклонен [10]. У. Мак-Кинли, по совету своих советников, к середине августа 1896 г. решил, что вопрос о выборе денежной системы должен быть рассмотрен немедленно, и его команда начала выпускать газеты на эту тему для массовой агитации среди населения. Газеты содержали цитаты или статьи У. Мак-Кинли, членов Конгресса и финансовых экспертов о том, почему биметаллический стандарт будет губителен для страны.

В ходе известной «кампании на крыльце дома» У. Мак-Кинли призывал к стабильной денежной политике, хотя и не переставал пропагандировать протекционизм для поддержки американской промышленности. Отмечалось, что кампания У. Мак-Кинли фактически связала золото и протекционизм [8, с. 204]. Мак-Кинли считал, что не может строить свою кампанию исключительно на денежном вопросе, поскольку многие республиканцы Среднего Запада, поддерживавшие серебро, считали протекционизм главным вопросом кампании и остались бы в партии, если бы она продвигала

тарифы. Этим вопросам уделялось разное внимание: на Востоке и Юге больше внимания уделялось денежному вопросу, в то время как на Среднем Западе больше внимания уделялось тарифам. У. Мак-Кинли пользовался слабой поддержкой в штатах, где доминировала горнодобывающая промышленность и большинство республиканцев поддерживали серебряный стандарт и У. Брайана. В штатах, расположенных на тихоокеанском побережье страны, где были сильны настроения в пользу серебряного стандарта, У. Мак-Кинли стремясь к победе, главным сделал вопрос о тарифах. Отмечалось, что У. Мак-Кинли боролся, делая упор в своих выступлениях с самым сильным аргументом У. Брайана – серебром, утверждая, что биметаллизм навредит американцам и сильнее всего ударит по рабочему классу [10].

Фактически президентские выборы 1896 г. явились общенациональным референдумом по вопросу о Золотом стандарте [4, с. 193]. Сложнейшая ситуация сложилась к моменту выборов, достаточно сказать, что: «серебро, – отмечали современники, – разбило партии в пух и прах...» [1, с. 64-75], и что выборы 1896 г. стали «первой национальной кампанией в США, в которой, по общепризнанному мнению, должники были большей частью на одной стороне, а кредиторы – на другой». Богатейшие люди того времени, такие, например, как банкир Дж. П. Морган (1837-1913) и нефтепромышленник Н. Рокфеллер (1839-1937) поддержали кандидата от республиканской партии У. Мак-Кинли (1843-1901) для дальнейшего укрепления роли золота в стране.

Многие приверженцы демократической партии переметнулись на сторону республиканца из-за его принципиальной позиции по золотому монометаллизму. Как только У. Мак-Кинли победил У. Дж. Брайана, внутренняя аккумуляция золота прекратилась, давление на доллар ослабилось благодаря факторам, которые содействовали стремительному увеличению мирового предложения золота [5, с. 105]. Вопрос о серебре начал постепенно сходить на нет, т.к. растущие объёмы производства золота лишили сторонников серебра шанса достичь международного биметаллического стандарта. Действительно, несмотря на усилия заключить международное биметаллическое соглашение между ведущими странами, получавшее значительную поддержку со стороны влиятельных кругов, оно так и не было достигнуто. Проекты, подобные предложению У. Брайана о национальном биметаллизме, нигде не получили поддержки. Хотя золотой монометаллизм устоял против тех, кто призывал к возвращению биметаллизма, ему

пришлось пойти на уступки «серебряной группе», состоявшей из международных и национальных биметаллистов (У. Дж. Брайана, Д. Джонса, Р. Садлера и др.), и тех, чьи интересы были связаны с «серебряной экономикой» (главным образом это были фермеры), особенно в штатах, являвшихся главными производителями серебра.

В итоге, на состоявшихся выборах, 4 ноября 1896 г. победил У. Мак-Кинли, набравший голоса с ощутимым перевесом над У. Брайаном. Он выиграл выборы и по числу голосов среди населения и по количеству голосов выборщиков. Состоявшиеся выборы дали зеленый свет сторонникам золотого стандарта и принятию закона о нём в 1900 г.

Комитет, начавший готовить законопроект о Золотом стандарте, запрашивал мнение у нескольких сотен экспертов, известных людей Америки той эпохи, а ведущие журналы публиковали положительные отклики на доклад комитета [4, с. 201]. В первую очередь, это были специализированные журналы, посвященные финансам и деньгам, такие как *Sound Currency magazine* и др., а также ежедневные газеты. Но принятие закона было ещё отложено до выборов 1898 г., т.к. республиканцы не имели большинства в Конгрессе. В результате выборов, республиканцы и здесь получили большинство. Через два года принимается закон о золотом стандарте (*Gold Standard Act*) [7], который юридически его признавал, действовавший фактически с 1879 г. Утверждалось, что доллар, состоящий из 258/10 грана золота пробы 9/10 должен стать стандартной единицей, а все другие виды денег должны поддерживать паритет ценности по отношению к этому стандарту, роль возлагавшаяся на Министерство финансов. Банкноты, облигации и казначейские билеты должны были теперь размениваться на золотую монету [7]. Золотой монометаллизм окончательно утвердился после переизбрания на второй срок У. Мак-Кинли на выборах 1900 г., и вопрос по серебру был окончательно закрыт даже несмотря на убийство Президента в 1901 г. [5, с. 109].

Выводы

Таким образом, победа У. Мак-Кинли была во многом определена грамотной предвыборной программой, рассчитанной на крупный внутренний банковский капитал, хотевший во чтобы то ни стало утверждения Золотого стандарта в стране. Такой стандарт позволял получать максимальную прибыль, как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Менее обеспеченные слои населения, ратовавшие за серебряный стандарт, такие как фермеры и мелкие предприниматели, имели меньшее влияние на ход Президентских выборов 1896 г.

Список источников

1. Байбакова Л.В. «Серебро против золота»: Из истории генезиса политики буржуазного реформизма в США (Первая половина 90-х гг. XIX в.) // Вестник Московского университета. Серия 8: История. № 4. М.: МГУ, 1987. С. 64 – 75.
2. Золотой стандарт. Теория, история, политика : пер. с англ. / науч. ред. А. Куряев. Челябинск : Социум, 2011. 574 с.
3. Наквакина Е.В. Дискуссия вокруг тарифной и денежной проблем на страницах журнала мнений «North American Review» («Североамериканское обозрение») (1889-1900) // Вестник Тамбовского государственного университета (ТГУ). 2009. Вып. 7. № 75. С. 346 – 350.
4. Ротбард М. История денежного обращения и банковского дела в США. Челябинск: Социум, 2009. 522 с.
5. Фридман М., Шварц А. Монетарная история Соединенных штатов. 1867-1960: пер. с англ. Р. Косодий; Киев: Ваклер, 2007. 862 с.
6. Address in New York City Accepting the Democratic Nomination for President, August 12, 1896 1900. URL: [Электронный ресурс]. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-new-york-city-accepting-the-democratic-nomination-for-president> (дата обращения: 01.04.2025)
7. Gold Standard Act 1900. URL: [Электронный ресурс]. <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/31/STATUTE-31-Pg45a.pdf> (дата обращения: 01.02.2025)
8. Horner, William T. Ohio's Kingmaker: Mark Hanna, Man and Myth. Athens, OH: Ohio University Press, 2010. 360 p.
9. Mansbridge J.; Macedo, S. "Populism and Democratic Theory". Annual Review of Law and Social Science, 2019. Vol. 15. № 1. P. 59 – 77.
10. William McKinley 1896 presidential campaign. URL: [Электронный ресурс]. https://en.wikipedia.org/wiki/William_McKinley_1896_presidential_campaign#CITEREFMorgan_1969 (дата обращения: 1.04.2025)

References

1. Baibakova L.V. "Silver versus Gold": From the History of the Genesis of the Policy of Bourgeois Reformism in the USA (First Half of the 1890s). Bulletin of Moscow University. Series 8: History. No. 4. Moscow: Moscow State University, 1987. P. 64 – 75.
2. Gold Standard. Theory, History, Politics: trans. from English. scientific ed. A. Kuryaev. Chelyabinsk: Socium, 2011. 574 p.
3. Nakvakina E.V. Discussion of Tariff and Monetary Problems on the Pages of the Opinion Magazine "North American Review" (1889-1900). Bulletin of Tambov State University (TSU). 2009. Issue. 7. No. 75. P. 346 – 350.
4. Rothbard M. History of Money Circulation and Banking in the USA. Chelyabinsk: Socium, 2009. 522 p.
5. Friedman M., Schwartz A. Monetary History of the United States. 1867-1960: trans. from English by R. Kosodiy; Kyiv: Vakler, 2007. 862 p.
6. Address in New York City Accepting the Democratic Nomination for President, August 12, 1896 1900. URL: [Electronic resource]. <https://www.presidency.ucsb.edu/documents/address-new-york-city-accepting-the-democratic-nomination-for-president> (date of access: 01.04.2025)
7. Gold Standard Act of 1900. URL: [Electronic resource]. <https://govtrackus.s3.amazonaws.com/legislink/pdf/stat/31/STATUTE-31-Pg45a.pdf> (date of access: 01.02.2025)
8. Horner, William T. Ohio's Kingmaker: Mark Hanna, Man and Myth. Athens, OH: Ohio University Press, 2010. 360 p.
9. Mansbridge J.; Macedo, S. "Populism and Democratic Theory". Annual Review of Law and Social Science, 2019. Vol. 15. No. 1. P. 59 – 77.
10. William McKinley 1896 presidential campaign. URL: [Electronic resource]. https://en.wikipedia.org/wiki/William_McKinley_1896_presidential_campaign#CITEREFMorgan_1969 (date of access: 04.01.2025)

Информация об авторе

Решетников Г.В., аспирант, Институт всеобщей истории Российской академии наук, 119334, РФ, Москва, Ленинский пр-т., 32 а, dir@igh.ru

© Решетников Г.В., 2025

Научно-исследовательский журнал «Исторический бюллетень / Historical Bulletin»

<https://hb-journal.ru>

2025, Том 8, № 6 / 2025, Vol. 8, Iss. 6 <https://hb-journal.ru/archives/category/publications>

Научная статья / Original article

Шифр научной специальности: 5.6.5. Историография, источниковедение, методы исторического исследования (исторические науки)

УДК 930.85

Культурно-исторический подход изучения издательской деятельности на Северном Кавказе

¹ Толчинская Т.И.,

¹ Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета Минздрава России

Аннотация: статья посвящена определению культурно-исторических характеристик становления издательской деятельности на Северном Кавказе. Автор с помощью хронологически – проблемного метода делает онтологический обзор этапов развития типографского, издательского дела, определяя их роль в научно-техническом, политическом и государственном становлении централизованного управления мировоззрением северокавказских этнофоров. Анализ роли личности известных исторических деятелей, внесших весомый вклад в формирование издательской деятельности позволил понять идеологическую позицию распространения печатного слова от религиозных книг, словарей толкования местных языков до государственных манифестов. Целью создания этнословарей и изданий иной литературы на языках северокавказских народов является поиск механизмов понимания ментальных клеше местного населения и способов эффективного управления ими через интегрированное знание об истории и культуре. Автор подчеркивает, что культурно-исторический подход выступает методологической базой исследования становления издательской деятельности на Северном Кавказе.

Ключевые слова: история, культурно-исторический подход, хронологически-проблемный метод, типография, издательство, печать, методология

Для цитирования: Толчинская Т.И. Культурно-исторический подход изучения издательской деятельности на Северном Кавказе // Исторический бюллетень. 2025. Том 8, № 6. С. 312 – 317.

Поступила в редакцию: 6 мая 2025 г.; Одобрена после рецензирования: 9 июля, 2025 г.; Принята к публикации: 11 августа 2025 г.

Cultural and historical approach to studying publishing activity in the North Caucasus

¹ Tolchinskaya T.I.,

¹ Pyatigorsk Medical and Pharmaceutical Institute, branch of the Volgograd State Medical University of the Russian Ministry of Health

Abstract: the article is devoted to defining the cultural and historical characteristics of the development of publishing activity in the North Caucasus. The author, using the chronological-problem method, makes an ontological review of the stages of development of typographic and publishing business, determining their role in the scientific, technical, political and state development of centralized management of the worldview of the North Caucasian ethnophors. The analysis of the role of the personality of famous historical figures who made a significant contribution to the formation of publishing activity made it possible to understand the ideological position of the spread of the printed word from religious books, dictionaries of interpretation of local languages to state manifestos. The purpose of creating ethno-dictionaries and publications of other literature in the languages of the North Caucasian peoples is

to search for mechanisms for understanding the mental cleches of the local population and ways to effectively manage them through integrated knowledge of history and culture. The author emphasizes that the cultural-historical approach serves as a methodological basis for studying the development of publishing activities in the North Caucasus.

Keywords: history, cultural-historical approach, chronological-problem method, printing house, publishing house, printing, methodology

For citation: Tolchinskaya T.I. Cultural and historical approach to studying publishing activity in the North Caucasus. *Historical Bulletin*. 2025. 8 (6). P. 312 – 317.

The article was submitted: May 6, 2025; Approved after reviewing: July 9, 2025; Accepted for publication: August 11, 2025.

Введение

История технического прогресса имеет толчок своего развития в появлении типографий. Отпечатанное на бумаге слово обладает силой формировать и укреплять общегосударственную идентичность. Все дальновидные правители понимали, что нации рождаются из единого информационного потока. Для этнических общин, составляющих меньшинство, построение "горизонтальных" информационных мостов, которые помогают поддерживать или хотя бы создавать видимость общего информационного пространства, становится вопросом выживания. Люди давно поняли, что управлять и регулировать отношения, формировать массовое сознание и идеологию нужно с помощью распространения книг, журналов, статей, часто рукописных до появления в веке прогрессивного способа оттиска на бумаге. Мировая типографская деятельность берет свое начало с 1440 г. как результат трудов Иоганна Гутенберга, приведших к изобретению печатной машинки, ручного печатного станка [14]. Авторы первой печатной книги на Руси «Апостол», датированной 1564-м годом, Иван Фёдоров и Петр Мстиславцев [12, 13]. История издательской деятельности на Кавказе берет свое начало с не только появления первых типографий, но с практики тиражирования передачи информации в рукописном варианте [11].

С развитием науки и техники 18 века в крупных городах Российской империи, с активным распространением идей российского царизма формировалось книгопечатанье. Это необходимо было для идеологического контроля вновь присоединенных территорий, в частности Северного Кавказа, поэтому при поддержке Петра 1, на местах стали создаваться типографии.

Материалы и методы исследований

Методологическим основанием для исследования стал культурно-исторический подход, акцентирующий внимание на истории развития народа, его культурных традиций, а в следствии сего исторического онтогенеза, запечатлённого в истори-

ческих событиях и фактах. Географические рамки исследования охватывают часть южную Российского государства. Гегемону – государству, поглотившему малые народы Северного Кавказа, нужен был прямой контакт и обратная связь с малыми народами, туземцами [19]. В исследовании применялся хронологически-проблемный метод, позволяющий изучать проблему в исторической перспективе, с учетом потребности развития государства, народа, временной ситуации.

Результаты и обсуждения

В большей части до появления печатной типографической машины книги, посвященные важным историческим событиям, биографии правителей, имели рукописные варианты, на это так же указывают «Книжная летопись. 1908-1917 гг.» [8].

Для распространения грамот и указов Петра 1 князем Д. Кантемировым была организована походная типография и первый «Манифест» был издан пятнадцатого июля тысяча семьсот двадцать второго года в астраханской типографии. Следующим историческим шагом стала необходимость издания словарей, где колонизаторы могли перевести основные фразы местному населению и понимать их язык. Нужно отметить, что механизмом общения был язык, имеющий тюркские корни и распространенный на Северном Кавказе носителями его. Это ногайцы, балкарцы, карачаевцы, кумыки, татары, азербайджанцы и др. Согласно словарю «Кавказский толмач» А.В. Старчевского, где представлен перевод для русскоязычного читателя северокавказских языков двадцати семи этнофоров [20].

Архивные данные и анализ работ с 1860-го до 1917 годов свидетельствуют об активной издательской деятельности [7], анализе библиографических данных [3], становлении библиотечного дела [4], оформлении книги [17], создании цензурных учреждений [9], возникновении периодической печати и роли прессы в формировании мировоззрения горцев Северного Кавказа [11].

В 1883 г. по решению факультета востоковедения Санкт-Петербургского университета на арабской графике была напечатана книга «Ногайские и кумыкские тексты». Подготовил и издал фольклорный сборник преподаватель факультета востоковедения Магомед Османов. Начальное образование М.-А. Османов получил в Дагестане в родном ауле Аксай. Для завершения образования в конце 60-х годов XIX века он поступил в Петербургский университет на факультет востоковедения. В 1866-1881 годах М.-А. Османов преподавал в университете татарский (литературный тюрки) язык. Во время каникул и творческих командировок он совершал экспедиции с целью сбора устного народного творчества ногайцев в Ногайские степи. Собранный им материал составил содержание книги «Ногайские и кумыкские тексты» [15].

Ногайский материал представлен историческими песнями: «Предание о мирзе Мамае», «Предание об Адиль-Султане Крымском», «Предание об Аьруьв Амеди сыне Айсылу», «Предание об Эсен-Булате» [23]. В книге представлены ценные образцы народного творчества: пословицы, поговорки и казачьи песни. Однако, экземпляры, дошедшие до наших дней и хранящиеся в Национальной государственной библиотеке (Санкт-Петербург), научной библиотеке Санкт-Петербургского университета и Российской государственной библиотеке (Москва), не имеют титульных листов.

В.В. Радлов внес значительный вклад в публикацию национальных текстов. В его сборнике «Образцы народной литературы тюркских племен» были представлены такие важные исторические поэмы, как «Орак и Мамай», «Орак Мамай ман Куьлке», «Эр Таргыл», «Аьмет», «Аьдил-Солтан». Кроме того, он опубликовал сказания о выдающихся тюркоязычных поэтах средневековья, таких как Йийренше Шешен, Досмамбет, Шал-Кийиз, а также другие образцы фольклора, включая известные произведения устного народного творчества, например, «Козы Коьрпеш», «Ак-Кобек» (в двух вариантах) и «Кобланды батыр». Эти публикации, выполненные на кириллице, станут ценным подспорьем для исследователей ногайского языка и фольклора при изучении истории языка и проведении сравнительного анализа с современными изданиями [18].

М.Н. Османова детализированно описывает появление и роль арабской печатной книги в Дагестане конца XIX – начала XX века, где в силу мусульманских исторических влияний распространилась арабская грамотность [16]. Начало XX века в Дагестане ознаменовалось появлением таких значимых фигур, как Магомед-Мирза Мавраев,

основатель первой исламской типографии. Его биография тесно переплетена с бурными событиями дореволюционной России, Гражданской войны и становления Советского Союза, отражая судьбы многих людей той эпохи. М.М. Мавраев был одним из ключевых просветителей Северного Кавказа [10].

Ценность для историков, культурологов, библиографов и книговедов представляют такие библиографические труды секретаря Дагестанского областного статистического комитета Е.И. Козубского, как «История города Дербента» [6]. Материал книги, который подвергся автором всестороннему анализу, носит не только просветительский историографический характер, но и воспитывает читателя в духе уважения и к строителям государственности Северного Кавказа. Не менее интересны, и для истории библиографии, и для современной региональной науки фундаментальные труды и издательское творчество Б. М. Городецкого в работах «Горские вопросы в русской журналистике и полиграфии» (1923-1928 гг.), «Дагестан в советской литературе», «Библиографический набросок», опубликованный в журнале «Революция и горец» (1929, №1-3) [5]. Они охватывают книги, статьи, местные периодические и продолжающиеся издания, посвященные экономике, быту, и культуре народов Кавказа.

Н. Э. Алиева, изучая историю Северокавказской книги, использует культурно-исторический подход, пишет о поликультурном характере издательской деятельности, подвергает издательскую деятельность сравнительно-статистическому анализу [1].

Интересен в плане применения культурно-исторического подхода труд А.А. Алихановой «Печать Дагестана», составленный как каталог, антология печатных изданий с начала двадцатого века и до наших дней [2]. З.К. Омарова-Лошаковская издает работы справочного характера, такие как «Издательское дело», «Книга», «Аварская, даргинская, лакская, лезгинская, кумыкская печать», в энциклопедическом жанре опубликована статья «Библиография» [17].

Выводы

Исследование истории издательского дела основано на изучении книгопечатания как историко-культурного феномена, исторического кода этнофоров региона. Печатная продукция типографий Северного Кавказа – это идеологическая платформа книгоиздания. Культурно-исторический подход изучения издательской деятельности на Северном Кавказе стал методологической базой исследования. Исторический онтогенез печатного дела и издания литературы тесно коррелирует с прогрессом

технологий и экспансией идеологии доминантного государства, поглотившего культурно-исторический, политический, экономический и социальные пласты жизни коренного населения. Культурно-историческая интеграция ассимилиро-

вала северокавказские культурные интересы в общероссийские. За последнее столетие произошел прогрессивный переход на более высокую ступень развития.

Список источников

1. Алиева Н.Э., Наменатов Р.А., Селванова Н.А. Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность. Вып. 3. Издания Кавказского статистического комитета как источник по истории книжного дела на Северном Кавказе. Краснодар: КГУКИ, 2005. С. 134 – 174.
2. Алиханова А.А. Печать Дагестана / Даг. фил. АН СССР, Ин-т истории, яз. и лит. им. Г. Цадасы; ред.-сост. А.А. Алиханова. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1983. 172 с.
3. Васькова Н.И., Елистратова О.А. Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность: сб. статей. Вып. 1. Материалы к истории библиографии Северного Кавказа (середина XIX – начало XX веков). Краснодар, 2003. С. 138 – 146.
4. Есипенко Л.М. Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность: сб. статей. Вып. 1. История формирования книжного собрания Краснодарского историко-археологического музея-заповедника (по материалам фондов КГИИМЗ). Краснодар, 2003. С. 126 – 133.
5. Городецкий Б.М. География. а) Ед. хр. 10. Библиография литературы о путешествиях по Кавказу за 1823-1916 гг. / 1910-1920-е гг. б) Ед. хр. 11 (1852-1928 гг.) Горские вопросы в русской журналистике и полиграфии. в) Ед. хр. 10. Городецкий Б.М. География. Библиография литературы о путешествиях по Кавказу за 1823-1916 гг. / 1910-1920-е. <https://refdb.ru/look/1090979-pall.html>
6. Каймаразова Л.Г. Е.И. Козубский – педагог, ученый-историк // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2011. № 6 (12): в 3-х ч. Ч. 1. С. 91 – 94.
7. Книжное дело на Северном Кавказе: история и современность: Сб. ст. / Ред.-сост. А.И. Слущкий. Краснодар: Изд-во КГУКИ, 2003. Вып. 1. 196 с.
8. Книжная летопись (1917-1978), Летопись журнальных статей (1926-1990), Летопись газетных статей (1936-1987). <http://letopisi.dlibrary.org/ru/nodes/11-knizhnaya-letopis-1917-locale-nil-7>
9. Лучинский Ю.В. Цензурная политика на Кавказе: стратегии и доминанты // Современные исследования государства и общества. 2016. № 1-2. С. 121 – 125.
10. Мавраев М.М. К вопросу о руководстве шариатом и критика его // Джаридат Дагестан (на араб.яз.). ТемирХан-Шура, 1917. № 27.
11. Магомедов Г.А. Роль прессы малых народов в формировании общественного мнения // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1 (67). URL: [object Object] (Дата обращения 17.03.2025). DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.023
12. Муравьёва Т.В. Иван Фёдоров. М.: Молодая гвардия, 2011. 338 с.
13. Немировский Е.Л. Путешествие к истокам русского книгопечатания: Кн. для учащихся. М.: Просвещение, 1991. 224 с.
14. Немировский Е.Л. Изобретение Иоганна Гутенберга. Из истории книгопечатания. Технические аспекты. М.: Наука, 2000. 659 с.
15. Османов М.-Э. Ногайские и кумыкские тексты. Хрестоматия. СПб, 1883. С. 144
16. Османова М.Н. Арабская печатная книга в Дагестане в конце XIX – начале XX века. Махачкала: Наука-плюс, 2006.
17. Омарова-Лошанская З.К. Вклад в историю книги // Донской временник. Год 2005-й / Дон. гос. публ. б-ка. Ростов-на-Дону, 2004. Вып. 13. С. 230 – 231. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m20/0/art.aspx?art_id=913
18. Радлов В.В. Образцы народной литературы тюркских племён, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи. Ч. III. Киргизское наречие. СПб, 1870.
19. Семенов Н. Туземцы Северо-Восточного Кавказа: (рассказы, очерки, исследования, заметки о чеченцах, кумыках и ногайцах и образцы поэзии этих народов). Санкт-Петербург, 1895. vivaldi.dspl.ru/bx0001129

20. Старчевский А.В. Кавказский толмач: (Переводчик с русского на главные кавказские языки): Заключающий в себе 27 языков: абхазский, аварский, андийский, армянский, грузинский, дарго, джарский, дидойский, ингушский, кабардинский, кубечинский, кумыцкий, лазский, лакский (казикумыцкий), лезгинский (кюринский), мингрельский, ногайский, осетинский (тагурский), осетинский (дигорский), сванетский, талышинский, татарский-кавказский, тушетский, удинский, хирканский (хюркилинский), черкесский и чеченский: (по каждому языку до 2400 слов, до 00 фраз и грамматический очерк языка). Санкт-Петербург, 1891. <https://vivaldi.dspl.ru/bx0000130/view/?#page=2>
21. Халидов А.Б. Арабские рукописи и арабская рукописная традиция. М., 1985.
22. Шихсаидов А.Р. Книжные коллекции Дагестана (К вопросу о формировании и изучении) // Рукописная и печатная книга в Дагестане. Махачкала, 1991.
23. <http://www.kavkazoved.info/news/2012/11/28/pervye-pechatnye-izdaniya-na-jazykah-narodov-karachaevo-cherkesii-i.html>

References

1. Alieva N.E., Namenatov R.A., Selvanova N.A. Book business in the North Caucasus: history and modernity. Issue 3. Publications of the Caucasian Statistical Committee as a source on the history of book business in the North Caucasus. Krasnodar: KSUKI, 2005. P. 134 – 174.
2. Alihanova A.A. Printing of Dagestan. Dagestan Branch of the USSR Academy of Sciences, Institute of History, Languages and Literature named after G. Tsadasa; ed. and compiler A.A. Alihanova. Makhachkala: Dagestan Book Publishing House, 1983. 172 p.
3. Vas'kova N.I., Elistratova O.A. Book business in the North Caucasus: history and modernity: collection of articles. Issue. 1. Materials for the history of bibliography of the North Caucasus (mid-19th – early 20th centuries). Krasnodar, 2003. P. 138 – 146.
4. Esipenko L.M. Book business in the North Caucasus: history and modernity: collection of articles. Issue 1. History of the formation of the book collection of the Krasnodar Historical and Archaeological Museum-Reserve (based on materials from the KGIAMZ collections). Krasnodar, 2003. P. 126 – 133.
5. Gorodetsky B.M. Geography. a) Unit 10. Bibliography of literature on travels in the Caucasus for 1823-1916. 1910-1920s. b) Unit 11 (1852-1928) Mountain issues in Russian journalism and printing. c) Unit of storage. 10. Gorodetsky B.M. Geography. Bibliography of literature on travels in the Caucasus for 1823-1916. 1910-1920s. <https://refdb.ru/look/1090979-pall.html>
6. Kaimarazova L.G. E.I. Kozubsky – teacher, scientist-historian. Historical, philosophical, political and legal sciences, cultural studies and art criticism. Questions of theory and practice. Tambov: Gramota, 2011. No. 6 (12): in 3 parts. Part 1. P. 91 – 94.
7. Book business in the North Caucasus: history and modernity: Coll. Art. Ed. and compiled by A.I. Slutsky. Krasnodar: Publishing house of KSUKI, 2003. Issue 1. 196 p.
8. Book chronicle (1917-1978), Chronicle of magazine articles (1926-1990), Chronicle of newspaper articles (1936-1987). <http://letopisi.dlibrary.org/ru/nodes/11-knizhnaya-letopis-1917-locale-nil-7>
9. Luchinsky Yu.V. Censorship policy in the Caucasus: strategies and dominants. Modern studies of the state and society. 2016. No. 1-2. P. 121 – 125.
10. Mavraev M.M. On the issue of the management of Sharia and its criticism. Dzharidat Dagestan (in Arabic). TemirKhan-Shura, 1917. No. 27.
11. Magomedov G.A. The Role of the Press of Small Nations in Shaping Public Opinion. International Research Journal. 2018. No. 1 (67). URL: [object Object] (Accessed 17.03.2025). DOI: 10.23670/IRJ.2018.67.023
12. Muravyova T.V. Ivan Fedorov. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2011. 338 p.
13. Nemirovsky E.L. Journey to the Origins of Russian Printing: Book for Students. Moscow: Prosveshchenie, 1991. 224 p.
14. Nemirovsky E.L. The Invention of Johann Gutenberg. From the History of Printing. Technical aspects. Moscow: Nauka, 2000. 659 p.
15. Osmanov M.-E. Nogai and Kumyk texts. Reader. St. Petersburg, 1883. P. 144
16. Osmanova M.N. Arabic printed book in Dagestan in the late 19th – early 20th centuries. Makhachkala: Nauka-plus, 2006.
17. Omarova-Loshanskaya Z.K. Contribution to the history of the book. Donskoy Vremyannik. Year 2005. Don. state publ. library. Rostov-on-Don, 2004. Issue 13. P. 230 – 231. URL: http://donvrem.dspl.ru/Files/article/m20/0/art.aspx?art_id=913

18. Radlov V.V. Examples of folk literature of the Turkic tribes living in Southern Siberia and the Dzungarian steppe. Part III. The Kirghiz dialect. St. Petersburg, 1870.
19. Semenov N. Natives of the North-East Caucasus: (stories, essays, studies, notes on the Chechens, Kumyks and Nogais and examples of poetry of these peoples). St. Petersburg, 1895. vivaldi.dspl.ru/bx0001129
20. Starchevsky A.V. Caucasian interpreter: (Translator from Russian into the main Caucasian languages): Contains 27 languages: Abkhaz, Avar, Andian, Armenian, Georgian, Dargo, Jarsh, Didoy, Ingush, Kabardian, Kubechi, Kumyk, Laz, Lak (Kaziku-Myk), Lezgin (Kyurin), Mingrelian, Nogai, Ossetian (Tagurian), Ossetian (Di-gor), Svaneti, Talysh, Tatar-Caucasian, Tushetian, Udi, Hirkan (Hyurki-Li), Circassian and Chechen: (for each language up to 2400 words, up to 00 phrases and a grammatical outline of the language). St. Petersburg, 1891. <https://vivaldi.dspl.ru/bx0000130/view/?#page=2>
21. Khalidov A.B. Arabic manuscripts and Arabic manuscript tradition. Moscow, 1985.
22. Shikhsaidov A.R. Book collections of Dagestan (On the issue of formation and study). Handwritten and printed books in Dagestan. Makhachkala, 1991.
23. <http://www.kavkazoved.info/news/2012/11/28/pervye-pechatnye-izdaniya-na-jazykah-narodov-karachaevo-cherkesii-i.html>

Информация об авторе

Толчинская Т.И., кандидат исторических наук, доцент, Пятигорский медико-фармацевтический институт, филиал Волгоградского государственного медицинского университета Минздрава России

© Толчинская Т.И., 2025